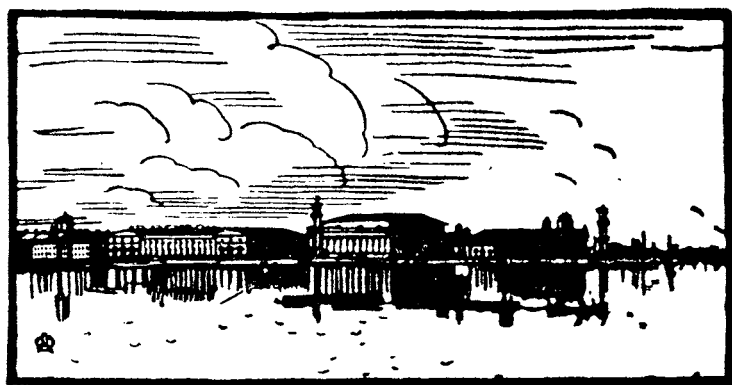

A. A. A.

АННА АХМАТОВА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

Москва
Эллис Лак 2000
2002

АННА АХМАТОВА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

6

ДАНТЕ

•

ПУШКИНСКИЕ ШТУДИИ

•

ЛЕРМОНТОВ

•

ИЗ ДНЕВНИКОВ

Москва
Элис Лак 2000
2002

УДК 882А1-14
ББК 84Ря44
А95

Составление, подготовка текста, комментарии, статья
С.А. Коваленко

Художник *А.А. Зубченко*

На суперобложке: Анна Ахматова. 1964 г.
Из собрания *Д.Л. Файнберга*

На форзацах:
Виды Петербурга
Гравюры *А.П. Остроумовой-Лебедевой*

Редакционно-издательский совет:
А.М. Смирнова
(председатель, директор издательства)

Н.Б. Волкова
Н.П. Волкова
С.А. Коваленко
Н.В. Королева
Т.А. Горькова
В.Н. Сергутин

С.В. Федотов

© Эллис Лак 2000, 2002
© Н.В. Гумилева, 2002
© С.А. Коваленко. Составление,
подготовка текста, комментарии,
статья, 2002

ISBN 5-88889-015-4 (т. 6)
ISBN 5-88889-029-4

«Я ВСЮ ЖИЗНЬ ЧИТАЮ ДАНТЕ...»

ДАНТЕ

Я счастлива, что в сегодняшний торжественный день могу [и должна] засвидетельствовать, что вся моя сознательная жизнь прошла в сиянии этого великого имени, что оно было начертано вместе с именем другого гения человечества — Шекспира на знамени, под которым начиналась моя дорога, и вопрос, который я посмела задать Музе, тоже содержит это великое имя — Данте.

<И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я»>.

Гвельфы и гиб<еллины> давно стали достоянием истории, белые и черные — тоже, а явление Б<еатриче> в XXX песне «Чис<тилища>» — это явление навеки, и до сих пор перед всем миром она стоит под белым покрывалом, подпоясанная оливковой ветвью, в платье цвета живого огня и в зеленом плаще⁺.

И для тех, кто был тогда со мною рядом, величайшим недосыгаемым Учителем был суровый Алигиери, и

⁺ *Sopra candido vel cinta d'oliva
Donna m'apparve, sotto verde manto
Vestita di color di flamma viva (um.).*

между двух флорентийск<их> костров Гумилев видит,
как

Изгнанник бедный Алигиери
Стопой неспешной сходит в ад.

[А другой мой друг и товарищ] А Осип Мандельштам, положивший годы на изучен<ие> Д<анте>, пишет в стихах

<С черствых лестниц, с площадей
С неуклюжими дворцами
Круг Флоренции своей
Алигъери пел мощней
Утомленными губами —>

и в прозе <...> замечательный трактат «Разговор о Данте», уже переведенный на англ<ийский> язык.

Подвиг — перевод бессмертных терцин «Божественной Комедии» на русский язык — победоносно завершен другом [всей моей жизни] нас всех М.Л. Лозинским [а я сама соединила]. Эта работа была в моей стране высоко оценена критикой и читател<ем>.

Все мои мысли об искусстве и родине я соединила в стихах, освещенных тем же великим именем.

Он и после смерти не вернулся
<В старую Флоренцию свою.
Этот, уходя, не оглянулся,
Этому я эту песнь пою.
Факел, ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.
Он из ада ей послал проклятье
И в раю не мог ее забыть. —
Но босой, в рубахе покаянной,

Со свечой зажженной не прошел
По своей Флоренции желанной,
Вероломной, нежной, долгожданной...>

Из прощанья с дантовским годом

...и когда недоброжелатели насмешливо спрашивают: «Что общего между Гум<илевым>, Манд<ельштамом> и Ахм<атовой>?» — мне хочется ответить: «Любовь к Данте». Недаром Н<иколай> С<тепанович> хотел чуть не до последней минуты свою книгу «Огненный столп» назвать «Посередине странствия земного» («Nel mezzo del cammin di nostra vita»), и я в 40-ом году, отрекаясь от всего после годов Реquiета, когда я была там, где человек быть не должен, говорю:

«Мне ничего на земле не надо —
Ни громов Гомера, ни Дантова дива...»,

а в «Оде к д'Аннунцио» Гумилев снова обращается к Данте в связи с судьбой поэтов. <...>

Поистине этот Человек победил смерть и ее верную служанку — забвение.

Вот он уже <у> Петрарки в любовной ладье <в> «Триумфе любв<и>». «Dante con Beatrice». <...> Вот у своего первого биографа Боккачио <...>, а вот как горный гром, нарастая и потрясая все вокруг, поет волшебный [сотворенный], иссечененный из м'уки и гордыни, бессмертный сонет Микеланджело <...>: «Отсюда в черный он сошел обрыв» — ничуть не меньшее чудо, чем его «Ночь», «Моисей» или «Давид».

И вот уже терцины наизусть вдохновенно читает другой гениальный италианец, но не волшебник XVI в.,

а тот, кто до сих пор иногда снится мне под каштанами посмертно завоеванного им Парижа — нищий и свободный, знающий об искусстве что-то, чего «нельзя ни вспомнить, ни забыть».

Я, наверно, упомянула об одной сотой несмолкаемой переключки, облагораживающей мир и которая не смолкнет *никогда*.

А сам он был так скромн, что просит прощения за упоминание своего собственн<ого> имени всего один раз в XXX строфе «Чистилища»

<Дант, оттого, что отошел Вергилий,
Не плачь, не плачь еще; не этот меч
Тебе для плача жребии судили>.

Мы прощаемся с дантовским годом, но не прощаемся с самим Данте, и пусть [его] тень с орлиным профилем указывает путь нашим юным поэтам (аввакумовцам).

* * *

Брунетто Латини — учитель Данте.

Кажется ли мне или в самом деле Д<анте> говорит «вы» только одному человеку во всей Комедии — своему учителю Брунетто Латини. Меня это почему-то всегда безмерно трогало.

1965

ПУШКИНСКИЕ ШТУДИИ

ПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА ПУШКИНА

I

«Сказка о золотом петушке» Пушкина сравнительно мало привлекала внимание исследователей.

В историко-литературных статьях и комментариях мы находим очень скупые и неточные сведения о последней сказке Пушкина (1834 г.)

Отсутствие фабулы «Сказки о золотом петушке» в русском и иностранном фольклорах привело к мысли, что эта сказка имеет литературный источник.

Однако все поиски в течение последних 20—30 лет не увенчались успехом⁺.

Попытки найти источник «Сказки о золотом петушке» в сказках «Тысячи и одной ночи» также кончились неудачей.

Мне удалось найти источник «Сказки о золотом петушке». Это — «Легенда об арабском звездочете» Вашингтона Ирвинга из книги «Альгамбра».

⁺ Указание В. Сиповского на сказку Клингера «Le coq d'or» как на источник «Сказки о золотом петушке» — совершенно неосновательно.

Книга Вашингтона Ирвинга «The Alhambra» вышла в 1832 году в Париже⁺.

Одновременно в Париже был издан и французский, довольно точный, перевод этой книги⁺⁺.

В числе семи книг Ирвинга в библиотеке Пушкина находится и французское двухтомное издание «Альгамбрских сказок»⁺⁺⁺.

Еще при жизни Пушкина критика отмечала воздействие Вашингтона Ирвинга на автора «Повестей Белкина» (Н. Полевой в «Московском телеграфе» и анонимный рецензент в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» в 1831 г.).

Вопрос о непосредственном влиянии Ирвинга на Пушкина до сих пор остается открытым⁺⁺⁺⁺.

Сам Пушкин упоминает об Ирвинге только один раз — в своем пересказе биографии Джона Теннера (1836 г.).

II

В 20—30 годах XIX века Вашингтон Ирвинг был очень популярен в России. Многочисленные переводы его произведений находятся во всех наиболее известных

⁺ The Alhambra, or the new Sketch Book by Washington Irving. Paris. 1832. (W. Galignani.)

⁺⁺ Les contes de l'Alhambra, précédés d'un voyage dans la province de Grenade; traduits de Washington Irving, par malle A. Sobry. Paris. 1832 (H. Fournier). Vol. I—II.

⁺⁺⁺ № 1019, «разрезан, помет нет». (См. Б. Модзалевский. Библиотека Пушкина.).

⁺⁺⁺⁺ М.П. Алексеев доказал, что «История села Горюхина» Пушкина и «История Нью-Йорка» Ирвинга — вещи одного жанра. (См. «К истории села Горюхина». Пушкин. Статьи и материалы. Одесса, 1926. Вып. 2).

журналах того времени: «Московском телеграфе», «Вестнике Европы», «Атенее», «Сыне отечества», «Телескопе» и «Литературной газете». Поэтому «Альгамбрские сказки», вскоре после того как были изданы в Париже, сделались предметом обсуждения русских журналов.

Уже в июльском № «Московского телеграфа», вышедшем в октябре 1832 года, появилась первая рецензия на «Les contes de l'Alhambra».

«...В. Ирвинг написал уже Историю Колумба, Историю завоевания Гренады. Теперь он описывает нам свое путешествие в Гренаду, видит в Альгамбре символ владычества и бытия мавров в Испании и рассказывает суеверные предания, какие воображение Испанцев вывело из развалин Дворца Мавританского. Вы читаете сначала путешествие В. Ирвинга по Южной Испании; потом подробное описание Альгамбры. Автор поселяется на время в Альгамбре, и разные случаи, разные встречи подают повод к рассказам старых преданий, или лучше сказать, сказок об Альгамбре. Всех сказок семь: Арабский звездочет; История о трех прекрасных принцессах; История о принце Ахмеди-Аль-Камеле, или Пилигриме любви; Наследство Мавра; Альгамбрская роза, или Паж и сокол; Губернатор Манко и солдат; Две статуи. — Что сказать об них? Они все остроумны, и многие занимательны: но все равно, если бы наши Русские сказки начал рассказывать француз: так и В. Ирвинг рассказывает сказки Мавританские. Одна из них была переведена в Телескопе, но очень некрасиво, и при том эта самая плохая. Лучшие по нашему мнению: Арабский звездочет, Пилигрим любви, Две статуи, Паж и сокол и Наследство Мавра. Постараемся перевести которую-нибудь из них для читателей Телеграфа, с Английского подлинника» (стр. 250—251).

Перевод одной из «Альгамбрских сказок», о котором рецензент «Московского телеграфа» дал неодобри-

тельный отзыв, был помещен в IX части «Телескопа» (сентябрь): «Губернатор Манко из Альгамбры, нового сочинения Вашингтона Ирвинга».

В особом примечании издатель характеризует эту вещь как «народную испанскую сказку, обработанную В. Ирвингом».

Обещанный рецензентом «Московского телеграфа» перевод одной из цикла «Альгамбрских сказок» был напечатан в №№ 21 и 22 (ноябрь). Это перевод «Истории о принце Ахмеде-аль-Камеле», со следующим примечанием:

«Мы получили повесть сию при письме, в котором г-н переводчик говорит, между прочим, следующее «в 14-м № Московского телеграфа упоминаете вы, что намерены перевести для читателей своих одну из Альгамбрских повестей. Не угодно ли будет вам поместить в Телеграфе посылаемую мной повесть из сей книги, которую перевел я уже всю, вполне, и хотел бы знать предварительно, стоит ли перевод мой печатания?»

Таким образом «Альгамбрские сказки» были полностью переведены на русский язык вскоре после появления английского и французского изданий. Однако, по неизвестным нам причинам, этот перевод остался ненапечатанным⁺.

Наконец, в «Библиотеке для Чтения» 1835 г., в IX томе, где впервые была напечатана «Сказка о золо-

⁺ Из цикла «Альгамбрских сказок» были напечатаны в 1835 г. в «Сыне Отечества» (№ 70) — «Альгамбрская роза», в 1836 г. «Губернатор Манко («Сорок одна повесть лучших иностранных писателей». Ч. IX). Полный перевод «Альгамбры» был издан в 1879 г.: Вашингтон Ирвинг. Путевые очерки и картины. Пер. с англ. А. Глазунов. М., 1879. См. также: Наследство Мавра и Арабский Астролог. Испанские легенды. Соч. В. Ирвинга. М., Изд. «Народной Библиотеки», 1889. (С. 71, ц. 10 к.).

том петушке», появилась статья «Вашингтон Ирвинг», представляющая собой перевод из «Revue Britannique».

Здесь дана следующая характеристика «Альгамбрских сказок»:

«Альгамбрские повести» непосредственное принадлежат вымыслу [автор статьи сравнивает «Альгамбру» с «Летописями покорения Гренады»], но с романтическими преданиями там смешаны путевые воспоминания, в которых и та же свежесть и та же прелесть, что в описаниях Sketch Book».

Большая часть «Альгамбрских сказок» — это новеллы о мавританских кладах.

В письмах Ирвинга из Альгамбры он неоднократно упоминает о своем проводнике Матео Хименесе, рассказы которого он записал⁺.

Впрочем сам Ирвинг разоблачает свой метод «воссоздания» народных легенд:

«Познакомив читателя с местностью Альгамбры, я теперь перейду к области чудесных легенд,... которые я усердно собирал, пользуясь всевозможными рассказами и малейшими намеками, как пользуется археолог несколькими уцелевшими буква-

⁺ Письмо Ирвинга из Альгамбры, от 15 марта 1828 г.: «...я получил от моего проводника много весьма любопытных подробностей о суевериях, которые существуют среди бедного народа, населяющего Альгамбру, и которые касаются ее старых разрушающихся башен. Я записал эти забавные маленькие истории, и он обещал мне сообщить еще другие. Они преимущественно относятся к маврам и богатствам, которые те схоронили в Альгамбре, и к появлению их потревоженных духов среди башен и развалин, где спрятано их золото». (The Life and Letters of Washington Irving. London. 1862. Vol. I. P. 435.)

Один из «рассказов» Хименеса (с ссылкой на Ирвинга), в качестве «народного», мы находим в «Письмах об Испании» В.П. Боткина (С. 412). Ср. В. Ирвинг. Путевые очерки и картины. М., 1879. С. 266.

ми почти стертой надписи, чтобы восстановить какой-нибудь исторический документ» (гл. «Местные предания»)⁺.

Кроме цикла новелл о кладах в книге находятся: легенда «История о трех прекраснейших принцессах» и две пародийные волшебные сказки — «Легенда о принце Ахмеде-аль-Камеле» и «Легенда об арабском звездочете».

III

Сюжет пародийной «Легенды об арабском звездочете» чрезвычайно сложен, с чудесными происшествиями и со всеми аксессуарами псевдоарабской фантастики, которую сам Ирвинг характеризует как «Гарун-аль-Рашидовский стиль».

Легенда довольно длинна, и поэтому я ограничусь здесь самым кратким пересказом.

⁺ 19 октября 1830 г. Ирвинг писал из Лондона «...Я закончил три сказки из «Альгамбры» и работал над тремя другими. Долгоруков, прочитавший законченные, очень одобрительно о них отзывается, а он по своему знанию страны, тех мест и народа может судить о верности местного колорита этих произведений». (The Life and Letters of Washington Irving. 1862. Vol. I. P. 435.) Кн. Дмитрий Иванович Долгоруков (1797—1867), сын поэта И.М. Долгорукова, был в это время секретарем русского посольства в Лондоне. С Ирвингом Долгоруков подружился в Мадриде, где был атташе русского посольства. До своей дипломатической карьеры Д. писал стихи и был членом общества «Зеленая лампа», где он встречался с Пушкиным. С 4 апреля 1820 г. Долгоруков — чиновник русского посольства в Константинополе (вместе с С.И. Тургеневым и Д.В. Дашковым). В 1821 г. он вернулся в Петербург. В письме Пушкина к С.И. Тургеневу (из Кишинева, от 21 августа 1821 г.) есть упоминание о Долгорукове: «...Клянюсь Чу [Д.В. Дашков], если Чу меня помнит — а Долгорукой меня забыл».

На старого мавританского короля Абен-Габуза нападают враги.

Арабский звездочет Ибрагим, ставший советником короля, рассказывает ему о талисмане, предупреждающем о нападении врагов (петух и баран из меди), и сооружает другой талисман с тем же назначением (медного всадника)⁺.

Враги Абен-Габуза уничтожены.

Талисман снова начинает действовать.

Разведчики находят в горах готскую принцессу.

Король влюбляется в принцессу.

Звездочет требует девицу в награду за все оказанные королю услуги.

Король, давший слово наградить звездочета, отказывается.

Происходит ссора звездочета с королем.

Звездочет и принцесса проваливаются в подземное жилище звездочета.

Талисман перестает действовать и превращается в простой флюгер.

Враги снова нападают на «отставного завоевателя»⁺⁺ Абен-Габуза.

В этой легенде Ирвинг использовал материал своих исторических сочинений, над которыми он работал во время своего пребывания в Альгамбре. Эти сочинения: «История покорения Гренады» (изд. в 1829 г.), «Завоевание Испании» (изд. в 1835 г.) и «Магомет и его приемники» (изд. в 1850 г.).

⁺ Магический всадник из меди есть и в сказках «Тысячи и одной ночи», но там он имеет иное назначение (см. «Рассказ о носильщике и трех девушках»). Этим указанием я обязана акад. И.Ю. Крачковскому.

⁺⁺ Точнее: «удалившийся от дел завоеватель».

Вашингтон Ирвинг был известен своим современникам как литературный мистификатор, продолжатель традиций «Великого незнакомца» — Вальтер Скотта.

За три года до выхода «Альгамбрских сказок» он выпустил «Историю покорения Гренады». Эта книга принадлежит к распространенному в то время жанру исторических хроник. Повествование ведется от имени вымышленного циклизатора, монаха Антонио Агапида.

Не касаясь сложного и требующего особого исследования вопроса о близости «Легенды об арабском звездочете» к испанскому фольклору и так называемым пограничным романсам⁺, отмечу только, что из этой хроники взяты главные персонажи «Легенды об Арабском звездочете». Биография Абен-Габуза во многом повторяет биографию Мулей-Абен-Гассана, отца Боабдила, последнего мавританского короля. Звездочет — безымянный араб-волшебник, принимавший участие в защите Малаги. Готская принцесса — пленная христианская девушка, одна из жен короля Мулей-Абен-Гассана.

Знакомство Пушкина с «Альгамбрскими сказками» Ирвинга можно датировать 1833 годом.

К этому времени относится черновой набросок «Царь увидел пред собой...»⁺⁺. Первые десять строчек этого наброска, до сих пор не поддававшегося никакому

⁺ По сообщению проф. Мадридского университета Азин-Паласиоса источниками «Альгамбры» Ирвинга в Испании никто не занимался.

⁺⁺ В Пушкинских черновиках этот набросок находится между «Езерским» и началом перевода «Одиссеи» (тетрадь № 2374, л. 7). Впервые был напечатан под заглавием «Опыт детского стихотворения» (Русский архив, 1881. № III. С. 473). Наиболее полный текст напечатан в Полн. собр. соч. А.С. Пушкина. М.; Л., 1931. Т. 2. С. 257.

комментарию, представляет собой, как нами установлено, стиховой «пересказ» куска «Легенды об арабском звездочете», не использованного Пушкиным в «Сказке о золотом петушке».

Приведу параллельные тексты:

Царь увидел пред собой
Столик с шахматной доской.
Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
В стройный ряд расставил он.
Грозно куколки стоят, —
Подбоченясь на лошадках.
В коленкоровых перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах...

...Devant chacune de ces
fenêtres était une table sur
laquelle on avait rangé, comme
des échecs, une petite armée,
infanterie et cavalerie... le tout
sculpté en bois.

...Le roi... s'approcha de
l'échiquier sur lequel les petites
figures de bois étaient rangées
et vit... qu'elles étaient toutes
en mouvement. Les chevaux
caracolaient et battaient du pied,
les guerriers brandissaient leurs
armes, on entendait... le son des
trompettes et des tambours...⁺

Эти фигурки — магические изображения вражеских войск, которые при прикосновении волшебного шила либо

⁺ Привожу перевод этого отрывка: «...Перед каждым окном находился стол, на котором была расставлена, как шахматы, миниатюрная армия — пехота и кавалерия, вырезанные из дерева... Король... приблизился к шахматному столику, на котором были расставлены деревянные куколки, и увидел... что все они пришли в движение. Лошади гарцовали и били копытами, воины потрясали оружием, и слышался звук труб и барабанов».

В черновике Пушкина:

[Музыканты] на лошадках.

<И [перед пешими]

И [копья, дротики блестят]>

обращались в бегство, либо начинали вести междоусобную войну и уничтожали друг друга. И тогда та же участь постигала наступающего неприятеля.

Насколько близка фабула «простонародной» сказки Пушкина к легенде Ирвинга, становится ясным при параллельном сличении:

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил был славный царь Дадон.
С молодю был грозен он
И соседям то-и-дело
Наносил обиды смело,
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить;
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут бывало с юга, глядь —
Ан с востока лезет рать,
Справят здесь, — лихие гости
Идут от моря — со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон,
Что и жизнь в такой тревоге!

Il était une fois...⁺ un roi maure, nommé Aben Habuz... C'était un conquérant retiré des affaires, c'est-à-dire qu'après avoir, dans son jeune temps, mené une vie d'hostilités et de déprédations continuelles, maintenant qu'il devenait vieux et faible, il n'aspirait qu'à rester en paix avec tout le monde... à jouir en repos des domaines qu'il avait enlevés à ses voisins.

Il advint cependant que ce monarque... eut à combattre de jeunes rivaux... Certaines parties éloignées de son territoire qui, dans les jours de sa vigueur première n'osaient broncher sous sa main de fer, s'avisèrent... de se révolter... Ainsi attaqué au dedan et au dehors, le malheureux Aben Habuz vivait... dans des alarmes perpétuelles, ne sachant de quel côté commencent les hostilités.

Ce fut en vain qu'il bâtit des tours d'observation... et qu'il fit garder tous les passages par des

⁺ Обыкновенное французское сказочное начало.

troupes stationnaires... Fut-il jamais conquérant paisible et retiré plus tourmenté que le pauvre Aben-Habuz?

Сходство ситуаций полное. «Биография» царя Дадона и короля Абен-Габуза совпадают. Отмечу, что у героев других пушкинских сказок (Салтан, Елисей и др.) «биографии» отсутствуют.

Вот он с просьбой о помощи
Обратился к мудрецу
Звездочету и скопцу —
Вот мудрец перед Дадоном
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
Посади ты эту птицу,
Молвил он царю, на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом все будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незванной⁺,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенется,
И в то место обернется.
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит —
За такое одолженье,
Говорит он в восхищеньи,

...un vieux médecin arabe
vint à sa cour... En peu de temps
il devint le conseiller intime du roi...
Aben Habuz se plaignait... de la
vigilance continuelle qu'il était
forcé d'observer... l'astrologue lui
répondit: «Apprends, ô roi, que...
je vis une grande merveille... Sur
une montagne... on voyait la figure
d'un bélier, sur lequel était un
coq, l'un et l'autre en airain et
tournant sur un pivot. Toutes les
fois que le pays était menacé
d'une invasion le bélier se tourna
du côté de l'ennemi et le coq
chantait ce qui avertissait les
habitants de la ville qu'ils étaient
en danger et leur indiquait le point
vers lequel devait et diriger leur
défense».

«Dieux est grand!» s'écria...
Aben Habuz. «Quel trésor serait
pour moi un bélier semblable... et
un coq qui m'avertirait en cas de

⁺ Вероятно, намек на междоусобные войны. Ср. «бунт в столице» в черновике.

Волю первую твою
Я исполню, как мою.

danger... Combien je dormirais
plus tranquille... dans mon palais,
si de telles sentinelles veillaient sur
mon sommet!... «Donne-moi
cette bienheureuse sauvegarde, et
dispose des richesses de mon
trésor».

У Ирвинга о талисмানে в виде медного петуха звездочет только рассказывает королю (сооружает же он медного всадника).

Принято считать, что в пушкинской сказке петух — «живой». Однако, стих «Вдруг раздался легкий звон» (полет золотого петушка) как будто противоречит этому.

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы —
Чуть опасность где видна,
Верный сторож как со сна
Шевельнется, встрепенется
К той сторонке обернется
И кричит кири ку ку.
Царствуй лежа на боку!
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели,
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон.

Il insultait... ses voisins pour
les induire à l'attaquer; mais des
malheurs réitérés les rendirent
prudens et enfin aucun d'eux n'osa
plus envahir son territoire.

У Ирвинга волшебные талисманы не разговаривают (медный петух, медный всадник). У Пушкина золотой петушок иронизирует над царем:

Год, другой проходят мирно.
Петушок сидит все смиренно;
Вот однажды царь Дадон

Pendant plusieurs mois, la
figure de bronze resta sur le pied
de la paix...

Страшным шумом пробужден.
 — Царь ты наш! Отец народа! —
 Возглашает воевода, —
 Государь! проснись, беда!
 Что такое, господа?
 Говорит Дадон, зевая,
 А? Кто там? Беда какая?
 Воевода говорит:
 Петушок опять кричит,
 Страх и шум во всей столице.
 Царь к окошку, ан на спице,
 Видит, бьется петушок,
 Обратившись на восток.
 Медлить нечего: скорее!
 Люди, наконь! Эй живее!
 Царь к востоку войско шлет...

Un matin de très bonne
 heure, la sentinelle qui montait la
 garde sur la tour vient avertir le
 roi que le visage du cavalier de
 bronze était tourné vers Elvira...
 «Que les tambours et les
 trompettes sonnent l'alarme dans
 Grenade», dit le roi; «que chacun
 prenne les armes».

Диалог царя с воеводой дан в плане гротеска. В сказке Ирвинга, несмотря на общий иронический тон повествования, аналогичный эпизод не имеет подобной окраски.

Дальше у Пушкина следует вставной эпизод с царскими сыновьями и поход царя, отсутствующие в легенде Ирвинга.

У Ирвинга воины короля отправляются в горы — место, указанное талисманом, где они не встречают ни одного неприятеля, но находят готскую принцессу. Они приводят ее к Абен-Габузу.

...и девица,
 Шамаханская царица,
 Вся сияя, как заря,
 Тихо встретила царя,

 Покорясь ей безусловно,
 Околдован, восхищен,
 Пировал у ней Дадон.

On amena donc au vieux
 roi cette belle personne... Des
 perles d'une eblouissante ne
 blancheur étaient entrelacées
 dans ses tresses noires; les
 diamants qui brillaient sur son
 front rivalisaient d'éclat avec ses
 yeux... Les éclairs que lançaient

ses yeux noirs et brillants
tombèrent comme des étincelles
sur le cœur d'Aben Habuz...
Aben Habuz se livra sans
résistance à sa passion.

У Пушкина ситуация гораздо сложнее, чем у Ирвинга. Царь влюбляется в Шамаханскую царицу над трупами своих сыновей.

Последнее и самое значительное совпадение мы видим в сцене расплаты:

— Помнишь? За мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнить, как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу... —
Крайне царь был изумлен,
— Что ты? — старцу

молвил он, —

Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся,
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница,
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярской,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего. —
— Не хочу я ничего,
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу, —
Говорит мудрец в ответ. —
Ничего ты не получишь.

[Король обещает звездочету первое вьючное животное с ношей, которое вступит в волшебные ворота. Этим животным оказывался мул, на котором едет принцесса]

«Voici», dit l'astrologue, la récompense que vous m'avez promise. Aben Habuz sourit à ce qu'il croyait une plaisanterie du vieillard; mais quand il vit qu'il parlait sérieusement, sa barbe grise trembla d'indignation. «Fils d'Abou Agib» dit-il d'un air très grave, «que veut dire cette équivoque? Tu sais que j'ai entendu promettre...

...Prends la plus forte mule de mes écuries; forme sa charge des objets les plus précieux de mon trésor elle est à toi»... «Qu'ai-je affaire de ton or, de tes richesses?» dit l'astrologue, avec mépris. La princesse m'appartient de droit; ta parole royale est

Сам себя ты, грешник,
 мучишь —
 Убирайся, цел пока;
 Оттащите старика! —⁺

engagée, je la réclame comme mon bi en... La rage du monarque l'emportant sur sa prudence, il s'écria: «Vil enfant du désert, tu peux être savant dans plus d'un art, mais reconnais que je suis ton maître; ne sois pas assez téméraire pour te jouer de ton roi. «Toi, mon maître!» reprit l'astrologue, «mon roi. Le souverain d'une taupinière voudrait donner des lois à celui qui possède le livre de Salomon. Adieu... reignes sur ton petit royaume, et rejouis-toi dans ton paradis des fous...»

⁺ Мне остается еще указать на те места в «Сказке о золотом петушке», которые ближе к легенде в рукописях, чем в печатной редакции:

[И поставь его ты мне]
 [Где-нибудь на вышине]
 (белов.)
 Весь, [как] наморщен,
 С бороною поседелой
 (черн.)
 Весь [в морщинах], как лебедь
 поседелый
 (белов.)
 Петушок слетел со спицы,
 [С крыши] ?) к колеснице
 (черн.)
 Петушок [на кровле царской] с
 высокой спицы
 [сторожит] стал стеречь его
 границы.
 (белов.)

Sur une montagne qui domine une ville considérable... on voyait la figure d'un bélier sur lequel était un coq...
 Une grande barbe lui descendait jusqu'à la ceinture... et ne put que perpétuer que ses rides et ses cheveux gris.

Sur le sommet de la tour était une figure de bronze attachée sur un pivot...

У Пушкина отказ звездочета от царских милостей и требование Шамаханской царицы ничем не мотивированы. В легенде Ирвинга звездочет — женолюб, и он отказывается от наград, предлагаемых королем, потому, что владеет волшебной книгой царя Соломона.

Развязка «Сказки о золотом петушке» существенно отличается от источника. Когда Абен-Габуз не исполняет обещания, волшебный флюгер (медный всадник) только перестает предупреждать его о приближении опасности. В пушкинской же сказке талисман (золотой петушок) является орудием казни царя-клятвопреступника и убийцей⁺.

Пушкин как бы сплющил фабулу, заимствованную у Ирвинга, — некоторые звенья выпали и отсюда — фабульные невязки, та «неясность» сюжета, которая отмечена исследователями. Так, например, у Пушкина не перенесены «биографии» звездочета и принцессы.

В отличие от других простонародных сказок Пушкина, в «Сказке о золотом петушке» отсутствует традиционный сказочный герой, отсутствуют чудеса и превращения.

Очевидно, что в легенде Ирвинга Пушкина привлек не «Гарун-аль-Рашидовский стиль».

Все мотивировки изменены в сторону приближения к «натуралистичности».

Так, например, если у Ирвинга Абен-Габуз засыпает под звуки волшебной лиры, у Пушкина Дадон спит от лени. Междоусобие в горах в легенде мотивируется дей-

⁺ Следует отметить, что в «Сказке о царе Салтане» развязка тоже не совпадает с развязкой источника, и то, что царь на радостях прощает злых сестер, по замечанию Сумцова, черта «совсем чуждая народным вариантам».

ствием талисмана, в «Сказке о золотом петушке» причиной естественного характера — ревностью и т.д.

У Пушкина все персонажи снижены.

Дадон, как и Абен-Габуз, «отставной завоеватель», но «миролюбивый» король мавров кровожаден, а царь ленивый самодур. (Самое имя царя взято из «Сказки о Бове Королевиче», где Дадон — «злой» царь). В юношеской поэме Пушкина «Бова» Дадон — имя царя «тирана», которого Пушкин сравнивает с Наполеоном.

В сказке Ирвинга главные персонажи, король и звездочет, — пародийны, Пушкин же иронизирует только над царем, образ которого совершенно гротескный.

«Сказка о золотом петушке», включенная самим Пушкиным в цикл его «простонародных сказок»⁺ (и обычно рассматриваемая в ряду других пушкинских сказок) носит на себе яркий отпечаток «простонародности».

Сличение черновика и белого автографа «Сказки о золотом петушке»⁺⁺ показывает, как Пушкин в процессе работы снижал лексику, приближая ее к просторечию⁺⁺⁺.

Приведем несколько примеров.

Царь к окошку — что ж на спице — (черн.)

Царь к окошку — ан на спице (оконч. ред.)

⁺ См. список на обороте последней страницы белой рукописи.

⁺⁺ Черновая рукопись «Тетрадь» № 2374 (Публ. библ. им. Ленина в Москве); белой автограф находится в Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Черновики до сих пор не были изучены. Пользуясь транскрипциями, представленными мне С.М. Бонди, которому приношу благодарность.

⁺⁺⁺ В 1832 году Комовский писал Н.М. Языкову: «Жуковский как сказочник обрелся и приоделся на новый лад, а Пушкин в бороде и армяке». («Исторический вестник». 1883. № 12. С. 534.)

Что же? меж высоких гор
 И промеж высоких гор
 Ты [старик] мудрец с [о] ума сошел
 [Видно] Или ты с ума рехнулся?
 Вспыхнул царь. — Так же нет
 Плюнул царь: Так лих же нет!
 Крикнул [Царь] и в то же время
 Охнул раз — и умер он —

Жанром простонародной сказки мотивирован ввод элементов фольклора: «побитая рать, побоище», «Сорочинская шапка», «белый шатер», эпитет «Шамаханский» (в народных сказках обычно — «Шамаханский шелк»)⁺ и др.

Из фольклора заимствован и традиционный зачин:

Негде в тридевятиом царстве...

Бутафория народной сказки служит здесь для маскировки политического смысла.

Так в XVIII веке жанр «арабской» сказки часто служил шифром для политического памфлета или сатиры. Так Державин называет Сенат Диваном.

Ю.Н. Тынянов вскрыл двупланность семантической системы Пушкина: на «Моцарта и Сальери» благодаря его семантической двупланности обиделся Катенин..., а «Пир во время чумы» написан во время эпиде-

⁺ «...Седлает того доброго коня... и подтягивает двенадцать подпруг шелку шамаханского...» (сказка о Иване Богатыре). После слов (сказка о Иване Богатыре) добавлено «И в поэме Радищева «Бова»: На предательски помосты, // Покровенные коврами // Шелка мягка шамаханска».

мии. Семантическая структура трагедии костюмов, данная на иноземном материале, была полна современным автобиографическим материалом»⁺.

В «Сказке о золотом петушке» содержится ряд намеков памфлетного характера⁺⁺. Но элементы «личной сатиры» зашифрованы с особой тщательностью. Это объясняется тем, что предметным адресатом был сам Николай I.

Ссора звездочета с царем имеет автобиографические черты.

В черновой и даже в беловой рукописях намеки совсем прозрачны.

В черновике:

Но с [Царями] плохо вздорить —

Тут же слово «царями» зачеркнуто и заменено «могучим»:

Но с могучим плохо вздорить —⁺⁺⁺

Однако в беловом списке Пушкин восстанавливает первую редакцию:

Но с Царями плохо вздорить.

В печатной редакции намек снова «зашифрован»:

Но с иным накладно вздорить.

⁺ Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы. С. 269.

⁺⁺ Эти намеки, а также ироническое отношение к главному персонажу, Царю Дадону, вызвали предположение, что «Сказка о золотом петушке» — «затушеванная политическая сатира» (см.: 1) А. Пушкин. Сказки / Ред., вступ. статья и объяснен. А. Слонимского М.; Л., 1930. С. 25–29 (изд. для детей); 2) А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. М.; Л., 1931. Т. VI. С. 331 (Путеводитель по Пушкину).

⁺⁺⁺ Ср.: И новый царь, суровый и могучий.

Это в свою очередь вызвало изменение текста «нравоучительной» концовки. Эту концовку Пушкин перенес из «Сказки о мертвой царевне»:

Сказка ложь, да нам урок,
А иному и намек.

При таком сопоставлении намек получался чересчур уж ясным. Поэтому в окончательной редакции текст принял следующий вид:

Сказка ложь, да в ней намек⁺:
Добрым молодцам урок.

Тема «Сказки о золотом петушке» — неисполнение царского слова.

Царь, получив от звездочета волшебного петушка, обещает исполнить» первую его волю:

За такое одолженье,
Говорит он в восхищеньи,
Волю первую твою
Я исполню, как мою.

А когда дошло до расплаты:

Что ты? — старцу молвил он
Или бес в тебя ввернулся?
Или ты с ума рехнулся?
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал:
Но всему же есть граница.

В черновике гораздо резче:

⁺ Во всех изданиях Пушкина после слова «намек» стоит не двоеточие, как в белой рукописи, а запятая (по записи в «дневнике» Пушкина) или знак восклицательный.

[От] [от] [моих] [от] [царских] [слов]
 [Отпереться я готов] —

В черновике — звездочет *требует* исполнения данного царем обещания:

Царь! он молвил — [ты обещаешь] дерзновенно
 [Обещал] [ты клялся] [мне] [Обеща] [ты] [с]
 (?) [обещ] (?)

[Ты мне дал], [что] непременно
 [волю] что первую мою
 [ты] что исполнишь как свою
 Так ли? — *илюсь на всю столицу*

Любопытна здесь ссылка звездочета на «всю столицу» (общественное мнение).

По первоначальному замыслу скопец, которого Дадон приказывает гнать, упрекает царя:

[Так-то платишь]
 [Молвил старичек] —

В 1834 году Пушкин знал цену царскому слову.

IV

Положение, в котором оказался Пушкин к 1834 году, можно охарактеризовать следующей строкой из «Родословной моего героя» <Езерского>⁺:

Прощен и милостью окован.

К этому времени окончательно выяснилось, что первая царская милость — освобождение от цензуры, на деле привела к двойной цензуре — царской и общей.

⁺ 1833 г. осень.

После запрещения целого ряда произведений, 11 декабря 1833 года Пушкину был возвращен «Медный всадник» с замечаниями царя, которые заставили Пушкина расторгнуть договор со Смирдиным.

Другим проявлением царской милости было дарование Пушкину звание камер-юнкера двора его величества (31 декабря 1833 г.).

Можно считать установленным, что своего камер-юнкерства Пушкин не простил царю до самой смерти⁺.

История отношений Пушкина с двором после пожалования ему низшего придворного чина, а также ссора с царем в связи с перлюстрацией письма к жене, достаточно освещены в целом ряде работ.

25 июня 1834 г. Пушкин отправил Бенкендорфу письмо с просьбой об отставке.

Прошению об отставке предшествовала перлюстрация письма Пушкина к жене (от 20—22 апреля).

Пушкин писал:

«...Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз, и пожурил за меня мою няньку; второй меня *не жаловал*, третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю: от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка *будет ладить* с порфирородным своим тезкой, с моим тезкой я *не ладил*. Не дай Бог ему итти по моим следам, *писать стихи, да ссориться с Царями!*»

Здесь Пушкин несомненно вспоминал о своем стихотворении «Моя родословная» (1830 г.)

Упрямства дух нам всем подгадил:

В родню свою неукротим,

⁺ См. черновики статьи Пушкина о Вольтере (1836 г.), исследованные Ю.Г. Оксманом.

*С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин⁺.*

Историю своих отношений с царями Пушкин связывает с темой о взаимоотношениях рода Пушкина с династией.

Письмо Пушкина было доставлено к царю, который не постыдился в том признаться и дал «ход интриге, достойной Видока и Булгарина».

Свою запись в дневнике по этому поводу Пушкин заканчивает очень резким выпадом по адресу Николая: «...что ни говори, мудроно быть самодержавным».

Монарх подтвердил это мнение Пушкина, поручив Бенкендорфу «объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем все это может кончиться...».

Бенкендорф «объяснил», и Пушкин взял обратно прошение об отставке:

«...На днях хандра меня взяла, подал я в отставку, но получил... от Бенкендорфа такой сухой абшид, что я вструхнул, и Христом и Богом прошу, чтобы мне отставку не давали» (письмо к жене, перв. пол. июня).

Обращаясь к Бенкендорфу с просьбой об отставке, Пушкин в то же время просит не запрещать ему вход в архивы.

То, что Пушкин в минуту наибольшего раздражения против царя все же просит о незапрещении доступа в архивы, доказывает, какое важное значение он этому придавал и каким ударом должен был быть для него отказ.

⁺ Ср. в «Сказке о золотом петушке»:

Но с царями плохо вздорить.

С начала 30-х гг. на своих исторических работах Пушкин намеревался построить не только свое материальное благополучие, но все отношения с царем и «высшим светом». Ни «Евгений Онегин», ни «Полтава», ни «Борис Годунов» не могли принести ему того общественного положения, без которого жизнь в Петербурге казалась ему неприемлемой.

Еще в 1831 году Пушкин писал Бенкендорфу:

«...Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина. Но могу со временем исполнить давнишнее мое желание написать историю Петра Великого и его наследников до государя Петра III».

И смел и желал.

Вспомним, с какой радостью сообщает он ближайшим друзьям, Нащокину и Плетневу, что царь разрешил ему доступ в архивы для написания «Истории Петра Великого»⁺.

В биографии Пушкина этот вопрос имеет очень серьезное значение.

30-е годы для Пушкина — это эпоха поисков социального положения. С одной стороны, он пытается стать профессиональным литератором, с другой — осмыслить себя, как представителя родовой аристократии.

Звание историографа должно было разрешить эти противоречия.

⁺ Письмо к Плетневу (от 28 июля 1831 г.) «...Царь взял меня на службу, но не в канцелярскую или придворную, или военную, — нет, он дал мне жалование, открыл мне архивы, с тем, чтоб я рылся там и ничего не делал. Это очень мило с его стороны, не правда ли?». (Письмо к Нащокину от 3 сентября 1831 г.): «и... царь... взял меня в службу, т.е. дал мне жалование и позволил рыться в архивах для составления Истории Петра I. Дай Бог здравия Царю!»

Для Пушкина это звание неотделимо было от образа Карамзина — советника царя и вельможи, достигшего высокого придворного положения своими историческими трудами.

Однако Николай I и его приближенные вовсе не предназначали Пушкина для такой высокой роли.

А.Н. Вульф в феврале 1834 г. записал в своем дневнике:

«...Самого поэта я нашел... сильно негодующим на царя за то, что он одел его в мундир, его, написавшего теперь *повествование о бунте Пугачева и несколько новых русских сказок*. Он говорит, что он возвращается к оппозиции...»⁺

Эта запись представляет большой интерес, как сообщением о возвращении Пушкина к оппозиции, так и указанием на то, что Пушкин считал себя оскорбленным именно как автор «Истории Пугачева» и русских сказок.

Описывая в дневнике свою первую встречу с Николаем после пожалования придворного звания, Пушкин отмечает, что говорил с царем о Пугачеве (утверждал себя как историограф)⁺⁺, а за камер-юнкерство его не благодарил (что было ясным нарушением этикета).

После всего сказанного становится понятным, что категорический отказ на просьбу не закрывать архивы мог расцениваться Пушкиным, как жест «самовластного помещика», который хотел таким образом уничтожить все его планы.

⁺ Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899. С. 208.

⁺⁺ Описывая свое представление вел. кн. Елене Павловне, Пушкин не забывает отметить «...говорила со мной о Пугачеве».

Под знаком ссоры с царем прошло все лето 1834 года. Пушкин сдался, но примирение все же не состоялось⁺.

25 августа, за 5 дней до открытия Александровской колонны, Пушкин покинул Петербург, «чтобы не присутствовать на церемонии вместе с камер-юнкерами».

Отъезд Пушкина из столицы, чуть не накануне торжества, несомненно, был демонстрацией.

Запись об этом, сделанная им в дневнике спустя три месяца, свидетельствует о том, что отношение Пушкина к своему положению не изменилось.

Находясь проездом в Москве (8 и 9 сентября), Пушкин в письме к А.И. Тургеневу с иронией отзывается о своей придворной карьере:

...Благодарен Полевому за его доброе расположение к историографу Пугачева, камер-юнкеру и проч.

13 сентября Пушкин приехал в Болдино, где он собирался писать.

Об этом он сообщает жене (от 15 сент.):

...Написать что-нибудь мне бы очень хотелось: не знаю придет ли вдохновение.

Но Болдинская осень 1834 г. была для Пушкина самой бесплодной.

Кроме «Сказки о золотом петушке» он ничего не написал.

⁺ О ссоре с царем Пушкин упоминает еще два раза: 1) в письме к жене от 11 июля «...на днях я чуть было беды не сделал: с тем чуть было не побранился — и тухнул то я, да и грустно стало. С этим поссорюсь — другого не наживу. А долго на него сердиться не умею, хоть и он не прав»; 2) в дневнике: «22 июля. — Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором — но все перемололось. — Однако это мне не пройдет».

Беловая рукопись помечена 20 сентября.

А 26 сентября Н.М. Языков, посетивший Пушкина в Болдине, писал:

...Он мне показывал историю Пугачева... несколько сказок в стихах, вроде Ершова, и историю рода Пушкиных⁺.

Можно предположить, что Языков был первым слушателем «Сказки о золотом петушке».

«Сказка о золотом петушке», встреченная молчанием критики, впервые была напечатана в апрельской книжке «Библиотеки для чтения» 1835 г.

Пушкину не удалось избежать подозрения цензуры.

Цензор Никитенко не пропустил три строки.

Приведу запись из дневника Пушкина:

Цензура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку
Сказка ложь да в ней намек,
Добрым молодцам урок.

Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова.

Здесь мы видим обычный выпад Пушкина против цензуры (а быть может, и желание сохранить эти строчки хотя бы в дневнике). Однако столкновение с цензурой не было для Пушкина неожиданным.

Беловая рукопись носит следы предварительной «авторской» цензуры.

В следующем отрывке

Царь скликает третью рать
И ведет ее к востоку
Помолясь Илье пророку.

⁺ «Ист. вестник», 1883. Т. XIV. С. 539.

Последняя строка в печатной редакции приняла такой вид:

Сам не зная быть ли проку.

Изменена одна строка и в эпизоде ссоры звездочета с царем. Царь в ответ на требование звездочета говорит:

И зачем тебе девица?
Полно, сводник, что ли, я?

Эту строку нельзя было представить ни в какую цензуру.

Окончательная редакция:

Полно, знаешь ли, кто я?

Наконец, в строке, которая представляет собой как бы ключ ко второму смысловому плану «простонародной» сказки:

Но с царями плохо вздорить
слишком явный выпад заменен полунамеком:

Но с *иным* накладно вздорить.

Так в письмах к жене (1834 года) Пушкин называет царя «тот».

V

Эпизод с царскими сыновьями, вставленный Пушкиным в фабулу, заимствованную у Ирвинга, разбивает «Сказку о золотом петушке» на три части. Первая часть — с начала до строки «Шум утих, и царь забылся». Вторая часть — до строки «Пировал у ней Дадон», третья — от «Наконец и в путь обратной» и до конца.

Мы уже видели, что смысловая двупланность сказки о ссоре царя с звездочетом может быть раскрыта только на фоне событий 1834 года.

Но первая часть сказки заставляет предполагать и другое.

Дело в том, что в облике царя подчеркнуты лень, бездеятельность, «желание охранять свои лавры» (см. «Легенду об арабском звездочете»). Далее черты эти совсем исчезают.

Пушкин никогда не считал Николая I ленивым и бездеятельным. Но черты эти он всегда приписывал Александру I: «Наше царское правило: дела не делай, от дела не бегай». (Воображаемый разговор с императором Александром I — 1822.)

И много позднее, в 1830 г.:

Властитель слабый и лукавый
Плешивый щеголь, враг труда.

Биография «отставного завоевателя»⁺ Дадона вполне подходит к этому образу. Известно, что мистически настроенный Александр общался с масонами, а также прорицателями и ясновидцами⁺⁺, и в конце жизни мечтал о том, чтобы удалиться на покой.

С молодю был грозен он
.....
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить.

⁺ См. «К бюсту завоевателя». 1829.

⁺⁺ Голицын, Татаринова, Крюденер и др. Накануне Аустерлицкого сражения Александр I имел продолжительную беседу со скопцом Кондратием Селивановым, который, как говорили в Петербурге, предсказал ему поражение.

Характеристика короля в «Легенде об арабском звездочете» — *un conquérant retiré des affaires*⁺ — могла поразить Пушкина как полное совпадение с его представлением об Александре I.

Смешение характерных черт двух царствований несомненно имело целью затруднить раскрытие политического смысла «Сказки о золотом петушке». Никто не стал бы искать в Дадоне — стареющим царе — «отставном завоевателе» — подчеркнуто «бодрого» и еще далеко не старого Николая I.

Состояние рукописи никак не противоречит нашему предположению. Черновик начала сказки (до строки: «Шлет к нему гонца с поклоном») не сохранился. Следующие шесть строк записаны на обороте обложки тетради (№ 2374) и датировке не поддаются⁺⁺. Затем идут строки от «Петушок мой золотой» до «Царствуй, лежа на боку». Они были написаны на листе пятнадцатом в той же тетради среди произведений 1833 года и через семь листов от наброска «Царь увидел пред собой», который по первоначальному замыслу, может быть, входил в «Сказку о золотом петушке». Зато несомненно относится к осени 1834 года черновая рукопись сказки от строки: «Целый год проходит мирно» и до конца⁺⁺⁺.

Возможно предположить, что последняя сказка Пушкина написана не сразу. Пушкин неоднократно оставял свои сказки незаконченными («Сказка об Илье-Муромце», «Как весенней теплою порою») или несколь-

⁺ Завоеватель, удалившийся на покой (фр.).

⁺⁺ Нахождение этих строк на обложке тетради само по себе говорит за то, что вещь создавалась с перерывами.

⁺⁺⁺ Она написана после стихотворения: «Он между нами жил», датированного 10 августа 1834.

ко раз возвращался к одному сюжету («Бова»). Часть «Сказки о золотом петушке» с начала до строки «Год, другой проходит мирно» могла быть написана до 1834 года и в замысел ее могла входить сатира на Александра I.

В черновиках звездочет все время называется шамаханским скопцом и шамаханским мудрецом⁺.

Шамаха в 1820 году была присоединена к России.

Поэтому месть шамаханского скопца царю-завоевателю, возможно, ассоциативными нитями связана с этим событием.

В 1834 году схема заполнилась «автобиографическим материалом».

Итак, в образе Дадона могли отразиться два царя, из которых один Пушкина «не жаловал», а другой — «под старость лет упек в камер-пажи».

20/III-1931–20/I-1933

⁺ В беловике видна попытка окончательно отделаться от Шамахи:

Распахнулся.. и девица
[Черноброва, круглолица],
[Шамаханская Царица]

Последняя строка, была заменена «Черноброва, круглолица», но затем снова восстановлена.

КОММЕНТАРИЙ
«СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ»
И
«ЦАРЬ УВИДЕЛ ПРЕД СОБОЙ...»

Впервые черновая рукопись «Сказки о золотом петушке» отмечена В.Е. Якушкиным в его описании рукописей А.С. Пушкина («Русская старина», 1884. Т. XLIII, с. 641, 644). Перебеленная рукопись сказки хранится в Публичной библиотеке РСФСР в Ленинграде.

В отличие от других пушкинских сказок, «Сказка о золотом петушке» имеет своим источником не народные сказки, а литературное произведение — «Легенду об арабском звездочете» Вашингтона Ирвинга. Сборник, в который входит эта легенда, называется «The Alhambra or the New Sketch Book». Вышел он в Париже в июне 1832 года. Одновременно появился и французский перевод «Альгамбры». Перевод этот очень близок к подлиннику и хорошо передает иронический тон сказок Ирвинга. По-видимому, Пушкин пользовался переводом, а не подлинником. В библиотеке поэта находится именно французское двухтомное издание «Альгамбры»⁺.

⁺ См.: Б.Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина: «№ 1019. Irving W. Les contes de l'Alhambra... разрезан; помет нет».

«Легенда об арабском звездочете» — пародийная псевдоарабская сказка, которую Ирвинг выдает за записанное им народное предание. Однако самое беглое ознакомление с этой легендой убеждает, что она не содержит черт, свойственных народной поэзии.

Если Пушкин, в 30-х годах живо интересовавшийся европейским и, в частности, испанским фольклором⁺, обратился к «Альгамбре» потому, что она была рекомендована как сборник испанских народных сказок⁺⁺, то он должен был быть разочарован.

Современники знали Ирвинга как литературного мистификатора и сатирика (автора «Сальмагунди», «Истории Нью-Йорка» и др.), и критика постоянно сопоставляла его имя с именем Аддисона⁺⁺⁺.

По своему тону и содержанию «Легенда об арабском звездочете» напоминает те «восточные сказки», которые в XVIII веке были обычным шифром политической сатиры. Отсюда понятно обращение Пушкина именно к этому источнику для создания политического памфлета — «Сказки о золотом петушке»⁺⁺⁺⁺, включенной поэтом в список своих «простонародных сказок»⁺⁺⁺⁺⁺.

⁺ К испанскому романскому циклу о Родриге восходит «Чудный сон мне Бог послал» (см. статью Н.В. Яковлева «Пушкин и Саути» в сб. «Пушкин в мировой литературе»).

⁺⁺ См. «Телескоп» 1832, ч. IX (сентябрь).

⁺⁺⁺ См., например, отзыв об «Альгамбре» в «Revue de Paris», Т. 5—6. С. 263—266.

⁺⁺⁺⁺ Расшифровке памфлетного смысла «Сказки о золотом петушке», а также исследованию приемов, какими пользовался Пушкин для превращения псевдоарабской легенды в русскую простонародную сказку, посвящена моя статья «Последняя сказка Пушкина» («Звезда», 1933, № 1).

⁺⁺⁺⁺⁺ См. список «Простонародных сказок» на обороте последнего листа автографа «Сказки о золотом петушке».

Если Пушкин и не заподозрил в «Легенде о звездочете» «прямой сатиры», то, во всяком случае, ирвинговская сказка представляет собою благодарный материал для переработки в произведении памфлетного характера («биография» мавританского короля Абен-Габуза, отставного и миролюбивого завоевателя, мечтающего о покое, флюгер, хотя бы и волшебный, управляющий действиями короля, восстания пограничных областей, престарелый монарх, разоряющий свою страну для исполнения прихотей наложницы, вспыхнувшая в столице революция и, наконец, особенно заинтересовавший Пушкина мотив неисполнения царского слова).

Жанром русской народной сказки Пушкин воспользовался для политических намеков, и здесь он является продолжателем радищевской традиции⁺. Поэма Радищева «Бова» включает в себе выпады против самодержавия. Как известно, в «Бове» Радищева Пушкин признавал достоинства, несмотря на отсутствие в ней «народности»⁺⁺.

Впервые Пушкин начал обрабатывать «Легенду об арабском звездочете» в 1833 году. К этому времени относится набросок: «Царь увидел пред собой...» (см. альбом фототипий, с. 75), написанный тем же четырехстоп-

⁺ Любопытный и, быть может, известный Пушкину пример использования фольклора в памфлетно-сатирической литературе представляет собою отдельное издание сказки, записанной бр. Гримм, — «Der Fischer und seine Frau», которая, в связи с событиями 1814 г., была осмыслена как аллегорическое жизнеописание Наполеона (книга имела подзаголовок: «Eine moralische Erzählung»). Как теперь установлено, вариантом, записанным бр. Гримм, воспользовался Пушкин для создания «Сказки о рыбаке и рыбке».

⁺⁺ См. статью Пушкина «Александр Радищев» (1836).

ным хореом, что и «Сказка о золотом петушке». Первые десять стихов этого наброска представляют собой кусок легенды Ирвинга, не использованный Пушкиным в «Сказке о золотом петушке». В легенде эти фигурки (или, как Пушкин называет их, куколки) — магические изображения вражеских войск, которые при прикосновении волшебного жезла либо обращаются в бегство, либо начинают вести междоусобную войну и уничтожают друг друга. И тогда та же участь постигает наступающего неприятеля.

У Пушкина этот мотив усложнен. Вторая половина наброска представляет собою описание такого же игрушечного флота.

О черновике первых двадцати восьми стихов «Сказки о золотом петушке», отсутствующих в «Альбоме 1833—1835 годов» и неизвестно когда написанных, можно только сказать, что они были окончательно обработаны, потому что в беловик они переписаны только с одной пометкой («идут» вместо «валят»; уничтожение эпитета «шемаханский» имеет особый смысл, о чем будет сказано дальше) и без знаков препинания, что указывает на беглое, а не творческое переписывание, которое мы несколько раз встречаем в беловике «Сказки о золотом петушке».

Рукопись следующих шести стихов, находящихся на обороте форзаца и потому не поддающихся датировке, очень близка к беловику. То, что поправки сделаны другими чернилами, указывает на их позднейшее происхождение. Следует отметить, что такими выцветшими коричневыми чернилами написан весь беловик сказки. Можно предположить, что Пушкин нанес поправки на черновик в процессе переписывания. Слово «смело» (в

связи со строкой «Царь, он молвил дерзновенно», см. альбом фототипий, с. 45) указывает на то, что по первоначальному замыслу (когда Пушкин еще называл звездочета Шемаханским мудрецом) характер этого персонажа был несколько иным.

По сохранившимся на полоске бумаги у корешка словам («Нет», «царь») надо полагать, что на обрывке между лл. «5» и «6» (л. 16) находился черновик некоторых стихов «Сказки о золотом петушке», так и не дошедший до нас, как и черновик начала сказки.

После слов «Дал отпор со всех сторон» в писании сказки несомненно был перерыв, потому что рукопись на л. «20₁» (см. альбом фототипий, с. 41) написана другими чернилами, чем текст сказки на обрывке.

Воспроизводимая рукопись (лл. «20—23») от строки «Год, другой проходит мирно» до конца сказки несомненно представляет собою первый черновик, хотя характер рукописи не одинаков. Иногда поэт пишет какое-нибудь слово, тотчас зачеркивает, снова пишет его и опять зачеркивает (см. диалог Дадона с воеводой). Некоторые стихи не дописаны (например, «Царь приветливо»), или отсутствует рифмующий стих («Не беда, что сказка ложь»), повторяющиеся стихи обозначены простой чертой. Отдельные эпизоды перерабатываются дважды (возвращение Дадона, ссора царя с звездочетом) и даже трижды (появление Шемаханской царицы).

Со всем тем рукопись сказки очень близка к окончательному чтению.

Ни во вторичных переработках отдельных эпизодов, ни в переписывании сказки набело Пушкин не отклоняется от первоначального плана, а либо вводит новые детали, либо отказывается от уже написанного. Ис-

ключение в смысле законченности представляет собою первый лист рукописи. По сравнению с остальным текстом сказки стихи, написанные на нем, подверглись самой незначительной переработке

На следующем л. «20₂» между стихами «Царь не знает, что начать» и «Войска идут день и ночь» — смысловой разрыв, заполненный лишь в беловике, где стих «Царь не знает, что начать» заменен другим («Царь скликает третью рать») и появляются два новых стиха:

И ведет ее к востоку,
Сам не зная, быть ли проку

или

Помолясь Илье пророку,

связывающие предыдущий эпизод с походом царя.

Не зачеркнутая в рукописи строка — «Что за притча молвит он» — не перенесена в беловик. Может быть, Пушкин заметил, что это же восклицание встречается в только что вышедшей тогда (летом 1834 г.) сказке Ершова «Конек-горбунок»⁺. Этим же можно объяснить и колебания в выборе пейзажа. Следующие стихи написаны дважды:

К морю войско царь приводит
Что ж на берегу находит...

Очевидно, на морском берегу должен был находиться шатер царицы, но затем Пушкин сразу отказывается от мысли расположить шатер на морском берегу и пишет:

⁺ Известно, что первые четыре стиха этой сказки принадлежат Пушкину, удостоившему (по словам Смирдина) всю сказку тщательного просмотра.

Что же меж высоких гор
Видит [Белый] шелковый шатер.

Шатер, морской берег, царь-девица (см. соответствующий эпизод сказки Ершова).

Порядок появления отдельных мотивов в первом варианте иной, чем в окончательном чтении. В первом варианте порядок этот таков: шатер, девица, сыновья; в окончательном чтении: шатер, побитая рать, сыновья, девица. Пример того, как Пушкин перерабатывает фольклорный мотив, представляет собою сцена встречи Дадона с Шемаханской царицей, имеющая три редакции:

1. Видит [Белый] шелковый шатер.
В том шатре сидит девица
[Шемаханская] царица.
2. [И] [Белый] [шелковый] таинственный шатер
Распахнулся [и] [к] [Дадону] девица
Шемаханская царица
[Вышла] тихо из шатра.
3. Распахнулся и девица
Вся сияя [бела] добра
[В блеске вышла из шатра —]
[Румяна] (?) [как заря]
Тихо встретила царя.

В первой редакции эта сцена довольно близка к сказке о Еруслане Лазаревиче⁺.

Ввод отсутствующего в легенде Ирвинга эпизода с братьями, которые появляются только для того, чтобы погибнуть, понятен, в связи с сатирической тенденцией

⁺ «И наехал в чистом поле на бел шатер, в котором сидели три прекрасные девицы, дочери царя Бургригора. Таковых прекрасных более на свете нет».

сказки и служит подчеркиванием порочности царя. Братья-соперники, убивающие друг друга, — мотив, известный в народной поэзии разных народов⁺.

Конь, бродящий вокруг тела мертвого витязя, — мотив, который встречается еще в ранних произведениях Пушкина («Сраженный рыцарь», «Руслан и Людмила»), где конь ждет своего мертвого хозяина. Последней детали нет в окончательном чтении «Сказки о золотом петушке». Однако в рукописи: «ждут господ».

Описание убитых царевичей:

Черны кудри растрепались,
Белы руки разметались —

отброшено Пушкиным, вероятно, оттого, что песенная конструкция этих стихов нарушала эпический тон сказки.

Сравнительно легко дался Пушкину эпизод в шатре, для создания которого также использованы элементы русского фольклора. Например:

Его за руку взяла
И в шатер свой увела —

традиционный сказочный мотив.

Строки эти написаны без единой пометки.

Характерно для самой нефантастической сказки Пушкина, что слово «околдован» появилось только в беловике.

Возвращение царя напоминает возвращение дука в «Анджело», причем в черновике это сходство более яв-

⁺ См., например, английскую балладу «Lord Ingram and Chiel Wyet» (Child, *The English and Scottish popular ballads*. Boston, 1882—1891).

ственно, чем в печатной редакции («в встречу кинулись девице». Ср. в «Анджело»: «народ его *встречать* толпами кинулся»).

В рукописи Пушкин называет звездочета «Шемаханским мудрецом» и «Шемаханским скопцом» (тот же эпитет мы находим и в беловике сказки). Этот эпитет был исключен в окончательной редакции, так как месть Шемаханского мудреца царю-завоевателю могла быть истолкована как политический намек: Шемаха в 1820 г. была присоединена к России.

Следует также отметить примеры рассеянности Пушкина в связи с «Легендой об арабском звездочете». Ирвинг так описывает внешность звездочета: «Une grande barbe lui descendait jusqu'à la ceinture...»⁺ и дальше: «Il ne put que perpétuer ses rides et ses cheveux gris»⁺⁺.

В «Сказке о золотом петушке»:

С бородою поседелой...

Затем Пушкин вспоминает, что скопцы — безбороды, и строка принимает такой вид:

Весь наморщен, поседелый, —

еще ближе повторяющий описание Ирвинга. В окончательной редакции уже нет ни бороды, ни морщин («Весь, как лебедь, поседелый»).

Второй случай: в легенде Ирвинга талисман (медный всадник), имеющий то же назначение, что и петушок пушкинской сказки, был установлен на крыше ко-

⁺ «Длинная борода ниспадала до самого пояса» (фр.).

⁺⁺ «Она еще более подчеркивала его морщины и его седые волосы» (фр.).

ролевского дворца. Золотой петушок сидит на спице перед окошком Дадона. Однако в черновике читаем:

Петушок слетел со спицы
[С крыши] к колеснице,

а в беловике первоначально было:

Петушок на кровле царской
Сторожит...

Эпизод ссоры царя со скопцом подвергся самой тщательной обработке. В первой редакции еще отсутствует благодушное приветствие Дадона (от: «А здорово, мой отец» до «Подъ поближе, что прикажешь?»), разительное контрастирующее с его яростью, когда собеседник вздумал ему перечить. Скопец сразу и «дерзновенно» приступает к Дадону со своим требованием. В следующей редакции эта речь снижена и опрощена.

Вообще стремление к снижению лексики и приближение ее к просторечию характерно для переработки стихов «Сказки о золотом петушке». Например, стих:

Ты [мудрец] старик с ума сошел

во вторичной переработке эпизода ссоры принял такой вид:

Или ты с ума рехнулся<?>

А стих:

Вспыхнул царь — так... же нет

изменен на:

Плюнул царь: Так лих же, нет!

Не сразу дался Пушкину и ответ царя. Поэт то близко придерживается источника:

Ты спросил бы у меня
То что сделать мог бы я,

то заставляет Дадона совсем отказаться от исполнения
своего обещания:

От моих от царских слов
Отпереться я готов.

Затем сейчас же смягчается отказ:

Я моих царевых слов

(видимо, «не забыл») и

Не забыл своих я слов
И их выполнить готов.

И, наконец, возвращается к первому варианту:

Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница.

В стихе:

Но с царями плохо вздорить

слишком явный намек был сглажен:

Но с могучим плохо вздорить —

и, хотя снова появился в беловике в своей первой редак-
ции, был там же окончательно зашифрован:

Но с иным накладно вздорить.

Стих, которым заканчивается рукопись:

Не беда, что сказка ложь, —

отброшен поэтом. Очевидно, не найдя удовлетворяющей
его рифмы к слову «ложь», Пушкин совсем отказался от

этого стиха и заменил его готовой концовкой из черновика «Сказки о мертвой царевне». Однако уже по одной этой строке можно заключить, что по первоначальному замыслу концовка должна была иметь тот же нравоучительно-сатирический характер, что и последние строки окончательного текста:

Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.

«АДОЛЬФ» БЕНЖАМЕНА КОНСТАНА В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

I

Вопрос о влиянии на творчество Пушкина знаменитого романа Бенжамена Констана «Адольф» уже обсуждался в пушкинской литературе⁺. Известно, что романтический герой Б. Констана был одним из прототипов Онегина. Необходимо, однако, отметить, что роман Б. Констана имел на творчество Пушкина значительно большее и, что особенно важно подчеркнуть, более разнообразное влияние, чем обычно думают.

Особое значение «Адольфа» для Пушкина заключается в том, что Пушкин связал с этим романом ряд литературных проблем, разрешение которых стояло перед ним в конце 20-х годов.

«Адольф» был написан в 1807 г. и долго оставался ненапечатанным. Только в 1815 г. появилось первое (лондонское) издание «Адольфа», второе (парижское) вышло в 1816 г.

⁺ Н.П. Дашкевич (сб. «Памяти Пушкина» Киев, 1899. С. 184–195); Н.О. Лернер (газета «Речь», 12 янв. 1915 г.); Н. Виноградов («Пушкин и его современники», вып. XXIX. С. 9–15).

Роман Б. Констана сразу обратил на себя внимание читателей. В 1817 г. Стендаль назвал «Адольфа» «необыкновенным романом». Сент-Бев, рассказывая о впечатлении, произведенном «Адольфом» на современников, сравнивает этот роман с «Ренэ» Шатобриана⁺. Сисмонди в письме (от 14 октября 1816 г.), которое, по словам Сент-Бева, стало неотделимым от «Адольфа» комментарием этого романа, пишет между прочим следующее: «в “Адольфе” анализ всех чувств человеческого сердца так восхитителен, столько истины (курсив мой. — А.А.) в слабости героя, столько ума в наблюдениях, силы и чистоты в слоге, что книга читается с бесконечным удовольствием. Мне кажется, что она доставляет мне более удовольствия, что я узнаю автора на каждой странице...»

Как мы видим, автобиографичность «Адольфа» с одной стороны, с другой — верность и глубина психологического анализа в произведении, впоследствии получившем название «отца психологического романа», были отмечены сразу же. 29 июля 1816 г. Байрон писал своему другу поэту Роджерсу: «Я просмотрел “Адольфа” и предисловие к нему, в котором отвергаются действительные персонажи. Это произведение оставляет тягостное впечатление, но гармонирует с тем состоянием, когда более не способен любить — состоянием, может быть, самым неприятным в мире, за исключением влюбленности»⁺⁺.

Успех «Адольфа» был длителен. Еще в конце 30-х годов Густав Планш написал к «Адольфу» обширное

⁺ См. «Causeries du Lundi», т. XI.

⁺⁺ «The Life Letters and Journals of Lord Byron, by Thomas Moore. London. 1830. P. 309.

предисловие; Бальзак в 40-х годах упоминает об «Адольфе» в ряде своих романов («Записки новобрачных», «Погибшие мечтания», «Беатриса»).

«Адольф» очень скоро стал известен и русским читателям. Уже 26 октября 1816 г. Вяземский писал из Москвы А.И. Тургеневу: «Я послал к тебе «Адольфа» с молодым Апостолом-Муравьевым»⁺.

Первый русский перевод «Адольфа» появился в 1818 г. под заглавием: «Адольф и Елеонора, или опасности любовных связей, истинное происшествие», и был напечатан в Орловской губернской типографии.

Принимая во внимание значительное идеологическое воздействие Б. Констана, как политического писателя и публициста, на передовых людей того времени⁺⁺, можно предположить, что Пушкин прочел «Адольфа» вскоре по выходе романа в свет.

⁺ Остафьевский архив. Т. 1. С. 60.

⁺⁺ В 70-х гг. Вяземский, вспоминая это время, писал: «Мы были учениками и последователями преподавания, которое оглашалось с трибуны и в политической полемике такими учителями, каковы были Бенжамен Констан, Ройе-Коллар и многие другие сподвижники их». (Полн. собр. соч. Т. X. С. 291–292). Карамзин, Тургеневы, Вяземский читали «La Minerve Française», политический журнал Б. Констана. О влиянии на Пушкина политических взглядов Б. Констана см. в статьях Б.В. Томашевского: «Французские дела 1830–1831 гг.» («Письма Пушкина к Е.М. Хитрово»). «Из Пушкинских рукописей» («Лит. наследство», 1934. № 16–18. С. 284, 286, 288). В предисловии к своему переводу «Адольфа» Вяземский делает попытку связать роман с политическими трактатами Б. Констана. Вяземский говорит о Констане следующее: «Автор “Адольфа” силен, красноречив, язвительен, трогателен. Как в создании, так и в выражении, как в соображениях, так и в слоге вся сила, все могущество его — в истине. Таков он в “Адольфе”, таков на ораторской трибуне, таков в современной исто-

Как известно, современники Пушкина узнавали в героине «Адольфа» мадам де Сталь⁺. Широкая популярность этого имени в России, конечно, должна была повысить интерес читателей к роману Б. Констана. В частности Пушкин, так высоко ценивший произведения де Сталь, упоминавший о ее книгах: «Dix années d'exil» и «De l'Allemagne» в I-й главе «Онегина», выступавший в защиту автора «Дельфины» и «Коринны» в 1825 г. и еще в 1831 г. изобразивший мадам де Сталь в «Рославлеве», должен был с особым вниманием относиться к «Адольфу».

В письме к Каролине Собаньской (январь — февраль 1830 г.) Пушкин пишет, что имя героини «Адольфа» Эленоры напоминает ему «жгучие чтения его юных лет и милый призрак, который соблазнял его тогда»⁺⁺ (в его одесский период жизни).

Интерес Пушкина к «Адольфу» был столь же длительным, как у его современников.

20 декабря 1829 г., т.е. еще до выхода перевода Вяземского, Баратынский писал Вяземскому: «для меня чрезвычайно любопытен перевод светского, метафизического тонко-чувственного “Адольфа” на наш необра-

рии, в литературной критике, в высших соображениях, духовных умозрениях и в пылу политических памфлетов». О влиянии на декабристов политических трактатов Б. Констана см. в книге В.И. Семевского: «Политические и общественные идеи декабристов». СПб., 1909, по указателю.

⁺ Вяземский в предисловии «От переводчика» пишет, что в автобиографической исповеди Констана видели «отпечаток связи автора с славной женщиной, обратившей на труды свои внимание целого света».

⁺⁺ «Рукою Пушкина». 1935. С. 184.

ботанный язык»⁺. Вяземский, восторженное отношение которого к роману Б. Констана засвидетельствовано его предисловием⁺⁺ к сделанному им переводу «Адольфа», посылая свой перевод Е.М. Хитрово, писал ей: «Вы любите этот роман, вы будете довольны тем, что я посвятил его имени для вас дорогому <т.е. имени Пушкина>⁺⁺⁺; а в 1832 г. сообщил жене: «намедни на бале Завадовская сказала мне, что она три раза прочла моего “Адольфа”⁺⁺⁺⁺. Приблизительно к тому же времени относится отзыв об «Адольфе» в дневнике Никитенки⁺⁺⁺⁺⁺ и перевод

⁺ «Старина и новизна». Кн. 5. С. 47. Очевидно сходство этого отзыва об «Адольфе» с определением языка «Адольфа» в пушкинской заметке о предстоящем выходе перевода «Адольфа». Вероятно, Вяземский сообщил Баратынскому содержание этой заметки (тогда еще не вышедшей).

⁺⁺ В этом предисловии Вяземский пишет: «Любовь моя к “Адольфу” оправдана общим мнением». Последний абзац предисловия Б. Констана к III изд. «Адольфа» Вяземский вовсе не перевел. Вероятно, он поступил так потому, что в этом месте Б. Констан, отрекаясь от «Адольфа», пишет: «публика, вероятно, его забыла, если когда-нибудь знала». Эта фраза Б. Констана противоречит утверждению Вяземского об «Адольфе» как о повести «так сильно подействовавшей на общее мнение», кроме того, она могла повредить «Адольфу» в глазах русских читателей.

⁺⁺⁺ «Русский архив». 1895. Кн. 2. С. 110. По экземпляру «Адольфа», принадлежавшему Е.М. Хитрово, Плетнев сверял перевод Вяземского.

⁺⁺⁺⁺ «Звенья». Кн. III. С. 175.

⁺⁺⁺⁺⁺ «На днях я с удовольствием прочел роман знаменитого Б. Констана: «Адольф». В нем разобраны сплетения человеческого сердца и изображен человек нынешнего века с его эгоистическими чувствами, приправленными гордостью и слабостью, высокими душевными порывами и ничтожными поступками».

«Адольфа», сделанный Полевым⁺. Установленное исследователями влияние «Адольфа» на «Героя нашего времени» свидетельствует о впечатлении, произведенном романом Б. Констан на Лермонтова⁺⁺. Человек другого поколения, И.С. Аксаков, для которого «Адольф» был только старым французским романом, в письме к отцу от 1845 г. сообщает об отношении к этому роману А.О. Смирновой: «...я, не говоря об этом ничего А.О., взял у нее один старый французский роман Benjamin Constant "Adolphe", который она ставит превыше небес»⁺⁺⁺.

В личной библиотеке Пушкина хранится экземпляр 3-го издания «Адольфа» (1824) с многими карандашными отметками⁺⁺⁺⁺. Как мне удалось установить, на стр. 61 и 104 находятся замечания рукою Пушкина, что позволяет предположить, что и другие отметки сделаны им же.

II

Первое, известное нам упоминание Пушкина об «Адольфе» находится в черновом тексте 9-го стиха

⁺ «Московский телеграф», 1831. № 1–4. Судя по рецензии («Московский телеграф», 1831. Ч. 41. С. 231–244) на перевод Вяземского, Полевой был знаком с французскими критическими статьями об «Адольфе». В рецензии на перевод «Адольфа» Булгарин писал: «Достоинство "Адольфа" давно уже оценено как самим автором, так и всеми людьми с очищенным вкусом» («Северная пчела», 1831, № 273).

⁺⁺ См.: С.И. Родзевич. «Предшественники Печорина во французской литературе». Киев, 1913.

⁺⁺⁺ И.С. Аксаков. Письма. Т. I. С. 307–308.

⁺⁺⁺⁺ Б.Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина. СПб., 1910, № 813.

XXXVIII строфы I главы («Как Child Harold угрюмый, томный»), где вместо имени Child Harold Пушкин написал «Как Адольф». Затем встречается это имя в XXII строфе VII главы «Евгения Онегина»⁺. «Адольф» был одним из романов, которые Татьяна прочла в доме Онегина и по отметкам на страницах которого она угадала истинный характер своего героя. Таким образом, Пушкин сам указал на Адольфа, как на один из прототипов Онегина.

В до сих пор не опубликованном черновике этой строфы (тетр. 2371, л. 67₁) чрезвычайно интересен тот ряд, в который Пушкин включает «Адольфа». Привожу транскрипцию:

[Хотя] мы знаем что Евгений
 Издавно чтенья разлюбил
 [С собою] [Однако] несколько творений
 Лишь [он] [С собой] [по привычке лишь] возил —
 [Листки в которых отразились] [творцы]
 [Корину Сталь] [два три] [романа]
 Весь В. Скотт <нрзб.> Адольф
 [Мельмот] [Рене] [Адольф] Констана
 В. Скотт два три
 Рене еще два три романа
 В которых отразился век
 И современный человек
 Изображен [печально] довольно верно...

Таким образом выясняется, что по первоначальному замыслу Пушкина «два три романа» XXII строфы

⁺ Пушкин упоминает имя Б. Констана также в черновике V строфы I главы «Онегина». Онегин мог вести спор: «О Байроне и Benjamin...» Тургенев и Вяземский в 1817–1818 гг. часто называют Констана просто Benjamin. («Остафьевский архив». Т. I.)

«Евгения Онегина» — это «Мельмот» Матюрена, «Ренэ» Шатобриана и «Адольф»⁺. При следующей переработке этих стихов Пушкин заменил Сталь Байроном, а «два, три романа» не названы.

В «Заметке» о предстоящем выходе перевода «Адольфа», сделанного Вяземским, Пушкин вторично сопоставляет имя Б. Констан с именем Байрона: «Бенж. Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона»⁺⁺. Эту мысль Пушкина повторил и Вяземский: «Характер Адольфа верный отпечаток времени своего. Он прототип Чайльд-Гарольда и многочисленных его потомков»⁺⁺⁺. Сопоставление Адольфа с характерами героев

⁺ Воздействие Шатобриана на Пушкина факт установленный. «Мельмота» Пушкин назвал «гениальным произведением Матюрена». На поиски имени Констан в черновиках «Евгения Онегина» навел меня Д.П. Якубович.

⁺⁺ «Литературная газета», 1830. Т. I, № 1. С. 8.

⁺⁺⁺ «Предисловие» к переводу «Адольфа». Это, однако, неверно: «Адольф» вышел в 1815 г., т.е. после двух песен «Чайльд-Гарольда» (1812), «Гяура» (1813), «Абидосской невесты» (1813) и «Лары» (1814) и Байрон прочел «Адольфа» только летом 1816 г. Заблуждение Пушкина и Вяземского объясняется, вероятно, тем, что они прочли «Адольфа» раньше, чем узнали Байрона. Впрочем, они могли знать из журналов или от лиц, знавших Констан, что «Адольф» написан задолго до выхода его в свет. Полевой в крайне враждебном отзыве («Московский телеграф», 1831. Ч. 41. С. 231—244) о переводе Вяземского, отмечая эту хронологическую ошибку, говорит, что она доказывает неверность «истин услышанных, а не почувствованных». Этим, он, конечно, намекает на то, что Вяземский повторил слова Пушкина. Как известно, Пушкин узнал Байрона около 1820 г. Первое упоминание о Байроне в переписке Тургенева с Вяземским относится к 1819 г.

Байрона имело для Пушкина очень важный принципиальный смысл.

Вяземский в посвящении Пушкину сделанного им перевода «Адольфа» писал: «Прими перевод вашего любимого романа» и «Мы так часто говорили с тобою о превосходстве творения сего». Хотя это «Посвящение», как выясняется из писем Вяземского к Плетневу, было написано в январе 1831 г., но это не значит, что беседы об «Адольфе» происходили в связи с переводом Вяземского. Вернее предположить, что именно эти беседы подали Вяземскому мысль заняться переводом романа Б. Константа.

Вяземский переводил «Адольфа» *сop amoge*^{*}, придавал чрезвычайно важное значение своему переводу и работал над такой сравнительно небольшой вещью очень долго⁺.

20 декабря 1829 г. Баратынский благодарит Вяземского за присланную на просмотр рукопись перевода⁺⁺. И только 12 января 1831 г. Вяземский обратился к Плетневу с просьбой отдать в цензуру оставленный в

* С любовью (*ut.*).

+ «А я между тем пришлю Вам на днях два приложения к переводу моему: письмо к Пушкину и несколько слов от переводчика», — писал Вяземский Плетневу 12 января 1831 г. («Известия Отд. русск. яз. и слов. Ак. наук», 1897. Т. II. Кн. I. С. 92). Посвящение помечено: «Село Мещерское (Саратовской губ.) 1829 года». Этой пометой Вяземский, по-видимому, хотел установить первенство своего перевода.

++ В «Старой записной книжке» Вяземского отмечено: 16 июня 1830 г.: «То ли бы дело пересмотреть моего “Адольфа”, написать предисловие к переводу». 22 июня: «Перечитывал несколько глав Адольфа». 25 июля: «Сегодня кончил мой пересмотр Адольфа». 24 декабря: «Вот и Benjamin Constant умер; а я думал дослать ему при письме мой перевод “Адольфа”. Впрочем, Тургенев сказывал ему, что я его переводчик» .

Петербурге у Жуковского и Дельвига перевод «Адольфа», обещая прислать на днях посвящение («Письмо к Пушкину») и предисловие «Несколько слов от переводчика»⁺.

17 января 1831 г. Вяземский послал Пушкину из Остафьева в Москву свое предисловие (а может быть и посвящение) со следующей просьбой: «Сделай милость, прочитай и перечитай с бдительным и строжайшим вниманием *посылаемое тебе* (курсив мой. — А.А.) и укажи на все сомнительные места. Мне хочется, по крайней мере в предисловии, не поддать боков критике. Покажи после и Баратынскому, да возврати поскорее... Нужно отослать в Петерб^{ург} к Плетневу, которому я уже писал о начатии печатания Адольфа».

Очевидно, Пушкин полагал необходимым внести некоторые поправки в предисловие Вяземского, потому что через три дня он ответил: «Оставь Адольфа у меня — на днях перешлю тебе нужные замечания»⁺⁺. Поэтому мы имеем право предположить редактуру, если не сотрудничество Пушкина, а самое предисловие рассмат-

⁺ В цитированном выше письме Вяземский торопит Плетнева: «Мой Адольф пропал без вести, а между тем Полевой, всегда готовый на какую-нибудь пакость, печатает своего Адольфа в Телеграфе. Была ли моя рукопись в цензуре?» До какой степени Вяземский был раздражен поведением Полевого, доказывает следующая странная его просьба: «поверьте с моим переводом перевод Телеграфа. Помилуй Боже и спаси нас если будет сходство. Я рад все переменить, хоть испортить — только не сходиться с ним». В письме от 31 января Вяземский повторяет эту просьбу.

⁺⁺ 20 января 1831 (в записке с известием о смерти Дельвига). Пушкин мог и лично передать Вяземскому свои замечания. Они виделись 25 и 26 января 1831 г. (см. Н.О. Лернер. «Труды и дни Пушкина». СПб., 1910. С. 235). 31 января Вяземский послал Плетневу с

ривать, как итог бесед Пушкина и Вяземского об «Адольфе». Это тем вероятнее, что, как уже отмечалось, некоторые мысли, высказанные Вяземским в предисловии, — повторение заметки Пушкина об «Адольфе»⁺.

В своем предисловии Вяземский говорит, что, переводя «Адольфа», он имел желание «познакомить» русских писателей с этим романом⁺⁺. Конечно, Вяземский знал, что русские писатели могли прочесть роман Б. Констана в подлиннике и вовсе не с романом Б. Констана хотел их познакомить, а показать на примере своего перевода, каким языком должен быть написан русский психологический роман.

Говоря о языке психологической прозы, мы имеем в виду тот язык, который Пушкин называл «метафизическим»⁺⁺⁺.

Толмачевым «Посвящение» и «Предисловие», переписанные рукой В.Ф. Вяземской и получившие санкцию Пушкина («Несколько писем кн. П.А. Вяземского к П.А. Плетневу». Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук. 1897. Т. 2. Кн. 1). В комментарии Н.К. Козмина к заметке Пушкина об «Адольфе». (Сочинения Пушкина, изд. Акад. наук. Т. IX. Ч. II. 1929. С. 163 примеч.) ошибочно указано, что Вяземский послал Пушкину на просмотр весь перевод романа Б. Констана.

⁺ Упомянутый комментарий к заметке об «Адольфе» (акад. изд. Т. IX. Ч. II. С. 163).

⁺⁺ Булгарин, цитируя это место, иронически прибавил: «вероятно не знающих французского языка» («Северная пчела», 1831, № 274).

⁺⁺⁺ Известно, что «метафизическим» Пушкин называл язык, способный выражать отвлеченные мысли. Однако, когда Пушкин говорит о метафизике характера Нины Баратынского или о метафизическом языке «Адольфа» — то, очевидно, имеет в виду психологизм этих произведений. В таком же смысле Вяземский называет «Адольфа» представителем «светской, так сказать практической метафизики века нашего» (Предисловие к «Адольфу»).

Пушкин считал Вяземского способным содействовать развитию этого языка («У кн. Вяземского есть свой слог») и 1 сентября 1823 г. советовал Вяземскому заняться прозой и «образовать русский метафизический язык». А еще 18 ноября 1822 г. Вяземский писал А.И. Тургеневу: «Я сижу теперь на прозаических переводах с французской прозы. Во-первых, есть тут и для себя занятие полезное»⁺. Очевидно, прозаические переводы уже тогда казались Вяземскому способом обогащения русского литературного языка и, в частности, создания русской прозы, еще не очень самостоятельной и мало разработанной. Известны жалобы Пушкина на отсутствие русской прозы и на отставание прозы от стихов⁺⁺.

Посылая Баратынскому на просмотр свой перевод «Адольфа», Вяземский, очевидно, высказал свои соображения о трудности передать по-русски все оттенки «Адольфа», потому что Баратынский ответил ему следующее: «Чувствую, как трудно переводить светского Адольфа на язык, которым не говорят в свете, но надобно вспомнить, что им будут когда-нибудь говорить и что выражения, которые нам теперь кажутся изысканными, рано или поздно будут обыкновенными. Мне кажется, что не должно пугаться неупотребительных выражений. Со временем они будут приняты и войдут в ежедневный язык. Вспомним, что те из них, которые говорят по-русски, говорят языком Пушкина, Жуковского и вашим,

⁺ «Остафьевский архив». Т. II. С. 280.

⁺⁺ «У нас не то, что в Европе — повестей в диковинку», — писал Пушкин Погодину 31 августа 1827 г. И еще в 1831 г.: «В прозе мы имеем только “Историю Карамзина”. Первые два или три романа появились два или три года тому назад» («Рослав. в»).

языком поэтов, из чего следует, что не публика нас учит, а нам учить публику»⁺.

За год до того, как было написано предисловие Вяземского, Пушкин в заметке о предстоящем выходе «Адольфа» писал: «Любопытно видеть, каким образом острое и опытное перо кн. Вяземского победило трудность *метафизического языка* (курсив мой. — А.А.), всегда стройного, *светского* (курсив мой. — А.А.), часто вдохновенного. В сем отношении, перевод будет истинным созданием и важным событием в истории нашей литературы». Здесь Пушкин, уже знавший перевод Вяземского или, во всяком случае, методы его перевода⁺⁺, высказывал ту же мысль, что и Вяземский в «Предисловии», а Баратынский в приведенных письмах. Говоря о метафизическом языке «Адольфа», Пушкин имеет в виду создание языка, раскрывающего душевную жизнь человека. Самое выражение «метафизический язык» Пушкин, вероятно, заимствовал у мадам де Сталь. Оно встречается в «Коринне», в главе «De la littérature italienne», без сомнения внимательно прочитанной Пуш-

⁺ «Старина и новизна». Кн. 5. С. 50. (Курсив мой. — А.А.).

⁺⁺ Вяземский писал, что «хотел изучивать, оцщупывать язык наш, производить над ним попытки, если не пытки, и выведать, сколько может он приблизиться к языку иностранному» (Предисловие). На необработанность русского языка жалобы очень часто встречаются в «Записной книжке» Вяземского, напр., «У нас жалуются по справедливости на водворение иностранных слов в русском языке. Но что же делать, когда наш ум, заимствовавший некоторые понятия и оттенки у чужих языков, не находит дома нужных слов для их выражения. Как, напр., выразить по-русски понятия, которые возбуждают в нас слова: *Naïve, sérieux*. Чистосердечный простосердечный, откровенный, все это не выражает значения первого слова; важный, степенный не выражает понятия свойственного другому; а потому и должны мы поневоле говорить

киным: «les sentiments réfléchis exigent des expressions plus métaphisiques»⁺.

Конечно, возникает вопрос, чем же отличается психологизм «Адольфа», так сильно поражавший читателей, от психологизма романов, современных «Адольфу», как первоклассных (Сталь, Шатобриан), так и второстепенных (Коттен, Криденер, Жанлис). Дело в том, что Б. Констан первый показал в «Адольфе» раздвоенность человеческой психики⁺⁺, соотношение сознательного и

наивный, серьезный. Последнее слово вошло в общее употребление. Нельзя терять из виду, что западные языки наследники древних языков и их литератур, которые достигли высшей степени образованности и должны усвоить все краски, все оттенки утонченного общежития. Наш язык происходит, пожалуй, от благородных, но бедных родителей, которые не могли оставить наследнику своему... литературы утонченного общества, которого они не знали. Славянский язык хорош для церковного богослужения. Молиться на нем можно, но нельзя писать романы, политические и философские рассуждения». Приблизительно в то же время (1830) Пушкин называет метафизическими стихи Вяземского: «Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете кн. Вяземского в станцах метафизических» (курсив мой. — А.А. См. «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой»).

* Рассудочное мышление требует более метафизического выражения (фр.).

+ «Corinne», livre VII, ch. I. «De la littérature italienne». Об отсутствии у русских языка, способного выражать отвлеченные идеи, де Сталь писала в книге «Dix années d'exil». См. об этом в статье Б.В. Томашевского: «“Кинжал” и m-me de Staël» («Пушкин и его современники»). Вып. XXXVI).

++ Например: «Почти всегда когда мы хотим быть в ладу с собою мы обращаем в расчеты и правила свое бессилие и свои недостатки. Такая уловка удовлетворяет в нас ту половину, которая, так сказать, есть зритель другой» (с. 12).

подсознательного⁺, роль подавляемых чувств⁺⁺ и разоблачил истинные побуждения человеческих действий. Поэтому «Адольф» и получил впоследствии название «отца психологического романа».

Все эти черты «Адольфа», как известно, указали путь целому ряду романистов, в числе которых одним из первых был Стендаль. Уже в 1817 г. Стендаль писал: «Данте понял бы без сомнения тонкие чувства, наполняющие необыкновенный роман Бенжамен Констана “Адольф”, если бы в его время были такие же слабые и несчастные люди, как Адольф; но чтобы выразить эти чувства, он должен бы был обогатить свой язык. Таким, как он нам его оставил, он не годится... для перевода Адольфа»⁺⁺⁺.

В связи с высказыванием Пушкина о метафизическом языке «Адольфа» особый интерес представляют его собственные пометки на полях романа Б. Констана. Против отчеркнутых слов (в письме Адольфа к Элленоре): «*Je me précipite sur cette terre qui devrait s'entrouvrir pour m'engloutir à jamais, je pose ma tête sur la pierre froide qui*

⁺ «В этой потребности было несомненно много суетности; но не одна была в ней суетность: может статься было ее и менее нежели я сам полагал» (с. 7).

⁺⁺ «Я успел приневолить себя и заключил в своей груди малейшие признаки неудовольствия и все способы ума моего стремились создать себе искусственную веселость. Сия работа имела надо мною действие неожиданное. Мы существа столь зыбкие, что под конец ощущаем те самые чувства, которые сначала влказывали из притворства» (с. 42).

⁺⁺⁺ De Stendal. «Rome, Naples et Florence». Запись 4 января. Этот отзыв Стендаля об «Адольфе» был, вероятно, известен Вяземскому, который в 1833 г. писал А.И. Тургеневу: «Я Стендаля полюбил с “Жизни Россини”» («Остафьевский архив». Т. III. С. 233). «La vie de Rossini» появилась в 1823 г., III-е изд. «Rome, Naples...» – в 1826 г.

devrait calmer la fièvre ardente qui me dévore»⁺ (стр. 61), Пушкин написал: «Вранье».

Гиперболическая риторика этой фразы воспринималась Пушкиным как нарушение «стройности» метафизического языка, и эти ламентации в духе «Новой Элоизы» Руссо должны были казаться фальшивыми в устах светского соблазнителя.

Второй пример любопытен, как случай редактирования Пушкиным романа Б. Констана, и относится к одному из рассуждений Адольфа о раздвоенности человеческой личности, о которых я говорила выше. В отчеркнутой фразе: «et tel est la bizarrerie de notre cœur misérable que nous quittons avec un déchirement horrible ceux près de qui nous demeurions sans plaisir»⁺⁺, слово «plaisir» зачеркнуто и на полях написано «bonheur». Эта поправка свидетельствует о требовании точности оттенков смысла*.

III

Противопоставление Адольфа героям романов XVIII в., находящееся в предисловии Вяземского («Адольф в прошлом столетии был бы просто безумец, которому никто бы не сочувствовал»), было уже сделано Пушкиным и в незаконченном «Романе в письмах»

⁺ «Кидаясь на землю; желаю, чтобы она расступилась и поглотила меня навсегда; опираюсь головою на холодный камень, чтобы утлил он знойный недуг, меня пожирающий...» Полное собрание сочинений П.А. Вяземского. Т. X. С. 21.

⁺⁺ «Таково своеобразие нашего немощного сердца, что мы с ужасным терзанием покидаем тех, при которых пребывали без удовольствия» (там же, с. 36).

* Переводы из «Адольфа» даны Ахматовой по 10-му тому указанного собрания сочинений П.А. Вяземского.

(1829), не напечатанном при жизни Пушкина, но, вероятно, известном Вяземскому: «Чтение Ричардсона дало мне повод к размышлениям. Какая ужасная разница между идеалами бабушки и внучек! Что есть общего между Ловласом и Адольфом?»⁺ Таким образом, Пушкин трижды в конце 20-х годов говорит о современности Адольфа: в VII главе «Онегина» (1828), в «Романе в письмах» (1829) и в заметке об Адольфе» (1830). Вяземский повторяет это утверждение в предисловии к своему переводу.

Еще одно совпадение мыслей Пушкина и Вяземского об «Адольфе» относится к определению ими жанра и стиля этого романа. Пушкин назвал язык «Адольфа» «светским». Ср. в предисловии Вяземского: «творение сие не только роман сегодняшней (*roman du jour*) подобно новейшим или гостинным романам...»⁺⁺ Как мы видим, Баратынский также назвал роман Константа «светским».

⁺ Это говорит представительница высшего петербургского общества, из чего следует, что ее идеалом был Адольф. В том же «Романе в письмах» сцена встречи влюбленных среди многочисленного общества, очень напоминает такое же описание в «Адольфе» (гл. II). В «Дубровском» (1832) описание поведения «светского человека» кн. Верейского в гостях у Троекурова также восходит к «Адольфу»: «...князь был оживлен ее присутствием, был весел и успел несколько раз привлечь ее внимание любопытными своими рассказами». Ср. в «Адольфе»: «Я ...испытывал тысячу средств привлечь внимание ее. Я наводил разговор на предметы для нее занимательные... я был вдохновлен ее присутствием: я добился до внимания ее...» (перевод Вяземского).

⁺⁺ Можно указать, какие романы Вяземский называл «гостинными». «Прочел я “*Le Moqueur apougeux*” роман S. Gay: слабо, жидко, но довольно хорошо, роман гостинный» (Вяземский. Старая записная книжка. Т. IX. С. 126, 5 июля 1830 г.). «Прочел я “*Granby, roman fashionable*”. В самом деле, читая этот роман думаешь, что переходишь из гостиной в гостиную» (Собр. соч., т. IX. С. 142). Полевой

В это время мысль о создании современного «светского» романа или повести очень занимала Пушкина.

В «Романе в письмах», представляющем собою как бы свод литературно-полемиических (и политических) высказываний Пушкина, розданных им всем четырем корреспондентам, автор от лица одной из героинь говорит следующее о романах XVIII в.: «Умный человек мог бы взять готовый план, характеры, исправить слог и бессмыслицы, дополнить недомолвки — и вышел бы прекрасный, оригинальный роман. Скажи это от меня моему неблагодарному Р... Пусть он по старой канве вышьет новые узоры и представит нам в маленькой раме картину света и людей, которых он так хорошо знает». В этом мы узнаем тот метод, которым иногда пользовался сам Пушкин («Рославлев», «Барышня-крестьянка», «Русский Пелам»). Итак, мы видим, что задача создания «светской» повести заключалась для Пушкина (в 1829 г.) в том, чтобы превратить готовую сюжетную схему в конкретное произведение с определенным реальным материалом.

Несомненно, материалом светских повестей Пушкина и были его наблюдения над бытом и нравами того общества, в котором он жил после возвращения из Михайловского. Напомню, что в пушкинской литературе существуют указания на автобиографичность «светских» повестей Пушкина 1828—1829 гг.⁺ Но это, конечно, не исключает литературных реминисценций.

Самая тема повести «На углу маленькой площади» — адюльтер, и судьба женщины, открыто нарушив-

в уничтожающем разборе перевода Вяземского писал, что «роман Б. Констана верный список с невымышленной сцены света — не боле» (Моск. телеграф, 1831, т. XLI. С. 535).

⁺ «Путеводитель по Пушкину». С. 103—104, 252.

шей законы света, несомненно указывает на французские традиции⁺.

В заметке о предстоящем выходе перевода «Адольфа» Пушкин, характеризуя героя Б. Констана, приводит XXII строфу (тогда еще не напечатанной) VII главы своего «Онегина» и относит Адольфа к двум, трем романам,

В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

⁺ Датировка этого отрывка представляет некоторые затруднения; план повести (т. 2282, л. 23 об.) находится среди черновиков «Гасуба» и рядом со стихотворением «Поедем, я готов» (24 дек. 1829 г.). Черновик начала первой главы находится в бывш<ем> «Онегинском собрании». Он написан на двух листах с жандармскими цифрами (64 и 76). Как установлено Л.Б. Модзалевским, эти листы вырваны самим Пушкиным из тетр. 2371, в которой находится (почти примыкающее к Онегинскому черновику) продолжение первой главы и известная нам часть второй главы (лл. 86, 87, 88, 89). Они не могли быть написаны раньше лета 1830 г. (См. Б.В. Томашевский. «Пушкин и романы французских романтиков». «Лит. наследство», № 16–18. С. 947). В тетр. 2386 находится (лл. 13 и 50) перебеленный текст первой главы с пометой 24 февраля, как указал мне Г.О. Винокур. Обе рукописи носят на себе следы нескольких слоев работы. Все это говорит за то, что Пушкин писал этот отрывок с перерывами; начал его в 1830 г. (или даже в последние дни 1829), а в 1832 (24 февр.) переписал (поправляя), очевидно намереваясь продолжать его.

Таким же «сыном своего века» сделал Пушкин и героя отрывка: «На углу маленькой площади». Это явствует из следующих сравнений. В плане повести: «Он сатирический, рассеянный» Адольф говорит о себе: «Рассеянный, невнимательный, скучающий». И в другом месте: «Я распустил о себе славу человека легкомысленного и злобного» (т.е. сатирического). Далее, Пушкин так характеризует Валериана Волоцкого, в первоначальном наброске названного просто Алексеем: «Он не любил скуки, боялся всяких обязанностей и выше всего ценил свою себялюбивую независимость». Здесь Пушкин имеет в виду также высказывания Адольфа: «Я сравнивал *жизнь свою независимую* и спокойную с жизнью тревог, торопливости и волнений, на которую обрекала меня страсть ее»⁺. К этому следует добавить что обе эти характеристики относятся к одной и той же ситуации.

Создавая современного героя «сына века сего» — светского человека, столь же тщеславного и эгоистического, как Адольф⁺⁺, Пушкин заимствовал готовый ха-

⁺ «Я находил в этом роде успехов наслаждение самолюбия» («Адольф», стр. 65). Адольф говорит о своих светских успехах: «Вы увидите его в обстоятельствах различных и всегда жертвою сей смеси эгоизма и чувствительности, которые сливались в нем» (стр. 81). В 1836 г. Пушкин писал: «Нынешние любят выставлять порок всегда и везде торжествующим и в сердце человеческом обретают только две струны: эгоизм и тщеславие». Отсюда понятно, почему в конце 20-х годов. Пушкин считал Адольфа современным героем.

⁺⁺ Эпиграф первой главы: «Ваше сердце губка, напитанная желчью и уксусом», — конечно, служит дополнительной характеристикой героя. Примечательно также, что фраза: «В эти минуты надобно мне сидеть дома...» — имела первоначально такой вид: «В эти минуты надобно мне сидеть дома и не досаждать тебе моей хандрой».

рактик, по-своему объяснив, снизив и разоблачив его, согласно с характеристикой героя Б. Констана, данной в VII главе «Евгения Онегина». Не случайно на такую возможность намекает Вяземский в предисловии к «Адольффу», как мы видели, отредактированном Пушкиным: «Автор так верно обозначил нам с одной точки зрения характеристические черты Адольфа, что, применяя их к другим обстоятельствам, к другому возрасту, мы легко можем вынуть весь жребий его, на какую бы сцену действия не был он кинут. Вследствие того можно (разумеется с дарованием Б. Констана) написать еще несколько Адольфов в разных летах и костюмах».

Но Пушкин не только перенес в свою повесть характер Адольфа, но и поставил Алексея в то же положение, в котором находился герой Б. Констана. Мы знаем, что в ту пору (и никогда ни раньше, ни позже), вероятно, в связи с личными обстоятельствами его собственной жизни проблема Адольфа живо интересовала Пушкина. Памятник этого интереса: лирическое стихотворение 1829—1830 гг. — «Когда твои молодые лета», столь близкое по теме и по тону к Адольффу, а по ситуации к отрывку «На углу маленькой площади».

То немного, что известно нам из этого произведения, позволяет утверждать, что при создании этой повести Пушкин использовал сюжетную схему романа «Адольф» и ряд его психологических мотивировок. Показательна, например, разница лет любовников. Она та же в повести Пушкина, что и в романе Б. Констана: Волоцкому — 26 лет, Зинаиде — 36 л. Ср. в «Адольффе»: «Она десятью годами вас старше. Вам 26 лет». Описывая внешность Эленоры, Б. Констан пишет: «Прославленная своей красотой хотя уже не первой молодос-

ти»⁺. В первоначальном наброске I главы пушкинского отрывка: «прекрасная, хотя уже не молодая». Так же, как Эленора, Зинаида из-за открытой связи с любимым человеком теряет принадлежавшее ей прежде общественное положение. Эта тема проходит через весь роман Б. Констана; в отрывке повести Пушкина она намечается одной фразой: «Я так давно не выезжала, что совсем раззнакомилась с вашим высшим обществом». Следует отметить, что в пушкинском экземпляре «Адольфа» слова: «но я слишком страдала, я уже не молодая и мнение света мало владычествует надо мною» — подчеркнуты. Эленора просит Адольфа позволения принимать его «в убежище сокровенном посреди большого города». Именно такова ситуация, открывающая повесть Пушкина.

Изложение предыстории, кратко данной во второй главе пушкинского отрывка⁺⁺, очень близко к развитию действия в «Адольфе»: «Граф П. скоро заметил сношения мои с Эленорой» («Адольф»), «** скоро удостоверился в неверности своей жены» («На углу маленькой площади»).

Но наиболее близкое сходство находится в описании разрыва Зинаиды с мужем. Адольф надеется, что Эленора не порвет с графом П., с которым она должна

⁺ Предшественница Зинаиды в творчестве Пушкина — гр. Леонора Д. в «Арапе Петра Великого», которая: «была не в первом цвете лет, но славилась еще своею красотой».

⁺⁺ В рукописи II глава начинается зачеркнутой фразой: «Зинаида им овладела». Очевидно, Пушкин первоначально предполагал более подробно изложить предысторию. В «Адольфе» приведенной фразе соответствуют следующие места: «Я был только человек слабый, признательный, и поработанный...» «Я покорился ее воле».

иметь решительное объяснение; далее следует фраза, близкая пушкинскому тексту: «как вдруг женщина принесла мне записку (*un billet*), в которой Эленора просила меня быть к ней в такой-то улице, в таком-то доме, в третьем этаже». Адольф идет к Эленоре. «Все расторгнуто, сказала она мне...» В пушкинском отрывке Зинаида тоже после объяснения с мужем «в тот же день переехала с Английской набережной в Коломну⁺ и в короткой записочке⁺⁺ уведомила обо всем Волоцкого, ничего тому подобного не ожидавшего». Непосредственно за этим и в романе Б. Констан, и в отрывке повести Пушкина следует весьма важное для объяснения характера обоих героев описание их растерянности по получении этого известия: «я принял ее жертву, благодарил за нее» (Адольф). «Он притворился благодарным» («На углу маленькой площади»). О самочувствии своих героев Б. Констан и Пушкин говорят почти одно и то же: «Никогда не думал он связать себя такими узами» (Пушкин); «Узы мои с Эленорой», «Ибо узы, которые я влачил так давно» (Б. Констан). В пушкинском экземпляре «Адольфа» отчеркнут конец фразы: «уверенность в будущем, которое должно разлучить нас, может быть *неведомое возмущение против уз, которые я расторгнуть не мог, меня внутренне снесли*».

Самая ситуация в первой главе пушкинского отрывка может быть объяснена следующей цитатой из романа Б. Констан: «Мы проводили однообразные вечера между молчанием и досадами». Ср. в отрывке повести Пуш-

⁺ Первоначально было: На Васил<ьевский> Остров». То и другое соответствует третьему этажу в «Адольфе».

⁺⁺ Первоначально было: оттуда послала Вол<оцкому> страничку. У Констан: *billet*, т.е. листик, письмецо, записка.

кина: «Ты молчишь, не знаешь, чем заняться, перевертываешь книги, придираешься ко мне, чтоб со мной поборниться...»⁺

Итак, мы видим, что Пушкин в отрывке повести «На углу маленькой площади» воспроизвел сюжетную схему «Адольфа» (начиная с IV главы романа Б. Констан), окрасив своим отношением характер центрального героя. Волоцкий, во всяком случае, лишен той «декламационной сентиментальности», которая, по выражению одного из французских критиков, характерна для Б. Констан.

Не забудем, что для Пушкина Адольф был байроническим героем («Бенж. Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона»). Следовательно, разоблачая и сатирически интерпретируя Адольфа, Пушкин тем самым преодолевал байронизм в своих прозаических опытах так же, как в «Евгении Онегине».

Сатирическая оценка психологии центрального героя, конечно, связана у Пушкина с оценкой его социального положения. Это тем более важно отметить, что аналогичные сатирические оценки в романе Б. Констан имеют лишь побочное значение. Социальный смысл сатирической направленности пушкинского отрывка («На углу маленькой площади») вскрывается в теме спора Зинаиды с Волоцким. Тема этого спора — излюбленные пушкинские размышления о новой знати («Аристокра-

⁺ См. также: «Она никогда не отпускала меня не старавшись удержать» («Адольф»). «“Ты уж едешь?” — сказала дама с беспокойством. — “Ты не хочешь здесь отобедать?” — “Нет, я дал слово”. — “Обедай со мною”, — продолжала она ласковым и робким голосом» («На углу маленькой площади»).

ция, прервала бледная дама, что ты зовешь аристокрациею...»)⁺, почти дословно повторяющиеся в двух других светских повестях Пушкина. «Что такое русская аристократия?» — спрашивает испанец Минского («Гости съезжались на дачу»); «Ты знаешь, что такое наша аристократия», — пишет Лиза подруге («Роман в письмах»). В Волоцком Пушкин изобразил «потомка Рюрика»⁺⁺, который требует уважения от новой знати.

Поэтому Волоцкий и говорит с такой пренебрежительностью о «дочери того певчего». Под «дочерью певчего» надо подразумевать, конечно, не дочь какого-нибудь церковного певчего, а представительницу новой знати, столь ненавидимой Пушкиным. Стих «Моё родос-

⁺ Тетрадь 2371, л. 68.

⁺⁺ Самая фамилия героя пушкинского отрывка раскрывает его социальную позицию. *Кн. Волоцкие* — угасший в пушкинское время род, ведший свое происхождение от Рюрика и владевший гор Волоком Камским или просто Волоком. Пушкин, так живо интересовавшийся своей родословной, конечно, знал древние русские роды и в том же 1830 г. упоминает о прекращении многих из них: «Смотря около себя и читая старые наши летописи, я сожалел, видя как древние дворянские роды уничтожались...» (см. также: «Мне жаль, что нет князей Пожарских, /Что о других пропал и слух». «Езерский»). В подготовительных заметках к «Борису Годунову» рюриковичи выписаны из Карамзина: «Князя Рюр<икова> пл<емени> *Шуйский, Сицкий, Воротынский, Ростовский, Телятевский* и пр.»; некоторые из них названы в самой трагедии: *Шуйский, Воротынский, Сицкий, Шастуновы* (также *Курбский* — «великородный витязь». Ср. в X главе «Евгения Онегина»: «Но виршеплет великородный» о кн. *Долгорукове*); фамилия Сицких повторена в «Езерском»: «И умер *Сицких* пересев». В «Арапе Петра Великого» *Ржевский*, про которого сказано, что он происходил от древнего боярского рода, его тесть *Лыков*; предполагаемые женихи Ржевской — *Львов, Долгоруков, Троекуров. Елецкий* (о происхождении *Елецких* Пушкин писал в отрывке «Не-

ловной» (1830) «Не пел на клиросе с дьячками», как известно, метит в Разумовских. Их же, между прочим, Пушкин имеет в виду в перечислении: «Смешно только видеть в ничтожных внуках пирожника, деньщика, певчего и беглого <солдата> — спесь <герцогов> Монморанси <и> Клермон Тонера, первого христианского барона» («Гости съезжались на дачу»). Титул «первого христианского барона» имел глава дома Монморанси. Ср. в «Записках» Вигеля: «Все сыновья... Кирилла Григорьевича <Разумовского> были... спесивы и недоступны... и почитали себя русскими Монморанси» (т. I, с. 303). Несмотря на всю эскизность портрета, в графине Фуфлыгиной можно узнать другую представительницу новой

смотря на великие преимущества», 1830). Снова *Ржевская* в плане повести «О стрельце и боярской дочери». Конечно, не случайно многие герои пушкинских и не исторических произведений 1829–1834 гг. носят фамилия рюриковичей, в XIX в. уже не существовавшие или которые можно было назвать, не задевая никого, как, напр., *Елецкий*. *Минский*, гусар-аристократ («Станционный смотритель») и *Минский* («Гости съезжались на дачу»), сам рекомендуемый рюриковичем, разоряющийся англоман *Муромский* («Барышня-крестьянка»), кн. *Горский* (черновик «На углу маленькой площади»), снова *Троекуров* («Дубровский»), о котором сказано, что он был знатного рода, и кн. *Верейский* (там же) и кн. *Елецкая* («Пиковая Дама») переименованы в «Российской родословной книге» Долгорукова, как ведущие род от Рюрика. Упоминает Пушкин и фамилии, произошедшие от его пращура Радши — см. пушкинскую «Родословную Пушкиных и Ганнибалов»: *Бутурлин* — один из гостей Шуйского, и *Бутурлин*, оспаривающий вместе с Долгоруким Петра в сенате («Арап Петра Великого») и московская барыня *Поводова* («Роман на кавказских водах»). От Радши — и упоминаемый в «Борисе Годунове» московский дворянин Рожнов. Таким образом, мы видим, что семантика этих фамилий дает дополнительный материал для постановки вопроса об отношении Пушкина к старой знати.

аристократии, законодательницу петербургского света гр. М.Д. Нессельроде⁺. Она была личным врагом Пушкина за приписываемую поэту эпиграмму на отца Нессельроде, министра Гурьева. Характеристика, данная Пушкиным гр. Фуфлыгиной, очень близка к отзывам современников о гр. Нессельроде.

Волоцкий называет аристократами «тех, которые протягивают руку графине Фуфлыгиной». См. в мемуарах М.А. Корфа: «Салон графини Нессельроде... был неоспоримо первым в С.-Петербурге; попасть в него, при его исключительности, представляло трудную задачу... но кто водворялся в нем, тому это служило открытым пропуском во весь высший круг». Фуфлыгина — толста. П.А. Вяземский писал А.Я. Булгакову о Нессельроде: «...и плечиста, и грудиста, и брюшиста». Фуфлыгина — взяточница и наглая дура. Впоследствии П.В. Долгоруков вспоминает о Нессельроде: «женщина ума недалекого... взяточница, сплетница... но отличавшаяся необыкновенной энергиею, дерзостью, нахальством и... посредством этого нахальства державшая в безмолвном и покорном респекте петербургский придворный люд».

Элементы «злословия», присущие жанру светской повести (см., например, «Пелам» Бульвера), в незаконченных повестях Пушкина функционально изменяются, приобретая резко-публицистическую направленность.

⁺ Ни в черновике б. Онегинского собрания, ни в продолжении пушкинского отрывка в тетради № 2371 Фуфлыгина не упоминается. Вероятно, этот персонаж введен Пушкиным только в 1832 г. при переписке повести (тетрадь 2386): за это говорят и помарки в этом месте рукописи. В 1832 г. Пушкин жил в Петербурге, и его отношение к гр. Нессельроде уже определилось. О столкновении Пушкина с Нессельроде рассказывает Нащокин. Столкновение это, по-видимому, относится к началу 30-х гг. (см. П.И. Бартенев. «Рассказы о Пушкине». С. 42 и 111).

Таким образом, эти повести могут рассматриваться как иллюстрация программных высказываний Пушкина в его статьях того времени.

Что же касается указаний на автобиографичность «светских» повестей Пушкина и, в частности, отрывка «На углу маленькой площади», то при известной способности Пушкина перевоплощаться в любимого писателя очень легко допустить, что во второй половине 20-х годов светская ипостась Пушкина (которую он с таким старанием отделял от своей творческой личности) воплотилась в светского, скучающего и стремящегося к независимости Адольфа. Ср., например, пушкинский отрывок «Участь моя решена. Я женюсь...» с «Адольфом»⁺. Поэтому, если в Онегине и Волоцком есть Адольф, то этот Адольф — Пушкин. Этому, конечно, способствовала в особенности автобиографичность самого «Адольфа», которая подобно автобиографичности «Вертера» должна была наталкивать на мысль о создании произведений автобиографического характера. Сам Б. Констан в предисловии к третьему изданию своего романа писал: «то придает некоторую истину рассказу моему, что почти все люди, его читавшие, говорили мне о себе, как о действующих лицах, бывавших в положении моего героя».

⁺ Через один абзац от написанного Пушкиным на полях «Адольфа» слова «bonheur»* следуют рассуждения Адольфа о своей независимости и сожаление о предстоящей потере ее: «Я сравнивал жизнь свою независимую и спокойную с жизнью тревог и волнений. Мне так любо было чувствовать себя свободным, идти, придти, отлучиться, возвратиться не озабочивая никого». У Пушкина (1830): «...я жертвую независимостию, моей беспечной, прихотливой независимостию. Утром встаю, когда хочу, принимаю кого хочу...»

* Счастье (фр.).

IV

Итак, мы видим, что Пушкин, в конце 20-х годов, решая проблему создания не байронической характеристики современного героя, отчасти опирается на «Адольфа».

Изменение отношения Пушкина к байроническому герою должно быть отмечено уже в «Евгении Онегине».

В пушкинской литературе неоднократно указывалось на сходство Онегина с Адольфом. Из всех убеждающих нас сопоставлений Онегина с Адольфом можно сделать один вывод: «Адольф» был одним из произведений, давших Пушкину скептические и реалистические позиции против Байрона.

Следует отметить, что сходство Онегина с Адольфом возрастает к концу пушкинского романа, и в особенности явственно в VIII главе (1830). Теперь, когда мы знаем ряд фактов, по-новому освещающих отношение Пушкина к Адольфу, можно с большей уверенностью указать еще несколько довольно существенных совпадений VIII главы «Онегина» с романом Б. Констана.

Начну с черновых вариантов: «Свой дикий нрав преодолев» — ср. Адольф: «се caractère qu'on dit bizarre et sauvage...»*. Последний стих XII строфы имел первоначально такой вид:

Заняться чем-нибудь хотел.

Адольф тоже мечтает о деятельности⁺. Кроме того, при сопоставлении VIII главы с Адольфом можно найти более близкие примеры, чем это было сделано до сих пор: барон Т. говорит Адольфу: «Вам 26 лет, вы достигнете

* «Сей характер, который почитают странным и диким...» (фр.).

⁺ «Я сетовал не об одном поприще: не покусившись ни на одно, я сетовал о всех поприщах»; «Я ощущал в себе живейшее нетерпение приобрести вновь в отечестве и в сообществе мне равных место, принадлежавшее мне по праву».

половины жизни вашей, ничего не начав, ничего не свершив». В VIII главе «Онегина»:

Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга...

Далее, Адольф говорит: «Я кинул долгий и грустный взгляд на время, протекшее без возврата: я припомнил надежды молодости... *мое бездействие давило меня...*» Ср. VIII главу: «Но грустно думать, что напрасно/Была нам молодость дана...» Есть сходство и в самой ситуации, которую представляет нам VIII глава, с началом романа Б. Констана.

Родственник героя, граф П., в подругу которого влюблен Адольф, приглашает его на вечер. Князь N, муж Татьяны, приглашает Онегина на вечер.

Адольф, желая увидеть Эленору, поминутно смотрит на часы — «Онегин вновь часы считает, вновь не дожидаться дню конца!»

«Наконец пробил час, когда Адольфу нужно было ехать к графу».

«Но десять бьет...»

Адольф чувствует трепет, приближаясь к Эленоре.

«Он с трепетом к княгине входит».

Но всего примечательнее то, что в VIII главе светский дэнди Онегин неожиданно становится таким же застенчивом и робким, как Адольф, когда он оставался наедине с Эленорой.

Татьяну он одну находит
И вместе несколько минут
Они сидят. Слова *нейдут*
Из уст Онегина. Угрюмый,

Неловкий, он едва, едва

Ей отвечает.

Здесь Пушкин очень близко повторяет Б. Констана: «*tous mes discours expiraient sur mes lèvres*» (все мои речи замирали на моих устах).

Онегин так же, как Адольф, не решается на объяснение и посылает письмо. Для этого письма Пушкин черпает из «Адольфа» целый ряд формул и таким образом прибегает к «Адольфу» для создания языка любовных переживаний:

Я знаю; век уж мой измерен;

Нс чтоб продлилась жизнь моя,

Я утром должен быть уверен,

Что с вами днем увижусь я...

Ср. у Констана: «*Je n'ai plus le courage de supporter un si long malheur, mais je dois vous voir s'il faut que je vive*»*.

Адольф, пославший первое любовное письмо Эленоре, боялся угадать в ее улыбке след какого-то презрения к нему. Ср. в письме Онегина:

Какое горькое презренье

Ваш гордый взгляд изобразит!

«Чего хочу?», восклицает Онегин. «*Qu'est-ce que j'exige?*» — спрашивает Адольф, в объяснении с Эленорой (гл. III). В том же объяснении с Эленорой Адольф говорит: «напряжение, которым одолеваю себя, чтобы говорить с вами несколько спокойно, есть свидетельство чувства для вас оскорбительного» и просит Эленору

* «Я уже не имею достаточной бодрости для перенесения столь продолжительного несчастья... но мне необходимо вас видеть, если я должен жить» (фр.).

не наказывать его за то, что она узнала тайну (т.е. его любовь). Это место отчеркнуто в пушкинском экземпляре «Адольфа». Ср. в «Письме Онегина»:

Предвижу все: вас оскорбит
Печальной тайны объясненье.

Выражение «милая привычка», дважды употребленное Пушкиным в любовных объяснениях⁺ и между прочим в «Письме Онегина» — «Привычке милой не дал ходу» находится все в том же объяснении Адольфа с Эленорой (*Vous avez laissé naître et se former cette douce habitude*)⁺⁺⁺.

И, наконец, письмо Адольфа к Эленоре (гл. III), вторая половина которого в пушкинском экземпляре «Адольфа» перечеркнута карандашной линией (от слов «*Tout près de vous*» и до конца), содержит одно место, очень близкое к «Письму Онегина», написанному 3 октября 1831 г.⁺⁺⁺

+ Н.П. Дашкевич отметил, что «Письмо Онегина к Татьяне напоминает некоторыми мыслями объяснение Адольфа с Эленорой (см. гл. III)», но не привел примеров этого сходства, важного, как мы дальше увидим, в связи с «Каменным гостем».

* Вы дали возникнуть (созреть) сей сладостной привычке (*фр.*).

++ Ср. в «Мятели»: «Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке видеть и слышать вас ежедневно». Пушкин отсылает читателя к «Новой Элоизе» Руссо («Мария Гавриловна вспомнила 1-е письмо S. Preux»). Однако в первом письме S. Preux нет выражения «милая привычка».

+++ Незадолго до этого, по-видимому в сентябре, вышел «Адольф» Вяземского. В «Трудах и днях» Пушкина ошибочно указано Н.О. Лернером, что перевод Вяземского вышел в марте 1831 г. (Лернер Н.О. Назв. соч. С. 238). Первая часть тиража вышла в начале июня, весь тираж в ноябре. См.: Гиллельсон М.И. П.А. Вяземский. Л., 1969. С. 182.

Желать обнять у вас колени,	lorsque j'aurai un tel besoin de
И, зарыдав, у ваших ног	me reposer de tant d'angoisse,
Излить мольбы, признанья, пени,	de poser ma tête sur vos
Все, все, что выразить бы мог,	genoux, de donner un libre
А между тем притворным хладом	cours à mes larmes il faut que
Вооружать и речь и взор...	je me contraigne... (гл. III)*.

Все эти сопоставления должны рассматриваться, как перенесение Пушкиным из «Адольфа» в «Евгения Онегина» психологической терминологии любовных переживаний.

V

Жанровые эксперименты, характеризующие работу Пушкина в конце 20-х годов, идут по самым разным линиям.

Теперь уже можно говорить, что именно в конце 20-х годов Пушкин работал над жанром своих маленьких романтических трагедий. И очень примечательно, что параллельное использование Байрона и Б. Констана мы находим также и в одной из этих трагедий — в «Каменном госте». Таким образом «Адольф» был использован Пушкиным еще по одной линии его жанровых исканий. С одной стороны, сатирический роман «Евгений Онегин», с другой — психологическая повесть «На углу маленькой площади», с третьей — романтическая трагедия «Каменный гость».

Выше отмечено совпадение письма Онегина («Я знаю, век уж мой измерен...») с текстом «Адольфа». Тот же текст был заимствован Пушкиным для «Каменного гостя». Любопытна и не очень обычна для Пушкина форма этого заимствования. Обыкновенно в пушкинских заимствованиях источник подвергается некото-

* «...Когда мне было бы так нужно отдохнуть от стольких сотрясений, приложить голову мою к вашим коленам, дать вольное течение слезам моим, должно мне еще превозмогать себя насильственно...» (фр.)

рой переработке и дальнейшему развитию. Здесь же мы видим почти дословный перевод. Пушкин вкрапливает цитату из «Адольфа» в текст своей трагедии. Эта цитата находится в III сцене «Каменного гостя», в объяснении в любви Дон Гуана; уже начало реплики Дон Гуана на слова Донны Анны: «Я слушать вас боюсь» —

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому ваш вид одна отрада —

довольно близко к «Адольфу»: «чем заслужил я лишения сей *единственной отрады*» (Адольф говорит о запрещении видеть Эленору)⁺. Затем в «Каменном госте» следует цитата из «Адольфа»:

Я не питаю дерзостных надежд,
Я ничего не требую, но видеть
Вас должен я, когда уже на жизнь
Я осужден.

Je n'espère rien, je ne demande rien, je ne veux que vous voir; mais je dois vous voir s'il faut que je vive⁺⁺.
<«Я ни на что не надеюсь, ничего не прошу, хочу только вас видеть, но мне необходимо вас видеть, если я должен жить»>

⁺ Ср. в «Барышне-крестьянке»: Алексей заклинал Лизу «не лишать его одной *отрады* — видеться с нею...» Напомню, что Вяземский закончил пересмотр своего перевода «Адольфа» летом 1830 г. В августе он выдался с Пушкиным и вместе с ним ехал из Петербурга в Москву, оставив свой перевод на попечение Жуковского и Дельвига. Вероятно, тогда Вяземский и дал Пушкину на просмотр свой перевод «Адольфа».

⁺⁺ Ср. письмо Пушкина к неизвестной (1823): «je ne veux rien, je ne demande rien»^{*}; там же о любви без надежд: «Si j'avais des *espérances*»^{**}; ср. также лирическое стихотворение «Признание» (1824): «Не смею требовать любви».

^{*} «Я не прошу ни о чем» (фр.).

^{**} «Если бы я имел надежды» (фр.).

Лучший комментарий к этому месту дал сам Пушкин в «Арапе Петра Великого» (1827): «что ни говори, а любовь без надежд и требований трогает женское сердце вернее всех расчетов обольщения». Ср. с этой авторской ремаркой в «Арапе Петра Великого» следующее место в той же III сцене «Каменного гостя».

Когда б я был безумец, я б хотел
В живых остаться, я б имел надежду
Любовью нежной тронуть ваше сердце...

После этого понятно, что тронутая любовью без надежд и требований Донна Анна отвечает:

...Завтра,
Ко мне придите. Если вы клянетесь
Хранить ко мне такое ж уваженье⁺,
Я вас приму — но вечером — позднее.

Эти слова перенесены Пушкиным из предыдущей (II) главы «Адольфа», где на требование Адольфа принять его «завтра в 11 часов» Эленора отвечает: «Je vous reseverai demain mais je vous conjure...» <«Я вас приму завтра, но заклинаю вас...»>. Эленора не кончает фразы, потому что боится быть услышанной присутствующими, но по смыслу фраза ее не могла иметь иного окончания. Пушкин договаривает за Констанана.

Столь же несомненна близость к «Адольфу» слов Дон Гуана о тайне (т.е. любви своей), которую он нечаянно выдал:

⁺ Адольф говорит, что расточал Эленоре, согласившейся видаться с ним наедине: «тысячу уверений в нежности, в преданности, в уважении вечном».

Случай, Донна Анна, случай
 Увлек меня, не то б вы никогда
 Моей печальной тайны не узнали.

Адольф просит Элленору «удалить воспоминание о минуте испуга: не наказывать меня за то, что вы знаете тайну, которую должен был заключить я во глубине души...» Эта фраза, как было отмечено выше в связи с «Письмом Онегина», отчеркнута в пушкинском экземпляре «Адольфа»⁺.

Дон Гуан так же, как Адольф, начинает с угрозы самсубийства: «О пусть умру сейчас у ваших ног» («Кам<енный> гость»); «Я сейчас еду... пойду искать конца жизни» («Адольф»).

В начале IV сцены Дон Гуан говорит:

Наслаждаюсь молча
 Глубоко мыслью быть наедине
 С прелестной Донной Анной...

Все в той же III главе «Адольфа» читаем: «Потребность видеть ту, которую любил, наслаждаться ее присутствием владела мной исключительно». Перед этим Адольф говорит, что в его «душе уже не было места ни расчетам, ни соображениям», и он «признавал себя влюбленным добросовестно, истинно» (гл. III).

А в письме Адольфа к Элленоре, цитированном выше в связи с письмом Онегина, читаем: «А если бы я встретил вас ранее, вы могли бы быть моею».

⁺ Она находится рядом с той, в которой дана характеристика Адольфа: «Вам известно мое положение, сей характер, который почтиают странным и диким...». (Напечатанные курсивом слова — отчеркнуты в пушкинском экземпляре «Адольфа»). Ср. «Евг<ений> Онегин», гл. 8, после стр. XXX (в ркп.): «Свой дикий нрав преодолев».

Ср. IV сцену «Каменного гостя»: «Если б я прежде вас узнал...» Самое отношение Дон Гуана к Донне Анне, ни в коем случае не восходящее к традициям классических Дон Жуанов, обычно истолковывается двояко: либо Дон Гуан романтически влюблен в Донну Анну, но в таком случае психологически мало правдоподобен тот цинический и слегка пренебрежительный тон, которым он говорит о Донне Анне в ее отсутствие; либо вдохновенная искренность его слов лишь умелая игра, но этому толкованию, в свою очередь, противоречат слова Дон Гуана («Я гибну — кончено — о Донна Анна!»), произносимые им в момент гибели, когда притворяться было уже незачем.

Поведение Дон Гуана, как мне кажется, находит свое психологическое обоснование, если мы сопоставим Дон Гуана, соблазняющего Донну Анну, с Адольфом, соблазняющим Эленору. Адольф говорит о себе: «Кто бы стал читать в сердце моем в ее отсутствие, почел бы меня соблазнителем холодным и малочувствительным. Но кто бы увидел меня близь нея, — тот признал бы меня за любовного новичка, смятенного и страстного».

Таким образом, исторический персонаж пушкинской трагедии приобретает психологический облик современного светского соблазнителя Адольфа⁺, героя того

⁺ В начале романа Адольф сам характеризует себя, как соблазнителя. См., напр.: «В доме моего родителя я составил себе о женщинах образ мыслей довольно безнравственный...»; «Мое сердце требовало любви, а чувство суетных успехов. Эленора показалась мне достойной моих искусительных усилий...»; «Я не думал, что люблю Эленору, но уже не мог отказаться от мысли ей нравиться... вымышляя тысячи средств к победе... мое воображение, мои желания, какая-то наука светского самохвальства восставала во мне».

романа, о котором Пушкин в 1830 г. вспоминает в связи с «жгучими чтениями своих юных лет» и с героиней которого Пушкин сравнивает свою корреспондентку.

В связи с модернизацией характера Дон Гуана в «Каменном госте» интересно отметить, что один важный исторический эпизод пушкинской трагедии тоже имеет источник не исторического характера. Я имею в виду воспоминания Дон Гуана о своей ссылке. Место ссылки Дон Гуана на основании текста Пушкина не может быть указано хоть сколько-нибудь точно. Вопрос проясняется лишь из сопоставления с источником: «Дон Жуаном» Байрона. У Байрона — Жуан приезжает в Англию (песнь X). Первое, что он замечает, это дым, окутывающий Лондон: «The sun went down, the smoke rose up» (Солнце опускалось, дым поднимался). Ср. в «Каменном госте»: «а небо точно дым». В XII песне Байрон называет Англию: «the shore of white cliffs, white necks, blue eyes» (т.е. страной белых утесов, белых шей, синих глаз). Чужестранки в «Каменном госте» сначала нравились Дон Гуану: «Глазами синими, да белизною». Жуану они сначала не нравились (At first he did not think: the women pretty), потому что новинки меньше нравятся, чем впечатляют («That novelties please less than they impress»). Ср. в «Каменном госте»: «а пуще новизною». Есть в той же песне байроновского «Дон Жуана» и сравнение англичанки с андалузской девушкой: «She cannot step as does an Arab barb/Or Andalusian girl from mass returning». Ср. в «Каменном госте»:

*А, женщины, да я не променяю
Последней в Андалузии крестьянки
На первых тамошних красавиц, право.*

Эта строфа «Дон Жуана» находится через одну от той, где Байрон говорит о русских, бросающихся из горячей бани прямо в снег. К этому месту Байрон сделал следующее примечание: «Русские, как общеизвестно, бегут из горячей бани, чтобы окунуться в Неву...» Об упоминаниях в байроновских поэмах о русских обычаях Пушкин писал в «Отрывках из писем, мыслях и замечаниях»: «В своих поэмах он часто говорит о России, о наших обычаях» («Северные цветы» на 1828 г.).

После всех этих сопоставлений трудно рассматривать «Каменного гостя», как историческую трагедию. Она не может рассматриваться и только как решение проблемы изображения общечеловеческих страстей. Выясняется автобиографичность и современные ноты «Каменного гостя».

Итак, мы видим, что Пушкин, решая совершенно разные литературные задачи («Евгений Онегин», «Каменный гость», «На углу маленькой площади»), несколько раз обращался к «Адольфу», но всякий раз для того, чтобы психологизировать свои произведения и придать им ту истинность (правдоподобие), которую отмечали в «Адольфе» все его читатели, начиная с Сисмонди и кончая Полевым. Здесь я еще раз приведу цитаты из «Предисловия» Вяземского (как мы видели, отредактированного Пушкиным), проясняющие взгляд Пушкина и его современников на «Адольфа», как на произведение, в котором они узнавали подлинную жизнь: «Вся драма в человеке, всё искусство в истине... Во всех наблюдениях автора так много истины... Женщины вообще не любят Адольфа, т.е. характера его, и это порука в истине его изображения... Романист не может идти по следам Платона и импровизировать республику... Каковы

отношения мужчин и женщин в обществе, таковы должны они быть в картине его. Пора Малек-Аделей и Густавов миновалась⁺. ...Трудно в таком тесном очерке, в таком ограниченном и так сказать одиноком действии более выказать сердце человеческое, переверотить его на все стороны, выворотить до дна и обнажить наголо во всей жалости и во всем ужасе холодной истины».

То, о чем говорит Вяземский, конечно, еще не реализм в смысле литературной школы; но уже то, что в «Адольфе» узнавали действительность и противопоставляли его истинность, т.е. правдоподобие, «мечтательной Аркадии романов» баронессы Криднер и романов, написанных почти одновременно с «Адольфом» («Валерия» Криднер 1803 г. и «Матильда» Коттен 1805 г.), доказывает, что для Пушкина роман Б. Констана уже подступ к реализму⁺⁺.

⁺ Эта фраза звучит, как цитата. Ср. «Евгений Онегин» (глава III, строфа IX): «Малек Адель и де Линар», а также примечание Пушкина: «Малек Адель, герой посредственного романа M-e Cottin. Густав-де-Линар, герой прелестной повести баронессы Крюднер». О неправдоподобии романов Коттен Пушкин говорил дважды: в III главе Онегина (строфа XI, характеристика героя старых романов) и в статье «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности» (1836).

⁺⁺ В том же самой отрывке повести («На углу маленькой площади»), который воспроизводит сюжетную схему «Адольфа», несомненно влияние и Бальзака. Я имею в виду рассуждения о том, как должен себя вести обманутый муж. В декабре 1829 г. вышла (анонимно) знаменитая «Физиология брака» Бальзака, о которой Пушкин упоминает в «Египетских ночах». В этой книге вопрос о поведении обманутого мужа трактуется чрезвычайно подробно. Напр., «Quelle doit être la conduite d'un mari en s'apercevant d'un dernier symptôme qui ne lui laisse

Поэтому сопоставление «Адольфа» с произведениями Пушкина вплотную подводит к принципиальным вопросам, связанным с проблемой реализма в творчестве Пушкина.

aucun doute sur l'infidélité de sa femme»* (с. 287, изд. 1868 г.) Ср. в пушкинском отрывке: «** скоро удостоверился в неверности своей жены. Он не знал на что решиться: притвориться ничего не замечающим казалось ему глупым». ... Ср. с «Физиологией брака»: «Paratre instruit de la passion de sa femme est d'un sot; mais feindre d'ignorer tout est d'un homme d'esprit»[†] (с. 229). Там же: «Le grand écueil est le ridicule»^{††}. «Бальзак также дает ряд примеров мужей, смеющихся «над несчастьем столь обыкновенным» (с. 288), что Пушкин называет «презрительным». В пушкинском отрывке одно сравнение взято из той же книги Бальзака: «Он вышел из комнаты, как школьник из класса» (черн.). «Elle s'évada comme un écolier qui vient d'achever une pénitence»^{†††}. Ср. также в «Станционном смотрителе»: «Дуня, одетая со всей роскошью моды, сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле». Ср. у Бальзака: «J'aperçus une jolie dame assise sur le bras d'un fauteuil, comme si elle eut monté un cheval anglais»^{††††} (с. 115). В письме от 12 апреля 1831 г. В.С. Голицын, которого Пушкин ссужал книгами, писал: «Посылаю Вам развратительную книгу (Physiologie du mariage)...» («Литературное наследство». Т. 16/19. С. 610).

* «Каким должно быть поведение мужа, окончательно убедившегося в неверности своей жены» (фр.).

** «Только глупец показывает, что знает о страсти своей жены, умный человек сделает вид, что ничего не замечает» (фр.).

*** «Самое опасное для чести — это смешное» (фр.).

**** «Она удалилась, как школьник, который отбыл наказание» (фр.).

***** «Я заметил красивую даму, сидящую на ручке кресла, как будто она сидела на английской лошади» (фр.).

«КАМЕННЫЙ ГОСТЬ» ПУШКИНА

1

Известно, что в первый период своего творческого пути (когда вышли «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и ранняя лирика) Пушкин был любим своими современниками, литературный путь его был прям и блистателен. И вот где-то около 1830 года читатели и критика отшатнулись от Пушкина. Причина этого лежит прежде всего в самом Пушкине. Он изменился. Вместо «Кавказского пленника» он пишет «Домик в Коломне», вместо «Бахчисарайского фонтана» — «Маленькие трагедии», затем «Золотого петушка», «Медного всадника». Современники недоумевали, враги и завистники ликовали. Друзья отмалчивались. Сам Пушкин в 1830 году пишет:

И альманахи, и журналы,
Где поученья нам твердят,
Где нынче так меня бранят,
А где такие мадригалы
Себе встречал я иногда...

(VI, 183)

В чем же и как изменился Пушкин?

В предисловии, предполагавшемся к VIII и IX главам «Онегина» (1830), Пушкин полемизирует с критикой: «Век может идти себе вперед», но «поэзия остается на одном месте... Цель ее одна, средства те же» (VI, 540, 541).

Однако в том же году в набросках статьи о Баратынском Пушкин совершенно иначе рисует отношения поэта с читателем: «Понятия, чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому, молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут — юный поэт музает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни. Поэт отделяется от их, и мало-помалу уединяется совершенно. Он творит — для самого себя и если изредка еще обнаруживает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, как он уединенных, затерянных в свете» (XI, 185).

Странно, что до сих пор нигде не отмечено, что эту мысль подсказал Пушкину сам Баратынский в письме 1828 года, где он так объясняет неудачу «Онегина»: «Я думаю, что у нас в России поэт только в первых, незрелых своих опытах может надеяться на большой успех. За него все молодые люди, находящие в нем почти свои чувства, почти свои мысли, облеченные в блистательные краски. Поэт развивается, пишет с большою обдуманностью, с большим глубокомыслием: он скучен офицерам, а бригадиры с ним не мирятся, потому что стихи

его все-таки не проза. Не принимай на свой счет этих размышлений: они общие» (Пушкин, XIV, 6).

Из сравнения этих двух цитат видно, как Пушкин развил мысль Баратынского.

Итак, не поэзия неподвижна, а читатель не поспевает за поэтом.

В герое «Кавказского пленника» с восторгом узнавали себя все современники Пушкина, но кто бы согласился узнать себя в Евгении «Медного всадника»?

2

К числу зрелых произведений Пушкина, не услышанных не только современниками, но и друзьями поэта⁺, относятся его «Маленькие трагедии». Быть может, ни в одном из созданий мировой поэзии грозные вопросы морали не поставлены так резко и сложно, как в «Маленьких трагедиях» Пушкина. Сложность эта бывает иногда столь велика, что в связи с головокружительным лаконизмом даже как будто затемняет смысл и ведет к различным толкованиям (например, развязка «Каменного гостя»). Мне кажется, объяснение этому дает сам Пушкин в заметке о Мюссе (24 октября 1830 года), где он хвалит автора «Contes d'Espagne et d'Italie» за

⁺ В дневниковой записи Вяземский холодно перечисляет «Маленькие трагедии», как новости, привезенные Пушкиным из Болдина (П.А. Вяземский. Полное собрание сочинений. Т. 9. СПб., 1884. С. 152), а Жуковский в 1831 году пишет Пушкину: «Напрасно сердиться на Чуму: она едва ли не лучше Каменного гостя» (XIV, 203). Восторги Белинского относятся уже к 1841 году («величайшее создание Пушкина — его "Каменный гость"»). — В.Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Т. IV. Изд. Акад. наук СССР. М., 1954. С. 424).

отсутствие морализирования и вообще не советует «ко всякой всячине приклеивать нравоучение» (XI, 175—176). Это наблюдение дает отчасти ключ к пониманию якобы шутовой концовки «Домика в Коломне» (9 октября 1830 года):

Да нет ли хоть у вас нравоученья?
 Нет... или есть: минуточку терпенья...
 Вот вам мораль...

(V, 93)

и далее следует явно вызывающая пародия на нравоучительную концовку («Больше ничего Не выжмешь из расказа моего»).

Понятно, что для поэта, так поставившего вопрос о морализировании, многие обычные пути изображения страстей были закрыты. Все сказанное выше в особенности относится к «Каменному гостю», который все же является обработкой мировой темы возмездия, а у предшественников Пушкина, касавшихся этой темы, не было недостатка в прямом морализировании.

Пушкин идет другим путем. Ему надо, с первых же строк и не прибегая к морализированию, убедить читателя в необходимости гибели его героя. Что и для Пушкина «Каменный гость» — трагедия возмездия, доказывает уже само выбранное им заглавие («Каменный гость», а не «Дон Жуан»). Поэтому все действующие лица — Лаура, Лепорелло, Дон Карлос и Дона Анна — только и делают, что готовят и торопят гибель Дон Гуана. О том же неустанно хлопочет и сам герой:

Всё к лучшему: нечаянно убив
 Дон Карлоса, отшельником смиренным
 Я скрылся здесь...

(VII, 153)

А Лепорелло говорит:

...Ну, развеселились мы.

Недолго нас покойницы тревожат.

(VII, 140)

После проделанной пушкинистами работы мы знаем, чем похож пушкинский Дон Гуан на своих предшественников. И теперь имеет смысл определить, в чем он самобытен.

Характерно для Пушкина, что о богатстве Дон Гуана упомянуто только раз и вскользь, в то время как для Дапonte и для Мольера это существенная тема. Пушкинский Гуан и не дапонтский богач, который хочет «наслаждаться за свои деньги», и не мольеровский унылый резонер, обманывающий кредиторов. Пушкинский Гуан — испанский гранд, которого при встрече на улице не мог не узнать король. Внимательно читая «Каменного гостя», мы делаем неожиданное открытие: Дон Гуан — поэт. Его стихи, положенные на музыку, поет Лаура, а сам Гуан называет себя «Импровизатором любовной песни» (VII, 153).

Это приближает его к основному пушкинскому герою: «Наши поэты не пользуются покровительством господ; наши поэты сами господа...», — говорит в «Египетских ночах» Чарский, повторяя излюбленную мысль Пушкина (VIII, 1, 266). Насколько знаю, никому не приходило в голову делать своего Дон Жуана поэтом.

Сама ситуация завязки трагедии очень близка Пушкину. Тайное возвращение из ссылки — мучительная мечта Пушкина 20-х годов. Оттого-то Пушкин и перенес действие из Севильи (как было еще в черновике — Севилья извечный город Дон Жуана) в Мадрид: ему была нужна столица. О короле Пушкин, устами Дон Гуана, говорит:

Пошлет назад.
Уж верно головы мне не отрубят.
Ведь я не государственный преступник.
(VII, 138)

Читай — политический преступник, которому за самовольное возвращение из ссылки полагается смертная казнь. Нечто подобное говорили друзья самому Пушкину, когда он хотел вернуться в Петербург из Михайловского⁺. А пушкинский Лепорелло по этому поводу восклицает, обращаясь к своему барину: «Сидели б вы себе покойно там» (VII, 138).

Пушкин, правда, не ставит своего Дон Гуана в самое смешное и постыдное положение всякого Дон Жуана — его не преследует никакая возлюбленная Эльвира и не собирается бить никакой ревнивый Мазетто; он даже не переодевается слугой, чтобы соблазнить горничную (как в опере Моцарта); он герой до конца, но эта смесь холодной жестокости с детской беспечностью производит потрясающее впечатление. Поэтому пушкинский Гуан, несмотря на свое изящество⁺⁺ и свои светские манеры, гораздо страшнее своих предшественников.

⁺ «Сиди смирно, пиши, пиши стихи» (П.А. Вяземский — Пушкину, 10 мая 1826 года; XIII, 276); «Всего благоразумнее для тебя остаться *покойно* в деревне» (В.А. Жуковский — Пушкину, 12 апреля 1826 года; XIII, 271).

⁺⁺ Если естественно, что вся речь Лепорелло и Лауры построена на просторечии, то выражения вдовы Командора — «Я страх как любопытна» и «Нет, отроду его я не видала» — объясняются много раз высказанным убеждением Пушкина, что просторечие — отсутствие жеманства и признак хорошего воспитания. Напомним, что в заметке «Из всех родов сочинений» Пушкин отмечает в романтической трагедии «смещение родов комического и трагического — напряжение, изысканность необходимых иногда простонародных выражений» (XI, 39).

Обе героини, каждая по-своему, говорят об этом: Дона Анна — «Вы сущий демон»; Лаура — «Повеса, дьявол».

Если Лаура, может быть, просто бранится, то «демон» в устах Доны Анны точно передает впечатление, которое Дон Гуан должен был производить по замыслу автора.

В отличие от других Дон Жуанов, которые совершенно одинаково относятся ко всем женщинам, у пушкинского Гуана находятся для каждой из трех, таких разных женщин, разные слова.

Герой «Каменного гостя» так же ругается со своим слугой, как и Дон Жуаны Моцарта и Мольера; но, например, буффонская сцена финала оперы — обжорство слуги и хозяина — совершенно невозможна в трагедии Пушкина.

Первоначально Пушкин хотел подчеркнуть то обстоятельство, что Гуан предполагает встречаться с вдовой Командора около его памятника, но затем возмущенная реплика Лепорелло: «Над гробом мужа... Бессовестный; *не сдобровать ему!*» (VII, 308, 309) показалась Пушкину слишком нравоучительной, и он предоставил читателю самому догадаться, где происходят эти встречи.

В «Каменном госте» ни в окончательном тексте, ни в черновиках нигде ни одним словом не объяснена причина дуэли Дон Гуана с Командором. Это странно. Я полагаю, что причина этого необъяснимого умолчания такова: у всех предшественников Пушкина, кроме Мольера, где, в противоположность «Каменному гостю», Командор дан как совершенно отвлеченная фигура, ничем не связанная с действием, Командор гибнет, защищая честь своей дочери Доны Анны. Пушкин сделал Дону Анну не дочерью, а женой Командора, и сам сообщает, что Гуан ее

прежде никогда не видел. Прежняя причина отпала, а придумывать новую, которая могла бы отвлечь внимание читателя от самого главного, Пушкин не захотел. Он только подчеркивает, что Командор был убит на дуэли,

Когда за Ескурьялом⁺ мы сошлись...

(VII, 153)

а не в ночной безобразной драке (в которой принимает участие и Дона Анна)⁺⁺, что не соответствовало бы характеру его Гуана.

Если сцена объяснения Гуана с Доной Анной и восходит к «Ричарду III» Шекспира, то ведь Ричард — законченный злодей, а не профессиональный соблазнитель, и действует он из соображений политических, а отнюдь не любовных, что он тут же и разъясняет зрителям.

Этим Пушкин хотел сказать, что его Гуан может действовать по легкомыслию как злодей, хотя он только великосветский повеса.

Второе, никем до сих пор не отмеченное и, по-моему, более значительное восхождение к Шекспиру, нахо-

⁺ Эскуриал — королевский дворец — едва ли подходящее место для дуэли. Пушкин, вероятно, намекает на то, что ссора произошла во дворце, чем еще раз подчеркивается близость Гуана ко двору. Ведь так же вскользь Гуан говорит про короля: «Меня он удалил, меня ж любя» (VII, 138).

⁺⁺ Уже обсуждавшийся вопрос о том, был ли Дон Карлос братом Командора, как мне кажется, надо решить положительно: трудно себе представить, чтобы Гуан имел две дуэли с двумя испанскими грандами и убил обоих, но почему-то боится мести семьи только одного из них и гнева короля только за одно из этих убийств. Здесь та же пушкинская лаконичность создает некоторую недоговоренность. Кроме того, всякое уточнение повело бы к дополнительной исповеди Дон Гуана в заключительной сцене с Доной Анной, которая в это время должна была бы оплакивать гибель своего деверя.

дится в заключительной сцене трагедии «Каменный гость»:

Д о н а А н н а

...Но как могли придти
Сюда вы; здесь узнать могли бы вас,
И ваша смерть была бы неизбежна.

В черновике:

...узнать могли бы люди.

(VII, 169, 314)

Juliet:

How cam'st thou hither, tell me, and wherefore?..
And the place death, considering who thou art,
If any of my kinsmen find thee here.

(«Romeo and Juliet», act II, sc. 2)+

Даже сцена приглашения статуи, единственная совпадающая с традицией, открывает настоящую бездну между пушкинским Дон Гуаном и его прототипами. Неуместная шутка моцартовского и мольеровского Дон Жуанов, вызванная и мотивированная тем, что он прочел на памятнике оскорбительную для себя надпись⁺⁺,

+ Как ты пришел сюда, скажи мне, и каким путем?..

И это место для тебя — смерть, потому что это ты,

Если кто-либо из моих родичей найдет тебя здесь.

(«Ромео и Джульетта», акт II, сц. 2)

⁺⁺ См. у Дапонте:

Dell'empio che mi trasse al passo estremo

Qui attendo la vendetta.

(«Здесь ожидаю отмщения нечестивцу, который убил меня»).

Дон Жуан Дапонте (так же, как и Лепорелло) говорит статуе «вы». Пушкинский Гуан сразу обращается к статуе на «ты». Это не высокий стиль, а остаток их прижизненных добрых отношений. Также и с Карлосом Гуан сразу же на «ты».

превращена Пушкиным в демоническую браваду. Вместо нелепого и традиционного приглашения статуи к себе на ужин, мы видим нечто беспримерное:

Я, командор, прошу тебя придти
 К твоей вдове⁺, где завтра буду я,
 И стать на стороже в дверях.
 Что? будешь?

(VII, 162)

т.е. Гуан говорит со статуей, как счастливый соперник.

Пушкин оставил своему герою репутацию безбожника, идущую от *Ateista fulminado* (героя духовной драмы, которая представлялась в церквах и монастырях).

Бессовестным, безбожным Дон Гуаном (монах)
 Твой Дон Гуан безбожник и мерзавец (Дон Карлос)
 ...Я вам представлен... без совести, без веры (сам Гуан)
 Вы, говорят, безбожный развратитель (Дона Анна).

(VII, 141, 145, 315, 169)

Обвинения в атеизме были привычным аккомпанементом в жизни молодого Пушкина.

Зато другую характерную черту всех Дон Жуанов — странствия — Пушкин совершенно изгнал из своей трагедии. Вспомним хотя бы Дон Жуана Моцарта и знаменитую арию Лепорелло — каталог побед (в Италии — 641, в Германии — 231, сто во Франции, 91 в Турции, а вот в Испании — так тысяча и три). Пушкинский гранд ведет (кроме, разумеется, своей ссылки) совершенно оседлый столичный образ жизни в Мадриде, где его мо-

⁺ В черновике еще страшнее: «К жене твоей» (VII, 312).

гут узнать каждая «Гитана (было: цыганка) или пьяный музыкант» (VII, 137)+.

3

Пушкинский Дон Гуан не делает и не говорит ничего такого, чего бы не сделал и не сказал современник Пушкина, кроме необходимого для сохранения испанского местного колорита («вынесу его под епанчою И положу на перекрестке» VII, 151). Точно так же поступает Дальти, герой «Portia» Мюссе, с трупом соперника, которого и находят на другой день «le front sur le ravé» («лицом на мостовой»).

Гости Лауры (очевидно, мадридская золотая молодежь — друзья Дон Гуана) больше похожи на членов «Зеленой лампы», ужинающих у какой-нибудь тогдашней знаменитости, вроде Колосовой, и беседующих об искусстве, чем на знатных испанцев какого бы то ни было века. Но автор «Каменного гостя» знает, что это ему совсем не опасно. Он уверен, что коротким описанием ночи он создаст яркое и навеки неизгладимое ощущение того, что это Испания, Мадрид, юг:

Приди — открой балкон. Как небо тихо;
Недвижим теплый воздух — ночь лимоном
И лавром пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной...

(VII, 148)

+ «Пьяный музыкант» потому, что музыкантов нанимали заказчики серенад, а затем было принято поить музыкантов (см. «Le Diable boiteux» Лесажа).

Гуан резвится с Лаурой, как любой петербургский повеса с актрисой, меланхолично вспоминает погубленную им Инесу, хвалит суровый дух убитого им Командора и соблазняет Дону Анну по всем правилам «адольфовской» светской стратегии. Однако затем случается нечто таинственное и до конца не осмысленное. Последнее восклицание Дон Гуана, когда о притворстве не могло быть и речи:

Я гибну — кончено — о Дона Анна!
(VII, 171)

убеждает нас, что он действительно переродился во время свидания с Доной Анной и вся трагедия в том и заключается, что в этот миг он любил и был счастлив, а вместо спасения, на шаг от которого он находился, пришла гибель. Заметим еще одну подробность: «Брось ее», — говорит статуя. Значит, Гуан кинулся к Доне Анне, значит, он только ее и видит в этот страшный миг.

В самом деле, ведь если бы Дон Гуана убил Дон Карлос, никакой трагедии бы не было, а было бы нечто вроде «*Les Marrons du feu*» Мюссе, которыми Пушкин так восхищался в 1830 году за отсутствие нравоучения и где донжуановский герой («*Mais c'est du don Juan*») гибнет случайно и бессмысленно. Пушкинский Дон Гуан гибнет не случайно и не бессмысленно. Статуя Командора — символ возмездия, но если бы еще на кладбище она увлекла с собой Дон Гуана, то тоже еще не было бы трагедии, а скорее театр ужасов или *l'Ateista fulminado* средневековой мистерии. Гуан не боится смерти. Мы видим, что он нисколько не испугался шпаги Дона Карлоса и даже не подумал о своей возможной гибели. Потому-то Пушкину и нужен поединок с Доном Карлосом, чтобы показать Гуана в деле. Совсем не таким мы видим его

в финале трагедии. И вопрос вовсе не в том, что статуя — потустороннее явление: кивок в сцене на кладбище тоже потустороннее явление, на которое, однако, Дон Гуан не обращает должного внимания. Гуан не смерти и не посмертной кары испугался, а потери счастья. Оттого-то его последнее слово: «о Дона Анна!». И Пушкин ставит его в то единственное (по Пушкину) положение, когда гибель ужасает его героя. И вдруг мы узнаем в этом нечто очень хорошо нам известное. Пушкин сам дает мотивированное и исчерпывающее объяснение развязки трагедии. «Каменный гость» помечен 4 ноября 1830 года, а в середине октября Пушкин написал «Выстрел», автобиографичность которого никто не оспаривает. Герой «Выстрела» Сильвио говорит: «Что пользы мне, подумал я, лишить его жизни, когда он ею вовсе не дорожит? Злобная мысль мелькнула в уме моем... Посмотрим, так ли равнодушно примет он смерть перед своей свадьбой, как некогда ждал ее за черешнями!» (VIII, 1, 70).

Из этого можно заключить, что Пушкин считал гибель только тогда страшной, когда есть счастье. То же говорит Гуан на вопрос Доны Анны — «И любите давно уж вы меня?»:

*Давно или недавно, сам не знаю,
Но с той поры лишь только знаю цену
Мгновенной жизни, только с той поры
И понял я, что значит словос Счастье —*
(VII, 157)

т.е. с тех пор, как он счастлив, он узнал цену мгновенной жизни. И в «Выстреле», и в «Каменном госте» при расплате присутствует любимая женщина, что противоречит донжуановской традиции. У Моцарта, например, там

находится только буффонящий Лепорелло, у Мольера — Сганарель.

В то время (1830) проблема счастья очень волновала Пушкина: «В вопросе счастья я атеист; я не верую в него», — пишет он П.А. Осиповой на другой день по окончании «Каменного гостя» (XIV, 123; подлинник по-французски); «Чорт меня догадал бредить о счастьяи, как будто я для него создан», — Плетневу (XIV, 110); «Ах, что за проклятая штука счастье!» — Вяземской (XIV, 110; подлинник по-французски). Легко привести еще ряд подобных цитат и можно даже, рискуя показаться парадоксальным, сказать, что Пушкин так же боялся счастья, как другие бояться горя. И насколько он всегда был готов ко всяким огорчениям, настолько же он трепетал перед счастьем, т.е., разумеется, перед перспективой потери счастья.

4

Однако это еще не всё. Кроме аналогий с автобиографическим «Выстрелом», необходимо привести цитаты из переписки Пушкина. Первая — из письма к будущей теще, Н.И. Гончаровой (5 апреля 1830 года): «Заблуждения моей ранней молодости представились моему воображению; они были слишком тяжки и сами по себе, а клевета их еще усилила; молва о них, к несчастью, широко распространилась» (XIV, 75—76; подлинник по-французски). Как это близко к признанию Дон Гуана:

Молва, быть может, не совсем неправа,
 На совести усталой много зла,
 Быть может, тяготеет... Так, Разврата
 Я долго был покорный ученик...

(VII, 168)

А также: «Бедная! Она так молода, так невинна, а он такой ветреный, такой *безнравственный*» (VIII, 1, 408; автобиографический отрывок, 13 мая 1830 года). Здесь «безнравственный», — конечно, смягчение «развратный». А это как раз передает голос молвы.

В тот же год Пушкин говорит то же самое в ненапечатанном при жизни стихотворении «Когда в объятия мои...»:

Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья...
Клянуп коварные старанья
Преступной юности моей...

(III, 1. 222)

В этом стихотворении подразумеваются все реплики Доны Анны. Только что женившийся Пушкин пишет Плетневу: «Я... счастлив... Это состояние для меня так ново, что кажется, я переродился» (XIV, 154–155); ср. с «Каменным гостем»:

Мне кажется, я весь переродился.

(VII, 168)

Про Командора Гуан говорит: «Вкусил он *райское* блаженство!» (VII, 164); ср. с письмом к А.П. Керн: «Как можно быть вашим мужем? Этому я так же не могу себе вообразить, как не могу вообразить *рая*?» (XIII, 208; подлинник по-французски).

В «Онегине» Пушкин обещает, что когда будет описывать любовные объяснения, то вспомнит

...речи неги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которые в минувши дни

У ног любовницы прекрасной
Мне приходили на язык...

(VI, 57)

Сходство этих цитат говорит не столько об автобиографичности «Каменного гостя», сколько о лирическом начале этой трагедии.

5

Если «Скупого рыцаря» Пушкин не печатал шесть лет, боясь, как тогда говорили, «применений», то что же подумать о «Каменном госте», которого он вовсе не напечатал (в скобках замечу, что «Пир во время чумы» был напечатан в 1832 году, т.е. почти сразу по написании -- и не потому ли, что «Пир» — простой перевод). Как бы то ни было, «Каменный гость» — единственная из «Маленьких трагедий», не напечатанная при жизни Пушкина. Действительно, можно легко себе представить, что то, что мы теперь раскапываем с превеликими трудностями, для самого Пушкина плавало на поверхности. Он вложил в «Каменного гостя» слишком много самого себя и относился к нему, как к некоторым своим лирическим стихотворениям, которые оставались в рукописи независимо от их качества. Пушкин в зрелый свой период был вовсе не склонен обнажать «раны своей совести» перед миром (на что, в какой-то степени, обречен каждый лирический поэт)⁺, и я полагаю, что «Каменный гость» не

⁺ Несмотря на это, тема уязвленной совести возникает в лирике Пушкина в конце 20-х годов: грандиозное «Воспоминание» (1828) и написанная через несколько дней «Грузинская песня» («Не пой, красавица, при мне...»), где «роковой» образ «далекой бедной девы» напоминает бедную Инесу.

был напечатан потому же, почему современники Пушкина при его жизни не прочли окончания «Воспоминания», «Нет, я не дорожу...» и «Когда в объятия мои...», а не потому, почему остался в рукописи «Медный всадник».

Кроме всех приведенных мною сопоставлений, лирическое начало «Каменного гостя» устанавливается связью, с одной стороны, с «Выстрелом» (проблема счастья), с другой — с «Русалкой», которая вкратце (как и подобает предыстории) рассказана в воспоминаниях Гуана об Инесе. Свидания Гуана с Инесой происходили на кладбище Антониева монастыря (что явствует из черновика):

Постойте: вот Антоньев монастырь —
А это монастырское кладбище...
О, помню все. Езжали вы сюда...

(VII, 307)

Гуан так же, как князь в «Русалке», узнает место, вспоминает погубленную им женщину. И там и тут это дочь мельника. И Гуан не случайно говорит своему слуге: «Ступай же ты в деревню, знаешь, в ту, Где мельница» (VII, 309). Затем он называет это место проклятой *вентой*. Окончательная редакция стихов отчасти стерла это сходство, но теперь, когда черновики разобраны, для нас нет сомнения, что трагедия Пушкина начинается с глухого упоминания о преступлении героя, которого рок приводит на то самое место, где это преступление было совершено и где он совершает новое преступление. Этим предreshено всё, и призрак бедной Инесы играет в «Каменном госте» гораздо бо́льшую роль, чем это было принято думать.

Всё сказанное выше относится к донжуановской линии трагедии «Каменный гость». Но в этой вещи есть, очевидно, и другая линия — линия Командора. Здесь у Пушкина тоже полный разрыв с традицией. У Моцарта — Дапонте Дон Жуан так не хочет вспоминать о Командоре, что когда Лепорелло просит разрешения что-то сказать, его хозяин отвечает: «Хорошо, если ты не будешь говорить о Командоре».

А пушкинский герой сам почти непрерывно говорит о Командоре.

Но что всего существеннее, так это то, что и в легенде, и во всех ее литературных обработках статуя является усовершенствовать Жуана, чтобы он раскаялся в грехах. В трагедии Пушкина это бы не имело смысла, потому что Гуан без всякого принуждения сам только что покался:

Вас полюбя, люблю я добродетель
И в первый раз смиренно перед ней
Дрожащие колена преклоняю.

(VII, 168)

Командор приходит в момент «холодного, мирного» поцелуя, чтобы отнять у Гуана свою жену. Везде у других авторов Командор — ветхий старик, оскорбленный отец. У Пушкина он ревнивый муж («А я слышал, покойник был ревнивец. Он Дону Анну взаперти держал»; VII, 307–308) и ни из чего не следует, что он старик. Гуан говорит:

Не мучьте сердца
Мне, Дона Анна, страстным поминаньем
Супруга —

(VII, 312)

на что Дона Анна возражает: «Так вы ревнивы» (VII, 163).

Мы имеем все основания рассматривать Командора как одно из действующих лиц трагедии «Каменный гость». У него есть биография, характер, он действует. Мы даже знаем его внешность: он «мал был, худощав» (VII, 310). Он женился на не любившей его красавице и сумел своей любовью заслужить ее расположение и благодарность. Из всего этого нет ни слова в донжуановской традиции. С первой минуты мысль о его ревности приходит в голову Дон Гуану (в черновике — даже когда он еще не знает Дону Анну); и тогда-то Лепорелло и говорит о своем господине: «Над гробом мужа... Бессовестный; не сдобровать ему!» (VII, 308, 309).

И пушкинский Командор больше похож на «разгневанного ревнивца» юношеского стихотворения Пушкина «К молодой вдове», где мертвый муж чудится неверной его памяти вдове (и где покойник тоже называется счастливецом, как в «Каменном госте»), чем на загробное виденье, призывающее героя отречься от нечестивой жизни.

Темы загробной ревности касается Пушкин в седьмой главе «Онегина» в связи с могилой Ленского и изменой Ольги:

Смутился ли, певец унылый,
Измены вестью роковой...
(VI, 143)

По крайней мере, из могилы
Не вышла в сей печальный день
Его ревнующая Тень.
И в поздний час, Гимену милый,

Не испугали молодых
Следы явлений гробовых —

(VI, 422)

как бы разочарованно говорит Пушкин и ищет сюжет, где бы разгневанная и ревнующая тень могла явиться. Для этого он изменяет сюжет Дон Гуана и делает Командора не отцом Доны Анны, а ее мужем.

Трогательная невеста-вдова Ксения Годунова, плачущая над портретом мертвого жениха, которого она никогда в жизни не видела, говорит: «я и мертвому буду ему верна» (VII, 42).

Знаменитая отповедь Татьяны:

Но я другому отдана;
Я буду век ему верна —

(VI, 188)

только бледное отражение того, что утверждают Ксения Годунова и Дона Анна («Вдова должна и гробу быть верна»; VII, 164).

Но что всего удивительнее, это то, что в цитированном выше письме к матери Н.Н. Гончаровой от 5 апреля 1830 года Пушкин пишет: «Бог мне свидетель, что я готов умереть за нее; но умереть для того, чтобы оставить ее блестящей вдовой, вольной на другой день выбрать себе нового мужа, — эта мысль для меня — ад». И еще разительнее: «...если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца» (XIV, 76; подлинник по-французски)⁺.

⁺ Напомним, что это письмо Пушкин написал сразу после получения согласия родителей невесты на его брак с Н.Н. Гончаровой, когда эти слова звучали, по крайней мере, неожиданно. Ими Пушкин совершенно точно предсказал свою судьбу: он, действительно, умер из-за Наталии Николаевны и оставил ее молодой, блистательной вдовой, свободной выбирать нового мужа.

Ср. в «Каменном госте»:

Нет, мать моя
Велела мне дать руку Дон Альвару —
(VII, 164)

и дальше вся ситуация — как в письме, так и в трагедии.

Итак, в трагедии «Каменный гость» Пушкин карает самого себя — молодого, беспечного и грешного, а тема загробной ревности (т.е. боязни ее) звучит так же громко, как и тема возмездия.

Так, внимательный анализ «Каменного гостя» приводит нас к твердому убеждению, что за внешне заимствованными именами и положениями мы, в сущности, имеем не просто новую обработку мировой легенды о Дон Жуане, а глубоко личное, самобытное произведение Пушкина, основная черта которого определяется не сюжетом легенды, а собственными лирическими переживаниями Пушкина, неразрывно связанными с его жизненным опытом.

Перед нами — драматическое воплощение внутренней личности Пушкина, художественное обнаружение того, что мучило и увлекало поэта. В отличие от Байрона, который (по оценке Пушкина) «бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отворачивался от них и погрузился в самого себя» (XI, 51), Пушкин, исходя из личного опыта, создает законченные и объективные характеры: он не замыкается от мира, а идет к миру.

Вот почему самопризнания в его произведениях так незаметны и обнаружить их можно лишь в результате тщательного анализа. Откликаясь «на каждый звук», Пушкин вобрал в себя опыт всего своего поколения. Это лирическое богатство Пушкина позволило ему избежать

той ошибки, которую он заметил в драматургии Байрона, раздавшего «по одной из составных частей» своего характера своим персонажам и, таким образом, раздробившего свое создание «на несколько лиц мелких и незначительных» (XI, 51).

1947

<ФРАГМЕНТЫ>

<1> Головокружительная краткость, о которой я говорила в начале этой статьи, очень характерна для Пушкина. В 1829 году («Роман в письмах») он писал: «...Я и в Вальтер Скотте нахожу лишние страницы». Это стремление к краткости очень сильно сказалось и в «Маленьких трагедиях», в частности в «Каменном госте»⁺. Эта маленькая трагедия подразумевает очень большую предысторию, которая, благодаря чудесному умению автора, уместается в нескольких строках, там и сям вкрапленных в текст. Этот прием в русской литературе великолепно и неповторимо развил Достоевский в своих романах-трагедиях: в сущности, читателю-зрителю предлагается присутствовать только при развязке. Таковы

⁺ В сущности, в «Каменном госте» трагедия начинается, когда падает занавес, так же как в «Моцарте и Сальери» с сомнений Сальери, имел ли он право убить Моцарта (гений и злодейство) или

не был

Убийцею создатель Ватикана?

До тех пор Сальери совершенно уверен в своей правоте, и никакой трагедии нет.

(30 июля 1958 г.)

«Бесы», «Идиот» и даже «Братья Карамазовы». Все уже случилось где-то там, за границами данного произведения: любовь, ненависть, предательство, дружба. Таков же и «Каменный гость» Пушкина: буйная столичная жизнь молодого гранда, его трагический роман с мельничихой, ссылка и продолжение любовных походов в стране, где «небо... точный дым», вся биография Доны Анны, ее великолепное испанское вдовство, своей суровостью изумляющее даже монаха, и т.д.

И не случайно, конечно, появляются «лавры и лиמוны» «Дядюшкиного сна» при описании пародийной Испании в самом начале творческого пути Достоевского, а в своей предсмертной (1880) речи о Пушкине Достоевский называет «Каменного гостя» как образец и доказательство всемирности Пушкина и как одно из величайших произведений.

В какой-то мере все первые персонажи маленьких трагедий Пушкина чем-то похожи друг на друга. Гуан, Моцарт и Альберт — это один и тот же человек в разных костюмах и в разных положениях. Они веселы, добры, беспечны, благородны... но Моцарт, кроме того, одарен несравненным талантом.

На примере того, как Пушкин изображает Дону Анну, можно еще раз изумиться, с каким искусством он отделяет свое к ней отношение (авторский голос)⁺ от

⁺ Авторский голос я слышу в данном случае скорее всего в реплике Лепорелло:

О вдовы, все вы таковы.

отношения к ней Дон Гуана, что, казалось бы, в этом жанре почти невозможно. Для Дон Гуана — Дона Анна ангел⁺ и спасение, для Пушкина — это очень кокетливая, любопытная, малодушная женщина и ханжа. NB. Типичная католическая «девятка» под стать Каролине Собаньской:

О Дон Гуан, как сердцем я слаба.

Пушкин не прощает ей посмертной измены Командору, который был безупречен по отношению к ней и даже

Не принял бы к себе влюбленной дамы
Когда б он овдовел.

(Снова та же тема.)

Мы даже не знаем ее судьбу — умерла она или упала в обморок, это совершенно неважно, ведь это не Татьяна, не Русалка, которых надо возвеличить, а нечто вроде Ольги Лариной.

⁺ ...И мнится...

Гробницу эту ангел посетил...

По этому поводу надо заметить следующее. Едва ли черноволосая женщина, с ног до головы укутанная в траурные вуали, похожа на ангела, который всегда должен быть белым, светлым, лучезарным. Предлагаю такую разгадку. В английском «Пире» («The City of the Plague») центральная героиня, отсутствующая в пушкинском «Пире», — Магдалена, — всегда в белом платье, о чем до навойливости часто говорит автор. И когда она на могиле — ее сравнивают с ангелом:

Ты на коленях, в белом, — вся как дух... (стр. 44)

Ты на коленях ангелу подобна.

Ты молишься — и даже я надеюсь... (стр. 45).

«Вы черные власы на мрамор бледный» — ср. «Дон Жуан» Байрона о султанше в V песне.

Насколько она противна автору, явствует из сравнения тона, каким он говорит о двух других женщинах. От Лауры автор в восторге — ей все разрешено, вплоть до любовного свидания при трупке убитого из-за нее Дона Карлоса: так и кажется, что автор сам готов тешить ее серенадами и убивать соперников на перекрестках. Она — в сиянии бессмертного искусства. Это — юность Пушкина, это — музыка.

Из наслаждений жизни
Одной любви музы́ка уступает...

Она — «милый демон». (Замечу вскользь, что Демон — было прозвище Собаньской, и так называл ее Пушкин в письме от 2 февр. 1830.)

Еще замечательнее отношение автора к Инезе (по <4> донжуанской традиции Церлина — крестьяночка лукавая и простоватая, невеста такого же простачка Мазетто), и хотя Гуан говорит о ней вскользь, всего один раз, и как бы случайно, и как бы только в связи с местом, на котором неожиданно оказался, то есть чуть ли не на ее могиле — какие слезы отчаяния и раскаяния проливает над ней автор:

Муж у нее был негодяй суровый,
Узнал я поздно... Бедная Инеза!..

И таких глаз он, Гуан, уже не видел никогда больше в жизни. И от нее расходятся стрелки ко всем покаянным стихам Пушкина («Черты далекой бедной девы», «Русалка») (см. статью Берковского.)

<5> Еще одно могло попасть в «Каменного гостя» из «Города Чумы». Кто-то говорит о прячущем свое лицо Незнакомце (стр. 158) — преступнике:

В тряпье до глаз и в шляпе до бровей
Широкополой...

Ср. в «Каменном госте» о скрывающемся Дон Гуане:

Усы плащом закрыв, а брови шляпой...
Испанский гранд, как вор...

<6> Очевидно, получив согласие родителей невесты на брак, Пушкин понял, что попал в совершенно безвыходное положение. При этом мы вправе ждать стихов от лирического поэта на так мучившую его тему. Однако таких стихов нет⁺.

Зато к вопросу о счастье при самых невероятных обстоятельствах, когда уже ни на что ни рассчитывать, ни надеяться нельзя, Пушкин подходит в другом жанре — в прозаической повести. Этим, по моему твердому убеждению, объясняются все *happy end*'ы или, вернее, «игрушечные развязки» «Повестей Белкина».

⁺ Кроме элегии: «Безумных лет...», где счастливый жених пишет 8 сент. (1830):

Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море, —

только в конце смеет надеяться, что

И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Созданные в дни горчайших размышлений и колебаний⁺, они представляют собою удивительный психологический памятник. Автор словно подсказывает судьбе, как спасти его, поясняя, что нет безвыходных положений, и пусть будет счастье, когда его не может быть, вот как у него самого, когда он задумал жениться на 17-летней красавице, которая его не любит и едва ли полюбит. Об этом Пушкин прямо написал несколько раньше (12 мая 1830): «Я никогда не хлопотал о счастье, я мог обойтись без него. Теперь мне нужно на двоих, а где мне взять его». Автобиографичность этого отрывка («Участь моя решена...») Пушкин задумал скрыть под заголовком «С французского», но, по всей вероятности, тут же отказался от этой мысли⁺⁺.

Автор поэм со страшными и кровавыми развязками («Цыганы», «Полтава») и якобы жизнерадостного романа («Евгений Онегин»), где герой и героиня остаются с непоправимо растерзанными сердцами, внезапно с необычным тщанием занимается спасением всех героев «Повестей Белкина».

⁺ Кроме того, сравнительно недавно напечатанные письма кн. П.А. Вяземского к жене сообщают довольно неожиданные подробности пушкинского сватовства 1830 г. Князь очень долго не верит слухам об этом событии и, наконец уверившись, восклицает: «Как можно, любя одну женщину, свататься к другой». Княгиня Вера, вероятно, должна была понять, кого подразумевает ее муж под первой женщиной. Но мы очень далеки от этого понимания. Привожу эту (еще не вошедшую в обиход) цитату только для того, чтобы показать, как сложна была психологическая обстановка 1830 г. и как неизбежно Пушкин должен был, создавая своего Гуана, обращаться к собственной биографии.

1957, ноябрь. Москва

⁺⁺ Отрывок «Участь моя решена...» был напечатан только после смерти Пушкина.

Тут же я должна оговориться. Образ обиженного «маленького человека» — родоначальника стольких несчастных героев, трогательного и величественного в своем горе, не должен все же заставить нас забыть о «благополучной развязке» повести «Станционный смотритель». К тому же сам Вырин погибает именно потому, что он не верит в возможность этой счастливой развязки.

Счастливые концы вовсе не характерны для прозы Пушкина. Нет ничего более траурно-мрачного и фатально-торжественного, чем развязка «Пиковой дамы»⁺ (сумасшедший дом Германна, немилый брак Лизы и будущая мученица — девочка-воспитанница). И так, дело не в прозе, а в том, как глубоко Пушкин запрятал свое томление по счастью, своеобразное заклинание судьбы, и в этом кроется мысль: так люди не найдут, не будут обсуждать, что невыносимо (см. «Ответ анониму»). Спрятать в ящик с двойным, нет, с тройным дном: 1) А.П. 2) Белкин. 3) Один из повествователей. Так вернее. И пусть это будет тихая нестилизованная провинция, которую всегда так любил и так хорошо знал Пушкин. Тихая пристань!

И пусть это будет совсем как в жизни (проблема правдоподобия). Все детали, которые он выписывает с необычайным старанием и соп амоге (вплоть до полосатого бланманже. «Барышня-крестьянка»), должны убедить читателя, что иначе и быть не может, что все это в высокой степени достоверно. От этого, естественно, возникает забота о языке: говор девичьей («Барышня-кре-

⁺ Еще ужаснее сюжет «Марьи Шонинг», который Пушкин до конца записывает по-французски (1834). Там публичная смертная казнь героини, обвиненной в детоубийстве.

стьянка»), почтовой станции («Станционный смотритель»), мещан-ремесленников («Гробовщик»), захоластных офицеров («Выстрел»), мелких помещиков («Метель»), — при этом изысканные эпитафии — Жуковский, Вяземский, Фонвизин, Марлинский, Державин — все русские...

Пушкин, наверно, не хуже нас знал, как кончилась любовь барчука к крепостной девке (Ольга Калашникова), знал, что Дуня, несомненно, должна была мести мостовую «с голью кабацкой» (полицейское наказание проституток) и что героине «Метели», обвенчанной неведомо с кем, предстояло влачить одинокие дни.

Простейший случай («Гробовщик»), когда все ужасы оказывались сном.

Несколько выбивается «Выстрел», где развязка псевдоблагополучная, потому что Пушкин приводит к ней своего героя через страх и срам, но почему он так поступает — объяснено до конца выше сравнением со стихами «Каменного гостя», в которых совершенно совпадает взгляд на ценность жизни.

1957. Весна. Москва

* * *

К статье

«И хоть бесчувственному телу
 Равно повсюду истлевать
 Но ближе к милому пределу...»

Пушкин всегда на стороне слабого. Женщина слабая — он за нее (Русалка, Татьяна, Дуня, Марья Ивановна>).

Но как он понимает этих слабых.

Дуня, [про] для кот<орой> родной отец не видел иного будущего, кроме метения мостовой с «голью кабацкой» (т.е. проституции) — важная дама, небогатая провинциальная дворяночка Татьяна — царица петербургского салона, мельничиха — днепровское божество. Поэт щедрыми руками (и золотыми стихами) одаряет обиженных людьми.

Но есть у П<ушки>на и другие женщины — они еле намечены — они улыбаются нам с выброшенных строф «Онегина». (Цитата.) Их прообраз Клеопатра, к которой поэт подходил три раза (годы).

В заключение

А то, что в «Каменном госте» Пушкин как бы делит себя между Командором и Гуаном, [это] явление совсем другого порядка, что, как я надеюсь, доказано в этой статье.

Заключение

«Каменный гость» важен еще тем, что он показывает Пушкина родоначальником великой русской литературы XIX века, как моралиста. Это — столбовая дорога русской литературы, по которой шли и Толстой, и Достоевский. «Нет правды на земле!» — Дона Анна свободна выбрать нового мужа, Командор не отомщен, брошенная девушка утопилась («Русалка»), героиня «Метели» обречена остаться одинокой, убежавшая с гвардейцем дочь станционного смотрителя стала проституткой. Нет, нет, нет! Пушкин бросает Онегина к ногам Татьяны, как князя к ногам дочери мельника. У Пушкина

женщина всегда права — слабый всегда прав. Пушкин видит и знает, что делается вокруг, — он не хочет этого. Он не согласен, он протестует — и борется всеми доступными ему средствами со страшной неправдой. Он требует высшей и единственной Правды. И тут Пушкин выступает (пора уже произнести это слово) как моралист, достигая своих целей не прямым морализированием в лоб, с которым, как мы только что доказали, Пушкин вел непримиримую войну, а средствами искусства.

С другой стороны, моя работа помогает установить <9> до сих пор не уловленные комплексы Пушкина: боязнь счастья, то есть потери его (то есть неслыханного жизнелюбия), и загробной ревности = загробной верности (примеры: Ленский, Командор, Ксения Годунова, Дона Анна).

Однако гораздо существеннее всего этого, что после работы Берковского оказывается, что мы (совершенно независимо друг от друга) каким-то образом и различными методами пришли к сходному выводу. Так можно решить задачу и арифметическим, и алгебраическим способом. То, что говорит Берковский о «Русалке», я говорю о «Каменном госте». (И еще, как я знаю, это можно и должно сказать о «Повестях Белкина».) Корень, очевидно, в жадной и неистребимой жажде Пушкина *Истины* (справедливости) самой высокой и самой сокровенной. Поэтому он отдает князя во *власть* погубленной им девушки, Дон Гуана во *власть* убитого им Командора. И так как ни то, ни другое не может случиться естественным образом, то в первом случае он пользуется фольклором, во втором легендой о <El> Burlador <de> Sevilla, и «бедная Инеза» оказывается мостиком, связавшей оба эти произведения, и дело не в

том, что она дочь или жена мельника (мельница могла быть и ветряной из Дон Кихота <...>).

I

Строго говоря, Пушкин в «Каменном госте» сделал для своего героя то же, что Гёте сделал для народного мифа — «Фауст» и Байрон для своего Фауста — «Манфреда». Во всех трех случаях «миф» (комплекс моральных черт) получает некую реальную биографию, кроме контрастного слуги, который находится во всех мифах.

Байрон совершенно явственно приближает Манфреда к своему постоянному герою, т.е. к себе (напр., воспоминание об Астарте).

Полагаю, что и Гёте уступил своему герою большую часть своей души и биографии (напр., всю линию Гретхен, естественно отсутствующую в мифе, где Фауст просто развратник и некромант, любовник призрака Елены Троянской).

II

Мог ли Лессинг, заставляя своего Фауста выбирать из семи бесов самого «скоростного», думать, что примерно через 150 лет скорость станет идиолом человечества. Очевидно, она ею всегда была (см. миф о Фаусте, его постоянные полеты и мгновенные возвращения).

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

(8-я глава «Онегина»)

...Среди произведений Пушкина, осуществленных <1> осенью 1830 года в Болдине, почетное место занимает 8-я (последняя) глава романа «Евгений Онегин». Написана она в сентябре (окончена 25-го). Первоначальный замысел начальных строф был ранее иной, они были замышлены как своеобразная автобиография. Довольно подробно излагалось лицейское детство и начало юности поэта, зарождение поэтического дара⁺ и затем об отношениях с другими поэтами. На первый взгляд кажется, что это может быть подражанием знаменитому посланию Попа к доктору Арбутноту, которого Пушкин не мог не знать по переводу Дмитриева, где встречается строка.

В отважном мальчике грядущего поэта⁺⁺.

⁺ Здесь о воспоминаниях лицейского детства и юности — отсюда стрелка к стихотворению «Паж».

⁺⁺ «Послание от Английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту», сочинения Дмитриева, 1823. Одной мысли, что его могут назвать подражателем Дмитриева, к которому Пушкин относился весьма иронически, было достаточно, чтобы отбросить строки о поэтах. И Пушкин круто оборвал на Державине.

Строка эта замечательна тем, что ею обозначили Вяземский и Ал. Тургенев (см. Остафьевский архив) отношения Карамзина к самому Пушкину на заре его поэтической деятельности. Ср. также «И Дмитриев не был наш хулитель» (Пушкин) с Попом — Дмитриевым:

Конгрев меня хвалил, Свифт не был мой хулитель;
И Болинброк, сей муж, достойный вечных хвал,
Друг старца Драйдена, с восторгом обнимал
В отважном мальчишке грядущего поэта.

(«Послание от Английского стихотворца Попа
к доктору Арбутноту»)

У Пушкина все довольно близко к тому тексту, но дело в том, что классик Поп, в свою очередь, заимствовал этот кусок у Овидия, из знаменитейшей элегии (кн. IV, элегия X), которую так и называют автобиографией Овидия, изучение которой входило в курс всех классических учебных заведений, в частности Лицея. Что Пушкин восходит к Овидию (хотя он не мог не знать и Попа — Дмитриева), доказывается тем, что он после и перед поэтами рассказывает о том, как стал воспевать свою возлюбленную, и <нрзб.> между тем Поп рассказывает, как он сначала писал невинные идиллии:

Цветочки, ручеек, журчащий средь долины,
Обидны ли кому столь милые картины...

Но еще убедительнее то, что в пушкинском тексте находится еще никем не отмеченная цитата из Овидия:

И стриг над губой первый пух...

4 февраля 1959
Ленинград

...Известно, как любил сосланный в Бессарабию <2> Пушкин уподоблять свою судьбу судьбе Овидия (цитата) <И как ты, враждующей покорствуя судьбе, Не славой, участью я равен был тебе. Здесь, лирой северной пустыни оглашая. Скитался... «К Овидию», 1821>, как группировал вокруг этого имени политические иносказания («Август смотрит сентябрем»), как о нем, одном из античных поэтов, пишет в своих исторических записках. Но одна подробность ускользнула от внимания исследователей.

В отброшенной автобиографии 8-й главы «Онегина» Пушкина есть почти дословная цитата из Овидия. У Овидия она находится в той же X элегии. Сразу после перечисления поэтов (Горация, Вергилия и др.) Овидий рассказывает, что, когда он впервые публично читал свои стихи, он едва ли дважды сбрил бороду:

...populo juvenalia lege
Barba resecta mihi bisque semelae fuit.

Это сопоставление, кроме того, объясняет, что Пушкин хотел сказать следующими стихами:

*Когда в забвеньи перед классом
Порой терял и взор и слух
И говорить старался басом
И стриг над губой первый пух...⁺*

⁺ То, что в Риме бритье бороды имело религиозный характер, не имеет в данном случае никакого значения. NB. «Паж» — 7 октября:

...уж над губой
Могу свой ус я заципнуть.

Вслед за этими стихами Овидий повествует, что он начал воспевать Делию, а Пушкин — безымянную деву.

От всего у Пушкина в окончательном тексте остался только «Старик Державин...» и в «Путешествии Онегина» воспоминание о том, что Вл.Ф. Раевский когда-то назвал его, Пушкина, — певцом Кавказа⁺. К этому же ряду *hommage*'ей (дань уважения) товарищам-поэтам относится и стих

Там пел Мицкевич вдохновенный...

Там — (в Крыму) в Тавриде. Пушкин имеет в виду знаменитые «Крымские сонеты» Мицкевича, посвященные Д.Д., т.е. Каролине Собаньской, в которую Пушкин был влюблен в зиму 29—30 года, т.е. во время создания «Путешествия Онегина».

Однако в «Путешествии Онегина», вероятно как *hommage* мэтрам, есть и державинская строка (о Кавказе), и дмитриевская (о Волге), и карамзинские «грозные Иоанны».

Свою биографию Пушкин рассказывает через разные образы музыки, которую он приводит наконец на петербургский раут.

Биографическая часть кончена — начинается повествование. Появляется Онегин.

Следует сатирическое описание света⁺⁺. Байроновский прием: «There was...» и «There were...» — «Тут был...»,

⁺ И зрел я, слабый твой певец,

Казбека царственный венец.

(«Путешествие Онегина», варианты XII строфы)

Тебе сей лавр, певцу Кавказа

(В.Ф. Раевский — Пушкину)

⁺⁺ Свет фигурирует дважды с разных точек зрения: 1) То, что я называю «Раут у Д. Фикельмон» (весьма почтительно). 2) Бал у Татьяны (сатирически — «There were»).

«Тут были...». Это итоги трех петербургских сезонов 27—28, 28—29. 29—30 годов (до 4 марта ст. стиля).

Главу эту писал Пушкин (1830 г.) — жених Ната-
 <3> лии Николаевны Гончаровой. Оттуда мы узнаем, что
 блажен тот, кто

...в тридцать выгодно женат,

но беда тому, кто похож на целый ряд «отрицательных» героев, и в частности на *белокурого* мизантропа, то есть «Адольфа» Констана. Связь произведения Пушкина с этим романом Бенжамена Констана давно привлекала внимание исследователей (Дашкевич). Ей посвящена и моя работа 1936 («Пушк. временник», № 1). Сейчас нам предстоит обратиться к ней с совершенно неожиданной стороны. Дело в том, что 2 февраля 1830 года в Петербурге Пушкин написал *единственное* дошедшее до нас любовное письмо. Долгое время почти не поддающийся расшифровке черновик считался наброском к какому-то произведению Пушкина. Однако вскоре после того, как Т.Г. Зенгер (Цявловская) прочла это письмо и установила, что оно обращено к Каролине Собаньской, всплыл целый ряд документов: письмо Пушкина к А.Н. Раевскому 15—22 окт. 1823 г., Одесса, где он пишет, что влюблен в Собаньскую; воспоминанья друга Мицкевича о том, как в 28 г. оба поэта-соперника бывали у Каролины; альбом Собаньской, куда на ее просьбу написать свое имя Пушкин вписал 5 января 1830 г. стихотворение: «Что в имени тебе моем?», и, наконец, записка самой дамы, на которую Пушкин и ответил этим невероятным письмом. И что же? — обращаясь к Со-

баньской, Пушкин пишет: «Chère Ellenore, permettez-moi de vous donner ce nom qui me rapelle et les lectures brûlantes de mes jeunes années et doux fantôme qui me séduisait alors, et votre propre existence si violente, si orageuse, si différente de ce qu'elle devait être»*.

Письмо от 2 февраля 1835 г. в эпистолярном наследии Пушкина — единственное в своем роде. Письма к невесте рассчитаны на то, что их будет читать Наталия Ивановна, письма к Керн какие-то слишком галантные, довольно дерзкие и свидетельствуют главным образом о полном отсутствии уважения к адресатке. Остальные дамы, очевидно, уничтожили письма Пушкина.

Упоминание об «Адольфe» в письме от 2 февраля весьма многозначительно. Им Собаньская-Элленора отсылается к тексту романа, где может узнать все, что испытывает автор письма, как он мечется, тоскует, в каком он отчаянии. И все это затем из «Адольфа» переносится в VIII гл. «Онегина».

Пушкин делает это, не повредив нигде священный для него образ Татьяны («мой верный идеал»). В одном лишь месте, по моему разумению, образовалась крошечная трещинка. Едва ли нужно и можно сказать Татьяне:

Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю!

Это, конечно, из письма от 2-го февраля: «Il y a en vous une ironie, une malice...», «un être... malfaisant» — «в вас

* «Дорогая Элленора (имя героини «Адольфа»), позвольте мне называть вас этим именем, напоминающим мне и жгучие чтения моих юных лет, и нежный призрак, прельщавший меня тогда, и ваше собственное существование, такое жестокое и бурное, такое отличное от того, каким оно должно было быть» (фр.).

есть ирония, лукавство...», «зловредное существо» — это уже совершенно оглушительно в любовном письме. А у Татьяны этого не было. «Vous êtes le démon»⁺ Пушкин — Собаньской, а Карлос в «Каменном госте» говорит Лауре: «Милый Демон».

Судя по записочке Каролины Собаньской, которая, видимо, и вызвала это безумное пламенное послание, она (Каролина) сохраняла весьма холодный, учтивый и светский тон, и человек, прочитавший ее записку, меньше всего мог бы себе представить, что на нее будет отвечено таким образом.

«Et cependant vous êtes toujours aussi belle <...>
<4> Mais vous allez vous faner; cette beauté va pencher tout à l'heure comme une avalanche»^{*} — из письма 2 февраля 1930 года.

Ты молода ... и будешь молода

Еще лет пять иль шесть...

(«Каменный гость». Сцена II. Дон Карлос — Лауре)

У Собаньской был прекрасный голос — она чудесно
<5> пела и имела прозвище — демон. Демоном называет Собаньскую и Пушкин: «Vous êtes le démon». Напомним, что Дон Карлос говорит волшебной певице Лауре —

⁺ Вы — демон (фр.).

^{*} «А вы, между тем, по-прежнему прекрасны <...> Но вы увянете; эта красота когда-нибудь покатится вниз, как лавина» (фр.).

«Милый Демон!»⁺ Обращение не такое уж банальное, как, например: «мой ангел», как называли все всех. Надо сказать, что Дон Карлос и дальше повторяет то, что Пушкин пишет о красоте, которая исчезнет.

Эти три совпадения — 1) демон, 2) музыка, 3) красота, которая исчезнет (*va rencher comme une avalanche*), — позволяет нам утверждать, что и здесь Пушкин восходит к собственному опыту прошлой зимы, а возможно, и 28-го года, когда он встречался с Собаньской.

Полагаю, что цитата из альбома Шимановской здесь не совсем у места — ведь гости слушали *пенье*, а не музыку. Едва ли Лаура так ослепительно аккомпанировала себе на гитаре (и гость, к тому же, заинтересовался текстом песни: «А чьи слова?», а не композитором...). Да и не за это ее хвалят гости (цитата) <«...Никогда с таким ты совершенством не играла, как роль свою ты верно поняла!» и т.д.>.

В письме от 2 февраля Пушкин говорит то, что мы читаем в выпущенной строфе Онегина (6-я глава, строфа XVI):

...о ты, которой
Я в бурях жизни молодой
Обязан опытом ужасным...

(Но здесь Пушкин объясняет, что обращается к мертвой.) «C'est à vous que je dois avoir connu tout ce

⁺ Здесь отчего-то Демон с большой буквы, как собственное имя (так же как в 8-й главе: «И даже Демоном моим», т.е. Ал. Раевским), а когда Дона Анна говорит Гуану: «Вы сущий демон» — то с маленькой буквы...

que l'ivresse de l'amour a de plus convulsif et de plus douloureux comme tout ce qu'elle a de plus stupide»*.

Не только, как указывает Зенгер, письмо Онегина <6> совпадает с письмом от 2 февраля⁺, в самой 8-й главе находятся текстуальные совпадения, которые всего больше напоминают перевод. Ключ — «в тоске безумных сожалений» (le regret). Затем — «а счастье было так возможно» в устах героини, описание Онегина, ставшего вдруг неловким, и т.д. Вообще надо сказать, что Пушкин осенью 1830 г. написал почти одновременно два произведения на тему о влюбившемся по-настоящему Дон Жуане: 1) «Кам<енный> гость», 2) VIII гл. «Онегина» (в начале романа Онегин, конечно, законченный Дон Жуан).

И в том и в другом случае это ничем хорошим не кончается. Это может означать только одно. Пушкин считал себя впервые влюбленным по-настоящему. Для осуществления своей задачи Пушкин воспользовался антибайроновским героем Адольфом (три цитаты совпадают). Поэтому Гуан похож на Онегина — вернее оба они похожи на Адольфа, то есть на Пушкина. В 8-й гл. Пушкин сливается с Онегиным (развить). Он отдает ему свои воспоминания (см. статью И.М. Семенко).

* «Вам обязан я тем, что познал всё, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, и всё, что есть в нем самого ошеломляющего» (фр.).

⁺ <Но> именно в письме Онегина — маленькая трещинка — ирония Татьяны. Почти все это письмо (кроме сафической перевернутой <строфы> «Heureux qui près de toi» <«Счастлив тот, кто подле тебя»>), представляет собой цитаты из Адольфа (см. мою статью 1936 г.).

Гуан говорит: «Я счастлив, как ребенок!» Ср.: «Евгений... как дитя влюблен...»

Адольф

Je n'espère rien,
je ne demande rien, je
ne veux que vous voir;
mais je dois vous voir
s'il faut que je vive...*

Онегин

Я знаю: век уж мой измерен,
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

Кам<енный> гость

Я ничего не требую, но видеть
Вас должен я, когда уже на жизнь
Я осужден.

Адольф начинается в 8-й гл. с «белокурого сумасброда», оставшегося в черновике. Рядом с ним фигурирует Ал. Раевский (*Satan son madre*** — «Демоном моим» и Мельмотом). Все это связано с Собаньской (см. одесское письмо к Ал. Раевскому). В своих письмах этого времени Пушкин почти с отчаянием долго и подробно говорит о женитьбе и вдруг вспоминает, что существует некто... Онегин... «вновь займуся им» (тут же он словно впервые замечает, что Онегин холост: «...без жены, без дел...»). Но вместо того дает картину света — петербургские впечатления 27–30 гг. — и дальше Пушкин пишет о Татьяне: «В сей величавой, в сей небрежной» и тогда же в стихотворении «Паж»: «Вечор она мне *величаво*» — с оттенком иронии. Вспоминается, что в 1824 г. В.Ф. Вяземская в письмах из Одессы писала мужу, что Пушкин

* Я ни на что не надеюсь, ни о чем не прошу, хочу только вас видеть; мне необходимо вас видеть, если я должен жить (фр.).

** Его повелитель сатана (фр.).

настоящий *Керубино*, что она его так называет (и в то время он был влюблен в Собаньскую). В «покаянную» болдинскую осень, вспоминая все и всех, Пушкин мог и это вспомнить (окруженный собственными стихами, которые просто кричат о его страсти). К тому же в этом стихотворении «Паж» дама, которая величаво клянется дать ему из ревности яду, названа *Варшавской графиней* (см. черновик), то есть попросту полькой⁺.

Ничему из сказанного не противоречит, что стихотворение это близко к стихотворению Мюссе⁺⁺ [«L'Andalouse»].

«И цвет ланит ее так темен» — «elle est jaune comme une orange»* (см. у Вяземского «Она желта как померанец»). Известно, что в это время Пушкин читал Мюссе и писал о нем.

11 февраля 1959

[Ленинград]

В письме есть еще одно одесское воспоминание. Вот <7> оно: «Он полон самомнения, как его повелитель — сатана». Ср. «Вы — мой неизменный учитель в делах нравственных». Полагаю, что Пушкин в первом случае имеет в виду не нечистую силу, а просто Александра Раевского. Очевидно (по второй цитате), Собаньская знала о демоническом влиянии Раевского на Пушкина и

⁺ В дневнике Пушкин пишет (1833) о Шуваловой: она «кокетка польская, т.е. самая неблагопристойная». Не Каролину ли вспомнил при этом Пушкин!

⁺⁺ Прославленному тем, что из него [sic!] светских модных красавиц называли «львица» (а не женский род от льва!)

* Она желта, как апельсин (фр.).

должна была понять, кого он имеет в виду под «его повелитель — сатана», так же, как в «Гавр<иилиаде>».

Вяземский (5 апр. 1830) пишет жене: «Собаньска <8> умна, но слишком величава. Спроси у Пушкина, всегда ли она такова, или только со мною и для первого приема».

Не отсюда ли стих в VIII гл.:

В сей величавой...

Пушкин был у Собаньской 5 января. Это — канун <9> Крещенья. Может быть, отсюда —

У! как теперь окружена
Крещенским холодом она!

В. Последний Петербург в «Онегине» может быть февральский (по-нашему мартовский). Пушкин уехал 4 марта старого стиля 1830 г.

...В воздухе нагретом
Уж разрешалась зима...

Так бывает...

Близость так несомненна, ситуация создана столь <10> сходная, что места для сомнений не остается. Теперь понятно, почему никому это не могло прийти в голову. Сравнить, по тем временам деклассированную, 37-летнюю Собаньскую — бывшую Витгову любовницу, агентку Бенкендорфа (это, впрочем, было тогда неизвестно) с

законодательницей зал, юной и прекрасной Татьяной — безупречной женой свитского генерала и героя Отечественной войны, да кому это придет в голову? Я и не предлагаю это делать.

Итак, в 8-й главе между Пушкиным и Онегиным <11> можно поставить знак равенства. Пушкин (не автор романа) целиком вселяется в Онегина, мечется с ним, тоскует, вспоминает прошлое:

То видит он врагов забвенных,
Клеветников и трусов злых,
И рой изменниц молодых,
И круг товарищей презренных...

Разве это не пушкинские воспоминания? Никаких презренных товарищей у пустынного Онегина мы не знаем. Каверин? Автор романа? В каком кругу этот нелюдим как будто не вращался. И разве не так, на два года раньше, в 28 г., вспоминает сам Пушкин свою жизнь? См., например. «Воспоминание», где в той же тональности сказано почти то же самое:

Я слышу вкруг меня жужжанье клеветы,
Решенья глупости лукавой,
И шепот зависти, и легкой суеты
Упрек жестокий и кровавый (1828), —

и уже в 1820 («Погасло дневное светило»):

И вы забыты мной, изменницы молодые, —
и в 1821 («Мой друг, забыты мной следы минувших лет»).

Пушкину для Онегина ничего не жалко — он даже отдает ему собственных «изменниц молодых».

Пушкин не только отдает Онегину свои воспомина-
 <12> нья (строфа XXXVII), он целую строфу (следую-
 щую) тратит на то, чтобы показать, как не могший ког-
 да-то

ямба от хоря,
 Как мы ни бились, отличить, —

Онегин под влиянием влюбленности стал похож на по-
 эта, то есть на него, Пушкина, или, по крайней мере, на
 автора, и

силой магнетизма
 Стихов российских механизма
 Едва в то время не постиг
 Мой бестолковый ученик.

В черновиках и в отброшенных стихах (8-й главы)
 <13> преследование, которому подвергалась дама, описано
 гораздо подробнее. <...> Примеры: «У художниц мод»
 (это пахнет действительностью, т.е. у портних); «на бе-
 регу замерзлых вод» (на набережной).

Две картины мокрой гнилой осени в 8-й главе «Оне-
 <14> гина» было, очевидно, то, на что смотрел поэт из своего
 окна, когда писал эту главу:

1) Истлели быстрой чередой,
 Как листья осени гнилой.

(Строфа XI)

2) Так бури осени холодной
В болото обращают луг
И обнажают лес вокруг.

(Строфа XXIX)

Ср.

Два только дерева, и то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея...

(«Румяный критик мой...»)

Что Пушкин и в Моцарта вложил много самого себя,
<15> в этом, кажется, никто не сомневается. Позволю себе
привести еще один характерный пример:

«А я и рад: мне было б жаль расстаться с моей ра-
ботой», — говорит Моцарт о своем только что закончен-
ном Requiem'e (26 октября 1830 г., Болдино). «Или
жаль мне труда, молчаливого спутника ночи», — гово-
рит почти одновременно Пушкин о только что закончен-
ном «Онегине» (стих. «Труд», 1830, Болдино).

Чем кончился «Онегин»? — Тем, что Пушкин же-
<16> нился. Женатый Пушкин еще мог написать письмо Оне-
гина, но продолжать роман не мог.

Из заключения

То, что Собаньская, дожив до 80-х годов, так глухо
<17> молчала о Пушкине — mauvais signe!* Женщина, кото-

* Дурной знак (фр.).

рая еще в России собирала самые редкие и трудно находимые автографы (тюремный автограф Марии-Антуанетты, [автограф] Фридриха II...) и, очевидно, знала им цену, не сохранила безумные письма Пушкина. Как стало известно сравнительно недавно, уже в самом начале 30-х годов, она была агенткой Бенкендорфа. Очень вероятно, что и к Пушкину она была подослана, и боялась начинать вспоминать, чтобы кто-нибудь еще чего-нибудь не вспомнил. Это, как известно, сделал Вигель для одесского периода ее жизни <...>.

Трудно предположить, что существо, занимавшееся предательством друзей и доносами в середине 20-х годов и в начале 30-х, именно в зиму 1829—30 было далеко от этой деятельности. А если она находилась в связи с III отделением, невероятно, чтобы у нее не было каких-нибудь заданий, касавшихся Пушкина. Из письма Собаньской к Бенкендорфу следует, что она писала ему до польского восстания, то есть до 1831 г. («...à qui j'ai parlé si ouvertement *avant* et pendant les horreurs qui agitaient le pays»^{*}). Значит, означенная Каролина писала Бенкендорфу в то время, когда встречалась с Пушкиным.

Заключение

Таким образом, оказывается, что осенью 1830 г. <18> Пушкин написал два произведенья с донжуанским героем (конечно, Онегин в начале романа законченный Дон Жуан), который влюбился в самом деле: одно из этих произведений — «Каменный гость», второе — 8-я глава «Онегина». Для обоих он воспользовался антибайронов-

^{*} «...Которому я писала так искренно до ужасов, волновавших страну, и во время них» (фр.).

ским героем Адольфом Б. Констана, в такой мере, что три цитаты из «Адольфа» в обеих вещах совпадают⁺. От этого Гуан несколько (через Адольфа) похож на Онегина. И оба они, конечно, похожи на самого Пушкина, который 2 февраля 1830 г. в Петербурге написал Каролине Собаньской нечто столь близкое 8-й главе, что оно могло бы быть одним из писем Евгения, если бы там не было упоминания о Крыме, а было бы упоминанье, скажем, о Ленском и еще кой-каких мелочей.

Лейтмотив и письма (к Собаньской) и 8-й главы:

В тоске безумных сожалений...

Онегин просто по письму Татьяны знает, что некогда он был любим...

*А счастье было так возможно,
Так близко!*

Адресатка Пушкина, может быть, чтобы подразнить его, сказала ему нечто аналогичное. И он теряет голову: «Le bonheur est si peu fait pour moi que je ne l'ai pas reconnu quand il était devant moi»*. И дальше об *узрызении* (*remords*), в котором могло бы быть даже наслаждение, и о сожалении (*regrets*), которое рождает в душе только ярость и богохульство. Так было 2 февраля, а 5 апреля того же года Пушкин уже счастливый жених Н.Н. Гончаровой. Но в творческом плане так легко выйти из этого круга: мысли о собственном донжуанстве,

⁺ 1) «Я знаю: век уж мой измерен...» 2) «Печальная тайна» и 3) «Если б я прежде».

Что Онегин похож на Адольфа, написал сам Пушкин в предисловии (1825 год). Рукопись разобрана уже после выхода в свет моей статьи в 1-м № «Пушкинского временника», 1936.

* «Счастье так мало создано для меня, что я не признал его, когда оно было передо мною» (фр.).

суеверное⁺ ожидание какой-то страшной, очевидно, не кары (хотя бы в виде посмертной ревности, о которой столь живописно он пишет своей будущей теще). И опять все то же, то же. Он бросает Онегина к ногам Татьяны, как князя в «Русалке» к ногам, pardon, хвосту дочери мельника. У Пушкина женщина всегда права — слабый всегда прав. И из того, что Пушкин так круто обрывает роман на этой *mise en scène*, видно, как она для него важна. Он покидает Онегина «в минуту, злую для него...»⁺⁺. И в минуту злую для себя он уезжает из Петербурга. Это свидетельствует о том, как живы еще осенью в Болдине воспоминания прошлой зимы. «Онегин» обрывается, как натянутая струна, когда читатель и не помышляет, что читает последнюю строфу. Мы знаем «Онегина», сколько себя помним, и, естественно, нам трудно себе представить что-нибудь иное, но если сделать некоторое усилие воли и вообразить, что какая-то книга кончится на том, что героиня «неубрана, бледна» сидит и обливается слезами, герой на коленях целует ее руку, а в дверях звенит шпорами муж — свитский генерал, все же останется некоторое недоумение...

Итак, это наблюдение дает в какой-то мере ключ к 8-й гл. «Онегина», к трагедии «Каменный гость» и вместе с недоумением Вяземского по поводу пушкинского сватовства освещает очень важный момент биографии Пушкина.

⁺ С.М. Бонди сказал мне, что «На совести усталой много зла» Пушкин приписал потом («Каменный гость», сцена IV).

⁺⁺ 19 октября 1830 г. гибнет 10-я глава.

О XV СТРОФЕ ВТОРОЙ ГЛАВЫ
 «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»,
 О МАНИИ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ (ХАНДРЕ),
 ПОСВЯЩЕНИИ В ШПИОНЫ
 (О «МНИМОЙ ДРУЖБЕ»)
 И ПЕРВОМ СЛОЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
 «ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ»
 («МИЛЫЕ ЮЖНЫЕ ДАМЫ»)

«Пушкин любил пользоваться таким приемом письма: характеризуя какого-нибудь человека, он показывал, каких отрицательных свойств у этого человека нет. Он подбирал из них другой образ. Таким путем в тени явного портрета возникал другой портрет — скрытый, но, несомненно, более важный для Пушкина. Он получал возможность, не называя своего врага, обнажить все отталкивающее в нем». Это не я говорю, а Т<атьяна> Г<ригорьевна> Ц<явловская>. Но в «Онегине» уже несколько лет тому назад я нашла подтверждение этого наблюдения.

.....
 И управлять кормилом мнений
 Нужды большой не находил,
 Не посвящал друзей в шпионы...

.....

Но уважал в других решимость,
Гонимой славы красоту,
Талант и сердца правоту.

(гл. II, черновая строфа перед XV белой)

Значит, на портрете в тени кто-то хочет управлять. Кто-то посвящал друзей в шпионы. Обратное: кто-то не уважал в других решимость, красоту гонимой славы, талант и правоту сердца. <...>

По сопоставлению с стихотворением «Коварность» и еще... несомненно оказывается, что второй — тайный — портрет написан Александром Сергеевичем с «новоизбранного» одесского друга Ал. Раевского. Это он повторил клевету — а клевета была «жестокая, кровавая» (см. тот же сгусток в стихотворении «Воспоминание». 28 г.), а здесь она раскрывается так:

Не посвящал друзей в шпионы —

то есть не посвящал Евгений Онегин, а кто-то посвящал⁺, и даже очень, и этот кто-то — Раевский.

В трех последних строчках Пушкин запрятал самого себя. Итак, Онегин уважал Пушкина, а Раевский нет. Эту совершенно доработанную великолепную строфу Пушкин не включил в окончательный текст. То ли испугался в этом контексте слова *шпион*, то ли не захотел оставить собственный лестный портрет...

<2> <...> Сравнить собственную характеристику Пушкина в стихах к Вл.Ф. Раевскому (1822):

⁺ Слово «посвящал» как — посвящать в рыцари.

Что непреклонным вдохновеньем
И бурной юностью моей
И страстью воли и гоненьем
Я стал известен меж людей...

Так говорил о себе Пушкин уже в 22 году. Про блеск изгнания и т.п. он повторял много раз. Близость этих двух характеристик совершенно очевидна.

В соответствующей этой печатной строфе (XIV) читаем:

Иных он очень отличал
И вчуже чувство уважал.

(См. мои разыскания в связи с словом «иной».) Тут это сам Пушкин. Это — Пушкин, гордящийся гонением, Пушкин из послания к В.Ф. Раевскому, и такого Пушкина не должно было быть в «Онегине», по крайней мере, явно.

<...> О изменившей дружбе Пушкин писал много и страшно. Первое обвинение относится к послелицейскому периоду и, как известно, имеет в виду выдумку Американца-Толстого (будто Пушкина высекли в тайной канцелярии). Второе обвинение относится к Ал. Раевскому, и, по-видимому, это он

посвящал друзей в шпионы.
(строфа XV, Одесса, 1824)

В «Путешествии Онегина» Пушкин вспоминает это время:

...я жил тогда в Одессе
Средь новоизбранных друзей
<черн. строфа XXX>.

Эта так называемая теневая характеристика (он не делал того-то и того-то) намекает, что кто-то и находил нужным управлять кормилом мнений, и посвящал друзей в шпионы, и не уважал в других решимость, красоту гонимой славы, талант и правоту сердца, то есть не уважал его — Пушкина и его же, друга, посвящал в шпионы, то есть распускал слухи о том, что Пушкин — шпион. Это и есть

.....суеты

Укор жестокий и кровавый —

и этого, как мы сейчас увидим, Пушкин до смерти не забыл и не простил. Здесь очень пахнет Собаньской, которая, замечая следы, могла сказать, что в чем-то виноват Пушкин, в то время как это была ее работа. Об этом Пушкин говорит четыре раза. 1) «Коварность» (1824), 2) соответственная строфа «Онегина» (IV гл.), 3) «Воспоминание» (1828) и 4) соответств<енно> строфа в VIII гл. «Онегина» (1830). Все это не может быть случайностью. <...>

Во всяком случае, в 1830 году тень Ал. Раевского <4> возникает дважды. 1) «Ни даже Демоном моим» («Онегин», гл. VIII, стр. XII), 2) «его повелитель — сатана» (письмо 2 февраля), а в XIX строфе <Пушкин> опять поминает клеветников и трусов злых и друзей презренных, а, как мы знаем, таким другом Пушкин считал Ал. Раевского. Итак, мы видим, что общение с Собаньской ведет за собой тень Раевского, воспоминанье о «клевете, вралем рожденной». Он не Раевского обвиняет в доносе на него (ускорившем его ссылку, как принято ду-

мать⁺), а попрекает его, что он его, Пушкина, посвятил в шпионы или повторил эту клевету, идущую от кого-то другого.

Вот здесь надо вспомнить про какие-то темные слушки вокруг Пушкина в южный период его жизни. Что удивительного в их возникновении, если он был при даме, которая вела слежку за братьями Раевскими, Орловым и т.д. и в конце концов добилась их ареста. Конечно, Пушкин понятия об этом не имел. Но Александра Раевского он поймал на повторении этой клеветы. Вот как он дважды повествует об этом:

Но если сам презренной клеветы
Ты про него невидимым был эхом...
(«Коварность», 1824, Михайловское)

Что нет презренной клеветы...
Которой бы ваш друг с улыбкой...
Не повторил стократ ошибкой...
(«Онегин», гл. IV, строфа XIX)

Можно, конечно, предположить, что Раевский, что-
<5> бы унижить Пушкина, «ошибкой» повторил при Каро-
лине «чердачную», то есть еще петербургскую, сплетню,

+ Существует мнение, что Пушкин считал Раевского виновником своей ссылки в Михайловское. Во всякой случае, в стихах он упрекает его не за то. И разглашение его «романа» с Елиз. Воронцовой Пушкин не назвал бы «презренной клеветой» и «кровавым упреком» — а как-нибудь иначе. Всем этим самый факт сплетен Раевского ничуть не опровергается.

что Пушкина секли в III-м Отделении. На это намекают слова:

Что нет презренной клеветы,
На чердаке вралем рожденной...

(«чердак» — Шаховского, «враль» — Толстой-Американец, он же Зарецкий), но в конце концов одно не исключает другого. В 1829 году Толстой уже был сватом Пушкина, а Раевскому (своему Демону, Мельмоту и т.д.) Пушкин всю жизнь чего-то не мог простить. За что-то он сердился и на Орлова (мужа Катерины Раевской).

«Коварность» во всяком случае обращена к Ал. Раевскому: «Ты осужден последним приговором» — это слишком роскошно для картежного вора.

Эти две беглые зарисовки (себя и Раевского) позволяют предположить, что в «Онегине» еще немало таких совершенно зашифрованных характеристик. Напр., гл. 1, строфа XLII:

Хоть, может быть, *иная* дама
Толкует Сея и Бентама,
Но вообще их разговор
Несносный, хоть невинный вздор;
К тому ж они так непорочны,
Так *величавы*, так *умны*,
Так *благочестия* полны,
Так осмотрительны, так точны,
Так неприступны для мужчин...

Ср. Вяземский жене (апр. 1830): «Собаньска *умна*, но слишком *величава*». Не знали ли Вяземские, что здесь

изображена Собаньская? Уж благочестием-то она владела в совершенстве, как мы знаем по ее письмам.

Почти одновременно с этой строфой (XV, гл. II),
 <7> то есть в октябре 1823 года, Пушкин написал письмо Раевскому, в котором он обещает как-то ему мстить и унижать его в глазах Каролины Собаньской. По тону письма видно, что он находится в путях каких-то интриг, как-то связанных с Ал. Раевским и одесской Клеопатрой. Напомню, что Витт был предателем братьев Раевских.

В скобках замечаю: в той же строфе 2-й главы три
 <8> последних стиха — «Но уважал в других решимость, горимой славы красоту, талант и сердца правоту» — это, конечно, не что иное, как один из самых лучших автопортретов молодого автора «Онегина».

Кто хоть сколько-нибудь знает пушкинскую «тайнопись», и даже тот, кто ее совсем не знает, не может не догадаться, о ком идет речь. Это просто очередной «арапский профиль» и кудрявая голова на полях рукописи.

А тайнопись у Пушкина была. Не знаю, довольно ли сказано в науке о величайшем поэте XIX века (во всяком случае) про эту его особенность и так ли легко довести эту мысль до рядового читателя, воспитанного на ходячих фразах о ясности, прозрачности и простоте Пушкина. Зачем она была ему нужна? Во-первых — говорит ли он сам с собой. Беру для примера ту же тему дальше:

А что? Да так. Я усыпляю
Пустые, черные мечты...

(NB. Ср. отрывок 1830 года — «И злое мрачное мечтательное»).

И дальше излагает то, с чем не мог разделаться всю жизнь, что, как я говорила выше, стало неразделимым мучительным густком, к чему он вернется еще не раз в самом «Онегине» («Вас оскорбивший за бутылкой» <VII глава> и почти вся тридцать седьмая строфа 8-й главы). (Цитаты). Это же возникает с очень важными пояснениями в белую петербургскую ночь 19 мая 1828 года («Воспоминание»), и, наконец, в «Соснах» <«Вновь я посетил...»> поэт квалифицирует это как свою душевную болезнь, и всегда это соединено с образом *пира* (или проще — за бутылкой).

Вот что я называю пушкинской болезнью (поэт говорит о послеодесском периоде):

Я зрел врага в бесстрастном судии,
Изменника — в товарище, пожавшем
Мне руку на пиру, — всяк предо мной
Казался мне изменник или враг⁺.

Нам кажется, что такого Пушкина никогда не было — мы такого не знаем, но ведь он же лучше знал самого себя. И как с корнем все это вырвано из олимпийски спокойных и величавых «Сосен».

Это тот *первый слой*, который поэты скрывают почти что от себя самих (об этом больше в другом месте).

⁺ Прочтите эти строки любому врачу-психиатру, и он скажет: «У меня половина пациентов такая».

Но сколько раз в течение своей жизни Пушкин повторяет это, и только здесь он сам согласен, что это болезнь.

Там же (в «Соснах»):

Здесь, погруженный я...
Я размышлял о грустных заблуждениях,
Об испытанных юности моей,
О строгом заслуженном осуждении
О мнимой дружбе, сердце уязвившей
Мне горькою и ветреной обидой⁺.

Это все та же старая обида на Ал<ександра> Раевского. А в 1828 <году>:

легкой суеты
упрек ... и кровавый

(Однако кровавый!?)

<...> К этому надо добавить, что Пушкин увез из
<10> Одессы в 1824 году не только жгучую обиду на Раевского («Коварность»: 18 октября), но и на каких-то дам или даму — см. «Разговор книгопродавца с поэтом», который подытоживает южные, в частности одесские, впечатления:

Я так и вспыхну, сердцу больно:
Мне стыдно идиолов моих.

(1824, 26 сент.)

Ср.: «А я от милых южных дам...» (черновик «Путешествия Онегина»). А книгопродавец говорит:

⁺ Укор беспечный и кровавый (1828).

...но исключений
для милых дам ужели нет?

Совершенно с таким же содроганием говорит о Собаньской Мицкевич, упрекая ее в том, что она завлекала его, не любя, а желая получить от него посвящения стихов («К Д.Д.», «Прощание»), что не мешало ему в 1828 году бывать у нее в Петербурге, а затем через много лет в Париже.

О пушкинской хандре

- <11> 1) Французское письмо к брату <№ 37. 1822 г. 4.IX—6.X>.
2) Письмо к Плетневу <№ 354. 1830 г. 31.VIII>.
3) «Евг. Онег.» (гл. 2 — 1824 и VIII 1830 г.).
4) «Вновь я посетил...» (1835).

Он застрелиться, слава Богу,
Попробовать не захотел...⁺
(гл. I, строфа <XXXVIII>)

и

Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За ним гналася в шумном свете...
(VIII гл., строфа <XXXIV>)

Вот что вспомнилось Онегину кроме всего описанного в строфе XXXVII. Как совершенно верно наблюла Семенко, Пушкин в 8-й главе сливается с Онегиным и

⁺ Ср. в 8-й гл.: «Не умер, не сошел с ума», потому что вся глава об этом.

отдает ему свои воспоминанья, и здесь Пушкин вспоминает и, конечно, свою тогдашнюю влюбленность в Собаньскую, *taedium vitae*⁺ 1824 года, и ту хандру, которая граничила с манией преследования, как мы узнаем из первого слоя стихотворения «Вновь я посетил...». Вот о чем пишет великой осенью 30-го года счастливый жених Н.Н. Гончаровой. Вот с чем сравнивает свою последнюю петербургскую зиму. В «Путешествии Онегина» мелькает припев: «Тоска, тоска!», в декабрьском письме то же. В другом письме 1830 — *я хандрлив и подозрителен, как мой отец...*

Очевидно, эта волна мнительности и тяжелой депрессии, которую Пушкин пережил в Одессе и которую воронцовско-раевская история (и еще какие-то неизвестные нам обстоятельства) обострила, если не вызвала, и которую он привез с собой в Михайловское (и там якобы от нее освободился — «Я помню чудное мгновение»), — снова, под влиянием черной мутной страсти, описанной в письме от 2 февраля, начала овладевать им. Но к его, а тем более нашему счастью эти страшные периоды не были отмечены молчанием его Музы. Наоборот! То, что он своими золотыми стихами описывал эти состояния, и было своеобразным лечением. Пушкин сам говорил об этом:

Поэзия, как ангел-утешитель,
Спасла меня, и я воскрес душой.

(«Вновь я посетил...», черн.).

<1959>

⁺ Отвращение к жизни (*лат.*).

ПУШКИН В 1828 ГОДУ
<УЕДИНЕННЫЙ ДОМИК НА ВАСИЛЬЕВСКОМ>

<1> В 1828 году в салоне Карамзиных, в присутствии Екатерины Николаевны, в которую был влюблен, Пушкин рассказал демонскую сказку, назвав ее «Уединенный домик на Васильевском».

Молодой москвич Титов, вернувшись домой, записал рассказ Пушкина, отнес рукопись в трактир Демута, где жил Александр Сергеевич. Пушкин, по словам Титова, одобрил его запись и даже внес какие-то поправки.

«Уединенный домик» был напечатан в «Северных цветах» у Дельвига (1829) за подписью Тит Космократов.

По-видимому, Пушкин не однажды занимал общество этой сказкой. Анна Петровна Керн тоже вспоминает, что Пушкин как-то «собрал нас в кружок» и рассказал приключения влюбленного черта, извозчика № 666 и т.д. на Васильевском острове. Едва ли Анна Петровна бывала в 1828 году в салоне Карамзиных <...>.

<2> Не знаю, заметил ли кто-нибудь, что описание сцены в доме графини И. подозрительно похоже на записку П<ушки>на к *Путяте*:

M'étant appoché hier d'une dame qui parlait à M-r de Lagrenée, celui-ci lui dit assez haut pour que je l'entendisse: renvoyez-le. Me trouvant forcé de demander raison de ce propos, je vous prie, Monsieur, de vouloir bien vous rendre auprès de M-r de Lagrenée et de lui parler en conséquence.

Pouchkine.*

[1829]

Январь 1828—середина октябрь 1829 в Петербурге.

Домик: «Он увидел, что она в стороне говорит тихо с одним мужчиною: любопытство, ревность заставила Павла подойти ближе, и ему послышалось, что мужчина произносит его имя, шутит над его дурным произношением. Наш юноша взбесился, хотел тут же броситься и наказать насмешника...» (далее «бездна разврата»).

1828 — самый разгульный пушкинский год.

«Он опять вспомнил о давно покинутой им Вере, как грешник среди бездны разврата вспоминает о пути спасения» («Уединенный домик на Васильевском»).

Прочла «Домик».

Сцена в свете напоминает «Renvoyez-le»** Лагрэнэ и вызов П<ушки>на.

<3> 1828 год в жизни Пушкина.

* Вчера, когда я подошел к одной даме, разговаривавшей с г-ном де Лагрэнэ, последний сказал ей достаточно громко, чтобы я его услышал: прогоните его. Поставленный в необходимость потребовать у него объяснений по поводу этих слов, прошу вас, милостивый государь, не отказать посетить г-на Лагрэнэ для соответственных с ним переговоров. Пушкин (фр.).

** Прогоните его (фр.).

За яркий глянец черных глаз,
 Облитых влагой сладострастной...
 («Бал» Баратынск<ого>, 1828.)

Ср. «черные, большие, влажные очи красавицы»
 («Домик», 1828).

Нина и графиня И. — вампы, тогда у П<ушки>на
 Закревская. Кто беседовал с Лагрэнэ?

Я еще боюсь утверждать, но вдруг «Домик» не петербургск<ая> гофманиана, а некое осознание своей жизни как падения (карты, девки, гульба), кот<орое> если не спасет какая-нибудь Вера, кончится *безумием*. *Титов мог так огрубить ее, что и не доберешься*. Во всяком случае Лагрэнэ остается в силе. М.б., П<ушкин> и рассказал это все для какой-нибудь Веры, кот<орая> должна его спасти и кот<орой> было многое понятно.

Так и «Х» пользуется рассказом Титова о Клеопатре, чтобы спросить мнения дамы.

«Домик» и «Бал»

Его любимые картины
 У ней являлися. Не раз
 Блестали *новые уборы*
 В ее покоях, чтоб на час
 Ему прельстить, потешить взоры.
 Был втайне *убран кабинет*,
 Где сладострастный *полусвет*,
 Богинь роскошных изваянья,
 Курений сладких легкий пар —
 Животворило все желанья,
 Вливало в сердце томный жар...

Ср. с опис<анием> *intérieur'a* гр. И.

Я не думаю, что рассказчик (П<ушкин> или Т<и-

т>ов) восходит к «Балу» Баратынского, здесь мне чудится нечто иное: воспоминание двух любовников вампа-Закревской об ее покоях, где она их принимала. Это объяснение, кот<орое> начинается *возле трюмо*, которое замыкало анфиладу (проп<ущено> комнат), дьявольски выпадает из топорной прозы Титова. Оно в самом деле *существовало*. <...>

Если П<ушкин> — Павел, Оленина — Вера, Закревская — гр. И. (вамп), я пока не вижу Варфоломея М.б., Соболевский?

Но гр. И. может быть и Собаньская, имевшая кличку — Демон («Милый Демон») и своей игрой доводившая П<ушкина> до отчаяния. Которая-то из них и Клеопатра, ко<торой в> 1828 П<ушки>н снова занялся («Онегин» в 8-й гл. романа).

Влюбленным мужчинам свойственно считать соперника чем-то вроде дьявола. Мне не раз приходилось сталкиваться с этим явлением («Он ее гипнотизирует» — понынешнему). Мне приходилось с ним сталкиваться на собственном горьком опыте. (И имею даже лит<ературный> пример!)

Факт тот, что в 1828 г. около П<ушки>на был Ангел (цитата) в виде Олениной и вамп <в> виде двух дам: Закревской и Собаньской. И там и тут у него соперников было больше, чем нужно. Описание отчаянья Павла напоминает карамз<инские> описания самого П<ушкина>, его знаменитую *ревность* («глаза наполнились кровью и слезами»).

К теме Пушкин-тигр: стал ходить взад и вперед по комнате, как тигр по своей клетке («Выстрел»).

22 января 1963

Москва

Уединенный домик

I. Описание могилы декабристов (место). Очень <4> легко отделить элементы фантастической повести от чего-то совсем иного.

II. Родители героини — взяточник и ведьма (Оленины).

III. Героиня Вера (стихи к Олениной. Сказка. «Роман» 1829 года. Теневой портрет, 8-я гл. «Онегина» «Вся... в отца и мать»).

IV. Графиня И. (Закревская). Большой свет — филиал ада, который наносит Пушкину неотразимые обиды. Все, кроме Павла и Веры, — черти. *Лагренэ*. Закревская — сравнить с «Балом» Баратынского. Античная (эротика) обстановка дома. (В какой мере античная обстановка была тогда обычной?)

V. *Друг — Демон* (Раевский).

«Ночная гульба», от дурных последствий которой умеет спасти только друг-демон. Все аналогии.

VI. Письмо Вяземскому, несомненно рассчитанное на перлюстрацию, где Пушкин учит князя, что́ отвечать где-то, и советует правительству не вмешиваться.

Там *единственные* в своем роде комплименты Бенкендорфу, которые должны смягчить чудовище. Случай был, по-видимому, серьезный, потому что Пушкин к этому методу больше никогда не прибегал. Дан как французская цитата в русском письме, чтобы Бенкендорф мог насладиться комплиментом во всей красе.

Про «Домик»

В этой незатейливой на первый взгляд вещи при <5> ближайшем рассмотрении оказывается ряд подозри-

тельно связанных с П<ушкиным> проблем («Пушкинских»).

I. Трудность попасть в «высший свет» из среднего (?). То, что этот вожденный «высший свет» оказывается филиалом ада («И сердцу вновь наносит хладный свет//Неотразимые обиды»). (19 мая 1828).

II. Демоническая женщина, к изображению которой подбирался тогда П<ушкин> (Анти-Татьяна), и такая женщина была тогда в его жизни⁺ (дама «с черными, влажными» глазами — см. «Клеопатра» — 1828).

III. Мнимая дружба или дружба с демоном (Раевским). Измена демониче<ско>го друга. Женщина.

IV. Ангел (Вера), чья любовь должна спасти (см. стихи к Олениной), чья чистота — последнее прибежище, утешение. Родители Веры и родители А.А. Олениной.

V. Софья Астафьевна и барышня в розовом капоте 18 апр<еля> 1828, к кот<орой> П<ушки>н попросился в гости, — и «где третьего дня были» повести. И «ночная гульба»? Вероятно, были и по этой линии доносы на П<ушкина>, и вся история <с> поездкой в Коломну не так невинна, как представляет П<ушкин> в письме к Вяз<емскому>, уверенный, что письмо будет прочитано. Недаром Бенк<ендорф> страдал Вяземского.

⁺ См. письмо к Хитрово <«Я имею несчастье состоять в связи с остроумной, болезненной и страстной особой, которая доводит меня до бешенства, хоть я и люблю ее всем сердцем». Авг. — перв. пол. окт. 1828>. «Приехал Пушкин... Он влюблен в Закревскую». <Т.Г. Цвяловская.> Дневник Олениной, прямое свидетельство одновременности этих двух таких разных любовей.

VI. Можно себе представить, на какие «проделки» намекает Павел, говоря о Варфоломее.

VII. Безумие Павла совпадает с реальным «безумием» М.А. Дмитриева-Мамонова. Политический характер не то гамлетовского, не то чаадаевского помешательства. Белокурый высокий молодой человек с серыми глазами (?), вероятно, внешность Вар<фоломея>.

Пушкинская тайнопись.

...И все-таки «Дубровский» — неудача Пушкина. И слава Богу, что он его не закончил. Это было желание заработать много, много денег, чтобы о них больше не думать. Это, в противоположность «Пик<овой> даме», вещь без Тайны. А он не мог без Тайны, она одна всегда влекла его неудержимо. «Дуб<ровский>», оконч<енный>, по тому времени был бы великолепное «чтиво».

Там есть все.....

Я, как видите, оставляю целых три строки для перечисления того, что там есть «соблазнительного для читателя». Да, там есть все — но нет тайнописи «Пиковой дамы».

<...> Главная страсть повести *ревность*. Павел ревнует и Ангела (Веру) и чертовку — к Варфоломею, страсть, столь свойственная Пушкину. Можно с уверенностью сказать, что описание блужданий Павла по зимнему ночному Петербургу — пушкинское.

Что делать с этими тремя странными совпадениями (Дм<итриев>-Мамонов, Закревская и Лагрэнэ) плюс описание Голодая, пока непонятно. На всякий случай я решила записать мои находки, потому что они могут при-

годиться кому-нибудь в работе. С Пушкиным никогда не знаешь à quoi s'en tenir*.

28 марта 1963

Комарово

Вчера, сегодня начинает смутно проступать, что сд<7> лал Пушкин в «Домике». В старый план адской повести он вложил многое из своего настоящего и недавнего прошлого:

1) Впечатление от места погребения пяти декабристов (к которому еще дважды вернется, как мы видели -- «Отрывок» 1830 года и «Медный всадник»), своего столкновения с Лагренэ, своего романа с дьяволицей с влажными глазами (Закревской, Собаньской), описание ее дома (см. «Бал» Баратынского) и Ангела-Веры -- Олениной («сколько томных выражений»), которая должна была его спасти, — стихи к ней вопль о спасении, припадки черной ревности, которым Пушкин был подвержен, мать героини — ведьма, это Елизавета Марковна Оленина, которая искала дочери выгодную партию и была грубой с Пушкиным. В. Папаша обозван взяточником и отравлен женой-ведьмой совместно с ее любовником. См. Пушкин об Олениной в «Онегине». Недурные папа и мама у Ангела. В 1830 году сама Анна Алексеевна (Оленина) «вся... в отца и мать». Все это *настоящее*, то есть 1828 год.

К недавнему прошлому восходят отношения с Варфоломеем. В них не трудно распознать тяжелый и ни в

* Чего держаться (фр.).

чем не растворимый сгусток — Демон-Друг-Предатель-Раевский⁺, есть даже словесное совпадение с стихотворением «Коварность»: [Павел] отскочил, как от лютой змеи [от Варфоломея]. NB. Не надо ни минуты забывать, что мы имеем топорную копию Титова с зашифрованного подлинника Пушкина, но придумывать за Пушкина Титов, конечно, не может.

Когда свою он от руки твоей,
Как от змеи, отдернет с содроганьем...

(«Коварность», 18 окт. 1824 г.)

Затем Варфоломей именуется коварным.

Рассказ произнесен для девичьего слуха. (Или записан.) Не трудно догадаться, куда водит Варфоломей — Павла, в каких проделках он его обвиняет (ночная гульба). Не следует обойти молчанием следующую подробность. (Если это подробность.)

В маленькой трагедии (в прозе), которую придется условно именовать «Мы проводили вечер на даче», Пушкин рассказывает, как Алексей Иванович занимает общество историей Клеопатры (в прозе и стихах), а Титов, московский архивный юноша (и ученик иезуитов),

⁺ Открытие этого пушкинского приема [«теневого портрета»] принадлежит С. Бонди. Он заметил, что под видом похвал Инзову Пушкин поливает грязью Воронцова («Воображаемый разговор с Александром I»).

В нашей строфе дело обстоит примерно так же: Онегин не делал того-то и того-то, что, очевидно, делал кто-то, и, что для нас самое главное, Онегин

Не посвящал друзей в шпионы... —

вот они, все разговоры о «малодушии» Пушкина и его «характере». Вот что повторил Раевский, о чем узнал Пушкин и чего он не мог ему простить. Строфа не вошла в печатный текст

удивляет всех своей всемирной ученостью. Все это делается только для того, чтобы услышать роковое *да дамы с огненными глазами*. Не хотел ли Пушкин и в 1828 году в своей петербургской повести сказать что-то какой-то даме, присутствующей на вечере? Может быть, не случайно Титов в глубокой старости вспоминает, что в тот вечер была дома Ек. Ник. Карамзина, которую Пушкин обожал?..

Здесь не лишнее напомнить, что написанную в 1824 году в Одессе «Клеопатру» Пушкин снова берется обрабатывать в 1828 году, что Закревскую он просто называет Ниной Воронской. «Сей Клеопатрою Невы», что у Каролины Собаньской были *огненные глаза*, и она была вдова по разводу, как героиня маленькой трагедии «Мы проводили вечер на даче». Итак, и Клеопатра Невы и гр. И. это кто-то из этих дам, а еще вернее желанье Пушкина изобразить в противовес светлой и чистой Татьяне страшную темную грешную женскую душу.

<...> Из всего этого явствует, что было время, когда Пушкин уже разочаровался в родителях, но был еще очарован А<нной>А<лексеевной>, а она сама еще казалась ему прелестнейшей из всех женщин, и ей он почти молился. Вот это время и есть время сочинения «Домика» и рассказа его у Карамзиных и еще где-то (Воспоминания Керн). Уже примерно через год он узнает все и о самой Олениной (см. «Роман в письмах» 1829 г., работы Зенгер-Цявловской (Цитата)). («Часто удивлялся я тупости понятия или нечистоте воображения дам, впрочем, очень любезных. Часто самую тонкую шутку, самое поэтическое приветствие они принимают или за нахальную эпиграмму, или за неблагопристойную плоскость. В таком случае холодный вид, ими принимаемый,

так убийственно отвратителен, что самая пылкая любовь против него не устоит. Это испытал я с Еленой***, в которую был я влюблен без памяти. Я сказал ей какую-то нежность; она приняла ее за грубость и пожаловалась на меня своей приятельнице. Это меня вовсе разочаровало». В женщине, в которую поэт был влюблен без памяти, которая приняла его нежность за грубость, которую Пушкин назвал было О., а затем Елена, нельзя не узнать Олениной).

Проходит еще год, и на рауте в 8-й главе «Онегина» Пушкин с омерзением говорит обо всей семье («Тут Лиза Лосина была»).

Все это в конце концов окажется истиной, придут откуда-то еще новые подтверждения.

Но что, милый читатель, вы скажете о развязке петербургской повести Тита Космократова?

Кажется, чего проще, чего банальнее...

После смерти Веры Павел сходит с ума. Но почему, скажите мне, он делает это точь-в-точь, как самый знаменитый московский богач Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов, основатель и глава тайного декабрьского общества Русских Рыцарей, которого Пушкин считал одной из центральных фигур 1812 года, о чем сказано в «Рославле» (1831) (цитаты) [«Везде толковали о патриотических пожертвованиях. Повторяли бессмертную речь молодого графа Мамонова, пожертвовавшего всем своим именем»], друг и единомышленник Орлова. В снаряженном на его деньги полку служил кн. Вяземский, и в это время дружил с графом. НВ. Герцен о Мамонове.

Лотман считает, что сумасшествие Мамонова было вроде гамлетовского (во всяком случае вначале) или ча-

адаевского. В 1826 — гр. Мамонов отказался присягать Николаю I. С ним обошлись как с душевнобольным, но держали как арестанта, Мамонов уехал в свою подмосковную, отрастил бороду, сделался человеком-невидимкой, подписывал бумаги не своим именем, запрещал упоминать при нем о *государе*, государыне и вел. князьях, избил лакея. Все это делал и Павел «Домика».

Кроме того, Павел приходил в исступление при виде (где он его брал в своей подмосковной?) высокого белокурого молодого человека с серыми глазами.

Весьма таинственный блондин!

Но здесь нельзя не вспомнить, что Пушкину была предсказана гибель от белокурого человека, а что Николай I был совсем белокурым, и у него были серые глаза. Когда Пушкин в 26 г. впервые увидел государя в Москве в Кремлевском Дворце, он вспомнил об этом предсказании и говорил об этом друзьям. *В. И опять, что Мамонов запрещал упоминать при нем о государе.*

А 1828 год был годом взятия Пушкина под тайный надзор и год, когда «Гавриилиада» дошла до правительства. Поэт ждал новой ссылки «прямо, прямо на Восток».

20 апреля 1963

Ленинград

P.S.: Одновременность влюбленности Пушкина в Оленину и Закревскую и то, что он, конечно, бешено ревновал обеих, должна была стеснять рассказчика «Домика», так как такая одновременность несколько противоречит правилам фантастической сказки. Там влюблен — так влюблен. Не так бывает в жизни и в особенности с лирическими поэтами. Оленина — Вера была надеждой на спасение, очищение, прощение. Та, другая, Закревская — графиня И. повести — водила его по опустошен-

ным кругам своей обугленной души. Это была дама с огненными или влажными черными глазами (полу-Закревская, полу-Собаньская), та, которая в «Маленькой трагедии» скажет *да*, т.е. потребует, чтобы он убил себя, это, одним словом, современная Клеопатра.

Итак, по всему, Пушкин рассказал у Карамзиных «Домик», когда он был еще без памяти влюблен в Оленину, он уже знал все об ее родителях, когда его терзала какая-то Клеопатра Невы, которая тоже появится во всей красе в VIII гл. «Онегина» (1830). (Цитата. «Нина входит»...) Но ей он не мстит ни в стихах, ни в прозе. (См. «Роман в письмах» 1829. Елена — Оленина. См. дневник Олениной: «У Пушкина роман с Закревской».)

В 1828 году Пушкин не только влюблялся и разлюблял и как никогда расширял свой донжуанский список, о чем он сам говорит:

Каков я прежде был, таков и ныне я, —

но и в «Полтаве» (то есть осенью 1828 года, в октябре) хочет быть теоретиком этого образа действий и как бы считает его нормальным и вообще свойственным молодежи:

Мгновенно сердце молодое
Горит и гаснет. В нем любовь
Проходит и приходит вновь...

и далее называет любовь молодого человека «мгновенными страстями», которыми сердце пылает «*послушно*» и «*слегка*». Это, очевидно, опыт 1828, когда исследователю грозит опасность заблудиться в прелестном цветнике избранниц, когда Оленина и Закревская совпадают по времени. Пушкин хвастает своей победой у Керн, несомненно как-то связан с Хитрово и тогда же соперничал с Мицкевичем у Собаньской. И все это только в

Петербурге⁺. Однако все это не так мило, как кажется на первый взгляд. Все эти «мгновенные» страсти не могли у человека с характером Пушкина протекать безболезненно. И, во-первых, большую роль должна была играть ревность, без которой, как известно, никакой влюбленности не бывает, тем более у человека с таким бешеным темпераментом, как Пушкин («не исправленный стократною обидой»).

Надеюсь, что все эти соображения приближают нас к пониманию, почему Павел под влиянием ревности бродит по зимнему Петербургу и не топится только потому, что Нева подо льдом, причем Павлу-то и ревновать особенно некого.

P.S. Самое таинственное для меня — это развязка. М.б., Титов, когда нужно было изобразить безумие, просто записал все слухи о Дм<итрие>в-Мамонове. Как недавний москвич, он должен был быть «хорошо» осведомлен.

Думаю, что в описании болезни и смерти старухи и в рассказе пожарного П<ушкин> не повинен.

Там что-то очень длинно, скучновато и однообразно.

Болезнь Веры тоже описана трафаретно. Лобовая мораль — враждебна П<ушкину>. Вообще участие Титова было несомненно очень значительным. <...>

Да [вообще] кто бы мне поверил, если бы не открытие Б.В. Том<ашевского> 1937 г. о портретах Оленина и дочери в 8-ой гл<аве>. Да и то без работы Цявловской о «дневнике Олениной» это все, вероятно, имеет довольно легкомысленный вид. Я помню, как все мы были

⁺ Титов в старости вспоминает, что примерно в то же время Пушкин обожал Карамзину-Мещерскую.

skonфужены, когда гадкой Lisette+ 8-ой гл<авы> оказался главный ангел — Анна Алексеевна Оленина.

(Очень приятно, что у нас есть возможность проследить, что она, так же, как ее почтенный папаша, вполне заслужила такое отношение поэта.)

На свой бал [(или раут)] в 1830 г., где он судит пет<ербургский> высший с<вет>, Пушкин приводит обеих героинь 1828 г. Целая строфа посвящена Нине («Клеопатре Невы»):

И все в восторге в небесах
Пред этой чудною картиной.

Не то случается, когда там же появляется Annette Olenine (Lisette) — Лиза Лосина:

Тут Лиза++ Лосина вошла
.....
Так неопрятна (писклива),
Что поневоле каждый гость
Предполагал в ней ум и злость.

По планам «Русского Пелама», «Романа в письмах», «На К<авказских> водах» (да и других произв<едений> П<ушкина>) мы знаем, как охотно [он] П<ушки>н в своей прозе изображал знакомых ему людей.

+ Теперь она же чванная и глупая Елена в «Романе в письмах» 1829 <года>. Но оттуда мы узнаем, что П<ушки>н был в нее влюблен. (Это я испытал с Еленой О<лениной>, в которую был влюблен без памяти.)

++ П<ушки>н дает ей имя ее матери — *Елизавета*. Как к [ней] той относился П<ушки>н ясно и без объяснений. Еще черновая строка: «Что вся была в отца и в мать».

М.б., примечание

Мне кажется, мы еще в одном очень виноваты перед Пушкиным. Мы почти перестали слышать его человеческий голос в его божественных стихах. Приведу, как пример, стихи к Олениной. Что может быть пронзительней и страшнее этих воплей воистину как-то гибнущего человека, кот<орый> взывает о спасении, взывает к Чистоте невинности⁺. («И твое воспоминанье <заменит душе моей силу, гордость, упование и отвагу юных дней» — «Предчувствие»>.) Это настоящее SOS.

А «Воспоминание», когда в [майскую], [белую] бессонную петербургскую ночь 19 мая поэт клянет что-то, рыдает над чем-то — не видит выхода.

Вообще мой лозунг: «Побольше стихов — поменьше III-го Отд<еления>». Потому что из стихов может возникнуть нужная нам проза, которая вернет нам стихи обновленными и как бы увиденными в ряде волшебных зеркал — во всей многопланности пушкинского слова и с сохранением его человеческой интонации, а из III-го Отд<еления>, как известно, ничего не может возникнуть.

21 апреля 1963

Ленинград

В статью

I) Маленькое предисловие. В нем может быть намек на причины, побудившие П<ушки>на рассказать нечто на вечере у Карамзиных. П<ушки>н в 1928.

⁺ А мы деловито комментируем: «В это время поэту угрожала ссылка за “Гаврилиаду”».

Двадцать восьмой — это год «Восп<оминания>» и Хитрово, Софьи Астафьевны и Anette Olenine, Закревской, Собаньской, Клеопатры, карт, письма Соболевскому о Керн и т.д. Описание античного интерьера напоминает «Бал» Баратынского, но исходит не от «Бала», а от самого интерьера. Демоническая графиня И. с черными влажными глазами — это непременно кто-то из окружения П<ушки>на и не та же ли самая дама, кот<о-рая> разыгрывает Клеопатру в «маленькой повести» — «Мы проводили...»

Сомнительный Ангел (отец — взяточник, мать — мужеубийца и ведьма). Известно отношение П<ушки>на к Оленину («Там был Оленин...»). Но вообще все это столь таинственно и загадочно, что перед этим меркнут все чудеса петербургской гофманианы: извозчики № 666, черти, проигрывающие друг другу души, и то обстоятельство, что, кроме героя (Павла) и священника, — все черти.

Ангел, кот<орый> мог влюбиться в Варфоломея. И так, обе дамы — и Ангел, и Демон — в кого-то влюбляются, и главное — ревность.

Высокий белокурый человек с серыми глазами — это, конечно, Варфоломей, но невозможно не вспомнить, что П<ушки>ну была предсказана гибель от белокурого человека, и когда он увидел царя, он вспомнил об этом предсказании (1826). Все безумие Павла — просто описание безумия гр. Дмитриева-Мамонова, кот<орый> отказался присягать Ник<олаю> I и требовал, чтобы при нем не упоминали «о государе, государыне и вел. князьях». С Дмитриевым-Мамоновым продолжал встречаться Орлов, и Пушкин (бывший тогда москвичом) не мог не знать всех подробностей «болезни» самого знаменитого сумасшедшего Москвы.

В Мамоновском полку (1812) служил Вяземский (и дружил с графом). О Мамонове П<ушкин> [упоминает] пишет в «Рославле» (1831), как об одной из центральных фигур 1812 г., не упоминая об его болезни:

Не скрою от читателя, что у меня пока что нет ответов на все эти вопросы. Титов ли решил ввести Мамонова, или это задумал П<ушкин>, не было ли версии о несчастной любви графа (в Москве все может быть). Но во всяком случае быт «человека-невидимки» изображен в повести «Уединенный домик...» совершенно отчетливо вплоть до того, что Павел избил лакея и, подписывая бумагу не своим именем (Дм<итриев>-Мамонов), подписался — Владимир Мономах, что ему было официально запрещено). Но для нас интереснее, что исследователь констатирует в данном случае не наличие болезни, а притязания на престол и намек на то, что Романовы (а тем более Голштинские) имеют менее права царствовать в России, чем Рюриковичи — Дмитриевы-Мамоновы. Каждый читатель Пушкина не может не вспомнить при этом «Мою родословную» (1830 г.), где П<ушкин> в сущности намекает на то же самое. Такова же была и позиция banca!’я*. (См.....)

(30 янв<аря>)

1 стр.

<10> У Карамзиных. Насколько изменил Титов, трудно <сказать>, но, по мнению исследов<ателя>, начало более пушкинское. А что мы видим в этом начале.

* Banca! — светское прозвище Долгорукого — косолапый (фр.).

(2-ая)

Звон часов на Думе, когда нет ни Невского, ни Гостин<ого> двора, ни набереж<ных>, ни дворцов.

(3)

В.В. Насчет фламандск<ой> полноты жизни, а наоборот трагично.

(4-ая)

[Что же произошло между 1-ой главой «Онегина» (1823), где поэт так изящно готов променять Петерб<ург> на Италию, и [между] трагическим [желанием] порывом отдать эту заветную мечту.

(Стр. 8)

Характ<еристики> уч<астников> движенъя. Органично для «Он<егина>»: переходы, переключения из плана в план. Ирония сопровож<дает> Ленского почти до последн<его> часа его жизни, зато с неслышанной силой и скорбью <Пушкин> оплакивает его и возвращается к этому в 7-ой гл<аве>, где он] см. в черновиках 6-ой гл<авы> (1826?) он представляет его как возможного участника дек<абрьского> восстания.

.....

«Или повешен, как Рылеев».

Во всяком случае Он<егин>, по восп<оминани-ям> Юзефовича, должен был быть дек<абристом> и или погибнуть на Сен<атской> площ<ади>, или быть сосланным на Кавказ, и можно быть уверен<ным> (Розен).

Все вышесказ<анное> подводит нас к мысли, что заг<адочный> отрывок «Когда <порой> воспомина-

нье>» — не что иное как описание этого ме<ста>. Что пер<ечеркнутый> черн<овик>...

...

Окончательным доказательст<вом> нашего предполож<ения> является строфическая структура отрывка, система рифм.

во втором фрагменте

.....

....

Этот фрагм<ент> написан [по всем] с соблюд<ением> всех правил онегин<ской> строфы:

Это все увидено не из окна кареты и даже не с дрожек.

Островков на взморье много. На них действительно сидят птицы (чайки, утки?), сушатся рыбацьи сети, иногда догнивает дырявая лодка⁺. Тогдашние городские слухи могли указать на один из них как на место погребения декабристов. В сущности Голодай тоже остров.

Ходасевич совершенно не прав, когда он усматривает демоническое начало в «Домике в Коломне». Мавруша не сатана, а какой-нибудь лихой черноусый гвардеец (офицер, конечно), один из многих ездивших под окнами коломенской красавицы.

...«Дубов, друзьями насажденных.

Они о [прадедах] праотцах казненных

Доныне внукам говорят».

Это П<ушки>н намекает [что] нынешним К<очубеям>, что им бы не мешало гордиться так страшно погибшим предком.

⁺ Так по крайней мере было в 20-ых годах 20 в., когда я часто там бывала.

М.б., примечание

Примерно, какие разговоры в свете можно было услышать о декабристах, мы знаем хотя бы по «бессмертному» высказыванию гр. Нессельроде: «Какое несчастье иметь такого в своей семье». (Щ<еголев>. <Дуэль> и с<мерть А.С. Пушкина>, с.)

Добавить в статью

Могилы из «Станц<ионного> смотр<ителя>» и,
<11> м.б., примечание:

Не в наследственной берлоге,
Не среди отческих могил

и

Но ближе к милому пределу...

(Проверить несчастную любовь Дмитриева-Мамонова) <...>

<12> В 1828 (празд<ник> Преполовенья) два приехавшие в Петербург москвича (дата...) поехали, как на богомолье, в Петроп<авловскую> крепость, как только прошла Нева, искать место казни⁺ и взяли на память 5 щепочек от помоста или от самой виселицы. («Меня прибывает к этим виселицам», — писал Вяземский жене.)

⁺ Это место П<ушки>н в 1836 показывал Дуровой, когда вез ее к себе на дачу.

Невероятно, чтобы Пушкин в первый же раз, когда он был в П<етербур>ге после казни (июль 1826) не искал место могил на Невском взморье. Тогда он мог застать еще следы наводнения 1824 (мы, ленинградцы, знаем это по нашему наводнению 1924) и даже остатки домика на одном из островков, что пошло в «Мед<ный> вс<адник>». Во всяком случае старушки с дочерьми (и «Дом<ика>», и «Всадн<ика>») живут в одном и том же домике (на Голодае) около залива. Сказку у Карамз<иных> Пушкин рассказывал, очевидно, зимой (летом Кар<амзины> уезжали из города), да там в самоубийств<енных> блужданиях Павла по городу чувствуется зима вокруг: Нева подо льдом и извозчик № 666 на санях. В рассказе большая забота об аудитории. Публ<ичный> дом именуется тем местом, где мы были третьего дня, стук слуги мешает грехопадению Павла у гр<афини> И., по сравнению с «Ст<анционным> см<отрителем>», где будущее Дуни рисуется жестко и обнаженно, это, конечно, bibliothèque rose*. Конечно, П<ушки>н рассказывал «Домик»... не один раз. А.П. Керн не могла быть в салоне у Карамзиных. («На честь утратила права».)

18 апреля 1828 г. праздник Преполовенья. С Пушкиным за Невой (т.е. в крепости). Преполовенье — среда, четверт<ая> неделя по Пасхе. Значит П<ушки>н два раза рассказал повесть: у Карамзин<а> и собравши кого-то в кружок. 1828 г. сближение с Керн, в 1828 летом Карамзины, как всегда, были в Ц<арском> С<еле>. 1828 — Оленина, Закрев<ская>.

* Розовая библиотека (фр.).

~~~~~

Про Пушкина

Вставка в статью:

<14>

Измайлов о кладбищах.

Надо его процитировать, споря. Это не только родовые кладбища (Дуня, Марья Иван<овна>), и главное Тат<ьяна> о няне, а не об отце, а о няне. И, конечно, «Станц<ионный> смотр<итель>».

Мейлах: 1) К счастью, можно все объяснить про письмо Жуковского. Оно вызвано доносом посла Гек<ерна> на Пушкина как на главу рев<олюционной> партии. Показать, как донос «дошел» до Бенкендорфа и имел действие. Жук<овскому> и Вяз<емскому>, спасая себя и семью Пушк<ина>, пришлось прибегнуть к таким крайним мерам. 2) Теперь поддается истолкованию и недоверие к П<ушки>ну на юге (близость к Соб<аньской>). Слухи несомненно дошли до П<ушки>-на, и он даже узнал, что нечто подобное повторил А. Раев<ский>.

Отсюда: Не посвящал друзей в шпионы (...)
и: легкой суеты

Упрек всесильный и кровавый (18<28>).

Это все тот же сгусток, кот<орый> упорно не растворялся в жизни и был причиной глубоких и еще не разгаданных страданий П<ушки>на.

Сюда же, конечно, относится бурно вспыхнувшая тема клеветы (в «Онег<ине>» и отд<ельных> стих<отворениях>), оттого же возник «тенево́й» портрет самого клеветника, кот<орый> «посвящал друзей в шпионы», т.е. повторил при ком-нибудь слух о политической ненадежности П<ушкина>.

Так как оба друга (П<ушки>н и Раевс<кий>) были в это время соперниками при Собаньской, кот<орая> теперь разоблачена как агентка Бенкендорфа и от кот<орой> можно было ждать решительно всего, удивляться ничему не приходится.

Можно, конечно предположить, что Раевский, чтобы уничтожить Пушкина, «ошибкой» повторил при Каролине «чердачную», т.е. еще петербургскую, сплетню о том, что П<ушки>на секли в III-ем Отделении, на это намекают слова:

«Что нет презренной клеветы,
На чердаке вралем рожденной»⁺.

Но в конце концов одно не исключает другого. В 1829 г. Толстой⁺⁺ уже был сватом Пушкина, а Раевскому (своему Демону, Мельмоту и т.д.) <Пушкин> всю жизнь чего-то не мог простить. За что-то он сердился и на Орлова (мужа Катерины Раевской).

«Коварность» во всяком случае обращена к Ал<ександру> Раевскому: «Ты осужден последним приговором».
(...)

Это слишком роскошно для «картежного вора».

Посмотреть дом Яковлева на Фонтанке. Не там ли Дантес, оргии и т.д., брал деньги в долг (?)

Совсем темно и скомкано (или их так записал Титов) изображены отношения Варфоломея с гр. И.⁺⁺⁺,

⁺ Чердак Шаховского.

⁺⁺ Толстой-Американец, он же Зарецкий.

⁺⁺⁺ «Он давно подозревал Варфоломея в его разладе с графинею». Фраза неожиданная и даже не согласованная ни с чем.

но, очевидно, и тут Павел имеет основания ревновать, и объяснение происходит в связи с этим обстоятельством.

А каков оснеженный ночной Петербург, по которому бродит влюбленный (даже не очень понятно, в кого) Павел и изнемогает от ревности.

Конечно, Оленины совершенно не понимали П<ушки>на и никак его не ценили. Все хорошее, что они о нем потом говорят — это плод внимания к посмертной судьбе П<ушки>на, не более. Фраза резвой старушки: «Он был вертопрах, у него не было никакого положения в обществе, il n'avait pas d'argent»* — целиком и полностью покрывает [их] отношение к поэту этой «достойной» семьи.

Но А.А. <Оленина> все же не была такой клинической идиоткой, как Нат<алия> Ник<олаевна> П<ушки>на, и она отдавала себе отчет, что ей очень легко получить почетное место в пушк<инском> окружении двумя-тремя ламентациями. И ей, конечно, все охотно поверили.

А я, если хотите знать, даже рада, что Н<аталия> Н<иколаевна> не догадалась сделать то же самое, а то была бы она у нас, слыла примерной [вдовой] вдовицей.

Итак, «Домик», говоря иными словами, это повесть <16> о том, как поэт в 1828 г. погибал в чьих-то сетях, ревновал, метался, бился. Как изменили и дружба, и любовь,

* У него не было денег (фр.).

как он был виноват, как какой-то темный спутник предавал его, как демоница над ним издевалась, как единственная надежда на спасенье — Вера — была у него отнята, отчасти по его же вине.

А высший свет, куда трудно попасть, куда его вводит сатана, оказывается филиалом ада.

Это главная линия повести, кот<орая> во всех деталях совпадает с тем, что (судя по стихам) происходило с П<ушки>ным.

Для кого он ее рассказал? — Конечно, не для А.А. О<лениной>. Для самой демоницы? Сомневаюсь.

А.

22 апреля 1963

ПУШКИН И НЕВСКОЕ ВЗМОРЬЕ

В титовской повести «Уединенный домик на Васильевском» (1829) поражает подробность описания северной оконечности Васильевского острова (т.е. *острова Голодай*)⁺.

«Кому случалось гулять кругом всего Васильевского острова, тот, без сомнения, заметил, что разные концы его весьма мало похожи друг на друга. Возьмите южный берег, уставленный пышным рядом каменных огромных строений, и северную сторону, которая глядит на Петровский остров и вдается длинною косою в сонные воды залива. По мере приближения к этой оконечности, каменные здания, редая, уступают место деревянным хижинам; между сими хижинами проглядывают пустыри; наконец строение вовсе исчезает, и вы идете мимо ряда просторных огородов, который по левую сторону замыкается рощами; он приводит вас к последней возвышенности, украшенной одним или двумя сиротливы-

---

⁺ Остров Голодай получил свое название не от слова «голод», а от английского слова «holyday», потому что английские купцы ездили туда по воскресеньям —

Или чиновник посетит,
Гуля в лодке в воскресенье,
Пустынный остров...

ми домами и несколькими деревьями; ров, заросший высокою крапивою и репейником, отделяет возвышенность от вала, служащего оплотом от разлитий; а дальше лежит луг, вязкий, как болото, составляющий взморье. И летом печальны сии места пустынные, а еще более зимою, когда и луг, и море, и бор, осеняющий противоположные берега Петровского острова, — всё погребено в седые сугробы, как будто в могилу».

Для южной стороны Васильевского острова, которую он ежедневно видит, автор не находит, однако, ни одного живого слова, а над северной, где вообще никогда никто не бывает, он почти плачет, угнетенный мрачным летним пейзажем, и представляет себе еще более унылый зимний, сравнивая его с могилой. Мы узнаем, что направо, что налево, ощущаем под ногой топкость почвы. Все это увидено не из окна кареты и даже не с дрожек. Автор так занят северной оконечностью Васильевского острова, что даже моря не замечает. Петербург для него вовсе не существует. От звона часов на Думе вздрагиваешь, как от неожиданности, потому что нет ни Невского, ни Гостиного двора, ни дворцов, ни набережных. К сюжету описание острова Голодая не имеет ровно никакого отношения, и ничто другое так подробно в повести не описано.

Б.В. Томашевский в книге «Пушкинский Петербург» сближает это место в повести с описанием Невского взморья в «Медном всаднике».

Остров малый.

На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,

Или чиновник посетит,
 Гуляя в лодке в воскресенье,
 Пустынный остров. Не взросло
 Там ни былинки. Наводнение
 Туда, играя, занесло
 Домишко ветхой. Над водою
 Остался он, как черный куст,
 Его прошедшею весною
 Свезли на барке. Был он пуст
 И весь разрушен. У порога
 Нашли безумца моего,
 И тут же хладный труп его
 Похоронили ради Бога.

(V, 149)+

Сюда же, по нашему твердому убеждению, следует отнести и несколько загадочный отрывок 1830 года «Когда порой воспоминанье...».

Когда порой воспоминанье
 Грызет мне сердце в тишине
 И отдаленное страданье
 Как тень опять бежит ко мне;
 Когда, людей повсюду видя,
 В пустыню скрыться я хочу,
 Их слабый глас возненавидя, —
 Тогда, забывшись, я лечу
 Не в светлый край, где небо блещет
 Неизъяснимой синевою,
 Где море теплою волной
 На пожелтый мрамор плещет

+ Здесь и в дальнейшем цитируется по изданию: Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. I—XVI. Изд. Академии Наук СССР, 1937—1949.

И лавр, и темный кипарис
На воле пышно разрослись,
Где пел Торквато величавый,
Где и теперь во мгле ночной
Далече звонкою скалой
Повторены пловца октавы.
Стремлюсь привычною мечтою⁺
К студеным северным волнам.
Меж белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там.
Печальный остров — берег дикой
Усеян зимнею брусникой,
Увядшей тундрую покрыт
И холодной пеною подмыт.
Сюда порою приплывает
Отважный северный рыбак,
Здесь невод мокрый расстилает
И свой разводит он очаг.
Сюда погода волновая
Заносит утлый мой челнок...

(III, 243–244 и 849–851)

В этом отрывке таинственно решительно все: и необычная для Пушкина порывистая обнаженная нетерпимость страдания (такой стон не характерен для зрелой пушкинской лирики, и его можно сравнить только с «Воспоминанием» 1828 года), и готовность в честь чего-то пожертвовать заветнейшей и любимейшей мечтой жизни — Италией, вернее, мечтой об Италии; и подробность описания забытого Богом и людьми уголка убогой северной природы; и все это в трагических тонах, а не в

⁺ «Привычною мечтою» указывает на то, что эта картина постоянно восставала перед Пушкиным.

порядке реалистической полноты жизни (как в «Путешествии Онегина»):

Иные нужны мне картины;
 Люблю песчаный косогор,
 Перед избушкой две рябины,
 Калитку, сломанный забор...
 .....
 Фламандской школы пестрый сор!

(VI, 200, 201)

Следует сравнить отрывок «Когда порой вспоминаешь...» с первой главой «Онегина», где происходит нечто диаметрально противоположное... Можно даже предположить, что автор имел в виду воспользоваться опрокинутой композицией. Там Пушкин отрекается от Петербурга, белых ночей и т.п. в честь Италии:

Но слаще, средь ночных забав,
 Напев Торкватовых Октав!

(VI, 25)

К описанию Невы и белой ночи Пушкин берет как примечание большой кусок из «Рыбаков» Гнедича, где фигурируют «невские тундры» («...на невские тундры роса опустилась...»). Это же слово повторяется в отрывке 1830 года («Увядшей тундрою покрыт...»).

Петербург для Пушкина — всегда север⁺. Когда он сочиняет стихи, то всегда как бы находится на каком-то отдаленном юге. Тем более, «Отрывок» написан в Болдине (14 октября 1830 г.).

Что же произошло между первой главой «Онегина» (1823), где поэт так изящно готов променять Петербург

⁺ См., например, о петербургских дамах: «О, жены Севера...»

на Италию, и трагическим порывом (1830), заставляющим его отказаться от этой заветной мечты.

И теперь нам точно неизвестно место погребения пяти казненных декабристов. Считается, что вдова Рылеева точно знала место могилы. Это остров Голодай, то есть северная оконечность Васильевского острова, отрезанная от всего массива острова узкой речкой Смоленкой. В николаевское царствование приходилось питаться более или менее достоверными слухами, которые неизбежно должны были возникнуть сразу после казни. Мысли о декабристах, то есть об их судьбе и об их конце, неотступно преследовали Пушкина. Из его стихов следует, как он думал о тех из них, кто остался жив (см. переписку Пушкина, «Послание»: «И в мрачных пропастях земли!»). Теперь более подробно рассмотрим вопрос об его отношении к тем, кто погиб.

Первое упоминание находится в 6-й главе Онегина, немедленно после того, как Пушкин узнал об этом трагическом событии (то есть 26 июля 1826 года), 6-я глава окончена 10 августа 1826 года. Там имя Рылеева стоит рядом с именами Кутузова и Нельсона. Ленский мог быть «повешен, как Рылеев». Затем следуют рисунки виселиц на черновиках «Полтавы» — 1828 года, виселицы в книжке «Айвенго» Вальтера Скотта, подаренной Пушкиным в имении Полторацких Ал.Ал. Раменскому (вместе с цитатой из десятой главы Онегина) 8 марта 1829 года. Словами «Иных уж нет, а те далече...» кончается «Онегин» (1830 г.). Пушкину не надо было их вспоминать: он просто их не забывал — ни живых, ни мертвых. Я не допускаю мысли, чтоб место их погребения было для него безразлично.

Из воспоминаний И.П. Липранди мы знаем, как он разыскивал могилу Мазепы и расспрашивал о ней 135-летнего казака Искру, который «не мог указать ему желаемую могилу или место». Пушкин «не отставал... спрашивал, нет ли еще таких же стариков, как он»⁺. А из текста «Полтавы» мы читаем [знаем, как он жалеет, что не нашел ее] «И тщетно там пришлец унылый // Искал бы гетманской могилы...». Говорит о могиле Наполеона на острове Св. Елены и о могиле Кутузова в Казанском соборе⁺⁺. Что же касается могил казненных Кочубея и Искры, то по этому поводу придется еще раз вспомнить, что Пушкин систематически ставил Николаю I в пример его великого прадеда Петра I. Каждый читатель может с легкостью вспомнить: «Во всем будь пращуру подобен» (1826. «Стансы»). И вот что мы читаем в пушкинском примечании к Полтаве: «Обезглавленные тела Искры и Кочубея были отданы родственникам и похоронены в Киевской лавре; над их гробом высечена следующая надпись:

«.....
 Року 1708, месяца июля 15 дня, посечены средь обозу войскового за Белою Церковию на Борщаговце и Ковшевом, благородный Василий Кочубей, судия генеральный; Иоанн Искра, полковник полтавский. Привезены же тела их июля 17 в Киев и того же дни в обители святой Печерской на сем месте погребены».

⁺ И.П. Липранди «Из дневника и воспоминаний» «Русский Архив», 1866. С. 1464.

⁺⁺ С какой нежностью вспоминает о няне Татьяна:

Где только крест и тень ветвей
 Над бедной нянею моей...

(1830)

Этим Пушкин, несомненно, горько попрекает Николая I, который не только не вернул родным тела казненных декабристов, но велел закопать их на каком-то пустыре.

А там, то есть в «Полтаве»:

Но сохранилася могила,
Где двух страдальцев прах почил:
Меж древних праведных могил
Их мирно церковь приютила[†].

(V, 64)

И это в «Полтаве», черновики которой испещрены рисунками пяти виселиц, Пушкин нарочно приводит точные данные, когда тела были возвращены родным, чтобы еще раз напомнить царю, как в подобных случаях принято поступать: «Их мирно церковь приютила». И не только церковь как таковая, а центр православия и величайшая святыня России, чтобы поклониться которой сотни тысяч ежегодно проходили не одну сотню верст. Напоминаю, что Пушкин говорит о телах только что казненных государственных преступников.

И это пишет поэт, который через два года и, кстати сказать, просто рядом с отрывком «Когда порой воспоминанье...» утверждает культ могил в словах величавых и, как всегда у этого автора, не подлежащих отмене:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу^{††} :

[†] Не забывает Пушкин и о дубах ... друзьями насажденных.

Они о праотцах казненных
Доныне внукам говорят. (V, 64)

Это Пушкин напоминает нынешним Кочубеям, что им не мешало бы гордиться так страшно погибшим предком.

^{††} См. в черновике: «Находит сердце тайну пищу» (III, 847).

Любовь к родному пепелищу,
 Любовь к отеческим гробам.
 Животворящая святыня!
 Земля была б без них мертва,
 Как.... пустыня
 И как алтарь без божества.

(1830, III, 242)

Измайлов, отмечая отношение Пушкина к кладбищам, говорит только о родовых приусадебных могилах (тут можно еще прибавить и «Дорожные жалобы»:

«Не в наследственной берлоге
 не средь отеческих могил...».

Это, конечно, правильно. Но когда Татьяна говорит, что готова отдать все

...за смиренное кладбище.
 Где нынче крест и тень ветвей
 Над бедной нянею моей...⁺

(VI, 188)

Дуня приезжает на могилу станционного смотрителя, а Марья Ивановна перед отъездом из крепости идет

⁺ Она, Татьяна, как раз вспоминает не родовую могилу отца («Господний раб и бригадир Дмитрий Ларин, а смиренный крест няни. Может быть, сам автор вздохнул о своей Арине Родионовне, которую похоронили на Охтинском кладбище, как кухарку в «Домике в Коломне» (и гроб на Охту отвезли). См. также таинственную запись 1829 года: «Я посетил твою могилу — но там тесно; les morts m'en distraient (мертвые развлекают мое внимание)...». [См. Prologue, III, 477].

проститься с могилами родителей, похороненных у церкви (жертв Пугачева?!), — это уже не родовые могилы. Здесь Пушкин щедро отдает свои сокровеннейшие чувства и мысли своим избранницам.

Пушкин полностью разделяет высокое верование античности (см. Софокл, «Эдип в Колоне») о том, что могила праведника — сокровище страны и благословение богов.

Из того же загадочного отрывка «Когда порой воспоминанье...» мы узнаем, что Пушкин бежит от разговоров, связанных с чем-то очень ему дорогим, о чем люди говорят недолжным образом. Что это не что-то личное, показывает слово «свет»⁺, то есть общество, потому что в свете личные дела в присутствии участника этих дел не обсуждались. Поэт готов бежать, но не куда глаза глядят и даже не в свою обожаемую Италию, а на какой-то покрытый тайгой северный островок, точь-в-точь похожий на тот, где он закопает «ради Бога» через три года своего Евгения Езерского.

В дошедших до нас строфах десятой главы «Евгения Онегина» идет речь о декабристских делах — даны характеристики участников движения. Органичны для «Онегина» переходы, переключения из плана в план: ирония сопровождает Ленского почти до последнего часа его жизни, но Пушкин с невероятной силой и скорбью оплакивает его и возвращается к этому в 7-й главе. В не

⁺ См. черновики, где слово «свет» написано три раза. Какие разговоры о декабристах можно было услышать в свете, мы знаем хотя бы по «бессмертному» высказыванию царицы лучшего петербургского салона гр. Нессельроде: «Какое несчастье иметь такого человека в своей семье».

вошедшей в 6-ю главу (1826 г.) строфе он представляет его как возможного участника восстания на Сенатской площади: «Иль быть повешен, как Рылеев». И можно быть уверенным, что и их могилы не остались там забытыми. В своих мемуарах барон Розен пишет, как он ездил по взморью, чтобы найти могилы пяти казненных друзей. Скорбный интерес, который проявляет к этому месту Пушкин, трижды описывая его («Домик», 1829, отрывок «Когда порой вспоминаешь...», 1830, и «Медный всадник»), позволяет нам предположить, что и он искал безымянную могилу на Невском взморье. Что перемаранный черновик может оказаться строфой «Онегина», мы знаем по тому случаю, когда «Женись. — На ком? ... — на Вере Чацкой» считалось отдельным стихотворением, пока Т.Г. Цявловская не догадалась, что это строфа из «Онегина». Такой же строфой, уже почти готовой, являются и следующие строки «Отрывка»:

Стремлюсь привычною мечтою	(ж.)
К студеным северным волнам,	(м.)
Меж белоглавой их толпою	(ж.)
Открытый остров вижу там.	(м.)
Печальный остров — берег дикой	(ж.)
Усеян зимнею брусникой,	(ж.)
Увядшей тундрою покрыт	(м.)
И холодной пеною подмыт.	(м.)

Надеюсь, спорить, что этот фрагмент написан по всем правилам онегинской строфы, никто не станет. В последнем четверостишии вместо онегинской охватной рифмы (авва) имеем опять перекрестную (авав). Но ведь это перечерченный черновик, и что Пушкин сделал из него потом, мы не знаем. Вначале отрывок просто со-

всем не обработан, и в него к тому же вставлено готовое стихотворение 1827 года («Кто знает край...»).

Над виселицами на черновиках «Полтавы» Пушкин пишет: «И я бы мог тут, как шут», а в стихах Ушаковой: «Вы ж вздохнете ль обо мне, если буду я повешен?» (1827, III, 56)⁺, как бы присоединяя себя к жертвам 14 декабря. А безымянная могила на Невском взморье должна была казаться ему почти его собственной могилой:

Туда «погода волновая заносит утлый мой челнок».

23 января 1963

Москва

⁺ А через два года Полторацкой:
Когда помилует нас Бог,
Когда не буду я повешен...

ДВЕ НОВЫЕ ПОВЕСТИ ПУШКИНА

Автобиографический отрывок 1830 года и 1-я <1> глава «Египетских ночей». — Работа над ним: тщательно изгнаны бедность⁺, неудача и зависимое положение писателей. Почему Чарский не Пушкин 1835 года? В связи с одной из важнейших проблем «Египетских ночей» взят только поэт (Пушкин 35 года — литератор, историк, изнемогающий от долгов критик). Если это Пушкин, то до 27—30 года, холостой, еще не знающий литературных неудач и литературных тягот, «такой превосходный поэт».

Пушкинская проза — отстоявшаяся («Выстрел» и «Кирджали» — Кишинев, «Пиковая дама» — роман с Фикельмон). Чарский — Пушкин конца 20-х годов (ср. халат Чарского). «X» «Отрывка» слишком фотографичен (как сказали бы теперь), актуален. Чарский удален временем, идеализирован — разбогател, стал независимым, одендился, автор, изображая его, не хочет снизить до описания собраний (тоже, конечно, портреты)⁺⁺.

⁺ Для этого Чарскому придан богатый дядя.

⁺⁺ «Двойное ремесло» — доносы, конечно, Булгарин.

Появляется один «собрат», которого стоит изобразить. Да еще как! Так, как Пушкин *никогда* никого не изображал. Начать с внешности. Известно, как эскизны пушкинские портреты (Швабрин, Германн), как невозможно себе представить и офицеров «Повестей Белкина», и светских людей прозаических отрывков (Минский, Волоцкий). О внешности Чарского не сказано ни слова⁺. Исключение Пугачев, Хлопуша и Кирджали — лица действительно существовавшие и о внешности которых Пушкин собирал сведения⁺⁺. С такой же подробностью изображен импровизатор. Это, несомненно, портрет.

Весьма примечательно, что автор «Отрывка» не *писатель*, как Белкин, а «Х» — *писатель*. Вот трюк: не-писатель описывает писателя. То же в предисловии к Селу Горюхину.

Что итальянец не только импровизатор, но и поэт, видно из нескольких «описок» Пушкина: 1) Стул в комнате итальянца завален «*бумагами*» и бельем. Какие же, помилуй Бог, «*бумаги*» у только что приехавшего нищего импровизатора? Это, конечно, рукописи писателя. 2) Чарскому было неприятно видеть *поэта* в одежде заезжего фигляра. 3) «Вы поэт так же, как и я», — говорит иностранец. Мало того, итальянец — образованный человек, может импровизировать на любую тему, даже такую высокую, как первая импровизация, и такую специальную, как вторая. Говорит языком образованного че-

⁺ Но одет Чарский, как Пушкин конца 20-х г. (халат, — см. воспоминания Полевого).

⁺⁺ Сравнить также Нину в «Онегине» с портретом Закревской («На углу маленькой площади»).

ловека о сущности импровизации. Надо сознаться, что это существо все время как бы двойится перед нашими глазами. (То червь, то Бог...) <...>

<3> <Портрет импровизатора у Пушкина> во всех подробностях соответствует описанию внешности Мицкевича, оставленному нам Полевым, первая импровизация — описанию первого знакомства поэтов в Москве осенью 1826 года, когда Пушкин, услышав Мицкевича, бросился ему на шею (Вяземский). К тому же импровизатор вообще редкость, и у нас нет сведений, что Пушкин слышал кого-нибудь из них, кроме Мицкевича. NB. Мицкевич не только импровизировал публично. Он также читал свои стихи по-польски (см. статью Пушкина о Мильтоне).

Немыслимо себе представить, чтобы Пушкин, беря темой импровизацию, не вспомнил столь поразившую его импровизацию Мицкевича. А то, что импровизатор — портрет Мицкевича, окончательно доказывает, что в повести «Египетские ночи» есть *arrière-pensée**.

История отношений Пушкина с Мицкевичем еще не написана. Биографы Мицкевича (Погодин, а также Браиловский) склоняются к тому, что отношения их были сложные, и трудно говорить о дружбе двух поэтов. Сравнительно недавно найденное письмо Пушкина к Хитрово скорее подтверждает это мнение. Говоря о мрачности любви поляков к своему отечеству, Пушкин добавляет: «Вспомните их поэта Мицкевича» (9 декабря 1830 года).

---

* Здесь: подтекст (фр.).

В 1835 году реальные жалобы Пушкина на свою <4> профессию должны бы были быть совсем иными. (Цензура, критика, безденежье). Поэтому и выпад против меценатов зачеркнут Пушкиным. У Чарского не должно было быть врагов. Итак, в Чарском Пушкин изображает себя не таким, каким он был в 1835 году, а таким, каким он был в 1826—1828 годах, и в помощь своей памяти берет «Отрывок» 1830 года, внося в него те изменения, которых требовала фабула «Египетских ночей». В дальнейшем я постараюсь доказать, что события, описанные в «Египетских ночах», тоже относятся к концу 20-х годов. Такое обращение к материалу, уже отстоявшемуся, очень характерно для Пушкина. См. «Выстрел» (30 г.) и «Кирджали» (34 г.) — кишиневские воспоминания Пушкина⁺. (Быть может, «Домик в Коломне».)

То, что Чарский «Египетских ночей» — сам Пуш- <5> кин, никто в этом не сомневается. Но одна подробность ускользнула от вниманья исследователей. Чарский — Пушкин, но не Пушкин того времени, когда писалась эта повесть, — женатый, отец семейства, муж красавицы, писатель, который долгие годы не прочел о себе ни одного доброго слова, разорившийся камер-юнкер, неудачливый журналист («Современник»). Нет! — это Пушкин знаменитый, всеми любимый, прославленный,

---

⁺ Программы романа «Русский Пелам» показывают, что в том же 35-м году Пушкин предполагал изобразить русское общество таким, каким он застал его по выходе из Лицея, — декабристы, Шаховской — театр и т.д., Всеволожский.

независимый, холостой — одним словом, Пушкин допотопский. Это — Пушкин примерно 1827—1828 годов.

Это Пушкин, слушавший вдохновенные импровизации Мицкевича, это Пушкин, вновь встретившийся с Собаньской (1828 г.).

...Полагаю, что одна из тем — «*La primavera veduta <6> da una prigione*»* — дана Чарским, который знал обстоятельства импровизатора. Однако это уже другая тема...

Здесь, т.е. в повести «Мы проводили <вечер на даче>», тоже есть ключевая фраза, <ее> произносит молодой человек по имени Алексей (то есть, вероятно, сам Пушкин): «Есть черта в ее жизни, которая так врезалась в мое воображение, что не могу взглянуть почти ни на одну женщину, чтоб тотчас не подумать о Клеопатре».

Пушкин знал Aurelius Victor'a очень давно: в первый раз он начал заниматься Клеопатрой еще в 1824 году, затем он вернулся к той же теме, 1828 — год встреч с Собаньской.

В 1835 году устами Алексея Ивановича он нам объяснил, почему. От этого никуда не уйдешь. Итак, тема Клеопатры по Аврелию Виктору возникла у Пушкина в Одессе. Пушкин знал и первое в мире упоминание о Клеопатре: Оду Горация, кн. I, ода XXXVII «*Ad Sodales*»**. Первое полустушие этой оды: «*Nunc est bibendum*»*** Пушкин сделал эпиграфом лицейской годовщины 1825 года в Михайловском (см. черн<овик>). Но во всей истории Клеопатры его интересовала только

* Весна из окна тюрьмы (*ит.*).

** Друзьям (*лат.*).

*** «Теперь время пить» (*лат.*).

запись Аврелия Виктора. — Ни любовная связь с Цезарем, ни бурный предсмертный роман с Антонием, ни героическое самоубийство («I am air and fire»* — у Шекспира) — все это не привлекало внимания Пушкина. Он заметил и запомнил «одну черту», как говорили в его время. И, смотря почти на каждую женщину, 10 лет подряд думал — а может ли она, как Клеопатра... Что же после этого удивительного в том, что про какую-то женщину XIX века он решил — да, она это может...

И даже если, как я почти уверена, тяжелая, почти переводная проза в рассказе Ал<ексея> Ив<ановича> окажется почти переводом кого-нибудь из фр<анцузских> романтиков и выплывут какие угодно неожиданности, сказанное мною остается в силе.

19 февраля 1959

Ленинград

P.S. Итак, новые соображения в моей статье доказывают, что, кроме политической полемики («Медный всадник» и «Он между нами жил») и переводов («Будрыс», «Конрад Валленрод», «Воевода»), Пушкин всякий раз занимался Мицкевичем, когда это было связано с Каролиной.

«Что в имени тебе моем?». Бахчисарай — Мицкевич. Мицкевич Крымский. Импровизации Мицкевича в «Египетских ночах».

Каролина — Клеопатра — это одна из женщин, которых Пушкин не только не возносит, как Татьяну или дочь мельника, это та, кого он боится и к которой тянется против силы.

Милый Демон!

* «Я воздух и огонь» (англ.).

Если вдуматься в отрывок «Мы проводили вечер...», <7> нельзя не поразиться сложностью и даже дерзостью его композиции. Во-первых, кто это «мы», ничем не выдавшие своего присутствия? Да и отрывок ли это? Все, в сущности, сказано. Едва ли читатель вправе ждать описания любовных утех Минского и Вольской и самоубийства счастливица. Мне кажется, что «Мы проводили...» — нечто вроде маленьких трагедий Пушкина, но только в прозе. Представьте себе все это в стихах и в драматической форме, и вам не придет в голову ждать продолжения. Его просто не может быть. Смелость (дерзость) и необычность поражают и в деталях. Алексей Иванович говорит, что советовал** сделать из этого поэму, затем читает куски этой поэмы — следовательно, стихи**, а стихи-то Пушкина. Кажется, нельзя достоверно определить, что написано раньше — «Мы проводили...» или «Египетские ночи». Возможно, что «Мы проводили...» и есть последнее пушкинское слово о Клеопатре. Там фигурирует гениальный импровизатор, здесь светская злодейка — вдова по разводу с *огненными глазами*, с ледяным самообладанием авантюристки высшего полета.

К этому следует прибавить, что светское общество (салон) дано так же, как в VIII главе «Онегина», хозяйка что-то вроде Д. Фикельмон («был принят слог простонародный» и ее разрешение рассказать неблагопристойную историю), чей салон он так расхваливает в письме к ней. Польский граф и его дурнушка жена тоже как бы из VIII гл<авы> «Онегина», затем ученый спор двух латинистов, из которых один — Титов (вполне реальное лицо). Гости пьют чай, дамы занимаются вышиваньем.

Героиня произносит только три фразы:

1) «Ах, нет, не рассказывайте!»

2) «Что вам сказать? И нынче *иная* женщина дорого себя ценит. Но мужчины девятнадцатого столетия слишком хладнокровны, благоразумны, чтобы заключить такие условия».

3) «Думаю, даже уверена»... и роковое: «*Нет*».

(Между прочим, разговор после стихов ведется как в драматическом произведении, то есть не обозначено, кто что именно говорит. Очень существенно, что этот кусок пушкинской прозы ничем не похож на другие два куска светской повести («На углу <маленькой площади>» и «Гости съезжались <на дачу>»), а тем более на «Пелама». Я не согласна с мнением X, что это просто обрамление «Клеопатры» (стихи и проза), но головокружительный лаконизм здесь доведен до того, что совершенно завершенную трагедию более ста лет считали не то рамочкой, не то черновичком, не то обрывком чего-то. Неужели рассуждения Алексея Ивановича о ценности жизни — светская болтовня? Разве мы не узнаем в них самых сокровенных, глубинных и дорогих для Пушкина мыслей?⁺ (Разве жизнь уж такое сокровище? — *Vivre est-il donc si doux?* А. Chénier*.) Повторяю, если бы это было сказано в стихах, никто бы не усомнился в законченности этого произведения.

⁺ В его рассуждении о дуэли есть что-то очень страшное, пророческое. Словно он предсказал то, что так скоро (через 1–2 года) его постигло, словно он видел неизбежность этого, но в творческом плане до конца не отдавал себе отчета

* А. Шенье (фр.).

<8> Надо думать, что Вольская Zelig Зинаида из отрывка «Гости съезжались на дачу...» не имеет ничего общего с нашей Вольской⁺ — вдовой по разводу, чопорной ханжой с огненными глазами⁺⁺, которая, не дрогнув и на глазах у всего общества, предлагает Алексею Ивановичу условия Клеопатры. Такой именно и была по всем признакам Каролина Собаньская⁺⁺⁺, которая носила весьма недвусмысленное прозвище — *демон*. Несомненно, Пушкин, воскрешая счастливое, т.е. независимое, время, которое в 1835 году должно было казаться ему просто золотым веком, вспоминал и свою неодолимую влюбленность в эту женщину.

В. Эпиграф 8-й главы «Онегина», вероятно, имеет отношение к еще до конца не открытой сфере переживаний Пушкина, связанных с письмом 2 февраля 1830 года:

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.

Byron*

⁺ Так, никто, я полагаю, не думает, что гусар из «Станционного смотрителя» и светский герой повести «Гости съезжались на дачу...» одно и то же лицо, только потому, что у них одна и та же фамилия — *Минский*.

⁺⁺ И, как известно, Закревская ни ханжой, ни чопорной, ни вдовой по разводу не была.

⁺⁺⁺ Пушкин дважды говорит, что у В<ольской> были *огненные глаза*, Маркевич, вспоминая Собаньскую, говорит, что у нее были *огненные глаза*.

* Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай. *Байрон (англ.)*.

То, что Вольская, оказывающаяся Клеопатрой <9> XIX века, — Каролина Собаньская, в этом нет ничего удивительного, и внимательный читатель Пушкина должен быть к этому подготовлен, прочитав в любом комментированном издании Пушкина, что Зинаида («Гости съезжались на дачу») — это Закревская⁺, что в «Романе на Кавказских водах» фигурируют современники Пушкина, что в планах «Русского Пелама» мелькают фамилии знакомых автора, что, по указанию самого Пушкина, старая графиня в «Пиковой даме» — кн. Голицына (а по нашему мнению — Загряжская). <...>

«...Но в ней находится то сказание о Клеопатре, <10> которое так меня поразило», говорит Алексей Иванович (это явно авторский голос). Это не Алексея Ивановича (который советовал, то есть Пушкину, сделать из этого поэму, и якобы тот начал, да бросил) так поразило сказание Аврелия Виктора, а самого Александра Сергеевича, который трижды, если не четырежды (1824, 1828 и 1835—1836 гг.) подходил к этой теме.

Тема Клеопатры была для Пушкина так неотвязна, <11> что и в «Повести из римской жизни» (1833—35 гг.) он снова (чуть не 5-й раз) предполагал к ней вернуться (см. в наброске плана: «Он перевязывает рану — и начина-

⁺ Что в княжне Елене в «Романе в письмах» (1829) надо узнавать Оленину, что Лиза Лосина 8-й главы «Онегина» — она же и т.д. и т.д., а Проласов — ее отец.

ются рассказы 1) О Клеопатре, наши рассуждения о том») +.

Эта повесть с стихотворными пушкинскими вставками по жанру очень близка произведению, носящему условное заглавие «Мы проводили вечер...» ++; там тоже пушкинская стихотворная вставка и та же тема смерти мужественной, добровольной, и та же античность (самоубийство), и она тоже могла бы стать прозаической маленькой трагедией.

Во всяком случае, эти две вещи тесно примыкают друг к другу, высоко трактуют одни и те же предметы, могли бы стать частями какого-то цикла и представляют собою яркое свидетельство того, что в это время глубоко волновало Пушкина +++.

ПЛАН СТАТЬИ О ПОЗДНЕЙ ПУШКИНСКОЙ ПРОЗЕ

1. Положение вещей до моих наблюдений.

<12>

2. «Мы проводили...» и ранние светские повести («Роман на Кавказских водах», «Роман в письмах», 1829, «Гости съезжались на дачу», 1828. Реальные действующие лица: Кубович — Якубович, Вольская — Закревская, то же в «Русском Пеламе»). «Мы проводили...» — проза совершенно другого типа и, во-первых,

---

+ Очевидно, Пушкину еще захотелось на тему о Клеопатре заставить высказаться древних римлян (между прочим, кажется, Нерон был правнуком Антония), современников Нерона и Петрония.

++ Рассказ ведется также от лица каких-то непонятных персонажей.

+++ Сюда, вероятно, принадлежит и странный «Странник» Беньяна (1835).

ни в каком случае не отрывок, не обрамление «Клеопатры». Эту прозу следует сравнить и сблизить с другой пушкинской прозой — «Цезарь путешествовал». И там и тут рассказ ведется от лица каких-то неизвестных «мы», которые ничем не обнаруживают свое присутствие. Пусть нас не обманывает форма. В первом случае это как бы светская повесть (хозяйка салона из VIII-й главы «Онегина» (Д. Фикельмон?), архивные юноши (один из них Титов) — латинисты, комические персонажи, уродливая графиня и ошибшийся польский муж (ср.: «...женатый На кукле чахлой и горбатой»), где-то за кулисами сам Александр Сергеевич, произведение которого тут же читается (ср. «Роман в письмах» и «Гости съезжались...»).

Но все это мелочи, которые не должны отвлекать нас от главного. «Мы проводили...» — не отрывок. Там сказано все, что хотел сказать автор. У этой вещи очень крепкий и решительный конец. Этим Пушкин, который так много и долго думал об условиях Клеопатры, хотел сказать: «Вот какой вид это имело бы теперь в XIX веке в Петербурге». (Принцип маленьких трагедий — все происходит, когда занавес уже упал, что замечено рядом пушкинистов.)

Второе мужественное и продуманное самоубийство происходит на фоне древнего Рима. Здесь нас не должны отвлекать почти археологические подробности (вроде описания статуй и обстановки дачи)⁺. Тема этой вещи — самоубийство писателя Петрония (автора Сатирикона). Не надо забывать, что и сама Клеопатра прославлена как одна из знаменитых самоубийц в мировой истории.

⁺ Объяснить, что это III-й слой пушкинской античности. Первый в Лицее, второй — Шенье.

Примечание. ...На женщину, которую Пушкин назвал Вольской (и которую не надо смешивать с Вольской отрывка «Гости съезжались на дачу» (Закревской) и в которую он был влюблен в 1830 году так, как Онегин в Татьяну), больше всего похожа Каролина Собаньская — вдова по разводу, ханжа, обладающая *огненными глазами*. Маркевич вспоминает кроме этих огненных глаз еще *пунцовую* току со страусовыми перьями, которая очень шла к Каролине (30-е годы). Боюсь, как бы эта пунцовая тока не оказалась *малиновым* беретом героини VIII главы «Онегина». Дело в том, что красочные эпитеты так редки у Пушкина, а описаний женских туалетов и совсем нет (а единственное описание в той же главе VIII (Нина) сделано несомненно с природы: «...в залу Нина входит, Остановилась у дверей...»).

Эти наблюдения позволяют поставить вопрос о том, <13> что Пушкин, в 30-х годах прибегавший к циклизации своей лирики, так же относился к тому, что в его творчестве только намечалось и в его время могло бы называться «философской прозой».

Таковы два совершенно законченные и глубоко продуманные произведения, внутренне очень близкие друг другу (и по фактуре) и трактующие одну и ту же проблему (самоубийство). Это — «Мы проводили...» и «Цезарь путешествовал». (Дать подробную характеристику обоих произведений.)

Повторяю: нас не должно обманывать внешнее несходство: в первом случае обличие «светской повести» (обстановка из VIII главы «Онегина»), во втором археология III-го пушкинского слоя античности и тон Тацита-

Плутарха. Проблема остается та же. Добровольный уход из жизни сильного человека, для которого остаться — было бы равносильным потере уважения к самому себе (Ал. Ив.) или подчинению воле тирана. Позволю себе заметить, что Клеопатра столь же знаменитая самоубийца, как и Петроний. Сближаю с этим в творчестве Пушкина следующие строки:

Бросался ты в огонь, *ища желанной смерти*, —
в том же 1835 году писал Пушкин о Барклае де Толли («Полководец»).

Кажется, все уже давно согласны с тем, что в этом стихотворении Пушкин оплакивает если не самого себя, то какого-то носителя истины в растленном одичалом обществе («О люди! жалкий род, достойный слез и смеха..») и не находит для такого человека никакого исхода, кроме самоубийства.

«Все это мало похоже на Пушкина», — скажут мне. Да, мало — на того Пушкина, которого мы знаем, на автора «Евгения Онегина», но уже автора «Дневника» мы не особенно хорошо знаем.

9 марта 1959

СТРАНИЦЫ ИЗ КНИГИ «ГИБЕЛЬ ПУШКИНА»

Как ни странно, я принадлежу к тем пушкинистам, которые считают, что тема семейной трагедии Пушкина не должна обсуждаться. Сделав ее запретной, мы, несомненно, исполнили бы волю поэта.

И если после всего сказанного я все-таки обратилась к этой теме, то только потому, что по этому поводу написано столько грубой и злой неправды, читатели так охотно верят чему попало и с благодарностью приемлют и змеиное шипение Полетики, и маразмический бред Трубецкого, и сюсюканье Араповой. И раз теперь, благодаря длинному ряду вновь появившихся документов, можно уничтожить эту неправду, мы должны это сделать.

Работа эта сделана уже очень давно, в основном еще до войны. В дальнейшем мне приходилось только вставлять в нее новые сведения (из дневника Фикельмон, о Дантесе в гостях у Александры Николаевны, семейную переписку Карамзиных и т.д.), которые ни разу не противоречили первоначальной концепции. Я часто сначала рассказывала, а потом читала свою работу. Поэтому кое-

что в ней может показаться уже слышанным. Истина — едина. Очень трудно, услышав ее, продолжать настаивать на прежнем заблуждении, и совершенно естественно принять ее своим открытием. Это происходит часто подсознательно, и я уверена, что каждый сталкивался с этим явлением.

26 августа 1958 г.

1

Голландский дипломат барон Геккерн не был ни Талейраном, ни Меттернихом.

Ни на что больше его, очевидно, не хватило бы, но образовать то, что мы теперь обозначаем изящным словом «склока», Геккерн мог, и он, как мы видим, безупречно провел всю задуманную игру. Такого рода игры для потомства, естественно, превращаются в карточный домик. Дунул, и нет. Это происходит оттого, что выплывают взаимно друг друга уничтожающие документы и вообще тайное становится явным. Тем не менее у Пушкина был опасный и опытный враг. И Пушкин это знал.

Современникам казалось, что Дантес был игрушкой в руках Геккерна. Я этого не думаю. Поначалу, пока он был влюблен в Наталию Николаевну, он даже, вероятно, его обманывал (см. 2-е письмо 36 года, где он пишет, что, узнав о любви к нему Наталии Николаевны, почувствовал к ней только уважение. Это всего вернее ответ на первое предупреждение Геккерна: «Опомнись!» — или нечто подобное). Это же он старался внушить Александру Карамзину. Вообще же в этой игре Дантесу предоставлялась голубая роль — он должен был играть на одном обаянии, что, благодаря его удачной вне-

шности, ему и удавалось. (См. сцену в письме Андрея Карамзина из-за границы — Дантес бросается к нему в парке, Дантес — плачет и т.д.)

Следующей [агенткой или] жертвой Геккерн была Н.Н. Пушкина. Она была задумана как передатчица Пушкину неудачи его политики. (Это то, что Пушкин считал актом доверия с ее стороны и чем он очень гордился.)

Мы, к сожалению, знаем, что Наталия Николаевна неплохо справилась со своим заданием (см. дневник Фикельмон). Осуществить это Геккерн мог только при беспамятной влюбленности Наталии Николаевны в его приемного сына. Очень близка к этой роли была Софья Карамзина, что явствует из ее писем к брату. Для нее Дантес всегда прав.

Всего чего угодно посол добивался по той же причине от Екатерины Николаевны, которая с легкостью отреклась от заменявшей ей мать тетки Загряжской (тон ее письма о тетке — Геккерн называет Загряжскую несносной) и по приезде во Францию немедленно тайно перешла в католичество.

Все остальные члены дантесовской «bande joyeuse»*, о существовании которой мы узнали сравнительно недавно, приносили посильную пользу. Их деятельность, получившая отражение в семейной переписке Карамзинных (об отсутствии которой так сокрушался Щеголев), сводилась к тому, что они, во-первых, осуждали Пушкина и представляли его старым ревнивым мужем красавицы, человеком с невыносимым характером и т.д., а во-вторых, несомненно сообщали через своего главаря гол-

---

* Веселой шайки (фр.).

ландскому послу все, что делается у Пушкина, и не приходится удивляться, что кто-то предупредил баронов, что Пушкин намерен их бить на балу у графини Разумовской. Даже после смерти Пушкина они продолжали эту линию поведения (Машенька Вяземская-Валуева)⁺.

Так же несомненно Геккери организовал кавалергардов (конечно, не без помощи Дантеса), так что дантесовская история сделалась вопросом чести полка. (Мнение о «правоте» Дантеса было так широко распространено, что даже попало в тютчевские стихи «Будь прав или виновен он».)

С какой готовностью молодежь этого кружка (Карамзины, Вяземские) сообщала Дантесу все, что могло его интересовать, видно из письма Дантеса к Бреверну из-под ареста.

Мы с ужасом узнаем, что через восемнадцать дней после смерти Пушкина Машенька Валуева (дочь Вяземских) пересказывала Ек. Николаевне Дантес слова, сказанные Пушкиным в салоне ее матери («Je suis méchant je finis toujours porter malheur...»^{*} и т.д.)

Не верить этому сообщению Дантеса, мы, к сожалению, не можем, потому что он просит вызвать Валуеву, как свидетеля защиты.

⁺ См. письмо Дантеса из-под ареста к презусу суда. Теперь нетрудно объяснить таинственную запись в дневнике А.И. Тургенева (19 дек<абря> 1836 г.): «Вечер у кн. Мещерской Карамз<иной>. О Пушкине — все нападают на него за жену, я заступался. Compliments С<офьи> Н<иколаевны> моей любезности». Вот что происходило (вероятно, не особенно редко) за спиной Пушкина в доме его «друзей».

^{*} «Я зол и я кончаю всегда тем, что приношу несчастье...» (фр.).

Если тяжелая трагедия, которую русское общество чувствовало и чувствует (1962), как незаживающую рану, не подсказала этой молодой особе (вероятно, видевшей Пушкина в гробу), можно себе представить, как хорошо была поставлена осведомительная служба Геккерна до 27 янв <аря> <...>.

Я уже отметила, что эта поражающая нас недоброжелательность молодежи к Пушкину тоже была возвращена Дантесом, раз он был их «законодателем».

От Геккерна же (см. его письмо в Голландию), сразу после смерти Пушкина, пошли слухи⁺ о том, что Пушкин был главой тайной революционной организации. Это делалось, чтобы напугать Николая I и Бенкендорфа, что, по-видимому, было не так трудно и имело следствием тайные похороны, где жандармов было больше, чем друзей (см. дневник А.И. Тургенева).

Однако всего этого было недостаточно для Геккерна. Ему еще предстояло обеспечить почетное возвращение Жоржа в Европу после провала петербургской карьеры. Поэтому он продолжал твердить о благородстве Дантеса, который ни минуты не колебался спасти доброе имя госпожи Пушкиной и навеки закабалить себя женитьбой на ее некрасивой сестре. Но тут-то и начинается карточный домик: в это самое время посланник как

⁺ Эти же слухи так возмутили Лермонтова, что он написал гениальные стихи в защиту Пушкина. Как они были приняты Николаем I и Бенкендорфом, мы узнали только несколько месяцев тому назад (в конце 1959 г.). Оказывается, император хотел проделать с Лермонтовым ту же шутку, что с Чаадаевым, т.е. объявить его сумасшедшим. Но, что гораздо существеннее, эта Дантесовская шайка оказала какое-то влияние на старших, т.е. единственных друзей Пушкина (Вяземские, Жуковский, Карамзины), которые любили предоставлять свой дом для встреч Н.Н. и Дантеса.

добрый папа возится с Катериной, с поражавшим всех изяществом убирает ее комнаты, развлекает ее, пишет о ее здоровье и настроении письма Жоржу и, таким образом, является самым настоящим предателем по отношению к своей *belle fille*^{*}, госпожу же Пушкину, чьей чести принесена в жертву прекрасная жизнь Жоржа Дантеса, посланник просит вызвать (как последнюю авантюристку) в суд и взять с нее под присягой показания о том, что она соблазняла жениха, а затем мужа своей сестры и что он, посланник, предупреждал ее от бездны, куда она стремилась, да еще в выражениях, которые должны были ее оскорбить, о чем известно двум высокопоставленным дамам, с которыми он, посланник, ежедневно делился своими опасениями. Несомненно, одной из этих дам была гр. Нессельроде, другая — «*la comtesse Sophie*»^{**} В.» «воровской» записки — гр. Бобринская, жена церемониймейстера высочайшего двора и внука Екатерины II. Небезынтересно, что обе эти дамы были хозяйками двух влиятельных салонов Петербурга.

Письмо, в котором это написано (1 марта 1837 г.), обращено к Нессельроде, но так как в это время Геккерн (по словам Вяземского) проводил целые дни у Нессельроде, где его утешала графиня, надо думать, что это письмо принадлежит к тому эпистолярному жанру, когда адресат и отправитель стряпают произведение вместе, чтобы представить его третьему лицу. Таким лицом в данном случае был Николай I.

Может быть, кого-нибудь заинтересует, что через три года (28 декабря 1840 г.) тот же Нессельроде писал Мейндорфу: «Геккерн на все способен: это человек без

---

* Невестке (фр.).

** Графиня Софи (фр.).

чести и совести; он вообще не имеет права на уважение и нетерпим в нашем обществе».

2

Ни Жуковский, который писал Бенкендорфу о Дантесе: «С другой стороны был и ветреный и злонамеренный разврат», ни Вяземский, который писал нечто подобное Мусиной-Пушкиной, ни, что еще гораздо важнее, сам Пушкин, который называл поведение Дантеса *maipège** (см. черновик картеля), не верили в любовь Дантеса⁺. В нее верила только Наталия Николаевна и дамы высшего общества, и этого, как ни удивительно, было достаточно, чтобы потомки получили эту легенду во всей неприкосновенности. Случилось это потому, что так интереснее. Старший Геккерн не только восторжествовал, к нашему стыду, над Пушкиным при жизни, он до сих пор продолжает праздновать победу своей дипломатии. Прижизненной победе Геккерна не приходится удивляться; проваренная в интригах старая дипломатическая лиса должна была успешно провести всю операцию и даже замести следы, но как русское общество не разоблачило «котильонного короля» Дантеса и потерпе-

* Проделка (фр.).

⁺ Я ничуть не утверждаю, что Дантес никогда не был влюблен в Наталию Николаевну. Он был в нее влюблен с января 36 г. до осени. Во втором письме «*elle est simple*» все же — дурочка. Но уже летом эта любовь производила на Трубецкого впечатление довольно неглубокой влюбленности, когда же выяснилось, что она грозит гибелью карьеры, он быстро отрезвел, стал осторожным, в разговоре с Соллогубом назвал ее *mijaugée* (кривлякой) и *Nägrin* (дурочкой, глупышкой), по требованию посланника написал письмо, где отказывается от нее, а под конец, вероятно, и возненавидел, потому что был с ней невероятно груб и нет ни тени раскаяния в его поведении после дуэли.

ло, что великая жизнь была принесена в жертву тщеславию мелкого карьериста, и в течение ста двадцати лет повторяло, превращало в театральные представления, а затем и в кинофильмы злонамеренное вранье подозрительного барона? Легенда о многолетней, возвышенной любви Дантеса идет от самой Наталии Николаевны (*une persévérance de deux années* — двухлетнее постоянство — сказано в ноябрьском письме 36 года). Итак, Жорж Дантес любил Наталию Николаевну и был верен ей с осени 34 года? Однако теперь мы имеем письмо Дантеса от 20 января 36 года, где он сообщает посланнику, как последнюю новость, что он влюбился в даму, чей муж *est d'une jalousie révoltante*, возмутительно ревнив. (Значит, уже тогда Н.Н. жаловалась Дантесу на ревность Пушкина.) По Щеголеву, все оставалось непонятно. Как Пушкин, при его характере, мог терпеть двухлетний или даже трехлетний роман своей жены и, следственно, сплетни света? Теперь же все становится на свое место: Дантес влюбился в январе 36 года, объяснился в феврале, получив известный ответ⁺ дамы, которая в это время была беременна на 6-м месяце (23 мая родилась последняя дочь Пушкина Наталия). Надо думать, что последние два месяца Наталия Николаевна не показывалась в свете⁺⁺, тем более что в Страстную субботу умерла мать Пушкина и у них был траур⁺⁺⁺. Пушкин уехал сначала в

⁺ Т.е., что она его любит, никогда так не любила, хочет, чтобы он ее любил, но верна долгу, т.е. отвечала, как Татьяна.

⁺⁺ Раньше я думала так, однако из карамзинской переписки явствует, что Н.Н. встречалась с Дантесом у Карамзиных, где все знали, что он в нее влюблен.

⁺⁺⁺ 9 июля Пушкин пишет: «Я в трауре и никуда не езжу» — не тогда ли Наталия Николаевна выезжала одна, в чем упрекает Пушкина Доли?

Михайловское хоронить мать, затем в Москву. Письма поэта к жене совершенно безмятежны (например, «как ты перетащила свое брюхо?...»). Наталия Николаевна переехала с детьми на нанятую ею дорогую дачу Добровольского. Коко и Азя стали кататься верхом с кавалергардами («кланяйся своим наездницам») — т.е. уже появляется Дантес. После родов Наталия Николаевна была больна месяц. С июля она снова начала выезжать. И вот только с этого времени начались сплетни (минеральные воды, катанье верхом и т.д.).

В мае вернулся после годичного отсутствия старший Геккерн, и только тогда он мог, по выражению Пушкина, сводить его жену с собственным «батаром». Это опять информация Наталии Николаевны, и опять ложная. Дантес и Наталия Николаевна прекрасно объяснились в феврале, когда барон путешествовал по Европам и усыновлял Дантеса, а фраза: «Rendez-moi mon fils»* не свидетельствует о сводничестве, а скорее наоборот. Затем не совсем понятно, почему супруга камер-юнкера Пушкина и первая красавица придворного Петербурга оказывалась на балах в каких-то углах («dans tous les coins») и позволяла нидерландскому посланнику говорить ей непристойности. (А дело в том, что в октябре Дантес был болен и Наталия Николаевна, конечно, хотела узнать, как он себя чувствует.)

Геккерн сразу и до конца понял линию поведения Пушкина. Но если бы он почему-нибудь ее не понял, ему бы ее немедленно объяснили.

Вся молодежь двух дружественных Пушкину домов (Карамзины, Вяземские) была за Жоржа — бело-

---

* Верните мне моего сына (фр.).

курого, остроумного котильонного принца. К этой молодежи принадлежала и Наталия Николаевна, которая спокойно выслушала от Валуева, девятнадцатилетнего камер-юнкера и мужа Машеньки Вяземской, такой вопрос: «Как вы позволяете подобному человеку так обращаться с вами?» (это о Пушкине!). И даже ответила: «Я знаю, что я не права, потому что всякий раз как он ко мне обращается, меня охватывает дрожь». Это единственная известная нам фраза Н.Н., относящаяся к преддуэльной истории.

Итак, Геккерн знал, что намерен был сделать Пушкин. Он хотел сделать смешным Дантеса и выставить его трусом. Может быть, современному читателю не до конца понятно, чем этот план грозил Дантесу. А грозил он крушением карьеры, потому что гвардеец, а тем более кавалергард не мог всенародно оказаться трусом. Надо было подавать в отставку и оставаться ни с чем. На это Геккерны были не согласны. Надо было быть не трусом, а героем. И посланник начал превращать своего приемного сына в героя. Для этого Дантес должен был симулировать несчастную страсть на всех петербургских балах, т.е. стоять у колонны, вздыхать, бросать страстные взгляды, произносить громкие фразы вроде: «Пусть меня судит свет» (дневник Мердер). Но дело в том, что сама версия Геккерна содержит в себе нечто, бросающее тень на жену поэта. Сплетники, как видим, честно сделали свое дело. Оставался Пушкин. До его сведения необходимо было довести, что Дантес не *George Dandin* и т.д., а благороднейший молодой человек, который ни минуты не колебался, а сразу принес себя в жертву любимой женщине, жениясь на ее некрасивой сестре. Однако довести это до сведения Пушкина было не так легко. Дру-

зья только оглаживали взволнованного и омраченного поэта или довольно нескладно пытались сблизить Пушкина с Дантесом, в чем их так горько упрекает графиня Фикельмон (см. дневник).

Враги бы поостереглись заговорить с Пушкиным на эту тему, рискуя получить пощечину или вызов на поединок (см. историю с мальчишкой Соллогубом), и в план Геккерна, очевидно, вошло возложить эту миссию на Наталию Николаевну. Она одна могла пересказывать мужу увещевания посланника и новеллы о благородстве Дантеса, что она, как мы знаем, и делала, становясь, таким образом, агенткой Геккерна. А им это было необходимо, чтобы разоружить Пушкина и заставить его замолчать. Таким же агентом Геккерна был и Долгоруков-бансал, который подставлял рога Пушкину за его спиной. Когда же появился еще один человек, который мог начистоту говорить с Пушкиным и, очевидно, сообщил по-эту, что Геккерн победил, версия о благородстве Дантеса взяла верх над его *tu l'as voulu, George Dandin** и т.д., тогда произошла дуэль. Этим человеком была тригорская соседка и старый друг Пушкина баронесса Вревская, которая в начале 1837 года приехала в Петербург, и вот за что обвиняла ее Наталия Николаевна после смерти Пушкина, а не за то, что она, зная о дуэли, не приняла должных мер. О дуэли знали многие (Вяземский, Перовский...), и, между прочим, «друг Пушкина» Александра Гончарова. Могут сообщить многочисленным поклонникам этой дамы, что много лет спустя Александра Николаевна, не без умиления, записала в своем дневнике, что к ней в имение (в Австрии) в один день при-

---

* Ты этого хотел, Жорж Данден (фр.).

ехали ее beau-frère* Дантес (очевидно, из Вены, от Геккерна) и Наталия Николаевна из России. И вдова Пушкина долго гуляла вдвоем по парку с убийцей своего мужа и якобы помирилась с ним. Судя по мемуарам Араповой, легенда о великой любви Дантеса бытовала в доме Ланских. Туда она могла попасть только от самой Наталии Николаевны.

Совершенно понятно, что свадьба Екатерины Николаевны активизировала сплетни⁺ (отношения между сестрами, отсутствие Пушкина на свадьбе...), и Вревская могла сообщить Пушкину целый ворох новостей.

Итак, Вревская сделала свое роковое сообщение. В глазах света Дантес герой и т.д., а если Дантес герой — Пушкин смешон. Пушкину было нечего возразить на это. Так возник январский вызов.

Второй причиной посылки картеля я считаю событие давно известное, но неверно толкуемое. Николай I, через много лет, рассказывал Корфу, что чуть не накануне дуэли говорил с Наталией Николаевной о ее семейных делах, а затем Пушкин якобы благодарил Николая I. Надо думать, что монарх кое-что забыл, кое-что смягчил и это был просто очередной ремонтранс (выговор) жене камер-юнкера, которая подала повод к сплетням. Если сравнить этот эпизод с тем, что записывает Пуш-

* Зять (фр.).

⁺ См., например, запись в дневнике А.И. Тургенева (21 января) о том, что д'Аршиак показывал ему ноябрьские дуэльные документы. Зачем? Когда все было, по-видимому, так благополучно завершено.

После декабрьского успокоения Геккерны в связи со свадьбой опять потянули своих куколок за нитки: «Городские сплетни возобновились» (Вяземский). «Все снова стали говорить про его любовь» (Н. Смирнов).

кин в дневнике о молодой Суворовой (Ярцевой), ясно, что разговор царя с Наталией Николаевной был для Пушкина чуть ли не последней каплей, переполнившей чашу. Значит, здесь опять виноват Николай I (рассказ Николая I кончается так: через три дня был его последний дуэль).

Это значит, что по-тогдашнему, по-бальному, по-зимнедворскому жена камер-юнкера Пушкина вела себя неприлично⁺. И Николай I, конечно, не упрекал Наталию Николаевну за то, что в нее влюблен Дантес, — его он, однако, не вызывал и не делал ему замечаний (так же как и полковой командир) по поводу его поведения.

Поведение Дантеса было точно выверено, и все разговоры о неприличии его манеры держать себя возникли уже после смерти Пушкина, когда стали искать причины катастрофы, а ищут в таких случаях весьма примитивно. (Например, то, что Дантес публично звал Катерину *ma légitime**, не свидетельствует ни о чем, кроме некоторого стремления к просторечию, а отнюдь не намекает на какую-то «незаконную»...)

Что же касается тайны, окутывающей эту историю и о которой дважды пишет Вяземский (Булгакову и Мусиной-Пушкиной от 26 февраля 37 года), напомним, что в письме к Михаилу Павловичу он же говорит, что Пушкин считал анонимное письмо проделкой Геккерна и умер в этой уверенности (значит, Жуковский утаил, что, умирая, Пушкин еще вспомнил о Геккерне). Не это ли знание Пушкина казалось Вяземскому неразрешимой тайной?

⁺ Что Наталия Николаевна не умела вести себя в обществе, мы узнаем не от одной графини Фикельмон, но и из писем Вяземского к самой Наталии Николаевне уже после смерти Пушкина.

* Моя законная (фр.).

Эта уверенность Пушкина сыграла немалую роль в преддуэльной истории. Благодаря ей состоялась его встреча с Бенкендорфом, который, получив письмо Пушкина, где находилась фраза о посланнике как авторе диплома, немедленно повез поэта в Зимний дворец⁺. Там Пушкин доказал Николаю I свое подозрение, иначе быть не могло. Бросить столь важной персоне, как нидерландский посланник (царский любимец, только что награжденный орденом Анны I степени), такое обвинение и не доказать его значило оказаться в каземате или ехать с фельдъегерем в Нерчинск. А мы знаем, что с Пушкиным после этого свидания решительно ничего дурного не случилось, а Николай I (по словам Гогенлоэ-Кирхберга и Смирнова) считал Геккерна автором пасквиля по сходству почерка. Буквально то же сказал Данзас Аммосову. Почерк при библиотечном начертании букв едва ли можно до конца определить, но во всяком случае три известные нам диплома написаны не Геккерном. Однако было еще по крайней мере семь дипломов, до нас не дошедших, а еще был печатный текст, с которого производилась переписка, и в нем надо было вписать только две фамилии. Напомню, что о каком-то дипломе какого-то формата очень тревожились Геккерны. А еще они трево-

---

⁺ Как трудно было Пушкину получить аудиенцию у Царя, видно из того, как долго и бесплодно он хлопотал о ней, когда хотел поднести Николаю I «Историю Пугачева» и жандармы кормили его таким ответом: «Государем Императором будет угодно назначить Вам...», а тут сразу же, в тот же день.

Когда же Геккерн после смерти Пушкина попробовал оправдаться, послав Николаю I какие-то пять документов, ему было предложено подать в отставку, хотя для Царя было гораздо проще повелеть провинившемуся камер-юнкеру уехать в свою деревню, чем потребовать отставки посла.

жились о печати, и не случайно, конечно, и Пушкин пишет Бенкендорфу, что догадался по печати. И так, из сравнения письма Пушкина Бенкендорфу с «воровской запиской» дипломата к своему приемному сыну в тюрьму видно, что бароны в чем-то просчитались и Пушкин их на чем-то поймал. И, торжествуя, Пушкин пишет ноябрьское письмо. Это документ такой важности для нашей темы, что на нем придется остановиться подробнее.

В своих письмах к Пушкину по поводу пушкинского ноябрьского плана мести Жуковский так сдержан, изъясняется столь туманно, что из них немного извлечь. Гораздо выразительнее его «сказочка», которую я сейчас перескажу и должным образом прокомментирую. Напомню тогда же, когда Соллогуб предложил свои услуги, как секундант, Пушкин сказал: Дуэли не будет, но будет одно объяснение, при котором желательна присутствие светского человека.

В этой «сказочке», на которую никто не обратил должного внимания, Жуковским иносказательно рассказаны события преддуэльной истории. Серый волк (Дантес), который хочет съесть любимую овечку (Н.Н.) пастуха-стрелка (Пушкина), но *заглядывается и на других его овечек (Коко, Азя), да и облизывается*. Тут же Дантес называется волком-прожорой⁺. Далее так изображено сватовство Дантеса: «Но вот узнал прожора, что стрелок его стережет и хочет застрелить (вызов). И стало это неприятно серому волку (Дантес струсил); и стал он делать пастуху *разные предложения* (жениться на

⁺ Ср. с характеристикой, данной Дантесу Жуковским в письме к Бенкендорфу: «с другой стороны был и ветреный и злонамеренный разврат».

К.Н.), на которые пастух и согласился». Затем следует описание плана мести Пушкина: «(пастух думал) — как бы мне доконать этого долгохвостого хахаля... Я соберу соседей, и мы накинем на волка аркан»⁺. И тут же Жуковский отказывается от роли свиньи, которая должна своим хрюканьем выманить волка, т.е. заманить Геккернов к Пушкину, где в присутствии «соседей» — светских людей будет разоблачено авторство посланника (а м.б., и Дантеса, ср. в письме Бенкендорфу: «mm. les H.»).

Но месть Пушкина должна была состоять из 2-х частей, первую о Дантесе мы уже рассмотрели (и знаем ее судьбу), вторая относится к дипломату (теперь мне старичка подавайте — сказал в ноябре Пушкин Соллогубу). Пока я не буду доказывать свои утверждения и прошу читателя поверить, что могу доказать каждое слово.

Итак, месть Пушкина состояла в том, чтобы выманить Геккерна и в присутствии светского человека уличить его в составлении пасквиля.

Едва ли нужно говорить, что после этого Геккерн не мог ни минуты оставаться послом (*vous de la votre...*), а Дантес кавалергардом. На это намекает Пушкин даже в январском письме, прибавляя, что имел намерение и власть это сделать, и не Жуковский уговорил Пушкина, Пушкин его бы просто не послушался. Это сделал Император Всероссийский Николай I в Зимнем Дворце 23 ноября. Об участии в этом деле Жуковского и о том,

⁺ Письмо Жуковского к Пушкину: «Зная предварительно о том, что ты намерен сделать» (Пушкин, т. XVI, стр. 186). Пушкин, действительно, собирался собрать соседей и накинуть на Геккернов аркан, и это была та месть, в сравнении с которой одесские «подвиги» Раевского превращались в ничто и которую ему, Пушкину, запретил царь, а не Жуковский, как думает Соллогуб.

что Пушкин, все-таки нарушив обещание, объявил (в французском посольстве, в присутствии двух светских людей Даршиака и Данзаса), что он считает посла автором пасквиля, я буду говорить особо, однако, прошу заметить, что Николай I запретил сразу касаться вопроса о дипломе, а Данзас, очевидно, повторил слова Пушкина, утверждая, что поэт догадался *по почерку*.

Весь пушкинский план дискредитации Геккерна оказался неприемлемым для Николая I, хотя Пушкин и убедил его, что автором диплома был посол. Царь, очевидно, запретил Пушкину посылать ноябрьское письмо Геккерну и разоблачать его в глазах петербургского общества, а в этих черновиках Пушкин писал: «Дуэли мне уже недостаточно, каков бы ни был ее исход», — значит, ему мало было убить Дантеса и пр., он хотел убрать с поста нидерландского посланника, предварительно опозорив его в глазах общества и обоих дворов как автора анонимных писем.

В январе все наоборот: Дантес герой, принесший свою жизнь в жертву во спасение чести Наталии Николаевны, посол под охраной Николая I, и дано слово его не разоблачать, остаются только бездоказательные обвинения — отказ от дома (который, однако, не следует преуменьшать) и поток ругательств, которые свидетельствуют лишь о бессильной ярости.

Дуэль была назначена на 21 ноября (8 ч. утра) <...>. Вместо этого произошло официальное сватовство Дантеса, и Пушкин приступил к исполнению мести — разоблачению Геккерна-старшего как автора анонимных писем (суббота). Пушкин считал, что с молодым он достаточно расправился, женив его на Коко. К этому времени Наталия Николаевна снабдила мужа достаточным

материалом для бешенства самого безудержного, в этот же день возникли страшные черновики писем и письмо (к Геккерну-старшему), Пушкин, очевидно, писал их почти одновременно с письмом (сначала тоже черновик) к Бенкендорфу. Письмо к Геккерну комментирует черновики письма к Бенкендорфу. Письмо к Бенкендорфу комментируют черновики письма к Геккерну. Геккерну он, конечно, не объясняет, как он догадался, кто послал пасквиль, а только хвастается своей находчивостью и говорит, что они были сфабрикованы со столь малыми *предосторожностями*. Бенкендорфу он объясняет, что догадался, что пасквиль исходит от дипломата, иностранца и пр.: 1) по бумаге (гладкая, английская), 2) по печати или сургучу, 3) отгадал по тому, как они были составлены. Третье — отпадает. Диплом в печатном виде был у Аршиака — его только стоило списать. Бумага и печать могли выплыть в откровениях Наталии Николаевны, если, например, какая-нибудь записка Дантеса была запечатана ею. Недаром Геккерн описывает Дантесу *печать*, которой были запечатаны пасквили, в своей «воровской записке». Какое дело невинному человеку до того, какого формата *бумага* на шутовском дипломе и что изображено на печати?

Не потому ли III Отделение затребовало почерк Дантеса? Там уже знали, очевидно, что диплом из голландского посольства⁺.

⁺ Упоминание Бенкендорфом Тибо, учителя-француза, жившего у Карамзиных (как возможного автора диплома), после обнаружения «*bande joyeuse*» становится интересным. Он тоже мог быть одним из «*mes drôles*» <«моих молодцов»>. Шефу жандармов было, очевидно, известно, что карамзинский француз был как-то связан с Дантесом. И вообще, при всей нашей нелюбви к Бенкендорфу не следует

Если январское письмо построено только на информации, доставленной Наталией Николаевной, в ноябрьском несомненно чувствуется еще один голос, что никогда и нигде не отмечено. Все, что относится к анонимному письму, сообщено не Наталией Николаевной, она, конечно, не могла знать, что в посольстве фабрикуется документ, порочащий ее честь. Прибавим к этому, что своими сведениями Пушкин очень гордится и непоколебимо уверен в их достоверности. Понимать это надо так: некто присутствует при разговоре Геккерн с Дантесом, при нем же решается «le coup décisif»* — анонимные письма, затем это лицо идет к Пушкину и все ему рассказывает, чем дает ему возможность втоптать посланника в грязь, но, очевидно, по совершенно понятным причинам это лицо пожелало остаться неизвестным. Здесь вспоминается рассказ барона Бюлера: «В 40-х гг. у Одоевского Лев Пушкин впервые узнал из подробного, в высшей степени занимательного рассказа гр. Виельгорского все коварные подстрекания, которые довели брата его до дуэли. Передавать в печати слышимое мною тогда и теперь еще неудобно⁺. Скажу только, что известный впоследствии писатель-генеалог П.В. Долгоруков был тут поименован в числе авторов возбудительных подметных писем» (Р<усский> а<рхив>. 1872. I, стлб. 204). Здесь все: и то, что

преуменьшать его осведомленность. Поэтому же Щеголев совершенно напрасно иронизирует над тем, что Бенкендорф запросил почерк Дантеса. Это следствие разговора (23 ноября) в Зимнем, следствие того, что Николай I поверил Пушкину.

* Решительный удар (фр.).

⁺ Вероятно, в этом же рассказе фигурировала неприглядная роль Николая I в этой истории: он взял с Пушкина слово ничего не предпринимать самому, обещая принять меры, и ничего не сделал.

автор анонимного письма был не один, и какие-то коварные подстрекания, и имя Долгорукова.

А примерно через 20 лет (1860 г.) сам Одоевский пишет о Долгоруком: «Этот недоучившийся господин практиковался лишь по части сплетен, *переносов анонимных подметных писем* и действовал на этом поприще с большим успехом: от них произошли многие ссоры, семейные бедствия и, между прочим, одна великая потеря, которую Россия доньне оплакивает».

Эта известная цитата в свете моего открытия о неизвестном получает новое значение — значит, Одоевский знает, что имел место какой-то *перенос анонимных писем*.

Так как Виельгорский был одним из лиц, получивших диплом, он, очевидно, знал от Пушкина, что не все дипломы были писаны одним почерком. До сих пор мы не знали, какие «коварные подстрекания» довели Пушкина до дуэли. Но здесь можно предположить двойную игру Долгорукова. Не он ли информировал Пушкина и дал ему материал для ноябрьского письма: о разговоре между Геккерном и Дантесом, о плане анонимного письма, о рассылке его. Думать, что Пушкин просто фантазировал, немыслимо. В январском картеле голос этого таинственного осведомителя отсутствует. «Господа Геккерны» в письме к Бенкендорфу («mes drôles» — в ноябрьском черновике) указывают на то, что он знал о причастности Дантеса к пасквилю. Вот в чем, по нашему мнению, состояли «коварные подстрекания» Долгорукова или кого-нибудь другого из шайки Геккерна.

Дальнейшие разыскания подтверждают близость Долгорукова к «bande joyeuse» Дантеса. Вяземский пишет жене (1839 г.): «косолапый Долгорукий — приятель Валуева», Валуева (зятя Вяземского) называет и сам

banca! [светское прозвище Долгорукова] в своем оправдательном письме среди лиц, с которыми он дружил до своего отъезда за границу, его же Дантес просит вызвать как свидетеля защиты.

С другой стороны, о близости банкаля к своре Геккерна довольно энергично выразился тот же Вяземский, назвав banca! я одним из «молодых людей наглого разврата», окружавших голландского посланника.

В 1839 году Долгоруков сыграл весьма странную роль в дуэли кн. Лобанова-Ростовского с кн. Львом Гагариным. Он предложил участникам этой дуэли составить документ о дуэли, взял его на хранение и, по-видимому, доставил полиции, так что, когда участники дуэли явились на место поединка, их уже ждали там жандармы.

Противники версии о banca! е как авторе пасквиля указывают на то, что она возникла лишь после воронцовской истории (1861 г.), между тем как Гагарина называли сразу. На это я могу возразить следующее: в 1848 году, т.е. через 11 лет после рассылки пасквиля и сразу после французской революции, Чаадаев в Москве получил письмо за подписью Луи Колардо, который был якобы знаменитым французским психиатром, прибыл из Парижа, города, как известно, переполненного безумцами всякого рода, в Москву, желая излечить Чаадаева от мании величия. Ряд знакомых Чаадаева тоже получили подобные письма с просьбой уговорить Чаадаева принять услуги знаменитости, потому что, вылечив его, г. Колардо будет иметь доступ в дом *знаменитейшего сумасшедшего* Дмитриева-Мамонова. Письмо Колардо составлено весьма нагло. Чаадаев немедленно догадался, что автор этого послания — banca!, и тотчас же сочинил очень остроумный ответ, который, по-видимо-

му, забыл отправить⁺. Я обращаю внимание читателей на следующие обстоятельства: 1. Письмо послано целому ряду людей (друзей жертвы); 2. Дм<итриев>-Мамонов играет в письме ту же роль, что Нарышкин в пастихле 1836 г. Там — знаменитый рогоносец, здесь — знаменитый сумасшедший. Это писала одна и та же рука, это придумал тот же самый человек, и этим человеком был кн. Петр Владимирович Долгоруков. Здесь имело место то, что в уголовном праве носит название «единство метода» и является безусловным доказательством виновности подсудимого.

О причинах отправления диплома

Очевидно, голландский посланник, желая разлучить Дантеса с Наталией Николаевной, был уверен, что «*le mari d'une jalousie révoitante*»*, получив такое письмо, немедленно увезет жену из Петербурга, пошлет к матери в деревню (как в 1834 г.) — куда угодно — и все мирно кончится. Оттого-то все дипломы были посланы *друзьям* Пушкина, а не врагам, которые, естественно, не могли увещевать поэта. Исключение одно. Тетка Соллогуба — Васильчикова. Она не была в окружении Пушкина. Однако она была сестрой упомянутого в дипломе Нарышкина, и кто-нибудь из «*mes drôles*» мог выбрать ее именно поэтому. Мы знаем, что Пушкин сделал попытку увезти Наталию Николаевну от свадьбы Дантеса, поехав с ней в Михайловское, о чем он пишет Осиповой, на что соседка отвечает, что красавица жена, навер-

⁺ «Вестник Европы». 1871. № 9. С. 48—49 <С. 9—54. Жихарев М. Чаадаев. Из воспоминаний современника>. На эту статью обратил мое внимание Н.И. Харджиев, за что приношу ему живейшую благодарность.

но, не захочет уезжать (очевидно, в разгар сезона) и кто бы мог найти это дурным (январь 1837), да еще прибавляет: «Ноппу soit qui mal у pense»*.

Кажется, никто почему-то не отметил, что письмо Пушкина к Дантесу с отказом от дуэли носит совершенно специфический характер. Это письмо главы дома, на чьем попечении была молодая девушка, к человеку, ее обесчестившему, а затем под угрозой дуэли согласившемуся на ней жениться. И больше ничего. Потому-то секунданты это письмо Дантесу не показали. С этого письма Пушкин начинает свой первый план мести, который должен изобразить Дантеса трусом. Письмо это, конечно, компрометирует Катерину, и неудивительно, что она стала его открытым врагом.

Здесь уместно заметить, что брак Дантеса с Катериной, который казался Пушкину таким смехотворным, вполне устраивал обоих Геккернов.

К этому времени слухи об истинном характере отношений обоих баронов сделались довольно упорными (см. показанья коллег голландского посланника), и Жоржа надо было непременно женить. При такой репутации рассчитывать на блестящую партию было трудно. Жениться на дочери богатого откупщика — опять конец карьеры. Катерина была фрейлиной императрицы, племянницей всемогущей Загряжской и великолепного Строганова. Этого, на худой конец, было достаточно для баронов.

Но, что было гораздо важнее, Катерина была без памяти влюблена в Дантеса и с первого же дня стала игрушкой в руках баронов. Приехав во Францию, она немедленно перешла в католичество. Она, несомненно, была

---

* Возмутительно ревнивый муж (фр.).

посвящена в игру, т.е. знала, что Жоржу надо притворяться влюбленным в ее сестру (см. черновик дуэльного письма: «vous avez joué à vous trois un rôle... enfin Mad. Нескет»^{*}). Она нисколько не ревновала — ей все объяснили. Ревновала Наталия Николаевна, которая продолжала тупо верить в великую страсть Дантеса (см. дневник Фикельмон: «disputant avec son mari sur la possibilité du changement dans le cœur à l'amour du quel elle tenait peut-être par vanité seulement»^{**}).

По-видимому, надо верить Жуковскому, когда он уговаривал и успокаивал Пушкина (в ноябре): «Он <Геккерн> дал мне материальное доказательство, что это дело <свадьба> задумано гораздо раньше». (См. также «сказочку» Жуковского об охотнике и волке.)

Тетка Загряжская написала Жуковскому, благодаря его за устройство свадьбы Катерины: «Итак, все концы в воду» -- едва ли подходящая фраза, когда выдают замуж фрейлину.

Вяземский писал Эм. Мусиной-Пушкиной 26 февраля 1837 года: «Эта история, окутанная столькими тайнами даже для тех, кто следил за нею вблизи». Итак, Вяземскому казалось, что он с близкого расстояния следит за этой историей, однако вот что он писал той же Эмили Мусиной-Пушкиной 15 января, т.е. через пять дней после свадьбы Катерины. Был у Барантов 14 января: «Мадам Геккерн имела счастливый вид, который ее молодил на десять лет и придавал ей вид только что постригшейся монахини или обманувшейся новобрачной. Я не могу от

^{*} «Пусть будет стыдно тому, кто дурно об этом подумает» (фр.).

^{*} Вы сыграли все трое такую роль... наконец, г-жа Геккерн (фр.).

^{**} «Спорила с мужем о возможности такой перемены в сердце, любовью которого она дорожила, быть может, только из-за одного

вас скрыть, что муж тоже много танцевал, много веселился и никакая тень брачной меланхолии не легла на черты его лица, такого красивого и *выразительного*».

Вот какое впечатление производила эта пара за 10 дней до вызова Пушкина.

Конечно, в этом письме нас интересует не то, что от счастья 29-летняя Катерина казалась 19-летней девочкой, что она была точь-в-точь похожа на новобрачную (вероятно, намек на ее добрачную связь с Дантесом), и не описание красоты Дантеса и отсутствия в нем признаков супружеской меланхолии... Все это банальное великосветское злоречие изящного сплетника.

Нас поражает в этом письме безмятежный тон и, очевидно, полная уверенность Вяземского, что все в порядке, тревожиться ни о чем не надо и, главное, нет никакой тайны («*tant de mystère!*»* — из цитированного письма Вяземского Эм. Музиной-Пушкиной). (С этим письмом вполне гармонируют жениховские записочки Дантеса, спокойный, радостный тон которых так удивлял Щеголева.) Это тот же Вяземский, который говорит, что Пушкин сердит на Дантеса, потому что тот перестал ухаживать за его женой. А Жуковский примерно в это же время смеялся, узнав, что Андрей Карамзин старается разгадать *тайну* женитьбы Дантеса. Со свадьбы Дантеса и Катерины (10 января) шафера поехали к Карамзиным (см. дневник А.И. Тургенева). Еще бы: ведь Дантес считал карамзинский дом почти родным, как видно из письма Андрея Карамзина.

Замечу вскользь, что об исходе дуэли Вяземские посылали справляться не к Пушкиным, а к Дантесам и

тщеславия» (фр.).

что Вяземский за сутки знал о дуэли и не сделал ничего, чтобы спасти своего друга, а княгиня в письме в Москву называла Дантеса только черепицей, которая упала на голову. И очень страшно, что ровно через месяц этот самый Вяземский напишет этой самой Мусиной-Пушкиной о полной победе Дантеса: «Celui qui après l'avoir assassiné moralement a fini par être son meurtrier de fait»*.

Как надо понимать эту страшную фразу? Вяземский называет моральным убийством, конечно, то, что никто не верил в трусость Дантеса, а все говорили, что своей женитьбой он спас Н.Н. Этого Пушкин не мог вынести. Это и есть констатирование полного провала пушкинской политики (он морально убит).

Щеголев не прав, когда пишет, что в январском письме не осталось и следа утверждения авторства Геккерн. Фраза: «...только на этом условии согласился я не давать хода этому грязному делу и не обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего, к чему я имел и возможность и намерение» — находится и в ноябрьском черновике в несколько иной форме, но относится прямо к возможности разоблачения Геккерн как автора анонимных писем.

Если бы Пушкин перестал думать, что Геккерн автор диплома, эта фраза не фигурировала бы в январском письме.

Теперь находит себе место темный и спутанный рассказ Бартенева, со слов кн. Вяземского, о письме 21 но-

---

* Столькими тайнами (фр.).

* «Тот, кто был его моральным убийцей, кончил тем, что стал им в действительности» (фр.).

Старик Левенштерн (очевидно, рупор большинства) пишет, что Д<антес> триумфально вышел из положения, сделав предложение

ября: «После этого (т.е. после оглашения помолвки Дантеса) государь, встретив где-то Пушкина, взял с него слово, что, если история возобновится, он не приступит к развязке, не дав знать ему наперед⁺. Так как отношения Пушкина с государем происходили через гр. Бенкендорфа, то перед поединком Пушкин написал известное письмо свое на имя гр. Бенкендорфа, собственно назначенное для государя. Но письма этого Пушкин не решился послать». (Еще в 1-м изд. «Дуэль и смерть» Щеголев предполагает, что это письмо к Нессельроде.)

Эту цитату, а не разговор с Николаем Павловичем надо было привести Щеголеву. Здесь, и только здесь сказано, что разговор Николая I и Пушкина имел место после помолвки Дантеса и что царь взял с Пушкина слово. Это слово Пушкин нарушил 27 января во французском посольстве, заявив при двух свидетелях, д'Аршиаке и Данзасе, что Геккерн — автор диплома. Но Пушкин написал 26 января: «Истина сильнее царя» (в письме Толю) — и не скрывал «правды своей в сердце своем», как сказал о нем Тургенев.

Краткое резюме

Итак: Щеголев не учитывает следующих обстоятельств: что весь «роман» длился 1 год, что до мая Наталия Николаевна была беременна, до июля больна, что

Катерине (рукопись П.Б.).

⁺ О том же пишет Вревская, когда сообщает, как, встретив Пушкина в театре, умоляла его не посылать вызов и пожалеть своих детей. «О них позаботится государь, он знает все мое дело», — ответил Пушкин. Говоря так, П<ушки>н, очевидно, имеет в виду свою поездку в Зимний и реакцию царя на его сообщение. В письме к сестре Николай I сообщает все факты как бы под диктовку П<ушки>на. Он несколько

старик Геккерн появился только в мае, что объяснение произошло в феврале 1836 года, что в ноябре Дантес называл уже Наталию Николаевну *mijaugée* (кривляка, дурочка), что план компрометировать Наталию Николаевну возник у Геккернов сразу после сватовства Дантеса, что 23 ноября в Зимнем дворце Николаю I было доказано, что Геккерн послал анонимные письма (или организовал их рассылку), и с Пушкина было взято слово молчать об этом, чем было разрушено его намерение разоблачения посла в глазах петербургского общества, что, по-видимому, царь обещал поэту, что сам займется этим делом, что весь декабрь Пушкин терпеливо ждал и дождался только активизации сплетен в связи со свадьбой («городские толки возобновились»). Таким образом, очевидно, что Николай I его обманул, а он сказал Вревской о детях: «Царь позаботится о них, он знает все мое дело», что брак на Катерине весьма устраивал Геккернов (чего не знал и Пушкин), что Катерина *était dans le jeux**, что дуэль произошла оттого, что геккерновская версия взяла верх над пушкинской и Пушкин увидел свою жену, т.е. себя опозоренным в глазах света. Замечание, которое сделал Николай I жене Пушкина относительно ее поведения, было последним ударом, с этим совпали *révélations*** Вревской о петербургских сплетнях. Сначала Пушкин хотел просто избить Геккернов на балу у Разумовской (?), но их предупредили (у них были свои люди в ближайшем окружении Пушкина — вся молодежь). Вяземские и Карамзины до последнего дня принимали Дантеса. После катастрофы все перепугались и изо всех

раз говорит тогда, имея в виду ноябрь, т.е. день свидания в Зимнем.

* Участвовала в игре (фр.).

сил начали оправдывать Наталию Николаевну, которая одна могла все остановить в любой момент, но она была не в состоянии поверить, что Дантес ее разлюбил и издевается над нею. Как бесконечно одинок был Пушкин все это время, до какой степени вялым и неудачным было поведение друзей (два письма Вяземского). Поведение обоих Геккернов... Да он и не терпел, а просто не знал всего. А когда узнал, послал картель.

<ДВЕ ВЕРСИИ>

...Итак, эти две версии начали «иметь хождение» в петербургском свете и прилегающих к нему областях. Сейчас наша задача заключается в том, чтобы формулировать их с наибольшей точностью, какими они были выпущены в свет своими авторами (Пушкиным и Геккерном).

I. *Версия Пушкина*: Наглый мальчишка Дантес осмелился писать влюбленные записки Наталии Николаевне и симулировать «grande passion»*, а тем временем не то сошелся, не то не сошелся с ее сестрой. Тогда Пушкин, как глава дома, вызвал его на дуэль (ноябрь), и тот, будучи трусом, под дулом пистолета сделал предложение Катерине. Ему, очевидно, не место в первом гвардейском полку. Его карьера кончена.

II. *Версия Геккерна*: Романтически настроенный и рыцарски возвышенный юноша хранит в душе какое-то не совсем ясное простым смертным чувство — *vénération***+ — дурно себя ведущей и соблазняющей его красавице и, спасая ее честь, женится на ее некрасивой

** Разоблачения (фр.).

* Великую страсть (фр.).

** Почитание (фр.).

+ Это *vénération* Дантес придумал еще в феврале 1836 г. (см. 2-е

сестре, которая ему все же чем-то нравится. К этому полагалось в виде наглядного пособия — поведение Дантеса на балах и, как мы теперь знаем, у Карамзиных. Оно было абсолютно выверено, продумано опытным светским дипломатом. В *vénération* верил даже Александр Карамзин. Все, что мы знаем противоречащего этому, появилось потом, когда возникла потребность объяснить катастрофу. Но дело в том, что сама версия Геккерн содержала в себе нечто бросающее тень на жену поэта.

Затем (с нашей точки зрения) началось самое ужасное и о чем не имел представления Щеголев. Геккерн для распространения своей версии имел весь кавалергардский полк и по крайней мере два лучшие салона. Пушкин сам начинает *à qui veut l'entendre** рассказывать как законченную новеллу свою версию. Геккерн в ответ продолжал демонстрировать издали благоговейщего Дантеса и попутно «гнездышко» молодых, поражавшее всех роскошью и превосходным вкусом. Карамзины как красную девицу замуж выдают Дантеса почти из своего дома (братья шафера и т.д.), там же осуждают Пушкина за жену (см. дневник Тургенева), Вяземский острит, что Пушкин сердит на Дантеса за прекращение ухаживаний за Наталией Николаевной, и в письме к Мусиной-Пушкиной беспечно описывает молодоженов на балу у французского посла Баранта.

Жуковский вообще умывает руки. Кавалергарды и салоны становятся на сторону Дантеса. Поэт — один, и после разговора с Вревской и реприманда Николая I понимает, что для него все кончено.

письмо к Геккерну).

<ПУШКИН В СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКЕ КАРАМЗИНЫХ>

...Наше отношение (то есть отношение русского общества) к окружению Пушкина очень прочно и как бы не подлежит какому бы то ни было пересмотру. (В этом косность литературоведения.) Появление семейной переписки Карамзиных (1836—1837) должно было бы в корне изменить наше представление об отношении этого семейства к Пушкину. Однако этого не случилось, и пушкинисты продолжают писать о Карамзиных как о близких друзьях поэта («Пушкин. Исследования и материалы», т. II, 1958, Н.В. Измайлов, Лирические циклы Пушкина). Даже оглушительное открытие Софьи Николаевны о том, что Пушкин исписался и Булгарин прав, не заставило исследователей пересмотреть свои старые воззрения. Меня же не трогает даже письмо Ек. Карамзиной о том, как она благословила умирающего Пушкина, потому что оно написано с целью показать сыну Андрею, насколько лучше Николай I относился к ним, к Карамзиным, чем к только что погибшему поэту. В этом я вижу только безмерный эгоизм и душевную черствость, да еще, пожалуй, отражение того, как дурно относился к Пушкину сам Карамзин. (Не надо забывать холодное и даже раздраженное отношение Карамзина к Пушкину в связи с «Вольностью» в 1820 году и

«Старым мужем».) А ламентации по поводу того, что умер лучший друг их семьи, скорее свидетельствуют о высоком отношении его к ним, а не их — к нему. Он о них таких писем не оставил!..

...Отчего Аврора не отдала письма (100-й юбилей?)...

...Появление семейной переписки Карамзиных, которую в свое время утаила от мира Аврора Шернваль-Демидова-Карамзина, заставляет нас пересмотреть вопрос о так называемых друзьях поэта. Появились новые и очень неожиданные враги Пушкина и участники подготовки (во всяком случае косвенные) гибели поэта. Редактор, увлеченный новизной и интересностью материала, не замечает, что попал в самую гущу врагов Пушкина, которые, кстати сказать, были гораздо опаснее, чем Уваров или Булгарин. Опаснее, потому что Пушкин их любил, был с ними или с их родителями откровенен, и, применяя военный термин, можно сказать, что Пушкин попал в окружение. Мы слишком хорошо знаем, чем это кончается...

...С какой готовностью молодежь этого кружка (Карамзины—Вяземские) сообщала Дантесу все, что могло его интересовать, видно из письма Дантеса к Беверну из-под ареста.

Мы с ужасом узнаем, что через 18 дней после смерти Пушкина Машенька Валуева (дочь Вяземского) пересказала открытому врагу Пушкина Екатерине Николаевне Дантес слова, сказанные Пушкиным в салоне ее матери — В.Ф. Вяземской, якобы друга Пушкина «*Je suis méchant je finis toujours porter malheur...*»* и т.д. Не

---

* См. пер. на с. 213.

верить этому сообщению Дантеса мы, к сожалению, не можем, потому что он просит вызвать Валуевых как свидетелей защиты.

Если тяжелая трагедия, которую русское общество чувствовало и чувствует [сейчас] (1962) как незаживающую рану, не подсказала большей сдержанности этой молодой особе (вероятно, видевшей Пушкина в гробу), можно себе представить, как хорошо была поставлена осведомительная служба Геккернов до 27 янв<аря>, и то, что пишет Пушкин посланнику в ноябрьском письме («Если дипломатия есть лишь искусство узнавать, что делается у других, и расстраивать их планы, вы отдадите мне справедливость и признаете, что были побиты по всем пунктам»), с большим правом мог написать ему сам Геккерн. Пушкин же, так же как его друзья, совершенно не знал, что происходит в голландском посольстве. Информация Наталии Николаевны (тоже направляемая Геккерном) была типичной дезинформацией...

...Это мое наблюдение подает нам надежду, что Пушкин не так уж был «смешон» и не бросался на каждого встречного и поперечного (о чем пишет Софи 29 декабря 1836 года), чтобы рассказать ему о Дантесе. Сестра ее, Меццерская, с которой говорил Пушкин, не была ему первой встречной. Все это внушил Софи тот же Дантес, которого, естественно, рассказ Пушкина мало устраивал. Тем более, что и само описание поведения Пушкина очень механично, в нем совершенно отсутствует элемент живого наблюдения; и какой-то раз навсегда принятый пошловатый и небрежный тон — *chat tigre**, грызет ногти и т. д.

---

* Тем, кто хочет это слушать (фр.).

Думаю так, потому что иначе неизбежно мы знали бы о неуместных, с точки зрения светских приличий, «конфидансах» Пушкина уже давно из других источников. Александру Ивановичу Тургеневу, с которым часто и подолгу беседовал в ту пору Пушкин, он ничего не рассказал, это видно из дневника Тургенева. Кроме того, образ поэта, который создает карамзинская переписка, слишком уж разнится от того, который восстает из донесений послов, находившихся тогда в России, и большая часть которых была знакомыми Пушкина... Тургенев называет Пушкина одним из корифеев салонов Петербурга...

Я уже отметила, что эта поражающая нас недоброжелательность молодежи к Пушкину тоже была взращена Дантесом, раз он был их законодателем.

Я обращаю внимание моих слушателей на то, что Геккерны с самого начала (письмо голландского дипломата — Загряжской) до самого конца (письмо Андрея Карамзина, передающего слова Дантеса) упрямо твердили одно и то же: «Помните, что вы делаете это, чтобы спасти своих» (Гек<кern>).

«Я все сделал, чтобы их спасти» (Д<антес>), когда для всех было ясно, что это спасение заключалось в могиле великого поэта и весьма двусмысленной высылке только что овдовевшей женщины с четырьмя маленькими детьми».

<«МОЯ РОДОСЛОВНАЯ»>

Я всегда была твердо убеждена, что стихотворение «Моя родословная» (1830) сыграло роковую роль в отношении к Пушкину тех людей, с которыми он собирался жить. Как известно, не напечатанная при жизни (запрещенная Николаем I), она («Моя родословная») имела широкое хождение, и сохранилось несколько копий, сделанных самим Пушкиным. По мысли Пушкина, она должна была нанести обиду «новой знати», потомкам фаворитов XVIII в., но Пушкин не рассчитал, что к его времени вся русская аристократия так или иначе уже была в родстве с этой новой знатью, охотно заключая браки с детьми и внуками фаворитов, — так что он обидел ее всю. Я не надеялась найти где-нибудь документы, подтверждающие эту мысль. Чванные аристократы, думалось мне, ни за что не выскажут свою обиду. Так, вероятно, и было, но человек, связанный с этой аристократией, так формулирует отношение петербургского света к Пушкину:

«Ответ Булгарину, в котором, отражая упреки аристократии, Пушкин с правом или без права нападал на самые высокопоставленные фамилии в России, — вот истинные преступления Пушкина, преступления тем более тяжкие, чем выше и богаче были его враги, чем теснее они были связаны с влиятельнейшими домами и ок-

ружены многочисленными приверженцами... Вот настоящие причины того недоброжелательства, которое известная часть дворянства (особенно та, которая занимала видные посты в государстве) питала к Пушкину при его жизни и которое отнюдь не исчезло с его смертью».

Слова эти были написаны через несколько дней после смерти Пушкина. Можно себе представить, с каким злорадством это общество следило за развитием романа жены Пушкина, как охотно делалось оно эхом вымысла Геккерна о героизме Дантеса и пр. Лермонтов в своем показании сообщает: «Другие, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называя его *благороднейшим человеком*». Итак, геккерновская версия брака Дантеса с Катериной осталась в силе и после гибели Пушкина.

НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВНА

Из всех доступных нам материалов следует, что влюбленность Дантеса в жену П<ушки>на была очень короткой и не особенно серьезной. Если хоть отчасти поверить кн. Трубец<кому> Дан<тес> уже летом рассказывал о своем флирте товарищам. Но надо иметь в виду, что в мае уже вернулся Гек<керт> и начал оказывать влияние на своего приемного сына. <...> если бы <этот> Д<антес> летом охладел — не было бы пасквиля.

Если Пушкин разгадал всю игру Г<еккер>нов, почему же он не разоблачил их перед Н.Н., что было бы всего целесообразнее. Оскорбленная Н.Н. на версту не подпустила бы к себе ни посланника, ни его сына. Раньше Пушкин именно так и поступал (см. письмо от 14 июля 1834)⁺.

* Как тигр (фр.).

⁺ «А о каком соседе пишешь мне лукавые письма? кем это ты меня стращаешь? отसेле вижу, что такое. Человек лет 36; отставной военный или служащий по выборам. С пузом и в картузе... накануне отъезда сентиментальничает перед тобою. Не так ли? А ты, бабенка, за неимением того и другого, избираешь в обожатели и его: дельно?»
Насколько убедительнее было бы сказать Н.Н., что Дантес трус и

Надо думать, что насколько Гек<кern> имел влияние на Дант<еса>, настолько П<ушки>н не имел влияния на Н.Н. Она всегда делала, что хотела. Не пустила в дом (Н. Пушкину) свою больную свекровь, привезла против желания мужа сестер, нанимала дорогие дачи, когда не было ни гроша, систематически забывала адрес Пушкина, когда он уезжал, топала ножкой (Нащ<окин>). Лежала в истерике, когда это было надо, никаких истерик, дружила с Полетикой, кот<орая> была врагом Пушкина, не соглашалась уехать в деревню, когда этого требовали дела Пушкина. По мере увеличения своих светских успехов Н.Н. делалась все более самостоятельной и самоуверенной. Есть еще одно предположение, которое даже не хочется записывать. М.б., Пушкину было даже обидно за Н.Н. Он не решался сказать ей, что из нея по холодному расчету (Жук<овский>: ветренный и злонамеренный разврат) просто делают орудие для борьбы с ним. Или Пушкин был уверен, что она ему все равно не поверит. Но как бы то ни было — она вела себя все время, как союзница Г<еккер>нов, а не П<ушки>на. Не случайно единственная ее фраза, известная нам, служит Дантесу оправданием. Он приводит ее в письме (из тюрьмы) к презусу суда Бреверну. Н.Н. позволяет мальчишке Валуеву называть Пушкина «таким человеком» и удивляться, как она допускает, чтобы Пушкин обращался с ней таким образом. Сам Дантес уже в ноябре называет ее (в ноябре 36 г.) кривляка, дурища.

П<ушки>н, прося жену позволить Брюллову написать ее портрет, прибавляет: «Пожалуйста не прогони его, как прогнала ты Пруссака Криднера». Для такого поступка нужно довольно самоуверенности и реши-

тельности. Я никогда не поверю в кротость и пассивность женщины, кот<орую> нужно просить, чтобы она не прогоняла первого в России художника, если он ей не угодит.

Рассказ Смирдина о том, как Н.Н. требовала у него деньги, стоя в корсете перед зеркалом, рисует ее похожей не на Психею (прозвище Н.Н.), а на ее собственную мамашу Наталию Ивановну Гончарову, характер которой достаточно известен. Необычайная красота Н.Н. скрывала от посторонних эти черты ее характера, Россет-Смирнова так казалась всем ангелом, и мы теперь знаем, какой низменной и грубой она была. Н.Н. любила деньги, светские успехи, тряпки. Хорошей матерью ее трудно назвать. П<ушки>н был безмерно снисходителен к жене и, по-моему, даже ее побаивался. Н.Н. всегда делала все, что хотела.

Но Пушкин завещал друзьям хранить ее честь, и из этого выросло новое существо — если не образец чистоты и добродетели.

Н.Н. оправдывали и обеляли на все лады и даже священник, принявший ее исповедь, нарушая все правила и тайну исповеди, клялся, что она совершенно невинна.

<2> «...с другой стороны, не ощущалось недостатка в плакальщицах по поводу овдовевшей столь романтической красавицы. Передо мной лежит письмо неизвестной, которая не находит достаточно сильных выражений для выражения сочувствия Н.Н. Все в ужасе. Боятся, что она умрет, что она сойдет с ума. Вместо этого Н.Н. уже в апреле завела роман с Муравьевым-Святым: тем самым, который «разбил твой истукан» и был необычайно хорош собой. Впрочем, нас это не должно интересовать.

(Далее): приехавшая к Н.Н. старуха Карамзина пишет сыну (дать?), что в жизни вдовы будет еще много радостей. На этом, я полагаю, можно закончить обсуждение этой истории». <Сбоку>: *нужно*

Он (Вронский) знал очень хорошо, что в глазах <3> Бетси и всех светских людей *он не рисковал быть смешным* (курсив мой. — А.А.). Он знал очень хорошо, что в глазах этих лиц роль несчастного любовника девушки, и вообще свободной женщины может быть смешна, но роль человека, приставшего к женщине и во что бы то ни стало положившего свою жизнь на то, чтобы вовлечь ее в прелюбодеяние, что эта роль имеет что-то красивое, величественное и никогда не может быть смешна, и потому он с гордой, игравшей под его усами улыбкой опустил бинокль и посмотрел на кузину (Анна Каренина). Так было в 60-е годы — так было и в 30-ых. И Пушкин знал это, устами своей любимой героини он констатирует эту печальную истину

Теперь... что мой позор
 бы всеми был заметен
 И мог бы в обществе принести,
 Вам соблазнительную честь
 («Евг. Он. VIII гл.).

...Пушкин спас репутацию жены. Его завещание <4> хранить ее честь было свято выполнено. Но мы, отдаленные потомки, живущие во время, когда от пушкинского общества не осталось камня на камне, должны быть объективны. Мы имеем право смотреть на Наталию Ни-

колаевну как на сообщницу Геккернов в преддуэльной истории. Без ее активной помощи Геккерны были бы бессильны. Это, в сущности, говорит и Вяземский в письме к в<ел.> к<н.> Михаилу Павловичу...

<5> ...В сущности она <Наталия Николаевна> сделала только то, что ежедневно делают многие из наших блистательных дам, которых однако же из-за этого принимают не хуже прежнего; но она не так искусно *умела скрыть кокетство*... ...Почему Пушкин просто не запретил жене говорить с Дантесом, как он запретил просватанной Катерине? — Он, как confident, слишком знал, что с ней происходит, и просто боялся чего *угодно*...

<6> ...Дантес уверял Натали, что полюбил ее с первого взгляда. А что другое он мог ей говорить? И конечно, влюбленная женщина верила. ...

<7> ...Как выясняется из писем Дантеса, он говорил своему приемному отцу — ты. Это звучит, по крайней мере, неожиданно. В то время родителям (в особенности по-французски) говорили — вы. См., например, письмо Пушкина к Сергею Львовичу (дек. 1836). Это так недавно вынырнувшее *ты* окончательно решает вопрос о характере отношений между Геккерном и Дантесом...

<8> ...Истинную причину своего бешенства Пушкин исключил из окончательного текста письма, потому что

она серьезно компрометировала Наталию Николаевну («...представить ей гнусное повед<ение...> ...как жертву <ради> ее чести»). Слова эти целиком совпадают... с письмом Вяземского к вел. кн. Мих<аилу> Павл<овичу>: «Но часть общества захотела усмотреть в этой свадьбе подвиг высокого самоотвержения ради спасения чести г-жи Пушкиной. Но, конечно, это только плод досужей фантазии. Ничто ни в прошлом молодого человека, ни в его поведении относительно нее не допускает мысли ни о чем-либо подобном. Последствия это хорошо доказали, как ваше высочество ниже увидите. Во всяком случае, *это оскорбительное и неосновательное предположение дошло до сведения Пушкина и внесло новую тревогу в его душу*».

Как крепко держался Геккерн за эту версию, доказывается тем, что в письме к Нессельроде, когда уже все было кончено, т.е. после смерти Пушкина, посланник пишет: «...с тем высоконравственным чувством, которое заставляло моего сына закабалить себя на всю жизнь, чтобы спасти репутацию любимой женщины»...

АЛЕКСАНДРИНА

В январе <18>37 года, через несколько дней после венчания Д<антеса> и К<атерины>, как продолжение свадебных торжеств, состоялся парадный обед у графа Строганова (посаженого отца). После этого обеда посланник подошел к П<ушки>ну и предложил мировую. П<ушки>н сухо ответил, что не желает иметь никаких отношений между *своим домом* и г<осподи>ном Дантесом. По тогдашним нравам это был скандал невероятный⁺, и против этого надо было своевременно принимать меры. И, по-видимому, Г<еккер>н додумался тут же до следующей гнусности: Ах! вы нас на порог не пускаете, так мы и сами не хотим к вам идти, потому что у вас в доме творится безобразия. Вот отправная точка будущих разговоров о романе П<ушки>на с Александрой Николаевной. Поэтому не следует удивляться, что находящаяся под влиянием Дантеса София Карамзина впервые заметила на рауте у Мещерских (воскр<есе-

---

мерзавец, замешанный в истории анонимных писем.

⁺ Ср. <в письме>: «Он упорно заявляет, что никогда не позволит жене... принимать у себя замужнюю сестру». <Далее говорится, что это решение Пушкина> «приведет в движение все языки города» — пишет брату С.Н. Карамзина... (Карамзины. С. 148). Еще важнее, что в картели это буквально повторено и даже как бы составляет

ные>) все признаки этого преступного романа, причем из контекста следует, что Ал<ехандрина> влюблена все в того же Дантеса, а П<ушки>н ревнует. Очевидно, что-то было поручено как-то действовать Полетике (дочери Строганова), несомненно равнодушной к Дантесу (см. письмо К<арамзиной> к мужу) и заклятому врагу П<ушки>на. Эта Полетика <...>

В письме от 27 января 1837 года с изумлением читаем: «В воскресенье у Катрин (Е.Н. Мещерской. — А.А.) было большое собрание без танцев: Пушкины, Геккерны (которые продолжают разыгрывать свою сентиментальную комедию к удовольствию общества). Пушкин скрежещет зубами и принимает свое всегдашнее выражение тигра, Натали опускает глаза и краснеет под жарким и долгим взглядом своего зятя, — это начинает становиться чем-то бóльшим обыкновенной безнравственности; Катрин направляет на них обоих свой ревнивый лорнет, а чтобы ни одной из них не оставаться без своей роли в драме, Александрина по всем правилам кокетничает с Пушкиным, который серьезно в нее влюблен и если ревнует свою жену из принципа, то свояченицу — по чувству. В общем все это очень странно, и дядюшка Вяземский утверждает, что он закрывает свое лицо и отверщает его от дома Пушкиных)».

От всего этого за версту пахнет клеветой. Если Пушкин и Александрина в связи и живут в одном доме, зачем им демонстрировать свои преступные отношения? Как можно кокетничать с человеком, который от ярости скрежещет зубами, и т.д. и т.д.?

«Pacha à trois queues»* — так мило несколько раньше Дантес шутя называл трех сестер Гончаровых пушкин-

---

причину его отправки.

ким гаремом. А сестра Ольга Сергеевна писала отцу по поводу переезда Александры и Екатерины в дом Пушкина — «Александр представил меня своим женам — теперь у него их целых три». После того, как они (Геккерны) увели одну из жен, естественно, остались только две. Вот питательный бульон, в котором затем те, кого это устраивало, создали легенду о романе Пушкина с Alexandrine. Это ли не костяк сплетни о романе Пушкина с Александрой Гончаровой?

В сообщении Софии Николаевны поражают совершенно новые интонации, когда она передает свои впечатления от раута у Мещерских. Свойственные ей терпимость и легкомыслие почему-то впервые ее покидают, появляется какая-то сухость, твердость и совсем не женская ясность формулировок. Тут же как подпорка пригодился князь Петр (Вяземский) (через несколько часов он будет выть у постели умирающего Пушкина), который якобы закрывает лицо и отвертывается от дома *Пушкиных* (опять дом!). В отличие от характерного для Софии Николаевны стиля частных наблюдений («опускает глаза», «направляет... лорнет», «принимает... выражение тигра» и т.п.) здесь — обобщенная сентенция, повторение полученной «информации».

От кого же узнала С.Н., что Пушкин «серьезно влюблен» в Александрину и Наталию Николаевну ревнует «из принципа», а Александрину «по чувству»? Прошу сопоставить с этим, что заклятый враг Пушкина и приятельница Дантеса Идалия Полетика (о которой ниже) «напомнила» Трубецкому (в Одессе, когда им было уже по 70-ти лет), что и вся дуэль произошла из-за ревности Пушкина к Александрине и боязни, что Дантес увезет ее во Францию. Эта чудовищная неле-

пость, так возмутившая Щеголева, — несомненно версия Дантеса. Софи как завороченная повторила за Дантесом и даже сама не заметила, что она говорит. Очень скоро об этом заговорили бы (с подробностями из Декамерона) все кавалергарды⁺, на это намекали бы (поджимая губы и закатывая глаза) важные дамы в своих салонах. (Фраза в письме Софи: «Это превосходит обыкновенную (!) безнравственность» — прямо создана для такой ситуации.)

Обращаю внимание читателя на то, что во всей карамзинской переписке, кроме этого грязного обвинения, нет ни слова о романе Александрины и Пушкина. Ни при каких обстоятельствах ни сама Софи в откровеннейшем письме к брату, ни ее брат Александр Карамзин больше не говорят об этом.

И неужели, если бы Вяземский думал нечто подобное, он бы стал так надрываться в письмах к Эм. Мусиной-Пушкиной?

Письмо С. Карамзиной еще примечательно тем, что оно написано в день и час дуэли Пушкина. Об этом пишет сама С. Карамзина в следующем письме (30 янв.): «А я-то так легкомысленно говорила тебе об этой горестной драме в прошлую среду, в тот день, в тот самый час, когда совершалась ужасная ее развязка». И затем она описывает все случившееся, но уже не под диктовку Геккерна-Дантеса (как в среду), а со слов Вяземского или Жуковского. Поэтому там нет ни слова, нам раньше неизвестного. Когда Карамзины пишут о Наталии Николаевне после смерти Пушкина, никто из них ни слова не

* Трехбунчужный паша (фр.).

⁺ Для современного читателя напомним, что кавалергарды были первым полком, несли службу во дворце, и офицерами этого полка могли

упоминает об Ал., и только однажды сообщается, что Натали очень рада, что сестра едет вместе с ней.

Щеголев не знал карамзинской переписки, но, прочитав примерно то же в воспоминаниях Трубецкого, восклицает — «каждое слово ошибка!» Щеголев прав. Но тут дело в том, что у Софии Николаевны и у Трубецкого был один и тот же источник. А источник этот Дантес. Это он внушил С.Н. и Трубецкому версию романа Пушкина с Александринной. Кроме его голоса нет ничего в мемориях Трубецкого. Кавалергарды были так же загипнотизированы Дантесом, как молодежь карамзинско-вяземского кружка (*bande joyeuse*).

Полагаю, что из трех открытых мною «адских махинаций» голландского посланника барона Геккерена последнюю — т<ак> н<азываемое> объявление Пушкина главной тайного общества реформ — легче всего просмотреть. Сейчас выяснилась и вторая: историю о связи П<ушки>на с Ал<ександринной> пустили Гек<керены> с помощью Полетики.

Щеголев недооценил мемуары Трубецкого. Все, что там сообщено, говорит не Трубецкой, а сам Дантес (и отчасти Полетика, что все равно), так же както, что говорит и сообщает Данзас, — это не Данзас, а сам Пушкин. Только от самого Дантеса Трубецкой узнал, что Пушкин дрался не за жену, а за *belle-soeur*; это должно было обелить «бедного Жоржа» и втоптать в грязь Пушкина, обесчестившего порученную ему матерью молодую девушку, а также отомстить за ноябрьское письмо Пушкина, где содержался намек на порочные отношения Дантеса и Геккерена («ваш *bâtard* или называемый так»).

Все, что диктует Трубецкой в Павловске на даче, — голос Дантеса, подкрепленный одесскими напоминаниями Полетики. Трубецкой ни Пушкина, ни его писем, ни

сочинений о нем не читал. Он по серости своей свято поверил фольклорной истории с углем, лампой, свечкой, печкой и т.д. Дантес казался ему идеалом остроумия, изящества, умения вести себя с женщинами, одним словом, — он был так же влюблен в Дантеса, как вся карамзинская *bande joyeuse*, что между прочим не ускользнуло от внимания его высокой покровительницы летом 1836 (см. Э.Г. Герштейн: «Новый мир». 1962. № 2).

Таким образом, воспоминания Трубецкого из маразмического бормотания, которое так возмущало Щеголева, превращаются в документ первостатейной важности: это единственная и настоящая запись версии самого Дантеса.

Очевидно, распространение этой версии было поручено также Полетике⁺ — дочери Строганова, несомненно равнодушной к Дантесу (Катерина пишет мужу о том, как Идалия рыдала, узнав об его отъезде), и заклятому врагу Пушкина. И Полетика всю свою жизнь действовала в этом направлении. Она так люто ненавидела Пушкина, что в 1889 году называла его извергом, рифмоплетом и т.п. Очевидно, таково было отношение к Пушкину всего строгановского дома, к которому она принадлежала. С Коко она сохранила хорошие отношения и давала в письмах «не дамские» сведения в Сульц, где жили Дантес и Екатерина, о материальных и литературных делах Пушкина, злорадно писала о тираже посмертного издания, якобы не оправдавшего надежд, и т.д.

Сравним сведения Геккерна о каком-то анонимном январском письме, о котором мы больше ничего не зна-

---

быть только сыновья знатнейших и богатейших семей.

⁺ Об этой даме говорить сложно и трудно. К карамзинско-вяземской *bande joyeuse* она не принадлежала, муж ее был другом и полковым товарищем Дантеса, она была лучшей подругой Наталии Ни-

ем, и то же в рассказе Полетики, — многозначительное совпадение: Арапова, очевидно, с ее слов утверждает, что под окном во время свидания Наталии Николаевны с Дантесом, якобы происходившего в квартире Полетики в январе 1837 года, сторожил Ланской, который в действительности был не то в Ростове, не то в Воронеже. Надо думать, что этого свидания никогда не было, а то бы мы знали о нем и из других источников.

Щеголев допускает, что всю историю романа Пушкина с Александриной выдумала Арапова, дочь Наталии Николаевны от Ланского, — для симметрии и для оправдания поведения Наталии Николаевны. По-моему, воспользовалась, а не выдумала. Эту версию, выдуманную Геккернами, вырастила и пестовала до своего последнего дыхания Идалия Полетика. Она не уставала вдабливать свою бесстыдную сплетню полоумному Трубецкому в Одессе (о чем он, к счастью, сам сказал своим слушателям на даче в Павловске)⁺. Она говорила В.Ф. Вяземской, что Александрина «призналась» ей, она везде тут как тут.

Геккерн и Полетика были людьми своего времени и круга и твердо знали, что ничто в глазах света не могло так запачкать и совершенно уничтожить Пушкина, как такая сплетня⁺⁺. Недаром Трубецкой пишет о романе

колаевны, но среди бывших с ней в январские дни не перечислена.

⁺ «Не так давно в Одессе умерла Полетика... с которой я часто вспоминал этот эпизод, и он совершенно свеж в моей памяти» (Щеголев. С. 355).

⁺⁺ Но наступила другая эпоха — и Бартенев (в старости), а за ним П.Е. Щеголев, раскопав измышления Полетики, с легкостью им поверили, я уж не говорю о современных читателях XX века. Те просто в восторге: «Ах, она его лучше понимала, она любила его стихи». Только и слышишь — как будто это такая редкость или заслуга — лю-

Пушкина и Александрины: «Об них <причинах смертельной дуэли> в печати вообще не упоминается, быть может, потому что *они набрасывают тень* на человека, имя которого так дорого для нас, русских». Он еще помнит, а Щеголев уже не помнит и не понимает неприличие и чудовищность этого обвинения, а затем уже все с умилением пересказывают эту «легенду» и пишут стишки *подруге поэта*.

Итак, дернув неприметную ниточку (Александрина), мы вытянули нечто ужасное и отвратительное, то есть то, что случилось бы, если бы дуэль 27 января почему-нибудь не состоялась. В моей работе доказано, что к услугам дипломата для выпуска в свет любой сплетни был весь кавалергардский полк (причем господа офицеры были согласны повторять даже последние новости из Декамерона)⁺, по крайней мере, два петербургских салона — Нессельроде и Бобринской — и, как это ни горько констатировать, молодежь обоих дружеских Пушкину домов — Вяземские и Карамзины. Напомню, что С.Н. Карамзина и после смерти Пушкина не перестает твердить — только бы с Дантесом ничего не случилось. Что говорил сам поэт, уже никого не интересовало. Он был уже «почти смешон» (слова Александра Карамзина в письме к брату Андрею) и стал бы немедленно и преступен. Ни в чем не повинную Александру Николаевну надо было бы увезти на вечное девство к мамаше в деревню, а один из братьев Гончаровых должен был бы при общем сочувствии Петербурга убить на дуэли Пушки-

---

бить стихи Пушкина.

⁺ Выше я уже упоминала новеллу мирового фольклора, приспособленную к семейной трагедии Пушкина и резво рассказанную Тру-

на, обесчестившего его сестру, жившую в доме Пушкина и доверенную ему матью.

Такая связь рассматривалась тогда как инцест, и трудно себе представить, кому показалось возможным привлечь как улику слова отца Пушкина Сергея Львовича о том, что Александрина больше огорчена, чем вдова.

Неужели отец Пушкина мог сказать что-нибудь позорящее память своего только что погибшего сына? Он просто сказал (и хотел сказать), что чужой человек, видевший этот ужас, более расстроен, чем вдова, которая не только своего свекра, но и всех поражала своим удивительным бездушием. Узнав о смерти Александра Сергеевича, старик долго не верил, когда же его убедили, что это правда, сказал: «Мне остается просить Бога не отнимать у меня память, чтоб я не забыл его».

Можно с уверенностью сказать, что сплетни о связи Пушкина в то время не существовало, иначе Александрина не могла бы стать фрейлиной в 1839 году.

Кроме того, забывают об одном лице, близко стоящем к этому «делу», — о Наталии Николаевне Пушкиной.

При известной ее ревности (см. письма Пушкина) неужели она совершенно безропотно и абсолютно незаметно для постороннего глаза сносила бы скандальный роман мужа и сестры — тут же в доме?

Дантеса, однако, она так ревновала, что это видел весь светский Петербург, и, по словам Софи Карамзиной, чуть не задыхалась, говоря о свадьбе Екатерины, не хотела переписываться с сестрой, и даже не имела ее портрета в своем доме, а Александрина навсегда осталась для нее самым милым, верным и нежным другом. Если же верить измышлениям Араповой, Наталия Николаевна даже обсуждала в 1852 году с сестрой, как луч-

ше поставить в известность жениха Фризенгофа о связи сестры с ее мужем⁺.

Что же касается остальных трех доказательств этой «преступной связи», то они так же эфемерны. В.Ф. Вяземской, достигшей к этому времени 80 лет, мы совсем не обязаны верить. Она, конечно, была озабочена лишь тем, чтобы снять всякое обвинение с себя (ведь ей Пушкин сказал о дуэли) и с своего дома. Второе — предсвадебная исповедь Александрины жениху — Фризенгофу, о чем повествует та же Арапова, после чего он якобы стал плохо относиться к памяти Пушкина, — вещь просто смехотворная. Последнее — не то крестик, найденный прислугой на пушкинском диване, не то цепочка, которую, умирая, Пушкин велел отдать Александрине⁺⁺ — может быть объяснено мотивами совершенно особого характера. Ведь Пушкин сказал Александрине (как единственному взрослому человеку в доме), что едет на дуэль; и она не могла не дать крестик, а он оставил этот крестик дома и перед смертью велел ей его вернуть. Откровенья няньки, надеюсь, можно не обсуждать, тем более, что это несомненно все тот же крестик, про который пушкинская прислуга могла услышать. Что же касается нежелания Пушкина проститься перед смертью с Азей, то оно вовсе не свидетельствует о связи, а наобо-

---

бецким со слов самого Дантеса.

⁺ В своих бредовых мемуарах Арапова сообщает изумленному читателю, что перед свадьбой Ал. сестрицы долго совещались, как ловчее сообщить жениху, что невеста не девица и что ее любовником был Пушкин.

⁺⁺ Говорят, эта цепочка до последнего времени украшала собой дом Фризенгофов. Неужели после этого открытия можно серьезно говорить о том, что она была доказательством преступной связи самой

рот, потому что иначе он, зная, что умирает, вероятно, захотел бы попросить у нее прощения.

Мне кажется более вероятным, что Пушкин знал, что А1. играла в его доме ту же роль, что и Екатерина Николаевна летом 1836 года.

Отчего Пушкин так ненавидел Екатерину Гончарову, что даже осрамил ее в ноябрьском письме? Скорее всего оттого, что он знал, как, впрочем, и все кругом, о ее роли в начальной стадии дантесовской истории⁺.

Почему Пушкин категорически отказался прощаться с Александриней? Вероятно, потому же. Александрина не могла не стать confidentкой, а следственно, и помощницей своей младшей сестры. Влюбленной Наталии Николаевне нужен кто-то для разных мелких услуг. Ближе и вернее всех была А1. Могла же она с удовлетворением записать в дневнике в 18... г., что Наталия Николаевна гуляла с Дантесом по ее парку и совершенно помирилась с ним. И эта ее страшная австрийская запись (уже более чем зрелой женщины) не продолжение ли ее петербургской деятельности? Если она тогда не понимала все неприличие такой записи, что она понимала в 1836 году, когда она, как и прочие члены *bande joyeuse*, была под обаянием и гипнозом Дантеса?

Вспомним конспектные записки Жуковского о поведении Дантеса с Екатериной: «При Тетке ласка к жене; при Александрине и других, кои могли бы рассказать, *des brusqueries*»⁺⁺. Дантесу нужно было, чтобы кто-то

---

châtelaine <владелицы замка> со своим зятем.

⁺ Летом 1836 года Коко (Екат. Ник.), влюбленная в Дантеса, способствовала встречам Наталии Николаевны и Дантеса, чтобы видеть его (Щеголев. С. 72).

^{*} Грубость (фр.).

рассказывал Наталии Николаевне о грубости его с женой, якобы свидетельствующей о великой страсти к самой Наталии Николаевне. И Александрина ходила к Дантесам, и, возвращаясь, говорила, что Дантес чуть не бьет Коко, и госпожа Пушкина была в восторге — значит он меня действительно любит, значит это в самом деле *grande et sublime passion*.

Когда исследователи начинают говорить об Александрине, то почему-то неизбежно впадают в ханжеский умиленный тон и забывают, что она была одной из разряженных (с осиной талией) сестер Гончаровых, которых Жуковский называет овечками, на которых облизывается Дантес, член *bande*, так что непрерывно находилась в обстановке, враждебной Пушкину⁺.

Из всего следует, что А1. выезжала в свет вместе со своими сестрами, а не занималась хозяйством и детьми⁺⁺. Однако созданному Араповой образу скромной, умной и доброй некрасивой девушки очень повезло. Никому дела нет, что та же Арапова дальше изображает тетку ведьмой, истеричкой и домашним тираном (которая запрещала Наталии Николаевне ездить кататься с Ланским). Читатель уже поверил, и это навсегда. Цитата окаменела. Ее и сейчас повторяют все. Ни из чего не следует, что Александрина была пушкинской партии. Это от-

⁺⁺ См. конспективные записки Жуковского (Щеголев С. 308).

⁺ См. также у Карамзиных — флирт с А. Россетом (Карамзины. С. 120.) Я (может быть, слишком смело) сопоставляю это с араповским изображением семейной жизни Дантесов, где Екат. Ник. страдает оттого, что ее муж любит Наталию Николаевну. Делаю я так потому, что источником Араповой была вернее всего та же Александрина.

⁺⁺ См. письмо Пушкина Бобринскому, где Александр Сергеевич просит объяснить, которую из его невесток он приглашает на бал,

носится и к ее тетке К.И. Загряжской⁺. И та и другая были партии Наталии Николаевны, что совсем не одно и то же. Как известно, в воспоминаниях Араповой нет ни одного доброго слова о Пушкине.

Откуда же шла эта подозрительная информация? От Наталии Николаевны? Но она умерла в 1863 году, когда Араповой было 18 лет. Какая мать, да еще такая ханжа, как Наталия Николаевна, рассказала бы своей 18-летней дочери сцену возвращения Пушкина под утро от «Амалии» и историю ухаживания Дантеса, который всюду возникал перед *тремя* восхищенными Гончаровыми.

Здесь дело не обошлось без Александрины, с которой Арапова встречалась уже за границей.

По Араповой, Пушкин — какой-то промотавшийся неудачник, грубиян, вульгарный развратник («Опять был у Амалии»), дурной муж мученицы, страдальцы и жертвы⁺⁺. Араповой даже в голову не пришло заглянуть хотя

чтобы восстановить мир в семье.

⁺ Катерина Ивановна Загряжская — кузина Строганова, сестра тещи Пушкина Наталии Ивановны Гончаровой, тоже, как известно, не благоволившей к поэту. До сих пор вопрос об ее отношении к Пушкину не обсуждался, но считалось, что она скорее дружественна к Пушкину (он не забывает письменно целовать ее ручки, и т.д.). Это ни из чего не следует. Она одевала к венцу Коко (см. Карамзины. С. 159), она была на Мойке в часы агонии поэта и не вошла в кабинет (*очень важно*). Но во всяком случае можно утверждать, что она не была геккерновской партии (см. в письме Геккерна к Дантесу о том, что он запретил Коко писать тетке и вообще ее характеристику). Она была ни за Дантеса, ни за Пушкина, она охраняла интересы Наталии Николаевны. Очень похоже, что Александрина поступала точно так же <...>

Люди видят то, что хотят видеть, и слышат то, что хотят слышать.

⁺⁺ Покойная М.Г. Соломина говорила мне в 1924 году, что встречалась в «свете» с Араповой и та охотно повествовала, как ее мать

бы в нежные, заботливые и изящнейшие письма Пушкина к жене. Этот образ до нее донесли собственная мамаша, Александра Николаевна Гончарова и, вероятно, Полетика.

Дантес, наоборот, сервирован роскошно: его приезд, бедность, болезнь в гостинице, встреча с вельможей, который поражен красотой и прелестью юноши, их дружба... Любовь молодого кавалергарда — единственная, возвышенная, на всю жизнь. Боюсь, что здесь тоже дело не обошлось без Наталии Николаевны, Полетики и тети Ази (напомню, что для Араповой Дантес был таким же дядей, как для детей Пушкиных, и тон ее писаний ничем не отличается от биографии Дантеса, составленной родным внуком Дантеса — Метманом).

И ничто в последующей жизни Ал<ександры> Ник<олаевны> не подтверждает эту легенду. Никакой тени культа Пушкина, никакого хранения памяти о нем; зато можно без особого напряжения проследить ее добрые отношения с «домом Дантеса».

I. Воспитанные ею сыновья (Александр и Григорий Пушкины) ездили в Сульц к дяде Жоржу, как сообщает нам внук убийцы Пушкина — Метман. Где выслушивали рассказы дяди о его русских приключениях, что мы узнали от Араповой, которую это тоже ничуть не шокировало. Девочки Пушкины, тоже питомицы Александрины, переписываются со своими эльзасскими кузинами.

II. В письме (якобы возмущившем Н.Н.) Ал<ександра> Ник<олаевна> описывает обед у Геккернстаршего в Вене (уж его-то роль в пушкинской истории она не могла не знать). У нее Арапова познакомилась с дочерью Дантеса — графиней де Вандаль и любовалась браслетом, подаренным Коко на свадьбу.

III. Сам Дантес бывал у Фризенгоф в имении под Веной, и она с удовлетворением записала в дневнике, что он встретился там с Н.Н., весь день гулял с ней по парку и совершенно помирился.

IV. Она же всю жизнь хранила легенду о *grande et sublime passion* Дантеса к ее младшей сестре⁺.

<1962>

<НАБРОСКИ 1964–65 ГОДОВ>

I

I. Библиотека Пушкина и Александра Гончарова.

II. Портрет «дяди Жоржа» у Александрины.

III. Чашка — подарок Ази. Бекеша.

II

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Никакого культа Пушкина после его смерти в доме вдовы не было. Наоборот. Н.Н. было, по-видимому, тяжело все связанное с А.С. Но почему хозяйственная Александрина не проявила ни малейшей заботы о библиотеке и бекеше (хотя бы для детей)?

Недавно мне довелось прочесть письма Александрины к брату Дмитрию. В них, по правде сказать, кроме упорных требований денег, ничего не содержится. Однако из 1-го следует, что Александрина выезжала в свет со своей сестрой Екатериной, а из 10-го, что она несомненно была в *bande joyeuse* и таким образом находилась

(Н.Н. Ланская) была более счастлива во втором браке, чем в первом.

⁺ Н.Н. была, по-видимому, охотницей до этого ампула, пот <о-му> что, умирая, убеждала своего старика Ланского, что он немедлен-

под обаянием Дантеса, как и все прочие. Имя Пушкина в этих письмах отсутствует, Ланскому — приветы. В общем, все как и должно быть.

III

К тому, что воспитанные Александринной мальчики Пушкины ездили в гости к Дантесу («Oncle George a tué papa»)*, а девочки переписывались со своими кузинами, что Александрина, живя в генеральском доме Ланских, не соблаговолила поберечь библиотеку поэта: оказывается, что в ее письмах к брату Пушкин вообще ни разу не упоминается, ни живой, ни мертвый, а о Ланском она что-то пишет (в связи с продажей его лошади).

IV

В замке у Александрины в столовой до самой войны 1940 года висел портрет Дантеса. Для меня лично этого было бы достаточно, чтобы доказать, что она никогда не любила Пушкина. Автор работы Раевский пытается объяснить отсутствие пушкинского портрета в доме его belle-soeur ревностью хозяина дома Фризенгофа. (Чувство, очевидно, унаследованное его дочерью, которой было, очевидно, объяснено, что мамаша занималась кровосмешением). Не думаю, что было многим приличнее повесить портреты обоих — и убийцы, и жертвы. Да и так ли нужно было обвешиваться портретами родственников? Н.Н., например, никогда не имела портрета покойной сестры (в сущности так трагически погибшей), потому что она никогда не могла ей простить победу над Дантесом.

но последует за ней, от чего он благоразумно воздерживался 14 лет.

Несомненно, этот портрет в столовой — это остаток того культа Дантеса, о котором я говорю в начале моей статьи, и он должен был напоминать хозяйке дома те «счастливые времена», когда красивый кавалергард всюду появлялся перед тремя восхищенными Гончаровыми (см. воспоминания Араповой).

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА РАДИОМИТИНГЕ
В г. ПУШКИНЕ 11 ИЮНЯ 1944 ГОДА**

Мы празднуем светлую годовщину дня рождения великого Поэта. Мы празднуем ее в том месте, про которое сам Пушкин сказал: «Отечество нам — Царское Село» — и в том году, который принес долгожданное освобождение городу Поэта. Пушкин всегда считал царскосельские парки достойным памятником военной славы <России> и в целом ряде стихотворений говорит об этом. Для него навсегда остались священными царскосельские «хранительные сени». Такими же они будут и для нас.

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

<ПУШКИН И ДЕТИ>

Хотя П<ушки>н сам меньше всего представлял себя «детским писателем»⁺, как теперь принято выражаться, хотя его сказки вовсе не [обращены] созданы для детей и знамен<итое> «Вступл<ение> к “Руслану”» тоже не обращено к детскому воображению, этим произведениям волею судеб было суждено сыграть роль моста между величайшим гением России и детьми.

Нет и не было ни одной говорящей по-русски семьи, где дети могли бы вспомнить, когда они в первый раз слышали это имя и видели этот портрет.

Но все мы бесчисленное количество раз слышали от 3-летн<их> исполнителей «Кота ученого» и «Ткачиху с поварихой» и видели, как розовый пальчик тянулся к портрету в детской книге: и это называлось «дядя Пускин»⁺⁺.

---

* «Дядя Жорж убил папу» (фр.).

⁺ Когда П<ушки>на попросили написать что-нибудь для детей, он пришел в столь свойственную ему ярость. (Цитата): <«Батюшка, Ваше сиятельство! побойтесь Бога: я ни Львову, ни Очкину, ни детям — ни сват, ни брат. Зачем мне sot-действовать «Детскому журналу»? уж и так говорят, что я в детство впадаю». — Из письма Пушкина к В.Ф. Одоевскому. Декабрь, 1836 г. «Sot-действовать» — каламбурное обыгрывание французского слова sot — глупый>.

⁺⁺ «Конька-Горбунка» Ершова тоже все знают и любят. Однако

В 1937, в юбилейные дни соответственная комиссия постановила снять неудачный памятник Пушкину в темноватом сквере на Пушкинской улице в Ленинграде⁺. Послали грузовик, кран — вообще все, что полагается в таких случаях. Но затем произошло нечто беспрецедентное. Дети, игравшие в сквере вокруг памятника, подняли такой вой, что пришлось позвонить куда следует и спросить: «Как быть?» — Ответили: «Оставьте им памятник» — грузовик уехал пустой.

Февраль 37 — [полный] расцвет ежевичины. Можно с полной уверенностью сказать, что у доброй половины этих малышей уже не было пап (а у многих и мам), но охранять дядю Пушкина они считали своей священной обязанностью.

я никогда не слышала «дядя Ершов». А вы?

⁺ Поставленный в <1884> году в той части города, кот<орой>

СЛОВО О ПУШКИНЕ

Мой предшественник П.Е. Щеголев кончает свой труд о дуэли и смерти Пушкина рядом соображений, почему высший свет, его представители ненавидели поэта и извергли его, как инородное тело, из своей среды. Теперь настало время вывернуть эту проблему наизнанку и громко сказать не о том, что они сделали с ним, а о том, что он сделал с ними.

После этого океана грязи, измен, лжи, равнодушия друзей и просто глупости полетик и неполетик, родственничков Строгановых, идиотов-кавалергардов, сделавших из дантесовской истории *une affaire de régiment*^{*}, ханжеских салонов Нессельроде и пр., высочайшего двора, заглядывавшего во все замочные скважины, величавых тайных советников — членов Государственного совета, не постеснявшихся установить тайный полицейский надзор над гениальным поэтом, — после всего этого как торжественно и прекрасно увидеть, как этот чопорный, бессердечный («свинский», как говаривал сам Александр Сергеевич) и уж, конечно, безграмотный Петербург стал свидетелем того, что, услышав роковую весть, тысячи

еще не существовало в пушкинское время.

людей бросились к дому поэта и навсегда вместе со всей Россией там остались.

«*Il faut que j'arrange ma maison*»*, — сказал умирающий Пушкин.

Через два дня его дом стал святыней для его Родины, и более полной, более лучезарной победы свет не видел.

Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской. Все красавицы, фрейлины, хозяйки салонов, кавалерственные дамы, члены высочайшего двора, министры, аншефы и неаншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками, а затем просто опочили в картотеках и именных указателях (с перевернутыми датами рождения и смерти) пушкинских изданий. Он победил и время и пространство. Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург. И это уже к литературе прямого отношения не имеет, это что-то совсем другое. В дворцовых залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные тени изгнаны оттуда навсегда. Про их великолепные дворцы и особняки говорят: здесь бывал Пушкин — или: здесь не бывал Пушкин. Все остальное никому не интересно. Государь император Николай Павлович в белых лосинах очень величественно красуется на стене Пушкинского музея; рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там появляется магическое слово «Пушкин», и, что самое для них страшное, — они могли бы услышать от поэта:

За меня не будете в ответе,
Можете пока спокойно спать.

---

* Вопрос чести полка (фр.).

Сила — право, только ваши дети
За меня вас будут проклинять.

И напрасно люди думают, что десятки рукотворных
памятников могут заменить тот один нерукотворный аеге
perennius* .

26 мая 1961

Комарово

---

* Мне надо привести в порядок мой дом (фр.).

ЛЕРМОНТОВ

ВСЕ БЫЛО ПОДВЛАСТНО ЕМУ

Когда в 1927 г. <...> я была в Кисловодске, все вокруг меня читали Лермонтова. Казалось, самый воздух был пропитан его стихами. Много позже я пыталась передать это странное ощущение в [стихах] четверостишии о Демоне: «И расскажет ветер блаженный то, что Лермонтов не допел».

Не знаю, как теперь, но тогда все было полно им. Все перечитывали его, все думали о нем. О нем просто невозможно не думать там... И Лермонтов (цитата).

<Здесь Пушкина изгнание началось
И Лермонтова кончилось изгнание.
Здесь горных трав легко благоухание,
И только раз мне видеть удалось
У озера, в густой тени чинары,
В тот предвечерний и жестокий час —
Сияние неутоленных глаз
Бессмертного любовника Тамары>.

Это странное загадочное существо — царскосельский гусар, живший на Колпинской улице и ездивший в Петербург верхом, потому что бабушке казалась опасной железная дорога, а не казался опасным переезд Крестовый, не увидавший ни царскосельских парков

с их Растреллиями, Камеронами и фаух-готикой* и бессмертным лебедем, [но] зато заметивший, что:

Под луной кремнистый путь блестит⁺.

Оставивший без внимания впервые бившие при нем петергофские <фонтаны>, чтобы, глядя на Маркизову Лужу, произнести:

Белеет парус одинокой.

М.б., много не слышав <ший>, но твердо запомнив <ший>, что:

[Звезда с звездой говорит]

Пела русалка, и звук ее слов

Долетал до крутых берегов.

Так долго писавший подражательные Пушкин <ину> и Байрон <у> стихи и вдруг начавший писать нечто такое, где он никому не подражает, зато всем уже 150 лет <ет> хочется ему подражать, но совершенно очевидно, что это невозможно, потому что он владеет тем, что актеры называют сотая интонация.

Слово слушается его, как змея заклинателя: от почти площадной эпиграммы до молитвы, а его строки не имеют себе равных ни в одной из поэзий мира, со всеми их ошибками и неточностями. Это так неожиданно, так просто и так бездонно:

Есть речи — значение темно иль ничтожно,

Но им без волнения

Внимать невозможно.

И «Маскарад» до наших дней — украшение репертуара драмтеатров, Я уже не говорю о его прозе. Здесь

* Крепче меди (лат.).

* Псевдоготикой.

⁺ (где поручик Л <ермонто>в за свою ледяную храбрость был

он обогнал сам себя на 100 л<ет> и в каждой новой вещи разрушает миф о том, что проза — достояние лишь зрелого возраста.

Этот молодой челов<ек> умер с репутацией злого насмешника, хотя не он ли в 1829 г. [т.е. в 15 лет,] написал следующие простые добрые, трогательные и совсем не детские, несмотря на 15 л<ет>, слова о дружбе:

Я думал: в свете нет друзей!
 Нет дружбы нежно-постоянной,
 И бескорыстной, и простой;
 Но ты явился, гость незванный,
 И вновь мне возвратил покой!
 С тобою чувствами [делясь] сливаюсь,
 В речах веселых счастье пью...

и еще резче:

Готов на все для твоего спасенья!
 Я так клялся...

После смерти поэта имя его и биография были окружены каким-то милым сердцу мещан сумраком, чтобы из-за неожидан<ной> находки оказаться идеальным другом.

В наши дни, когда стихи стали так милы и так нужны людям, пусть мысли читателей с благодарностью обратятся к тому, кто оставил нам как потомкам эти чудеса, — которые называют стихами М. Лермонтова.

Он никогда бы не кончил «Демона». Он сам был одержим демоном. Он искал бы все новые и новые формы для воплощения этого образа, как Врубель, чьи первые наброски Демона просто исходят от автопортрета художника.

ЗАМЕТКА НА ПОЛЯХ

Я уезжала из СССР в самый разгар лермонтовских торжеств, и когда в последние дни шекспировского и лермонтовского 1964 года вернулась на Родину, меня ждал очень приятный сюрприз — наконец-то вышла в свет книга Эммы Герштейн «Судьба Лермонтова». Я читала эту книгу с карандашом в руках, потому что мой интерес к Лермонтову граничит с наваждением. И вот я собрала часть моих заметок, которые ни в какой мере не претендуют на научную критику, но, смею надеяться, отразят чувства и мысли многих читателей этой замечательной книги.

А она не только замечательная, но и нужная нам всем. В ней очень твердо доказаны вещи, которым нельзя не радоваться, — даже когда они печальны или страшны, потому что они несут в себе то, что жаждут наши души, то есть истину.

Лермонтов уже давно стилизован — кинжал, Тамара, бурка, бретерство... Эмма Герштейн отходит от этой стилизации и совсем свободно и просто рассказывает о живом — спорящем, думающем, страдающем — человеке, который не перестает от этого быть великим поэтом.

Во всей книге остро соблюдается принцип критического отбора мемуарного наследия. Книга — меньше всего перечисление фактов (пусть новых), что так часто, к сожалению, мы встречаем в литературоведении. Если вводится новый персонаж или новый материал, это всегда служит для характеристики действующего лица в описываемой драме. (А ведь каждая глава книги — драматургическое построение. Да и вся книга, — несомненно, художественная литература.)

Известно, например, что последние недели жизни Лермонтов проводил в Пятигорске в обществе князя Голицына. Тут иной литературовед занялся бы печальной отраслью науки, которую шутя называют «Голицыноведением» (их, Голицыных, как мужчин, так и дам, было видимо-невидимо). Э. Герштейн идет другим путем. Вместо того чтобы узнавать, кто с кем в родстве, она, скрупулезно используя архивные документы, создает живой портрет. Таковы сведения о князе В.С. Голицыне, который не только слыл при дворе Александра I опытным донжуаном, но впоследствии был прекрасным боевым офицером, ермоловцем. Это он представлял Лермонтова к «золотому оружию», и он первый описал страшную картину убийства Лермонтова. Герштейн правильно говорит, что нет никаких оснований подвергать сомнению достоверность его рассказа.

Мне как пушкинисту были особенно интересны новые наблюдения Эммы Герштейн над тем, как претворялись в поздней поэзии Лермонтова стихи Пушкина. Так, в стихотворениях «Оправдание» и «Сон» как подтекст звучит тема Ленского.

Блестящи доказательства Э. Герштейн, когда она дает новую датировку «Валерика» и «Пленного рыца-

ря», причисляя эти шедевры лермонтовского гения к предсмертному циклу.

Никем до Герштейн не было замечено, что «гусарские» стихи Лермонтова («Послание к Н.И. Бухарову», некоторые строфы «Тамбовской казначейши») восходят к рукописной «Моей родословной» и «Езерскому», напечатанному в «Современнике» при жизни Пушкина. Таким образом, сочувствие поэту в лейб-гусарском полку устанавливается исследовательницей не по родственным или дружеским связям гусаров, а по откликам в стихах Лермонтова.

Проникая в психологию творчества поэта, автор делает это очень тактично. Как неприятно бывает, когда в результате глубокомысленных рассуждений критика поэт неожиданно для себя узнает, что в таком-то своем стихотворении он хотел сказать такое, о чем никогда и не помышлял. Потому что, бывает, поэт пишет и сам не знает, что побудило его, а впоследствии уже обнаруживаются многочисленные подтверждения жизненности созданного образа. Как нельзя более кстати звучит это по отношению к Лермонтову. В этом одно из проявлений его колдовства.

С некоторою опаской отнеслась я только к заявлению Герштейн, что у Вяземского «уход в свободный, непринужденный эпистолярный жанр сопровождался... оскудением его поэтической деятельности». Кто знает, чем объясняется изобилие или оскудение деятельности поэта?

Я бы очень советовала читателям этой книги заглянуть в примечания. В них скрыта огромная исследовательская работа. Обилие в книге впервые публикуемых архивных документов не мешает легкости чтения. Не

мешает этому и густота мыслей. Книга все время «пружинит». Интерес читателя поддерживается не нарочитой популяризацией, а страстью исследователя, изяществом и строгостью прозы, цельностью сюжета.

**<ИЗ НАБРОСКОВ
К СТАТЬЕ «ЗАМЕТКА НА ПОЛЯХ»>**

1. Дошедшие до нас воспоминания о Лермонтове принадлежат людям, мало его знавшим (стр. 6). (Золотые слова.) Главное в современном литературоведении.

2. Впервые (о «западниках» и «славянофилах») намечается промежуточный период, когда Лермонтов жил вне западников и славянофилов. Про эпиграммы (стр. 15).

<...> Э. Г<ерштейн> доказа<ла>, что так же существенно [был связан с лерм<онтовской> трагедией А.Н. Г<олицын>] важны сведения другого Голицына (А.Н.), пот<ому> что он был не просто директор почт<ового> департ<амента>, но ближайший сов<етник> Ник<олая> I. (Поэтому его сравнение двух дуэлей⁺ получает особый смысл.)

До этой <книги> не было [известно] никем замечено, что

I. *Гусарские стихи* [в кот<орых>] Пушкин (Бух<аров>) Характ<еристика> и значение позднего подражания Л<ермонтов>а П<ушки>ну.

представлен к ордену).

⁺ Текст авторского примечания отсутствует.

Для меня как для пушкинистки очень интересно наблюдение Э. Г<ерштейн> по поводу «гусарских» стихов Лерм<онтова>. («Посл<ание> к Бухарову», неко<торы> строфы «Тамб<овской> казначейши».)

Т.о., идейная сочувствующая среда Лерм<онтова> устана<вливается> не по родственным или служебным связям, а по откликам его творчества.

Разрушение представления о дуэлях как о конце чуть ли не каждого вечера. (Подробное и обстоя<ельное>, приме<ры>, Лагрэнэ, Соллогуб.)

С Барантом — Лерм<онтов> ничуть не задира (см. ...), м.б., и с Мартыновым было так же.

Дуэли

Современному читателю под влиянием специфической литературы <...> (в «Ист<орическом> вест<нике>») конца 19 в. и начала 20-ого («Поединок» Куприна) свойственно представлять себе лермонтовское время как расцвет эпохи дуэлей. Э. Г<ерштейн> разрушает эту легенду, подобрав много убедительных примеров нарушения дуэльного кодекса и даже пародийной трактовки поединков («Большой свет» Сол<логуба>).

Да и при П<ушки>не дуэли были не так часты и постоянно удавалось улаживать [позд<нее?>] ссоры, а не доводить их до барьера. (Напр<имер>, несколько таинственное столкновење Пушкина с Лагрэнэ (1828) и вплоть до отказа от дуэли с Дантесом в ноябре 1836 ...). [Не менее убедительны и доказательства Э. Г<ерштейн>, когда она [касается] дает новую датировку «Валерика» и «Пленного рыцаря» и рассматривает их в предсмертном цикле.

Из этого следует, что не всегда нужны новые архивные находки, а бывает достаточно посмотреть критическим непредубежденным взглядом на традиционные комментарии.]

Заключение

Т<аким> о<бразом>, книга Э. Герштейн на основании [архивных и] доселе лежавших [мертвой грудой] в разных архивах материалов мастерски воссоздает картину эпохи и во многом для нас новый образ поэта, ни на минуту не делаясь бел<летристкой>.

ИЗ ДНЕВНИКОВ
(1958–1966)

1958. Москва. Тульская улица

<1> В ночь под 20-е ноября видела во сне Х в Безымянном переулке. Он дал мне белый носовой платок, когда я выходила от Вали, чтобы вытирать слезы, и бродил со мной в темноте по переулку. Я была в каких-то лохмотьях, м.б., в старой серой шубе на рубашке.

<2> Сегодня, 27 марта 1959 г., видела во сне, что мне кто-то говорит, что меня хочет видеть Адмони. Я выхожу и оказываюсь на огромной великолепной (открытой) лестнице какого-то древнего здания. Там Адмони. Он говорит: «Я хочу прочесть вам одно стихотворение». (И какую-то угрозу об этом стихотворении.) Мы сходим ступеней 20, садимся. Адмони начинает читать. Сначала он говорит по-русски, потом попадаются по полстрочки на неизвестном языке, дальше он говорит просто на этом языке, но я почему-то все понимаю. Стихотворение потрясает меня, и я горько плачу, встаю и плача ухожу. Этот сон был, так сказать, «вставной новеллой» в другой бредовый, огромный, длившийся всю ночь и который я совершенно забыла.

(Красная Конница)

Вскоре (кажется, 1 апр<еля>) я уехала в Москву, выздоровела, и все было очень хорошо.

ИЗ ДНЕВНИКА

24 декабря 1959 (европейский Сочельник)

...Легкая метель. Спокойный, очень тихий вечер.
 <3> Т. ушла рано — я все время была одна, телефон безмолвствовал. Стихи идут все время, я, как всегда, их гоню, пока не услышу настоящую строку. Весь декабрь, не смотря на постоянную боль в сердце и частые приступы, был стихотворным, но «Мелхола» еще не поддается, то есть мерещится что-то второстепенное. Но я ее все-таки одолею.

Попытки писать воспоминания вызывают неожиданно глубокие пласты прошлого, память обостряется почти болезненно: голоса, звуки, запахи, люди, медный крест на сосне в Павловском парке и т.п., без конца. Вспомнила, например, что сказал Вяч. Иванов, когда я в первый раз читала у него стихи, а это было в 1910 году, то есть пятьдесят лет тому назад.

От всего этого надо беречь стихи.

Последние дни я все время дополнительно чувствую, что где-то что-то со мной случается. По какой линии, это еще неясно. То ли в Москве, то ли еще где-нибудь, что-то втягивает меня, как горячий воздух огромной печи или винт парохода.

...Всем известно, что есть люди, которые чувствуют весну с Рождества. Сегодня мне кажется, я почувствовала ее, хотя еще не было зимы. С этим связано так много чудесного и радостного, что я боюсь все испор-

тить, сказав кому-нибудь об этом. А еще мне кажется, что я как-то связана с моей корейской розой, с демонской гортензией и всей тихой черной жизнью корней. Холодно ли им сейчас? Довольно ли снега? Смотрит ли на них луна? Все это кровно меня касается, и я даже во сне не забываю о них.

18 янв<аря> 1960

Сегодня получила первый номер «Нового мира», где <4> напечатаны мои стихи.

Сегодня же пришел, вчера приехавший из Москвы Н.И. Х<арджиев> и рассказал все столичные новости. Они разнообразны и занимательны. Мы выбирали, какие стихи дать в «Неву» и какие в «Наш современник».

1960 15 мая (Москва)

Сегодня приехал Лева — у него вышла книга <5> «Хунну».

Сейчас звонили, что Пастернаку очень плохо. Положение угрожающее, — боюсь, что меня готовят к его концу. Маруся сказала, что он плакал, когда ему сказали, что я приезжала узнать об его здоровье. Переделкино показалось мне очень мрачным и даже невзрачным, несмотря на великолепную весну, кот<орая> так поразила меня в Коломенском (там чуть не накануне боже-ственно пахло травой и водой).

А здесь, казалось, со всего был снят какой-то незримый покров и все стало плоским и низменным. Таким же я в этом году увидела Ц<арское> С<ело>. (Еще хуже!)

Сегодня День св. Владимира и 120 годовщ<ина>
<6> смерти Лермонтова. Сейчас прошел серый мрачный вихрь с ливнем. Захолодало. Сделалось что-то вроде осени — задуманные стихи оборвались. Образовалась какая-то необъятная пустота внутри сознания. («Как жизнь забывчива, как памятлива смерть...»)

«Преступление и Наказание» — это анти-Шерлок
<7> Холмс. Кто кого и зачем убил, известно с первой страницы. Автор не пачкает читателя, делая его участником сыщицкой работы.

Слушала стрекозиный вальс из балетной сюиты
<8> Шостаковича. Это чудо. Кажется, его танцует само изящество. Можно ли сделать такое же со словом, что он делает с звуком?

Ходасевич сказал Анне Радловой, когда она показала ему свои стихи: «Если бы я был редактором журнала, я бы печатал всегда Сологуба, часто Ахматову, иногда — себя и никогда вас».

(Это мне рассказал сам Ходасевич в 1921.)

Стр. 61 — О Недоброво (1884—1919).
<9> Статья Ю.Л. Сазоновой-Слонимской о Недоброво, кот<орый> был известен в П<етербур>ге до революц<ии> как прекрасный критик и теоретик литературы, но был и интересным поэтом с философским уклоном.

«Трудно писать о нем и не впасть в его тон, трудно думать о нем и не слышать его интонацию».

30 мая день смерти. Была в Переделкине у Бориса.
<10> Могила, сосны, серебряный горизонт.

12 июня 1962 Ленинград

Р.С. Не лишнее напомнить, что книга Гослита из-
<11> дана как бы к моей 50-лет<ней> лит<ературной> дея-
тельности (1910—1960) и к тому уже содержит одно
«поздравление» в виде «Послесловия» А.А. Суркова.

Вчера вечером слушала «Бразильскую бахиану».
<12> Пела Вишневская. Я что-то сочиняла, но в темноте не
могла записать и забыла. Кажется:
Вторник ? декабря 1961

Слушая пение

Женский голос, как ветер, несетя
Черным кажется, влажным, ночным,
И чего на лету ни коснется,
Все становится сразу иным.
Заливает алмазным сияньем,
Где-то что-то на миг серебрит
И загадочным одеяньем
Небывалых шелков шелестит.
И такая могучая сила
[Этот] Зачарованный голос влечет,
Будто где-то вдали не могила,
А таинственной лестницы взлет.

Вчера приехала в «Будку». Почему-то все чужое.
 <13> Живу пока одна. Погода серая, свежая.

21 июня <1962>

<14> Вчера был Малия. (22 июня)

24 — День рождения. Устала. (Был<и> Кома и
 <15> Жир<мунский>. Вечером мальчики) Стихи Иосифа —
 не альбомные. Розы.

Приходил швед. Поразил меня неугасающим инте-
 <16> ресом к поэме и тем, что он там нашел «Пик<овую>
 Даму. Прощаясь сказал: «Вам скажет сын Пановой».

Через два дня у Гитовичей появился сын Пановой
 (28 лет. Бор<ис> Бор<исович> — китаист). Я при-
 шла туда ужинать. Гитович с гостем пили водку. Ал<ек-
 сандр> Ильич был уже совсем пьян и витал в каких-то
 своих странах. Гость был совершенно трезв. Выпили за
 меня, и гость сказал: «Эрик Местертон просил вам пе-
 редать, что вы выставлены в этом году на Нобелевскую
 премию». В этом мне интересно одно: отчего Эрик сам
 не сообщил мне эту новость?

(Зап<исано> 16 июля)

Вчера получила письмо от Марии Игнатьевны Буд-
 <17> берг, кот<орая> сожалеет, что мы не повидались. Жи-
 вет она в Лондоне.

Сегодня, 1 февраля (1963), вышел номер «Литературной России» со статьей Озерова «Тайны ремесла».

Комарово

И это было так

<19> Беседа длилась много ночных часов. И можно ли это назвать беседой. Произносились ли слова или в них не было надобности? Шло ли дело о смерти или о поэзии, тоже не совсем ясно. Несомненно одно: в этом участвовало все мое существо с [такой] той полнотой, о кот<орой> я сама до этой ночи не имела понятия.

Я была так поглощена происходящим со мной чудом, что не пустила бы *никого* [в мою] на порог комнаты, даже самого собеседника, кот<орый>, кстати сказать, очень учтиво уехал в начале вечера. Чувствую, что, записывая, теряю очень много, но у меня нет выбора. Вероятно, такие вещи не повторяются, но они еще (по редкости своей) не изучены, и едва ли я могу рассчитывать на ответ.

Скажу только, что на сон это было ничуть не похоже, на стихи тоже. Скорее, походило на утренний луч летнего азийского солнца, еще не сжигающего, но блаженного в своей равномерности, горячего и, мне почему-то хочется сказать это слово, — *всеобъемлющего*. А за окном жаловалась на что-то классическая финская метель, спали дятлы, стоял весь готовый к весне и совершенно не замечающий ничего вокруг, налитый юной и свежей силой [стройный] тополь.

Март 1963

А.

P.S. Ах, да. Стоит ли спрашивать «собеседника» про эту ночь. Если прочесть ему мою заметку, он очень складно и мило изложит очередные «чудеса в решете», если спросить просто, он скажет, что не может вспомнить, потому что с той ночи прошло уже больше месяца или что-нибудь в этом роде.

Записываю на всякий случай: нечто подобное предсказано во втором стихотворении из цикла «Сinque» («Истлевают звуки в эфире»). Но тогда были слова и реальный собеседник...

14 марта 1963. Комарово

Ты. (1 апреля 1963)

<20>

Это «ты» так складно делится на три, как девять или девяносто. Его правая рука светится одним цветом, левая — другим, само оно излучает темное сияние. А не выйдет из этого ничего, как, впрочем, из всех миражей.

Тем более, что сегодня самый обманный день в году. А солнце, настоящее солнце 1963 г., растопляющее тридцатиградусный мороз и устраивающее себе театральные закаты.

Под занавес было огорчение, даже два. Пока считаю их перстнем Поликрата. Скоро узнаю, перстень ли это и Поликрата ли? На это и послан мне апрель.

Дремала, слышала во сне: «Не обманывай меня, первое апреля!» Голос знакомый, кажется, мой. Не только голос знакомый, но и путь знакомый — и цель уже почти видна — это доброе старое и разбитое корыто.

Взоры огненной огня
И усмешка Леля,

Не обманывай меня,
Первое апреля!

15 мая

Читала «Стравинский и Крафт». Боюсь, что там
<21> больше Крафта, чем Стравинского. Трудно читать так много написанного *не писателем*. Непреображенное слово годится только, чтобы быть цитатой-заплатой. Там оно великолепно играет и звенит, и летит, как заколдованная стрела, а когда это сотни страниц, когда великий композитор превращается в какого-то смрадного Вигеля, кот <орый> считает возможным сообщать «последние новости» о знакомых гомосексуалистах... начинаешь недоумевать — к чему это? Из нас, «оставшихся», он с сочувствием вспоминает одного Сергея Городецкого (почему <-то> называет «высоким блондином»), за услуги Бяке в начале Революции.

Во всяком случае можно с уверенностью сказать, что этот опус не увеличит число поклонников Стравинского⁺.

18 мая. Москва

Из нежной призрачной [прозрачной] комаровской
<22> весны (еще вижу черные лодки на Неве) въехала в яркое, пышное, почему-то спелое московское лето. Рада. Думала, будет труднее ехать. Еще никого не видела. Вечером Лида.

⁺ Шостаковича там нет даже в именном указателе.

Последняя суббота

15 июня

Москва 1963

Сегодня кончается мое призрачное пребывание в
<23> Москве.

1) Юра Айхенвальд. (Поэме киберн<етическую> проверк<у>, стихи.)

2) Кома

Звонить: Копелеву,

Нике (о Фогельсоне, о мавр<итанском> газоне,
о Луконине...),

Лиде (привет К. Ч<уковскому>)

М. б., Маруся. (Просить М<арусю> дать Юре
А<йхенвальду> 15-ю строфу «Решки».)

Арсению (фото)

Зенкевичу (продикт<овать> воспом<инания>),
акмеизм...

Виленкину (ответить на письмо)

Н. Ольшевской

Т. Айзенман

Любе

Западову

Лукницкому

Finis

Ленинград

Белые ночи при свечах.

<24> Моя комната. Розы. Последний вечер. Вино.

Приезд. Город, как омытый, — весь сияет. Ехали мимо Фонтанного Дома. Зелень мощная, шумная. Летний Сад — сама тайна (даже от меня).

Иосиф — библейское.

Ивановский с розами.

16 июня?) Т<оля> — у меня.

В Комарове

<25> Кукушка уже замолчала.

В Комарово (четверг)

<26> Ехали по белой ночи. Уже обжитая дача, мнимая тишина. Вчера был В.М. Ж<ирмунский>. Говорили об акмеизме. Он сказал нечто весьма существенное и совпадающее с тем, что я только что слышала в Москве от М.А. Зенкевича.

В<иктор> М<аксимович> утверждает, что это же уже содержится в его знаменитой работе об акмеизме (1916).

Вечером была Галя К<орнилова>. Мила, как всегда — я ее очень люблю.

Сегодня пустой светлый день.

...и умирать в сознании горделивом,
 Что жертв своих не ведаешь числа,
 Что никого не сделала счастливым,
 Но незабвенною для всех была.

Будка. 1963

М.б., вместо письма

<27> [Мы] Нам дано знать друг о друге много, вероятно, даже больше, чем нужно. И мы оба боимся этого знания. Мы прячем его и от себя, и друг от друга. Мы прячем его под грузными слоями чего-то совсем другого и часто нехорошего, мы готовы на все — только бы не то. Я на Ваше тщеславие — Вы на мои разговоры о смерти. Только бы не то! Оттого все так ужасно.

Это все, что я могу сказать. Я уверена, что Вы поймете каждое мое слово.

А.

14 авг <уста> 1963. Будка

<28> 16 век. Церковная музыка. Хор.
Слушаю раннюю англ<ийскую> музыку. Доллан,

То, что пели при дворе Ген<риха> VIII.

Настоящее чудо!

12 сент <ября> 63 г.

15 октября

1963

Комарово

<29> Сегодня — первый снег. Я написала кусок «Пролога» («Голос») с 4-мя стихотворениями. Позировала Любимовой. Жду Лиду.

17 октября

Лида была три раза (2 — с Володей Корниловым).
 <30> Я дважды читала ей кусок «Пролога». Он нравится ей заметно больше «Семисвечника». Кругом осень, грозящая перейти в классическую финскую зиму.

Добилась, почему Лида не понимала «Семь стихотворений», т.е. не считала их циклом. Она решила, что «красотка» — кто-то, и не знала, что такое адажио Вивальди.

21 окт<ября>

...решила дать латинский эпиграф (м.б., из Горация),
 <31> кот<орый> разъяснит, кто такая «Красотка»... (III-e).

Завтра (23 окт<ября>) покидаю Будку. Этот отъезд кажется мне предательством. Думается, что я здесь чего-то не доделала, не додумала. А Она (Муза) без меня не может.

...и музыку, которая пила мою душу, я тоже как бы оставляю без питья и от этого сама испытываю ее жажду. Одним соснам решительно все равно — им уже скоро создавать смертный уют.

Не здороваются — не рады,
 А всю зиму стояли тут.

~~~~~

(Новый Год — дома)

<32>

<...>

1 января 1964

Звонили:

(30 марта — 50 лет «Четкам»)

31 дек<абря> звонили: Андрей Сергеев

(1-ого в полдень звонит Озеров

Озеров) Тарковский

1-ое Толя Якобсон

Любочка, Слоним и Таня

М.А. Зенкевич, Копелев

Галя Корнилова. Галя Корнилова.

Днем у меня Кроны. Анюта

Веч<ером> — Маруся Петровых

Тарковские и М. Ярмуш. Ариша

Тел<ефон> от Юля Н.

Твардовского и Известный читатель, дочь Аси

Солженицына. Юля Ж.

Толя Найман (из Ленинграда)

Кома (?)

№ 3 (с Ордынки)

1. Благодарю:

1. Бобышева за телеграмму и чувства.

2. Алексея Сергеевича t. В8-67-91

за поздравление, кот<орого> [она] я еще не получила, но о кот<ором> мне звонили.

31 дек<абря> 1963

День чудес.

Поздравляю Эру, Марину, О. А.

Бобышева благодарю за телеграмму и чувства.

500 — пополам Воле и Сарре.

[Мне письма из дому]

Иосиф выходит второго.

<33> Сегодня за вечерним чаем Галина Христофоровна вспомнила, как в очереди за деньгами в «Сов<етском> пис<ателе>» Пастернак, увидев меня издали, закричал: «Как я соскучился по вам, я хочу с вами жить». Это было в начале 50-ых годов. Г<алина> Х<ристофоровна> говорит, что я говорила об этом очень сердито.

<34> В Архиве мой альбом. Там стихи Адамовича, Мо-чульского, Радлова, кот<орые> я совершенно забыла (сатанизм) (я читаю стихи в «Брод<ячей> собаке»). Странно сопоставить их с его «causerie»* от 16 дек<аб-ря> 1963 г.

Восстанавливаю по памяти Г. Адамовича.

По утрам свободный и верный
 Колдовства ненавижу твои,
 Голубую от дыма таверну
 И мучительные [огни] стихи.
 Вот пришла, взошла на эстраду,
 Незнакомые пела слова,
 И у всех от [горького] мутного яду
 Отуманилась голова.
 Словно мы, изнуренные скукой,
 Задыхаясь в пыли,

* Изысканными беседами (фр.).

На тупую и стыдную муку
Богородицу привели.

1914. С.П.Б.

<35> 27 мая. Любочка. (Лекарство)
(Звоню) Галя Корнилова
Ирине Федоровне
Н.И. Харджиеву
Смерть Неру. Особенно горестно после Тагора и
приближения к буддизму, кот<орым> я живу последнее
время (джале-джулэ-джунда сваха брум. Алмаз<ная>
дарани). <...>

Звонить Коле Томашевскому.
(Попросить *афишу* и список приглашенных.)
Ирине Семенко
Варе Шкловской.
Посылаю завтра с Любимовой — [Ане — «Па-
риж»],
Вале — деньги, Ире — лекарство. (Ильзен.)

<36> 30 мая (день смерти Пастернака).
Был мой вечер в Доме Маяковского.
Завтра надо повидаться с В.М. Ж<ирмунским> и
Арсением.
Переезжаю в Сокольники.

Вагон № 6

<37> Еду с Ниной. Навстречу белая ночь. Рядом в купе
больной Толя.

27 июня (суб<бота>)

Наконец опять в Комарове. Все убрали и пригото-
<38> вили так, как будто я ушла отсюда только вчера.

Со мной Нина (и больной Толя).

Ехала с Ирой по белой (до ужаса) ночи.

Светает. Это Страшный Суд —

[Здесь] И встречи горестней разлуки.

[И] Там мертвой славе отдадут

Меня твои живые руки.

Москва. Июнь. 1964.

6 июля. Комарово. (Понедельник)

<39> Вчера приезжала Ира с последними⁺ (?) юбилей-
ными письмами. Сегодня телеграмма, подписанная Л.
М.б., это — Ольга Александровна. (Нет) Вышел «Но-
вый мир» с моим «Прологом» и статьей Синявского. Еще
не читала.

(«Сон во сне»)

<40> Одна, м.б., дневная — кроткая, — но не все забыв-
шая. Другая — ночная — и еще что-то смутно помнящая.
Кроткая хочет покоя.

Стон боли прежних мук и казней стал песней. Эти
песни (стихи) пишет *только* одна из них?

А он (Голос) в ее песнях узнает тот стон, одновре-
менно ненавидит ее и влечом к ней чудовищной силой.

⁺ Увы, нет...

Он больше всего хочет забыть и не может. Для нее он всегда за последним поворотом.

31-ое. Комарово

Добелить Моды (10 строк)

<41> 30-ое августа день отъезда в Будку. О<льга> А<лександровна> и Толя. Едем небывалой дорогой (парками) через очень странное, очень красивое наводнение. [Оно] Вода (без ветра) совсем, как жидкое серебро или ртуть. [Вода] Она тяжело и медленно выливается из берегов, образуя неожиданные островки и грозя бедой. Я в первый раз видела дуб, посаженный Петром Первым. Эсхатологические небеса, почти с грозной надписью.

<42> Два дня слушала грандиозный квартет Шостаковича, который он посвятил своей памяти. Близость этого квартета «R<equiem>»у и «Прологу». (Скрипочка). А стук? «Пролог почти снится», но еще боюсь сделать план, чтобы все не испортить.

Вчера была Фаина и Peter Norman. Вечером Маруся с Аришей. О.А. Л<адыженская> и Т<оля>.

Peter сказал Фаине и Нине, что меня приглашают в Oxf<ord>, потому что они хотят выставить меня на N<obel> P<rize>. Бред!!

<43> Сегодня два раза по еще совсем летнему, яркому теплому городу. Шапорина. Воспоминания почтительно

стояли поодаль. Было легко и свободно. Т<оля>. Город весь в розах — они очень ему идут. Нева — голубая. Ни одного знакомого лица и все-таки — дома.

М.б., 24 сен<тября>: прошлогодняя роза, кото-
 <44> рая честно дала летом два бледно-розовые цветка, вдруг решила снова цвести и пустила сразу восемь бутонов. Я ничего такого еще не видела. Каждую ночь могли быть заморозки. <...>

М.б., 26 сент<ября>. Воскр<есенье>:
 <45> (Крестовоздвиж<енье>). Ночью первые заморозки, но роза не погибла... <...>

14 окт<ября> Покров.

Кончилось Комарово. Оставила зацветающую (де-
 <46> моническими усилиями) розу и васильки.

Ира едет сейчас на сутки в Москву. Мне звонила сестра Бориса Лидия (Оксф<орд>). Она в Москве. С Будкой рассталась, как-то сама себе не веря. Кажется еще вернусь. Луна с правой стороны, но ущербная и страшная. (Болезнь Нины сделала меня калекой).

15 октября

Сегодня в Лит<ературной газете> напечатан мой
 <47> Лермонтов. Каков день! Мы ехали по Кировскому с То-

лей. Я сказала: «Посмотрите направо над крепостью». А там вместо солнца шел по небу огромный багровый столп. Вмешался водитель — я запретила ему глядеть по сторонам и сказала (Т<оля> в ужасе спросил: «Что это?») «Наш народ называет это — небесное знаменье». Кроме того, что сегодня день рождения Лермонтова, сегодня же и *сюр д'Etat**. Посмотрим?

В предисл<овие>

Для памяти

Все, что случилось примерно полвека тому назад, <48> неизбежно кажется сном и повинуется законам сна, т.е. яркости и неизгладимости отдельных мгновений, но и черной беспамятности тут же рядом. Те впечатления, о которых я буду писать сейчас, безраздельно относятся к области такого сна, но я ручаюсь за их правдивость, потому что не прибегаю к обычному приему мемуаристов, которые пытаются заполнить «черные бездны беспамятства» чем попало и т<аким> о<бразом> создать у читателя впечатление непрерывности своих воспоминаний, (кот<орая>, кстати сказать, никому не нужна.

2 ноября 1964 (понедельник)

Сегодня должна приехать Надя из Москвы, Лида — <49> из Комарова и Т<оля> из Арх<ангельской> об<ласти>. Посмотрим *qu'est <ce> que cela donnera***.

* Государственный переворот (фр.).

** Что это даст (фр.).

Ночь на первое была удивительной. «Пролог» приоткрылся, и мне удалось, что-то сделать.

А может быть, только пустила туда несколько капель яда. Тогда же я нашла Последнюю ленинградскую. Она написана, примерно в 58 г.

Эмма прислала 5000 рб. Я глазам не поверила. Я так привыкла давать ей деньги [и] не думать об этом. Жду телефона.

Мой сон накануне превосходил все, что в этом роде <50> было со мной в жизни. Я видела планету Землю, какой она была через некоторое время (какое?) после ее окончательного уничтожения. Кажется, все бы отдала, чтобы забыть этот сон!

Сегодня первый пустой скучный день в Будке. Все время дремлет.

Работать не могу — устала от трехдневной поездки в город. Там видела глухую и слепую Анну Миновну. Дала ей мое черное платье. Она, кажется, не очень поняла, в чем дело, но гладила его, как любимого щенка. Все прочее — суета!

1 сентября

Приезжала Зоя. У Ирины — инфаркт.

<51> Она — одна в Гурзуфе. Я дала — 300. Письмо — Сергееву. Вялость и сонливость продолжают.

<52> La grande Nouvelle!*
(Файна). Читала Цветаеву, все же нянька (Надя), которая давала ребенку толченное стекло (?!), не очень правдоподобно.

Отношения М<андельшта>ма и Волошина она приукрашает из преданности Волошину.

То, что она пишет о Гумилеве (стр. 123), самое прекрасное, что о нем, до сего дня (2 сент<ября> 1964 г.) написано+. Хотя «Мужик» написан в 1917, после Револю<юции>. Как бы он был ей благодарен! Это про того *непрочитанного* Гумилева, о котором я не устаю говорить всем «с переменным успехом». Эту его главную линию можно проследить чуть не <с> самого начала.

<53> Вчера совершенно неожиданно для себя была в Выборге.

Поехала кататься с друзьями Толи. Дорога. Озера. *Скорость*. Вернувшись, предсказала приход Peter'a Norman'a, который не замедлил появиться. Ночь в полукошмарах, но по крайней мере не эсхатологических, как 30-ого, и то хорошо. Все меньше верю в Рим — вялость и слабость все растут.

Ехала непременно мимо Валиной могилы. О, Боже! 120 км. в час.

* Большая новость (фр.).

+ И как это непохоже на выдержки из Брюсова и Вяч. Иванова, кот<орые>, по мнению Г. Струве, призваны объяснить Г<умиле>ва (См. вашингтонский Г<умиле>в, т. 1, статья Г. Струве.).

Сон на 30 авг<уста> продолжает угнетать меня и с
<54> каждым днем все страшнее.

Зато отъезд по таинственному безветренному наводнению все хорошеет. Бесполезно спрашивать о нем моих спутников.

Получила договор на «Бег времени». Как странно и необычно, что торопятся они, — а не я.

Впрочем, это уже все равно. Сейчас опять слушала Восьмой квартет Шостаковича. Это не все равно.

...А боярыня Морозова, вынесшая все пытки, кото-
<55> рые придумала добрая старая московская Русь, все-таки попросила стрельца, который сторожил ее, дать ей яблочко. «Где ж я тебе возьму яблочка?» — сказал стрелец.

Что завтра? (четв<ерг>)

<56> А завтра больна. Лежу. За окном день торжественной нестерпимой красоты, богослужебная тишина все со-
вершившей природы.

Короткий, чем-то похожий на смычок в Ad<agio> Viv<aldi> разговор о Риме и Архангельском крае. Начинаю улаживать Книгу прозы для Милана. Кажется, стихи Вале делаются не хуже, а лучше, однако, я в них еще совсем не уверена.

13-ое. Прочла (почти не перечла) статью
 <57> Н.В. Н<едоброво> в «Русской мысли» 1915. В ней оказа-
 залось нечто для меня потрясающее (стр. 61). Ведь это
 же «Пролог». Статью я, конечно, совершенно забыла.
 Я думала, что она хорошая, но совсем другая. Еще не
 знаю, что мне обо всем этом думать. Я — потрясена.

14-ое. Он (Н.В. Н<едоброво>) пишет об авторе
 <58> Requiem'a, Триптиха, «Полночных стихов», а у него в
 руках только «Четки» и «У самого моря». Вот что назы-
 вается настоящей критикой.

Синявский поступил наоборот. Имея все эти вещи,
 он пишет (1964), как будто у него перед глазами только
 «Четки» (и ждановская пресса).

15<-ое>. Сегодня подписала и отправила договор
 <59> на «Бег времени».

Писала предисловие к болгарск<ому> сборнику
 моих стихов, говорила по телефону с Никой и Юлей,
 улаживала денежные дела, принимала Адмони и Дубо-
 ва, была рада Жене. Утром боролась со стихами, кото-
 рые хотели существовать, — а я не хотела. Это была ко-
 торая-то [лен<инградская>] северная элегия.

16-ое. Сейчас буду читать стихи для магнитофона
 <60> по своему выбору.

Завтра в 2 ч. — Максимов.

Пишу «К истории акмеизма».

Письмо Липкину (непрерменно).

Вечером американец, который пишет Историю акмеизма (Вашингтон). Впечатление неопределенное.

17 окт<ября> 1964

Hamlet. Fr. Bertolde Средн<евоковый> монах-поведник. (Нашла моего Шексп<ира>).

Les femmes qui ont le visage peint ont tort de vouloir cacher celui que le bon Dieu... leur a donné*. Гамлет попрекает Офелию.

God gives you one face and you...**

Еще раз ездила кататься в маленьком красном автомобиле. Доехали почти до Рыбацкой. Грибы. На море — туман.

18 сент<ября> послала сберкнижку на Ордынку, чтобы они прислали мне 400 рб.

* Женщины с разрисованным лицом напрасно хотят спрятать то, что Бог... дал им (фр.).

** Бог дал вам одно лицо, а вы... (англ.)

Имя (А.А.А.)

По существу же это страшный крик младенческий,
<64> прискорбный и смертельный.

И. <Бродск>ий

Иосифу Бродскому

Только что получила Ваше письмо. Исполнила Вашу
просьбу. Умоляю беречь себя. Жду вестей.

Ахматова

3 ноября. Ночь.

Получила tel<egramme> из Оксфорда. Doc<tor>
<65> и от Огородниковой о сроках выезда в Таормину.

Принимала Anatol'я Stern'a с супругой. Потом у
Макс<имова>. Там Надя, Лих<ачев>, Адмони. Уста-
ла. Лих<ачев> о карнаваллизации жизни в 20-м веке.
Понравилось! Пыталась переписать «Седьмую».

8-ое ноября 1964. Комарово

Большой разговор с Лидой. Вечером китайское ра-
<66> дио. Опять вспомнила:

Ты лучше бы мимо,

Ты лучше б назад...

Как твердо и неумолимо Судьба ведет свою линию.

9-ое. Мороз. Ледяные узоры на окнах. Приходил
<67> Натан Альтман с Ириной. Вспоминали о времени пози-
рования и хождения по карнизу. Была Лида. Смеркает-
ся. Как рано!

11-ое. Снова осень — зеленая трава, даже цветы.
<68> Была Лида. Говорили об Ивин<ской>.

Земля живет какой-то ей одной понятной таинственной жизнью. Под снегом была [ярко-зеленая] изумрудная трава. Мои васильки из мертвых и черных стали свежи и зелены.

12-ое ноября 1964. Комарово

Солнце. Сияющий день. Тишина. Не жду никого.
<69> Всю ночь снился «Пролог», но я ни во что не проникла. Замысел рушится — м.б., оставить на после Италии.

13-ое. Приехала Ира. Привезла письмо от Баранова.
<70> Ночевала.

14-ое. Была Лида с кем-то. Вижу «Пролог» во сне. Во что-то проникла. Пусть готова романтика и безумие и будут «Сном во сне». У директора.

<...>

Было письмо из Оксфорда.

Сегодня днем, 21 ноября (День Св. Михаила-Архангела), я чуть не погибла на мосту через Мойку. Мы ехали в такси по Гороховой, и шофер сделал что-то не то. Специалисты [сказали] уверяют, что мы спаслись чудом. Толе было потом дурно, я испугалась сразу.

<71> «Она была бы Сафо, если бы не ее православная изнеможенность».

(Анреп в письме Н.В. Н<едоброво>)

А мне он сказал: «Вам бы, девочка, грибы собирать, а не меня мучить».

Письмо. (Сон В<севолода> Иванова — 28 июня
<72> 1963. Перед смертью.)

Дневник путешествия
(декабрь 1964)

Отъезд

[21 дек<абря>] 23 ноября из Ленинграда с Аней.
<73> Припадок на вокзале. Провожающие. «Перекрестите и
меня».

24 ноябр<я>. Москва — Любочка. Сокольники.
<74> Я — у Нины. Глубокое потрясение. Переезд к Западо-
вым. Приезд Иры. Почтовые ответы — Виктору, Окс-
форд. Стихи на случай:

Светает — это Страшный Суд
Иль встречи горестней разлуки,
Там мертвой славе отдадут
Меня твои живые руки.

Я — в Гослите. Деньги за 8-ой том Тагора. Ардов —
у меня. Маруся Петровых. Даю стихи в «Новый мир». Обещают напечатать в январе. (Едва ли!) Маркиш. В «Литературной России». Аванс за Леопарди. Прощанье с Надей.

1 дек<абря> на Белорусском вокзале. Толпа про-
 <75>вожающих. Полное безобразье на самом вокзале. Но-
 чью Минск. Невообразимые вьюги, метели. От них по-
 холодело сердце. Варшава — Поляк с женой и женой
 Анатоля Стерна. Мрачно.

Светлая утренняя Вена. Ира уходит смотреть Ру-
 бенса (Шубка) и Брейгеля. Солнце.

Много границ. Голос: «Паспорт!» На нашей тамо-
 женники просят: «Надпишите нам книги — мы пригото-
 вим».

Альпы. Трясет, как никогда, в вагоне. Зимой зре-
 лище мрачное. Снова вспоминаю сон 30 авг<уста> о
 хаосе. Скорость самолетная. Мне — дурно...

Подъезжаем к Риму. Все розово-ало. Похоже на мой
 последний незабвенный Крым 1916 года, когда я ехала из
 Бахчисарая в Севастополь, простившись навсегда с
 Н.В. Н<едоброво>, а птицы улетали через Черное море.

Рим

Первое ощущение чьего-то огромного, небывалого
 <76>торжества. Передать словами еще не могу, однако, на-
 дежду не теряю.

Hotel Plaza (по-испански — площадь). Я — все еще
 не в себе после Альп.

Café Греко. Автограф Гоголя. («Я только в Риме могу
 писать о России...».) Там весь 19 век. Старомодно и очаро-
 вательно. (Не о Р<име>, конечно, а о Café Греко.)

Воскресенье. На площади Св. Петра. Папа. Чувство,
 что время работает на нас, т.е. на русскую культуру.

Все, что я почувствовала в связи с русским языком.

Открытки в Ленинград — о могиле Рафаэля, о Via
<77> Арриа, о конной статуе Марка Аврелия.

В Риме есть что-то даже кощунственное. Это словно состязание людей с Богом. Очень страшно! (Или Бога с Сатаной-Денницей.)

С тех пор была Этна-Таормина. О ней когда-ни-
<78> будь потом.

В Катанье

В древнейшем дворце Урсино (15 век) 12 дек <аб-
<79> рья> 1964 я прочла мою «Музу». Огромная внешняя лестница казалась неодолимым препятствием. Думала — не дойду. Мерещились факелы и стук копыт. Сегодня уезжаем из Катаньи опять в Рим. Из Парижа (?) [зовут] звали — еще в октябре, когда я видела огненный столп на Кировском. (Над крепостью.) Писем не было. Дорога в Рим трудная. Вчера стояла у другого моря — вспомнила то страшное, как бездну тумана. (А это была только Маркизова Лужа.)

Последнее время я все чаще получаю из разных го-
<80> родов письма почти одинакового содержания. Это письмо от читателей, которые просят меня прислать им «хотя бы одну мою книгу». Очевидно, они полагают, что я обладаю какими-то [бездонными] запасами собственных произведений. В самом же деле у меня давным-давно нет

ни одного экземпляра моих стихотворных сборников. Поэтому я с особой охотой соглашаюсь на предложение «Юности» напечатать 300 строк моих стихов. Их я дарю авторам этих писем [с просьбой хоть об одной книге]. Стихи выбирала я сама.

Анна Ахматова

Среда (на Святой). Опять сияющие дни. Вчера у ^{<81>} меня были: Рейны и Найманы. Стихи в «Лит<ературной> газ<ете>» не вышли. Пора бы научиться не замечать такие мелочи. Письмо от Саломеи. Делаюсь человеком только, когда у меня перо в руке. Так раньше не было.

Вечером у Берковских — там Тотя. Вернулась бодрая и свежая, а день был трудный. (О. Малевич, Сарра, машинистка и ежик...).

Ирмос 9-й п<есни> канона. В вел<икую> суб<боту>.

Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе, его же во чреве без семени зачала еси сына: восстану бо и прославлюся и вознесу со славою непрестанно яко Бог, верою и любовью тя величающия.

Четверг. Узнавать про нотариуса. Приглашение на ^{<82>} вечер (17 мая) бывш<их> бестужевок. Письмо из Мюнхена (от Piper<und> C° Verlag) — просят составить том стихов и отдать им. Мы едем через ФРГ и Брюссель — это почему-то нельзя себе представить.

Группа молодежи из Консерватории предложила устроить концерт для меня. Верно, кто-нибудь им сказал, что я плохо всхожу на лестницы.

Днем возилась с темой для телевидения: «Дант и русские поэты».

24 июня — Москва (1965)

Вчера вернулась из Англии.

<83> Два с половиной дня провела в Париже. Самой не верится.

Вчерашний день, как в чаду. Московская жара (23°). Много людей. Т<оля>. Сегодня сидели в садике у церкви. Было совсем хорошо. Огромная радость возвращения.

Вечером Ришард Пшибыльский: с ним о дис<сертации> Сэма Драйвера. Он ее дезавуирует до конца. Из его слов я узнала некоторые интересные подробности борьбы символистов с акмеизмом (Брюсов об опозд<ании> маниф<еста> Г<умиле>ва, Эйхенб<аум> против Жирм<унского>).

<84> Летом 1915 в Слепневе читала Расина. (Теперь, <в> 1965, — Донна и Элиота. Всегда Шекспира.)

(Мои мысли о «Макбете», о Фальстафе, о Гамлете — находка.) Тогда же читала «Orlando Furioso»* — даты на моем экземпляре «Четыре ит<альянских> поэта». Всегда Данте.

Первая бессонная ночь — чтение «Братьев Карамазовых». (Дом Шухардиной.) В Ташкенте возникла тема: «Достоев<ский> и Толстой».

* «Неистовый Орландо» (ит.).

Пушкиным начала заниматься в Мраморном дворце (Андре Шенье). Читала два доклада в Пуш<кинском> доме («Последняя сказка Пушкина», «Адольф...»). Оба напечатаны.

(Вчера Иосиф назвал меня «Ваше Превосхитительство».) А я, прощаясь, сказала ему: «Ничего, одолеем Бармалея».

Комарово, лето 1965

14-ое (Взятие Бастилии).

Сегодня слушали Брамса и Прокофьева. Кусочек <85> «Марсельезы», как всегда, вызвал слезы. День был небывало тихий. Никто не переступил мой порог — это первый такой день в этом году в Комарове. Завтра, кажется, поеду на могилу к Вале — я еще там не была. (Деревня Рябово.) (М.б., последний раз к Вале).

На могиле была. Там хорошо, но трудно, как всегда на могиле. Дидя. Беседа с ним. Утешала, как могла.

Приехали Аня и Леня. Разные новости. Получила из Москвы забытое там приглашение Франции. (Jean Rousselot.)

Сурков в Блде (1—7 июля). Запрос об Иосифе.

19-ое июля 1965. Комарово.

Сегодня была у Шостаковича. Он лучше, чем прошлый раз. Говорили про Оксфорд и сэра Исаяю. Потом <86> Берковские и Надя Рыкова. Тел<ефон> от Т<оли>. Он как будто удивлен, что в Таллине море.

23 июля

Вернулась из города.

<87> Вчера безобразничала Ольга Берггольц — я ее такой страшной никогда не видела. Невозможно себе представить более гнусную гибель. Напрасно ищу в душе жалость.

Там были, весьма кстати, парижские Воронцовы — друзья оксфордских Оболенских.

24 июля

<88> Сегодня Исаяя завтракает у Саломеи, о чем я узнаю только 6 авг<уста> из милого письма самой Соломки. Как странно, что теперь я могу до мелочей представить себе этот завтрак в Chelsea, большую кухню-столовую, беседу обо мне и розы в садике.

<89> В этих путешествиях все же кроется какая<-то> отравка и вообще «самой счастливой» я была на Коннице, когда валялась в каком-то бесконечном и довольно зловредном гриппе, пропуская пятницу за пятницей (единств<енный> свободный день шестнадцатилетней Ани — она должна была быть моей Begleiterin'ой⁺ в Москву). Это был, вероятно, 1906 г.

Как я была тогда уверена, что ни одна моя строка не будет никогда напечатана, как эта уверенность удобно и вольно жила в моем сознании, не причиняя мне ни малейшего огорчения. Как легко и свободно я сказала трем

⁺ Сопровождающей (нем.).

парням из «Лижей», кот<орые> приехали ко мне за стихами: «Все равно не напечатаете...». Вот это жизнь, достойная порядочного человека! А теперь... Тогда я дала им совсем новый «Летний сонет» и еще что-то. Значит, скоро 10 лет, как я снова печатаюсь. Ну и путы же это...

215 лет. Смерть Баха. (28 июля 1965. Комарово.)

<90>

Фантазия и fuga. Слушаю.

Боже мой... Сама Чакона!

Играет Игорь Безродный...

...но за ней не войдет человек...

Прелюдия и fuga (играет Л. Ройзман).

Вот он, колокольный звон из 17 века. Как все близко! — (и страшно...)

Еще три дня июля, а потом траурный гость — август («столько праздников и смертей»), как траурный марш, который длится 30 дней. Все ушли под это марш: Гумилев, Пунин, Томашевский, мой отец, Цветаева... Назначал себя и Пастернак, но этого любимца богов увел с собою, уходя, неповторимый май 60 года, когда под больничным окном цвела сумасшедшая липа. И с тех пор [прошло] минуло уже пять лет. Куда оно девается, ушедшее время? Где его обитель...

Триптих

Поэма без Героя

(Юбилейное издание)

1940—1965

С предисловием Анатолия Наймана.

<91>

Музыкой Артура Лурье и Ал<ексея> Козловского.

Оформление: Борис Анреп, Натан Альтман, Дм<итрий> Бушен. Истор<ико>-арх<ивная> справка о Ф<онтанном> Доме Анны Каминской.

Ленинград, Ташкент, Москва.

Это ей исполняется четверть века.

1 августа

И все-таки он явился. Сегодня — Илья. Вчера всю <92> ночь катался на своей колеснице по небу. 51 год тому назад началась та война — как помню тот день (в Слепневе) — утром еще спокойные стихи про другое («От счастья я не исцеляю»), а вечером вся жизнь — вдребезги⁺. Это один из главных дней. Теперь пойдут августовские «юбилеи». Завтра день ареста Гумилева (3 августа). Сорок четыре года тому назад. Я узнала об его аресте на Смол<енском> кладбище — похороны Блока.

(Аманда уехала.)

6-ое августа 1965. Комарово

Не забыть сказать Добину про «содомских лотов»⁺⁺. (Лот в Кн<иге> Бытия — праведник.) Володя должен узнать о деньгах у Ники. («Неделя» и «Юность».)

⁺ Недоумевающий Лева повторял: «Баба Ана — пачет, мама — пачет, тетя Хуха — пачет». И завывали бабы по деревне.

⁺⁺ Добину

[Показать ему «Голос памяти», 1913 («Четки») и «Пророчишь, горькая...», 1921 («Anno Domini»). И вообще всячески смягчить об Ольге (только внешность)] (Сделала.)

Написать «Восп<оминания>» о Блоке, который все предчувствовал и ничего не почувствовал.

Эпиграфы

<94>

Je dois être fraîche pour la* панихида
Гр<аф> Вас. Комаровский «До Цусимы»
My end is in my beginning
(Mary's of Scotland motto)**

19 авг<уста>

<95> А сейчас слушаю Шотландскую симфонию Мендель-сона, где мелькает образ той же несчастной королевы.

<96>

6-ого собрание, повторявшее 1946 г.

8 августа 1965

<97> В этот месяц, когда я, кажется, нуждалась в утешении, мне прислал его только — Элиот:

The only wisdom we can hope to acquire
Is the wisdom of humility: humility is endless.
(East Coker II)***

* Я должна быть свежей для (фр.).

** Мой конец в моем начале (девиз Марии Шотландской) (англ.).

*** Нам доступна одна только мудрость, /Мудрость смирения: смирение — оно бесконечно.

(Ист Кокер II) (англ.).

(Пер. С. Степанова).

1 сентября

Большой светлый день. Почти все время на воздухе. Перевели 48 стих<ов> Леопарди («Палинодия»). Вчера послала письмо Нине.

Перед вечером приехала парижская знакомая врач Лидия Абрамовна. Говорит, что меня ждут в Париже на какой-то съезд. Все может быть.

Ночью разговор о стихах.

Потрясающий Джон Донн (О призраке, проходящем к своей возлюбленной, когда она с другим). Перевод И. Б<родского>.

Что это постигло Англию в 18 в. Был и композитор (Пёрселл) и художник (нрзб.) и поэт (Донн), а еще раньше Шекспир, Свифт. И куда же все это ушло? И осталось одно викторианск<ое> чванство.

7 сент<ября> 1965. Комарово

Страшный сон. Даже проснулась. Меня выселяли откуда-то, и это делал кто-то, кого я когда-то любила. Адрес, конечно, Фонт<анка>, 34, но там все по-другому. И человек, и он и не он, и какие-то чудовищные подробности. Август оказывается был вовсе не таким уж мирным, а наоборот, завершал бурное сорокалетие (1925—1965). Зрелище почти величественное, и завершал ли? Неужели опять думать и говорить о поэме? Хренков просит интервью... для «Лит<ературной> газ<еты>».

Сегодня Покров. Прощание. Мирно. У меня была Нат<алия> Иосиф<овна>. Живой с ней разговор — о загранице, она потрясена концом эмиграции, среди ко-

торой она когда-то росла. Звонил С. Придет в поне-
д<ельник>. Во вторник дант<овский> вечер. Речь о
Данте! Я написала что-то вроде предисл<овия> к бол-
г<арскому> сборнику.

Елена Серг<еевна> просит писать о Булгакове
(«хоть страничку»).

Воскресенье. Ночь.

<101>

Один из чернейших дней моей жизни. Утром милое
письмо от Иры. Сразу захотелось в комаровский рай.
Tel<egramme> из Ташкента (Т<оля>), там лето и моя
страшная тень (профиль). Там я оставила войну, хотя и
победоносную, но все равно кровавую. Там родина «Про-
лога», от кот<орого> нет спасения. А где спасительное
«величие замысла», спасшее Иосифа?

Вл<адимир> М<уравьев> назвал мою прозу —
бесстрашной. Бесстрашие — близость смерти. Самое
страшное это забыть, что есть ужас, начать творить уют.

Я всегда это говорила и в прозе, и в стихах. Надя
получила квартиру, поверила «в дом» и лежит чуть жи-
вая от каких-то подозрительных болей в животе. Нина
ушла из дому, поверила в Минск, путешествия и лиши-
лась языка. А я?

<102>

Как это мило, что Вы меня не забываете. Это, кро-
ме всего прочего, помогает мне верить, что пятого июня
этого года я действительно была в невероятном Оксфор-
де. [Кроме] Без Вашей помощи я, вероятно, записала
бы тот пятый день июня в число моих избранных снов, и
все бы стало на свое место. А так оно все в движении, и
движением этим управляет некто нам незримый.

Что Вы скажете, например, о каком-то первом томе, который движется с Запада, между тем, как с Востока ему навстречу торопится [путь] «Бег времени».

Мы обе (Аня и я) в Москве.

Среда. 19 окт<ября> 1965. (Сокольники).

<103> Приехала Аня — привезла письма. Опять требова-
ния «Пролога» из ФРГ. Что за напасть!

5-ое <ноября>

<104> <...> Читала у Ел<ены> Сер<геевны> «Масте-
ра и Маргариту». Вспомнила Ташкент.

6-ое. Сегодня мой страшный день. Которая-то годовщина ареста Левы (1949). Тогда никто не думал, что осталось так мало лет (3 <года>), ужас. Ужас впивается в тело и делается им. Как чудовище у Данта. Человеку кажется — это не [моя] его рука, а рука чудовища. Это не [моя] его совесть, а совесть чудовища.

<105> Заболеваю — простуда. От этого очень уютно. Сегодня Москва была бледная, свежая, какая-то живописная. Мне было в ней хорошо. Я ни о чем не думала, ничего не помнила. Вчера — вечер Данте. Приезжие итальянцы. Встреча с Контини, он мой товарищ по оксфордской мантии. Говорят, первый дантолог мира. Во время выступления у меня начались стенокардические боли. Вспомнила Б.М. Эйхенбаума.

Я писала это в октябре, а ночью на 9 ноября начался четвертый инфаркт, и я на несколько дней потеряла сознание и после двух приступов боли начала задыхаться. <...> В больницу была доставлена в безнадежном состоянии. (Слова врача.)

10 ноября 1965 (Больница)

Вот я и в больнице. Два дня на Ордынке была в тяжелом состоянии. Не узнавала близких (Любу, Нику). Совсем плохо дышала, и все-таки чего-*<то>* не хватало для картины инфаркта, кот*<орую>* я видела *<в>* 1951 и перед Галерной. Но я каждую минуту (значит, инфаркт был 8-ого, после ухода Виноградовых) помнила, что у Нины был инсульт, и ей это все вредно. В больницу везла меня Любочка. На носилках, кроме санитаров, несли Боря и Сеня. Вспомнила маленького соседа в 1951: «Бибика, Длевна!»⁺ — и рёв.

<108> <...> (Сегодня уже хочется только работать.)

Сегодня, в понедельник, — последний Анин день. Она была очень добра ко мне, приходила в больницу к 9-ти утра, ходила, как за своей.

Мне будет плохо без нее, но отраднo видеть такой пример душевного величия. Вся больница от нее в восторге. Литфонд прислал 2000 рб.

⁺ Андреевна — так по-замоскворецки звали меня соседи Ардовых (Татьяна Ивановна).

(Денег осталось — 1.400 рб.)
 Аня — осталась. Ура!
 Писали вместе письмо в Лондон.

Четверг (больница) <...>

<110> В больнице с помощью Ани и Вол<оди> Медве-
 дева сделала «роскошное» издание «Бега времени». Это
 оказалось несколько сложнее, чем я предполагала. Все-
 го труднее подобрать тексты для будущих <эпи>гра-
 фов <автографов>. Меня до сих пор еще не удовлетво-
 ряет мой выбор и мерещится что-то лучшее. Вообще же
 книги такого жанра мне вовсе не нужны: я не вижу сбор-
 ники -- я [вижу] слышу их, а, м.б., их дуновение. Какое
 слово!

В связи с этим занятием невольно вспомнилась
 «Будка» 1964. Это она меня доканала или, вернее, воз-
 ня с книгой. Можно только удивляться, что инфаркт при-
 шел так поздно.

<111> Я не узнала Париж. Ни дом на rue Bonaparte, 10,
 ни тихую, шелестящую старыми книгами набережную.
 Казалось, он заснул в 1910 и видит страшный сон, сам
 себя 1965 года.

Париж прочно вошел в мой инфаркт<ный> бред в
 виде взбесившегося Джерринауа, который гонится за
 мной. Ростом он с восьмиэтажный дом с чудовищным
 искаженным лицом и голос у него [страшный] хриплый.
 Несется он по роскошным бульварам, и нет от него спа-
 сенья. Что запрожжено в его колесницу, я не могу разгля-
 деть, но это тоже что-то ужасное.

Сейчас была горькая радость: слушала Пёрселла, вспомнила Будку, мою пластинку «Дидоны» и мою Дидону. Вот в чем сила Иосифа: он несет то, чего никто не знал: Т. Элиота, Джон<а> Донна, Пёрселла — этих мощных великолепных англичан! Кого спрашивается не-сет Евтушенко? Себя, себя и еще раз себя.

25 декабря 1965

28 декабря 1965. (Больница.)

Письмо от Суркова. Была Огородникова. Накану-
<112> не на приеме у французов посол просил передать мне, что Франция открыта для меня в любой момент.

Попытка поднять меня сегодня (второй раз) кончилась неудачей: влажный лоб, дурнота и трехчасовой мертвый сон. В Гавани так не было. Вчера была Ладыженская. Аня уехала, зову Иру. Со своими проще. Мне предлагают переиздать обе книжки. Надо решать, а мне все трудно.

Сегодня (31 дек<абря>) был у меня В. Медв<е-
<113> дев>. Из Лен<ингр>ада ему сообщили, что случилось нечто беспрецедентное: рабочие отказались разбирать набор «Бега времени», и он печатается второй раз.

31 дек<абря>. Заснула днем, и во сне пришел ко
<114> мне Х.: «Я скажу что-то, но только на вершине горы». И мы пошли. На вершине острой горы он обнял меня и поцеловал. Я смеялась и говорила: «И это все». «Нет, пусть видят пятый развод», — и я вдруг почувствовала

от этих странных слов, что я для него то же, что он для меня. И ...меня разбудили. Это первый мой сон, куда он вошел. (За 20 лет). Узнала, что он в Princeton'e.

1 янв<аря>

<115> Был у меня Иосиф. Веселая легкая встреча. Поражен, что я уже на ногах. Привез письма из Ленинграда.

<116> 3 янв<аря>. Поздравление от Корнея. Пишет, что получил запрос из Англии и Америки о моем здоровье. Мило! Беседа с Лар<исой> Алекс<андровной> (врач) о моей болезни. Она почти признает чудо. Смущенно говорит, что печень в 10 раз уменьшилась совершенно неизвестно отчего, и сердце стало работать нормально. Она так же, как сестры и сиделки, с ужасом говорит о моем дыха<нии> первых дней. Была Надя — чудно поболт<али>.

4 января. (Больница.)

<117> Письмо от Арсения. Удивительное! С каким сильным и блестящим талантом критика родился этот замечательный поэт.

5 января. Jour des Rois*. 20 лет одной разлуки.

<118> Мне сказали, что за меня молятся во всех московских церквах. Иван Дм<итриевич> принес перевод не-

* Богоявление (Крещение) (фр.).

мецкой статьи обо мне (из «Die Welt»)⁺. Кроме нескольких диких нелепостей (ящик стола) — довольно разумно. Миша пишет для Вост<очной> Германии. Сегодня опять придет читать. (6 января — Сочельник.)

6 февраля 1966 г. (Больница, Москва)

<119> Вчера весь день мне было худо. Выдышала две кислородные подушки, что-то глотала, чем-то кололи (морфий?). Самое страшное, что не могу найти причину. Но так или иначе припадок потушили. Сегодня все как будто в порядке. Вчера звонила Ирина, там все благополучно. Морозы лютые и не думают кончаться. Кажется, написала все о Лозинском. Пойдет в книгу портретов (Модильяни, Манделштам и др.). Хорошо бы сделать две части: стихи и прозу. Была утром Маруся — принесла письмо от Т<оли>. Его интересные переводы Элиота (из Четырех квартетов).

7 февр<аля>. Понедельник

<120> Сегодня утром был рентген. Говорят — ничего не нашли. А если бы нашли, разве бы сказали. Будет Юля.

Юля была. Вчера ночью слушала «Наваждение» Прокофьева. Играл Рихтер. Это чудо, я до сих пор не могу опомниться. Никакие слова (в никаком порядке)

⁺ Газета от 5 июня 1965 г., т.е. в этот же день была оксфордская церемония. Как в этом сказалась разность характера этих народов: одни очень развязно перечисляют непристойн<ости> Жданова, другие безмолвно вручают самое свое дорогое. Кто как понимает защиту: французы, те вообще поручают все дело дежурному колибри, подписываются под моей фотографией: La reine* и очень довольны.

* Королева (фр.).

даже отдаленно не могут передать, что это было. Этого почти не [может] могло быть. Гигантский симф<онический> оркестр, управляемый нездешней силой (причем 1-ая скрипка сам Сатана) заполнил все пространс<тво>, лиясь в голубое морозное окно.

8 февр<аля>. [Среда] Вторник. Луна продолжа-
 <121> ется. После рентгена я заболела. Ночь без сна. Лежу. Вечером Ира будет звонить. Здоровье нисколько не возвращается. Так ли было в том январе в Гавани. 1961 (?). С ужасом думаю о санатории (любой). В Гавани я написала «Родная земля» и еще что-то, а здесь удушье и безмолвие. Десятого день Пушкина (смерть) и Пастернака (рождение). Я знаю, что после Лозинского должна писать о Борисе. *C'est compliqué**, как сказал злодей Толстой о выманивании цар<евича> Алексея из Италии. По радио читают стихи Пушкина («Деревня»).

10 февраля

Сегодня три месяца, как я в больнице. Теперь могу
 <122> решительно записать следующее: существует закон, по которому каждая больница от долговременного в ней пребывания медленно, но верно превращается в тюрьму. А через 6 дней объявят карантин для довершения сходства. Появятся «передачи» в наволочках, запертая (как в сумасшедшем доме) на ключ входная дверь, маски на лицах врачей, сестер и нянь, и лютая скука. Помните у П<ушки>на:

«Иль от скуки околею
 Где-нибудь в карантине...»

* Это сложно (фр.).

Выздоровливающих перестанут выпускать гулять. Голуби, кот<орых> строго-настрого запрещено кормить, будут по-тюремному гулить за окнами.

Московская метель, как при Алексее Мих<айловиче>. В ее глубине мерещатся сани-розвальни, высокие меховые шапки и грозный гул московских колоколов. Аня чего-то не идет? Приехала ли?

Сейчас прочла стихи Евтушенки в «Юности». (№ 1)
<124> Почему никто не видит, что это просто очень плохой Маяковский. «Я не в осужденье зверю говорю» (так шутил Ремизов) — вероятно, из этого наблюд<ения> можно сделать какие-то очень важные выводы. Поразительное письмо Ленина о Сталине. Ссылка на Каменева и Зиновьева — их смертные приговоры.

16 февраля. (Сретенская Анна). Среда

Выписываюсь в субботу. Рада ли? Не знаю. Аня
<125> здесь. Оказывается, М<ихаил> И<ванович> в США. Были друзья, нанесли чудных цветов. Вспоминала этот день в 10-ых годах. Н.В. Н<едоброво>.

Вечером объявлен карантин в больнице. Я уже раз попадала в карантин (в Ленинграде <в> бывш<ей> Мар<иинской> больнице).

17 <февраля>. Играют и поют «Хованщину». Зво<нит>
<126> нил Т<оля>.

~ ~ ~

18-ое. *Последний день*. Завтра в полдень меня ве-
<127> зут на Ордынку. Внешне я — как будто ничего, но в са-
мом деле никуда не гожусь.

Вчера по радио слышу стихи с музыкой. Очень ар-
хаично, славянизмы, высокий строй. Кто это? Державин,
Батюшков? Нет, через минуту выясняется, что это
просто Есенин.

Это меня немного смутило. К Есенину я всегда от-
носилась довольно прохладно. В чем же дело? — Неужели
то, что мы сейчас слышим и читаем, настолько хуже,
что Есенин кажется высоким поэтом? А то, что мы слы-
шим и читаем, сделано часто щегольски, всегда умело,
но с неизбежным привкусом какого-то маргаринно-са-
харинного сюзюка. Это неизбежная часть программы.
Завтра *folle journée** — субб<ота> на Масленой.

«Наваждение» Прокофьева все еще во мне. У Арсе-
ния есть пластинка, но у меня еще нет сил добраться до него.

~ ~ ~

Прощеное Воскресенье

Вчера вернулась на Ордынку. Ехать было очень
<128> приятно после стодневного заключения.

Вечером Ника и Юля. Т<оля>. «L'année dernière
à Marienbad»** — оказался убийцей моего «Пролога».
Это и плохо, и хорошо. Читаю его с болью в сердце.

Боже мой! там тоже театр. Кто поверит, что я писа-
ла «Сон во сне», не зная эту книгу.

И откуда эти зловещие совпадения? Попрошу най-
ти «Пролог» в недрах моих чемоданов и сравню с фран-
цузом.

* Безумный день (фр.).

** «Последнее лето в Мариенбаде» (фр.).

Больница-тюрьма еще со мной. Все еще видится на окне почти черный голубь, кот<орый>, так и кажется, готов отнести письмо по любому адресу и стучит клювом в стекло. А входная дверь заперта, как в сумасшедшем доме.

Говорят, меня поминали где-то далеко... (1946) как жертву.

Завтра Чистый понедельник

(Господи, Владыка живота моего... и звон, кот<орый> запомнился с детства).

<129>

...зато у француза (Alain Robbe-Grillet) нет эпохи — это могло случиться, когда угодно. Просто один человек искусно уводит жену другого. Она вялая, безличная, в общем никакая. Сцена viol'a* совершенно необязательная, а то, что он при этом затыкает ей рот тряпкой, просто гнусно. Конец разочаровывает. А у меня вовсе нет конца — а запрещение спектакля и железный занавес.

<130>

Домодедово (3 марта 1966)

Приехали с Ниной в санаторию. Большой пустой дом, чем-то напоминающий L'année dernière à Marienbad.

<131>

Ночь в Москве ужасная. Я два раза принимала что-то от астмы и все-таки задышалась.

Лариса Александровна сообщила, что меня, вероятно, не примут в санаторию, что Крылова заявила, что я больничная больная, и развела такую панику, что я совсем упала духом.

* Изнасилования (фр.).

Все, как всегда, кончилось ничем.

4 марта

Лежу до 8-ого (велел здешний врач). Здесь просто <132> хорошо и волшебно тихо. Я вся в Кумранских делах. Прочла в «Ариеле» (изр<аильский> журнал) о последних находках. Поражена, как, вероятно, все. Вместо 3-его века (см. Брок<гауз> — Эфр<он> о Новом Завете), время до 73 года н.э. (т.е. войны). Никакой ошибки быть не может. Точно описан Апокалипсис с редакторск<ими> заглавия<ми> и поведение первых мучеников. Почему-то евреев (не христиан) римляне вовсе не мучили. Они (римл<яне>) были гениальными колонизаторами, и сам прокуратор Понтий Пилат выходил на улицу, чтобы разговаривать с Анной и Каиафой, потому что, войдя в его дворец, они бы осквернились и не смели вкушать пасху, а римские императоры, если день (раз в году) раздачи подарков приходился на пятницу, велел<и> оставлять подарок для евреев (см. Моммзена, т. ... стр. ...). Отчего же римляне так страшно мучили кротчайших христиан еще до 73 г., т.е. сразу после смерти Христа (33 год).

Мы так много и подробно знаем о поведении первых христиан⁺.

⁺ Римские матроны еще носили свои обычные одеяния и драгоценности, так что палач не знал, как отрубать голову, чтобы не повредить жемчуга и изумруды на шее первых мучениц.

«СКОРО Я ВЫЙДУ
НА БЕРЕГ СЧАСТЛИВЫЙ...»

*(ЛИТЕРАТУРНЫЕ
И БИОГРАФИЧЕСКИЕ
КОНТЕКСТЫ
АННЫ АХМАТОВОЙ)*

«Я всю жизнь читаю Данте», — говорила Ахматова, видевшая в «Божественной Комедии» и судьбе ее автора отражение всемирной истории в нравственных контекстах судеб творческой личности и власти, великой любви, наперекор всему ведущей поэта, минуя тупики лабиринтов, предложенных действительностью, даже при смертельном для него исходе.

Ахматова помнила, что Андрей Шенье и его друг поэт Жан Антуан Руше, когда их везли на позорной телеге к месту казни, читали стихи и спорили о поэзии, что Пушкин был весел в свое преддуэльное утро, писал, пел. Она не могла не думать о том, как встретил свой смертный час Николай Гумилев, и приводила дошедшие до нее слухи о его мужественном поведении, поразившем исполнителей убийства.

Чтение Данте, уже на всю жизнь, как говорила Ахматова, началось в 1924 году, отмеченном в ее жизни несколькими знаменательными событиями — началом работы над биографией Гумилева, интересом к поэзии Андрея Шенье в связи с будущими «Пушкинскими штудиями», «встречей» с Данте Алигьери и усиленными занятиями итальянским языком. Ее собеседником и консультантом был близкий друг, создавший лучший перевод «Божественной Комедии», Михаил Леонидович Лозинский. Ахматову восхищало искусство Лозинского в пе-

реводе дантовских терцин в годы, когда она сама уже свободно читала на итальянском и могла оценить достоинства перевода. В «Божественной Комедии» она особо выделяла две части триптиха «Чистилище» и «Ад», а любимейшими и не раз цитируемыми были строки из песни тридцатой «Чистилища», рисующей появление Беатриче:

В венке олив, под белым покрывалом,
Предстала женщина, облачена
В зеленый плащ и в платье огне-алом.

Ахматова помнила и себя юной Беатриче, еще ученицей четвертого класса Царскосельской Мариинской гимназии, которую так безутешно полюбил гимназист седьмого класса Николай Гумилев, писавший в 1909 году о своей модернистской Беатриче:

Ты — лепесток иранских белых роз.
Войди сюда, в сады моих томлений,
Чтоб не было порывистых движений,
Чтоб музыка была пластичней поз,

Чтоб пронеслось с уступа на уступ
Задумчивое имя Беатриче
И чтоб не хор менад, а хор девичий
Пел красоту твоих печальных губ.

Данте Алигьери в отличие от Андрея Шенье, Пушкина, Лермонтова, Гумилева прожил долгую жизнь, и Ахматова соотносила с течением его лет свои годы, выделяя последний, когда ей довелось произнести свое «Слово о Данте» 19 октября 1965 года на юбилейном вечере, посвященном 700-летию великого флорентийца. А в последние месяцы жизни, уже в Боткинской боль-

нице, где она лежала с инфарктом, 30 января 1966 года была начата работа над новеллой о Михаиле Леонидовиче Лозинском, в десятую годовщину его смерти, как продолжение «Слова о Данте».

Воссоздавая свою биографию и биографию поколения, Ахматова снова обращается к личности Данте, к его судьбе изгнанника, к ситуации насильственного отторжения человека от отечества, имея при этом в виду и своих современников, высланных из России или вынужденных ее покинуть в годы революции и гражданской войны.

Предложение выступить на юбилейном вечере, в главном зале официальных торжеств того времени, Большом театре, Ахматова приняла, несмотря на всю неожиданность, и с волнением, и как должное, обсуждала текст выступления с близкими ей А.А. Тарковским и С.В. Шервинским, специально приглашенными в Сокольники, где она жила в тот свой приезд у Л.Д. Большинцовой-Стенич. Это было ее последнее публичное выступление, обращенное к современникам и к потомкам, культурная и этическая декларация, своего рода «охранная грамота», как-то восходящая к словам ссыльного Мандельштама, сказавшего: «Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мертвых», когда ему задали заведомо провокационный вопрос об акмеизме, именуемом в те годы контрреволюционным течением в поэзии.

Выступление Ахматовой на торжествах в Большом театре стало своего рода диалогом, в котором оппонентами оказались и виновник торжеств суровый Дант, и ушедшие друзья — Гумилев, Мандельштам, Лозинский, и вся неоднородная аудитория, собранная под сводами театра. Билеты на такого рода официальные мероприя-

тия распределялись вышестоящими инстанциями, отсылались в местные комитеты трудовых коллективов, предприятий, воинские части, научные центры, и лишь незначительная часть доходила до творческой интеллигенции.

Выступление Ахматовой никак не комментировалось официальной прессой, однако передавалось из уст в уста, и, естественно, мифологизировалось. Назвав Данте и Шекспира своими великими предшественниками, лаконично определив их значение в мировой культуре и судьбе своего поколения, она бросила в зал имена неупомянутых Гумилева и Мандельштама, по сути изъятых из отечественной литературы. До их возвращения «домой» оставалось еще много времени. Усеченный томик Мандельштама вышел в Большой серии «Библиотеки поэта» только в 1973 году, а том Николая Гумилева, в той же серии, увидел свет незадолго до столетнего юбилея самой Ахматовой. Сидящие в зале, из «непосвященных», восприняли ее выступление как некую «разрешительную» акцию, снятие табу с неупомянутых лиц, представители элитарного официоза с недоумением и не без раздражения, только творческая и литературная интеллигенция как акт гражданского мужества.

Диалог с Данте стал возможен в силу сознания Ахматовой своего избранничества, как и кажущаяся простота ее разговора с Музой, состоявшегося в одну из ночей 1924 года:

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает: «Я».

Обратившись к отношениям, связывающим Ахматову с Данте, Р.И. Хлодовский пишет о стихотворении «Муза»: «Тут очень значительно слово “диктовала”. Ахматова считала, что подлинные стихи не сочиняются, а всегда пишутся под диктовку кого-то, кто незримо стоит за спиной поэта <сохранилась ахматовская запись: “Х. спросил меня, трудно или легко писать стихи. Я ответила: их или кто-то диктует, и тогда совсем легко, а когда не диктует — просто невозможно>. В данном случае мысль Ахматовой перекликается не столько с идеями современных ей сюрреалистов, сколько с эстетикой Данте, который объясняя поэту-архаисту Буонаджунте принципы поэтики нового сладостного стиля, говорил: “Когда любовью я дышу, то я внимателен; ей только надо мне подсказать слова, и я пишу” (“Чистилище”, XXIV, 52—54)*. И далее о «Музе»: «Это она диктовала Анне Ахматовой и “Реквием”, и большую часть стихотворений Шестой книги, истинный смысл которых вне inferнального дантовского контекста “Реквиема” понять быть не может. Данте не просто вошел в поэтический мир Ахматовой — но стал как бы соавтором ее трагической темы**.

Во время выступления на юбилее у Ахматовой начались боли в сердце, приведшие к последнему инфаркту, от которого она уже не оправилась. Последовали три долгих месяца в Боткинской больнице и кончина в подмосковном санатории 5 марта 1966 года. Она очень хотела жить, по словам Н.Я. Мандельштам, «завидовала» долгожителям, была буквально одержима самыми фан-

* Хлодовский Р.И. Анна Ахматова и Данте // Тайны ремесла. Ахматовские чтения. М., 1992. С. 84—85.

** Там же.

тастическими творческими планами, среди которых киносценарий, трагедия «Энума элиш. Пролог, или Сон во сне», театрализованная редакция «Поэмы без героя», биографическая проза и книга «Гибель Пушкина». Отдавая себе отчет в том, что у нее остается мало времени и всего задуманного не успеть, Ахматова в книге о Пушкине избрала путь фрагментарности, решившись на заглавие «Страницы из книги “Гибель Пушкина”», утверждающее право написанного, но не завершеного на самоценность и художественную целостность.

Ахматова открыто обозначила своих предшественников — Данте, Шекспир, Пушкин, Лермонтов, Достоевский.

Н. Струве писал, обращаясь к русскости Ахматовой, ее связи с национальной жизнью и национальной культурой: «От Пушкина у Ахматовой высшее чувство меры: целомудрие слова, сжатость выражения. И обостренная совесть. От Достоевского («А омский каторжанин все понял и на всем поставил крест») психологическая осложненность и философский пафос. От Иннокентия Анненского («А тот, кого учителем считаю...») утонченность современной чувствительности. Последняя великая представительница великой русской дворянской культуры, Ахматова всю эту культуру вобрала и претворила в музыку»*. Однако лаконизм в определении русскости ахматовского гения отсылал к понятию универсализма как явления русской литературы и философии. Для нее были своими миры античности и древнего Вавилона, она подчеркивала, что читает Шекспира и Данте на языке оригинала. Как-то на вопрос молодого литератора, быв-

* Струве Н. Вестник РСХД. Париж. 1966. № 80.

шего у нее в гостях, об авторстве произведений Шекспира (вопрос периодически возникающий, по-прежнему вызывая споры) царственным жестом указала на полку с книгами, сказав: «Вот он — Шекспир», отсылая не столько к праздности вопроса, сколько к универсализму и всечеловечности Шекспира.

Снова и снова обращаясь к «Макбету», она пыталась разгадать какую-то оставшуюся нам неизвестной тайную причину злодейства. В рабочих тетрадях Ахматовой остались нерасшифрованные записи, которые еще будут внимательно изучены шекспироведами: «Не включенная в трагедию предыстория леди Макбет, о кот<орой> автор тем не менее все время помнит (ребенок и «я сама бы это сделала, если бы он не был похож на моего отца»), и знание *того же* автора по поводу своры Фальстафа (театр<альная> труппа) — это явления одного порядка (единство метода). М.б., есть еще такие примеры, [еще] не разгаданные нами...»*

Главу о Шекспире Ахматова предполагала включить в одну из своих неосуществленных книг, озаглавив: «Свита Фальстафа и “Макбет”». (Единство метода, т.е. нечто, что знает автор, но чем он не собирается делиться с читателем, что не входит в замысел *данного* произведения».)**

Воспоминания В. Рецептера «Ахматова и “Шекспировский вопрос”»*** в какой-то мере комментируют лаконичные ахматовские записи, содержание которых бо-

* Записные книжки Анны Ахматовой. М.: Torino, 1996. С. 232.

** Там же. С. 230.

*** Р е ц е п т е р В. «Это для тебя на всю жизнь...» (А. Ахматова и «Шекспировский вопрос»)//Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С. 648–661.

лее широко было раскрыто в их разговорах. Оказывается, Ахматову глубоко волновал вопрос личности Шекспира — автора пьес и сонетов, что отнюдь не отменяет приведенного нами ранее ответа молодому литератору: («Вот он — Шекспир»). Отсюда ее мысли о *методе*, о творческих принципах, объединяющих и разъединяющих группы произведений. П.Н. Лукницкий, оставивший летопись жизни Ахматовой с конца 1925 по март 1927 года, вспоминает, что подарил ей полного английского Шекспира, которого она внимательно читала: «Говорит, что, по ее мнению, Шекспира писал не один человек — кто бы он ни был. В этом — согласна с Пушкиным: “Макбет” и “Гамлет” — произведения одного человека, но не того, который писал “Ромео и Джульетта”»*.

И в познании Шекспира, и в разгадке авторства, она шла от текста, от скрытых в нем слоев, опираясь на Пушкина, одной ей ведомыми путями связывая в тугой узел нити тайн — шекспировских с пушкинскими и достоевскими. План очередной книги открывается тремя этими именами:

«I. Шекспир:

1) О леди Макбет. 2) О Фальстафе. 3) М.б., настоящее открытие в Гамлете (Шекспир и Достоевский <...>).

II. Пушкин. Пушкин и Невское взморье. (И все лучшее из той книги).

III. Достоевский...»**

И еще раньше, в 1957 году в маргиналиях к книге:

* Лукницкий П.Н. Встречи с Анной Ахматовой. Париж; М.: УМСА-Press; Русский путь. Т. 2. 1926–1927. 1997. С. 331.

** Записные книжки Анны Ахматовой. С. 298.

«О Шекспире

1. О Макбете

2. Находка в Лондонском суде

3. Найденная мной цитата в Гамлете (Frere Bertold)».

Шекспировские записи, суждения Ахматовой, откомментированные В. Рецептером по следам их бесед, свидетельствуют об ее абсолютной осведомленности в старой и новейшей литературе о Шекспире, при интуитивном прочтении текста в его соотнесенности с историческими приметамы быта и воздуха времени.

На дантовском вечере Ахматова сказала, что вся ее сознательная жизнь прошла под знаменами, на которых были начертаны имена «Данта и Шекспира». В ее главном произведении — «Поэме без героя» — оба они присутствуют с большей или меньшей видимостью, и сам подзаголовок «Триптих» ориентирован на «Божественную Комедию». К ней же отсылает эпиграф из Н. Клюева: «Ахматова жасминный куст, // Где Данте шел и воздух пуст», при этом клюевское «воздух густ» заменено ею на «воздух пуст», отсылая к поэту, проходящему кругами Ада с мертвым Стиксом и остановившимся воздухом. И вся «Решка» с «обезумевшими Гекубами», воем ветра, вперемешку с женским плачем и мотивами из «Реквиема», отсылает к дантовскому Аду:

Загремим мы, безмолвным хором,

Мы — увенчанные позором:

«По ту сторону ада мы».

Шекспировские контексты поэмы подготовлены всем предшествующим творчеством Ахматовой, впервые возникнув в одном из ее ранних стихотворений, накладывающих ситуацию Офелии и Гамлета на свою судьбу и

биографию. «Читая “Гамлета”» написано в 1909 году в Киеве во время выяснения отношений с Гумилевым:

У кладбища направо пылил пустырь,
А за ним голубела река.
Ты сказал мне: «Ну что ж, иди в монастырь
Или замуж за дурака...»

Принцы только такое всегда говорят,
Но я эту запомнила речь, —
Пусть струится она сто веков подряд
Горностаевой мантией с плеч.

В черновом тексте была еще бо́льшая приближенность к ситуации Гамлет — Офелия: строка третья читалась — «Офелия, иди в монастырь», прямо отсылая к акту 3 сцены 1 трагедии: «Уходи в монастырь; прощай. Или, если уж ты непременно хочешь замуж, выходи замуж за дурака» (пер. М. Лозинского). И тогда же в Киеве, во втором стихотворении этого цикла, также обращенном к Гумилеву: «Я люблю тебя, как сорок // Ласковых сестер», отсылка к словам Гамлета над могилой Офелии — «Ее любил я; сорок тысяч братьев // Всем множеством своей любви со мною // Не уравнились бы» (акт V. Сц. 1. Пер. М. Лозинского).

Ахматова почти согласилась на предложение режиссера Г. Козинцева сделать перевод «Гамлета» для готовившегося им кинофильма, но не решилась обидеть Пастернака. Еще ранее вела разговоры с Игн. Ивановским о совместном издании «Гамлета» в его переводе с ее комментариями. А еще ранее, в середине 1930-х годов, Ахматова работает над переводом «Макбета», проблематика которого в ее восприятии была созвучна наступившему времени большого террора.

«Гамлет» и «Макбет», как бы присутствующие в «Поэме без героя» неким невидимым слоем, в значительной мере обусловили трагедию, развивавшуюся в ней по своим законам. Строфы и строки поэмы отсылают к кровавым событиям шекспировских трагедий, напоминая о себе на первый взгляд в нейтральных контекстах, пробиваясь через другие, более близкие литературные реминисценции многослойного ахматовского письма.

А ведь сон — это тоже вещца,
Soft embalmer *, Синяя птица.
Эльсинорских террас паррапет.

Шекспир здесь соседствует с Метерлинком, а террасы Эльсинора, где Гамлету явилась тень отца (жертвы злодейства), вызвали в памяти Ахматовой суждения Поля Валери, к которым она отсылает в прозе о поэме, указывая на многозначность ее образов: «И вот на огромной террасе Эльсинора, тянущейся от Базеля к Кельну, раскинувшейся до песков Ньюпорта, до болот Соммы, до меловых отложений Шампани, до гранитов Эльзаса, — европейский Гамлет глядит на миллионы призраков. Но этот Гамлет — интеллектуалист. Он размышляет о жизни и смерти истин. Ему служат приведениями все предметы наших распрей, а угрызениями совести — все основы нашей славы; он гнется под тяжестью открытий и познаний, не в силах вырвать себя из этого не знающего границ действия. Он думает о том, что скучно снова начинать минувшее, что безумно вечно стремиться к обновлению. Он колеблется между двумя безднами, ибо две опасности не перестанут угрожать миру: порядок и беспорядок»**. Тем самым она одновременно рас-

* Нежный утешитель (англ.).

** В а л е р и П. Кризис духа. М., 1936. С. 78.

ширляла горизонты поэмы и обращала внимание на возможности современного прочтения Шекспира, функционирования его героев в мировом пространстве духа.

Однако из всех великих ближе других стал для Ахматовой Пушкин — сначала лицеист-царскосел, затем опальный поэт, «невольник чести», и изначально — гений. В ее долговременных отношениях с Пушкиным главным оказался принцип «зеркальности», зеркального отражения в судьбе поэта, как архетипа творчества, своей судьбы и судьбы поколения.

Литературная юность Ахматовой совпала с интересом литературно-художественной интеллигенции и широких культурных слоев России к гению Пушкина, что в значительной мере объяснялось потребностью подвести итоги ушедшего XIX века и определить необходимое в развитии духовной жизни нового столетия. После нескольких десятилетий полузабвения, когда, по словам Ахматовой, Пушкина воспринимали «почти как Майкова», начинается новое прочтение поэта, высвечивание в его творчестве граней, созвучных художественным исканиям искусства Серебряного века. Ахматовой запомнилось выступление в «Аполлоне» Владислава Ходасевича «Уединенный домик на Васильевском»*. Статья явилась первой пушкиноведческой работой Ходасевича, содержащей в своих подходах принципы исследования, позже развернутые Ахматовой в ее «Пушкинских штудиях». Ходасевич писал: «Вместо непрочной связи лирических постижений и неизъяснимых “предчувствий” мы предлагаем установить между рядом произведений Пушкина прямую и прочную, тематическую и текстуальную связь. И конечно, возможностью это сделать мы обязаны счаст-

* Аполлон. 1915. № 3. С. 58–96.

ливой находке «Уединенного домика на Васильевском». Статья Ходасевича явилась ответом на сенсационную републикацию забытой повести, рассказанной Пушкиным в салоне Карамзиных и в ту же ночь записанной «архивным юношей» В.П. Титовым, наутро показавшим ее Пушкину. Повесть была опубликована в альманахе «Северные цветы». Через много лет Ахматова, к тому времени уже автор известных работ о Пушкине, проведя дотошный анализ текста в записи Титова в соотносении с черновиками пушкинских текстов, его маргиналиями, письмами и фактами биографии, исследует тяжелую духовную драму Пушкина, отразившуюся в трагедии, переживаемой Павлом, центральной фигурой повести...

«Возвращение» Пушкина и взрыв интереса к его личности и творчеству вызвали не только громкие споры, но и парадоксальные ситуации. Появляется ряд исследований В.Я. Брюсова, обратившегося к изучению биографии, поэтики, текстологии. Мэтр символизма выпускает в свет первое отдельное издание «Гавриилиады» (1918), а двумя годами ранее предлагает свое завершение «Египетских ночей», тема, как показали поздние изыскания, отнюдь не безразличная Ахматовой.

В ответ на публикацию брюсовских «Египетских ночей», В. Маяковский, имя которого значилось под футуристическими декларациями, предлагавшими «бросить Пушкина с парохода современности», заявляет свой полемический протест в стихотворении «В.Я. Брюсову на память» (1916):

Разбоя след затерян прочно
во тьме египетских ночей.
Проверив рукопись
построчно,
гроши отсыпал казначей.

Бояться вам рожна какого?
 Что
 против — Пушкину иметь?
 Его кулак
 навек закован
 в спокойную к обиде медь!

На памяти завсегда таев «Бродячей собаки» — знакомство Маяковского с Гумилевым. Маяковский просил представить его Гумилеву. Тот ответил согласием, но при условии, если молодой футурист не будет ругать Пушкина, в чем и получил заверения.

В мире духовной и повседневной жизни самой Ахматовой связь с миром Пушкина никогда не прерывалась, хотя в разные периоды жизни восприятие его было различно. В ранней юности Ахматова и Гумилев, как столетие ранее Пушкин, были царскоселами. По чувству и мысли Ахматовой, они как бы пребывали в некоем общем с Пушкиным магическом круге и могли повторять вслед за ним в поисках своей литературной родословной: «Отечество нам — Царское Село». У Пушкина-лицеиста был старший друг В.А. Жуковский, у Ахматовой и Гумилева — Иннокентий Анненский, под влиянием которого складывались поэтические вкусы и в известной мере формировалась ахматовская поэтика. Она ощущала свою причастность к тем, с кем вместе учился и дружил Пушкин, и с его преемниками, жившими в Царском, как Анненский, или любившими Царское Село, как умерший в нем Тютчев. «Здесь столько лир повешено на ветке» — скажет она в одном из своих ранних стихотворений, надеясь что и ее лира будет там.

Долгий век Ахматовой (1889—1966) вместил в свою временную протяженность две жизни Пушкина, плюс

полтора года, отделяющие срок, отпущенный Гумилеву от пушкинских тридцати семи. Ахматова, с ее пристальным вниманием к нумерологии и числовой магии, не могла не задумываться над потаенным смыслом этих числовых единиц, когда говорила: «Кто бы мог подумать, что я задумана так надолго». В поздние годы жизни в круг ее близких знакомых входили известные физики и астрофизики. После октября 1965 года в рабочих тетрадях появляется запись: «Взять эпитафию к «Листкам из дневника»... Из чего же он (Человек) состоит: из Времени, Пространства, Духа? Писатель, надо думать, и должен, стремиться воссоздать Человека, писать Время, Пространство, Дух...»*. Мгновенным поводом для записи этой мысли стали беседы с Иосифом Бродским, с которым Ахматова любила обсуждать метафизический вопрос, куда девается время и как оно реализуется в пространстве. Однако для себя она этот вопрос решила раньше, в соотнесенности с гением Пушкина и его эпохой, как в своей пушкиноведческой прозе, так и в стихах, возвращаясь к теме «поэт и власть», как проблеме биографической. В примечании к одной из последних пушкинских работ Ахматова пишет: «Он победил и время и пространство. Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург — и это уже к литер<атуре> прямого отношения не имеет. Это что-то другое. В дворцовых залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные тени изгнаны оттуда навсегда.

Про их великолепные дворцы и особняки говорят: “Здесь бывал Пушкин” или “Здесь не бывал Пушкин”.

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 724.

Все остальное никому не интересно. И что самое для них страшное, они могли бы услышать от поэта:

За меня не будете в ответе,
 Можете пока спокойно спать.
 Сила — право, только ваши дети
 За меня вас будут проклинять»*.

Стихотворная строфа, обращенная к современникам от имени Пушкина, отсылается Ахматовой одновременно к себе самой и к Гумилеву, как и другое, незавершенное стихотворение, варьирующее эту же тему:

И отнять у них невозможно
 То, что в руки они берут
 Хищно, бережно, осторожно
 Как... меж ладоней трут.
поэта убили
 Николай правей, чем Ликург,
 Через столетие получили
 Имя — Пушкинский Петербург.
 Безымянн<ая> здесь могила,
 Чтобы область вся получила
 Имя «мученика сего»**.

От блистательного Санкт-Петербурга, места убийства Пушкина, Ахматова отсылает к безымянной могиле, затерянной в *ленинградской области*, месту предполагаемого захоронения Гумилева.

«Пушкинский слой», присутствующий в поэзии Ахматовой, неразрывно связан с именем Гумилева. «Воспоминанием в Царском Селе» назвала Ахматова третью главу первой части «Поэмы без героя», самым ее заглавием отсылая к одноименному стихотворению Пушкина:

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 117.

** Там же. С. 68.

А теперь бы домой скорее
Камероновой Галереей
В ледяной таинственный сад,
Где безмолвствуют водопады,
Где все девять мне будут рады,
Как бывал ты когда-то рад.

Ахматова говорила, что отрывок этот адресован ее близкому другу, поэту и выдающемуся филологу Николаю Владимировичу Недоброву: «Ты, кому эта поэма принадлежит на три четверти, так как я сама на три четверти сделана тобой, я пустила тебя только в одно лирическое отступление (Царскосельское). Это мы с тобой дышали и не надышались сырым водопадным воздухом парков («сии живые воды...»)*. «Сии живые воды» — фраза из стихотворения Пушкина «Была пора, наш праздник молодой...» (1836) особо памятна Ахматовой и не раз встречается в ее записях: «Пушкин и Царское Село». Царскосельск<ие> водопады, «сии живые воды», своим звуком сопровождали всю жизнь Пушкина. И далее, отсылая уже к своей юности и юности Гумилева: «Мы их не знали во всем их великолепии. Петергоф — фонтанный. Царское Село — водопадное»**. И снова, уже в одном из последних произведений — «Большой исповеди», построенной на пушкинских реминисценциях и тоже обращенной к Гумилеву:

*Все кончено. Корабль идет ко дну.
И маски прочь — и я с тобой в плену.
Еще я слышу свежий клич свободы,
Мне кажется, что вольность мой удел,*

* А х м а т о в а А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1998. Т. 3. С. 240.

** Записные книжки Анны Ахматовой. С. 135.

И слышатся «сии живые воды»

Там, где когда-то юный Пушкин пел.

В царскосельский период жизни Пушкин для Ахматовой не только гениальный поэт: «И столетие мы леем//Еле слышный шелест шагов», но в какой-то мере и сверстник. «Смуглый отрок» бродил по тем же аллеям, что и она с Гумилевым, сидел на тех же скамейках («...здесь лежала его треуголка и растрепанный том Парни»). Испытываемое благоговение не могло заслонить чувства землячества, территориальной близости. Разделявшее их столетие в какие-то минуты исчезало, великий поэт являлся им юным Пушкиным, как и они сами, еще не отягощенный трагедиями и горестными разочарованиями.

«А я была дерзкой, злой и веселой//И вовсе не знала, что это — счастье», — писала Ахматова в поэме «У самого моря», прозрачно отсылающей ритмами и заглавием к пушкинской сказке о золотой рыбке. «Веселая и дерзкая», она вступает с Пушкиным в открытый диалог, как бы видит мир его глазами и одновременно предлагает свое художественное видение. В 1916 году пишет свою «Царскосельскую статую», не побоявшись обратиться к пушкинскому сюжету «Девы с кувшином»:

...И ослепительно стройна,
Поджав незябнувшие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.

Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой.
Играли на ее плечах
Лучи скудеющего света.

И как могла я ей простить
Восторг твоей хвалы влюбленной...
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.

И хотя у стихотворения есть адресат посвящения (Н. Недоброво), обращено оно прежде всего к Пушкину, которого она ревнует как живого и как к живому обращается. И, по-видимому, не столь далеко от возможного предположение, что и Пушкин может быть одним из адресатов стихотворения декабря 1914 года:

Земная слава как дым,
Не этого я просила,
Любовникам всем моим
Я счастье приносила.

Один и сейчас живой,
В свою подругу влюбленный,
И бронзовым стал другой
На площади оснеженной.

Комментаторы стихотворения обращали внимание на возможную его связь с открытием годом раньше в Царском Селе памятника Пушкину. От сюжета этого стихотворения ревность могла перейти и на «Деву с кувшином», воспетую Пушкиным. А о том, как ревновала Ахматова Пушкина к Наталии Николаевне, а Блока к Любви Дмитриевне, достаточно известно. О работе Цветаевой «Мой Пушкин» прямо заявляла: «Марину на три версты нельзя подпускать к Пушкину, она в нем не смыслит ни звука»*.

* Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997. Т. 2. С 351.

О провиденциальной роли Пушкина в жизни Ахматовой или о роли, которую она сама отводила ему в своей судьбе, свидетельствует и тот факт, что «Реквием», как явление потаенной литературы, связан с именем Пушкина и тайнописью поэта, ею унаследованной. Л.К. Чуковская, которой Ахматова читала стихи, составившие позже «Реквием», 31 января 1940 года записала в дневник: «Длинный разговор о Пушкине: о Реквиеме в “Мозарте и Сальери”. Потом о пушкинских темах: Европа, во-первых, и Петербург, во-вторых». Запись сопровождается более поздним примечанием: «Пушкин ни при чем, это шифр. В действительности А.А. показала мне в этот день свой, на минуту записанный “Реквием”, чтобы проверить, все ли я запомнила наизусть»*.

Ахматова училась тайнописи у Пушкина, посвятив многие страницы своих «Пушкинских штудий» ее расшифровке. О «Евгении Онегине» и «Пиковой даме» она говорила: «Там слой на слое», восхищаясь «тайной» пушкинского письма. И в работе над «Поэмой без героя», вобравшей в себя «мировой культурный текст», шла от Пушкина, от него и через него воспринимая не только Шекспира и Байрона, но и Достоевского. «Поэма без героя» занимала в ее жизни такое же место, как «Евгений Онегин» в биографии Пушкина. Если взглянуть на эти произведения во временной протяженности жизни их авторов, учитывая отпущенные им сроки, обе поэмы (роман и поэма) укладываются в примерно равные биографические рамки — около десяти у Пушкина и более двадцати у Ахматовой. Первое посвящение к «Евгению Онегину» написано 29 декабря 1823 года, к «Поэме без героя» — 27 декабря 1940 года.

* Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1. С. 73.

«Евгений Онегин» — одно из зеркал, анфилада которых раскрылась перед автором «Поэмы без героя», однако — самое любимое, которому в шутку и всерьез говорилось: «Свет мой зеркальце скажи...»

Пушкинские контексты в творчестве Ахматовой недостаточно изучены, особенно это может быть отнесено к «Поэме без героя», открыто и не без вызова ориентированной на «Евгения Онегина». Следуя Пушкину, она меняет местоположение строф в поэме, пользуется заимствованными приемами пушкинской тайнописи, до времени заменяя так называемые «крамольные строфы» отточиями, отсылая к Пушкину, писавшему, что «... есть строфы в “Евгении Онегине”, которые я не мог или не хотел напечатать, этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, они прерывают связь рассказа, и поэтому означается место, где быть им надлежало. Лучше было заменить эти строфы другими, или переплавлять и сплавлять мною сохраненные. Но виноват, на это я слишком ленив» (А. Пушкин. «Опровержение на критики», 1830).

Продолжая начатую Пушкиным «игру» с читателем», Ахматова иногда, как можно судить, предлагает ложные строфические отточия, за которыми не прячется текст, однако присутствует определенная функциональность. О таких случаях пропуска строф В. Набоков писал в применении к «Евгению Онегину»: «Наблюдал, что они, нередко являясь фиктивными, имеют некий музыкальный смысл — придумку о тоскливой паузе, имитацию пропущенного сердечного удара, мираж о горизонте чувств, ложные звездочки для обозначения ложной неизвестности»*.

* Набоков В. Комментарий к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. Л., 1999. С. 16.

Пушкинский «след» угадывается и в авторских примечаниях к поэме, каждое из которых представляет собой самоценную часть текста, иногда с перенесенными в него строфами, с авторскими мистификациями, образцами эпистолярный, лирическими отступлениями.

Ахматова прекрасно знала пушкинские рукописи, рисунки, сопровождавшие работу над романом в стихах, и не могла не обратить внимание на один, сделанный во время подготовки первой главы (1824), — Онегин с Пушкиным на набережной Невы, где у молодого Пушкина, как у Ленского, длинные кудрявые волосы. Рассматривая этот рисунок, Набоков замечает: «Вполне можно представить Онегина говорящим во второй главе Ленскому: “А знаешь, ты немного напоминаешь мне молодого Пушкина, с которым я виделся в Петербурге”»*.

Набоков с интересом читал работы Ахматовой-пушкиниста и высоко их ценил. Однако Ахматова не могла видеть его фундаментальных комментариев к «Евгению Онегину», вышедших в свет в 1969 году. Тем более удивляют совпадения суждений обоих исследователей.

Ахматова видела в Ленском архетип убиенного поэта. И если ввести пушкинский персонаж в ряд далеких и близких прототипов героя первой части ее поэмы, появится возможность по-новому прочесть загадочную строфу «Решки»: «Третий умер в семнадцать лет» (позже замененную на: «Третий прожил лишь двадцать лет»): «Он пел поблеклый жизни цвет//Без малого в осьмнадцать лет».

Вместе с тем при открытом обращении к Пушкину «Поэма без героя» прокладывала свои новые пути в раз-

* Набоков В. Комментарий к «Евгению Онегину» Александра Пушкина. С. 29.

витии жанра, открывала глубины психологизма, формировала свою поэмную строфу, которую В.М. Жирмунский назвал «ахматовской». Сама же Ахматова назвала свою поэму «антионегинской», заявив, что «Евгений Онегин» опустил слагбаум на пути развития жанра, который как-то сумел обойти некрасовский «Мороз, Красный нос», а далее, минуя десятилетия, — ранние поэмы Маяковского, «Двенадцать» Блока, а затем и «Поэма без героя».

Повторяя, что без тайны нет поэзии, Ахматова в своем творчестве сама явила удивительные образцы далеко запряганных аллюзий, нуждающихся в дешифровке и раскрывающих порой неожиданные сюжеты. В прозе о поэме Ахматова сравнивала «Поэму без героя» с не до конца распустившейся розой, где под одним сорванным лепестком обнаруживается другой, еще более свежий и упругий. И к своим воплощенным замыслам шла сложнейшим путем, на первый взгляд, неожиданных ассоциаций, нередко повергая пытливого читателя (а их у Ахматовой большинство) и исследователей в недоумение, толкая их, как можно полагать, умышленно, на ложный путь, и отнюдь не во вред восприятию поэтического текста, совершенного в каждом из своих слоев. Вместе с тем она часто в той или иной форме дает читателю свою подсказку, не всегда воспринимаемую в лабиринте ее ассоциаций и, случается, всплывающую спустя долгое время.

Обратимся к двум случаям игры ахматовского письма, обнаруживающего глубинный пушкинский слой и ориентирующего на известную фразу Достоевского «пусть читатель потрудится». Позволим предположить, что в утраченной работе Ахматовой «Достоевский и Пушкин», которую в семье пушкиниста В.Б. Томашев-

ского считали лучшей среди штудий Ахматовой, ставились вопросы тайнописи обоих писателей. Это подтверждается намерением Ахматовой в последние годы жизни восстановить утраченное, написать статью «Как Достоевский пытался разгадать тайну Пушкина».

В «Поэме без героя» есть строфа, тревожащая уже не одно поколение комментаторов своей фактологической несообразностью, относящаяся к биографии заявленной героини первой части Триптиха, актрисе и художнице Ольге Афанасьевне Глебовой-Судейкиной, корни которой уходят в Ярославщину, куда, по свидетельству Артура Лурье, Ольга Афанасьевна и Сергей Юрьевич Судейкин не раз ездили (к ее деду), и «гордость русского модернизма» художник Судейкин с восторгом рассказывал об этих поездках.

Описывая спальню или будуар «петербургской куклы, актрисы», Ахматова награждает ее конкретными и всем памятными реалиями:

Дом пестрей комедьянтской фуры.
 Облупившиеся амурсы
 Охраняют Венерин алтарь.
 Певчих птиц не сажала в клетку,
 Спальню ты убрала, как беседку,
 Деревенскую деву-соседку
 Не узнает веселый скобарь.

В мистифицированных редакторских примечаниях к строфе указано: «Скобарь — обидное прозвище псковичей», что полностью соответствует всем справочникам.

Строфа насыщена приметами из жизни Глебовой-Судейкиной и ее друзей 1910-х годов. Настоящие скульптуры амуров XVIII века были доставлены в «Бродячую собаку» на вечер Тамары Карсавиной из театрального

домика Озаровского, где, по словам того же Лурье, среди мебели карельской березы и старинного фарфора «царила Ольга». Ахматова знала, что в последние годы своей жизни в Париже Глебова-Судейкина поселила в своей крошечной комнате множество птиц, которых она не загоняла в клетки. Здесь все прочитывается и поддается дешифровке. И только «скобарь» воспринимался явлением несколько чужеродным в строгом ряду биографических реалий, что привело Г. Струве, и вслед за ним других комментаторов, к сомнению в принадлежности Ольги Глебовой-Судейкиной к Ярославской губернии, и возник соблазн в перемещении ее родины на Псковщину. Как бы предвидя эти сомнения, возможно и высказанные кем-то из знакомых, читавших поэму, Ахматова дает первую подсказку, заменив в некоторых списках поэмы «скобарь» на «кобзарь» (список В. Адмони; РНБ, Ф. 1073). Однако простонародное «кобзарь» здесь не вписывалось в стилистику главы, и вариант не был перенесен в тексты, известные читателю. Ответ пришел многим позже, когда стали доступными рабочие тетради Ахматовой, в одной из которых была обозначена тема статьи «Пушкин-скобарь и банный Пушкин»*. Стало очевидным, что упомянутая строфа отсылала к архетипу поэта, а «скобарь» был своего рода «наводкой», отсылая к псковскому происхождению Пушкина, о котором псковские крестьяне говорили: «Наш, скобарь».

Но как соединить «банный Пушкин» и «Пушкин-скобарь»? В первую очередь, правомерно вспоминается великолепная сцена тифлисских бань, где побывал Пушкин, описав их во второй главе «Путешествия в Арзрум»:

* Записные книжки Анны Ахматовой. С. 186.

«...горячий, железо-серный источник лился в глубокую ванну, иссеченную в скале. Отроду не встречал я ни в России, ни в Турции ничего роскошнее тифлиских бань...»*.

Однако ответ на этот вопрос оказался совсем близко, в маленькой статье Ахматовой «Пушкин и дети», написанной по давнему рассказу Н.Н. Пунина, относящемуся к 1937 году. В Ленинграде, на Пушкинской улице, известной питерскому люду ближайшими банями, стоял памятник Пушкину, который городские власти решили увезти с площадки, на которой играли дети. Ахматовой запомнилась ситуация: «В 1937 в юбилейные дни советская комиссия постановила снять неудачный памятник Пушкину в темноватом сквере на Пушкинской улице в Ленинграде. Послали грузовик, кран — вообще все, что полагается в таких случаях. Но затем произошло нечто беспримерное. Дети, игравшие в сквере вокруг памятника, подняли такой вой, что пришлось позвонить куда следует и спросить: «Как быть?» — Ответили: «Оставьте им памятник», и грузовик уехал пустой. Февраль 37 — [полный] расцвет ежовщины. Можно с полной уверенностью сказать, что у доброй половины этих малышей уже не было пап (а у многих и мам), но охранять дядю Пушкина они считали своей священной обязанностью»**.

Ахматова исследует роль Пушкина в духовной жизни разных поколений и на различных уровнях — бытийном и бытовом, в контекстах личной биографии и индивидуального творчества, выявляя глубокие культурно-

* Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937—1949. Т. 8. С. 457.

** Записные книжки Анны Ахматовой. С. 197.

генетические связи и необходимость прочтения его наследия во всем объеме, включая все черновые рукописи, письма, маргиналии, позволившие понять психологию творчества и духовную драму Пушкина. Ее открытия, зафиксированные в незавершенных и разрозненных работах: «Пушкин в 1828 году» («Уединенный домик на Васильевском»), «Пушкин и Невское взморье», осмысление черновых записей к «Евгению Онегину» и др., позволяют воспринять всю сложность духовного мира поэта, глубину трагедии его переживаний, обусловленных не только объективными обстоятельствами, но и, как пишет Ахматова, психологическим складом. Она возражает и против определения Пушкина, как парнасца, небожителя по призванию, равно как и поэта исключительно революционно-демократических устремлений. В равной мере для нее неприемлемо положение о чистоте и прозрачности пушкинской поэзии. И свою не до конца осуществленную миссию она видела в воссоздании духовного мира, получившего отражение в мире творчества более усложненным, трагедийным и от того не менее прекрасным.

В последние годы жизни Ахматова работала над книгой «Гибель Пушкина», в задачу которой входило выявление всех обстоятельств гибели русского гения и ответственности всех — от императорской семьи, светских салонов до ближайших друзей и родственников. К этой незавершенной книге Ахматова шла долгие годы, через свои научные, литературоведческие изыскания, которые были начаты во второй половине 20-х годов прошлого века и длились до конца ее жизни.

После 1924 года Ахматова собирает материалы для биографии Н.С. Гумилева, читает Андрея Шенье, вы-

страивая параллели в истории революционных эпох. Чтение Шенье обращает ее к Пушкину, приводит к мысли, что поэтический мир французского поэта в течение нескольких лет служит Пушкину источником не только гражданской поэзии, но и элегий, идиллий, след Шенье устанавливается ею в «Борисе Годунове», в «Евгении Онегине» — (могила Ленского, строки: «Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни...» и др.). Тема «Шенье и Пушкин» делается предметом долгого и самого тщательного исследования, проводимого в сравнении французских текстов, тех, которыми мог пользоваться Пушкин. С начала 1926 года, как свидетельствуют дневниковые записи П.Н. Лукницкого, до конца 1927-го занятия Шенье и Пушкиным остаются главным творческим интересом Ахматовой.

Своими наблюдениями она делилась с Г.А. Гуковским, Б.М. Эйхенбаумом, В.Б. Томашевским, вызвав живой интерес научной общественности. В это время Ахматова формулировала свое понимание принципов заимствования и ориентации на чужой текст, как сознательную творческую установку.

П.Н. Лукницкий, записывавший разговоры с Ахматовой и оставивший единственный документ об этой ее работе, сообщает в записи от 4 июля 1926 года: «Я не ищу, я нахожу», — сказал Пикассо в письме в этом году. Так вот, Пушкин не ищет. Он всегда только находит. И когда он подражает — он делает это лучше того, кому подражает. Но когда подражают слабые поэты более сильным — это бывает отвратительно...»*

Другая запись: «Сегодня утром и вчера ночью АА сделала выписки из писем Пушкина, чтобы датировать то место “Бориса Годунова”, на котором влияние Ше-

ные, четвертую главу из “Евгения Онегина” и “Оду” Шенье (?). Все три вещи совпали во времени написания. Все они написаны в течение одного лета, и, таким образом, предположения АА об усиленном чтении Шенье в это лето подтвердились.

АА говорила о Шенье, что не любила бы его, если бы не его ямбы, потому что во всех остальных стихотворениях слишком чувствуются условности и типичные для XVIII века чувственность и рассудочность, чего совершенно нет в превосходных ямбах, где реализм, хотя и доходящий порой до цинизма, где звучит “неколебимый гражданский пафос”. <...> АА стала перечислять недостатки Шенье, в числе которых (это не относится к его ямбам) — сентиментальность, растянутость вообще, погрешности композиции. Шенье где-то бежит за письмом любимой и горько жалуется на ветер, его уносящий, и описывает эту беготню с письмом в самых торжественных и патетических (а на наш, современный взгляд — смешных) выражениях. “Пушкин не заставил бы себя бегать за письмом любимой перед читателем”; у Пушкина это — “Сожженное письмо” (влияние на котором — именно указываемого стихотворения Шенье), и в нем Пушкин мужествен; и мужество, и отношение к чувствам, и фразировка — совершенно современные нам.

“А французы считают Шенье первым французским поэтом”, — говорит АА. Я спрашиваю: “А Виллон?” — зная, что АА любит его и ценит его больше всех французов. АА только рассмеялась и протянула ласково: “Виллон? Виллон — душенька”, — вложив в это слово всю свою неистовость и нежность.

* Лу к н и ц к и й П.Н. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 2. С. 207.

Говорили еще. АА сказала, что не думала раньше, что у Пушкина есть такая группа как-то одинаковых стихов. Брюсов, редактируя Пушкина, как-то чувствовал эту одномерность ряда пушкинских стихов, чувствовал, что есть какая-то группа — потому что полууказание на это слышится в его примечаниях, что какое-то стихотворение, вероятно, относится к той же, к какой и то-то... Брюсов, однако, не улавливал, в чем именно их сродство. А сродство их в том, что все они — под влиянием Шенье. АА говорит: «Пушкин делает всегда лучше. Он гениально схватывает все недостатки Шенье и их отбрасывает, не пользуясь ими для своих стихов... (4.05.1926).

<...> В Пушкине АА ночью нашла еще одно место с влиянием Шенье: стихотворение “Кавказ” и “Монастырь на Казбеке” — в сравнении с элегией (послание “A deux frères”); последняя совершенно необычна для Шенье — в ней Шенье говорит о горах и т.д., но она почти с религиозным чувством написана — в ней даже упоминается ангел, а это для Шенье-атеиста — исключение.

В описаниях большое сходство: “Отселе я вижу потоков рожденье...”, “...зеленые сени...”, “И ползают овцы по злачным долинам...”, “тенистые берега”, “утесы” — очень сходятся с Шенье, а в “Монастыре на Казбеке” совсем совпадают со строками Шенье: “Туда б в заоблачную келью//В соседство Бога скрыться мне...” — ущелье есть, и келья, и “соседство неба”.

Однако этот пример АА не решается ставить в ряд с другими, говоря, что это может быть простое совпадение. Странна, правда, возможность такого совпадения, но, может быть, “варварство” — так уж относиться к сти-

хам, что, замечая у двух поэтов схожие места, схожие, может быть, только потому, что оба видели то же самое и что слова для выражения того, что они видели, — одни и те же, — ставить в зависимость одно от другого их стихотворения.

Итак, АА нисколько не настаивает на данном примере*.

«Пушкинскими штудиями» назвала Ахматова свои занятия по изучению Пушкина в соотносении текста со всем многообразием жизненных связей, литературных пристрастий, особенностей психического склада. В работе она руководствовалась сравнительно-филологическим и психологическим методом исследования.

Ахматова внимательно изучает книги библиотеки Пушкина, о которой позже с болью замечала, что ей не нашлось места ни в квартире генерала Ланского, второго мужа Наталии Николаевны Пушкиной-Гончаровой, которой было тяжело видеть вещи покойного Пушкина в доме, ни на половине сестры, Александры Николаевны (Александрины), доброе отношение которой к Пушкину берется ею под сомнение.

Среди книг пушкинской библиотеки широко представлены издания американского писателя-романика Вашингтона Ирвинга. Внимание Ахматовой привлекла его книга «Альгамбра», с вошедшими в нее «Легендами об Арабском астрологе». Выбрав одну из семи ирвинговских книг, содержащихся в библиотеке, она воспользовалась парижским двухтомным изданием «Альгамбрских сказок», провела скрупулезный сравнительно-филологичес-

* Лу к н и ц к и й. Т. 2. С. 133–135. Подробную запись бесед в период работы Ахматовой над темой «Пушкин и Андрей Шенье» см.: указ изд. С. 114–230.

кий анализ, в ходе которого доказала, что источником пушкинской «Сказки о золотом петушке» явилась «Легенда об Арабском астрологе» (или звездочете, как она говорила).

Публикация работы Ахматовой «Последняя сказка Пушкина» в 1933 году в первом номере журнала «Звезда» ввела ее в ряд известнейших пушкинистов. Свои изыскания она доложила в Пушкинском Доме 15 февраля того же года, а несколько позже написала «Комментарий “Сказка о золотом петушке” и “Царь увидел пред собой...”», опубликованные в фототипическом издании «Рукописи Пушкина» под редакцией С. Бонди. Следующие ее работы — «“Адольф” Бенжамена Констан в творчестве Пушкина», «“Каменный гость” Пушкина» — печатались в строгих академических изданиях, получив известность в отечестве и за рубежом.

Кроме этих работ, вышедших в свет при жизни Ахматовой, ею оставлен ряд незавершенных текстов и многочисленных, до конца и в полном объеме не учтенных фрагментов, разрозненных набросков, маргиналий, все еще не опубликованных и полностью не описанных (хранящихся в государственных хранилищах и частных коллекциях).

Ахматова была увлечена и буквально поглощена безбрежным миром своей пушкинианы, не дававшей отдыха и во сне. Ее незавершенные работы «Уединенный домик на Васильевском» («Пушкин в 1928 году»), «Болдинская осень (8-я глава “Онегина”», «Две новые повести Пушкина», «О XV строфе второй главы “Евгения Онегина”...» представляют собой части большой и незавершенной книги о Пушкине.

В своей работе Ахматова исходила из отсутствия четких границ между рациональным и интуитивным в

едином и непрерывном творческом процессе. Руководствуясь этим принципом в анализе художественного наследия своих великих предшественников, она эти же принципы проецировала на себя. Сознательное и бессознательное в ее понимании изначально присутствует в освоении художественного мира писателем, и она не раз говорила, что стихи «кто-то диктует» и оттого они «или есть, или их нет».

Близкие Ахматовой вспоминали, что у нее самой процесс творчества никогда не прерывался, продолжаясь в подсознании, рождая новое видение, подсказываемое интуицией. Она и ночью «жужжала», вспоминает Большинцова-Стенич, часто сопровождавшая Ахматову на отдыхе, делившая с ней комнату «для двоих» в домах творчества, подмосковном Голицыне или Комарове под Ленинградом. Об этой особенности вспоминали и Нина Антоновна Ольшевская и Ирина Николаевна Пунина, и не только они.

Одна из интересных и еще не прочитанных страниц — сны Анны Ахматовой. К картинам сновидений она отсылает в «Поэме без героя»:

И особенно, если снится
Все, что с нами должно случиться:
Смерть повсюду — город в огне,
И Ташкент в цвету подвенечном...
О безбольном, верном и вечном,
Ветр Азийский расскажет мне.

Редкий эпитет «безбольный» отсылает к «Божественной Комедии» Данте, одновременно переадресовывая к памяти Гумилева.

«Сном во сне» назвала Ахматова свою философско-этическую трагедию «Энума элиш», фантастические дей-

ства которой разворачиваются на кромке сна и яви. В 1963 году, приступив к театрализации «Поэмы без героя», Ахматова писала: «Сегодня ночью я увидела (или услышала) во сне мою поэму — как трагический балет. (Это второй раз, первый раз это случ<илось> в 1944 г.) Будем надеяться, что это ее последнее возвращение, и, когда она вновь явится, меня уже не будет... Но мне хочется отметить это событие хотя бы в одном списке, что я и делаю сейчас» (Т. 3. С. 261).

Сны приходили и во время работы над феноменом Пушкина. Э.Г. Герштейн записала одно из таких сновидений:

«Сновидение

В самых последних числах мая 1951 года машина «неотложной помощи» доставила Анну Андреевну Ахматову в 5-ю Советскую больницу с диагнозом «предынфарктное состояние». В приемном покое она была еще на ногах — я с ней разговаривала. На следующий день, в воскресенье, я застала ее в изоляторе. Анна Андреевна лежала на спине, вытянувшись, молчаливая, с ужасной болью в груди. Меня она почти не узнавала.

Взволнованная медсестра что-то принесла и быстро побежала за дежурным врачом... Потом мы узнали, что именно в тот час произошел инфаркт миокарда — тяжелый, двусторонний.

Через несколько дней ее перевели в общую шестиместную палату. Анна Андреевна лежала у левой стены, на средней кровати и, по ее настоянию, лицом к окну, выходящему в сад.

Я все еще входила к ней с опаской. Но 5 июня (дата у меня записана) она обрадовала меня своим спокойным и веселым видом.

— А у меня здесь представление показывали, — произнесла она беззаботно.

Я недоумевала.

— «Каменного гостя».

— Где?

— Там, — она указала рукой на окно, за которым ветви деревьев почти касались стекла.

— Я теперь поняла, как надо играть и как надо говорить. Здесь все дело в Командоре. Монумент стоит на пьедестале, по бокам черного цвета, как бы два блестящих черных щита (она обрисовала руками), а посередине серый, как бы переходящий в алебастровый.

Статуя может быть в двух вариантах. Один — такой: очень грузный, большой человек. Знаете, бывают такие большие мужчины с длинными усами, грубыми чертами лица, толстыми руками...

А другой вариант такой: тонкая длинная фигура уходит вверх так, что не видно головы. Голова упирается в небо и где-то там теряется.

— Этот вариант лучше, — говорю я.

— Как хотите.

И это вовсе не кладбище, а огромный купленный участок, никаких могил и гробниц здесь нет. А все актеры обычно тычут рукой и показывают, что здесь где-то похоронена «бедная Инеза». Это большой сад.

А Дона Анна должна быть вся в белом. Хотя у Пушкина и сказано: «под этим вдовьим черным покрывалом», но нам до этого дела нет. Здесь траур был белым.

— Ну а Дон Гуан какой? — спрашиваю я.

— Дон Гуана мне не показывали.

Она помолчала.

— Но когда он говорит с Лепорелло, он гуляет по этому роскошному зловещему саду и нарочито говорит так, как будто здесь очень уютно и ничего особенного.

Придя домой, я сразу записала поразивший меня рассказ Ахматовой. Единственная запись, которую я себе позволила за все время нашего знакомства с 1933 по 1966 год. Когда, выздоровев, Анна Андреевна пришла ко мне, я показал ей этот листок.

— Это не все. Там еще много было, — задумчиво сказала она»*.

После смерти Ахматовой Э.Г. Герштейн подготовила и опубликовала основные части ее незавершенных работ, вызвавших оправданный интерес. Прежде всего это фундаментальное, строго документированное исследование «Гибель Пушкина», проза Ахматовой, вот уже много десятилетий остающаяся интеллектуальным бестселлером.

В своем исследовании «Страницы из книги “Гибель Пушкина”» Ахматова силой творческой интуиции предвосхитила ряд фактов, позже подтвержденных документально. Так, за несколько лет до знаменитой «Тагильской находки» (переписки Андрея Карамзина с сестрой и матерью) Ахматова высказала мысль, слишком жесткую, но во многом подтвержденную письмами, об отношении семьи Карамзиных к Дантесу, полных сочувствия, не только в преддуэльные, но и в последуэльные годы. Также подтверждены, ныне опубликованные на русском языке материалы министерства иностранных дел Нидерландов, содержащие переписку посланника Геккерна, его письма после убийства Пушкина Дантесом, где он пыта-

* В кн.: Анна Ахматова о Пушкине. М., 1989. С. 355–356.

ется обелить последнего и представить Пушкина не только жестоким ревнивцем, но и возмутителем общественного спокойствия, едва не главой противоправительственной партии. Ахматова сетовала на невозможность увидеть эти документы. Права она и в своем выводе, что, по сути дела, не Дантес был игрушкой в руках Геккерна, но приемный сын обманывал его доверие в своих любовных интригах, равно как сумел склонить на свою сторону кавалергардский полк и сделать из его гнусных интриг «дело чести полка». В современных публикациях подтвержден этот факт: «Теперь мы знаем, что “сводничеством Геккерна”, как определил его действия по отношению к своей жене Пушкин, дирижировал сам Дантес, внушая посланнику модель поведения к Наталье Николаевне»*.

Концепция гибели Пушкина, предложенная Ахматовой, классически соотносится с откликом М. Лермонтова «Смерть поэта», за исключением одного пункта, столь важного в ее версии. Лермонтов обходит молчанием романтический сюжет дуэли. Ни в тексте, ни в подтексте гениального стихотворения нет и тени обвинения в адрес Наталии Николаевны. О недалекости ума первой красавицы было сказано и написано более чем достаточно, и, как показало время, несправедливо. Первый шаг в восстановлении ее подлинного лица представлен в ее переписке со старшим братом Д. Гончаровым, где присутствуют и трезвый ум, и незаурядность натуры, и забота о муже и состоянии его дел. Сегодня, когда опубликованы письма Дантеса, позволяющие что-то понять, не снимая обвинения, по-прежнему неизвестны письма Ната-

* Левкович Я. П.Е. Щеголев и его книга «Дуэль и смерть Пушкина» // Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. СПб., 1999. С. 20.

лии Николаевны, утраченные или все еще ждущие своего часа.

Толки в свете о Наталии Николаевне, как виновнице трагедии, обсуждение меры ее вины, долгое время оставались в письмах и мемуарах современников. Но уже к столетию со дня гибели Пушкина его отношения с женой и личность, а вернее образ Гончаровой-Пушкиной, были введены в историко-философские контексты эпохи, и возникает вопрос, ложилась ли ответственность на Пушкина в его отношениях с женой. Развертывается полемика между П. Перцовым*, Романовым <Рцы> и В. Розановым**, рассматривавших трагические события в философской системе семьи и пола. Истина — «Невинна» — в отношении Наталии Николаевны была заявлена изначально Государем и Церковью, о чем с сарказмом писала Ахматова: «Н.Н. оправдывали и обеляли на все лады, и даже священник, принявший ее исповедь, нарушая все правила и тайну исповеди, клялся, что она совершенно невинна» (РНБ. Ф. 1. Оп. 1. Дело 143).

В.В. Розанов сетовал и видел главную причину трагедии в несостоятельности семейных отношений, предложенных самим Пушкиным, сетовал, что «не сошлись звезды», семья не стала «единым», но сама по себе. Кроме того, им была выражена мысль, после в иной форме высказанная Ахматовой о «пантеизме» Пушкина, который долгое время наблюдал, как бы со стороны, развитие событий, сделав жену своей «конфиденткой», и вскоре утратил возможность управлять событиями. Жизнь не ста-

* П е р ц о в П. Смерть Пушкина // Мир искусства. СПб. 1899. № 21–22. С. 156–158.

** Р о з а н о в В. Мир искусства. СПб. 1900. № 7–8. Художественная хроника. С. 133–143.

ла развиваться по видевшимся Пушкину законам искусства: «Не было совершенного чистосердечия “гомерического хохота” в ее рассказах Пушкину о Дантесе. Не тот смех, не та психика. Смеется, смеется, и вдруг глаза поблекнут. — “Ну продолжай же, Наташа! Так ты его...” — “Ну хорошо, уж поздно: доскажу завтра”. Речи не договаривались, смех не *раскатывался*; так — улыбнется, “мертвенно улыбнется”, — “Да что ты, Наташа?” — “Ничего, утомлена. Я рано встала”. И вечно утомлена. — “Верна?” — “Конечно!!” — “Довольна?” — “Довольна!” — “Счастлива?” — “Счастлива!” — “Не упрекаешь (меня)?” — “Нет” — “Детей любишь?” — “Люблю”. — “Но поговори же, но расскажи же: так ты этого молоко-соса...” — “Ну оборвала, ну и только, и спать хочу, и дети нездоровы, и завтра надо рано вставать...”»*.

Отсутствие той милой Розанову «семейности» в жизни супругов Пушкиных не дали, как он считал, *тона*, «который и для Гончаровой должен был настать, и, по-видимому, настал со вторым мужем, и она ему была “твердыней”, успокоенною и счастливою; но с Пушкиным, в 17–22 года, не настал. Она имела свой тон, свои струны “Ромеовского” счастья, по которым не смог и не сумел ударить поэт»**.

Наталия Николаевна остается верна мужу, как и любимая героиня Пушкина Татьяна, отнюдь не вызывавшая восторга Розанова, как он считал, полностью лишенная светоносной плоти.

В 1902 году вышла книга Ивана Щеглова «Новое о Пушкине», сразу же отрецензированная Розановым, вы-

* Р о з а н о в В. Еще о смерти Пушкина // Он же. Собр. соч.: Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. М., 1996. С. 430.

** Там же. С. 433.

делившим главу «На могиле жены Пушкина» и вместе с ее автором убежденно отвергающим все упреки в адрес Наталии Николаевны: «Многие изумляются, как это “великий Пушкин” мог привязаться к столь “малой женщине”. В самом деле, хорошенько рассчитав по пальцам, он мог бы соединить судьбу свою с какой-нибудь читательницей Гизо и прожить с ней покойно лишние 20—30 лет. Мы не знаем в Пушкиной главного и единственного, что для такого приговора нам нужно знать: ее живой фигуры и лица, ее живых манер и движений. Нисколько она и не предлагала Пушкину учености, образования, ума. “Она покоилась стыдливо”, как описал он первое впечатление, решительно никого не ища, ничего не предлагая, ничего о себе не говоря и ничего от себя не обещая... это было невинное дитя, невинное — без всяких дальнейших определений. Это-то бесконечная непосредственность невинности, т.е. душа ее, а не одна эстетика ее тела, и вскружила голову Пушкину, повергнула его в “богомольное” отношение... Она была хорошая женщина, добрая, русская. И только цели бытия ее совсем не совпадали с теми, для которых существовал Пушкин. Но уже нужно было ему сообразоваться с этими целями, а не ей, которая просто не знала, не видела, не чувствовала их иначе как внешней и общей оценкой. Судить ее мы так же имеем мало права, как осуждать и восклицать: почему к Софье Ковалевской, томившейся по любви, не поспешили профессора наших университетов, с готовностью любить, жертвовать, страдать около нее, освещавшей лучами ума своего Россию и Швецию»*.

* Розанов В.В. О Пушкине. Эссе и фрагменты. М., 2000. С. 212, 214—215.

В пору развития вульгарно-социологических теорий исторической и литературной науки внимание пушкинистов сосредотачивается в значительной мере на политических обстоятельствах гибели Пушкина, певца свободы и друга декабристов.

Появляется книга В. Вересаева «Пушкин в жизни», переиздается книга П.Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», в которых показана виновность жены поэта в развернувшейся трагедии. Обвинения нарастают, как снежный ком. Отношение к Наталии Николаевне, утвердившееся в Советском Союзе, действительно отразилось, как в зеркале, в картине Н. Ульянова «А.С. Пушкин и Н.Н. Пушкина на придворном балу». Об этом полотне вспомнил исследователь Пушкина и тонкий знаток искусства П.В. Палиевский в статье «В пределах знака»: «Это прогремевшее в свое время полотно было написано к юбилею 1937 года и точно отражало настроения той поры. Успех его был заслуженным. Пушкин с женой был представлен на лестнице Аничкова дворца: встречное зеркалом позволяло объемно судить о происходящем: как давит ему шею действительно ненавидимый им камер-юнкерский мундир, как тяготит его и гаснет в бессильной ярости навязанное ему в 1834 году положение придворного. Этот мундир был в самом деле одним из расчетливых средств официального над ним контроля, и Николай даже интересовался у вдовы, почему Пушкина хоронят во фраке, а не по положенной форме. Одно в картине смещало правду: облик Н.Н. Пушкиной. Она была изображена соучастницей происходящего, с нарочито оглупленной улыбкой Моны Лизы, в беспечно-торжествующем самодовольстве красоты; ее фигура подчеркнута отъединялась от пушкинской. Это пред-

ставление о ней было одной из самых тяжелых несправедливостей всей пушкинской истории. Оно протянулось через весь XIX век; имело своих сторонников в XX, питаясь за отсутствием чего-либо иного, резкостью мнений. И их преодоление началось лишь к концу наших 70-х годов, когда стал публиковаться и сопоставляться с прежним новонайденный материал.

Документы подтвердили пушкинские оценки своей “Мадонны”, которая, как он предвидел на смертном одре, “может еще претерпеть во мнении людском”. Из переписки и других свидетельств поднялся образ женщины тонкой и глубокой душевной организации, не допускавшей, как и Пушкин, вторжения в свой внутренний мир и разделившей полностью судьбу Пушкина. “Я тебе откровенно признаюсь (из письма ее брату в июле 1836 года), что мы в таком бедственном положении, что бывают дни, когда я не знаю, как вести дом, голова у меня идет крутом. Мне очень не хочется беспокоить мужа своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам и следовательно в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того чтобы он мог, голова его должна быть свободна... Мой муж дал мне столько доказательств своей деликатности и бескорыстия, что будет совершенно справедливо, если я со своей стороны постараюсь облегчить положение”. Н.Н. Пушкина, вопреки распространявшимся мнениям, что “об образовании ее не стоит и говорить”, знала три языка, а английский — лучше самого Пушкина, помогая ему в переводах; она полноправно вела, в отсутствие Пушкина, дела «Современника»; не меньше, чем муж, была убеждена, что необходимо покинуть Петербург ради

деревни и хорошо знала, какая дополнительная петля сжимается вокруг ее семьи*.

Литературная эмиграция, для которой Пушкин являлся воплощением связи с национальной культурой и залогом ее бессмертия, не разделяла крайностей суждений о Наталии Николаевне в России. Жесткий и отнюдь не благостный в решении семейных вопросов Куприн писал: «Я хотел бы... тронуть в личности Пушкина ту сторону, которую, кажется, у нас еще никогда не трогали. В его переписке так мучительно трогательно и так чудесно раскрыта его семейная жизнь, его любовь к жене... Мне хотелось бы когда-нибудь написать об этом... я хотел бы представить женщину, которую любил Пушкин, во всей полноте счастья обладания таким человеком!»**

Сколь ни парадоксально, но Ахматова, отнюдь не в угоду официозу, но, как бы сказал Розанов, «во имя Пушкина» и «для Пушкина» оказалась в числе хулителей Наталии Николаевны.

Уже в последние годы жизни, пытаясь как-то завершить, связать воедино разрозненные части своих работ о Пушкине, опасаясь, что щедро даримые рукописи попадут в чужие руки, будут пущены в литературный и окололитературный оборот, Ахматова не раз читала свои пушкинские тексты в кругу близких. На обложке журнала «Звезда» с публикацией заключительной части книги о гибели Пушкина приятельница Ахматовой, актриса Ф.Г. Раневская, записала: «Мне думается, что так, как АА любила Пушкина, она не любила никого. Я об этом подумала, когда она, показав мне в каком-то старом жур-

* П а л и е в с к и й П. В поисках знака // А.С. Пушкин в почтовых марках мира. М., 2000. С. 10–11.

** К у п р и н А.И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1973. Т. 9. С. 225.

нале изображение Дантеса, сказала: «Нет, Вы только посмотрите на это?» Журнал с Дантесом она держала отстранив от себя, точно от журнала исходило зловоние. Таким гневным было ее лицо, такие были глаза. Мне подумалось, что она так никого в жизни не могла ненавидеть. Ненавидела она и Наталью Гончарову, часто мне говорила это и с такой интонацией, точно преступление было совершено только сейчас, сию минуту»*.

22 июля 1961 г. после чтения Ахматовой главы «Александрина» В.Я. Виленкин записал: «Ей бы хотелось поскорей кончить эту работу, “перестать во всем этом копать»». (Очевидно, какой-то ее долг перед Пушкиным, но в переплетении с чем-то своим, личным)**.

В своей благоговейной любви к Пушкину и испепеляющей ненависти к его обидчикам Ахматова, исследуя психологию творчества поэта и отражение в поэзии глубоких личных переживаний, в годы южной ссылки, обрушивает свой праведный гнев и на Александра Николаевича Раевского, с которым Пушкин близко приятельствовал в Одессе, соперничая в увлечениях «милыми южными дамами».

Будучи старше Пушкина четырьмя годами, сын прославленного героя Отечественной войны, сам принявший в ней участие в шестнадцатилетнем возрасте, европейски образованный, скептик и циник, Александр Раевский легко влиял на окружающих, вливая свой «яд» и в душу молодого друга. И когда в 1824 году было опубликовано стихотворение «Демон», в нем легко признали Раевского:

* Цеглов А. Раневская. Фрагменты жизни. М., 1998. С. 197–198.

** Виленкин В. Воспоминания с комментариями. М., 1900. С. 416.

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия —
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья —
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, —
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.<...>

В.В. Кунин напоминает: «Стихотворение “Демон” было сразу же воспринято современниками как психологический портрет Александра Раевского. Н.И. Греч даже намекнул об этом в печати: “Демон” Пушкина не есть существо воображаемое: автор хотел представить развратителя, искушающего неопытную юность чувственностью и лжеумудрствованием»*. Однако в ответ Пушкин написал заметку «О стихотворении “Демон”»: «Думаю, что критик ошибся. Многие того же мнения, иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в своем странном стихотворении. Кажется, они неправы, по крайней мере вижу я в “Демоне” цель иную, более нравственную.

* Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники: В 2 т. М., 1989. С. 76.

В лучшее время жизни сердце, еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно. Мало-помалу вечные противуречия сущности рождают в нем сомнения, чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда лучшие надежды и поэтические предрассудки души. Недаром великий Гёте называет вечного врага человечества *духом отрицающим*. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух *отрицания и сомнения*, и в приятной картине начертал отличительные признаки и печальное влияние оно на нравственность нашего века»*.

После высылки Пушкина из Одессы по настоянию наместника, графа Воронцова, адъютантом которого числился А. Раевский, последовало письмо от него в Михайловское: «Теперь, когда мы так далеко друг от друга, я не стану сдерживаться в выражении чувств, которые питаю к Вам: знайте же, что, не говоря о Вашем прекрасном и большом таланте, я с давних пор проникся к Вам братской дружбой, и никакие обстоятельства не заставят меня отказаться от нее...»**.

Исследователи склонны считать, что письмо — факт лицемерия «мнимого» друга, в самом деле способствовавшего удалению Пушкина из Одессы и его разлучению с Е.К. Воронцовой, к которой оба питали страсть, что именно письмо дало повод к стихотворению «Коварство», пристально исследованному Ахматовой. Анализируя тексты «Евгения Онегина», стихи «Демон», «Коварство», «Вновь я посетил...», «Когда порой вспоминаю...», Ахматова связывает их с памятью об одесском «демоне». Выводы Ахматовой совпали с изысканиями

* Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 30.

** Друзья Пушкина. С. 77.

Т.Г. Зингер-Цявловской, что укрепило ее в догадках, переходящих, по ее убеждению, в истину.

Глубинный анализ психологических мотивов (мнимая дружба, предательство) ведут к объяснению «хандры» Пушкина, принимающей, как дает понять Ахматова, маниакальный характер

Поставив перед собой, в размышлениях оставшихся незавершенными, определенную задачу Ахматова блистательно ее решает. Но уже в заметках к «Уединенному домику на Васильевском» мы видим, как расширяются горизонты ее «штудий» в какой широкий общественно-политический и этический контекст вводится «хандра». Здесь, как и в «Невском взморье» центральной и всеобъемлющей предстает тема друзей декабристов как личная судьба Ахматова снова и снова напоминает о подобранных Вяземским и Пушкиным в Петропавловской крепости, на месте помоста для пяти виселиц «пяти щепочках», найденных после смерти Вяземского в его шкатулке об обследовании в праздник Преполовления Невского взморья в поисках предполагаемого места захоронения декабристов на острове Голодай. Все это было для Ахматовой глубоко личным. Столетие спустя она также искала в окрестностях Петербурга могилу расстрелянных по делу Таганцева и его боевой организации, по которому проходил Н.С. Гумилев.

Возвращенный в Петербург из Михайловского, Пушкин по крупицам вбирал в себя сведения о процессе над декабристами, о казни и каторге, о женах, последовавших в Сибирь. И не мог он не слышать о беседе императора Николая I с Александром Раевским, когда оба брата содержались в казематах Петропавловки по подозрению в причастности к заговору. «Я знаю, что вы не

принадлежите к тайному обществу, но, имея родных и знакомых там, вы все же знали и не уведомили правительство, где же ваша присяга?» Раевский ответил: «Государь! Честь дороже присяги; нарушив первую, человек не может существовать, когда как без второй он может обойтись еще»*.

В кризисный, 1828 год, Пушкиным были написаны «Воспоминания», стихи дорогие и по-своему близкие Ахматовой, ставшие предметом ее глубокого исследования в работе «1828 год, или Уединенный домик на Васильевском».

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Она оставляет поэта на пороге возможного катарсиса, но отнюдь не во власти его. «Пушкинские штудии» завершают две работы: «Невское взморье» — о поисках могилы декабристов и «Страницы из книги “Гибель Пушкина”».

Ахматова напоминает в назидание не только Николаю I, но и последующим правителям, что тела казненных Искры и Кочубея были переданы родным и захоронены в самом центре православия — Киево-Печерской лавре. Слияние поэзии и биографий позволяет взглянуть на факты биографии через магический кристалл искусства, высвечивающий главное, предмет поэзии и решаемую ею, как писал Пушкин, нравственную задачу, которая в его «Демоне» оказалась намного значительнее образа и личности «новоизбранного друга» Александра Раевского.

* Цит. по: «Друзья Пушкина». С. 78.

Для Ахматовой такой нравственной задачей оставалась неизбывная память. Когда она писала и переписывала трагедию «Энума элиш», свой «Сон во сне», она шла сама и вела за собой читателя, как Вергилий Данта, кругами Ада, от кромки ассиро-вавилонской культуры в мир западноевропейской литературы, к поэмам Колриджа, Шелли, Байрона, Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Блока, к своей «Поэме без героя» и через них к познанию архетипа поэта как феномена изначально трагического.

Известно, что работа над «Поэмой без героя» продолжалась и после того, как Триптих был уже полностью завершен: тем не менее перестраивалась композиция, приближая произведение к театральному действу. В апреле 1965 года была вписана в рабочий экземпляр новая строфа, вызванная памятью о В.К. Шилейко (и не только о нем), известном ассириологе, исследователе клинописи, владевшем даром графического письма, еще в гимназические годы вступившем в переписку с крупнейшими учеными мира, самобытным поэте:

Не кружился в Европах бальных,
Рисовал оленей наскальных,
Гельгамеш ты, Геракл, Гессер —
Не поэт, а миф о поэте,
Взрослым был уже на рассвете
Отдаленнейших стран и вер.

Этой строфой Ахматова возвращалась к далекому времени, когда Николай Гумилев переводил «Гильгамеша», к изданию которого — первого в России — его друг Шилейко написал предисловие.

До самого конца жизни Гумилев и его мученическая смерть оставались для Ахматовой неизбывной болью, снова и снова, в разных контекстах возникая в ее поэзии.

Чаще всего эта их «встреча» происходила как бы между жизнью и смертью. В 1940 году, когда уже был завершен «Реквием», Ахматова писала в стихотворении «Так отлетают темные души...»:

...Знаешь, я годы жила в надежде,
Что ты вернешься, и вот — не рада.
Мне ничего на земле не надо,
Ни громов Гомера, ни Дантова дива.
Скоро я выйду на берег счастливый:
И Троя не пала, и жив Эбани,
И все потонуло в душистом тумане...

В переводе Н.С. Гумилевым «Гильгамеша» имя Энкиду, погибшего по воле богов, дано в старом написании — *Эбани*.

В своих размышлениях о литературе, обращаясь к именам великих — Данте, Шекспиру, Пушкину, Ахматова всегда помнила о своих современниках Н. Гумилеве, М. Цветаевой, Б. Пильняке, О. Мандельштаме, Н. Пунине, — сказав: «...ушли и никто не вернулся».

Светлана Коваленко

КОММЕНТАРИИ

В заключительном томе Собрания сочинений Анны Ахматовой представлена ее литературоведческая проза: размышления о Данте, «Пушкинские штудии», заметки о Лермонтове, а также дневниковые записи 1958–1965 гг. При строгой научной аргументированности и верности фактам перед нами проза поэта, соотнесенная с автобиографическими событиями, обращенная к кардинальным вопросам творчества — поэт и власть, творческая личность и свобода выбора.

Главное место в томе занимают работы Ахматовой о Пушкине, создававшиеся в течение сорока лет, связанные с «Поэмой без героя», «Реквиемом», автобиографической прозой. Не все из писавшегося сохранилось: в годы Отечественной войны, при арестах близких были утрачены или сожжены ею вместе с другими рукописями статьи: «Пушкин и Анненский», «Пушкин и Достоевский», «Пушкин и Мицкевич» и др. В рукописных фондах государственных хранилищ содержится впечатляющее число до сих пор не систематизированных фрагментов и пушкинских маргиналий, лишь частично изученных и опубликованных (Герштейн Э.Г., Вацуро В.Э. Заметки А.А. Ахматовой о Пушкине // «Временник пушкинской комиссии» на 1970 г. Л., 1972. С. 30–44).

Определением «Пушкинские штудии» Ахматова подчеркивала проработку глубинных слоев текста и обстоятельств его создания. К «Пушкинским штудиям» относятся: «Последняя сказка Пушкина», «Комментарий. “Сказка о золотом петушке” и “Царь увидел пред собой”», «“Адольф” Бенжамена Констанана в творчестве Пушкина», «“Каменный гость” Пушкина», «Пушкин и Невское взморье»; части незавершенной книги, обращенной главным образом к изучению психологии пушкинского творчества — «Болдинская осень» (8-я глава «Онегина»), «Две новые повести Пушкина». Автобиографический отрывок 1830 года и 1-ая глава «Египетских ночей», «О XV строфе второй главы «Евгения Онегина», о мании преследования (хандре), посвящении в шпионы («о мнимой дружбе») и первом слое стихотворения «Вновь я посетил...» («милые южные дамы»), «Пушкин в 1828 году» и др.

Книга «Гибель Пушкина» также не была завершена, чем и объясняется ее более позднее название «Страницы из книги “Гибель Пушкина”».

Статьи, напечатанные при жизни Ахматовой, воспроизводятся по первым публикациям. Другие — по автографам и иным авторизованным текстам из государственных и частных собраний. В случаях, когда автографы оказались недоступными, тексты печатаются по наиболее авторитетным посмертным изданиям.

Сохраняется своеобразие в написании некоторых слов например, шемаханская — шамаханская, авторской орфографии и пунктуации. Написание названий периодических изданий и литературных произведений приведено к современным нормам.

В работе над комментариями учтены разыскания С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Э.Г. Герштейн, Я.Л. Лев-

кович, Ю.М. Лотмана, Вл. Набокова В.Б. Томашевского, Б.М. Эйхенбаума и др., книга Л.А. Черейского «Пушкин и его окружение» (Л.: Наука, 1988) и издание, подготовленное В.В. Куниным «Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники»: В 2 т. (М., 1989).

Составитель тома выражает благодарность научным сотрудникам и руководству РГАЛИ, Рукописных отделов Российской национальной и Российской государственной библиотек, Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме.

Особая благодарность и признательность за внимание и помощь в работе Ирине Геннадиевне *Ивановой*, Петру Васильевичу *Палиевскому*, Руфу Игоревичу *Хлодовскому*, Давиду Людвиговичу *Файнбергу*.

Сокращения и условные обозначения,
принятые в «Комментариях»

- БО 1, БО 2 — А х м а т о в а А. Сочинения: В 2 т./ Сост. и подгот. текста М.М. Кралина. М.: Правда, 1990. (Б-ка «Огонек»).
- В е р е с а е в
(с указанием тома) В е р е с а е в В. Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников. Изд. 5-е. М.; Л.: «Academia», 1932. Т. 1—2.
- ВЛ — Вопросы литературы.
- «Воспоминания» — Воспоминания об Анне Ахматовой/ Сост. В.Я. Виленкин и В.А. Черных. Коммент. А.В. Курт и К.М. Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991.
- «Записные книжки» — Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966)/Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой. Вступ. статья Э.Г. Герштейн, указ. В.А. Черных. М.; Torino: Einaudi, 1996 (РГАЛИ).
- Л у к н и ц к и й
(с указанием тома) — Л у к н и ц к и й П.Н. Acumiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924—1925 гг. Paris: YMCA-Press, 1991; Т. 2. 1926—1927. Париж; Москва: YMCA-Press, 1997.

- Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. литература, 1989.
- ОП — Анна Ахматова о Пушкине. Статьи и заметки. Изд. 3-е, исправл. и доп./ Сост., послесловие и примеч. Э.Г. Герштейн. М.: Книга, 1989.
- Пушкин (с указанием тома) — Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд. Акад. наук СССР. 1937–1949.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства. Москва.
- РНБ — Российская национальная библиотека (бывш. Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина). Санкт-Петербург.
- РТ (ед. хр.) (РГАЛИ, РНБ). — Рабочие тетради А. Ахматовой.
- Соч., 1986 — Ахматова А. Сочинения: В 2 т. М.: Худож. литература, 1986. Т. 2. Проза. Переводы /Сост., подгот. текста и коммент. Э.Г. Герштейн, Л.А. Мандрыкиной, В.А. Черных.
- Фонтанный Дом — Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. Санкт-Петербург.
- Чуковская (с указанием тома) — Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М.: Согласие, 1997.
- Щеголев — Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина. С приложением новых материалов из нидерландских архивов/Вступ. статья и примеч. Я.Л. Левкович. СПб.: Гуманитарное агентство: «Академический проект», 1999.

«Я ВСЮ ЖИЗНЬ ЧИТАЮ ДАНТЕ...»**ДАНТЕ**

Впервые — Соч., 1986. С. 183—184 (публ. В.А. Черных); с изменениями — БО 2. С. 134—135 (публ. М.М. Кралина), по магнитофонной записи выступления Ахматовой на торжественном заседании, посвященном 700-летию Данте в Большом театре. М. Кралин сопровождает публикацию замечанием: «...ныне эта запись воспроизведена на грампластинке, выпущенной фирмой «Мелодия» (С. 348). В обеих публикациях под заглавием «Слово о Данте». Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114), текст которого более объемён, — с дополнениями, сделанными уже после того, как «Слово о Данте» было произнесено на юбилейном вечере.

«Данте», или «Слово о Данте», написано Ахматовой в «дантовский год», к 700-летию со дня рождения автора «Божественной Комедии» — поэта, философа, ученого и политика Данте Алигьери (1265, Флоренция — 1321, Равенна). 19 октября 1965 г. в Москве, в Большом театре, состоялся торжественный вечер, с присутствием правительства СССР и высоких делегаций — советских и иностранных. Просьба выступить на торжествах поступила Ахматовой от секретаря Союза советских писателей, курировавшего иностранную комиссию, поэта А.А. Суркова.

По свидетельству Л.Д. Большинцовой-Стенич, у которой Ахматова жила в Москве в этот свой приезд, текст выступления обсуждался с друзьями — А.А. Тарковским и С.В. Шервинским.

Шервинский вспоминает о своей последней встрече с Ахматовой: «Это был год юбилея Данте. Известно, что Данте, наряду с Пушкиным, был для Анны Андреевны и учителем, и любимым поэтом, и чистейшим отдыхом души. Можно представить себе все ее волнение, когда она получила приглашение выступить на торжественном юбилейном заседании в Большом театре. Это было и отечественное признание, и резонанс на все культурные страны. За несколько дней до заседания Анна Андреевна неожиданно, после длительного перерыва, позвонила ко мне и попросила заехать к себе. Ее временное гнездо было тогда в Сокольниках, у кого-то из близких знакомых. Я незамедлительно поехал и был немало удивлен, зачем Анна Андреевна меня вызвала. Дело было в следующем. Она подготовилась к своей речи о Данте, написала ее пока от руки, пожелала выслушать мое мнение об ее речи. ...Я присутствовал на торжественном заседании. Анна Андреевна явно волновалась в золоте и славе этого непривычного для нее зала. В том, как она с пафосом и подчеркнутой весомостью произносила речь, чувствовалась некоторая непреодоленная смущенность. Но голос ни разу не изменил ей. Ахматова была Ахматовой, и мои опасения потонули в громе аплодисментов многоязычного форума. Ахматова была, при всей своей грузности и отяжелевших чертах прекрасного лица, все той же, как всегда, казалась выше других людей ростом физическим и ростом духовным» (Ш е р в и н с к и й С.В. Анна Ахматова в ракурсе быта // «Воспоминания». С. 297–298).

7 ...вопрос, который я посмела задать Музе... — Стихотворение «Муза» («Когда я ночью жду ее прихода...», 1924).

Гвельфы и гиб<еллины>... — противоборствующие политические партии Италии XII—XV вв. После изгнания гибеллинов гвельфы раскололись на «белых» и «черных». В результате «черные», захватившие власть во Флоренции, предали Данте, примыкавшему к «белому» крылу и представлявшему интересы своих единомышленников при дворе папы, суду. Находясь в Риме, он был подвержен крупному штрафу, и заочно изгнан из Флоренции с угрозой быть сожженным в случае возвращения (январь 1302 г.). Изгнание было подтверждено декретом от 6 ноября 1315 г.

...в XXX песне «Чис<тилища>»... — «Чистилище» — вторая часть «Божественной Комедии».

8 ...между двух флорентийск<их> костров... — Парафраз из стихотворения Н. Гумилева «Флоренция» (1913): «...Вот грозно встала Синьория//И перед нею два костра».

«Разговор о Данте» — написан О.Э. Мандельштамом в 1933 г. в Коктебеле. При жизни автора не публиковался, был известен в кругу близких. Впервые опубликован в кн.: М а н д е л ь ш т а м О. Слово и культура. М., 1967. С. 117.

Мандельштам, как и Ахматова, видел в Данте не только предшественника, но и современника, поэта, эмблематическую фигуру: «То, что для нас безукоризненный капюшон и так называемый орлиный профиль, то изнутри было мучительно преодолеваемой неловкостью, чисто пуш-

кинской камер-юнкерской борьбою за социальное достоинство и общественное положение поэта».

8 Эта работа была в моей стране высоко оценена... — Перевод М.Л. Лозинского получил в 1946 г. высшую государственную награду — Сталинскую премию.

Он и после смерти не вернулся... — Далее в тексте рабочая помета: «Цитата». Ахматова отсылает к стихотворению «Данте» (1936), которому придавала особое значение, вложив в него трагическое содержание писавшегося в то время «Реквиема». Р.И. Хлодовский, рассматривая дантовский слой в поэзии Ахматовой, заметил: «Данте в поэтическом мире Анны Ахматовой сильно русифицирован и осовременен. Обстоятельства жизни Данте Алигьери были Ахматовой хорошо известны. Обряд покаяния, который должен был совершить творец “Божественной Комедии”, дабы вновь обрести флорентийское гражданство, описан в стихотворении “Данте” поразительно точно:

Но босой в рубахе покаянной
Со свечей зажженной не прошел
По своей Флоренции...

Покаянный путь Данте по Флоренции должен был закончиться в баптистерии, где ему надлежало принять прощение города, как своего рода второе крещение <...>. Не зная, что Данте во время вынесения ему приговора находился не во Флоренции, а за ее пределами, Анна Ахматова, конечно же, не могла, Между тем в стихотворении Данте она нарисовала лаконичную, но очень драматичную сцену ухода поэта из родного дома.

Факел. Ночь, последнее объятье,
За порогом дикий вопль судьбы.

Когда читаешь эти строки, невольно возникает впечатление, что поэт не просто покидает родной дом, а что его насильно уводят из дома и, может быть, даже не в изгнание, а в тюрьму. <...> “Последнее объятие” и “дикий вопль судьбы” вызывают в памяти стихотворение из “Реквиема”, в котором описан арест Н.Н. Пупина:

Уводили тебя на рассвете,
 За тобой, как на выносе, шла,
 В темной горнице плакали дети,
 У божницы свеча оплыла.
 На губах твоих холод иконки,
 Смертный пот на челе... Не забыть! —
 Буду я, как стрелецкие женки,
 Под кремлевскими башнями выть.

Вопль судьбы — это ведь и есть вой расстающейся с поэтом жены, да и самого поэта. Еще очевиднее, чем строки “Реквиема”, на своего рода духовное тождество поэта, изображенного в стихотворении “Данте”, с русским поэтом середины XX в., в том числе, разумеется, и с Анной Ахматовой, указывает та часть стихотворения, где возникают, казалось бы, сугубо итальянские, исторически достоверные реалии: “покаянная рубаха”, “свеча в руке” (Х л о д о в с к и й Р. Анна Ахматова и Данте // Ахматовские чтения. Вып. 2. Тайны ремесла. М.: «Наследие», 1992. С. 88).

9 Из прощанья с дантовским годом... — Придавая магический смысл датам, Ахматова воспринимала юбилейный, дантовский год как цепь невероятных и значимых событий в своей жизни — поездку в Оксфорд, встречи с лордом Исайей Берлином и художником Б.В. Анрепом, предполагаемую постановку «Пролога» в Дюссельдорфе и т.д.

9 «Огненный столп» — последняя книга Гумилева (Пг., 1921). Первоначальное название «Посередине странствия земного» восходит к строке, открывающей «Божественную Комедию». Лозинский дал свой перевод — «Земную жизнь пройдя до половины», — сопроводив комментарием: «Серединой человеческой жизни, вершиной ее дуги, Данте («Пир», IV. 23) считает тридцатипятилетний возраст. Его он достиг в 1300 г. и к этому году приурочивает свое путешествие в загробный мир. Такая хронология позволяет поэту прибегать к приему «предсказаний» событий, совершившихся позже этой даты» (Данте Алигери. Новая жизнь. Божественная Комедия. М., 1967. Б-ка всемирной литературы. С. 545).

Ахматова помнила, что Гумилев был казнен, едва достигнув «средины странствия земного». Знала она и позднее свидетельство ис любимой ею Ирины Одоевцевой, что «...на одном из заседаний “Цеха поэтов” в ноябре 1920 г. обсуждалось название новой книги “На половине странствия земного”, вызвав “всеобщее одобрение”, но Гумилев на следующий же день сообщил, что хочет переименовать книгу в “Огненный столп”, опасаясь, что ранее выбранное заглавие “может сократить ему жизнь”» (см.: Одоевцева И. На берегах Сены. Париж. 1983. С. 482—483).

«Мне ничего на земле не надо...» — автоцитата из стихотворения, обращенного к Н.С. Гумилеву «Так отлетают темные души...» (7 января 1940):

Знаешь, я годы жила в надежде,
 Что ты вернешься, и вот — не рада.
 Мне ничего на земле не надо,

Ни громов Гомера, ни Дантова дива.
Скоро я выйду на берег счастливый...

9 ...в «Оде к д'Аннунцио»... — строки из «Оды д'Аннунцио» Гумилева (1915):

Судьба Италии — в судьбе
Ее торжественных поэтов.

«Триумфе любв<и>». «*Dante con Beatrice*» — отсылка к незавершенной поэме Франческо Петрарки (1304–1377) «Триумф».

...у своего первого биографа Боккачио... — Боккаччо Джовани (1313–1375) — один из родоначальников литературы Возрождения, написавший трактат «Во славу Данте» («Жизнь Данте»). По поручению Синьории читал лекции о «Божественной Комедии» в церкви Сан-Стефано ди Бадио во Флоренции. Чтение было прервано на XVII песне Ада, в связи с болезнью Боккаччо.

«Отсюда в черный он сошел обрыв» — первая строка сонета Микеланджело в переводе А. Наймана.

...другой гениальный италианец... — Амедео Модильяни (см. т. 5 наст. изд.).

10 ...просит прощения за упоминание своего собственн<ого> имени... — Чистилище, XXX, 55–57.

...юным поэтам (аввакумовцам). — Так Ахматова назвала молодых поэтов Дм. Бобышева, И. Бродского, Е. Рейна, А. Наймана (Н а й м а н. С. 73).

Брунетто Латини (ок. 1220–ок. 1294) — учитель Данте, флорентинец. Принадлежал к партии гвельфов. Пи-

сатель, переводчик, автор трехтомной энциклопедии средневековых значений. В XV песне «Ада» происходит встреча Данте с Латини, которого он считал своим учителем:

...Он ухватил меня за мой подол.

Я в опаленный лик взглянул пытливо,
Когда рукой он взялся за кайму,
И темный образ явственно и живо

Себя открыл рассудку моему;
Склонясь к лицу, где пламень выжег пятна:
«Вы, сэръ Брунетто?» — молвил я ему.

И он: «Мой сын, тебе не неприятно,
Чтобы, покинув остальных, с тобой
Латини чуточку прошел обратно?»

Я отвечал: «Прошу вас всей душой;
А то, хотите, я присяду с вами,
Когда на то согласен спутник мой» <...>

(Ад. XV, 24–36)

Латини далее просит: «...Храни мой Клад, я в нем живым остался; // Прошу тебя лишь это соблюсти». — Клад, т.е. его «Книгу о сокровище».

ПУШКИНСКИЕ ШТУДИИ

ПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА ПУШКИНА

Впервые — Звезда. Л. 1933. № 1. С. 161–176. Дополнения по поздней черновой рабочей рукописи (РНБ), приведенные Э.Г. Герштейн в ее публикациях текста, даны в комментариях. Печ. по указанному изданию.

Работа А. Ахматовой стала событием в пушкинистике. На нее ссылались, с ней полемизировали. Академик М.П. Алексеев писал: «В истории изучения “Сказки о золотом петушке” Пушкина, как известно, очень заметную роль сыграла небольшая статья А.А. Ахматовой “Последняя сказка Пушкина”...» Статья А. Ахматовой вызвала оживленный обмен мнений: споры защитников и противников высказанной ею догадки длились в печати довольно продолжительное время; впрочем, они были весьма бесплодны и во всяком случае слишком однообразны... Большинство исследователей, не имея возможности отрицать действительное сюжетное сходство пушкинской сказки с новеллой В. Ирвинга, либо принимало полностью гипотезу Ахматовой, либо пыталось ослабить ее соображениями о более важной, по их мнению, стилистической и жанровой близости «Сказки о золотом петушке» к русскому сказочному фольклору. Например, М.К. Азадовский полностью соглашался с догадкой А.А. Ахматовой, хотя и указывал также на некоторые отклонения Пушкина от сюжетной схемы новеллы об арабском звездочете и справедливо подчеркивал, что Пушкин стремился передать заимствованные им из зарубежной литературы сюжеты таким образом, чтобы они получали подлинно национально-русское звучание (А з а д о в с к и й М.К. Пушкин и фольклор // Он же. Литература и фольклор. Л., 1938. С. 85–86). Близкой была точка зрения Ю.М. Соколова (С о к о л о в Ю.М. Пушкин и народное творчество // Литературный критик. 1937. № 1. С. 134–135), И.П. Лупановой (Л у п а н о в а И.П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX в. Петрозаводск, 1959. С. 177), Л. Желанского (Ж е л а н с к и й Л. Сказки Пушкина в народном стиле. М., 1936. С. 66) и др.

И тем не менее фольклорист Р.М. Волков в своей работе о народных источниках творчества Пушкина упрямо отрицал значение гипотезы Ахматовой. Он между прочим писал: «Утверждение М. Азадовского, что “Пушкин сохраняет в основном всю сюжетную схему Ирвинга”, не может быть принято... Отмеченные М. Азадовским “отклонения” говорят о существенном отличии пушкинской сказки от новеллы Ирвинга, отличии, показывающем, что сказку Пушкина ни в коем случае нельзя возводить к новелле В. Ирвинга как первоисточнику, хотя Пушкин, безусловно, и знал эту новеллу, частично использовав из нее некоторые ситуации в своей сказке» (В о л к о в Р.М. Народные истоки творчества Пушкина (Баллады и сказки) // Ученые записки Черновицкого гос. университета. Серия филол. Черновиды, 1960. Т. 44. Вып. 13. С. 190—218).

Тем не менее, пишет академик Алексеев, в советской науке о Пушкине в последнее время, по-видимому, возобладало все же противоположное мнение. Так, например, в последнем издании «Альгамбры» на русском языке новелла Вашингтона Ирвинга снабжена следующим примечанием комментатора: «Сюжет Ирвинга послужил источником Пушкину для его “Сказки о золотом петушке”, как доказала впервые А.А. Ахматова в своей работе “Последняя сказка Пушкина”» (И р в и н г В. Альгамбра. М., 1979. С. 342).

Кроме того, М.П. Алексеев обращает внимание на малоизвестные исследователям некоторые зарубежные отклики на гипотезу Ахматовой о Пушкине и «Легенде» Ирвинга. Например, известный французский славист академик Андре Мазон опубликовал в Париже в 1939 г. статью под заглавием: «“Сказка о золотом петушке”: Пушкин, Клинггер и Ирвинг». По мнению французского ученого, в

этой сказке было много таких мотивов (помимо мотивов русского фольклора), которые также должны были бы быть названы среди вероятных источников этого произведения Пушкина. Таков, например, в «Сказке о золотом петушке» мотив о двух братьях, сыновьях царя Дадона, которые погибают одновременно вместе с ратью, посланной Дадонем против врагов, аналогию которым Мазон находит в многочисленных эпизодах в южнославянском эпосе. В новелле Ирвинга этот мотив братьев, идущих на войну по отцовскому приказанию, отсутствует. Андре Мазон напоминает также ряд эпизодов из «La Guzla»* П. Мериме — книги, столь хорошо известной Пушкину, в которой также можно найти ряд аналогий с пушкинской сказкой. Мазон напоминает и мотивы арабского фольклора, которые Пушкин мог вспомнить, создавая свою сказку, например «Историю Нуреддина и рабыни Мириам», помещенную в книге «Неизданные сказки из “Тысячи и одной ночи”», составленной из арабских источников, переведенных на французский язык, и изданной в Париже в 1828 г. Книга эта сохранилась в библиотеке Пушкина (М о д з а л е в с к и й Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 211; № 818—819).

Ахматовской гипотезы относительно Пушкина и Ирвинга М.П. Алексеев коснулся в некрологе поэта во «Временнике Пушкинской комиссии» на 1964 год. Это была его первая печатная заявка на большое специальное исследование о Пушкине, Ирвинге и немецком писателе эпохи «Бури и натиска» Фридрихе Максимилиане Клингере,

* «Гузла» (1825) — мистификация илирийских народных песен, предпринятая П. Мериме после знаменитой его литературной мистификации «Театр Клары Газуль». Полный русский перевод «Гузлы» появился в 1930 г.

известном у нас своим философским романом «Жизнь Фауста, его деяния и гибель в аду» (1791, рус. пер. 1913 и 1961). Над этой статьей М.П. Алексеев работал в последние месяцы жизни и завершил за несколько часов до своей кончины 19 сентября 1981 г. Статья «Пушкин и повесть Ф.М. Клингера “История о золотом петухе”» была напечатана посмертно во «Временнике Пушкинской комиссии» на 1979 год (Л.: Наука, 1982. С. 59–95) и в несколько сокращенном виде (без концовки) в кн.: А л е к с е е в М.П. Пушкин и мировая литература // Отв. ред. Г.П. Макогоненко, С.А. Фомичев. Л.: Наука, 1987).

Эта работа Алексеева остается до сих пор наиболее авторитетным анализом проблематики «Пушкин — Ирвинг и другие», поднятой Ахматовой в связи со «Сказкой о золотом петушке» Пушкина.

13 Ирвинг Вашингтон (1783–1859) — американский писатель-романтик.

Сиповский Василий Васильевич (1872–1939) — филолог, приват-доцент, исследователь связей Пушкина с фольклором, автор монографии о жизни и творчестве поэта.

...на сказку Клингера... совершенно неосновательно. — М.П. Алексеев по поводу этого суждения Ахматовой пишет: «А. Мазон тщательно проштудировал французский перевод “Истории о Золотом петухе” Ф.М. Клингера и сделал ряд существенных наблюдений об этом произведении в связи с пушкинской сказкой. Очевидно, уже ранние исследователи сказки Пушкина (в частности, В.В. Сиповский) в первую очередь обратили внимание на сходство ее заглавия с заглавием “сказки” (хотя она нигде не названа так) Ф.М. Клингера. Это не удивительно, поскольку фольклористы, изучавшие “Сказку о

золотом петушке”, не могли найти ни по ее заглавию, ни по ее основному образу сколько-нибудь убедительных аналогий в русской народной словесности. Обращали внимание, в частности, на то, что “золотые звери” иногда встречались в русских сказках — таковы, например, конь (“Златогрив”), свинка или котик (“Свинка, золотая щетинка”, “Коток, золотой лобок”) и т.д., но “золотой петушок” как сказочный персонаж у нас нигде не встречается (за исключением детской песенки: “Петушок, петушок, золотой гребешок...”). Но если в сказке Пушкина оказалась “золотая рыбка”, то здесь мог оказаться и “золотой петушок” того же происхождения, догадывались иные русские исследователи, но подтверждения не получали... Таким образом, у А. Мазона, а вслед за ним у некоторых других зарубежных исследователей сказки Пушкина были достаточные основания для того, чтобы обратиться к проверке утверждений ученых старого времени, полагавших, что к изучению “Сказки о золотом петушке” стоит привлечь основательно забытое всеми произведение Ф.М. Клингера. Становилось вполне ясно, что “Легенда об арабском звездочете” может объяснить не все в сложной структуре пушкинской сказки» (А л е к с е в М.П./Пушкин и мировая литература. Л., 1987. С. 511—513)

14 Книга... вышла в 1832 году в Париже. — Впервые книга В. Ирвинга «Альгамбра. Очерки и рассказы о маврах и испанцах» вышла на английском языке в мае 1832 г. в Лондоне, а 9 июня 1832 г. в Нью-Йорке появилось американское издание. Парижский перевод, упоминаемый А. Ахматовой, вышел в 1832 г. позднее.

В числе семи книг Ирвинга... — Помимо французского перевода «Альгамбры», отмеченного А. Ахматовой,

в библиотеке Пушкина имелось еще четыре издания Ирвинга на французском языке («Книга эскизов», «История жизни и путешествий Колумба», «Путешествия и открытия сподвижников Колумба» и «История Нью-Йорка», вышедшая под именем Дидриха Никербокера), а также два парижских издания на английском языке, вышедших в 1835 г., «Сборника Крэйона» (второй и третий тома) — «Эбботсфорд и Ньюстедское аббатство», «Легенды о завоевании Испании» (см.: Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина. № 1016—1021, 1047)..

14 ...критика отмечала воздействие Вашингтона Ирвинга на автора «Повестей Белкина»... — Ахматова имеет в виду анонимную рецензию (иногда ошибочно полагали, что это издатель журнала «Московский телеграф» Н. Полевой), появившуюся в «Московском телеграфе» в ноябре 1831 г. (№ 22. С. 254—256) на «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», в которой речь шла о Пушкине и Ирвинге. В «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»» в 1832 г. печатались отрывки из «Альгамбры» Ирвинга («Завещание мавра» — 20, 24 и 27 августа 1832. № 67—69), а 27 февраля 1837 г. (№ 9) появилась анонимная рецензия «Несколько слов о разборе ирвинговой «Истории Колумба»» и русского перевода этого произведения, помещенном в XX книжке «Библиотеки для чтения», подписанное: Р-в А.

Полевой Николай Алексеевич (1796—1846) — писатель, журналист, критик, издатель «Московского телеграфа», один из переводчиков «Адольфа» Б. Констана на русский язык.

14 ...Пушкин упоминает об Ирвинге только один раз... — В новейших исследованиях установлены и другие случаи прямого и косвенного упоминания Пушкиным Ирвинга. В мае — июне 1827 г. журнал «Вестник Европы» (№ 10—11) напечатал перевод рассказа Ирвинга «Дьявол и Том Уокер». Перевод этой новеллы из цикла «Рассказы путешественника» был сделан историком, критиком и издателем Михаилом Трофимовичем Каченовским (1775—1842) с польского из «Денника Виленского» и озаглавлен «Фома Валкер». История с переводом Ирвинга с польского в одном из старейших русских журналов стала притчей во языцех. Пушкин в пародии на редакцию «Вестника Европы» («Общество московских литераторов»), иронически предлагал проект нового журнала, в котором печатались бы «переводы Байрона с польского».

Имеется также свидетельство прямого отзыва Пушкина об Ирвинге. Исследователь русско-американских литературных связей А.Н. Николюкин пишет: «10 мая 1828 г. “Северная пчела” напечатала рассказ Ирвинга “Вороны” (из сборника “Брейсбридж-холл”) в переводе О. Сомова. В примечании переводчика говорилось: “Отрывок сей имеет одно неотъемлемое достоинство: удивительную живость описания и поэтический взгляд сочинителя на предметы, по общему понятию, самые прозаические. По выражению одного из лучших наших поэтов, Вашингтон Ирвинг отличный мастер разболтаться: он настраивает воображение и свое и своих читателей до того, что вместе с ним видишь в стае воронов нечто выше птиц обыкновенных”».

Лучшим поэтом 20-х годов бесспорно считался Пушкин. Что же касается О.М. Сомова, то его систематические деловые контакты с Пушкиным и Дельвигом, в «Литературную газету» которого он затем перешел из булга-

ринской “Северной пчелы”, начинаются в 1827 г. и укрепляются на протяжении 1828 г. В начале этого года Пушкин подарил Сомову, с которым часто встречался, IV и V главы “Евгения Онегина”. Едва ли можно сомневаться, что в своем примечании Сомов имел в виду Пушкина, от которого и услышал меткую характеристику Ирвинга — “мастер разболтаться”» (Н и к о л ю к и н А.Н. Пушкин и американская литература//Он же. Литературные связи России и США. М.: Наука, 1981. С. 238).

14 ...в своем пересказе биографии Джона Теннера. — Отклик Пушкина на «Записки Джона Теннера, похищенного индейцами и прожившего среди них 30 лет» (П у ш к и н А. Журнал «Современник». 1836. Т. 3). Сокращенный французский перевод записок имеется в библиотеке поэта.

Модзалевский Борис Львович (1874—1928) — историк литературы.

16 В особом примечании издатель... — Имеется в виду предисловие Н. Надеждина к переводу «Губернатора Манко» в журнале «Телескоп» (1832. № 12. С. 438—439): «Сие новое сочинение Вашингтона Ирвинга вышло недавно под заглавием «The Alhambra or the New Sketch-Book». Это собрание повестей, очерков и картин, подобное его первому “Sketch-Book” или “Tales of a Traveller”, с тою только разностию, что предмет их составляет исключительно предания, нравы и природа Испании. Автор как будто ведет в них поэтический журнал своего путешествия по сей фантастической стране, столь благоприятной вдохновению, до самой Гренады, которую весьма живописно называет «серебряною чашею, наполненною изумрудами и гиацин-

тами». Здесь Алгамбра, со своими в высшей степени поэтическими воспоминаниями, обращает на себя преимущественно его внимание. Предлагаемый нами отрывок есть народная испанская сказка, обработанная В. Ирвингом. Он носит на себе яркую печать его таланта, отличающегося остроумною веселостью и изящною легкостью. *Изд.*».

16 ...по неизвестным нам причинам, этот перевод остался ненапечатанным. — В позднейших исследованиях освещается история с попыткой издания полного перевода «Альгамбры». В 1838 г. книгопродавец Н. Глазунов подал в Московский цензурный комитет рукопись «Повести Алгамбры» в двух частях (ЦГИА. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 13-б, л. 12 об.). И хотя Московский цензурный комитет одобрил обе части рукописи, книга не увидела свет. Сличение сохранившихся в архиве комитета анонимных переводов «Повестей Альгамбры» убеждает, что они были выполнены заново по сравнению с уже публиковавшимися в журналах того времени — «Телескоп», «Московский телеграф», «Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”» (Н и к о л ю к и н А.Н. Вашингтон Ирвинг и ранние переводы американских писателей // Он же. Литературные связи России и США. С. 180). Из архива Московского цензурного комитета следует, что издание не было осуществлено из-за антицерковных мотивов («корыстолюбивый священник» и т.п.), усмотренных в рукописи переводов «Альгамбры».

Из цикла «Альгамбрских сказок» были напечатаны... — Помимо указанных Ахматовой переводов «Альгамбрской розы» (выполнен И.В. Киреевским) и «Губернатора Манко» (перепечатан из «Телескопа». 1832. Ч. 9. № 12), следует отметить перевод легенды «Принц Ахмед-

Аль-Камель» из «Альгамбры», опубликованный в «Московском телеграфе» (1832. № 21, 22), перепечатанный в «Библиотеке романов и исторических записок, издаваемой книгопродавцем Ф. Ротганом на 1835 год» (Т. 14), а также семь переводов из «Альгамбры», появившихся в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» в течение 1832—1834 гг.: «Завещание мавра» (пер. В. Соколов. 1832. № 67—69), «Альгамбра при лунном свете» (пер. П.Л., 1833. № 74), «Балкон (Из Альгамбрских повестей)» (пер. с фр. Бр. 1833. № 53), «Зала посланников» (Отрывок из «Альгамбрских повестей») (пер. П.Л. 1833. № 56), «Поездка в Альгамбру» (пер. Бр. 1833. № 35), «История о Магомете-Левше и его трех дочерях (Отрывок из романа Альгамбра)» (пер. с нем. В. Тилло. 1834. № 33—34), «Приключение каменщика» (пер. И. Глебов. 1833. № 13).

18 *С Ирвингом Долгоруков подружился в Мадриде...* — Свою книгу романтических новелл «Альгамбра» Ирвинг открывает посвящением Д.И. Долгорукову: «Весной 1829 года автор этого сочинения, привлеченный в Испанию любопытством, проехался из Севильи в Гренаду в обществе приятеля, сановника русского посольства в Мадриде. Нас, уроженцев разных концов земли, свел случай, а сходство вкусов сделало нас спутниками в странствии по романтическим нагорьям Андалузии». Ирвинг продолжает, что ни годы, ни расстояния не изгладят из его памяти воспоминаний о русском друге, с которым он совершил это романтическое путешествие.

В архиве Д.И. Долгорукова сохранилась автобиографическая записка, написанная им в конце жизни, в 1857 г.: «В Испании путешествовал я три месяца со знаменитым американским писателем Вашингтоном Ирвингом. Его образ мыслей, советы, сочинения много содействовали к раз-

витию моих наклонностей к изящному. Он ознакомил меня с красотами Шекспира и был потом долгое время со мной в переписке» (РГБ. Ф. 203. Карт. 202. Ед. хр. 16, л. 14 об, 15). Известно, что в течение 1828-го и первой половины 1829 г. Ирвинг написал Долгорукову десять писем. В 1860 г. по просьбе племянника американского писателя, готовившего издание биографии и писем своего дяди, Долгоруков выслал ему копии этих писем — они опубликованы в 1862 г. в четырехтомной биографии Ирвинга, изданной в Лондоне.

Приехав в Испанию в феврале 1826 г. в качестве атташе американского посольства, Ирвинг познакомился и установил дружеские связи с домом русского посла в Мадриде Петра Яковлевича Убри, находившегося на этом посту с 1824 по 1835 г. В доме Убри, где проживал приехавший в Испанию в том же 1826 г. Д.И. Долгоруков, и произошло знакомство двух литераторов. Участник петербургского литературного кружка «Зеленая лампа», приятель Пушкина — Долгоруков вел душевные беседы с американским писателем, слава которого в России тогда только начиналась. В письмах Ирвинга к Долгорукову картины природы Андалузии живо напоминают испанские мотивы у Пушкина, в частности в «Каменном госте»: «Перед нами вся сладость весны роскошного юга — апельсины и лимоны, фиговые и пальмовые деревья, виноград, оливы, алоэ, инжир и другие столь же поэтические растения. Окружающая природа наполняет чувства северянина каким-то небывалым упоением. Воздух дышит бальзамом и напоен ароматом». Вспомним пушкинское «Ночь лимоном и лавром пахнет» в «Каменном госте». Возникает вопрос, не читал ли Долгоруков, вернувшись в Россию, письма Ирвинга своим знакомым, в том числе и Пушкину и его дру-

зьям. Во всяком случае известно, что до старости князь Долгоруков бережно хранил эти письма. А в письме к сестре (А.И. Новиковой) писал в августе 1830 г.: «Я столько видел и узнал нового, что могу болтать целый день без умолку и иногда, не без любопытства и даже не без пользы заставляя себя слушать. Я мечтал на развалинах Колизея, жил в Аламбре, славном замке арабов, видел Константинополь, видел Неаполь...» (ГЛМ. Ф. 79. Ед. хр. 2704. Л. 16).

1 мая 1829 г. Ирвинг вместе с князем Долгоруковым выехал из Севильи и после пятидневного пути, описанного в «Альгамбре», прибыл в Гранаду. В письме к брату 13 мая Ирвинг описывает свое житье в старом дворце мавританских властителей Испании: «Вчера, получив разрешение коменданта Альгамбры, князь и я перебрались в одно из свободных помещений дворца. Ты представить себе не можешь, как чудесно мы устроились — все огромное здание в нашем распоряжении, и мы можем беспрепятственно бродить по его залам и дворцам все дни и ночи...» (цит. по кн.: Н и к о л ю к и н А.Н. Литературные связи России и США. С. 209).

18 «Зеленая лампа» — литературно-политический кружок в Петербурге (март 1819—осень 1820). Название — по абажуру в комнате заседаний, символизировало «свет и надежду». Во главе — декабристы С.П. Трубецкой, Ф.Н. Глинка, Я.Н. Толстой, А.А. Токарев. В собраниях участвовали молодые поэты А. Пушкин, А. Дельвиг, а также Н. Гнедич, Д. Барков, Д. Долгоруков, Н. Всеволожский и др. Исповедовались идеи, близкие декабристскому Союзу благоденствия.

Тургенев Сергей Иванович (1790—1827) — дипломат, брат А.И. и Н.И. Тургеневых.

18 *Дашков* Дмитрий Васильевич (1788—1839) — министр юстиции, критик, один из основателей «Арзамаса».

19 После слов: «*короля Абен-Габуза*» — добавлено «отставного завоевателя».

После слов «*Арабский звездочет*» в рабочей рукописи следует: «Арабский звездочет, глубокий старик Ибрагим, наперсник короля, рассказывает ему о талисмানে». Далее после слов: «Король влюбляется в принцессу» — добавлено: «и, исполняя ее прихоти, разоряет Гренаду. Вспыхивает революция». После: «*Звездочет и принцесса проваливаются в подземное жилище звездочета*» — добавлено: «где пребывают и донныне (развязка типа «Барбароссы»».

Крачковский Игнатий Юлианович (1883—1951) — арабист, выпускник факультета восточных языков Петербургского университета, академик (с 1921 г.).

20 Вместо абзаца: «*Вашингтон Ирвинг* <...> *Вальтер Скотт*» — другой текст: «Ирвинг — великий мистификатор, продолжатель традиций Аддисона».

...источниками «Альгамбры» Ирвинга в Испании никто не занимался. — Ссылаясь на статью Ахматовой, знаток испанской литературы К.Н. Державин писал об источниках «Альгамбры»: «Сказочный дворец мавританских правителей в Альгамбре овеян богатейшей легендарной традицией, восходящей и ко временам владычества мавров в Испании, и к временам позднейшей испанской письменности и фольклора. Ирвинг, видимо, не предполагал, что, создавая свой легендарный рассказ об арабском звездочете, он облакает в новую форму не только местное, связанное с Альгамброй, предание, но и повествовательный мо-

тив, известный уже раннему европейскому средневековью. В европейской традиции предание это связано с образом великого римского поэта Вергилия, за которым народное мнение упрочило, как известно, славу колдуна и чародея» (Д е р ж а в и н К.Н. Вергилий и Пермская сказка. Пермь, 1944. С. 6). Приводя различные западноевропейские средневековые варианты легенды о колдовствах Вергилия, Державин прослеживает также их миграцию в Византию и существование в арабо-египетской литературе VII века, один из сюжетов о том, как некий правитель Египта повелел воздвигнуть в своей столице колонну из зеленого мрамора, увенчанную медной фигуркой утки. Когда к воротам города приближался иноземец, утка начинала хлопать крыльями и громко крикать. Тогда горожане задерживали иноземца, и никто из чужих не мог проникнуть за стены египетской столицы. «Через арабо-египетскую литературу и устное предание рассказ этот, видимо, проник в арабо-мавританскую Испанию и послужил одним из формирующих моментов в создании местной легенды об Альгамбре, которая легла в основу новеллы-сказки Ирвинга. Можно с уверенностью предположить, что в огромной арабо-испанской исторической письменности, включавшей в себя большое количество местных преданий и легенд, с течением времени обнаружится рассказ, связующий арабо-египетское предание с повестью о звездочете Ирвинга» (А л е к с е е в М.П. Пушкин и мировая литература. С. 509).

20 *Знакомство Пушкина с «Альгамбрскими сказками» Ирвинга можно датировать 1833 годом.* — Э.Г. Герштейн обратила внимание на вставку в черновиках Ахматовой о том, что уже в 1832 г. Пушкин мог прочитать отзывы об Альгамбре во французских журналах. К этому

следует добавить, что в «Московском телеграфе» он также имел возможность познакомиться с отзывом об «Альгамбре» в 1832 г. (№ 22. С. 254–256).

21 *Привожу перевод этого отрывка...* — Приведя параллельный текст французского перевода «Легенды об арабском звездочете» Ирвинга, Ахматова дает в примечании свой перевод первого фрагмента и начала седьмого. Переводы других фрагментов приведены далее (см. коммент к с. 22–29).

22–23 *Il était <...> le pauvre Aben-Habuz...* — Перевод: «Жил однажды мавританский король, по имени Абен-Габуз... Это был завоеватель, уже удалившийся на покой, — другими словами, проведя все молодые годы в беспрерывных набегах и грабежах, теперь состарившись и одряхлев, он ничего другого не желал, как жить со всеми в мире... безмятежно наслаждаться жизнью во владениях, некогда отнятых им у соседей. Случилось, однако, что этому королю... пришлось вести борьбу с молодыми соперниками... Некоторые отдаленные области его государства, которые в дни его былой мощи и пикнуть не смели под его железной дланью, вздумали бунтовать. И несчастный Абен-Габуз, которому, таким образом, грозили одновременно извне и изнутри, жил... в постоянных тревогах, не зная, с какой стороны ожидать ему нападения. Напрасно построил он сторожевые башни и повелел, чтобы особые войска постоянно охраняли все входы и выходы... Бывал ли когда-нибудь столь миролюбивый, живущий на покое завоеватель в более трудном положении, чем бедный Абен-Габуз?».

23 После строки: «*Сходство ситуаций полное*» — вписано: «Отсутствует только мотив восстания провинций».

23–24 *...un vieux médecin <...> de mon trésor*. — Перевод: «...появился при его дворе некий престарелый арабский лекарь... и в скором времени стал ближайшим советником короля... Абен-Габуз жаловался... что приходится постоянно быть настороже... Астролог ему на это ответил: “Узнай, о государь, что... видел я великое чудо... На некоей горе стоял баран, а на нем петух — оба медные, и они вращались на стержне. Всякий раз, когда той стране угрожало вражеское нашествие, баран поворачивался в сторону неприятеля, а петух принимался кричать, тем самым предупреждая жителей города об опасности и указывая, откуда та грозит”. — “Сколь велик господь! — воскликнул... Абен-Габуз. — Каким сокровищем был бы для меня такой баран... и петух, которые предупреждали бы меня в случае опасности... Насколько спокойнее спал бы я в моем дворце, когда бы такие часовые охраняли мой сон! Добудь мне эту благословенную стражу и владей всеми богатствами моей сокровищницы”».

24 *Il insultait... <...> son territoire*. — Перевод: «...он оскорблял своих соседей, дабы побудить их к нападению, но неудачные вылазки сделали их осторожными, и в конце концов никто из них не осмеливался больше вторгаться в его владения».

24–25 *Pendant plusieurs <...> les armes*. — Перевод: «Многие месяцы медный всадник оставался неподвижным, как это подобало ему в мирное время. Однажды ранним утром часовой, стоявший на сторожевой башне, явился к королю и сообщил, что лицо медного всадника повернуто в сторону Эльвира... “Пусть по всей Гренаде бьют в барабан и трубят в трубы, возвещая о тревоге, — сказал король, — и каждый пусть берется за оружие”».

25—26 *On amena donc <...> à sa passion.* — Перевод: «Итак, красавицу эту привели к старому королю... Жемчуга ослепительной белизны были вплетены в ее черные косы; бриллианты, сверкавшие на ее челе, блеском своим соперничали с ее очами... Сияние, которое излучали черные ее очи и бриллианты, воспламенило сердце Абен-Габуза... Абен-Габуз покорно отдался во власть своей страсти».

26 *Шамаханская царица...* — *Шемаха* (араб. Аш-Хамахийя), упоминаемая Птоломеем (II в. до н.э.). Во времена Пушкина — написание «Шамаха». Находясь на пересечении караванных путей, являлась одним из крупнейших торговых центров, славящихся ковравыми и шелковыми промыслами. В 1805 г. была присоединена к России. В настоящее время — на территории Азербайджана.

После слов «*над трупами своих сыновей*» следовало примечание: «Единоборство братьев-соперников — очень распространенный мотив европейского фольклора. См., например, английскую балладу «Lord Ingram and Chiel Wyet» <Child. The English and scottish popular ballads. Boston, 1882—1891>, где совершенно так же, как в «Петушке», описаны убившие друг друга братья».

26—27 «*Voici*», *dit <...> paradis des fous...*» — Перевод: «Вот, — сказал астролог, — та награда, которую вы мне обещали». Абен-Габуз улыбнулся, считая это шуткой старца, но, когда он понял, что тот говорит всерьез, его седая борода затряслась от негодования. «Сын Абу Агиба, — сказал он с важным видом, — что это за намек? Ты ведь знаешь, что я имел в виду своим обещанием... Возьми себе самого выносливого мула из моих конюшен; нагузи

на него самые драгоценные вещи из моей сокровищницы, она в твоём распоряжении...” — “На что мне твоё золото и твои сокровища? — презрительно сказал астролог. — Принцесса принадлежит мне по праву: ты связан своим королевским словом, я требую её, она принадлежит мне...” Гнев монарха взял тут верх над благоразумием, и он воскликнул: “Презренный сын пустыни, ты, может быть, превзошёл многие и многие науки, но согласишься, что я твой господин, не будь столь безрассуден и перестань издеваться над своим королём” — “Это ты мой господин, — повторил астролог, — мой король? Ты, властитель какого-то жалкого клочка земли, хочешь приказывать тому, кто владеет книгой Соломоновой? Прощай же. Управляй своим крошечным королевством и веселись в своём раю для дураков”».

27 *Sur une <...> sur un pivot...* — Перевод: «На горе, возвышающейся над большим городом... виднелось изваяние барана, на котором сидел петух... Длинная борода ниспадала до самого пояса и ещё более подчеркивала его морщины и седые волосы. На верхушке башни находилось медное изваяние, укрепленное на стержне...»

28 После слов: «...владеет волшебной книгой царя Соломона» — вставлено: «В черновике и ещё в беловике Пушкин называет звездочета — шамаханским, т.е. союзником шамаханской царицы. Тогда было бы ясно, отчего он её требует».

Волшебная книга царя Соломона — по-видимому, «Книга премудрости Соломона», входит в ряд книг неканонического Ветхого Завета.

Так, например, у Пушкина не перенесены «биографии» звездочета и принцессы. — Вставлено: «что создает некоторую таинственность».

28 Переработан и дополнен абзац: «*Так, например, если у Ирвинга Абен-Габуз засыпает под звуки волшебной лиры*» — следует: «или просто говорит вначале: “Как спокойно я спал бы в моем дворце, имея таких сторожей...”».

29 После слов: «*В сказке Ирвинга главные персонажи, король и звездочет, — пародийны, Пушкин же иронизирует только над царем... образ которого совершенно гротескный*» — следовал отрывок: «Звездочет — таинственный, и Пушкин говорит о нем с нежностью: «Весь как лебедь поседелый». Сцена встречи Дадона с Шамаханской царицей (и в шатер свой увела) заставляет вспомнить о «Сказке о Еруслане Лазаревиче», причем в черновике сходство более явственное:

Что же меж высоких гор
 Белый шелковый шатер (шелк Шемахи)
 В том шатре сидит девица
 Шамаханская царица.

А в лубочном издании «Сказки о Еруслане»: «И наехал в чистом поле на бел шатер, в котором сидели три прекрасные девицы, дочери царя Бугригора. Таковых прекрасных более на свете нет».

Далее следует любовная сцена в шатре и убийство двух сестер.

Бонди Сергей Михайлович (1891–1983) — историк литературы, исследователь творчества Пушкина.

Комовский Василий Дмитриевич (1803–1851) — воспитанник Благородного пансиона при Царскосельском лицее, переводчик, археограф, возглавлял канцелярию народного просвещения. В письме к Н.М. Языкову от

16 октября 1833 г. сообщил о своей встрече и беседе с Пушкиным.

29 Языков Николай Михайлович (1803–1845) — поэт, знаком с Пушкиным с 1826 г. Пушкин бывал у Языкова в Москве, написал послание «К Языкову» (1828), ценил его поэзию, был в добрых отношениях с братьями Языкова — Александром Михайловичем (1799–1874) и Петром Михайловичем (1793–1851) — помещиками Симбирской губернии, к которым Пушкин заезжал во время своего путешествия по пугачевским местам. Языков был в числе гостей на «мальчишнике» накануне свадьбы поэта 17 февраля 1831 г. В декабре того же года Пушкин читал Языкову, принимавшему участие в работе П.В. Киреевского над сборником народных песен, отрывки из своих сказок.

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) — поэт, переводчик, художник; близкий друг Пушкина.

30 После слов «*Сорочинская шапка*» добавлено: «...В чистом поле стоит человек копьём подпершись, во белой епанче, шляпа на нем сорочинская, и стоячи дремлет» (сказка о Еруслане Лазаревиче); см. также строфу о «Римской папе» в черновике «Сказки о рыбаке и рыбке»: «...на старухе сорочинская шапка, а на шапке венец лат<инский>, на венце тонкая спица, на спице Строфилус-птица».

После слов «...политического памфлета или сатиры» в скобках «Каиб» Крылова.

Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943) — писатель, историк литературы, критик, переводчик. Написал ряд работ об А.С. Пушкине: «Архаисты и Пушкин», «Пушкин и Тютчев», «Мнимый Пушкин» и др.

30 Катенин Павел Александрович (1792—1853) — поэт, критик, драматург; член Союза спасения. Катенин высоко ценил «Евгения Онегина», «Графа Нулина», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Капитанскую дочку» и др., но отрицательно отзывался о «Бахчисарайском фонтане», «Борисе Годунове», «Моцарте и Сальери», «Песнях западных славян».

34 Смирдин Александр Филиппович (1795—1857) — книгоиздатель и книготорговец.

Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844), граф — шеф корпуса жандармов, начальник III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Оксман Юлиан Григорьевич (1894—1970) — историк литературы.

35 ...достойной Видока и Булгарина. — Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859) — писатель, журналист, редактор и издатель (с Н.И. Гречем) журналов «Северная пчела», «Сын отечества» и др. Автор романов и повестей «Иван Выжигин» (1829) «Дмитрий Самозванец» (1830) и др. После 14 декабря 1825 г. отошел от своего раннего поверхностного либерализма и стал негласным осведомителем III Отделения. По-видимому, в 1826 г. был секретным цензором «Бориса Годунова». К 1830—1834 гг. относится ряд пасквилей, носивших характер политических доносов. Со своей стороны, Пушкин пишет серию эпиграмм и памфлетов в его адрес. Ассоциация «Видок» возникла у Пушкина и его окружения в связи в выходом в 1826 г. в Париже мемуаров известного французского сыщика Видока (Эжен Франсуа, 1775—1857). Беглый солдат и каторжник, бежавший с галер, был принят на работу

во французскую полицию, где дослужился до звания начальника полицейского отряда, составленного из сыщиков и помилованных преступников. В заметке «О записках Самсона» парижского палача (мистифицированных группой французских писателей) Пушкин писал, выступая против последних «откровений» французской литературы и снижения вкусов русских литературных журналов и читающей публики: «...явилась толпа людей темных с позорными своими сказаниями. Но мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильсон, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовские признания полицейского шпиона и на пояснения оных клейменного каторжника. Журналы наполнились выписками из Видока» (Пушкин, 11. С. 94).

36 Нащокин Павел Воинович (1801—1854) — отставной корнет лейб-гвардии Кирасирского полка, близкий друг Пушкина.

Плетнев Петр Александрович (1792—1865) — поэт и критик, профессор российской словесности с 1832 г., с 1840 по 1861 г. — ректор Петербургского университета.

37 Вульф Алексей Николаевич (1805—1881) — сын П.А. Осиповой, приятель Пушкина и Н.М. Языкова.

После слов: **автор «Истории Пугачева» и русских сказок** — приписано: (Карамзин тоже писал русские сказки).

38 Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — общественный деятель, археограф и литератор, камергер. Пушкина знал с детства, посоветовав определить его в Лицей. А.И. Тургенев провел многие часы в квартире умирающего Пушкина и сопровождал его тело в Святогорский монастырь.

39 После слов «...история рода Пушкиных» добавлено: «родословная Пушкиных всегда была для А.С. чем-то оппозиционным, или, во всяком случае, «полюемическим».

Никитенко Александр Васильевич (1804–1877) — литературный критик, профессор русской словесности Петербургского университета. С августа 1833 г. — цензор. Цензурные исправления, сделанные Никитенко в «Сказке о золотом петушке», вызвали резкое недовольство Пушкина.

Красовский Александр Иванович (1780–1857) — цензор Петербургского цензурного комитета (1821–1828), член Российской Академии (с 1833). Общался с Пушкиным в петербургских литературных кругах со второй половины 1820-х гг. и в 1830-х гг. К Красовскому, имевшему репутацию тупого и фанатичного цензора, обращены два «Послания к цензору» (1822, 1824) и эпиграмма «Тимковский царствовал» (1824).

41 Голицын, Татаринова, Крюденер... — Голицын А.Н. — главноуправляющий духовными делами иностранных вероисповеданий, тяготевший к мистико-чувствительной религиозности (см. о нем также коммент. на с. 554). Татаринова Екатерина Филипповна (урожд. Буксгевден; 1783–1856) — основательница «Духовного союза», близкого к хластам и скопцам. Крюденер — см. Криденер В.Ю. (с. 440)

42 После слов «с его представлением об Александре I» следует: «Александр I был фигурой европейской. Пушкин в сатирике и мистификаторе Ирвинге мог заподозрить желание в испанской сказке созидательно изобразить Александра I (подавление испанской революции Александром I)».

42 ...и еще далеко не старого Николая I. — В черновике здесь, очевидно, следовала вставка: «Всем этим я меньше всего хочу сказать, что Пушкин предполагал, что сатирическая направленность сказки будет понята, как была понята сатира “На выздоровление Лукулла”. Друзья же Пушкина 30-х годов (Жуковский, Плетнев и тот же Вяземский), конечно, были не очень склонны расшифровывать темные намеки “Сказки о золотом петушке”, — ни при жизни Пушкина, ни после его смерти, когда они из кожи вон лезли, чтобы доказать лояльность поэта. Так же как они никогда не заикнулись о “Гавриилиаде”».

43 ...упек в камер-пажи... — В черновике приписка Ахматовой: «Если бы “А с царями плохо вздорить” и “Полно, сводник, что ли, я”, “От моих от царских слов отказаться я готов” и прежняя концовка, то, конечно, сказка не увидела бы печати, и современные исследователи не приходили бы в ярость от моих предположений». Сказка Пушкина была опубликована в журнале «Библиотека для чтения». 1835. № 4.

КОММЕНТАРИЙ
«СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ»
И
«ЦАРЬ УВИДЕЛ ПРЕД СОБОЙ...»

Впервые — Рукописи А.С. Пушкина. Фототипическое издание. Альбом 1833—1835 гг. Комментарий. Тетрадь № 2374 Публичной библиотеки СССР им. В.И. Ленина//Под ред. С. Бонди. М., 1939. С. 23—26. Печ. по указанному изданию.

44 *Якушкин* Павел Иванович (1822—1872) — фольклорист, этнограф, по заданию Киреевского разыски-

вал произведения народного творчества, став в России первым профессиональным собирателем фольклора. Впервые после Пушкина обратился к пугачевско-разинскому фольклору.

44 ...в Публичной библиотеке РСФСР в Ленинграде. — Ныне хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН).

46 Как теперь установлено... — М.К. Азадовский писал в своей книге «Литература и фольклор» (Л., 1938): «Сказка Пушкина совершенно чужда русской традиции, но примыкает всецело к традиции западноевропейской. Ближе всего она к сказке сборника бр. Гриммов. На эту близость уже давно обращено внимание исследователей; Н.Ф. Сумцов в своем этюде о золотой рыбке даже напечатал перевод гриммовской сказки (С у м ц о в Н.Ф. А.С. Пушкин. Харьков, 1900. С. 289—296). Еще ранее на поразительную близость обоих текстов указал Сазонов в статье, написанной по поводу нового перебеда <на французский язык> избранных сказок бр. Гримм. См. L'Athenalium française. 1855. № 32. P. 685—687). Однако он не проводил между нею и сказкой Пушкина прямой генетической линии... В ином плане ставил вопрос В.В. Сиповский; основываясь на этой же близости, он считал возможным утверждать, что гриммовская сказка является не только параллелью, но и непосредственным источником. Но это мнение было высказано попутно — в статье о «Руслане и Людмиле» <С и п о в с к и й В.В. «Руслан и Людмила» (К литературной истории поэмы) // Пушкин и его современники. 1906. Т. IV. С. 81> не только без какой бы то ни было попытки всесторонне осветить вопрос, но и вообще без всякой аргументации; поэтому вполне по-

нятно, что это суждение не встретило никакого признания и сочувствия среди исследователей.

Отмечая близость сказки Пушкина и немецкой, Сумцов отметил и некоторые характерные черты отличия. Самым главным отличием является желание старухи быть папой и требование божественной власти. Последние два мотива отсутствуют у Пушкина, ибо они вполне естественно должны были отсутствовать и в русских сказках, как мотивы, типичные для католических стран. Тем не менее эти мотивы нашлись и у Пушкина. До сих пор при всех многочисленных исследованиях сказок Пушкина историки литературы и фольклористы не считали нужным обращаться к подлинной рукописи Пушкина, — между тем изучение ее дает возможность совершенно по-иному поставить вопрос и найти ответ для решения проблемы источника данной сказки... В черновике имеется один эпизод, совершенно отсутствующий в окончательном тексте сказки. Впервые он был прочитан С.М. Бонди и опубликован в его книжке «Новые страницы Пушкина» (М., 1931).

Говорит старику старуха:
 Не хочу быть вольною царицей,
 А хочу быть римскою папой...
 Добро, будет она римскою папой.
 Воротился старик к старухе
 Перед ним монастырь латинский
 На стенах латинские монахи
 Пьют латинскую обедню...

Этот текст в сущности уже совершенно ясно определяет основной источник сказки. Однако сам Бонди все же не решился сделать окончательного вывода. С осторожностью, всегда характеризующей этого исследователя, он по-

лагал, что утверждать непосредственное влияние гриммовской сказки на сказку Пушкина «было бы все-таки очень поспешно». Но дальнейший сравнительный анализ текста делает совершенно лишней подобную осторожность. В том же черновом тексте мы находим еще ряд моментов, определенно указывающих на первоначальный источник. В сказке бр. Grimm старуха так выражает свое желание быть богом: она не может перенести, что солнце и луна заходят и поднимаются без ее разрешения. В черновике Пушкина первоначально было написано:

Не хочу быть римскою папой,
А хочу быть владычицей солнца.

Затем вторая строка зачеркнута и заменена:

А хочу быть владычицей морской, —

как это и вошло в окончательную редакцию» (С. 69–72).

«АДОЛЬФ» БЕНЖАМЕНА КОНСТАНА В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

Впервые — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии на 1936 г. М.; Л.: АН СССР, 1936. Т. 1. С. 91–114. Печ. по указанному изданию.

Вторая работа Ахматовой о Пушкине появилась в канун 100-летней годовщины со дня гибели поэта и отражала стремление осмыслить его наследие в контексте мировой литературы, в частности французской.

Исследователь французского романтизма Д.Д. Обломиевский писал о романе, к которому обратилась Ахматова: «В 1816 г. Констан опубликовал написанный им еще

в годы империи роман “Адольф”, который представляет собой историю молодого дворянина, порвавшего со своим обществом ради страстно любимой им женщины и оказавшего предпочтение не высокому общественному положению, а уединенному семейному счастью. В отличие от Шатобриана, который стремился всячески обуздать своеволие своих героев, стремился подчинить их действия религиозному авторитету, Констан более всего ценит в Адольфе его независимость от каких бы то ни было авторитетов, более всего прославляет в Адольфе следование в своем поведении внутренним импульсам: не подчиняется приказаниям отца, вопреки его воле вступает в связь со своей возлюбленной Элеонорой, удаляется с нею от “света”, отказывается от блестящей служебной карьеры, навязываемой ему отцом. Достоинство романа Констан — в чрезвычайно детальном и дифференцированном раскрытии душевной жизни героя, в точной фиксации настроений и переживаний, сменяющихся в его душе, в изображении многообразного и сложного внутреннего мира героя. Душевная борьба не сводится в романе, как у Шатобриана, к борьбе религиозного принципа со страстью, а выражается в столкновении и переплетении между собой различных чувств, совершенно независимых от религиозного настроения» (О б л о м и е в с к и й Д.Д. Французский романтизм до 1830 года // История французской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2. С. 94).

Роман Бенжамена Анри Констан де Ребека (1767—1830), французского писателя и политического деятеля, «Адольф» был издан в Париже в 1816 г. В 1831 г. вышел в России в переводе П.А. Вяземского. Одним из внимательнейших читателей «Адольфа» был Пушкин, модный роман читают персонажи романа «Евгений Онегин».

56 Дашкевич Николай Павлович (1852–1908) — литературовед, академик (с 1907 г.), профессор Киевского университета по кафедре всеобщей истории литературы, автор сравнительно-исторических работ.

Лернер Николай Осипович (1877–1934) — литературовед, автор книг А.С. Пушкин. «Труды и дни» (1903), «Проза Пушкина» (1922), «Рассказы о Пушкине» (1929) и др.

57 Сент-Бёв Шарль Огюстен (1804–1869) — французский критик, поэт. Имеется в виду его книга «Беседы по понедельникам» (Париж, 1860).

...**«Ренэ» Шатобриана.** — Шатобриан Франсуа Рене де (1768–1848) — французский писатель и политический деятель. Его повесть «Рене, или Следствие страстей» написана в 1802 г.

Сисмонди Жан Шарль Леонар (Симонд де; 1773–1842) — швейцарский экономист и историк.

Роджерс Сэмюэл (1763–1855) — английский поэт. Его поэмы «Колумб» (1812) и «Жаклина» (1814) были изданы вместе с поэмой Байрона «Лора».

Густав Планш — французский критик; одновременно с Сент-Бёвом сотрудничал в журнале «Ревю де монд».

58 Вяземский Петр Андреевич (1792–1878) — князь, поэт, критик, мемуарист, государственный деятель; близкий друг Пушкина. Ахматова цитирует по изданию: Вяземский П. Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб., 1878–1896.

Апостол-Муравьев. — Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1796–1826). Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг., член Союза

спасения, Союз и благоденствия и Северного общества, один из организаторов восстания Черниговского полка. 29 декабря 1825 г. Пушкин встречался с Муравьевым-Апостолом в Петербурге, после окончания Лицея.

58 Остафьевский архив. — Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899—1913. Т. 1—5.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — историк.

Тургеневы. — *А.И. Тургенев* (см. с. 430) и его брат *Тургенев Николай Иванович* (1789—1871) — публицист, один из руководителей Союза благоденствия и Северного общества; с 1824 г. — политэмигрант. См.: «Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским» (1814—1833). Пг.; 1921.

Томашевский Борис Викторович (1890—1957) — историк литературы, текстолог, исследователь жизни и творчества А.С. Пушкина, друг А. Ахматовой.

Хитрово Елизавета Михайловна (1763—1838) — дочь М.И. Кутузова, близкий друг Пушкина и Вяземского.

59 ...к Каролине Собаньской... (см. коммент. о ней на с. 456).

Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800—1844) — поэт.

Семевский Василий Иванович (1848—1916) — историк, выпускник Петербургского университета.

60 Завадовская Елена Михайловна (урожд. Влодек; 1807—1874) — жена графа В.П. Завадовского, великосветская красавица. Некоторые исследователи склонны видеть в ней Нину Воронскую, «Клеопатру Невы» (см.

«Евгений Онегин». Гл. VIII), адресат стихотворений Пушкина «Все в ней гармония, все диво...».

60 ...отзыв об «Адольфе» в дневнике *Никитенки*... — Имеется в виду запись от 25 февраля 1831. Первое издание дневника Никитенко в вышло в 1893 году.

«*Старина и новизна*» — исторические сборники. Ахматова цитирует книги за 1902 г.

«*Звенья*» — сборники материалов и документов по истории русской литературы, искусства, общественной мысли. В 1932—1936 гг. вышли тома 1—6.

61 *Аксаков* Иван Сергеевич (1823—1886) — публицист, сын писателя С.Т. Аксакова (1791—1859). Имеется в виду издание: «Иван Сергеевич Аксаков в его письмах». М., Пб., 1888—1896. Т. 1—4.

Смирнова Александра Осиповна (урожд. Россет; 1809—1882). С октября 1828 г. — фрейлина. Знакомство и общение с Пушкиным — 1828—март 1835 г. Отличалась умом, образованностью, привлекательной внешностью. Была дружна со всем петербургским пушкинским кругом — П.А. Вяземским, В.А. Жуковским, А.И. Тургеневым, Н.М. Карамзиным, позже Н.В. Гоголем и М.Ю. Лермонтовым. О встречах с Пушкиным рассказала в книге не во всем достоверных воспоминаний. Адресат стихотворений Пушкина «Ее глаза» (1828), «В тревоге пестрой и бесплодной...» (1832) и др.

63 «*Мельмот*» *Матюрена*... — *Мельмот* — главный герой романа английского писателя Чарлза Роберта Мэтьюрина (1782—1824) «*Мельмот-Скиталец*» (1820, рус. пер. 1833 г.). Упоминается в черновике XII строфы восьмой главы «Евгения Онегина».

63 Якубович Дмитрий Петрович (1897–1940) — историк литературы, пушкинист, с 1936 г. председатель Пушкинской комиссии и ответственный редактор «Временника Пушкинской Комиссии», в которой была напечатана работа Ахматовой «“Адольф” Бенжамена Констана в творчестве Пушкина». Д.П. Якубович автор двух стихотворений, обращенных к Ахматовой. (См.: Т и м е н ч и к Р.Д. Анна Ахматова и Пушкинский Дом. Л.: Наука, 1984. С. 114–115).

65 Дельвиг Антон Антонович (1798–1831) — лицейский товарищ Пушкина, издатель альманаха «Северные цветы», адресат многих стихотворений Пушкина.

66 Толмачев Феодосий Сидорович — учитель российской словесности в семье Карамзиных, потом Вяземских, петербургский знакомый Пушкина.

...Нины Баратынского... — *Нина* — героиня поэмы Е.А. Баратынского «Бал» (1825–1828).

67 Погодин Михаил Петрович (1800–1875) — историк, писатель, публицист, издатель.

69 Коттен Мари Софи Ристо (1770–1807) — французская писательница.

Криденер Варвара Юлия (Крюднер, урожд. Фитингоф; 1764–1825), баронесса — писательница и известная проповедница мистического суеверия. Родилась в Лифляндии, странствовала по Европе. После случайной встречи с Александром I в Гейльбронне 4 июня 1815 г. и мистических бесед с ним приписывала себе воздействие на императора в Европе. В 1821 г. с разрешения императора прибыла в Петербург, где примкнула к кружку русских мистиков. Однако император более не интересовался ее идеями,

и она возвратилась в свое лифляндское имение. Весной 1824 г. вместе с кн. Анной Голицыной, также входившей в кружок русских мистиков, уехала в Крым, где умерла.

Занималась литературной деятельностью. В 1802 г. напечатала максимы в подражание Ларошфуко, пасторали во вкусе Бернардена де Сен-Пьера, и, наконец, роман «Valeria», основанный на личных приключениях, измененных и усиленных сентиментальностью. Блистательный успех романа в значительной мере был создан ее собственными усилиями, различными путями склонявшей поэтов к ее прославлению.

69 Жанлис Мадлен Фелисета Дюкре де Сент-Обен (1746—1830), графиня — французская писательница, автор сентиментальных романов из жизни света.

74 Винокур Григорий Осипович (1896—1947) — языковед, историк литературы, исследователь языка творчества Пушкина.

81 Вигель Филипп Филиппович (1786—1856) — чиновник, тайный советник, писатель-мемуарист, автор «Записок» с воспоминаниями о Пушкине.

В оставшемся в черновиках «Примечании к статье об Адольфе», написанном, как полагает Э.Г. Герштейн, вскоре после публикации статьи, Ахматова отмечала: «Пушкин еще раз вспомнил об «Адольфе», чтобы отречься от него, так же как от других героев, пленивших воображение поэта в молодости. Я имею в виду черновики поэмы «Езерский». В строфе (XV) Пушкин отрекается от романтических героев, говоря о Езерском:

Хоть человек он не военный,
Не второклассный Дон Жуан,
Не демон — даже не цыган,
А человек обыкновенный...

В рукописи Пушкина перечисление этих романтических героев гораздо обширнее, все они реальные литературные персонажи (не Чайльд Гарольд, не чернокнижник молодой — т.е. Манфред или Мельмот, не убийца — т.е. Ж. Сбогар и т.д.). Очевидно, перед Пушкиным мелькали эти герои, и он тотчас же заносил их краткие характеристики на бумагу. Среди этих характеристик есть одна, на которой нам следует остановиться:

Езерский: «не белокурый мизантроп» — ср. в 8-й главе «Евгения Онегина» строфа XII:

Или печальным сумасбродом.

Учитывая интерес Пушкина к Констану, очень трудно допустить, чтобы внешность автора «Адольфа» осталась неизвестной Пушкину. Греч, декабрист Волконский и А.И. Тургенев лично знали Б. Констана. В статье «Французские ораторы», переведенной Гречем из иностранного журнала 1820 г., сказано следующее: «Б. Констан отличается тем, что светло-русые волосы его извиваются в длинных локонах; сказывают, что он носит эту прическу для воспоминания о приключениях страстной бурной юности своей, что какая-то Коринна любила разглаживать эти локоны своими нежными пальцами». К изданию «Collection des ouvrages» Констана 1818 г. приложен портрет автора именно с такой прической. Другое определение отвергаемого Пушкиным героя — мизантроп. О мрачности характера Б. Констана — Адольфа свидетельствует роман (РНБ. Ф. 1073).

82 Нессельроде Мария Дмитриевна (урожд. Гурьева; 1786—1849) — жена министра иностранных дел графа Карла (Карла-Роберта) **Нессельроде** (1780—1862), была посаженной матерью Дантеса при бракосочетании с Е.Н. Гончаровой.

82 *...отца Нессельроде...* — граф Гурьев Дмитрий Александрович, министр финансов.

Корф Модест Андреевич (1800—1876), барон — лицейский товарищ Пушкина, впоследствии директор императорской Публичной библиотеки, статс-секретарь, управляющий делами Комитета совета министров, член Государственного совета.

Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863) — чиновник по особым поручениям при московском генерал-губернаторе, с 1832 г. — московский почт-директор.

Долгоруков Петр Владимирович (1816—1868) — князь, чиновник Министерства народного просвещения, позднее эмигрировал. Подозревался в изготовлении анонимного «диплома», ускорившего последнюю дуэль Пушкина.

...«Пелам» Бульвера... — *Бульвер-Литтон* Эдуард Джордж (1803—1873) — английский писатель. В его романе «Пелам» (1828) заметно влияние романтизма.

96 **Голицын** Владимир Сергеевич (1794—1861), князь — участник Отечественной войны 1812 г., автор русских переводов либретто опер, близкий знакомый Пушкина.

«КАМЕННЫЙ ГОСТЬ» ПУШКИНА

Впервые — Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С. 171—186. Под статьей дата — 1947. В рукописи авторизованной машинописи уточнение даты с указанием места написания: 1947. 20 апреля. Фонтанный Дом (РНБ). Печ. по указанному изданию.

98 *Странно, что до сих пор нигде не отмечено...* — С.М. Бонди писал об этом в исследовании «Статьи Пуш-

кина о Баратынском». См. в его кн.: «Новые страницы Пушкина» (М., 1931. С. 123).

99 ...но кто бы согласился узнать себя в Евгении «Медного всадника»? — В записных книжках Ахматова не раз иронически называет себя Евгением из «Медного всадника» («Записные книжки»).

...например, развязка «Каменного гостя». — По мнению Э.Г. Герштейн, здесь предполагалась следующая вставка: «А с другой стороны, какую степень внимания должен поэт подозревать в читателе (такими и были читатели ранних прославленных поэм и первых глав “Онегина”) и каким солнечным доверием к читателю нужно обладать, чтобы применить этот метод. Может быть, это безмерное доверие, которое нельзя не чувствовать, и оказалось одной из причин нашей сто сорок лет длящейся влюбленности в Пушкина. Тем более странно, что, начиная с “Полтавы” (1829), Пушкин не прочел в печати ни одного похвального слова о себе и стяжал в 1837 году вторичную, уже посмертную славу» (Анна Ахматова о Пушкине. С. 270). Ср. в стихотворении Ахматовой «Читатель» (1959):

Не должен быть очень несчастным
И, главное, скрытным. О нет! —
Чтоб быть современнику ясным,
Весь настежь распахнут поэт.

Мюссе Альфред де (1810—1857) — французский поэт, «Порция» («Portia», см. с. 107 текста), «Каштаны из огня» («Les Marrons du feu», см. с. 108 текста) — произведения из сборника «Испанские и итальянские повести» (1830).

101 Дапонт Лоренцо (1749—1838) — венецианский писатель. В 1787 г., живя в Вене, сочинил текст к моцартовским операм «Дон Жуан» и «Свадьба Фигаро». Ци-

тата из «Дон Жуана» Дапонте: «Смеяться перестанешь Раньше, чем наступит заря» — предпослана части первой «Поэмы без героя».

101 Мольер (наст. имя Жан Батист Поклен; 1622—1673) написал в 1665 г. комедию «Дон Жуан, или Каменный гость».

107 Колосова Александра Михайловна (1802—1880) — драматическая актриса. К ней обращены стихотворения Пушкина «О, ты надежда нашей сцены...» (1818), «Кто мне пришлет ее портрет» (1821), эпиграмма «Все пленяет нас в Эсфири» (1819), Пушкин упоминает о ней также в «Моих замечаниях об русском театре» (1820).

...Блестит на синеве густой и темной... — После этой строки Э.Г. Герштейн приводит возможное продолжение текста, оставшееся в черновой рукописи: «И после этого неважно, что роща под Мадритом едва ли передает испанский пейзаж, а восклицание:

Всех бы их,

Развратников, в один мешок да в море —

едва ли характерно для обитателя Мадрита и католика Лепорелло. Полагаю, что эти слова попали в трагедию Пушкина из «Дон Жуана» Байрона, где эта мусульманская, как называет ее сам автор, казнь грозила герою в Стамбуле. <...> «Перечтите “Дон Жуана”, и, если бы не было подписи Пушкина, вы бы никогда не узнали, что это написал не испанец...» — восклицает Достоевский в знаменитой речи о Пушкине (1880), утверждая всемирность Пушкина. Однако мы теперь знаем, что испанцы (напр., Кальдерон) писали совсем иначе. Им был не нужен ни лавр, ни лимон... Они не замечали их. В смысле обрисовки характеров ср., напр., «Врача своей чести» Кальдерона, тоже

гранда и придворного, ревнивца, который заставляет доктора в своем присутствии под угрозой кинжалом выпустить всю кровь из своей якобы неверной жены, а потом убегает и прячется, чтобы не отвечать перед законом. Вот это на Пушкина совсем не похоже. Можно с уверенностью сказать, что такого героя наш автор никогда бы не стал изображать» (Анна Ахматова о Пушкине. М.: Книга. 1989. С. 270—271).

107 Лесаж Ален Рене (1668—1747) — автор романа «Хромой бес» (1707).

110 Осипова Прасковья Александровна (1781—1859) — помещица села Тригорское, соседка по имению, поверенная в экономических делах Пушкина. Их связывали добрые, сердечные отношения. Сохранились 24 письма Пушкина и 16 Осиповой.

Гончарова Наталья Ивановна (1785—1848) — мать Н.Н. Гончаровой.

111 Керн Анна Петровна (урожд. Полторацкая; 1800—1879) — близкая знакомая Пушкина, адресат его любовной лирики.

<ФРАГМЕНТЫ>

Впервые — ВЛ. 1970. № 1. С. 160—166, публикация Э.Г. Герштейн; ОП. С. 165—175. Печ. по указанному изданию. Вторая часть фрагмента <6> — «Записные книжки». С. 305. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 108).

<3>

120 «Девотка» — святоша (польск.).

120 *В английском «Пире»...* — Речь идет о драматической поэме английского писателя Джона Уилсона (1785—1854) «Город Чумы» (1816). О связи пушкинского «Пира во время чумы» с поэмой Уилсона см.: Яковлев Н.В. Об источниках «Пира во время чумы» // Пушкинский сборник. М.; Пг., 1922; Фридман Н.В. Гимн смелости: Пушкин и Вильсон // Ученые записки Загорского учительского ин-та. 1940. Вып. 1; Алексеев М.П. Джон Вильсон и его «Город чумы» // Он же. Из истории английской литературы. М.; Л., 1960; Нусинов И.М. «Пир во время чумы» // Он же. Пушкин и мировая литература. М., 1941. Ахматова цитирует далее русский перевод: Вильсон Дж. Город Чумы. Пер. Ю. Верховского и П. Сухотина. М., 1938. С. 44—45.

...ср. «Дон Жуан» Байрона... — Имеется в виду 95 строфа пятой песни «Дон Жуана» Байрона.

<4>

121 *...см. статью Берковского.* — Берковский Н. Народно-лирическая трагедия Пушкина («Русалка») // Русская литература. 1958. № 1. А также: Берковский Н.Я. Статьи о литературе. М.; Л., 1962. С. 357—403 («Русалка», лирическая трагедия Пушкина.).

<6>

123 *Привожу эту... цитату...* — П.А. Вяземский в письме к жене писал в марте 1830 г.: «Ты меня мистифицируешь заодно с Пушкиным, рассказывая о порывах законной любви его. Неужели он в самом деле замышляет жениться, но в таком случае как же может он дурачиться? Можно поддразнивать женщину, за которою волочишься,

прикидываясь в любви к другой, и на досаде ее основывать надежды победы, но как же думать, что невеста пойдет, что мать отдаст дочь свою замуж ветренику или фату, который утешается в горе» (Звенья. М.; Л., 1934. Т. 3/4. С. 160).

124 *...не будут обсуждать, что невыносимо* (см. «*Ответ анониму*»). — Пушкин в «*Ответе анониму*» (1830) писал:

Холодная толпа взирает на поэта,
 Как на заезжего фигляра: если он
 Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
 И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
 Ударит по сердцам с неведомою силой, —
 Она в ладоши бьет и хвалит, иль порой
 Неблагодарно кивает головой.

Поводом к написанию стихотворения послужило анонимное письмо, полученное Пушкиным. В нем говорилось о музах, встревоженных слухами о женитьбе поэта.

...сюжет «Марья Шонинг»... — Набросок А.С. Пушкина «Марья Шонинг» написан не ранее 1834 г. и опубликован в «Современнике» (1837. Т. 8).

125 *Ольга Калашникова* — «крепостная любовь» Пушкина во время его ссылки в Михайловское (1824—1826). Ольга Михайловна Калашникова (1806—после 1840) — дочь крепостного Михаила Ивановича Калашникова (1774—1858), управляющего селами Михайловским и Болдином. В начале мая 1826 г. Пушкин отправил Ольгу Калашникову к П.А. Вяземскому в Москву с просьбой помочь ей добраться до Болдина и позаботиться о будущем ребенке (1 июля 1826 г. родился сын Павел, умер

15 сентября 1826 г.). Пушкин дал отпускную отцу Ольги 4 октября 1830 г., а 18 октября 1831 г. она вышла замуж за мелкопоместного дворянина Павла Степановича Ключарева (род. ок. 1796). Когда у них родился сын Михаил, в числе заочных воспитанников первым назван «титularный советник Александр Сергеевич Пушкин» (Пушкина в это время в Болдине не было). Последний раз Пушкин виделся с Ольгой в сентябре 1834 г. в Болдине.

<9>

127 *То, что говорит Берковский о «Русалке»...* — Н.Я. Берковский писал о драме Пушкина: «Смысл поведения героини Пушкина не тот, что она мстит или хочет мстить, а в том, что она сопротивляется. Сопротивление — мотив общественного, общенародного порядка; в драме Пушкина раскрыта великая плодотворность сопротивления. Именно этот могущественный и на деле освободительный мотив противодействует в драме Пушкина низшему сравнительно с ним мотиву возмездия» (Берковский Н.Я. Статьи о литературе. С. 402).

...легендой о El Burlador de Sevilla — «Севильский озорник, или Каменный гость» (1619—1620, издан в 1630), первая литературная обработка легенды о Дон Жуане, истории севильского дворянина дона Хуано Тенорио (XIV в.), созданная испанским драматургом Тирсо де Молина (наст. имя Габриель Тельес; 1571 или ок. 1583—1648).

<10>

128 *...любовник призрака Елены Троянской.* — Во второй части драмы И.В. Гёте «Фауст» (1808—1832) спартанская царица Елена, прекраснейшая из женщин, воз-

вращается из царства теней Аида. От любви Фауста и Елены рождается их сын Эвфорион, воплощение поэзии и единства классического и романтического. Эвфорион в пламени возносится к небу, а Елена возвращается в царство теней. По одной из легенд, разработанной в VI в. до н.э. древнегреческим поэтом Стесихором, Зевс, отец Елены, подменил подлинную Елену ее призраком, из-за которого и шла Троянская война. Сама же Елена была перенесена в Египет, где жила под защитой мудрого старца Протея, дожидаясь возвращения своего мужа Менелая из троянского похода (см. сюжет трагедии Еврипида «Елена»).

<11>

128 Лессинг Готхольд Эфраим (1729–1781) — немецкий драматург, критик, теоретик искусства.

...выбирать из семи бесов самого «скоростного», думать, что примерно через 150 лет скорость станет идолом человечества. — «Фауст берет себе в услужение быстрейшего из адских духов. Он произносит заклинания, и тогда появляются семеро духов...» (Л е с с и н г Г.Э. Избранные произведения. М., 1953. С. 373). Ср. стихотворный отрывок:

Даль рухнула, и покачнулось время,
Бес скорости стал пяткою на темя
Великих гор и повернул поток,
Отравленным в земле лежало семя,
Отравленным бежал по стеблям сок,
Людское мощно вымирало племя
[Но] И знали все, что очень близок срок.

(«Записные книжки». С. 570)

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ (8-я глава «Онегина»)

Впервые — ВЛ. 1970. № 1. С. 167—176; публикация Э.Г. Герштейн. Печ. по ОП. С. 176—193.

<1>

129 ...знаменитому посланию Попа к доктору Арбутноту... — Речь идет о стихотворном «Послании к доктору Арбетноту» (1735) Александра Попа (1688—1744), английского поэта и теоретика литературы, к английскому публицисту Джону Арбетноту (1667—1735). В «Послании» сатирически изображена жизнь Англии и литературные нравы того времени. В 1798 г. Иван Иванович Дмитриев (1760—1837) перевел «Послание» Арбетнота на русский язык и в 1803 г. опубликовал во втором издании своих «Сочинений» (ч. I. С. 55), озаглавив: «Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбетноту». Ахматова ссылается на шестое издание стихотворений И.И. Дмитриева, последнее прижизненное, вышедшее в Петербурге в 1823 г.

130 ...заимствовал этот кусок у Овидия, из знаменитейшей элегии... — см. «Любовные элегии» (кн. I, 15).

Слух мне однажды пленил на размеры щедрый Гораций —
 Звон авзонийской струны, строй безупречных стихов.
 Только видеть пришлось мне Марона, и Парка скупа
 Времени мне не дала дружбу с Тибуллом свести.
 Галл, он тебе наследником был, а Тибуллу — Пропорций,
 Был лишь по времени я в этой четвертым чреде.
 Младшими был я чтим не меньше, чем старшие мною.
 Долго известности ждать Музе моей не пришлось.

Юношеские стихи прочитал я публично впервые,
Только лишь раз или два щеки успевши побрить.

(Пер. С. Ошерова)

<2>

131 «*Август смотрит сентябрем*»... — Намек на беспокойство, которое внушало Александру I в начале 1820-х годов политическое положение России. Восходит к песни Н.М. Языкова «Мы любим шумные пиры...» (1823):

Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело!
Мы пьем, пируем и поем
Беспечно, радостно и смело.
Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело?

Конец жизни римского императора Августа (63 до н.э.—14 н.э.) был смутен и тяжел, ознаменован крушением его планов во внешней и внутренней политике. Фразу «Август смотрит сентябрем» встречаем в письме Пушкина к брату Л.С. Пушкину от октября 1822 г.

...как о нем, одном из античных поэтов, пишет в своих исторических записках. — В статье «Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова. 1836» Пушкин приводит высказывание о «Скорбных элегиях» (Trisitium) Овидия из стихотворного послания «Монастырь» (1735) французского поэта Жана Батиста Луи Грессе, который писал: «Я перестая ценить Овидия, когда он в вялых стихах поет мне, пресный и плаксивый, тягучие жалобы». Пушкин замечает по этому поводу: «Книга Trisitium не заслуживала такого строгого осуждения. Она выше, по нашему мнению, всех прочих сочинений Овидиевых (кро-

ме «Превращений»). Героиды, элегии любовные и самая поэма «Art amorge», мнимая причина его изгнания, уступают «Элегиям Понтийским». В сих последних более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия. Сколько яркости в описании чуждого климата и чуждой земли! Сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы! Благодарим г. Теплякова за то, что он не ищет блистать душевной твердостью на счет бедного изгнанника, а с живостью заступает за него».

132 Раевский Владимир Федосеевич (1795 - 1872) -- участник Отечественной войны 1812 г., член Союза благоденствия и масонской ложи «Овидий», поэт, коронный камер-юнкер Пушкина.

...державинская строка (о Кавказе)... — В чертёжнике «Путешествия Онегина» имеется описание Кавказа:

Вдали Кавказские громады,
 К ним путь открыт — чрез их преграды
 За их естественную грань
 До глубины промчалась брань.
 Авось их дикою красою
 Случайно тронут будет он.
 И вот, конвоем окружен,
 Вослед за пушкою степною
 ... — ступил Онегин вдруг
 В преддверье гор, в их мрачный круг.
 Он видит: Терек разъяренный
 Трясет и топчет берега,
 Над ним с чела скалы нагбенной
 Висит олень, склонив рога;
 Обвалы сыплются и блещут,

Вдоль скал прямых потоки хлещут.
 Меж гор, меж двух высоких стен
 Идет ущелие; стеснен
 Опасный путь все уже, уже;
 Вверху чуть видны небеса;
 Природы мрачная краса
 Везде являет дикость ту же.
 Хвала тебе, седой Кавказ,
 Онегин тронут в первый раз.

132 ...и дмитриевская (о Волге)... — В десятой строфе черновика пушкинского «Путешествия Онегина» читаем:

Тоска: Евгений ждет погоды.
 Уж Волга, рек, озер краса,
 Его зовет на пышны воды,
 Под полотняны паруса.
 Взманить охотника нетрудно:
 Наняв купеческое судно,
 Поплыл он быстро вниз реки.

И.И. Дмитриев в стихотворении «К Волге» (1794) писал:

Конец благополучну бегу!
 Спускайте, други, паруса!
 А ты, принесшая ко берегу,
 О Волга! рек, озер краса,
 Глава, царица, честь и слава,
 О Волга пышна, величала!

...«грозные Иоанны». — См. шестую строфу черновика «Путешествия Онегина»:

Среди равнины полудикой
 Он видит Новгород-великой.
 Смирились площади — среди них
 Мятежный колокол утих,
 Не бродят тени великанов:
 Завоеватель скандинав,
 Завоеватель Ярослав
 С четою грозных Иоаннов,
 И вокруг поникнувших церквей
 Кипит народ минувших дней.

132–133 ...«Тут был...», «Тут были...». —
 Имеются в виду строфы XXIV–XXVI в восьмой главе
 «Евгения Онегина»:

Тут был однако цвет столицы,
 И знать, и моды образцы,
 Везде встречаемые лица,
 Необходимые глупцы;
 Тут были дамы пожилые
 В чепцах и в розах, с виду злые;
 Тут было несколько девиц,
 Не улыбающихся лиц;
 Тут был посланник, говоривший
 О государственных делах;
 Тут был в душистых седилах
 Старик, по старому шутивший:
 Отменно тонко и умно,
 Что нынче несколько смешно.

<3>

133 ...б е л о к у р о г о мизантропа... — Из чер-
 новика поэмы Пушкина «Езерский».

133 *Зенгер Т.Г.* — *Цявловская* Татьяна Григорьевна (1897—1978; до 1947 г. печ. под фамилией Зенгер) — жена и соратница известного пушкиниста М.А. Цявловского (1883—1947).

...оно обращено к Каролине Собаньской... — Имеется в виду статья Т.Г. Зенгер (Цявловской) «Три письма Пушкина к неизвестной» (Звенья. М.; Л., 1933. Т. 2) и ее исследование в книге «Рукою Пушкина» (М.; Л., 1935. С. 179—208). *Собаньская* Каролина Адамовна (ок. 1794—1885) — дочь киевского губернского предводителя дворянства графа А.С. Ржевуского, жена Иеронима Собаньского, с которым разошлась в 1816 г. и находилась в почти официальной связи с 1821 г. с Иваном Осиповичем Виттом (1781—1840), начальником военных поселений в Новороссии, организатором тайного сыска за будущими декабристами на юге и за Пушкиным в Михайловском в 1826 г. В Одессе Собаньская была причастна к тайному политическому сыску. Знакомство Пушкина с ней произошло 2 февраля 1821 г. в Киеве. Встречались они позднее в Одессе и в Петербурге.

В письме А.Н. Раевскому из Одессы 15—22 октября 1823 г. Пушкин писал: «Г-жа Собаньская еще не вернулась в Одессу, следовательно, я еще не мог пустить в ход ваше письмо; во-вторых, так как моя страсть в значительной мере ослабла, а тем временем я успел влюбиться в другую, я раздумал. И, подобно Ларе Ганскому, сидя у себя на диване, я решил более не вмешиваться в это дело. Т.е. я не стану показывать вашего послания г-же Собаньской, как сначала собирался это сделать (скрыв от нее только то, что придавало вам интерес Мельмотовского героя) — и вот как я намереваюсь поступить. Из вашего письма я прочту лишь

выдержки с надлежащими пропусками; со своей стороны я приготовил обстоятельный, прекрасный ответ на него, где побиваю вас в такой же мере, в какой вы побили меня в своем письме» (пер. с фр.).

133 Раевский Александр Николаевич (1795—1868) — старший сын героя Отечественной войны 1812 г. Николая Николаевича Раевского. В 16 лет участник Отечественной войны, в 22 — полковник, позже адъютант графа М.С. Воронцова. С 1823 г. жил в Одессе, с 1824 — в отставке; дальний родственник жены Воронцова Елизаветы Ксаверьевны, в которую был влюблен. Человек безукоризненного европейского образования, Раевский скептически относился к российской словесности, в одесский период дружбы с Пушкиным видел в нем отнюдь не великого поэта, но соперника в любовных увлечениях (К. Собаньская, Е.К. Воронцова) и, как доказывает Ахматова, не раз предавал его, явившись виновником высылки из Одессы в Михайловское (см. «Болдинская осень» и «Пушкин в 1828 году»). История их взаимоотношений получила отражение в творчестве Пушкина — «Евгений Онегин», «Демон» (1824), «Коварство» (1828), «Вновь я посетил...» (черновики).

...как <...> оба поэта-соперника бывали у Каролины... — О том, как Пушкин встретился с Мицкевичем у Собаньской в 1828 г., рассказано в малодостоверных воспоминаниях публициста Осипа Антоновича Пшецлавского (1799—1879) «Калейдоскоп воспоминаний», опубликованных под псевдонимом Ципринус (М., 1874. Вып. 1. С. 31—34). Пшецлавский пишет, что Пушкин был «неравнодушен» к Собаньской, «женщине действительно очаровательной» (Русский архив. 1872. № 9. С. 1907).

5 января 1830 г. в Петербурге Пушкин записал в альбом Собаньской посвященное ей стихотворение «Что в имени тебе моем?» 2 февраля 1830 г. Пушкин и Собаньская обменялись письмами. Пушкин писал: «Сегодня 9-я годовщина, когда я вас увидел в первый раз. Этот день был решающим в моей жизни. Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мое существование неразрывно связано с вашим; я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами — всякая другая забота с моей стороны — заблуждение или безрассудство; вдали от вас меня лишь грызет мысль о счастье, которым я не сумел насытиться. Рано или поздно мне придется все бросить и пасть к вашим ногам. Среди моих мрачных сожалений меня прельщает и оживляет одна лишь мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в Крыму (?). Там смогу я совершать паломничества, бродить вокруг вашего дома, встречать вас, мельком вас видеть...» (*пер. с фр.*). Впервые записка «неизвестной светской дамы», на которую отвечал 2 февраля 1830 г. Пушкин (этой дамой, как установлено, была Собаньская), напечатана в «Литературном наследстве» (М., 1934. Т. 16—18. С. 571. 7 апреля 1830 г.). П.А. Вяземский писал жене: «Собаньская умна, но слишком величава. Спроси у Пушкина, всегда ли она такова, или только со мною» (там же. С. 804).

<5>

136 ...цитата из альбома Шимановской... — 1 марта 1828 г. Пушкин записал в альбом польской пианистки и композитора Марии Шимановской (1789—1831) трехстишие из своего «Каменного гостя», законченного осенью 1830 г. в Болдине:

Из наслаждений жизни
 Одной любви музыка уступает,
 Но и любовь — мелодия...

<6>

137 ... см. статью *И.М. Семенко*. — Семенко И.М. О роли образа «автора» в «Евгении Онегине» // Труды Ленинградского библиотечного института. М., 1957. Т. 2. С. 127–146.

...сафической первернутой... — Имеется в виду строфа в «Письме Онегина к Татьяне» в восьмой главе:

Нет, поминутно видеть вас,
 Повсюду следовать за вами.
 Улыбку уст, движенье глаз
 Ловить влюбленными глазами...

138 ...«*Демоном моим*»... — слова из XII строфы восьмой главы «Евгения Онегина».

Вяземская Вера Федоровна (1790–1886) — жена поэта П.А. Вяземского.

139 *Керубино* — влюбленный паж в комедии Бомарше (1732–1799) «Женитьба Фигаро» (постановка 1784 г.). В.Ф. Вяземская писала мужу 4 июля 1824 г. из Одессы о Пушкине: «Я хочу его усыновить, но он крайне непослушен; если бы не его безобразие, я нарекла бы его Керубино» (Остафьевский архив. СПб., 1913. Т. 6. Вып. 2. С. 115).

...Варшава в ской графиней... — В своем экземпляре сочинений Пушкина Ахматова подчеркнула слово

«варшавскую» в черновике последней строфы стихотворения «Паж, или Пятнадцатый год» (7 октября 1830):

Хотите знать мою богиню,
 Мою варшавскую графиню?..
 Нет, ни за что не назову!

На полях Ахматова, видя здесь подтверждение своей версии, написала: «Ура!»

139 «*L'Andalouse*» («Андалузка», 1829) — стихотворение Альфреда де Мюссе, начинающееся строфой:

Вы не встречали в Барселоне
 Одну смуглянку, чьи глаза
 Печальны, словно день на склоне?
 Она маркиза д'Амеони —
 Моя любовь, моя гроза.

(Пер. А. М. Арго)

Последняя строчка по-французски буквально переводится: «Это моя владычица, моя львица». В повести «Альбер Саварюс» (1842) Бальзак писал по поводу этого стихотворения Мюссе: «Англия подарила нам два новых словечка. Вместо «щеголь», «франт», «модник», сменивших «птиметр»... стали говорить «денди», затем — «лев». Однако «львица» произошла не от «льва». Слово «львица» обязано своим появлением известной песенке Альфреда де Мюссе «Вы не видали в Барселоне... мою владычицу и львицу?» Два разных понятия слились или, если хотите, смешались» (Б а л ь з а к О. Собр. соч.: В 24 т. М., 1960. Т. 4. Человеческая комедия. Этюды о нравах. Сцены частной жизни. С. 61).

«И цвет ланит ее так темен»... — в стихотворении Пушкина «Паж»:

Я нравлюсь дамам, ибо скромн,
 И между ними есть одна...
 И гордый взор ее так томен,
 И цвет ланит ее так темен,
 Что жизни мне милей она.

Далее Ахматова приводит французскую строчку из стихотворения Мюссе «Мадрид» (1829): «Она желта как апельсин». В переводе М.А. Касаткиной соответствующая строфа звучит следующим образом:

Пленен я милой андалузкой —
 С густой косой, с ладонью узкой!
 Она — прелестная вдова!
 Ревнивый демон! Ангел чистый!
 Смугла, как персик золотистый,
 Как в небе ласточка резва!

Осенью 1830 г. Пушкин написал заметку «Об Альфреде Мюссе», в которой, в частности, рассматривал его стихи испанского цикла: «Сладострастные картины, которыми наполнены его стихотворения, превосходят, может быть, своею живостию самые обнаженные описания покойного Парни. О нравственности он и не думает, над нравсучением издевается и к несчастью чрезвычайно мило... Как же приняли молодого проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодование журналов и все ферулы, поднятые на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезного повесы так изумила, так понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдывать, объявила, что «Испанские сказки» ничего не доказывают, что можно описывать разбойников и убийц, даже не имея целию объяснить, сколь непохвально это ремесло — а быть между тем добрым и честным человеком; что

живые картины наслаждений простительны 20-летнему поэту, что вероятно семейство его, читая его стихи, не станет разделять ужас газет и видеть в нем изверга, что, одним словом, поэзия — вымысел и ничего с прозаической истиной жизни общего не имеет. Слава Богу! давно бы так, м.г. Не странно ли в XIX веке воскрешать чопорность и лицемерие, осмеянные некогда Молиером, и обходиться с публикой, как взрослые люди обходятся с детьми; не позволять ей читать книги, которыми сами наслаждаетесь, и впопад и невпопад ко всякой всячине приклеивать нравоучение. Публике это смешно, и она своим опекунам уже верно спасибо не скажет. Итальянские и испанские сказки отличаются, как уже мы сказали, живостью необыкновенной».

Первый поэтический сборник Мюссе «Испанские и итальянские сказки», о котором пишет Пушкин и в который вошли упоминавшиеся выше стихотворения, вышел в Париже в 1829 г.

139 *В дневнике Пушкин пишет...* — 14 апреля 1834 г. Пушкин записывает в дневнике: «Ропщут на двух дам, выбранных для будущего бала, в представительницы петербургского дворянства: княгиню К.Ф. Долгорукову и графиню Шувалову. Первая — наложница кн. Потемкина и любовница всех итальянских кастратов, а вторая — кокетка польская, т.е. очень неблагопристойная; надобно признать, что мы в благопристойности общественной не очень тверды». *Шувалова* Фекла (Текла) Игнатьевна (урожд. Валентинович; 1801—1873), жена графа П.А. Шувалова.

<7>

139 ...«*Вы — мой неизменный учитель в делах нравственных*». — Из письма Пушкина

А.Н. Раевскому 15—22 октября 1823 г. из Одессы (на фр. яз.).

140 ...так же, как в «Гавр<илиаде>»

В конце пушкинской «Гавриилиады» читаем:

Храни меня, внемли мое моление!
 Досель я был еретиком в любви,
 Младых богинь безумный обожатель,
 Друг демона, повеса и предатель...
 Раскаянье мое благослови!
 Принимаю я намеренья благие,
 Переменюсь: Елену видел я;
 Она мила как нежная Мария!
 Подвластна ей навек душа моя.
 Моим речам придай очарованье,
 Понравиться поведай тайну мне,
 В ее душе зажги любви желанье,
 Не то пойду молиться сатане!

<8>

140 В сей величавой... — Речь идет о XXVIII строфе восьмой главы «Евгения Онегина»:

Как изменилася Татьяна!
 Как твердо в роль свою вошла!
 Как угеснительного сана
 Приемы скоро приняла!
 Кто б смел искать девчонки нежной
 В сей величавой, в сей небрежной
 Законодательнице зал?

<11>

141 Каверин Петр Павлович (1794—1855) — поручик лейб-гвардии Гусарского полка, впоследствии пол-

ковник, участник заграничных походов 1813—1818 гг., бретер и кутила.

141 ... *Упрек жестокий и кровавый...* — Ахматова приводит вариант окончания стихотворения Пушкина «Воспоминание» (1828), оставшегося в черновой рукописи:

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
 В безумстве гибельной свободы,
 В неволе, бедности, изгнании, в степях
 Мои утраченные годы.
 Я слышу вновь друзей предательский привет
 На играх Вакха и Киприды,
 Вновь сердцу моему наносит хладный свет
 Неотразимые обиды.
 Я слышу вокруг меня жужжанье клеветы,
 Решенья глупости лукавой,
 И шепот зависти, и легкой суеты
 Упрек веселый и кровавый.

<13>

142 ...«*У художниц мод*» <...> «*на берегу замёрзлых вод*»... — После строфы XXVI в восьмой главе «Евгения Онегина» была еще строфа, оставшаяся в рукописи:

Проходят дни, летят недели,
 Онегин мыслит об одном.
 Другой себе не знает цели,
 Чтоб только явно иль тайком
 Где б ни было княгиню встретить,
 Чтобы в лице ее заметить
 Хоть озлобленность или гнев.
 Свой дикий нрав преодолев,

Везде — на вечере, на бале,
 В театре, у художниц мод,
 На берегах замерзлых вод,
 На улице, в передней, в зале
 За ней он гонится как тень.
 Куда его девалась лень!

<17>

144 ...сделал *Вигель* для одесского периода ее жизни... — Ф.Ф. Вигель в своих «Записках» (1863—1865) нарисовал весьма отрицательный портрет К. Собаньской: «Давно уже известно, что у полек нет сердца, бывает только тщеславный или сребролюбивый расчет да чувственность. С помощью первого завлекая могучих и богатых, приобретают они средства к удовлетворению последней. Никаких нежных чувств они не питают, ничто их не останавливает; сами матери совесть, стыд истребляют в них с малолетства и научают их только искусству обольщать. Так сужу я ныне, и мне кажется это довольно гадко; но тогда, ослепленный привлекательностью Собаньской, я о том не помышлял. Ей было уже лет под сорок, и она имела черты лица грубые, но какая стройность, что за голос и что за манеры! Две или три порядочные женщины ездили к ней и принимали у себя... Мне случалось видеть в гостиных, как, не обращая внимания на строгие взгляды и глухо шумящий женский ропот негодования, с поднятой головой она бодро шла мимо всех прямо не к последнему месту, на которое садилась, ну, право, как бы королева на трон. Много в этом случае помогала ей необыкновенная смелость (ныне ее назвал бы я наглостью) и высокое светское образование... Когда несколько лет спустя узнал я, что Витт употребил ее и серьезным образом, что она служила секретарем сему в

речах столь умному, но безграмотному человеку и писала тайные его доносы, что потом из барышней поступила она в число жандармских агентов, то почувствовал необоримое от нее отвращение. О недоказанных преступлениях, в которых ее подозревали, не буду и говорить. Сколько мерзостей скрывалось под щеголеватыми ее формами» (Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1928. С. 299–301). Сестра ее Эвелина, отмечает Вигель, бывшая в первом браке за Ганским, имела длительный роман с Бальзаком, который после женился на ней.

144 *Из письма Собаньской к Бенкендорфу...* — Это письмо опубликовано Т.Г. Цявловской в книге «Рукою Пушкина» (М.; Л., 1935. С. 190, 193).

<18>

145 *«Я знаю: век уж мой измерен...»* — Из письма Онегина Татьяне в восьмой главе романа.

«Печальная тайна». — Из того же письма Онегина Татьяне:

Предвижу все: вас оскорбит
Печальной тайны объяснение.

«Если б я прежде». — Слова Дон Гуана из IV сцены «Каменного гостя»:

Если б
Я прежде вас узнал — с каким восторгом
Мой сан, мои богатства, все бы отдал,
Все за единый благосклонный взгляд;
Я был бы раб священной вашей воли,
Все ваши прихоти я б изучал,

Чтоб их предупреждать; чтоб ваша жизнь
 Была одним волшебством беспрерывным.

146 ...важный момент биографии Пушкина. — Как отмечает Э.Г. Герштейн, на листе с первоначальными набросками Ахматовой к 8-й главе «Евгения Онегина» сохранилась ее карандашная запись: «Кому Пушкин писал — судьба мечет нам чистейший баламут?» (баламут — прием нечистой азартной карточной игры). В однотомнике Пушкина, принадлежавшем Ахматовой, против подчеркнутых ею строк из 37-й строфы восьмой главы:

А перед ним воображенье
 Свой пестрый мечет фараон —

записано рукой Ахматовой: «Ср. “мечут нам чистый баламут” (письмо к Вяземскому 5 ноября 1830 г.). В этом письме Пушкин писал: Ты говоришь: худая вышла нам очередь. Вот! да разве не видишь ты, что мечут нам чистый баламут; а мы еще понтируем! Ни одной карты налево, а мы все-таки лезем. Поделом, если останемся голы как бубны».

В. Набоков приводит свое прочтение этих строк, расщифровывая, как сказала бы Ахматова, «первый слой»: «Свой пестрый мечет фараон. — Великолепный образ игры в “фараон” заставляет нас вспомнить строфы о карточной игре второй главы, отвергнутые нашим поэтом. Мертвый юноша навеки запечатлен в сознании Онегина, в его мозгу всегда будут звучать страшные слова, небрежно брошенные Зарецким, и вечно будет таять снег того морозного утра под пролитой кровью и жгучими слезами раскаяния. Далее приведены строки из черновика:

Виденья быстрые лукаво
 Скользят налево и направо... —

И Онегин “все ставки жизни проиграл”» (Н а б о -
к о в В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений
Онегин». СПб., 1998. С. 585).

**О XV СТРОФЕ ВТОРОЙ ГЛАВЫ
«ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»,
О МАНИИ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ (ХАНДРЕ),
ПОСВЯЩЕНИИ В ШПИОНЫ
(О «МНИМОЙ ДРУЖБЕ»)
И ПЕРВОМ СЛОЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
«ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ»
(«МИЛЫЕ ЮЖНЫЕ ДАМЫ»)**

Впервые — ВЛ. 1970. № 1. С. 187—195; публикация
Э.Г. Герштейн. Печ. по автографам РНБ (Ф. 1073. Оп.
11. Ед. хр. 5) и РГАЛИ (РТ 110).

<1>

147 «Пушкин любил пользоваться...» — Ц я в -
л о в с к а я Т.Г. Дневник А.А. Олениной//Пушкин.
Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 286.

148 ...«Коварность» и еще... — В рукописи про-
пуск для указания стихов, рассматриваемых в настоящей
главе. Стихотворение «Коварность» написано в 1824 г. в
Михайловском.

<3>

149 ...выдумку Американца-Толстого... — Знаком-
ство Пушкина с графом Федором Ивановичем Толстым
(1782—1846), прозванным «Американцем» (путешествуя с
И.Ф. Крузенштерном и Ю.Ф. Лисянским в 1803—1805 гг.
вокруг света, он был за нарушение дисциплины и буйное

поведение высажен на берег русской колонии в Северной Америке), произошло в 1819 г. Будучи в Кишиневе, Пушкин узнал, что Толстой распространял порочащие его слухи и ответил на клевету Толстого эпиграммой «В жизни мрачной и презренной...», а также в послании «Чаадаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»). В южной ссылке Пушкин готовился к дуэли с Толстым, а в день приезда в Москву (8 сентября 1826 г.) поручил С.А. Соболевскому передать ему вызов на дуэль. Противников удалось помирить, и три года спустя Толстой был посредником в сватовстве Пушкина к Н.Н. Гончаровой. Ф.И. Толстой стал прототипом Зарецкого в VI главе «Евгения Онегина» и возникает в монологе Репетилова в «Горе от ума» А.С. Грибоедова («...Ночной разбойник, дуэлист, // В Камчатку сослан был, вернулся алеутом, // И крепко на руку нечист...»).

<4>

151 Орлов Михаил Федорович (1788–1842) — генерал-майор, командир 16-й пехотной дивизии в Кишиневе, член литературного общества «Арзамас» и глава Кишиневского отдела Союза благоденствия. Привлекался по делу декабристов.

...его «романа» с Елиз. Воронцовой... — Елизавета Ксаверьевна *Воронцова* (урожд. графиня Браницкая; 1792–1880), жена новороссийского генерал-губернатора Михаила Семеновича Воронцова, частым посетителем одесского салона которой Пушкин был с сентября 1823 г. до конца июля 1824 г. Признание самого Пушкина и свидетельства современников говорят об увлечении поэта Воронцовой, которой посвящен цикл пушкинских стихотворений 1824–1825 гг. («Приют любви, он вечно полн»,

«Храни меня, мой талисман», «Пускай увенчанный любовью красоты», «Сожженное письмо», «Всё в жертву памяти твоей», «Всё кончено, меж нами связи нет» и др.). Существуют сведения о переписке Воронцовой и Пушкина в михайловский период его жизни и о подаренном ему поэту перстне-талисмани.

<5>

152 ...«чердак» — Шаховского... — шуточное наименование литературного салона писателя князя Александра Александровича Шаховского (1777—1846), занимавшего квартиру на верхнем этаже петербургского особняка.

Раевская Екатерина Николаевна (1797—1885) — дочь Н.Н. Раевского, с 15 мая 1825 г. жена М.Ф. Орлова.

Екатерина Николаевна Орлова-Раевская общалась с Пушкиным в доме родителей в Петербурге (с сентября 1817 по апрель 1820 г.), затем в Крыму и Кишиневе. В письме к брату Л.А. Пушкину поэт писал о Раевской как о «женщине необыкновенной» (24 сентября 1820 г.). 26 декабря 1826 г. Е.Н. Орлова была на прощальном вечере с уезжавшей в Сибирь М.Н. Волконской у Зинаиды Волконской, в Москве. Исследователи видят в Екатерине Николаевне адресата стихотворений Пушкина: «Увы! Зачем она блистает...» (1820), «Красавица перед зеркалом...» (1821). С ней связаны также последние строки стихотворения «Редеет облаков летучая гряда...» (1820). Ее черты приданы Марине Мнишек в «Борисе Годунове». В донжуанском списке Пушкина (1829) запись «Екатерина» соотносят с Е.Н. Орловой-Раевской (Черейский Л. Пушкин и его окружение. Л., 1988).

152 ...для картежного вора — то есть Ф.И. Толстого-Американца. Ср. в пушкинском послании «Чаадаеву» (1821): «Отвыкнул от вина и стал картежный вор».

<8>

154 *А что? Да так. Я усыпляю...* — А.С. Пушкин. Евгений Онегин. Гл. 4, XIX.

<11>

157 *Отвращение к жизни.* — Выражение приписывается римскому историку Тациту (ок. 55—ок. 120).

ПУШКИН в 1828 ГОДУ

<УЕДИНЕННЫЙ ДОМИК НА ВАСИЛЬЕВСКОМ>

Впервые — ВЛ. 1970. № 1. С. 195—206, кроме <8>, публикация Э.Г. Герштейн; ОП. С. 208—217. Печ. по указанному изданию и автографам РГАЛИ (РТ 108, 110, 114).

Записи в рабочих тетрадях Ахматовой свидетельствуют, что первоначально «Уединенный домик на Васильевском» и «Невское взморье» входили в общий черновой текст, соотнесенный с исследованием темы «Пушкин в 1928 году». Приводим наброски и планы, позволяющие проследить движение творческой мысли:

План статьи об Отрывке 1830 г.

I. Уединенный домик

II. «Когда порой восп<оминанье>» 1830 <г.>

III. Рисунки виселиц 1828 и 1829 <г.> и Х гл<ава>

IV. «Медный всадник» 1833 г.

V. «Или повешен, как Рылеев» 7 гл<ава> «Онегина»

«Иных уж нет, а те далече» 1830 <г.>

Неотступность воспоминаний о декабристах. Декабристы в X главе — почти невероятно, что там нет ничего об их могилах. (Точное место тогда еще не было известно.) Пушкин о могилах (Кочубея и Искры, Ленского, таинственная запись — «Я посетил твою могилу» (1829?) Настоящее рыдание над этим же местом в «Уединенном домике». (...)

Готовый отказ от Италии из стихотворения 1827 г., от лучшего, любимой мечты всей жизни в честь какого-то покрытого тайгой и брусничкой острова, точь-в-точь похожего на тот, где «ради Бога» закопали бедного Евгения. Езерский — декабрист. (Между прочим, чиновник в воскресенье — Holyday — Голодай.) Спорить, что остров отрывка и «Медного всадника» один и тот же, я думаю, никто не будет. От этого один шаг до того, что там Пушкин предполагал могилы декабристов и что это не отрывок, а две строфы из X-ой главы «Онегина» в черновом первоначальном виде.

Сюда погода волновая
Загонит углый мой челнок.

(См. также воспоминания барона Розена о том, как он искал могилы декабристов.)

Такой стон страдания вовсе не характерен для зрелой пушкинской лирики, и я категорически отказываюсь относить его к тому, что в 1820 г. поэту грозили Соловки (о чем он, кстати сказать, никогда не вспоминал). Невозможно представить себе также, что это просто дурное настроение («в пустыню я хочу, их слабый глас возненавидя»)

«их слабый глас возненавидя».

Пушкин бежит от разговоров, связанных с чем-то очень ему дорогим и о чем люди говорят не должным образом. Он готов бежать от этих разговоров, но не куда угодно (например, в обожаемую Италию), а на какой-то безлюдный остро-

вок, куда приплывет отважный северный рыбак. См. «Рыбаки» Гнедича на Невском взморье.

Петербург всегда север для Пушкина (Северная Пальмира, северная держава).

Тайга см. примечания к «Онегину». Большая стихотворная цитата из Гнедича, где фигурирует та же *тайга* на Невском взморье.

См. 1-ая гл <ава> «Онегина», где П<етербур>гу тоже противопоставляется Италия, но там он ее предпочитает Петербургу. Воспоминанья о декабристах тянутся непрерывной цепочкой.

(«Записные книжки». С. 274–275).

<1>

158 ...в присутствии Екатерины Николаевны, в которую был влюблен... — Екатерина Николаевна Мещерская (1806–1867) — дочь Н.М. и Е.А. Карамзиных, жена князя П.И. Мещерского.

Титов Владимир Павлович (1807–1891) — участник кружка «любомудров», чиновник Московского архива Министерства иностранных дел, записавший по памяти рассказанную Пушкиным у Карамзиных осенью 1828 г. «Сказку про черта, который ездил на извозчике на Васильевский остров» и опубликовавший ее с согласия Пушкина в альманахе «Северные цветы на 1829 год» под заглавием «Уединенный домик на Васильевском» (под псевдонимом Тит Космократов).

Анна Петровна Керн тоже вспоминает... — «Когда же он решался быть любезным, то ничто не могло сравниться с блеском, острою и увлекательностию его речи. В одном из таких настроений он, собравши нас в кружок, рассказал сказку про Чорта, который ездил на извозчике

на Васильевский Остров. Эту сказку с его же слов записал некто Титов» (Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. Л., 1936. С. 325).

<2>

158 ...записку П<ушки>на к Пу т я т е... — К 1828 г. относится приведенная записка Пушкина к литератору, другу Е.А. Баратынского Николаю Васильевичу Путяте (1802—1877) с просьбой быть посредником в предполагавшейся дуэли с секретарем французского посольства в Петербурге Теодóром Жозефом де Лагрэнэ (1800—1862). Лагрэнэ заявил Путяте, что он никогда не произносил приписываемых ему слов, а Пушкина «глубоко уважает как знаменитого поэта России» (Русский архив. 1899. № 6. С. 353).

<3>

160 *Закревская* Аграфена Федоровна (урожд. графиня Толстая; 1799—1879), с 1818 г. жена Арсения Андреевича Закревского — московского генерал-губернатора. Предмет увлечения Е.А. Баратынского, П.А. Вяземского, Пушкина, встречавшегося с ней осенью 1828 г.

Имя «Аграфена» включено Пушкиным в донжуанский список. Закревской посвящены стихотворения «Портрет» («С своей пылающей душой...»), «Наперсник» («Твоих признаний, жалоб нежных...»), «Счастлив, кто избран своенравно...».

Так и «Х» пользуется рассказом... — См. отрывок из неопубликованной повести Пушкина «Мы проводили вечер на даче...».

После слов: «*Ср. с опис<анием> intérieu'а гр. И.*» — следовал отрывок: «Но не в одной гостиной, —

продолжает графиня, — есть *новые уборы*», и вставая с кресел: «Не хотите ли, — говорит она, — заглянуть в диванную; там развешаны привезенные недавно гобелены отличного рисунка». Павел с поклоном идет за ней. Неизъяснимым чувством забилося его сердце, когда он вошел в эту очарованную комнату. Это была вместе зимняя оранжерея и диванная. Миртовые деревья, расставленные вдоль стен, укрощали яркость света канделябров, который, оставляя роскошные диваны в тени за деревьями, тихо разливался на гобеленовые обои, где в лицах являлись, внушая сладострастие, подвиги любви богов баснословных. Против анфилады стояло трюмо, а возле на стене похищение Европы — доказательство власти красоты хоть из кого сделать скотину. У этого трюмо начинается роковое объяснение».

161 *Соболевский* Сергей Александрович (1803–1870) — библиограф и библиофил, поэт-эпиграммист, близкий друг Пушкина.

...около П<ушки>на был Ангел ... — См. посвященные Анне Алексеевне Олениной (1808–1888) строки в стихотворении «Ее глаза» (1828):

...но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!..
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

161 ...«*глаза наполнились кровью и слезами*». — Фраза из «Уединенного домика на Васильевском» (так же как и «бездна разврата» выше по тексту).

К теме Пушкин-тигр... — С.Н. Карамзина писала брату Андрею 29 декабря 1836 г.: «Пушкин продолжает вести себя самым глупым и нелепым образом; он становится похож на тигра и скрежещет зубами всякий раз, когда заговаривает на эту тему, что он делает весьма охотно, всегда радуясь каждому новому слушателю. Надо было видеть, с какой готовностью он рассказывал моей сестре Катрин обо всех темных и наполовину воображаемых подробностях этой таинственной истории, совершенно так, как бы он рассказывал ей драму или новеллу, не имеющую к нему никакого отношения» (Пушкин в письмах Карамзиных. С. 148). Речь идет о помолвке Дантеса с Екатериной Гончаровой. С.Н. Карамзина снова писала брату 26—27 января 1837 г.: «Пушкин скрежещет зубами и принимает свое всегдашнее выражение тигра, Натали опускает глаза и краснеет под жарким и долгим взглядом своего зятя, — это начинает становиться чем-то б^ольшим обыкновенной безнравственности; Катрин направляет на них свой ревнивый лорнет, а чтобы ни одной из них не оставаться без своей роли в драме. Александрина по всем правилам кокетничает с Пушкиным, который серьезно в нее влюблен и если ревнует свою жену из принципа, то свояченицу — по чувству» (там же. С. 165).

<4>

162 Родители героини... — отец А.А. Олениной, к которой сватался Пушкин, — Алексей Николаевич Оленин (1764—1843), президент Академии художеств

(с 1817 г.), директор Публичной библиотеки (с 1811 г.), член Государственного совета, с 1826 г. государственный секретарь. Он никогда не принадлежал к вольномыслящим людям, декабристов он называл (в письмах к дочери Варваре 15 декабря 1825 г.) «бунтовщиками» и «подлецами». Как член Государственного совета 28 июня 1828 г. подписал протокол об учреждении над Пушкиным секретного надзора в связи с делом о распространении политического отрывка из элегии «Андрей Шенье» (1825) Пушкина. С этими обстоятельствами связан отказ Пушкину в сватовстве к дочери. Летом 1828 г. его жена Елизавета Марковна (урожд. Полторацкая; 1768—1838) была резко настроена против предполагавшегося брака ее дочери и Пушкина. Глубоко религиозную Оленину-мать возмущали кощунственные стихи Пушкина, в особенности ходившая тогда по рукам поэма «Гавриилиада». А.А. Оленина записала в дневнике 5 сентября 1828 г. о «суровом» отношении матери к Пушкину.

162 ...стихи к Олениной... — Стихотворения Пушкина 1828 г.: «Ее глаза», «Предчувствие», «Город пышный...», «Ты и вы», «Увы! Язык любви болтливый...», «Не пой, красавица при мне...» и др.

...Пушкин учит князя, что́ отвечать... — В письме к П.А. Вяземскому, написанном около 25 января 1829 г., Пушкин пишет об обвинении правительством Вяземского «в развратном его поведении» и приводит слова В.А. Жуковского: «Жуковский со смехом говорил, что говорят, будто бы ты пьяный был у девок, и утверждает, что наша поездка к бабочке-Филимонову, в неблагопристойную Коломну, подала повод к этому упреку».

<5>

163 *«И сердцу вновь наносит хладный свет... —* Строки из финала стихотворения «Воспоминания» (1828), остававшиеся при жизни Пушкина в рукописи.

...барышня в розовом капоте... — П.А. Вяземский в письме жене 18 апреля 1828 г. описал поездку в Петропавловскую крепость: «Мы садились с Пушкиным в лодочку, две дамы сходят, и одна по-французски просит у нас позволения ехать с нами, от страха ехать одним... Мы, разумеется, позволяем. Что же выходит? Это была сводня с девкою. Сводня узнала Пушкина по портрету его, выставленному в Академии... У пристани крепости расстались мы с нашей презренной прозой, у которой, однако ж, Пушкин просил позволения быть в гостях, а я, вот те Христос, не просил... Мы с Пушкиным, встреча с девкою в розовом капоте, недавно приехавшей из Франкфурта, и прочее, и прочее, все это послужить может для любопытной главы в записках наших» (Литературно-художественный сборник «Красная панорама». 1929. Ноябрь. С. 47–48).

Ахматова имела в виду содержание всего письма целиком, когда комментировала его в черновых заметках: «18 апреля, дождавшись, чтоб прошла Нева, Пушкин повез на лодке коренного москвича кн. Петра Андреевича Вяземского (приехавшего в Петербург 27 февраля), как на богомолье, в страшную Петропавловскую крепость, чтобы тот своими глазами увидел место казни пяти декабристов. Эту поездку необычайно живописно изобразил Вяземский в письме к жене (написанном в тот же день, т.е. 18 апреля). Из крепости, как священные реликвии, Вяземский привез пять щепочек (от самой виселицы или от помоста). Он положил их в черный ящик, запечатал своей печатью и

надписал: «С Пушкиным за Невой. 1828 г. Праздник Преполовения. 18 апреля». На Голодае друзья в этот день не были, а то бы Вяземский непременно написал об этом жене» (РНБ).

164 ...*Дмитриев-Мамонов* Матвей Александрович (1790–1863), князь — сын Дмитриева-Мамонова Александра Матвеевича, фаворита Екатерины II. В 1812 г. М.А. Мамонов сформировал на свой счет конный полк, был назначен его шефом в звании генерал-майора. Отличился в боях под Тарутином и Малоярославцем, дошел до Парижа. Вернувшись в Москву, сблизился с масонами, разрабатывал планы реформирования государственного устройства России. После крушения идей декабристов жил в подмосковном имении, объявленный сумасшедшим.

...не то гамлетовского, не то чаадаевского помешательства. — См.: Л о т м а н Ю. Матвей Александрович Дмитриев-Мамонов — поэт, публицист и общественный деятель // Ученые записки. Тартуского гос. университета. 1959. Вып. 78. С. 19–92.

<7>

165 *В старый план адской повести...* — Имеется в виду план повести Пушкина «Влюбленный бес» (1821–1823), сближаемой некоторыми исследователями с «Уединенным домиком на Васильевском».

...сколько томных выражений... — Ср. строку из пушкинского стихотворения «Ее глаза» (1828): «...И сколько томных выражений...».

...Пушкин об Олениной в «Онегине». — В черновиках VIII главы «Евгения Онегина» Пушкин писал:

Тут Лиза Лосина была
 Уж так жеманна, так мила!..
 Так неопрятна, так писклива,
 Что поневоле каждый гость
 Предполагал в ней ум и злость,

а также:

Анаette Olenine тут была,
 Уж так жеманна, так мила!..
 Так бестолкова, так писклива,
 Что вся была в отца и мать...

Так же сатирически изображен в черновиках отец Олениной:

Тут был отец ее пролаз
 Нулек на ножках

или:

О двух ногах нулек горбатый

(см.: То м а ш е в с к и й Б. Из черновиков «Онегина». Новые материалы // Веч. Москва. 1937. 23 января).

166 *Открытие... принадлежит С. Бонди.* — Бонди С. Подлинный текст и политическое содержание «Воображаемого разговора с Александром I» // Литературное наследство. Т. 58.

167 *...написанную в 1824 году в Одессе «Клеопатру».* — «Клеопатра» написана в 1824 г. в Михайловском.

...грешную женскую душу. — Далее в рукописи Ахматовой следуют выписки из статей Ф.Я. Приймы «Пуш-

кин и кружок А.Н. Олениной» и Т.Г. Цявловской «Дневник А.А. Олениной» в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 2. М.; Л., 1958.

168 ...*нельзя не узнать Олениной*. — Цитата из указанной статьи Т.Г. Цявловской. С. 285.

Герцен о Мамонове. — А.И. Герцен вспоминает в «Былом и думах»: «Удушливая пустота и немота русской жизни, странным образом соединенная с живостью и даже бурностью характера, особенно развивает в нас всякие уродства. В петушином крике Суворова, в диких выходках Измайлова, в полудобровольном безумии Мамонова и буйных преступлениях Толстого-Американца слышу родственную ноту, знакомую нам всем, но которая у нас ослаблена образованием или направлена на что-нибудь другое» (Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР. 1956. Т. 8. С. 242—243).

Лотман Ю.М. — См. Ученые записки. Тартуского гос. университета. 1959. Вып. 78.

171 ...«*не исправленный стократною обидой*»... — Из стихотворения Пушкина 1828 года:

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиления,
Без робкой нежности и тайного волнения.
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?⁹
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой:
А не исправленный стократною обидой,
Я новым идолам несу мои мольбы..

<10>

175 ...по мнению исследов<ателя>, начало более пушкинское. — Имеется в виду доклад акад. В.В. Виноградова, прочитанный в Музее А.С. Пушкина (Москва) 18 декабря 1962 г. (см.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 134, 138). В те годы Ахматова часто встречалась с Виноградовым и беседовала с ним о Пушкине.

176 Юзефович Михаил Владимирович (1802—1889) — штаб-ротмистр Чугуевского Уланского полка, служил вместе с А.С. Пушкиным. Оставил воспоминания о встречах с А.С. Пушкиным в Закавказье летом 1829 г. Упоминается Пушкиным в четвертой главе «Путешествия в Арзрум».

Розен Егор (Георгий) Федорович (1800—1860), барон — поэт, драматург, издатель, критик.

ПУШКИН И НЕВСКОЕ ВЗМОРЬЕ

Впервые — Литературная газета. 1969. № 23. 4 июля. В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится несколько авторских машинописных копий статьи, помеченных 23 января 1963 г. Печ. по авторизованной рукописи из собрания А.А. Суркова (РГАЛИ).

В черновиках Ахматовой имеется несколько выписок для статьи «Пушкин и Невское взморье». Среди них изложение статьи Н.О. Лернера «Таинственные щепочки» (Из истории отношений Пушкина к декабристам) // Каторга и ссылка. 1931. № 6. С. 179—181): «В Подмосковном Вяземского Остафьеве сохранился небольшой черный

ящик, который Петр Андреевич Вяземский берег всю свою жизнь. Он был запечатан его печатью и снабжен ярлыком, на котором рукою Вяземского было написано: “Праздник Преполовения за Невою. Прогулка с Пушкиным 1828 года”. В этом ящике оказалось только пять щепочек. 18 апреля, т.е. в тот же день, в письме к жене Вяземский отчасти открывает загадку черного ящика. Он описывает прогулку друзей по Петропавловской крепости: “Много странного и мрачно- и грозно-поэтического в этой прогулке по крепостным валам и по головам сидящих внизу в казематах”. Далее Лернер говорит, что письмо обращает легенду, связывающую щепочки с памятью пяти повешенных декабристов, в правдивую историю. Ясно, что щепочки были вынесены из крепости».

В черновой записи, сохранившейся в РГАЛИ, Ахматова считает целью прогулки Вяземского с Пушкиным поиски места казни декабристов. «Это место Пушкин в 1836 <году> показывал Дуровой, когда вез ее к себе на дачу... Невероятно, чтобы Пушкин в первый же раз, когда он был в П<етербур>ге после казни... не искал место могил на Невском взморье. Тогда он мог застать еще следы наводнения 1824 <года> ... и даже остатки домика на одном из островков, что вошло в “Мед<ный> вс<адник>”» («Записные книжки». С. 307).

Н.О. Лернер приводит мнение Н.С. Ашукина из его статьи «Пушкинские реликвии» (Красная нива. 1927. № 7): «Возможно, что во время прогулки за Невой Пушкин и Вяземский были на острове Голодае, где, по преданию, зарыты тела пяти повешенных декабристов; может быть, эти пять щепочек были отщеплены от дерева над могилою, которую поэт и его друг могли принять за могилу декабристов».

Письмо Вяземского к жене от 18 апреля 1828 г. было напечатано М.С. Боровковой-Майковой в литературно-художественном сборнике «Красная панорама» (1929. Ноябрь. С. 47—48). Исходя из этого письма, Лернер считает, что щепочки были вынесены из крепости: «Щепочки носят следы топора, это вовсе не ветки, срезанные с дерева. От чего они отрублены? Об этом можно лишь догадываться. Может быть, Пушкин и Вяземский набрали на остатки помоста, на котором происходила казнь, или даже самой виселицы, и добыли на память несколько обрубков, — столько, сколько было казненных... Во всяком случае, не остается теперь никаких сомнений, что для обоих друзей эти щепочки служили вещественным напоминанием о событиях и людях, которых и без того они, впрочем, не могли бы забыть» (С. 181).

184 ...«*Уединенный домик на Васильевском*»... — Осенью 1828 г. В.П. Титов слышал рассказанную Пушкиным у Карамзиных «сказку про черта, который ездил на извозчике на Васильевский остров», записал ее, «пошел с тетрадью к Пушкину в гостиницу. Демут, убедил его прослушать от начала до конца, воспользовался многими, поныне очень памятными его поправками, и потом, по настоятельному желанию Дельвига, отдал в «Северные цветы» (Д е л ь в и г А.И. Полвека русской жизни. Воспоминания. М., 1928. Т. 1. С. 85—86).

185 *Б.В. Томашевский в книге*... — В статье «Петербург в творчестве Пушкина, опубликованной в сборнике «Пушкинский Петербург» (Л., 1949. С. 27) Б.В. Томашевский сопоставляет пейзаж из «Уединенного домика на Васильевском» с топографией того домика, в котором жила Параша из поэмы «Медный всадник».

188 ...кусок из «Рыбаков»... — идиллия Н.И. Гнедича, опубликованная в «Сыне отечества» (1822. Ч. 76). В примечании к первой главе «Евгения Онегина» Пушкин приводит отрывок из нее, который имеет в виду Ахматова:

Вот ночь; но не меркнут златистые полосы облак.
 Без звезд и без месяца вся озаряется дальность.
 На взморье далеком сребристые видны ветрила
 Чуть видных судов, как по синему небу плывущих.
 Сияньем бессумрачным небо ночное сияет,
 И пурпур заката сливается с золотом востока;
 Как будто денница за вечером следом выводит
 Румяное утро. — Была то година золотая,
 Как летние дни похищают владычество ночи;
 Как взор иноземца на северном небе пленяет
 Слиянье волшебное тени и сладкого света,
 Каким никогда не украшено небо полудня;
 Та ясность, подобная прелестям северной девы,
 Которой глаза голубые и алые щеки
 Едва оттеняются русыми локонов волнами.
 Тогда над Невой и над пышным Петрополем видят
 Без сумрака, вечер и быстрые ночи без тени;
 Тогда Филомела полночные песни лишь кончит
 И песни заводит, приветствуя день восходящий.
 Но поздно; повеяла свежесть на невские тундры;
 Роса опустилась

Вот полночь: шумевшая вечером тысячью весел,
 Нева не колыхнет; разъехались гости градские;
 Ни гласа на берегу, ни зыби на влаге, всё тихо;
 Лишь изредка гул от мостов пробежит над водою,
 Лишь крик протяженный из дальней промчится
 деревни,

Где в ночь окликается ратная стража со стражей.
 Всё спит

189 *И теперь нам точно неизвестно место погребения пяти казненных декабристов.* — См. об этом: Чернов А. «Стремлюсь привычною мечтою...» // Огонек. 1987. № 23. С. 14–16; Чернов А. Два чувства (Где похоронены казненные на Кронверкском валу Петропавловской крепости декабристы?) // Огонек. 1987. № 35. С. 9–10.

«*И в мрачных пропастях земли!*» — Речь идет о двух стихотворениях Пушкина: «Во глубине сибирских руд...» (1827) и «19 октября 1827», откуда приведена заключительная строка.

Раменский Алексей Алексеевич (ум. ок. 1834) — учитель сел Берново и Малогино Старицкого уезда Тверской губернии. Исследователи жизни Пушкина высказали версию о знакомстве и общении Пушкина с Раменским, основанную, в частности, на надписи в книге «Ивангое, или Возвращение из крестовых походов. Сочинение Вальтера Скотта» (СПб., 1826).

...он просто их не забывал — ни живых, ни мертвых. — В заметках об О.Э. Мандельштаме Ахматова несколько раз вспоминает о его верности памяти Н.С. Гумилева: «Там в Воронеже его с не очень чистыми побуждениями заставили прочесть доклад об акмеизме. Не должно быть забыто, что он сказал в 1937 г.: «Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мертвых».

190 «...спрашивал, нет ли еще таких же стариков, как он». — В «Русском архиве» (1866. С. 1461—

1464) опубликованы материалы «Из дневника и воспоминаний И.П. Липранди», в которых рассказывается, как в 1824 г. Пушкин «воображал в окрестностях Бендер найти следы могилы Мазепы» с помощью украинского казака Николая Искры, помнившего шведского короля Карла XII и шведский лагерь в Варнице. Пушкин «добивался от Искры своими расспросами узнать что-либо о Мазепе, а тот не только что не мог указать ему желаемую могилу или место, но и объявил, что такого и имени не слышал. Пушкин не отставал, толкая ему, что Мазепа был казачий генерал и православный, а не бусурманин, как шведы, все напрасно. Спрашивал, нет ли еще таких же стариков, как он, Искра; нет ли старинных церквей поблизости, и получил в ответ, что старее его нет никого». Иван Петрович Липранди (1790—1880) — участник Отечественной войны, подполковник Камчатского полка, с апреля 1822 г. 33-го Егерского полка, расквартированного в Бессарабии. Встречи его с Пушкиным в Бессарабии и Одессе продолжались с сентября 1820 по июль 1824 г. Липранди оставил воспоминания о Пушкине — ценнейший источник биографии поэта со сведениями о его кишиневском и одесском окружении.

192 ...говорит только о родовых приусадебных могилах... — Измайлов Н.В. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 38.

193 ...Софокл, «Эдип в Колоне»... — Трагедия написана в последний год жизни Софокла и поставлена по-смертно в 401 г. до н.э. В ней изображено предсказанное богами вечное успокоение изгнанного из Фив царя Эдипа в афинском пригороде Колоне. Здесь он был похоронен, и его могила хранила от врагов землю, которая дала ему последний приют.

195 Ушакова Екатерина Николаевна (1809–1872) — предмет сильного увлечения Пушкина. Строка из стихотворения «Ек.Н. Ушаковой» («В отдалении от вас...», 1827).

Полторацкая Елизавета Петровна (р. ок. 1802) — младшая сестра А.П. Керн.

ДВЕ НОВЫЕ ПОВЕСТИ ПУШКИНА

Впервые — ВЛ (с сокращениями). 1970. № 1. С. 176–183; публикация Э.Г. Герштейн. Расширенный текст в ОП. С. 191–207. Печ. по ОП.

<1>

196 Автобиографический отрывок 1830 года... — Речь идет об «Отрывке» (т. VI, с. 585), начинающемся словами: «Несмотря на великие преимущества, коими пользуются стихотворцы...». По наблюдению С.М. Бонди (в его книге «Новые страницы Пушкина». М., 1931. С. 204), Пушкин воспользовался этим отрывком при описании Чарского в первой главе «Египетских ночей». Упоминаемый далее «Х» из «Отрывка» — безымянный герой этого отрывка.

197 Минский — герой наброска из ненаписанной повести Пушкина «Гости съезжались на дачу...».

Волоцкий (Володский) — персонаж из неосуществленного произведения Пушкина «На углу маленькой площади...».

<2>

198 ...*то червь, то Бог...* — «Я царь — я раб — я червь — я Бог» — эпитафия ко II главе «Египетских ночей» (из оды Г.Р. Державина «Бог». 1784).

<3>

198 ...*соответствует описанию внешности Мицкевича, оставленному нам Полевым...* — «Наружность его была истинно прекрасна. Черные, выразительные глаза; роскошные черные волосы; лицо с ярким румянцем; довольно длинный нос, признак остроумия; добрая улыбка, часто являвшаяся на его лице, постоянно выражавшая задумчивость, — таков был Мицкевич в обыкновенном, спокойном расположении духа; но когда он одушевлялся разговором, глаза его воспламенялись, физиономия принимала новое выражение, и он бывал в эти минуты увлекателен, очаровывая при том своею речью, умною, отчетливою, блистательною, несмотря на то, что в кругу русских он обыкновенно говорил по-французски. Доказательством необыкновенных его способностей может служить легкость, с какою он усваивал себе иностранные языки. Все знают, до какой степени обладал он французским языком, на котором впоследствии был литератором; но он свободно говорил также на немецком языке... По приезде в Москву Мицкевич почти не знал русского языка; через год он говорил на нем совершенно свободно и, что особенно трудно для поляка, говорил почти без акцента, не сбиваясь на свой родной выговор. Кроме того, он знал языки: английский, итальянский, испанский и, кажется, восточные. Помню, как на одном литературном обеде он изумил всех, читая по-гречески разные места из «Илиады», и даже так, что один из

собеседников, хорошо знавший Гомера, прочитывал какой-нибудь стих, а Мицкевич произносил следующие, как будто вся «Илиада» была у него в памяти» (П о л е в о й Кс.А. Записки о жизни и сочинениях Н.А. Полевого // П о л е в о й Н. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов // Под ред. В. Орлова. Л., 1934. С. 266–267).

198 *...Пушкин, услышав Мицкевича, бросился ему на шею (Вяземский)*. — П.А. Вяземский описывает этот литературный вечер в статье «Мицкевич о Пушкине» (1873): «Поэт на несколько минут, так сказать, уединился во внутреннем святилище своем. Вскоре выступил он с лицом, озаренным пламенем вдохновения: было в нем что-то тревожное и прорицательное. Слушатели в благоговейном молчании были также поэтически настроены. Чуждый ему язык, проза, более отрезвляющая, нежели упоющая мысль и воображение, не могли ни подавить, ни остудить позыв его. Импровизация была блестящая и великолепная. Жаль, что не было тут стенографа. Действие ее еще памятно, но за неимением положительных следов впечатление непередаваемо. Жуковский и Пушкин, глубоко потрясенные этим огнедышащим извержением поэзии, были в восторге» (В я з е м с к и й П.А. Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. 7. Литературные и критические очерки. С. 328–329).

Подобный эпизод описан в письме А.Э. Одынца к Ю. Корсаку 9 мая 1829 г.: «Во время одной из таких импровизаций в Москве Пушкин, в честь которого был дан этот вечер, вдруг вскочил о места и, ероша волосы, почти бегая по зале, восклицал: «*Quel génie! quel feu sacré! que je suis-je auprès de lui?*» <«Какой гений! Какой священный

огонь! Что я рядом с ним?»> — и, бросившись Адаму на шею, обнял его и стал целовать как брата» (Цит. по: Мицкевич А. Собр. соч.: В 5 т. М., 1954. Т. 5. С. 631).

198 ...у нас нет сведений, что Пушкин слышал кого-нибудь из них, кроме Мицкевича. — В 1830-е гг. в петербургских и московских газетах и журналах нередко печатались сведения о выступлениях заезжих импровизаторов. Романтическая концепция импровизатора, впадающего в творческий экстаз, представлена в повести В.Ф. Одоевского «Импровизатор», опубликованной в альманахе «Альциона на 1833 год» (СПб., 1833): «Едва назначили ему предмет, — и высокие мысли, трогательные чувства, в одежде полнзвучных метров, вырывались из уст его, как фантазмагорические видения из волшебного жертвенника. Художник не задумывался ни на минуту: в одно мгновение мысль и зарождалась в голове его, и проходила все периоды своего возрастания, и претворялась в выражения. Разом являлись и замысловатая форма пьесы, и поэтические образы, и щегольской эпитет, и послушная рифма» (Одоевский В.Ф. О литературе и искусстве. М., 1882. С. 142).

Пушкин, очевидно, присутствовал в Петербурге на вечере 24 мая 1832 г. импровизации немецкого гастролера Макса Лангеншварца. «Санкт-Петербургские ведомости» писали 29 мая 1832 г., что на одном из сеансов «один из славнейших наших отечественных поэтов предложил ему для письменной импровизации «Смерть Каподистрии». Президент освобожденной Греции Иоанн (Иван Антонович) Каподистрия в 1831 г. пал жертвой заговора. В бытность свою в России (до 1822 г.), он возглавлял Коллегию

иностранных дел, к которой по окончании Лицея причислен Пушкин; по свидетельствам современников, был расположен к Пушкину и вместе с Н.М. Карамзиным в 1820 г. ходатайствовал перед Александром I о замене ссылки опального поэта в Сибирь на «служебный перевод» на юг в распоряжение И.Н. Инзова.

198 ... (см. статью Пушкина о Мильтоне). — В статье Пушкина «О Мильтоне и Шатобриановом переводе “Потерянного рая”» (1836) говорится: «Мильтон, проезжая через Париж, не стал бы... забавлять общество чтением стихов, написанных на языке, неизвестном никому из присутствующих, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то возводя их в потолок».

... в повести «Египетские ночи» есть *aggrègè pensée*. — По мнению Ахматовой, подтекст заключался в третьей теме, заданной импровизатору: «Весна из окна темницы», что перекликается с темой сонета Мицкевича «Поэзия, скажи, где кисть твоя святая?», в котором с «решеткой тюрьмы» сравнивается чужой язык.

Биографы Мицкевича... — Речь идет о книгах: П о г о д и н А.Л. А. Мицкевич: Его жизнь и творчество. М., 1912. Т. 1—2; Б р а и л о в с к и й С.Н. К истории русско-польских отношений. Мицкевич и Пушкин // Пушкин и его современники. СПб., 1908. Т. 7.

... письмо Пушкина к Хитрово... — Пушкин писал 9 декабря 1830 г. Е.М. Хитрово, дочери М.И. Кутузова, близкому другу: «Любовь к отечеству в душе поляка всегда была чувством безнадежно-мрачным. Вспомните их поэта Мицкевича. — Все это очень печалит меня. Россия нуждается в покое» (пер. с фр.).

<4>

199 Шаховской Александр Александрович (1777—1846) — драматург, переводчик, член «Беседы любителей русского слова» и Российской Академии, режиссер, начальник репертуарной части петербургских театров, литературный враг Карамзина и Жуковского. Пушкин еще в Лицее написал на него эпиграмму: «Угрюмых тройка есть певцов — // Шихматов, Шаховской, Шишков...» (1815) и в послании «К Жуковскому» (1816): «На сцену выведя зевающую музу // Бессмертных гениев с Парнаса мнит». Впоследствии, утратив прежние литературные амбиции, Пушкин и Шаховской встречались на литературных вечерах.

Всеволожский Никита Всеволодович (1799—1862) — служил в Коллегии иностранных дел. Пушкин часто посещал салон Всеволожских, где собирались члены общества «Зеленая лампа». Дом Всеволожских Пушкин предполагал вывести в «Русском Пеламе».

<6>

200 Aurelius Victor (Аврелий Виктор) — римский историк IV в., автор книги «О цезарях», где собраны биографии римских императоров.

...первое в мире упоминание о Клеопатре... — Имеется в виду ода Горация «К друзьям», написанная в 30 г. до н.э. по получении в Риме известия о падении Александрии и смерти Антония и Клеопатры. О ее смерти в оде говорится:

Но хоть и женщина,
Меча она не убоялась,
Чуждых краев не искала с флотом, —

Нет, умереть желая царицею,
 На павший дом взглянула с улыбкою
 И злобных змей к груди прижала,
 Чтобы всем телом впитать отраву:

Она решилась твердо на смерть идти
 Из страха, что царицей развенчанной
 Ее позорно для триумфа
 Гордого вражья умчит либурна.

(Пер. Г.Ф. Цертели)

201 «*Что в имени тебе моем?*» — В черновых записях Ахматовой имеется сопоставление строки «Есть в мире сердце, где живу я» из посвященного Собаньской стихотворения Пушкина «*Что в имени тебе моем?*» со строками из посвященного ей же стихотворения Мицкевича «Если бы ты хоть день была в моем сердце»: «Эти строки несомненно перекликаются, то есть один (Мицкевич) хочет, чтобы Собаньская хоть день была в его сердце, другой (Пушкин) говорит, что она всегда живет в его сердце».

Бахчисарай — Мицкевич — См.: Измайлов Н. Мицкевич в стихах Пушкина (К интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов»)//Уч. Зап. Чкаловского гос. пед. института. 1952. Вып. 6. С. 171–214. (Серия ист.-филолог. наук).

Мицкевич Крымский — Осенью 1825 г. Мицкевич в сопровождении генерала И.О. Витта, начальника военных поселений юга России, его любовницы и помощницы в деле полицейского сыска Каролины Собаньской и других лиц совершил поездку морем из Одессы в Крым, в результате чего были написаны «Крымские сонеты», опубликованные в Петербурге в 1826 г. в его книге «Sonety».

В 1827 г. в «Московском телеграфе» появились прозаические переводы «Крымских сонетов» (в статье П.А. Вяземского о книге Мицкевича), а в 1829 г. И.И. Козлов опубликовал полный стихотворный перевод «Крымских сонетов». В дальнейшем их переводили М. Лермонтов, А. Майков, А. Фет, И. Бунин, В. Левик и др.

201 ...«*Я воздух и огонь*»... — Слова из предсмертного монолога Клеопатры в драме Шекспира «Антоний и Клеопатра» (Акт I. Сц. 2).

<7>

202 *Фикельмон* Дарья Федоровна (1804—1863) — внучка М.И. Кутузова, младшая дочь Е.М. Хитрово, жена австрийского посланника К.Л. Фикельмона. Пушкина связывали с семьей Фикельмон дружеские отношения. Д. Фикельмон Пушкин предполагал сделать героиней (княгиня Д**) повести «Мы проводили вечер на даче...».

...«*был принят слог престонародный*»... — вариант VIII гл. «Евгения Онегина» (после XXIII строфы).

...*ее разрешение рассказать неблагопристойную историю*... — Речь идет о княгине Д**, хозяйке дачи, в отрывке неоконченной повести Пушкина «Мы проводили вечер на даче...» Разговор заходит о Клеопатре:

«— Есть черта в ее жизни, которая так врезалась в мое воображение, что не могу взглянуть почти ни на одну женщину, чтобы тотчас не подумать о Клеопатре.

— Что ж это за черта? — спросила хозяйка, — расскажите.

— Не могу; мудроно рассказать.

— А что? разве неблагопристойно?

— Да, как почти всё, что живо рисует ужасные нравы древности.

— Ах! расскажите, расскажите.

— Ах, нет, не рассказывайте, — перервала Вольская, вдова по разводу, опустив чопорно огненные свои глаза.

— Полноте, — вскричала хозяйка с нетерпением. — *Qui est-ce donc que l'on trompe ici?* <Кого здесь обманывают?>. Вчера мы смотрели Antony, а вон там у меня на камине валяется *La Physiologie du mariage* <«Физиология брака» Бальзака>. Неблагопристойно! Нашли чем нас пугать! Перестаньте нас морочить, Алексей Иванович! Вы не журналист. Расскажите просто, что знаете про Клеопатру, однако... будьте благопристойны, если можно.

Все засмеялись».

(Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М.: АН СССР, 1949. Т. 6. С. 602–603.)

202 ...чей салон он так расхваливает в письме к ней. — Пушкин в письме к Д.Ф. Фикельмон 25 апреля 1830 г. писал: «С вашей стороны очень жестоко быть столь обаятельной и заставлять столь живо ощущать горесть оставаться вдали от Вашего салона... Поверьте, что я останусь всегда самым искренним поклонником вашего очарования, столь простого, вашего разговора, столь приветливого и столь увлекательного, хотя вы имеете несчастье быть самой блестящей из наших светских дам» (пер. с фр.).

Польский граф и его дурнушка жена тоже как бы из VIII гл<авы> «Онегина»... — Вариант XXVI строфы VIII гл<авы> «Евгения Онегина»:

Тут был К.М., француз, женатый
На кукле чахлой и горбатой
И семи тысячах душах...

202 ...Титов (вполне реальное лицо). — В черновой рукописи Пушкин называет одного из персонажей повести — Вершнева — настоящим именем его прототипа — В.П. Титова.

203 Я не согласна с мнением Х... — Вероятно, речь идет об известном пушкинисте Б.В. Томашевском, который писал: «В 1835 г. Пушкин задумал прозаическую повесть, в которую он вводил стихотворный рассказ о Клеопатре. Первоначально такой рамкой для стихов была неоконченная повесть “Мы проводили вечер на даче...”. Впоследствии Пушкин хотел внести эти стихи в другую повесть, также оставшуюся неоконченной, — “Египетские ночи”» (Томашевский Б. Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824–1837). М.; Л., 1961. С. 59).

Разве жизнь уж такое сокровище? — Слова Алексея Ивановича из неоконченной повести Пушкина «Мы проводили вечер на даче...»: «Разве жизнь уж такое сокровище, что ее ценою жаль и счастья купить?»

<12>

206 «Странник» — стихотворение Пушкина «Странник» (1835), представляющее собой попытку стихотворного перевода-переложения аллегорического романа «Путь паломника» (другое название «Путешествие пилигрима») (1678–1684) английского писателя Джона Беньяна (1628–1688), религиозного проповедника. См. статьи: Бартенева П.И. О стихотворении Пушкина «Странник» // Молва. 1857. № 10. С. 107–110; Габричевский А. «Странник» Пушкина и его отношение к английскому подлиннику // Пушкин и его современники.

1914. Т. 5. Вып. 19—20. С. 40—48, а также рецензию на первый русский перевод книги Беньяна под названием «Путь пилигрима» написал Н.С. Лесков в «Церковно-общественном вестнике» (1878. № 40. С. 5).

207 *«Цезарь путешествовал»*. — Имеется в виду «Повесть из римской жизни» Пушкина. Наброски к этой повести относятся к 1833—1835 гг.

208 *Маркевич вспоминает кроме этих огненных глаз еще пунцовую току со страусовыми перьями...* — Писатель Б.М. Маркевич (1822—1884) в очерке «Бальзак и его женитьба» воссоздал облик Собаньской, которая «почиталась в свое время одною из самых блестящих красавиц польского общества русского юга»: «Я помню ее еще в тридцатых, годах в Киеве, в доме отца моего, — помню, как теперь, пунцовую бархатную току с страусовыми перьями, необыкновенно красиво шедшую к ее высокому росту, пышным плечам и огненным глазам» (Маркевич Б.М. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1912. Т. 2. С. 425—426).

СТРАНИЦЫ ИЗ КНИГИ «ГИБЕЛЬ ПУШКИНА»

Впервые — ВЛ. 1973. № 3. С. 207—222; публикация Э.Г. Герштейн. Печ. по рабочему экземпляру авторизованной машинописной копии с разновременными рукописными вставками, чернилами и карандашом (РНБ), сверенному с черновыми автографами (Фонтанный Дом), заметками в рабочих тетрадях Ахматовой (РГАЛИ) и автографами из собрания Д.Л. Файнберга (архив Л.Д. Большинцовой-Стенич).

Книгу о гибели Пушкина Ахматова начинает писать еще до войны. Она была близко знакома с историком и литератором Павлом Елисеевичем Щеголевым (мужем ее приятельницы актрисы В.А. Щеголевой), автором фундаментального исследования «Дуэль и смерть Пушкина», выдержавшего несколько изданий и ныне подробно отрецензированного Я.Л. Левкович. Уникальные документы, представленные в книге Щеголева, вызвали интерес Ахматовой и не раз обсуждались с Павлом Елисеевичем. Опираясь на труд Щеголева, Ахматова пошла своим путем поиска, полемизируя с ним и идя к своим открытиям, предвосхитила ряд вновь найденных документов (Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960); опубликованные к 200-летию юбилею Пушкина документы из архива министерства иностранных дел Нидерландов (переведены Я.Л. Левкович). Вместе с тем Ахматовой высказан ряд полемических суждений в адрес Натальи Николаевны Пушкиной и ее сестры Александры Николаевны Гончаровой (в замужестве Фризенгоф).

210 *...эменное шипение Полетики...* — подруга Н.Н. Пушкиной Идалия Григорьевна *Полетика* (ок. 1807–1890), внебрачная дочь Г.А. Строганова, двоюродного дяди Н.Н. Пушкиной, жена полковника кавалергардского полка А.М. Полетики, по свидетельству П.И. Бартенева, «питала совершенно исключительное чувство ненависти к самой памяти Пушкина» (Русский архив. 1911. № 1. С. 175–176).

...маразмический бред Трубецкого... — Имеется в виду «Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу. Записан со слов князя Александра Васильевича Трубецкого, 74 лет, генерал-майора, состоявшего на службе при артил-

лерийском складе в Одессе. В воскресенье 21 июня 1887 года. Павловск, дача Краевского (С.-Петербург)». Брошюрка издана в десяти экземплярах, без указания типографии. Рассказу Трубецкого (1813—1889), однополчанину Дантеса, блистательного кавалергарда, любимца императрицы Александры Федоровны (1798—1860), фигурировавшего в ее интимной переписке под кличкой «Бархат», предшествует следующее вступление:

«Князь Трубецкой не был “приятельски” знаком с Пушкиным, но хорошо знал его по частым встречам в высшем петербургском обществе и еще более по своим близким отношениям к Дантесу.

В 1836 году, летом, когда Кавалергардский полк стоял в крестьянских избах Новой Деревни, князь Трубецкой жил в одной хате с Дантесом, который сообщал ему о своих любовных похождениях, вернее о своих победах над женскими сердцами.

Это обстоятельство и дало возможность кн. Трубецкому узнать о истинных, быть может, причинах роковой дуэли 27 января 1837 года.

Трудно предположить вымысел со стороны кн. Трубецкого, почтенного семидесятичетырехлетнего старца; быть может, некоторые подробности затемнились в его памяти; другие же получили несколько иную окраску, но рассказ его должен иметь в основании своем истинное происшествие» (Щегелев. С. 387).

210 ...сюсюканье Араповой. — Александра Петровна Арапова (урожд. Ланская; 1845—1919), дочь Н.Н. Пушкиной от второго брака с П.П. Ланским; написала недостоверные воспоминания якобы со слов матери и тетки Александрины «К семейной хронике жизни жены А.С. Пушкина» // Новое время. Прилож. 1907, дек.; 1908, янв.

210 ...*(из дневника Фикельмон)*. — Д.Ф. Фикельмон записала 29 января 1937 г. в своем дневнике (по-французски): «Пушкин тогда совершил большую ошибку, разрешая своей молодой и слишком красивой жене выезжать в свет без него. Его доверие к ней было безгранично, тем более что она давала ему во всем отчет и пересказывала слова Дантеса — большая, ужасная неосторожность» (Х м с л е в с к а я Е.М. Из дневника графини Д.Ф. Фикельмон. Новые документы о дуэли и смерти Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы, М.; Л. 1956. Т. 1. С. 349).

211 *Голландский дипломат барон Геккерн...* — Геккерн Луи Борхард де Беверваард (1791—1884) — нидерландский дипломат, с 1826 г. посланник при русском дворе, так называемый приемный отец убийцы Пушкина Жоржа Дантеса. Согласно впервые опубликованным в 1999 г. документам из нидерландских архивов, усыновление было проведено в обход законов Нидерландов. Переводчик и комментатор документов Я.Л. Левкович пишет: «...теперь мы знаем, что “приемным сыном” Геккерна Дантес так и не стал. Большая ложь, в которую поверили современники и в которую не поверил Пушкин, называя Дантеса в своем оскорбительном письме к Геккерну его “так называемым сыном”, разоблачена» (Щ е г о л е в. С. 612).

Талейран Шарль Морис (1754—1838), Меттерних Клеменс (1773—1859) — блистательные европейские дипломаты, мастера тонких политических интриг.

...Дантес был игрушкой в руках Геккерна. — Дантес Геккерн Жорж Карл, барон (1812—1895) приехал в Россию осенью 1833 г.; с февраля 1834 г. корнет, с января 1836 г. поручик Кавалергардского полка. Благодаря про-

текции Геккерн и привлекательной внешности быстро вошел в великосветское общество Петербурга и был принят при дворе. С 1836 г. открыто ухаживает за Н.Н. Пушкиной, что стало предметом сплетен. После получения 2 ноября 1836 г., Пушкиным «диплома роконосцев», в котором Пушкину отводилась роль «историографа» ордена, это было особо оскорбительно в связи с его работой над «Историей Петра I»; кроме того, «диплом» отсылал к Д.М. Нарышкину — мужу фаворитки Александра I Марии Антоновне Нарышкиной, намекая на связь Н.Н. Пушкиной с Николаем I. Тогда же едва не произошла дуэль, однако Дантес сделал предложение сестре Наталии Николаевны Екатерине Гончаровой, и состоялось внешнее примирение. Войдя в родство с Пушкиным, Дантес продолжал компрометировать его жену в свете, чему содействовал и так называемый приемный отец, нидерландский посланник. Переписка Дантеса с Геккерном и документы, опубликованные много лет спустя после смерти Ахматовой, свидетельствуют о ее правоте в оценке поведения Дантеса, который отнюдь не был «игрушкой» в руках старого дипломата, но последовательно интриговал не только Наталию Николаевну Пушкину, но и так называемого приемного отца, с которым был связан интимными отношениями.

После убийства Пушкина был разжалован, судим и выслан из России. Во Франции занимался политической деятельностью. Потомки Дантеса пытались обелить его имя (см.: Луи М е т м а н. Жорж-Шарль-Дантес. Биографический очерк // *Ц е г о л е в*. С. 328–341). См. также письма Ж. Дантеса, разрешенные родственниками к публикации в конце прошлого века (журн. «Звезда». 1995. № 9. С. 167–198. Публ. В.П. Старка; рус. пер).

211 ...почувствовал к ней только уважение. —

Дантес писал Геккерну 14 февраля 1836 г.: «Когда она сказала мне: я люблю вас так, как никогда не любила, но не просите у меня никогда большего, чем мое сердце, потому что все остальное мне не принадлежит, и я не могу быть счастливой иначе, чем уважая свой долг, пожалейте меня и любите меня всегда так, как вы любите сейчас, моя любовь будет вашей наградой; право, я упал бы к ее ногам, чтобы их целовать, если б я был один, и уверяю тебя, что с этого дня моя любовь к ней еще возросла, но теперь это не то же самое: я ее уважаю, почитаю, как уважают и почитают существо, к которому вся ваша жизнь привязана» (Звенья. М., 1951. Т. 9. С. 176; пер. с фр.).

...внушить Александру Карамзину. — Сын Н.М. Карамзина Александр (1815—1888) общался с Пушкиным в доме своих родителей. Его письма к брату Андрею за границу свидетельствуют о его частых встречах с Пушкиным в 1836—январе 1837 г. и дружеском расположении к поэту.

212 См. сцену в письме Андрея Карамзина... —

Андрей Николаевич Карамзин (1814—1854) писал родным 26 июня (8 июля) 1837 г. из Баден-Бадена: «Я заметил, что Дантес ждет меня, и в самом деле он скоро опять пристал ко мне и, схватив меня за руку, потащил в пустые аллеи. Не прошло двух минут, что он уже рассказывал мне со всеми подробностями свою несчастную историю и с жаром оправдывался в моих обвинениях, которые я дерзко ему высказывал... Всего более и всего сильнее отвергал он малейшее отношение к Наталье Николаевне после обручения с сестрою ее и настаивал на том, что второй вызов а *été comme une tuile qui lui est tombée sur la tête*»* (Пушкин в письмах Карамзиных. С. 404).

* Был словно черепицей, упавшей ему на голову (фр.).

212 Софья Карамзина. — Карамзина Софья Николаевна (1802—1856), дочь историка Н.М. Карамзина от первого брака, фрейлина. Пушкин знал Карамзиных еще до южной ссылки; после возвращения в Петербург в 1827 г. становится завсегдатаем салона Карамзиных, при взаимных дружеских отношениях. После смерти Пушкина Софья Николаевна писала брату Андрею из Петербурга: «Никто, я в этом уверена, искренней моего не любил и не оплакивал Пушкина». Однако, как свидетельствует опубликованная только в 1960 г. семейная переписка Карамзиных, в последние месяцы жизни Пушкина назревающая трагедия воспринималась поверхностно, в салоне явно симпатизировали Дантесу, находя поведение глубоко страдающего, оскорбленного поэта «глупым и нелепым», сочувственное отношение к убийце Пушкина сохранилось и после дуэли. Ахматова предполагала в своей книге «Страницы из книги “Гибель Пушкина”» выделить отдельную главу «Семейная переписка Карамзиных», документально подтверждающую ее суждения, высказанные значительно ранее «Тагильской находки», как назвал письма их комментатор И.Л. Андроников.

...Геккерн называет Загряжскую несносной... — Екатерина Ивановна Загряжская (1779—1842), тетка сестер Гончаровых, принимала близкое участие в семейных делах Пушкина, в улаживании конфликта Пушкина с Дантесом. Екатерина Николаевна Геккерн (урожд. Гончарова; 1809—1843) отреклась от заменявшей ей мать Загряжской в письме к Дантесу в марте 1837 г.: «Вчера тетка мне написала пару слов, чтобы узнать о моем здоровье и сказать мне, что мысленно она была со мною; она будет теперь в большом затруднении: так как мне запретили под-

ниматься на ее ужасную лестницу, я у нее быть не могу, а она, разумеется, сюда не придет: но раз она знает, что мне нездоровится и что я в горе по случаю твоего отъезда, у нее не хватит духу признаться в обществе, что не видится со мною; мне чрезвычайно любопытно посмотреть, как она поступит» (Щегелев. С. 337). Геккерн-старший в письме к Дантесу писал: «M-lle Z, тетка, сварливая и упрямая личность; но я употребил в дело свой авторитет и запретил твоей жене проводить целые дни за письмами к ней, лишь бы удовлетворить ее любопытство, потому что ее заботы и расположение — только одно притворство» (Там же. С. 344–345).

212 ...тайно перешла в католичество. — Слухи о переходе Екатерины Николаевны в католичество не имеют полного подтверждения (Вересаев, 2. С. 472).

213 ...Пушкин намерен их бить на балу у графини Разумовской. — На балу у Марии Григорьевны Разумовской (1772–1865) 26 января 1837 г. состоялось объяснение Пушкина с секундантом Дантеса д'Аршиаком. В письме В.Ф. Вяземской к Е.Н. Орловой (дочери Н.Н. Раевского, которой Пушкин посвятил несколько стихотворений) рассказывается: «Во вторник... Пушкин отправился на бал к графине Разумовской. Постучавшись напрасно в дверь всего семейства Геккернов, он решил дать пощечину, будь то у них (на дому) или на балу. Они были предупреждены и не поехали туда» (Бельчиков Н. Неизвестное письмо В.Ф. Вяземской о смерти Пушкина // Новый мир. 1931. № 12. С. 189).

Машенька Вяземская-Валуева. — Мария Петровна (1813–1849), дочь П.А. и В.Ф. Вяземских, с мая

1836 г. жена Петра Александровича Валуева, впоследствии министра внутренних дел и председателя комитета министров. Валуевы были в квартире умирающего Пушкина.

213 «*Будь прав или виновен он*». — Строка из стихотворения Ф.И. Тютчева «29-ое января 1837»:

Из чьей руки свинец смертельный
 Поэту сердце растерзал?
 Кто сей божественный фиал
 Разрушил, как сосуд скудельный?
 Будь прав или виновен он
 Пред нашей правдою земною,
 Навек он высшею рукою
 В «царевийцы» заклеимен...

...письмо Дантеса из-под ареста к презусу суда. — Дантес написал 26 февраля 1837 г. письмо председателю военного суда (презусу) полковнику Бревверну Алексею Ивановичу (1814—1890), в котором излагал рассказ М.П. Валуевой о разговоре ее мужа и Натальи Николаевны: «Мадам Пушкина на замечание г. Валуева, как она позволяет обращаться с нею таким образом подобному человеку, ответила: “Я знаю, что я виновата, я должна была бы его оттолкнуть, потому что каждый раз, когда он обращается ко мне, меня охватывает дрожь”» (П о л я к о в А.С. О смерти Пушкина. Пг., 1922. С. 54—55; пер. с фр.). Здесь неверное толкование слов Наталии Николаевны, относящихся не к Пушкину, а к Дантесу.

...запись в дневнике А.И. Тургенева... — Цит. по: Щ е г о л е в. С. 279.

214 ...*(см. его письмо в Голландию)*... — Геккерн писал 2(14) февраля 1837 г. министру иностранных дел барону Верстолку, которого он сменил на посту в 1823 г.: «Смерть г. Пушкина открыла, по крайней мере, власти существование целой партии, главой которой он был, может быть, исключительно благодаря своему таланту, в высшей степени народному. Эту партию можно назвать реформаторской: этим названием пользуются сами ее члены. Если вспомнить, что Пушкин был замешан в событиях, предшествовавших 1825 году, то можно заключить, что такое предположение не лишено основания» (Цит. по.: Щегелев. С. 301).

...похороны, где жандармов было больше, чем друзей... — А.И. Тургенев записывает 31 января 1837 г. в дневнике: «Обедал у Карамзиной. Спор о Геккерне и Пушкине. Подозрения опять на К.И.Г. После обеда на панихиду. Оттуда пить чай к К. Мещер<ской> — и опять на вынос в 12-ть, т.е. в полночь. Явились жандармы, полиция, шпионы — всего 10 штук, а нас едва ль столько было! Публику уже не впускали. В 1-м часу мы вывезли гроб в церковь Конюшенную, пропели заупокой, и я возвратился тихо домой». А 6 февраля он сопровождал тело Пушкина в Святогорский монастырь.

215 ...*посланник просит вызвать (как последнюю авантюристку) в суд...* — Это письмо Геккерна к К.В. Несельерде от 1(13) марта 1837 г. приведено в книге П.Е. Щеголева (с. 296–297). Однако в своих записях Ахматова постоянно отмечала ошибки Щеголева в переводах с французского.

...«воровской» записки... — Недатированная записка Геккерна к Дантесу написана по-французски во время

суда над ним; опубликована в упомянутой книге А. Полякова в неточном переводе. Ошибки были исправлены Б. Казанским в его статье «Гибель Пушкина» (Звезда. 1928. № 1. С. 117). Э.Г. Герштейн приводит новый перевод этой записки, сделанный С.М. Бонди: «Если ты хочешь говорить об анонимном письме, я скажу тебе, что оно было запечатано красным сургучом. Сургуча мало, запечатано плохо. Печать довольно своеобразная, насколько я помню: «А» посреди этой формы. «А» и множество эмблем вокруг «А». Точно разглядеть эти эмблемы я не мог, так как, повторяю, запечатано было плохо. Помнится, что вокруг были знамена, пушки и т.п., но не уверен. Помнится также, что они были с разных сторон, но в этом я тоже не уверен. Ради Бога, будь осторожен и за этими подробностями отсылай смело ко мне, потому что граф Нессельроде показал мне это письмо, которое написано на бумаге такого же формата, как и эта моя записка. Мадам де Нессельроде и графиня Софья Бобринская шлют тебе свои лучшие пожелания. Обе они горячо интересуются нами. Да выяснится истина — это самое пламенное желание моего сердца».

В записках Ахматовой сохранилась заметка в связи с Софьей Александровной Бобринской (1797—1866), приближенной императрицы Александры Федоровны. В 1830-е годы Пушкин был частым посетителем великосветского салона Бобринских. Ахматова пишет: «Новое лицо — гр. Бобринская-Самойлова. Вставная новелла: канун 61 года. Т.Г. Цявловская привозит мне Вяземского (т. VII). На с. 223: «Императрица часто с ней виделась и вела постоянную переписку. Сколько в этих письмах должно таиться драгоценных царских жемчужин и чисто человеческих сокровищ! Как не пожалеть, что подобные драгоценности

остаются под спудом!..» Вечером ко мне пришла Э.Г. Герштейн и принесла выписку из писем Александры Федоровны к Бобринской. Эти письма важны тем, что, в свою очередь, приближают дантесовскую историю ко двору и дают объяснение многим до сих пор непонятным фактам (напр., мягкий приговор Дантесу), отношению двора к Пушкину; *talent satanique* <сатанинский талант>, — пишет царица в часы агонии поэта. Это то, чего мы (в частности, Щеголев) до сих пор не знали, — царская ли это жемчужина или чисто человеческое сокровище? Это письмо, в свою очередь, доказывает, что Наталия Николаевна не была царской фавориткой. Нельзя себе представить, что в письмах Александры Федоровны это не выяснилось бы... О Бобринской как о *comtesse Sophie W.* в воровской записке дипломата, она же одна из двух высокопоставленных дам, которых Геккерн просит вызвать в суд и с которой он ежедневно делился своими тревогами» (автограф РНБ).

Заново исследовав материалы, которыми руководствовались в своих суждения Ахматова и Э.Г. Герштейн («Вокруг гибели Пушкина» // Новый мир. 1962. № 2), а также используя новые документы, Я. Левкович отводит столь категорические обвинения в адрес графини С.А. Бобринской: «С Герштейн согласилась Ахматова (С. 241). Поляков и Щеголев называют имя Бобринской предположительно, отдавая предпочтение Софье Ивановне Борх (см.: Поляков А.С. О смерти Пушкина. С. 212—215; наст. изд. С. 413). М.И. Яшин решительно отводит Бобринскую (Яшин М.И. Хроника. № 9. С. 169—171). Против кандидатуры Бобринской возражает Н.Н. Петрунина (см.: Письма последних лет. С. 369.). Мнение Герштейн подкрепляет одно место из письма Геккерна к барону Верстолку, которое опубликовано в книге Щеголева. 11 февраля (30 ян-

варя) 1837 г.: “Нахожусь пока в неизвестности относительно судьбы моего сына. Знаю только, что император, сообщая эту роковую весть императрице, выразил уверенность, что барон Геккерен был не в состоянии поступить иначе”». <...> Разговор Николая I с женой скорее всего дошел до Геккерена через Бобринскую. Бобринская была интимной подругой императрицы, часто с ней виделась и вела постоянную переписку (эта переписка опубликована Э.Г. Герштейн в статье “Вокруг гибели Пушкина”). О сочувствии Дантесу свидетельствует и ее письмо к мужу от 25 ноября 1836 г. (см. выше), но написано оно до дуэли, когда сватовство Дантеса к Ек. Гончаровой могло рассматриваться как жертва, принесенная во имя возвышенной любви к жене поэта. Однако сочувствие Дантесу не означает, что Бобринская, как полагают Герштейн и Ахматова, была в стане врагов Пушкина. Сам Пушкин, как и его друзья Жуковский и Вяземский, относились к ней с неизменной симпатией. Вот что пишет о С. Бобринской Вяземский: “Графиня Софья Александровна Бобринская была женщиной редкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности. <...> Графиня мало показывалась в многолюдных обществах. Она среди общества, среди столиц жила какою-то отдельною жизнью — домашней, келейной; занималась воспитанием сыновей своих, чтеньем, умственной деятельностью, она, так сказать, издали и заочно следила за движением общественной жизни, но следила с участием и пронизательностью. Салон ее был ежедневно открыт по вечерам. Тут находились немногие, но избранные” (Вяземский. Т. 7. С. 223—225). Среди этих “немногих” в салоне Бобринской бывал и Пушкин». О С. Бобринской см.: Востокова Н.Б. Пушкин по архиву Бобринских//Прометей. Кн. 10. С. 261—273 (Щеголев. С. 551—556).

215 *...у Нессельроде, где его утешала графиня...* — П.А. Вяземский писал 8 апреля 1837 г. А.Я. Булгакову: «Под конец одна графиня Нессельроде осталась при нем <Геккерне>, но все-таки не могла вынести его, хотя и плечиста, и грудаста, и брюшиста» (В я з е м с к и й П.А. Собр. соч. СПб., 1893. С. 562).

216 *«...нетерпим в нашем обществе».* — Nesselrode compte de Lettres et papiers. Paris, 1911. Vol. 8. P. 104.

«С другой стороны был и ветреный и злонамеренный разврат»... — См.: Щ е г о л е в. С. 225.

...Вяземский, который писал нечто подобное... — П.А. Вяземский писал 16 февраля 1837 г. графине Эмилии Карловне Мусиной-Пушкиной (урожд. Шернваль фон Валлен; 1810—1846), в доме которой бывал Пушкин и чью красоту современники сравнивали с красотой Натальи Николаевны: «Если бы с его стороны была страсть или хотя бы честное ухаживание, то, оплакивая Пушкина, я не обвинял бы его противника. В этом отношении я не ригорист. Всякому греху милосердие, но не всякой низости!» (Русский архив. 1900. № 3. С. 392; пер. с фр.)

...Пушкин, который называл поведение Дантеса... — В письме 26 января 1837 г. Пушкин писал Геккерну-старшему: «Итак, я вынужден обратиться к вам, чтобы просить вас положить конец всем этим проискам...» (*mettre fin à tout ce manège*).

...любовь производила на Трубецкого впечатление довольно неглубокой влюбленности... — П.Е. Щеголев приводит рассказ кн. А.В. Трубецкого: «Дантес часто посещал Пушкиных. Он ухаживал за Наташей, как и за всеми красавицами (а она была красавица), но вовсе не осо-

бенно «приударял», как мы тогда выражались, за нею. Частые записочки, приносимые Лизой (горничной Пушкиной), ничего не значили; в наше время это было в обычае. Пушкин хорошо знал, что Дантес не приударяет за его женою, он вовсе не ревновал, но, как он сам выражался, ему Дантес был *противен* своею манерою, несколько нахальною, своим языком, менее воздержным, чем следовало с дамами, как полагал Пушкин» (Щегелев. С. 390).

216 ...в разговоре с Соллогубом назвал ее... — Граф В.А. Соллогуб вспоминал о разговоре с Дантесом: «Разговор наш продолжался долго. Он говорил, что чувствует, что убьет Пушкина, а что с ним могут делать, что хотят: на Кавказ, в крепость — куда угодно. Я заговорил о жене его <Пушкина>. «Mon cher, c'est une mijaurée» <Дорогой мой, это кривляка> (Модзалевский Б.Л. Пушкин. Л., 1929. С. 378–379).

...написал письмо, где отказывается от нее... — 1(13) марта 1837 г. Геккерн писал к Нессельроде: «Мне возразят, что я должен был повлиять на сына? Г-жа Пушкина и на это могла бы дать удовлетворительный ответ, воспроизводя письмо, которое я потребовал от сына, — письмо, адресованное к ней, в котором он заявлял, что отказывается от каких бы то ни было видов на нее. Письмо отнес я сам и вручил его в собственные руки» (Щегелев. С. 297).

217 ...двухлетнее постоянство... — Пушкин писал Геккерну 17–21 ноября 1836 г.: «Я хорошо знал, что красивая внешность, несчастная страсть и двухлетнее постоянство всегда в конце концов производят некоторое впечатление на сердце молодой женщины и что тогда муж, если только он не дурак, совершенно естественно делается поверенным своей жены и господином ее поведения» (пер. с фр.).

217 *Долли.* — Д.Ф. Фикельмон.

218 *...на балах в каких-то углах...* — Из того же письма: «Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о вашем сыне» (пер. с фр.).

...верните мне моего сына... — Слова из письма Пушкина Геккерну 17–21 ноября 1836 г.: «Вы бормотали ей: верните мне моего сына» (пер. с фр.).

219 *«Пусть меня судит свет» (дневник Мердер).* — Мария Карловна Мердер (1815–1870), фрейлина, дочь воспитателя будущего Александра II, записала в своем дневнике 22 января 1837 г. случайно подслушанную на одном из балов беседу Дантеса с пожилой дамой:

«— Докажите свету, что вы сумеете быть хорошим мужем... и что ходящие слухи неосновательны.

— Спасибо, но пусть меня судит свет» (Щегелев. С. 113).

...Дантес не George Dandin... — П.А. Вяземский общал вел. кн. Михаилу Павловичу о свадьбе Дантеса и Екатерины Николаевны Гончаровой: «Тем, кто обращался к нему <Пушкину> с поздравлениями по поводу этой свадьбы, он отвечал во всеуслышание: «Tu l'as voulu, George Dandin» — «Ты этого хотел, Жорж Данден» — выражение из комедии Мольера «Жорж Данден» (1668), герой которой — богатый крестьянин, женившийся на дочери дворянина, ставшее поговоркой в значении: сам виноват, получил, что хотел. У Пушкина, очевидно, было при этом и каламбурное обыгрывание имен: Жорж Дантес — Жорж Данден. К тому же по-французски «данден» значит «простофиля».

220 *...в чем их так горько упрекает графиня Фикельмон...* — Д.Ф. Фикельмон писала: «Пушкин не хотел ни присутствовать на свадьбе своей свояченицы, ни видеть их после нее, но общие друзья, весьма неблагоприятные, надеялись привести их к примирению или хотя бы к сближению и почти ежедневно сводили их вместе» (Щегелев. С. 349).

...историю с мальчишкой Соллогубом... — В феврале 1836 г. Пушкин вызвал на дуэль 23-летнего Владимира Александровича Соллогуба (1813—1882), с которым познакомился в Царском Селе в 1831 г.: «Вы позволили себе обратиться к моей жене с неприличными замечаниями и хвалились, что наговорили ей дерзостей». Благодаря вмешательству П.В. Нащокина, близкого друга Пушкина, дуэль не состоялась.

Долгоруков Петр Владимирович (прозвище «косопалый»; 1816—1868) — воспитанник Пажеского корпуса, чиновник Министерства народного просвещения. Встречался с Пушкиным в петербургском светском обществе. В.Ф. Адлерберг рассказывал П.И. Бартеневу об одной проделке Долгорукова, когда он на одном из вечеров 1836—1937 гг., стоя позади Пушкина, «подымал вверх пальцы, растопыривая их рогами» (Щегелев. С. 70). Долгоруков подозревался в сочинении анонимного пасквиля, посланного 4 ноября 1836 г. Пушкину и его друзьям.

...баронесса Вревская, которая в начале 1837 года приехала в Петербург... — Евпраксия Николаевна Вревская (урожд. Вульф, 1809—1883) — дочь П.А. Осиповой от первого брака, 17 января приехала в Петербург к своей сестре А.Н. Вульф. По словам ее мужа, барона Б.А. Вревского, она была с Пушкиным «все последние дни его жиз-

ни». За несколько дней до дуэли поэт сообщил ей о предстоящем поединке с Дантесом, но Вревская ничего не приняла. А.И. Тургенев писал в феврале 1837 г. брату Николаю Ивановичу: «Теперь узнаем, что Пушкин накануне открылся одной даме, дочери той Осиповой, у коей я был в Тригорском, что он будет драться. Она не умела или не могла помешать и теперь упрек жены, которая узнала об этом, на нее падает» (Пушкин и его современники. СПб., 1908. Вып. 6. С. 92).

220 Перовский Алексей Алексеевич (псевд. Антоний Погорельский; 1787—1836) — писатель, естествоиспытатель. Был в дружеских отношениях с декабристами, встречался с Пушкиным в обществе В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, П.А. Плетнева, А. Мицкевича и др. Пушкин бывал у Перовского в мае 1836 г. Осенью 1820 г. Перовский написал ряд критических статей в защиту «Руслана и Людмилы» от нападок А.Ф. Воейкова.

221 И вдова Пушкина долго гуляла вдвоем по парку с убийцей своего мужа... — В 1947 г. после появления статьи А.В. Исаченко «Пушкиниана в Словакии» (Словацкое обозрение. 1947. № 1) М.А. и Т.Г. Цявловские поделились с Ахматовой сведениями о том, что в Бродянах, где Наталья Николаевна гостила у Александрины со вторым мужем П.П. Ланским, за которого вышла в 1844 г., якобы состоялась ее встреча с Дантесом. Они весь день гуляли по парку и совершенно помирилась. Однако отсутствие источников, где А.В. Исаченко мог почерпнуть сведения об этой встрече, делают его сообщение недостоверным.

...Пушкин якобы благодарил Николая I. — Пушкин в изображении М.А. Корфа // Русская старина. 1899. Т. 99. № 8. С. 311.

221 ...д'Аршнак показывал ему ноябрьские дуэльные документы. — А.И. Тургенев записал в своем дневнике 21 января 1837 г. «Отдал письма Аршияку и завтракал с ним. Он прочел мне письмо А. Пушкина о дуэли от 17 ноября 1836 г.» (Щегелев. С. 288).

«Городские сплетни возобновились». — П.А. Вяземский писал 14 февраля 1837 г. вел. кн. Михаилу Павловичу: «Молодой Геккерн продолжал, в присутствии своей жены, подчеркивать свою страсть к г-же Пушкиной. Городские сплетни возобновились, и оскорбительное внимание общества обратилось с удвоенной силой на действующих лиц драмы, происходящей на его глазах. Положение Пушкина сделалось еще мучительнее, он стал озабоченным, взволнованным, на него тяжело было смотреть» (Щегелев. С. 261).

«Все снова стали говорить про его любовь». — Из памятных заметок Н.М. Смирнова // Русский архив. 1882. № 1. С. 236. Смирнов Николай Михайлович (1808—1870) — чиновник министерства иностранных дел, в воспоминаниях рассказал о своем общении с Пушкиным с 1828 г., о его литературных занятиях, о дуэли и смерти поэта. Чиновник немецкого посольства Медем «чуть не выцарапал глаза Смирнову за то, что он назвал Пушкина «человеком наиболее замечательным в России» (Пушкин в письмах Карамзиных. С. 401).

222 ...в дневнике о молодой Суворовой... — Запись в дневнике Пушкина 6 марта 1834 г.: «В городе много говорят о связи молодой княгини Суворовой с графом Витгенштейном... Заметили на ней новые бриллианты, — рассказывали, что она приняла их в подарок от Витген-

штейна (будто бы по завещанию покойной его жены), что Суворов имел за то жестокое объяснение с женою... Неосторожное поведение Суворовой привлекает общее внимание. Царица ее призывала к себе и побранила ее, царь еще пуце. Суворова расплакалась».

Любовь Васильевна Суворова (урожд. Ярцева; 1811—1867) — жена внука А.В. Суворова, князя Александра Аркадьевича Суворова (1804—1882), с которым Пушкин, возможно, встречался у его сестры М.А. Голицыной и в великосветских кругах Петербурга. Граф Лев Петрович Витгенштейн (1799—1860) — сын генерал-фельдмаршала П.Х. Витгенштейна, член Союза благоденствия, привлекался по делу декабристов.

222 *...не делал ему замечаний... по поводу его поведения.* — В «Сборнике биографий кавалергардов» (СПб., 1904—1908. С. 178—190, статья «Дантес») сказано, что в 1836 г. Дантес часто подвергался взысканиям за нерадивость по службе.

...ищут в таких случаях весьма примитивно. — Ахматова разъясняет по этому поводу: «Я заметила, что всякий раз, как современники говорят об «адских машинах» старшего Геккерна, Щеголев думает, что под этим скрывается намек на Николая I. Дело в том, что современники неизбежно страдают своего рода близорукостью, которая мешает им охватить события во всей полноте, и после того, как разразилась катастрофа, начинают вручную доделывать детали, переосмыслять то немногое, что видели и слышали, на ходу меняют характеристики, а потом, когда это, естественно, не сходится, находят тайну. Так было и с январской трагедией 1937. Так поступали деды, это же они

завещали внукам. Невнимание людей друг к другу не имеет предела» (РНБ).

222 ...*Булгакову и Мусиной-Пушкиной от 26 февраля 37 года...* — П.А. Вяземский писал А.Я. Булгакову 5 февраля 1837 г.: «Многое осталось в этом деле темным и таинственным для нас самих», а 26 февраля 1837 г. — Э.К. Мусиной-Пушкиной: «Эта история, окутанная столькими тайнами, даже для тех, которые наблюдали за ней вблизи...» (Центральный государственный архив древних актов. Пер. с фр.).

...не от одной графини Фикельмон, но и из писем Вяземского к самой Наталии Николаевне... — «Вскоре Дантес... нарушая все светские приличия, обнаружил на глазах всего общества проявления восхищения, совершенно недопустимые по отношению к замужней женщине, — она бледнела и трепетала под его взглядами, было очевидно, что она совершенно потеряла возможность обуздать этого человека» (Х м е л е в с к а я Е. М. Из дневника графини Д.Ф. Фикельмон. С. 349). Неизданные письма П.А. Вяземского к Н.Н. Пушкиной хранятся в ИРЛИ (Пушкинский Дом). Вяземский в шуточной форме 6 апреля 1842 г. наставлял Наталью Николаевну, как вести себя в присутствии «заинтересовавшего ее человека».

223 ...*повез поэта в Зимний дворец.* — Николай I принял Пушкина 23 ноября 1836 г.

Гогенлоэ-Кирхберг — Гогенлоэ-Лангенбург-Кирхберг Христиан Людвиг Фридрих Генрих (1788–1859) — князь, вюртембергский посол в Петербурге. За несколько дней до смерти Пушкина он был вместе с ним в салоне вел. кн. Елены Павловны. Сохранились его «Заметки» о поэте

(Г л а с с е А. Дуэль и смерть Пушкина по материалам архива вюртембергского посольства // Временник Пушкинской комиссии. 1977. Л., 1980. С. 21–35).

223 *...по словам... Смирнова...* — «Только одно не подлежит сомнению, это то, что Геккерн был их сочинитель. Последствия доказали, что Государь в этом не сомневался, и говорят, что полиция имела на то неоспоримые доказательства» (Из памятных заметок Н.М. Смирнова / Русский архив. 1882. № 1. С. 235).

...сказал Данзас Аммосову. — А.Н. Аммосов записал рассказы секунданта Пушкина в его дуэли с Дантесом — Константина Карловича Данзаса (1801–1870) и издал их отдельной книгой. Данзас говорил: «Автором этих записок, по сходству почерка, Пушкин подозревал барона Геккерна, отца, и даже писал об этом графу Бенкендорфу» (А м м о с о в А. Последние дни жизни и кончина А.С. Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта К.К. Данзаса. СПб., 1863. С. 9).

224 *«Сказочка»* — изложена в письме В.А. Жуковского от 14–15 ноября 1836 г. к Пушкину, посвященном посредничестве между А. Пушкиным и Геккернами (см.: П у ш к и н, 16. С. 187).

225 *...одесские «подвиги» Раевского...* — В.А. Жуковский писал Пушкину 14–15 ноября 1836 г.: «Вот что приблизительно ты сказал княгине <Вяземской> третьего дня, уже имея в руках мое письмо: я знаю автора анонимных писем, и в течение недели вы услышите о мести, единственной в своем роде; она будет полная, совершенная; она бросит того человека в грязь; громкие подвиги Раевского — детская игра по сравнению с тем, что я наме-

рен сделать, и тому подобное». «Подвиги Раевского» заключались в том, что когда наместник М.С. Воронцов из ревности выслал в 1828 г. из Одессы А.Н. Раевского, тот, встретив на многолюдной улице жену наместника Е.К. Воронцову (1792—1880), демонстративно закричал ей вслед: «Позаботьтесь о нашей дочери!» (Щегелев. С. 421).

225 ...а не Жуковский, как думает Соллогуб. — В.А. Соллогуб описал событие, происшедшее 21 ноября 1836 г., когда Пушкин «запер дверь и сказал: “Я прочитаю Вам мое письмо к старику Геккерну. С сыном уже покончено... Вы мне теперь старичка подавайте”. Тут он прочитал мне всем известное письмо к голландскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Он был до того страшен, что только тогда я понял, что он действительно африканского происхождения. Что мог я возразить против такой сокрушительной страсти? Я промолчал невольно, и так как это было в субботу (приемный день князя Одоевского), то поехал к князю Одоевскому. Там я нашел Жуковского и рассказал ему про то, что слышал. Жуковский испугался и обещал остановить отсылку письма. Действительно, это ему удалось: через несколько дней он объявил мне у Карамзиных, что дело он уладил и письмо послано не будет» (Соллогуб В.А. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 370).

226 ...автором диплома был посл. — В черновиках Ахматовой имеется дополнение по этому поводу: «Если Пушкин мог убедить Бенкендорфа и Николая I, что диплом исходил из нидерландского посольства (что он, несомненно, сделал), отчего он в ноябре не доказал того же своей жене? Это самое непонятное и, вероятно, самое страш-

ное, потому что страшное, конечно, было, но мы о нем до самого последнего времени совершенно не догадывались» (РНБ).

227 *Диплом в печатном виде был у Аршиака...* — В.А. Соллогуб записал, что д'Аршиак «рассказал мне, что венское общество целую зиму забавлялось рассылкою подобных мистификаций. Тут находился тоже печатный образец диплома, посланного Пушкину. Таким образом, гнусный шутник, причинивший ему смерть, не вздумал даже своей шутки, а получил образец от какого-то члена дипломатического корпуса и списал» (С о л л о г у б В.А. С. 371).

Упоминание Бенкендорфом Тибо... — «Некто по имени Тибо, друг Россети, служащий в Главном Штабе, не он ли написал гадости о Пушкине» (Б е н к е н д о р ф А.Х. Записки для памяти // П о л я к о в А.С. О смерти Пушкина. Пг., 1922. С. 26). То же пишет П.Е. Щеголев: «Вернее всего это был т-г Тибо, упоминаемый и в записках А.О. Смирновой, и в письмах А.Н. Карамзина, воспитатель или гувернер в семье Карамзиных; конечно, это он был в приятельских отношениях с К.О. Россетом, братом А.О. Смирновой» (Щ е г о л е в. С. 448).

228 *...январское письмо...* — письмо Пушкина от 26 января Геккерну-старшему, явившееся поводом к дуэли с Дантесом, было переделкой неотправленного и разорванного ноябрьского письма к нему же.

Бюлер Федор Андреевич, барон (1820—1896) — директор Московского главного архива Министерства иностранных дел.

228 Одоевский Владимир Федорович, князь (1804—1869) — писатель, литературный критик, совместно с Кюхельбекером издавал альманах «Мнемозина», входил в ближайшее литературное окружение Пушкина, написал некролог Пушкина «Солнце русской поэзии закатилось».

Виельгорский — братья Виельгорские — Михаил Юрьевич (1788—1856), Матвей Юрьевич (1794—1866) — входили в близкое окружение Пушкина. По-видимому, имеется в виду Виельгорский Михаил Юрьевич — государственный деятель, композитор, меценат, крестный отец последней дочери Пушкина Натальи. В числе близких Пушкину лиц получил 4 ноября 1836 г. пасквильный диплом, был в квартире умирающего Пушкина. По просьбе Н.Н. Пушкиной назначен одним из опекунов сирот Пушкина. Им написаны романсы на стихи Пушкина: «Старый муж, грозный муж...» (из поэмы «Цыганы»), «Черная шаль» и др.

229 ...автор анонимного письма был не один... — В одной из черновых записей Ахматовой значится: «Почему-то современники Пушкина знали, что отправитель пасквиля был не одинок. Даже старик Левенштерн пишет: «Бессердечные люди, лишенные такта, прислали ему анонимные письма, заключающие в себе диплом обманутого мужа» (Мемуары барона В.И. Левенштерна. РНБ).

230 Лобанов-Ростовский Александр Яковлевич, князь (1788—1866) — полковник лейб-гвардии Гусарского полка, позже генерал-майор, библиофил и коллекционер. По-видимому, Пушкин был знаком и с женой князя Клеопатрой Ильиничной (урожд. граф. Безбородко). Их особняк со «львами сторожевыми» на Адмиралтейском проспекте упомянут в «Медном всаднике».

230 ...их уже ждали там жандармы. — См. Воспоминания кн. М.Б. Лобанова-Ростовского (Государственный исторический музей).

...Гагарина называли сразу... — Князь Иван Сергеевич Гагарин (1814—1882) в последние месяцы жизни Пушкина почти ежедневно виделся и с Пушкиным, и с Дантесом. Современники подозревали его в составлении анонимного пасквиля, адресованного Пушкину (Ц е г о л е в. С. 472—485), однако затем эта версия была отвергнута.

231 ...знаменитый рогоносец... — Назвав Пушкина историографом Ордена рогоносцев, авторы пасквиля отсылали к задуманной поэтом «Истории Петра» и одновременно к Дмитрию Львовичу Нарышкину, мужу фаворитки Александра I Марии Антоновны Нарышкиной (урожд. кн. Святополк-Четвертинской), намекая на связь Н.Н. Пушкиной с Николаем I.

Васильчикова Александра Ивановна (урожд. Архарова; 1795—1855) — дочь московского военного генерал-губернатора И.П. Архарова, тетка В.А. Соллогуба. 4 ноября 1836 г. ей был также послан анонимный пасквиль, адресованный поэту. П.И. Бартенев записал ее воспоминания о Пушкине (Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П.И. Бартеневым в 1851—1860 гг. М., 1925).

...соседка отвечает, что красавица жена, наверно, не захочет уезжать... — письмо П.А. Осиповой к Пушкину 6 января 1837 г.

...возмутительно ревнивый муж... — Дантес писал Геккерну 20 января 1836 г.: «Всего ужаснее в моем поло-

жении то, что она тоже любит меня, и мы не можем видеться до сих пор, так как муж бешено ревнив» (Звенья. Т. 9. С. 173–174).

232 *...Жоржа надо было непременно женить.* — Имеются в виду слухи о гомосексуальных отношениях Геккерна и Дантеса. Об этом писал А.И. Тургенев П.А. Вяземскому, сообщая 4(16) августа 1837 г. из Киссингена о своих беседах с вел. кн. Марией Павловной (Веймарской): «Об отношениях еѳо <Дантеса> к Геккерну и она слышала; но не могла объяснить мне их; и я о главном должен умолчать» (Литературное наследство. Т. 58. С. 148).

233 *...это дело задумано гораздо раньше.* — Из письма В.А. Жуковского к Пушкину 11–12 ноября 1836 г.

«Итак, все концы в воду». — Щеголов. С. 102.

...вы сыграли все трое такую роль... — В черновом варианте январского письма Пушкин дважды упомянул Екатерину Николаевну Геккерн (Гончарову) как соучастницу интриги.

234 *...тон которых так удивлял Щеголева.* — (Щеголов. С. 115).

...Андрей Карамзин старается разгадать тайны женитьбы Дантеса. — 21 ноября 1836 г. старшая дочь Н.М. Карамзина Софья писала брату Андрею: «Публика удивляется, но так как история с письмами (анонимным пасквилем) мало кому известна, объясняет этот брак очень просто. Один только Пушкин своим взволнованным видом, своими загадочными восклицаниями, обращенными к каждому встречному, и своей манерой обрывать Дантеса и

избегать его в обществе добьется того, что возбудит подозрения и догадки. Вяземский говорит, «что он выйдет обиженным за жену, так как Дантес больше за ней не ухаживает»... Это какая-то непрестанная комедия, смысл которой никому хорошенько не понятен; вот почему Жуковский так смеялся твоему старанию разгадать его, попивая кофе в Бадене» (Пушкин в письмах Карамзиных. С. 139, 148).

234 ...*(см. дневник А.И. Тургенева)*. — А.И. Тургенев записал в дневнике 10 января 1837 г. о приезде к кн. Мещерской-Карамзиной шаферов со свадьбы Дантеса (Щеглов. С. 285–286).

...Дантес считал карамзинский дом почти родным... — Имеется в виду письмо Андрея Карамзина к брату Александру от 26 июня (8 июля) 1837 г., в котором он описывает свою встречу с Дантесом в Баден-Бадене: «Со слезами на глазах говорил он о поведении вашем... в отношении к нему и несколько раз повторял, что оно глубоко огорчило его... “Ваше семейство, которое я сердечно уважал, ваш брат в особенности, которого я любил, которому доверял, покинул меня, стал моим врагом, не желая меня выслушать и дать мне возможность оправдаться, — это было жестоко, это было дурно с его стороны” — и в этом, Саша, я с ним согласен, ты нехорошо поступил» (Пушкин в письмах Карамзиных. С. 404).

235 ...*называла Дантеса только черепицей, которая упала на голову*. — В.Ф. Вяземская писала в Москву после дуэли: «В среду 27-го числа, в половине 7-го часа пополудни, мы получили от г-жи Геккерн ответ на записку, написанную моей дочерью. Обе дамы виделись сегодня утром. Ее муж сказал, что он будет арестован. Мари

попросила разрешения у его жены навестить ее, если это случится. На вопрос моей дочери в этом отношении г-жа Геккерн ей написала: «Наши предчувствия оправдались. Мой муж только что дрался с Пушкиным; слава Богу, рана совсем не опасна, но Пушкин ранен в поясницу. Поезжай утешить Натали... Что же касается фатального героя этой фатальной истории, предоставим его также самому себе. Мне было бы тяжело говорить вам о нем подробно. Он убил Пушкина, чтобы не быть самому убитым, это правда. Но черепица, падающая на дорогое нам существо, не стоит того, чтобы я тщательно ее сохраняла; я ее удалила бы из поля своего зрения. Мы делаем так же. Для меня было невозможно посетить убийцу друга, тем более что ничто не вызывает интереса к нему. Он ранен легко; он женат на женщине, которую никто ему не предлагал (она его выбор); она выбрана им или, по крайней мере, его приемным отцом; они богаты и не подвержены строгости закона, так что они спокойны (за себя)» (Новый мир. 1931. № 12. С. 189, 193).

235 *Бартенев* Юрий Никитич (1792–1866) — директор училищ Костромской губернии, чиновник почтового ведомства, литератор, знакомый Пушкина.

Тот, кто был его моральным убийцей... — Из письма П.А. Вяземского к Э.К. Мусиной-Пушкиной 16 февраля 1837. В «Русском архиве» (1900. № 3. С. 391), где напечатано это письмо, дан более понятный и объясняющий смысл перевод этой фразы, по существу снимающий недоуменный вопрос Ахматовой: «Как надо понимать эту страшную фразу?» (вырванную из контекста). В «Русском архиве» переведено: «Кто всем своим поведением был уже убийцей Пушкина, а теперь и в действительности застрелил его».

236 ...заявив при двух свидетелях, д'Аршиаке и Данзасе... — П.Е. Щеголев пишет: «Ровно в час дня <27 января> Пушкин вышел из дома и пошел пешком до извозчика. В условленное время... в условленном месте, он встретился с К.К. Данзасом, посадил его в свои сани и повез во французское посольство к д'Аршиаку. Прибыв к д'Аршиаку, Пушкин... обращаясь к Данзасу... начал рассказывать ему все, что происходило между ним, Дантесом и Геккерном. В следственной комиссии Данзас следующим образом изложил содержание разговора у д'Аршиака: «Александр Сергеевич Пушкин начал объяснение свое у д'Аршиака следующим: «Получив письма от неизвестного, в коих он виновником почитал нидерландского посланника...» (Щеголев. С. 147–148).

...«Истина сильнее царя» (в письме Толю)... — В письме генерал-адъютанту Карлу Федоровичу Толю (1777–1842), участнику швейцарского похода Суворова и Отечественной войны, написанном 26 января 1837 г., Пушкин благодарил за благожелательный отзыв об «Истории Пугачевского бунта» и выделил мнение Толя об оклеветанном современниками генерале И.И. Михельсоне: «Гений с одного взгляда открывает истину, а истина сильнее царя, говорит Священное Писание». Пушкин имеет в виду следующее: «И истина велика и сильнее всего. Вся земля взывает к истине, и небо благословляет ее, и все дела трясутся и трепещут пред нею. И нет в ней неправды. Неправедно вино, неправеден царь, неправедны женщины, несправедливы все сыны человеческие и все дела их таковы, и нет в них истины» (Библия 2. Езд. 4. 35–37).

...«правды своей в сердце своем»... — 31 января 1837 г. А.И. Тургенев записывает в дневнике: «Зашел

к Пушкину. Первые слова, кои поразили меня в чтении Псалтыри: «Правду Твою не скрыв в сердце Твоем». Конечно, то, что Пушкин почитал *правдою*, т.е. злобу свою и причины оной к антагонисту, — он не скрыв, не угомонился в сердце своем и погиб» (Щегелев. С. 292). 1 февраля Тургенев писал А. Нефедьевой: «Вчера, входя в комнату, где стоял гроб, первые слова, кои поразили меня при слушании Псалтыри, который читали над усопшим, были следующие: «Правду Твою не скрыв в сердце Твоем». Эти слова заключают в себе всю загадку и причину его смерти: то есть то, что он почитал правдою, что для него, для сердца его казалось обидою, он не скрыв в себе, не укротил в себе, — а высказал в ужасных и грозных выражениях своему противнику — и погиб!» (Пушкин и его современники. Вып. 6. С. 67). Речь идет о тексте Псалтыри: «Правды Твоей не скрывал в сердце моем, возвещал верность Твою и спасение Твое, не утаивал милости Твоей и истины Твоей пред собранием великим» (Псалом 39, стих 11).

236 «*О них позаботится государь, он знает все мое дело*»... — «Встретившись за несколько дней с баронессой Вревской в театре, Пушкин сам сообщил ей о своем намерении искать смерти. Тщетно та продолжала его успокаивать, как делала то при каждой с ним встрече, Пушкин был непреклонен. Наконец, она напомнила ему о детях его. — Ничего, — раздраженно отвечал он, — император, которому известно все мое дело, обещал мне взять их под свое покровительство...» (Семевский М.И. К биографии Пушкина // Русский вестник. 1869. № 11–12. С. 41).

В письме к сестре Николай I... — Речь идет о письме Николая I от 3 февраля 1837 г. не к сестре, а к брату Михаилу Павловичу: «Это происшествие возбудило тьму

толков, наибольшею частью самых глупых, из коих одно порицание поведения Геккерена справедливо и заслуженно, он точно вел себя как гнусная каналья. Сам сводничал Дантесу в отсутствие Пушкина, уговаривал жену его отдаться Дантесу, который будто к ней умирал любовью, и все это тогда открылось, когда после первого вызова на дуэль Дантеса Пушкиным, Дантес вдруг посватался на сестре Пушкиной; тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведения обоих, быв во всем совершенно невинна» (Щегелев. С. 469).

<ДВЕ ВЕРСИИ>

Впервые — ВЛ. 1973. № 3. С. 228—229. Печ. по автографу РНБ.

<ПУШКИН В СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКЕ КАРАМЗИНЫХ>

Впервые — ВЛ. 1973. № 3. С. 194. Извлечение из рукописи незавершенной книги Ахматовой «Гибель Пушкина»; публикация Э.Г. Герштейн. Высказанная Ахматовой гипотеза о роли салонов Карамзиных в преддуэльной истории Пушкина была еще при ее жизни подтверждена публикацией Н.С. Боташева, инженера-краеведа из Тагила, теткой которого Е.В. Боташевой были обнаружены и приобретены для краеведческого музея письма из собрания Авроры Демидовой (урожд. Шернваль, во втором браке Карамзиной с Андреем Карамзиным). См.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1960. Печ. по автографу РНБ.

<«МОЯ РОДОСЛОВНАЯ»>

Впервые — ВЛ. 1973. № 3. С. 191—192; публикация Э.Г. Герштейн под загл. «Неизданная статья Анны Ахматовой о гибели Пушкина». Печ. по черновой рукописи (РНБ).

В мае 1957 г. в план книги о гибели Пушкина был включен пункт о «Моей родословной» с пояснением: «Отношение общества к Пушкину». Мысль эта раскрывается в заметке, написанной Ахматовой 17 апреля 1949 г. (ВЛ. С. 191).

Ахматова развивает мысль М.Ю. Лермонтова, впервые прозвучавшую в стихотворении «Смерть поэта»:

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!

245 *«Ответ Булгарину..»* — Имеется в виду стихотворение «Моя родословная», написанное 3 декабря 1830 г. в ответ на выпады официозного критика Ф. Булгарина. При жизни Пушкина напечатано не было, однако разошлось в списках, и автор был вынужден обратиться с письмом к шефу жандармом Бенкендорфу (24 ноября 1831 г.), что свидетельствует о том, что Пушкин давал себе отчет в общественном резонансе стихотворения: «Около года тому назад в одной из наших газет была напечатана сатирическая статья, в которой говорилось о некоем литераторе, претендующем на благородное происхождение, в то время как он лишь мещанин в дворянстве. К этому было

прибавлено, что мать его — мулатка, отец которой бедный негритенок, был куплен матросом за бутылку рома. Хотя Петр Великий вовсе не похож на пьяного матроса, это достаточно ясно указывало на меня, ибо среди русских литераторов один я имею в числе своих предков негра. Ввиду того, что вышеупомянутая статья была напечатана в официальной газете и непристойность зашла так далеко, что о моей матери говорилось в фельетоне, который должен был бы носить чисто литературный характер, и так как журналисты наши не дерутся на дуэли, я счел своим долгом ответить *анонимному* сатирику, что я и сделал в стихах, и при том очень круто. <...> Несколько списков моего ответа пошло по рукам, о чем я не жалею, так как не отказываюсь ни от одного его слова. Признаюсь, я дорожу тем, что называют предрассудками; дорожу тем, чтобы быть столь же хорошим дворянином, как и всякий другой, хотя от этого мне выгоды мало; наконец, я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них.

Однако в виду того, что стихи мои могут быть приняты за косвенную сатиру на происхождение некоторых известных фамилий, если не знать, что это очень сдержанный ответ на заслуживающий крайнего порицания вызов, я счел своим долгом откровенно объяснить Вам, в чем дело, и приложить при сем стихотворение, о котором идет речь» (П у ш к и н, 10. С. 242).

246 *Слова эти были написаны...* — Далее Ахматова цитирует анонимную записку, приведенную в книге Щеголева, и, как установлено позже Н. Эйдельманом, принадлежавшую барону Гервесу, сменившему Геккерна в голландском посольстве.

НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВНА

Впервые — фрагменты 6—8 в ВЛ. 1973. № 3. С. 203—204; публ. Э.Г. Герштейн. Печ. по указанному изданию. Фрагменты 1—5 печ. по автографам и черновым рукописям из собрания Д.Л. Файнберга.

Фрагменты изначально записывались как части единой книги «Гибель Пушкина». В последние годы жизни Ахматова стремится локализовать проблематику исследования, выделив из него фрагменты «Наталья Николаевна», «Моя родословная», «Пушкин в семейной переписке Карамзиных», «Строгановы» и др. Это ее намерение объяснялось и интересом к фрагменту, как форме современной прозы, и опасением не успеть реализовать грандиозный замысел, отсюда и заглавие «Страницы из книги “Гибель Пушкина”». Страницы из незавершенной главы «Наталья Николаевна» Ахматова не раз читала друзьям.

<1>

247 *Дан<тес> уже летом рассказывал о своем флирте...* — Благодаря протекции Луи Геккерн, Дантес вошел в великосветское петербургское общество и был принят при дворе. Во второй половине 1836 г. стал открыто ухаживать за Н.Н. Пушкиной, что вскоре стало предметом сплетен. Отношения резко обострились после получения Пушкиным 2 ноября 1836 г. анонимного пасквиля, или «диплома рогоносцев».

Н.Н. — *Пушкина* Наталья Николаевна (урожд. Гончарова; 1812—1863), жена Пушкина с 18 февраля 1831 г. В первые же годы семейной жизни между супругами уста-

новились сердечные и доверительные отношения. 21 августа 1833 г. Пушкин писал жене: «С твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете, — а душу твою люблю еще более твоего лица. Наталии Николаевне адресованы стихотворения «Мадонна» (1830), «Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...» (1831), «Пора, мой друг, пора...» (1834). Известно 78 писем Пушкина к жене, письма Наталии Николаевны не найдены. Ахматова надеялась, что они хранятся в Румянцевском музее, что, однако, не подтвердилось. О личности Наталии Николаевны сохранились многочисленные и разноречивые свидетельства современников, вызвавшие «суд» потомков, в большинстве своем склонных винить ее в гибели Пушкина. В их ряду оказалась и Ахматова, резко и нелицеприятно характеризующая Пушкину-Гончарову. О невинности жены Пушкин говорил в преддверные и предсмертные дни. Опубликованные в 1964 и 1970 гг. письма (1830—1836) Пушкиной к брату Д.Н. Гончарову свидетельствуют о ее незаурядных душевных качествах и участии в литературных делах мужа.

248 Не пустила в дом (Н. Пушкину)... — Пушкина Надежда Осиповна (урожд. Ганнибал; 1775—1836) — мать поэта. Речь идет о ее предсмертной болезни, вызвавшей толки. Пушкин по этому поводу писал П.А. Осиповой (Из Петербурга в Тригорское, конец октября 1835): «...я еще с огорчением вижу, что бедная моя Натали стала мишенью для несправедливости света. Повсюду говорят: это ужасно, она так наряжается, в то время как ее свекру и свекрови есть нечего и ее свекровь умирает у чужих людей. Вы знаете, как обстоит дело. Нельзя, конечно, сказать, чтобы человек, имеющий 1200 крестьян, был нищим. Стало быть, у отца моего кое-что есть, а у меня нет ничего. Во всяком

случае. Натали тут ни при чем, и отвечать за нее должен я. Если бы мать моя решила поселиться у нас, Натали, разумеется, ее бы приняла. Но холодный дом, полный детворы и набитый гостями, едва ли годится для больной» (Пушкин, 10. С. 553–554. Пер. с фр.).

248 ...привезла против желания мужа сестер... — Екатерина Николаевна (1809–1843) с 30 сентября 1834 г. — у Пушкиных, с 6 декабря 1834 г. — фрейлина, с 10 января 1837 г. — жена Дантеса. *Александрина* — Александра Николаевна (1811–1891) с 30 сентября 1834 г. — у Пушкиных, с 1852 г. — жена барона А.Н. Фризенгофа, австрийского дипломата. Умерла в Словакии в замке Фризенгофов (Бродяны). Ахматова отрицала в своей работе «Александрина» версию об интимных отношениях Пушкина со свояченицей, однако резко отрицательно относилась к Александрине за ее, как она считала, невнимание к наследию Пушкина и дружеские отношения с семьей Дантеса, наезжавшей в Бродяны. Существует версия о встрече и примирении Наталии Николаевны с убийцей мужа в Бродянах. Когда обсуждался вопрос о переезде сестер в Петербург, к Пушкиным, поэт писал жене: «Если ты в самом деле вздумала сестер своих сюда привезти, то у Оливье оставаться нам не возможно: мест нет. Но обеих ли ты сестер к себе берешь? эй, женка! смотри... Мое мнение: семья должна быть одна под одной кровлей: муж, жена. дети — покаместь малы; родители, когда уже престарелы. А то хлопот не наберешься, и семейственного спокойствия не будет». И ранее: «Охота тебе думать о помещении сестер во дворец. Во-первых, вероятно откажут; а во-вторых, коли и возьмут, то подумай, что за скверные толки пойдут по свинскому Петербургу. Ты слишком хороша, мой ангел, чтобы пускаться в

просительницы. Погоди; овдоеешь, постареешь — тогда, пожалуй, будь салопницей и титулярной советницей. Мой совет тебе и сестрам быть подале от двора; в нем толку мало. Вы же не богаты» (Н.Н. Пушкиной. 14 июля и 11 июня 1834 г. из Петербурга в Полотняный завод. П у ш к и н, 10. С. 490).

248 (Нащ<окин>). — П.В. Нащокин писал Пушкину из Москвы в Петербург в январе 1832 г.: «Ножкой топать от нетерпения Наталья Николаевна перестала ли, несмотря что это должно быть очень к лицу?»

...прося жену позволить Брюллову написать ее портрет... — В письме жене от 4 мая 1836 г. Пушкин писал: «Неужто не будет у меня твоего портрета, им писанного? невозможно, чтоб он, увидя тебя, не захотел срисовать тебя; пожалуйста, не прогони его, как прогнала ты пруссака Криднера» (П у ш к и н, 10. С. 575). Однако К. Брюллов портрета не написал. Это сделал его брат А.П. Брюллов.

...как прогнала ты Пруссака Криднера. — Речь идет о художнике Клиндере (Клюндер) Александре Ивановиче (1802—1875), авторе портретов Е.А. Баратынского, М.Ю. Лермонтова и др. Был приглашен писать портрет Н.Н. Пушкиной, но она по каким-то причинам отказалась позировать.

249 ...требовала у него деньги... — В воспоминаниях А. Панаевой приведен эпизод, к которому отсылает Ахматова: «Я Вас для того призвала к себе, — сказала она <Н.Н.>, — чтобы Вам объявить <...> В шесть часов принесете деньги, тогда получите рукопись» (цит. по: В е р е с а е в, 2. С. 123).

<2>

249 ...завела роман с Муравьевым-Святым... — Муравьев Андрей Николаевич (1806—1874) — поэт, писатель, автор книги «Путешествие по святым местам», был близок к Святейшему Синоду. Как-то на вечере у Зинаиды Волконской отломал руку у гипсовой фигуры Аполлона, после чего написал на статуе стихи, объясняющие, «что хотел померяться» с Аполлоном. Пушкин ответил эпиграммой:

Лук звенит, стрела трепещет,
И клубясь издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.

Эпиграмма была напечатана в «Московском вестнике» (1827, № 6) и вызвала ответную эпиграмму Муравьева:

Как не злиться Митрофану —
Аполлон обидел нас:
Посадил он обезьяну
В первом месте на Парнас.

(Вересаев, 1. С. 223).

АЛЕКСАНДРИНА

Впервые — Звезда. 1973. № 2. С. 208—214, публикация Э.Г. Герштейн. Сверено с рукописью и авторизованной машинописью из коллекции Д.Л. Файнберга (архив

ты, не был осуществлен. Новому поколению пушкинистов предстоит большая и трудоемкая работа по изучению и систематизации ахматовской «Пушкинианы», когда для исследователей в полной мере будет доступен фонд Ахматовой в РНБ. В настоящее время большинство материалов находится в реставрации или на особом режиме хранения по причине их ветхости.

254 *...закрывает свое лицо и отвращает его от дома Пушкиных...* — Пушкин в письмах Карамзиных. С. 165.

...Дантес шутя называл трех сестер Гончаровых пушкинским гаремом. — Из памятных записок Н.М. Смирнова // Русский архив. 1882. № 1. С. 233.

256 *...теперь у него их целых три.* — Пушкин и его современники. СПб., 1914. Вып. 17–18. С. 168.

...из-за ревности Пушкина к Александрине... — «Рассказ кн. А.В. Трубецкого об отношениях Пушкина к Дантесу». Запись сделана В.А. Бильбасовым в 1887 г. в Павловске и отпечатана в количестве 10 экз. Перепечатана у П.Е. Щеголева (С. 418–425). Версию о связи Пушкина с Александриней Трубецкой услышал от Идалии Полетики. Еще до знакомства с Пушкиным Александра «знала наизусть все стихотворения будущего бо-фрэра и была влюблена в него заочно».

257 *Очень скоро об этом заговорили бы (с подробностями из Декамерона)...* — В рассказе кн. Трубецкого приведен эпизод с поцелуем Дантеса и Натальи Николаевны. Ср. эпизод с поцелуем в «Декамероне» Боккаччо (Пушкин, 10. С. 7).

259 ...фольклорной истории с углем, лампой, свечкой, печкой и т.д. — Трубецкой предложил свою версию сватовства Дантеса, будто бы с его слов: «...небольшая записочка, в которой Натали извещает Дантеса, что она передала мужу, как Дантес просил руки ее сестры Кати, что муж со своей стороны тоже согласен на этот брак. ...На другой день все разъяснилось. Накануне, возвратясь из города и увидев в гостиной жену с Дантесом, Пушкин не поздоровался с ними и прошел прямо в кабинет; там он намазал сажей свои толстые губы и, войдя вторично в гостиную, поцеловал жену, поздоровался с Дантесом и ушел, говоря, что пора обедать. Вслед за тем и Дантес простился с Natali, причем они поцеловались, и, конечно, сажа с губ перешла на губы Дантеса. Когда Дантес столкнулся в передней с Пушкиным, который, очевидно, поджидал его выхода, он заметил пристальный взгляд и язвительную улыбку, — это Пушкин высмотрел следы сажи на губах Дантеса.

Взбешенный Пушкин бросился к жене и сделал ей сцену, приводя сажу в доказательство. Natali не знала, что отвечать, и, застигнутая врасплох, солгала: она сказала мужу, что Дантес просил у нее руки Кати, что она дала свое согласие, в знак чего и поцеловала Дантеса, но что поставила свое согласие в зависимости от решения Пушкина. Тотчас же, под диктовку Пушкина, была написана Наташей та записочка к Дантесу, которая так удивила и Дантеса и меня» (Цит. по: Щеглов. С. 391—392).

Катерина пишет мужу о том, как Идалия рыдала, узнав об его отъезде... — «Idalie приходила вечером на минутку с мужем; она в отчаянии, что не простилась с тобою; говорит, что в этом виноват Бетанкур: в то время, когда она собиралась идти к нам, он ей сказал, что уже будет поздно, что ты, по всей вероятности, уехал; она не могла

утешиться и плакала как безумная» (Щеголев. С. 337–338).

259 *...называла его извергом, рифмоплетом...* — Бартенева П.И. Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1911. № 1. С. 171–176.

...о тираже посмертного издания, якобы не оправдавшего надежд... — И. Полетика писала Екатерине Николаевне Геккерн: «Прекрасное рвение к распространению произведений покойного ужасно замедлилось; вместо того, чтобы принести пятьсот тысяч рублей, они не принесли и двухсот тысяч» (Звенья. Т. 9. С. 180). В самом деле, к ноябрю 1838 г. подписка на Собрание сочинений дала 262 тысячи дохода.

260 *...сторожил Ланской, который в действительности был не то в Ростове, не то в Воронеже.* — См.: Яшин М. Хроника преддвуэльных дней // Звезда. 1963. № 9. С. 174.

261 *...только бы с Дантесом ничего не случилось.* — С.Н. Карамзина писала брату Андрею 2 февраля 1837 г.: «В нашем обществе у Дантеса находится немало защитников, а у Пушкина — и это куда хуже и непонятней — немало злобных обвинителей. Их отнюдь не смягчили адские страдания, которые в течение трех месяцев терзали его пламенную душу, к несчастью, слишком чувствительную к обидам этого презренного света, и за которые он отомстил в конце концов лишь самому себе: умереть в тридцать семь лет, и с таким трогательным, с таким прекрасным спокойствием! Я рада, что Дантес совсем не пострадал и что, раз уже Пушкину суждено было стать жертвой, он стал жертвой единственной: ему выпала самая прекрас-

ная роль, и те, кто осмеливаются теперь на него нападать, слишком походят на палачей» (Пушкин в письмах Карамзиных. С. 171). С.Н. Карамзина возвращается к той же теме 10 февраля. Она пишет о Наталье Николаевне: «На нее по-прежнему тяжело смотреть, но она стала спокойней и нет более безумного взгляда. К несчастью, она плохо спит и по ночам пронзительными криками зовет Пушкина: бедная, бедная жертва собственного легкомыслия и людской злобы! Дантеса будут судить в Конной гвардии; мне бы хотелось, чтобы ему не было причинено ничего дурного и чтобы Пушкин остался единственной жертвой» (там же. С. 175–176).

261 ...*один из братьев Гончаровых...* — Гончаровы: Дмитрий Николаевич (1808–1860), Иван Николаевич (1810–1881). Отношения братьев с Пушкиным не были близкими, благосклонно относились к Дантесу.

262 ...*Александрина больше огорчена, чем вдова.* — См. письмо Е. Вревской мужу 9 сентября 1837 г. (Пушкин и его современники. СПб., 1914. Вып. 19–20. С. 110).

...*«Мне остается просить Бога не отнимать у меня память...»* — О смерти сына С.А. Пушкин узнал от поэта И.И. Дмитриева. Несмотря на холодность отношений Пушкина с отцом, смерть сына произвела глубокое впечатление на Сергея Львовича. Е.А. Баратынский в письме Вяземскому 5 февраля 1837 г. сообщал, что он «навестил отца в ту самую минуту, как его уведомили о страшном происшествии. Он, как безумный, долго не хотел верить. Наконец, на общие, весьма неубедительные увещания сказал: «Мне остается одно: молить Бога не отнять у меня памяти, чтоб я его не забыл». Это было произнесено с раздираю-

щей душу ласковостью» (Старина и новизна. 1900. № 3. С. 341—342).

262 *...иначе Александрина не могла бы стать фрейлиной...* — А.Н. Гончарова была назначена фрейлиной императрицы указом от 1 января 1839 г.

263 *Фризенгоф* Густав Виктор Фогель, барон (1807—1889) состоял при австрийском посольстве в Петербурге, вторым браком женат (1852) на Александре Николаевне Гончаровой.

В.Ф. Вяземской... мы совсем не обязаны верить. — П.И. Бартенев писал П.Е. Щеголеву 2 апреля 1911 г.: «Княгиня Вяземская сказывала мне, что раз, когда она на минуту осталась одна с умирающим Пушкиным, он отдал ей какую-то цепочку и попросил передать ее от него Александре Николаевне. Княгиня исполнила это и была очень изумлена тем, что Александра Николаевна, принимая этот заgrabный подарок, вся вспыхнула, что и возбудило в княгине подозрение». В письме 14 декабря 1911 г. Бартенев сообщал Щеголеву категорически: «что он (Пушкин) был в связи с Александрой Николаевной, об этом положительно говорила мне княгиня Вера Федоровна» (Щеголев. С. 430).

265 *...которых Жуковский называет овечками...* — в письме Пушкину 14—15 октября 1836 г. (Пушкин, 16. С. 187).

...флирт с А. Россетом. — С.Н. Карамзина писала 18/30 октября 1836 г. брату: «Как видишь, мы вернулись к нашему городскому образу жизни, возобновились наши вечера, на которых с первого же дня заняли свои привычные места Натали Пушкина и Дантес, Екатерина Гончарова рядом с Александром <Карамзиным>, Александрина —

с Аркадием <Россетом>, к полуночи Вяземский и один раз, должно быть по рассеянности, Виельгорский, и милый Скалон, и бестолоковый Соллогуб, и все по-прежнему, а только нет Андрея, а потому все побесцветнее» (Щегелев. С. 120).

265 ...чтобы восстановить мир в семье. — Пушкин писал А.А. Бобринскому 6 января (по-французски): «Мы получили следующее приглашение от имени графини Бобринской: г-н и г-жа Пушкины и ее сестра и т.д. Отсюда страшное волнение среди моего бабья (как выражается Антикварий В. Скотта): которая? Предполагая, что это попросту ошибка, беру на себя смелость обратиться к вам, чтобы вывести нас из затруднения и водворить мир в моем доме».

266 *Амалия*. — Крюднер Амалия Максимилиановна (урожд. Лерхенфельд; 1810—1887). Великосветская знакомая П.А. Вяземского, А.И. Турчанова, Пушкина. О.Н. Смирнова оставила запись: «Однажды, воротясь с бала, на котором Н.Н. Пушкина вообразила, что муж ее ухаживает за т-м Крюднер (что было совершенно несправедливо). Она дала ему пощечину, о чем он, смеясь, рассказывал Вяземскому, говоря, что “у его Мадонны рука тягеленька”» (Вересаев, 2. С. 105)

Она одевала к венцу Коко... — С.Н. Карамзина в письме 12 января 1837 г. к брату Андрею свидетельствует, что Е.И. Загряжская присутствовала при одевании Екатерины Гончаровой к венцу и «устроила сцену» С.Н. Карамзиной, «излив всю желчь, накопившуюся у нее за целую неделю» (Пушкин в письмах Карамзиных. С. 152).

...в письме Геккерн к Дантесу о том, что он запретил Коко писать тетке... — 20 марта 1837 г. Геккерн пи-

сал Дантесу, что тетка (Е.И. Загряжская — «сварливая и упрямая личность; но я употребил в дело свой авторитет и запретил твоей жене проводить целые дни за письмами к ней, лишь бы удовлетворить ее любопытство, потому что ее заботы и расположение — только одно притворство» (Щеголов. С. 344–345).

268 *...заботы о библиотеке и бекеше...* — Речь идет о библиотеке Пушкина и о бекеше, в которой он стрелялся на дуэли.

...письма Александрины к брату Дмитрию... — См.: Звезда. 1964. № 8. Полнее опубликованы в кн.: Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. Неизвестные письма Н.Н. Пушкиной и ее сестер Е.Н. и А.Н. Гончаровых. М., 1975.

Брат Дмитрий — см. коммент. к с. 541.

269 *В замке Александрины в столовой до самой войны 1940 года висел портрет Дантеса.* — См.: Раевский Н.А. В замке А.Н. Фризенгоф-Гончаровой// Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1962. Т. 4; ср.: Раевский А.Н. Портреты заговорили. Алма-Ата, 1974.

...так трагически погибшей... — Е.Н. Геккерн-Гончарова умерла 13 октября 1843 г. от послеродовой горячки.

270 *...(см. воспоминания Араповой).* — «Александра Николаевна рассказывала мне, что его (Дантеса) осведомленность относительно их прогулок или выездов была прямо баснословна и служила темой постоянных шуток и догадок сестер. Раз даже дошло до пари. Как-то утром пришла внезапно мысль поехать в театр. Достав ложу,

Александра Николаевна заметила: — Ну, на этот раз Геккерн (Дантес) не будет! Сам не догадается, и никто подсказать не может. — А тем не менее мы его увидим! — возразила Екатерина Николаевна, — всякий раз так бывает, давай пари держать! — И на самом деле, не успели они занять свои места, как блестящий офицер, звеня шпорами, входил в партер» (Новое время. Прил. 1907. № 11. С. 416).

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА РАДИОМИТИНГЕ в г. ПУШКИНЕ 11 ИЮНЯ 1944 года

Впервые — Нева. 1971. № 6. Печ. по указанному изданию.

<ПУШКИН И ДЕТИ>

Впервые — Литературная газета. 1974. 1 мая. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 104).

В 1945 г. Ахматова писала Н.А. Ольшевской-Ардовой: «10 февраля на пушкинском вечере мой голос прочтет по телевидению три стихотворения о Пушкине, а Володя Рецептер — кусочек моей прозы о нем». Сохранился текст телевизионной записи, сделанной 9 февраля 1965 г.

СЛОВО О ПУШКИНЕ

Впервые — Звезда. 1962. № 2. С. 171–172 (к 125-летию со дня смерти А.С. Пушкина). Печ. по указанному изданию.

274 *...свой труд о дуэли и смерти Пушкина...* — Речь идет о книге литературоведа Павла Елисеевича Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», вышедшей в 1916 и 1917 гг. двумя изданиями и положившей начало изучению

политической биографии поэта (3-е изд.: М.; Л., 1928). Переиздана к 200-летию со дня рождения Пушкина с публикацией материалов «Из нидерландских архивов» и содержащих новые сведения об отношениях барона Геккерна с Жоржем Дантесом и их продуманном корыстном интриганстве против Пушкина и его супруги, переведенные и прокомментированные Я.Л. Левкович, документально подтверждающие интуитивные прозрения Ахматовой. Материалы хранились в архивах Нидерландов, а ныне их копии переданы Пушкинскому Дому.

274 ...«свинский»... — В письме к жене (ок. 29 мая 1834 г.) Пушкин писал: «Ты разве думаешь, что свинский Петербург не гадок мне? что мне весело в нем жить между пасквилями и доносами?»

276 ...*aere perennius* — прочнее (вековечнее) меди (лат.). Выражение из оды Горация, (III, 30), написанной в 23 г. до н.э. Впервые переведена Ломоносовым. Наиболее известные подражания на эту тему — Державина и Пушкина («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»).

ЛЕРМОНТОВ

ВСЕ БЫЛО ПОДВЛАСТНО ЕМУ

Впервые — Литературная газета. 1964, 15 октября; с изменениями — «День поэзии». Л., 1965. С. 265—266. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 112).

Написано в первых числах октября, когда в Советском Союзе широко отмечалось 150-летие со дня рождения Лермонтова, связано с воспоминаниями о времени, проведенном в Кисловодске, в санатории Цекубу (Централь-

ная комиссия по улучшению быта ученых) в июне—июле 1927 г. «У меня в Кисловодске был роман... с Лермонтовым (Л у к н и ц к и й, 2. С. 281). Одновременно с Ахматовой в санатории отдыхали Качалов, Станиславский, Ершов: «С Качаловым? Шамуриным? подошла к Нарзану, к источнику. Он не лился... Махнула рукой и с мрачным спокойствием сказала: «Ну, пойдите отсюда, а то он совсем засохнет...» (т а м ж е). Ахматова разделяла бытующее романтизированное убеждение о том, что лермонтовские даты и лермонтовские места связаны с роковыми событиями. Тогда же, по записи Лукницкого: «Станиславский предлагал написать пьесу. А когда отказалась — предложил перевести пьесу. Тоже отказалась».

Мысль, выраженная в заглавии эссе о Лермонтове, получила развитие в беседе Ахматовой с Г. Адамовичем (Париж, конец июня 1965 г.): «...кто-то давно сказал, что у нас в России был только один поэт, которому иногда удавалось быть вне литературы, или над литературой, — Лермонтов» (А д а м о в и ч Г. Мои встречи с Анной Ахматовой. Альманах «Воздушные пути». Вып. 4. Нью-Йорк. 1967. С. 111).

279 *...все вокруг меня читали Лермонтова.* — Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) получил основательное домашнее образование, обладал обширными знаниями в области литературы и истории, свободно владел европейскими языками, стихи начал писать в детском возрасте. Два года учился в Благородном пансионе при Московском университете, затем на нравственно-политическом отделении Московского университета. Не окончив курса, поступил в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в Петербурге, по окончании кото-

рой в 1832 г. был определен в лейб-гвардии Гусарский полк, квартировавший в Царском Селе. Откликнулся на гибель Пушкина стихотворением «Смерть поэта», незамедлительно получившим всероссийскую известность и навлекшим царский гнев: последовали арест, военный суд и ссылка на Кавказ под горские пули. В январе 1838 г. хлопотами бабушки, Елизаветы Алексеевны Арсеньевой (урожд. Столыпина), был прощен, с правом вернуться в Петербург (уже будучи автором «Мцыри», «Демона», «Героя нашего времени», философской лирики), однако в свете, не простившем пафос стихотворения «Смерть поэта», был принят враждебно. За дуэль с сыном французского посла Э. Баранта 18 февраля 1840 г. был снова судим военным судом и выслан на Кавказ в Тенгинский пехотный полк, готовившийся к опасным военным операциям. Особо отличился в бою при реке Валерик, дважды представлялся к награде, однако ходатайство военного руководства было отклонено государем. В феврале 1841 г. после настойчивых просьб Арсеньевой получил разрешение на приезд в Петербург в надежде на отставку, но был вынужден вернуться на Кавказ, где был убит, по-видимому, на спровоцированной дуэли (у подножья горы Машук, 15 июля 1841 г.) приятелем, офицером Н.С. Мартыновым.

Трагическая судьба Лермонтова, блистательный талант и преследующий поэта рок вызывали к его творчеству повышенный интерес. В эпоху Серебряного века предпринимается попытка нового прочтения творчества, как уже стало очевидным, величайшего русского гения. Писатель и мыслитель В.В. Розанов, мучительно размышлявший над судьбами России, писал: Лермонтов мог бы присутствовать на открытии памятника Пушкину в Москве, рядом с седовласым Тургеневым, плечом к плечу — с Достоевским,

Островским. Какое предположение! Т.е. мы чувствуем, что будь это так, ни Тургенев, ни, особенно, Достоевский не удержали бы своего характера, и их литературная деятельность вытянулась бы в совершенно другую линию, по другому плану. В Лермонтове срезана была самая кронка нашей литературы, общее — духовной жизни, а не был сломен хотя бы и огромный, но только побочный сук. «Вечно печальная дуэль»; мы решаемся твердо это сказать, что в поэте таились эмбрионы таких созданий, которые совершенно в иную и теперь неразгадываемую форму вылили бы все наше последующее развитие. Кронка была срезана, и дерево пошло в сук^и» (Р о з а н о в В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М., 1996. С. 289).

М.А. Врубель всю жизнь рисовал лермонтовского Демона, Вс. Мейерхольд поставил знаменитый лермонтовский «Маскарад», память о генеральной репетиции которого (25 октября 1917 г.) сопровождала Ахматову всю ее жизнь. Лермонтов и его Демон присутствуют в тексте и подтексте «Поэмы без героя». В рабочих тетрадях сохранились фрагменты прозы, отчасти позволяющие понять контуры еще одного незавершенного замысла Ахматовой — работы о Лермонтове.

279 *И Лермонтов...* — начало строки из стихотворения «Кавказское» (июль 1927, Кисловодск) — на обороте л. 33 (РТ 112) с пометой: «Сюда начало. И Л<ермонто>ва кончилось изгнанье».

280 *Под луной кремнистый путь блестит...* — Из стихотворения «Выхожу один я на дорогу...» (1841).

Маркизова Луза — ироническое название части Финского залива.

280 *Белеет парус одинокой.* — Начальная строка стихотворения «Парус» (1832).

[Звезда с звездой говорит]... — Из стихотворения «Выхожу один я на дорогу...» (1841).

Пела русалка... — Из стихотворения «Русалка» (1832).

...сотая интонация. — Один из любимых Ахматовой, повторяющихся образов, ср.:

Пусть все сказал Шекспир, милее мне Гораций,
Он сладость бытия таинственно постиг...
А ты поймал одну из сотых интонаций,
И все недолжное случилось в тот же миг.
(Ты, верно, чей-то муж и ты любовник чей-то...)

В рабочих тетрадях (РТ 112) Ахматовой записана одна из «бродячих строф» к «Поэме без героя», сопровождавшая работу над ее эссе о Лермонтове:

«Отброшенная строфа из “Решки”:

А за тонкой стенкой, откуда
Я ушла, не дождавшись чуда,
В сентябре в ненастную ночь,
Все не спит сосед и бормочет,
Что теперь [после смерти] одного он хочет
Позабывать “про царскую дочь”»⁺.

Есть речи — значенье//Темно иль ничтожно... — Первая строка стихотворения (1840).

⁺ Будет он помнить про царскую дочь. Лерм<онтов>.

280 *«Маскарад»* — драма в 4-х действиях, в стихах (1835 г.).

В газетной публикации далее следовал текст: «И даже то, что принято считать недоступным для больших лириков — театр, — ему было подвластно». Возможно, фраза вписана по просьбе редакции «Литературной газеты». В том же юбилейном номере была опубликована статья Ю. Завадского, размышлявшего о специфике романтического театра: «“Маскарад”! трудно сказать где же, в сущности, в пьесе он, этот лермонтовский “Маскарад”. То ли это бытовой маскарад второй картины, где скрытые под маской люди интригуют, преследуют друг друга, где люди страшно преображаются, где обнаруживаются их бесстыдные страсти... Или это бал, где лица людей открыты, но сами-то они скованы ледяющим холодом светских условностей, где “Маскарад” и где истинная сущность человеческих отношений и человеческих характеров?» (Литературная газета. 1964. 15 октября).

281 *Я думал: в свете нет друзей!..* — Из стихотворения «К Д<урно>ву» (1829).

Готов на все для твоего спасенья!.. — Из стихотворения «Посвящение NN» (1829).

Врубель Михаил Александрович (1856—1910). — В своих знаменитых картинах варьировал образ лермонтовского Демона, иллюстрировал юбилейное издание поэта (1899 г.).

ЗАМЕТКА НА ПОЛЯХ

Впервые — Литературная газета. 1965. 16 марта. Печ. по указанному изданию.

282 Я уезжала из СССР... — Имеется в виду отъезд Ахматовой в Италию (1 декабря 1964 г.), где ей была вручена Международная литературная премия «Этна-Таормина» — «За 50-летие поэтической деятельности и в связи с недавним изданием в Италии сборника стихов».

Книга Эммы Герштейн «Судьба Лермонтова» — (М.: Сов. писатель, 1964) вышла в конце года. Эмма Григорьевна Герштейн (р. 1903) — филолог, публикатор работ Ахматовой о Пушкине, автор мемуаров. В рабочих тетрадях Ахматовой сохранились наброски, сопутствующие работе над статьей «Заметки на полях» и свидетельствующие о внимании, с которым она писалась. В эти дни Ахматова жила в Сокольниках у Л.Д. Большинцовой-Стенич, где ее 12 октября, т.е. когда статья уже была сдана в редакцию «Литературной газеты», навестила Герштейн. Ахматова была озабочена судьбой Эммы Григорьевны, друга Мандельштама и Льва Николаевича Гумилева, в связи с чем отношение официального литературоведения к ней было весьма неоднозначным. Так, несмотря на рекомендации И.Л. Андроникова и Ахматовой, Э.Г. Герштейн долгое время не принимали в Союз писателей СССР, членство в котором в то время открывало возможности печататься и давало определенные материальные привилегии. Вступление состоялось после выхода книги «Судьба поэта» по ходатайству Ахматовой перед крупным литературным чиновником, поэтом С.С. Наровчатовым.

283 Голицын Владимир Сергеевич (1794–1861) — князь, полковник, участник Отечественной войны 1812 г. Командовал кавалерией в осенней экспедиции 1840 г. в Чечне. По поводу участия Лермонтова в этой операции докладывал, что поэт действовал «всюду с отличною храбростью и знанием дела», проявив 30 октября во втором сра-

жении при реке Валерик «опыт хладнокровного мужества». Голицын представлял Лермонтова к награждению золотой саблей с надписью «За храбрость», однако фамилия была вычеркнута Николаем I из списка награжденных.

284 «Послание к Н.И. Бухарову» (1832) — Бухаров Николай Иванович (1799?—1862?) — полковник лейб-гвардии Гусарского полка, сослуживец Лермонтова, общий любимец и гуляка. В поместье Бухарова (Михалево, Псковской губернии) бывал Пушкин, знавший Бухарова с лицейских времен.

<ИЗ НАБРОСКОВ К СТАТЬЕ «ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ»>

Впервые — «Записные книжки». С 724—725. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 114).

286 (стр. 6), (стр. 15) — отсылают к страницам книги Э.Г. Герштейн «Судьба поэта».

О «западниках» и «славянофилах»... — Общественно-философские и литературно-критические течения в России. Идеи славянофильства, заявившие о себе в конце 1830-х гг., оформились уже после смерти Лермонтова, однако в его творчестве поэтизируются близкие славянофилам (И.В. и П.В. Киреевские, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, Н.М. Языков) идеи национальной самобытности России и ее народа.

...связан с лермонтовской трагедией А.Н. Голицын... — Здесь отсылка к молодому князю А.Н. Голицыну, предательски убитому на дуэли. Об этом убийстве писал Пушкин в «Замечаниях о бунте Пугачева»: «Князь Голицын, нанесший первый удар Пугачеву, был

молодой человек и красавец. Императрица отметила его в Москве на бале (в 1775) и сказала: “Как он хорош! Настоящая куколка”. Это слово его погубило. Шепелев (впоследствии женатый на одной из племянниц Потемкина) вызвал Голицына на поединок и заколол его, сказывают изменнически. Молва обвиняла Потемкина» (Пушкин, 9. С. 373–374). Подробно об истории дуэли Голицына с Шепелевым см.: Герштейн Э. Судьба поэта. С. 124–127.

286 ...важны сведения другого Голицына (А.Н.)... — Голицын Александр Николаевич (1773–1844), князь — министр духовных дел и просвещения при Александре I, лицо приближенное к Николаю I, занимал должность начальника почтового департамента. Соперничая с Бенкендорфом, параллельно перлюстрировал письма, главным образом Кавказского округа. По свидетельству Вяземского, А.Н. Голицын сравнивал убийство молодого екатерининского генерала с гибелью Лермонтова. Э.Г. Герштейн пишет: «Дворцовая» версия о причинах гибели Лермонтова находила, очевидно, тайное распространение. Отсюда купюры в рукописях и личной судьбе поэта, отсюда глухое молчание вместо написанной биографии писателя-классика» (Судьба поэта. С. 126).

287 «Поединок» Куприна... — Куприн Александр Иванович (1870–1938). Созданный на автобиографической основе роман «Поединок» обращен к событиям 1894 г., когда в русской армии специальным приказом были введены офицерские дуэли.

«Большой свет» Соллогуба... — В романе В.А. Соллогуба «Большой свет» среди персонажей, в ко-

торых легко угадывались прототипы современников, фигурирует Мишель Леонин, обнаруживавший внешнее сходство с Лермонтовым, о чем полемически пишет Герштейн.

ИЗ ДНЕВНИКОВ (1958–1966)

Ахматова не вела дневников в их традиционном смысле. Тем более интересны ее записи, отражающие историзм и ассоциативность мышления великого поэта XX века: это и сны, и деловые заметки, и бытовые факты, и размышления, и везде — неутомимо ищущая, напряженная творческая мысль. Записные книжки за семь лет сама она называла «Рабочими тетрадями», и действительно, в них получил отражение процесс работы над лиро-эпическими произведениями: элегиями, поэмами, драматическими произведениями, лирикой, прозой о «Поэме без героя», о Пушкине, автобиографической прозой, письмами. В них угадывается своеобразный жанр дневниковой записи, иногда так и обозначенной — «Из дневника». Как можно полагать, основной массив или россыпь этих ее заметок «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» представлены в фундаментальном издании «Записные книжки Анны Ахматовой», осуществленном РГАЛИ (Москва) совместно с итальянским издательством «Эйнауди» (Турин) научным коллективом: Н.Б. Кириленко, К.Н. Суворовой, В.А. Черных. Однако это малотиражное издание, тут же ставшее библиографической редкостью, ждет своего серьезного комментатора. А пока предлагаем вниманию читателя публикацию нескольких десятков записей, делавшихся иногда с большими перерывами, иногда день за днем, в редкие часы

радости, в горе и болезни, но неизменно выявляющие высоту духа, верность себе, душевную щедрость, то достоинство, которое отличало Ахматову.

Большее число записей впервые вошли в издание «Записные книжки Анны Ахматовой» и воспроизводятся по рабочим тетрадям (РГАЛИ). Хронологию и последовательность записей не всегда удалось установить.

Указываются все выявленные первые публикации.

<1>

Впервые — «Записные книжки». С. 6. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 97).

Одна из первых сохранившихся дневниковых записей. Х — часто Н.С. Гумилев. Первый комментатор записи В.А. Черных пишет: «Тульская улица -- осенью 1958 г. Ахматова жила у Ардовых в их временном пристанище на Малой Тульской улице. В их квартире на Большой Ордынке в это время шел ремонт» («Записные книжки». С. 6).

<2>

Впервые — «Записные книжки». С. 37–38. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 98).

291 Адмони Владимир Григорьевич (1909–1993) — филолог, поэт, давний друг Ахматовой, вспоминает: «Профессиональные толкователи снов, с которыми я связался через моих друзей, сказали, что этот сон однозначен и легко расшифровывается. И спуск по лестнице, и понимание незнакомого языка — мотивы, часто встречающиеся в снах и означающие, что видящий сон переживает освобождение от чего-то тяжелого, период подъема сил. Такое толкование вполне отвечает действительности. Этот сон выпал на дни, когда Ахматова выздоравливала от оче-

редной болезни. И завершает она свою запись тем, что потом все было хорошо — она выздоровела и уехала в Москву. Но, может быть, есть и одно более конкретное обстоятельство, составившее предпосылку того, что этот сон связан со мною. При нашей встрече в Ташкенте в 1942 году я читал Ахматовой не только мои новые (и старые) русские стихи, но и некоторые из моих пропагандистских немецких стихов — те, которые я считал лучшими. Читал и тут же переводил, потому что немецкий язык Ахматова позабыла и воспринимать его на слух ей было трудно. Но вдруг Ахматова сказала: «Нет, не надо переводить. Я не понимаю слов, но все же понимаю стихи. Целиком». А спуск по великолепной наружной лестнице — не отразилась ли здесь память о Камероновой галерее в Царском Селе, которая живет в поэзии Ахматовой и о которой мы часто говорили на рубеже 60-х годов (С и л ь м а н Т., А д м о н и В. Мы вспоминаем. СПб., 1993. С. 320–321).

<3>

Впервые — В и л е н к и н В. Воспоминания с комментариями. М., 1982. С. 492–493. Печ. по указанному изданию.

Первая из сохранившихся записей с пометой «Из дневника».

292 Т. — возможно, приятельница Ахматовой Казанская Татьяна Борисовна (р. 1916), филолог, поэт, дочь литературоведа Б.В. Казанского. Сохранилась запись, в которой Ахматова благодарит Казанского за внимание к ее «Пушкинским штудиям» («Записные книжки». С. 118–119).

...что сказал Вяч. Иванов... — Сохранилась запись Ахматовой «Вячеслав Иванов, когда я в первый раз про-

чла стихи в Ак<адемии> стиха, сказал, что я говорю недосказанное Анненским, возвращаю те драгоценно<сти>, кот<орые> он унес с собой. (Это не дословно). А дословно: «Вы сами не знаете, что делаете наедине» («Записные книжки». С. 93).

293 ...*корейской розой, с демонской гортензией и всей тихой черной жизнью корней.* — Здесь соединение поэтической образности с реалиями жизни в Комарове. Ахматова не раз писала о таинственности и непредсказуемости жизни цветов, которые росли во дворе ее дачи — «Будки».

<4>

Впервые — «Записные книжки». С. 70. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99).

293 ...*первый номер «Нового мира»...* — В журн. «Новый мир» (1960. № 1. С. 151—153) были опубликованы под рубрикой «Новые стихи»: «Подумаешь, тоже работа...», «Не стращай меня грозной судьбой...», «Летний сад» («Я к розам хочу, в тот единственный сад...»), «Отрывок» («...И мне показалось, что это огни...»), «Воспоминание» («Ты выдумал меня, такой на свете нет...»).

<5>

Впервые — «Записные книжки». С. 83. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 99).

293 ...*книга «Хунну».* — Книга была написана Л.Н. Гумилевым в заключении, откуда он вышел 11 мая 1956 г. (См.: Г у м и л е в Л. Поиски вымышленного царства. М., 1994. С. 20).

Вдова Л.Н. Гумилева Н.В. Гумилева сообщает: «Лев Николаевич привез из заключения две готовые книги «Хунну», которую он очень ценил, и «Древние тюрки».

293 Маруся — Петровых Мария Сергеевна (1908—1978) — поэтесса.

...Переделкино показалось мне очень мрачным... —

11 мая 1960 г. Ахматова приезжала в Переделкино узнать о состоянии уже смертельно больного Б.Л. Пастернака. Л.К. Чуковская, сопровождавшая Ахматову, вспоминает: «В машине она сказала: “Я так рада, что побывала здесь. Надеюсь, ему передадут”» (Ч у к о в с к а я, 2. С. 386).

<6>

Впервые — «Записные книжки». С. 134. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103).

<7>

Впервые — «Записные книжки». С. 169. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 103).

<8>

Впервые — «Записные книжки». С. 183. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 104).

294 Стрекозинный вальс. — Возможно, Ахматова слушала Третью балетную сюиту Д. Шостаковича (1952).

294 Ходасевич Владислав Фелицианович (1886—1936) — поэт, критик.

Радлова Анна Дмитриевна (урожд. Дармолатова; 1891—1949) — поэтесса.

Сологуб Федор Кузьмич (наст. фам. Тетерников; 1863—1927) — поэт, писатель.

<9>

Впервые — «Записные книжки». С. 204. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 105).

Статья Ю.Л. Сазоновой-Слонимской «Н.В. Недоброво» была напечатана в Нью-Йорке (Новое русское слово. 1954. 26 мая).

<10>

Впервые — «Записные книжки». С. 233. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).

<11>

Впервые — «Записные книжки». С. 232. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).

295 ...книга Гослита... — См.: А х м а т о в а А. Стихотворения (1909–1960). М., 1961.

<12>

Впервые — «Записные книжки». С. 194. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 104).

295 ...слушала «Бразильскую бахиану»... — Любимая Ахматовой «Бразильская бахиана» Э. Вила-Лобоса (1887–1959) входила в репертуар известной певицы Галины Павловны Вишневской (р. 1926).

<13–15>

Впервые — «Записные книжки». С. 234. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).

296 *Малия* Мартын Мартынович (р. 1924) — американский литературовед.

Кома. — Иванов Вячеслав Всеволодович (р. 1929) — лингвист, литературовед, сын Вс.В. Иванова.

296 Вечером мальчики. — Кто-то из друзей Ахматовой, молодых поэтов и начинающих литераторов: И. Бродский, Д. Бобышев, М. Мейлах, О. Найман и др.

Иосиф — Иосиф Александрович Бродский (1940—1996) — поэт, переводчик, эссеист. В 1963 г. был арестован по обвинению в тунеядстве и приговорен к 5 годам административной ссылки в Архангельскую область. После многочисленных выступлений отечественной и зарубежной общественности, в ноябре 1965 г. получил разрешение вернуться в Ленинград. В 1972 г. эмигрировал в США, где читал лекции по русской и английской литературе. Лауреат Нобелевской премии 1987 г.

<16>

Впервые — «Записные книжки». С. 235. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 106).

296 Приходил швед. — По-видимому, *Местертон* (Mesterton) Эрик Рикардович — секретарь Шведской академии, литературовед и переводчик. Переписывался с Ахматовой, бывал у нее в Ленинграде и Комарове, много раз упомянут в «Записных книжках». В письме к нему от 24 июля 1924 г. один из автокомментариев к «Поэме без героя»:

4 июля 1962

Милый Эрик Рикардович, кажется, я не успела сказать Вам еще одну вещь о Поэме: стих «Крик петуший нам только снится» надо соотнести с блоковскими:

«Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха («Шаги ком<андора>»).

Из контекста явствует, что в данном случае «страна блаженная» — это просто обычная жизнь, где кричит пе-

тух и куда уже все трое никогда не вернуться. Потому в моей поэме петуший крик [может] даже не слышится, а только снится.

Макбетовские <стихи>:

«Значит хрупки могильные плиты,

Значит мягче воска гранит».

(Явление тени Банко на пиру.)

Вы, наверно, заметили сами.

Лето, наконец, наступило (правда, немного сконфуженное за беспримерное опоздание) и здесь стало не так мрачно.

(«Записные книжки». С. 112)

296 ...он там нашел «Пик<овую> Даму». — Мотив «Пиковой дамы» один из скрытых в «Поэме без героя». В некоторых списках поэмы и незавершенных либретто по ее Первой части «Тысяча девятьсот тринадцатый год»; варьируется строфа: «...А вокруг — ведь город тот самый//Старой ведьмы — Пиковой Дамы,//С каждым шагом все дальше дом».

Гитович Александр Ильич (1909—1966) — поэт, переводчик, сосед Ахматовой по Комарово.

<17>

Впервые — «Записные книжки». С. 235. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 106).

296 **Будберг** (Закревская, Бенкендорф) Мария Игнатьевна (1892—1974) — знакомая Ахматовой по 1910-м годам. Была связана с Локкартом, позже в эмиграции жила у М. Горького на Капри, в последние годы гражданская жена Г. Уэллса. См. книгу Н.Н. Берберовой «Железная

женщина: Рассказ о жизни М.И. Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях» (Нью-Йорк, 1981). У Будберг оставалась значительная часть архива Горького, по поводу передачи которого Академии наук СССР она несколько раз приезжала в Москву.

<18>

Впервые — «Записные книжки». С. 301. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 108).

297 Озеров Лев Адольфович (1914–1996) — поэт, критик.

<19>

Впервые — «Записные книжки». С. 309–310. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 108).

По-видимому — «беседа-сновидение». Возможно, под «учтывимым собеседником» имеется в виду А.Г. Найман.

298 ...слова и реальный собеседник... — Отсылка к многочасовой беседе с И. Берлином в конце ноября 1945 г., — адресатом цикла «Cinqe».

<20>

Впервые — «Записные книжки». С. 334–335. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 102).

Изложение принципа «тройничества», как основного принципа творческого процесса, т.е. преобразование действительности в искусство: «У шкатулки ж тройное дно» (см. «Поэму без героя»).

298 ...перстеном Поликрата. — Распространённый литературный сюжет, восходит к текстам греческого историка Геродота о судьбе тирана самосского Поликрата (ум. 523 или 522 г. до н.э.), бросившего в море драгоцен-

нейший перстень в жертву богам. Однако боги отвергли дар и перстень вернулся к Поликрату в желудке рыбы, как знак приближающейся беды. Вскоре тиран был убит.

<21>

Впервые — «Записные книжки». С. 367. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

299 «Стравинский и Крафт» — В 1948 г. И.Ф. Стравинский познакомился с молодым американским дирижером Робертом Крафтом, ставшим его секретарем и приближенным к семье лицом. Р. Крафт издал свои беседы со Стравинским и размышления о композиторе, представленном «в халате», т.е. обывовленным. (Вышло семь выпусков, озаглавленных «Диалоги». Частично переведена на русский язык: «Диалоги», Л., 1971.)

Вигель Ф.Ф. — известен как плодовитый мемуарист. Им написаны «Воспоминания» (ч. 1–7), в которых характеристики современников часто основываются на непроверенных слухах, салонных сплетнях, симпатиях и антипатиях сочинителя. Автор доносов на П.Я. Чаадаева и И.И. Введенского, причастного к обществу «петрашевцев».

Бяка. — Шиллинг Вера Артуровна (де Боссе; 1888–1982) — актриса, вторая жена С.Ю. Судейкина, затем И. Стравинского.

<22>

Впервые — «Записные книжки». С. 367. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

299 Вечером Лида. — Лидия Корнеевна Чуковская (1907–1996) — прозаик, поэт, публицист — остави-

ла воспоминания, помеченные этой же датой: «Утром звонила мне Анна Андреевна. От неожиданности я не сразу узнала голос. “В Комарове прозрачная весна, а здесь уже пышное лето”. Она просила меня придти немедленно, но я выбралась только к вечеру. . . И вот мы опять сидим друг против друга в той же ардовской комнатке. Я на стуле, она на своей узкой тахте — полная, прямая, красивая. . . Приехала она, как говорит, по делам: из-за каких-то переводов и из-за того, что Луконин просит в “День поэзии” стихи, обещая напечатать, если она пожелает, даже отрывок из “Поэмы” с предисловием Корнея Ивановича. Приехала с надеждой на очередную “невстречу”. (Намек в одной фразе.) Привезла ее Гая Корнилова, Переезд, всегда дающийся ей тяжело, на этот раз совершился благополучно.

— Мне не было худо на вокзале. Обошлось даже без нитроглицерина.

...Прочитала “Предвесеннюю элегию”, дивную, северную, метельную, одинокую. Весну в разлуке. Весна-призрак: тот, с кем я разлучена, он тут, со мною, он в воздухе, он в тишине, он в метели:

Простившись, он щедро остался,
Он насмерть остался со мной...»

(Ч у к о в с к а я, 3. С. 38–39).

<23>

Впервые — «Записные книжки». С. 372. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

300 Айхенвальд Юрий Александрович (1927—1993) — театровед, один из молодых друзей Ахматовой, значится в списках «кому дарить» «Реквием».

Копелев Лев Зиновьевич (1912—1997) — филолог, переводчик.

300 Фогельсон Виктор Сергеевич (1933–1994) — редактор издательства «Советский писатель» в Москве.

...о мавр <итинском> газопе... — По-видимому, речь идет о семенах для дачи.

...о Луконине... — Луконин Михаил Кузьмич (1918–1976) — поэт.

Арсений. — Арсений Александрович Тарковский (1907–1989) — поэт.

Айзенман Тагьяна Семеновна (р. 1914) — искусствовед.

Люба. — Большинцова-Стенич Любовь Давыдовна (1908–1983).

Западов Александр Васильевич (1907–1997) — историк литературы.

<24–25>

Впервые «Записные книжки». С. 372. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

301 Ивановский Игнатий Михайлович (р. 1932) — поэт, переводчик, ученик М.Л. Лозинского. Оставил мемуары об Ахматовой (Воспоминания об Анне Ахматовой).

<26>

Впервые — «Записные книжки». С. 372. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

301 ...его знаменитой работе об акмеизме (1916). — Имеется в виду статья «Преодолевшие символизм».

301 Корнилова Галина Петровна (р. 1928) — писатель, журналистка, в те годы жена поэта Владимира Николаевича *Корнилова* (р. 1928).

...и умирать в сознании горделивом... — Дневниковые заметки путем сложных ассоциаций приводят к рождению стихотворения, одного из ахматовских катренов.

Фрагмент раскрывает ассоциативность авторской мысли, рождение стиха, одного из лучших катренов Ахматовой.

<27>

Впервые — «Записные книжки» С. 542. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 111).

302 М.б., вместо письма. — По-видимому, писалось для А.Г. Наймана.

<28>

Впервые — «Записные книжки». С. 531. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 111).

302 Доллан — Доуленд Джон (1562—1626) — английский лютнист, композитор, певец.

Генрих VIII (1491—1547) — с 1509 г. английский король из 2-й династии Тюдоров.

<29—30>

Впервые — «Записные книжки». С. 401. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

302 «Пролог» — см. Ахматова. Т. 3.

Любимова Антонина Васильевна (1899—1983) — художница.

302 *Жду Лиду* – Л.К. Чуковская в это время жила в Доме творчества писателей в Комарове. Во время одной из встреч у Ахматовой в «Будке» произошло знакомство Чуковской с И. Бродским.

303 *Он нравится ей заметно больше «Семисвечника»*. — «Семисвечник» — см. «Полночные стихи. Цикл стихотворений» (А х м а т о в а А. Т. 2. Ч. 2.). Несмотря на комментарии самой Ахматовой, «Красотка» остается одним из самых «непрочитанных» ее стихотворений. Различные его толкования представлены в книге А. Наймана «Рассказы о Анне Ахматовой» (М., 1989), в статье Н. Струве «Полночные стихи» и в бытовленной аргументации Л. Зыкова, мужа Анны Каминской: «Связь “Полночных стихов” с образом Пунина позволяет понять биографический контекст стихотворения “В Зазеркалье”, которое уже много раз называли “загадочным”; с другой стороны, такое объяснение само служит подтверждением этой связи:

Красотка очень молода,
 Но не из нашего столетья.
 Вдвоем нам не бывать — та, третья,
 Нас не оставит никогда.

Под образом — «красотки» черты М<арты> Г<олубевой>: она была в самом деле не того — не девятнадцатого столетия, к которому принадлежали по рождению Пунин и Ахматова. В домашнем кругу Ахматова почти неизменно называла М.Г. Мартой Гудэ — именем одной из героинь романа Гамсуна «Мистерии», в браке с которой главный персонаж Нагель пытается найти убежище от отчаяния безнадежной любви. У Ахматовой, очевидно, возникали какие-то ассоциации между сюжетной канвой ро-

мана и развитием реальных отношений в пространстве «треугольника». Можно уловить в этом прозвище и оттенок ревности. Независимо от Ахматовой или поддерживая общую игру, Пунин и сам неоднократно отождествлял себя с героем «Мистерий». В дневнике 24 февраля 1944 года, описывая встречу в Ташкенте с Ахматовой, Пунин говорит: «По-прежнему (как летом) говорила о Гаршине — «мой муж». Я не очень понимаю, что это значит <...> «Мой муж», вероятно для того, чтобы я ни на что не рассчитывал. Я ни на что и не рассчитывал. Помню ее как «Звезду». И все. Точка, — говорил Нагель» (Зыков Л. Николай Пунин — адресат и герой лирики Анны Ахматовой // Звезда. 1995. С. 82–83).

<31>

Впервые — «Записные книжки». С. 401. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

303 ...из Горация. — В РТ 110 стихотворению «В Зазеркалье» предпослан эпиграф «O quae beatam, Diva, tenes Surrum...» *Hor<atius>* («О, блаженная богиня,ладычица Кипра...» *Гор<аций>* — лат.) («Записные книжки». С. 382).

Не здороваются — не рады... — Первые строки стихотворения «Сосны» (9 мая, 1961, Комарово). Так же автоцитата из дневниковой записи от 12 мая 1963 г., отмечающей день приезда в Комарово.

<32>

Впервые — «Записные книжки». С. 419. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110). Одна из первых записей 1964 г.

В январе 1964 г. Ахматова жила у *Западовых*, в Москве.

304 Андрей Сергеев (1933–2000) — переводчик с английского, переводил Элиота. Значится в списке «кому дарить», «Бег времени» (14 сентября 1965).

Любочка. — Л.Д. Большинцова-Стенич.

Крон <Крейн> Александр Александрович (1909–1983) — писатель, драматург. Встречается в записях Ахматовой среди тех, «кому дарить» «Реквием» и «Поэму без героя». 16 января Ахматова была в гостях у Кронов.

Тарковская Татьяна Алексеевна — жена А.А. Тарковского.

Ярмуш Михаил Юрьевич — входил в круг общения Ахматовой, автор неопубликованных воспоминаний.

Твардовский Александр Трифонович (1910–1971) — в те годы главный редактор журнала «Новый мир».

Солженицын Александр Исаевич (р. 1918) — писатель. При жизни Ахматовой были опубликованы «Один день Ивана Денисовича» (1962) и «Матренин двор» (1963).

Якобсон Анатолий Александрович (1935–1978) — поэт, переводчик.

Слоним и Таня. — Слоним Илья Львович (1906–1973) — скульптор. Таня — Т.С. Айзенман.

Анюта. — Шервинская Анна Сергеевна (р. 1931) — художница.

Ариша. — Головачева Арина Витальевна — дочь М.С. Петровых.

304 Юля Н. – Нейман Юлия Моисеевна (р. 1907) – поэтесса, переводчица.

Дочь Аси. – Сухомлина Ася Петровна – близкая знакомая Ахматовой после Ташкента, где они одновременно были в эвакуации.

Юля Ж. – Живова Юлия Марковна – редактор Гослитиздата. Вела переводы Ахматовой со славянских языков.

Бобышев Дмитрий Васильевич (р. 1936) – поэт.

Алексей Сергеевич Дубов – астрофизик, входил в близкое окружение Ахматовой. В ответ на поздравление запись Ахматовой: «АА благодарит за поздравление, кот<орое> она еще не получила. Как только я написала эти слова – звонок об открытке. Году осталось жить еще два часа».

Эра. – Коробова Эра Борисовна – искусствовед, в те годы жена А.Г. Наймана. **Марина** – по-видимому, Басманова Марина Павловна – художница, подруга И. Бродского. **О.А.** – по-видимому, Ладыженская Ольга Александровна (р. 1922) – математик.

305 Воля и Сарра. – Воля – лицо не установленное, Сарра – Аренс Сарра Иосифовна (урожд. Савускан; 1900–1982) – жена биолога Льва Евгеньевича Аренса, оба были близки комаровскому дому Ахматовой.

<33>

Впервые – «Записные книжки». С. 419. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

305 *Галина Христофоровна* Башинджанян (1900–1990) — педагог, жена А.В. Западова.

<34>

Впервые — «Записные книжки». С. 424. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

305 *В Архиве мой Альбом.* — Альбом со стихами, написанными Ахматовой, хранится в РГАЛИ (см.: Богомолов Н. «Таким я вижу облик Ваш и взгляд» (публикация и вступительная статья). (Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 37–43.

...его «causerie»... — Так называл свои литературно-критические размышления Г. Адамович, к выступлениям которого Ахматова относилась крайне отрицательно. После встреч и бесед в Париже в конце июня 1965 г. отношения изменились в лучшую сторону (Русская мысль. Париж. 1980. 24 апреля).

<35>

Впервые — «Записные книжки». С. 464. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

306 *Ирина Федоровна* Огородникова (р. 1923) — переводчица, сотрудница Иностранной комиссии Союза писателей СССР.

Смерть Неру. Особенно горестно после Тагора... — См.: А х м а т о в а А. Т. 3. С. 456.

Неру Джавахарлал (1889–1964, 27 мая) — бессменный премьер-министр Индии, сподвижник М.К. Ганди в борьбе за национальное освобождение. Выступал за развитие дружбы между народами, был исключительно популярен в СССР.

306 **Томашевский** Николай Борисович — сын близких друзей Ахматовой Б.В. и И.Н. Томашевских.

...афишу и список приглашенных. — Речь идет о подготовке вечера в честь семидесятилетия Ахматовой и пятидесятилетия со дня выхода второй книги стихов «Четки», принесшей ей всероссийскую славу.

Семенко Ирина Михайловна (1921—1978) — литературовед, ее статья о Пушкине заинтересовала Ахматову.

Шкловская Варвара Викторовна — дочь В.Б. Шкловского.

Валя. — по-видимому, В.С. Срезневская.

Ира. — Ирина Николаевна Пунина.

Ильзен (Грин) Елена Алексеевна.

<36>

Впервые — «Записные книжки». С. 464. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

306 *Был мой вечер в Доме Маяковского.* — Вечер проходил на Таганке в Музее Маяковского 30 мая 1964 г. Присутствовавшая на вечере Л.К. Чуковская записала на следующий день: «...Открыла вечер седая интеллигентная дама — вероятно, директорша. Предоставила слово Виктору Максимовичу Жирмунскому... <...> Говорил он продуманно: в меру отважно, в меру сдержанно. В меру наукоподобно, в меру популярно. В общем — содержательно и тактично. Затем Тарковский. Не без некоторой сумбурности, но зато — как поэт о поэте. На большой глубине. Затем Озеров. Суховато, со знанием дела и без вранья. Затем — Владимир Корнилов. Стихи, обращенные к Анне Ахматовой. Быстро вскочил на трибуну и

быстро проговорил. Раньше я никогда не слышала этих стихов. Услыхала впервые. Но запомнила сразу, даже быстрота не помешала. (Запоминаемость — признак естественности.)

Ваши строки невеселые,
 Как российская тщета,
 Но отчаянно высокие,
 Как молитва и мечта,
 Отмывали душу дочиста,
 Уводя от суеты
 Благодетством одиночества
 И величием беды.
 Потому-то в первой юности,
 Только-только их прочел —
 Вслед, не думая об участи,
 Заколдованный пошел.
 Век дороги не прокладывал,
 Не проглядывала мгла.
 Блока не было. Ахматова*
 На земле тогда была».

(Чуковская я. 3. С. 223–224).

Сама Ахматова на вечере не присутствовала, но раньше бывала в Доме-музее поэта и согласилась на проведении своего вечера в его стенах.

306 *Переезжаю в Сокольники* — т.е. к Л.Д. Большинцевой-Стенич.

<37–39>

Впервые — «Записные книжки». С. 468–469. Печ. по автографу РГАЛИ (РГ 110).

* Другой текст: «...Бога не было, Ахматова//На земле тогда была (Владимир Корнилов. Вольная поэзия России. М., 2000).

306 *Рядом в купе больной Толя.* — А. Найман пишет: «В конце апреля я неожиданно заболел, попал в больницу, выписался к концу мая в жалком виде и в июне, в ночь накануне дня рождения Ахматовой, переехал вместе с нею и Ольшевской в Ленинград, где против всякой вероятности оказался Бродский, добившийся отпуска на три дня. Относительно оправился я только к осени, и Ахматова сказала Ольшевской, когда я в один из дней в конце августа подходил к Будке после купания: «А помните, Ничка, какую мы в июне везли из Москвы тряпочку вместо Толи» (Найман. С. 138).

307 ...«Новый мир» с моим «Прологом» и статьей Снявского. Еще не читала. — «Новый мир». 1964. № 6.

9 июля 1964 г. в рабочей тетради появилась ироническая запись: «Статья Снявского, кот<орую> я наконец сподобилась прочесть, вовсе не такая плохая, — как я думала. В ней я поэт, подающий надежды (sic!)». («Записные книжки». С. 471)

Снявский Андрей Донатович (псевд. Абрам Терц; р. 1925) — писатель, историк литературы.

(Нет). — Слово вписано позднее..

<40>

Впервые — «Записные книжки». С. 478. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110). Авторский комментарий к работе над трагедией «Энума элиш. Пролог, или Сон во сне». См. Ахматова А. Т. 3.

<41>

Впервые — «Записные книжки» С. 485. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

308 *Добелить Моды (10 строк)*. — Имеется в виду новелла «Амедео Модильяни» (см.: А х м а т о в а А. Т. 5. С. 7–20).

О<льга> А<лександровна> — О.А. Ладыженская.

<42>

Впервые — «Записные книжки». С. 483. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

308 *Фанна* Григорьевна Раневская (1896–1994) — актриса, близкий друг Ахматовой.

Peter Norman (Петер Норман) — английский литературовед.

...приглашают в Ок<ford>. — В июне 1965 г. Ахматова ездила в Оксфорд, где ей был вручен диплом доктора филологии.

<43>

Впервые — «Записные книжки». С. 485. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

308 *Шапорина* Любовь Васильевна (урожд. Яковлева; 1885–1967) — жена композитора Ю.А. Шапорина.

<44>

Впервые — «Записные книжки». С. 490. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

<45>

Впервые — «Записные книжки». С. 490. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

<46>

Впервые — «Записные книжки». С. 492. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

309 Лидия. — Лидия Леонидовна Слейтер (1902—1989) — сестра Б.Л. Пастернака, жила в Оксфорде.

Болезнь Нины сделала меня калекой — Н.А. Ольшевская осенью 1964 г. перенесла тяжелый инсульт.

<47>

Впервые — «Записные книжки». С. 493. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

Комментарии к этой записи содержатся в книге А. Наймана: «Октябрьским днем 1964 года мы ехали в такси по Кировскому мосту. Небо над Невой было сплошь в низких тучах с расплывающимися краями, но внезапно за зданием Биржи стал стремительно разгораться, вытягиваясь вертикально, световой столп, красноватый, а при желании что-то за ним увидеть — и страшноватый. Потом в верхней его части возникло подобие поперечины, потом тучи в этом месте окончательно разошлись, блеснуло солнце, и видение пропало. Назавтра мы узнали, что в этот день был смещен Хрущев. Ахматова прокомментировала: “Это Лермонтов. В его годовщины всегда что-то жуткое случается. В столетие рождения, в 14-м году, первая мировая, в столетие смерти, в 41-м, Великая Отечественная. Сто пятьдесят лет — дата так себе, ну, и событие пожиже. Но все-таки, с небесным знаменем...” Она говорила о себе: “Я хрущевка”, — из-за освобождения сталинских эзков и официального разоблачения террора. А наша поездка в такси каким-то своим боком в минуту упоминания о Лермонтове наложилась на ее поездку полвека назад на извозчике, “таким старом, что мог еще Лермонтова возить”, и эти ахматовские пятьдесят, и извозчицкие почти сто, и лермонтовские сто пятьдесят, и ее такое личное — товарки по цеху,

старшей сестры, “бабки Арсеньевой” — нежное к нему отношение так переплелись, что таинственным образом растянули ее собственную жизнь чуть не вдвое, одновременно переведа и хрущевское падение из ряда сиюминутных событий в ряд динамических вообще — декабрьского и других восстаний, дворцовых переворотов и проч.» (Найм а н. С. 209)

310 *...сегодня день рождения Лермонтова...* — По стечению обстоятельств, день рождения М.Ю. Лермонтова нередко совпадает с трагическими событиями в жизни нации.

...cour d'Etat. — Имеется в виду смещение генерального секретаря КПСС Н.С. Хрущева.

<48>

Впервые — «Записные книжки». С. 497. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

Отрывок отражает размышления по поводу книги автобиографической прозы, над которой Ахматова работала с конца 1950-х гг.

<49>

Впервые — «Записные книжки». С. 499. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

310 *Надя* — Н.Я. Мандельштам.

Лида — Л.К. Чуковская.

Т<оля> из Арх<ангельской> обл<асти>. — А. Найман навещал И. Бродского в его Архангельской ссылке.

311 ...*Последнюю ленинградскую*. — Имеется в виду незавершенная «Северная элегия» (Седьмая).

<50–52>

Впервые — «Записные книжки». С. 486. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

311 *Анна Миновна Григорьева* (ум. в 1963) — няня в семье Пуниных.

312 ...*все же нянька (Надя)*... — Речь идет об очерке «История одного посвящения», где Цветаева рассказывает о няне Андриюши (сына сестры Анастасии Цветаевой), которая затем «перешла» к ней: «Восемнадцать лет, волчий оскал, брови углом, глаза угли. Сестру, из-за этого и не вынесшую, любила с такой страстью ревности, что нарочно выдумывала у Андриюши всякие болезни... <...> ...уходя от меня... призналась, что часто кормила Андриюшу толченым стеклом (!) и нарочно, в Крыму, в эпидемию, поила сырой водой, чтобы заболел и этим Асю прикрепил (Ц в е т а е в а М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4. С. 146).

Отношения М<андельшта>ма и Волошина она приукрашает... — См. т а м ж е. С. 148–154.

То, что она пишет о Гумилеве... самое прекрасное, что о нем, до сего дня написано. — Ахматова имеет в виду суждения Цветаевой о стихотворении Н. Гумилева «Мужик»: «Не “два слова о Распутине”, а: в двух словах — Распутин. Есть у Гумилева стих — «Мужик» — благополучно просмотренный в свое время царской цензурой — с таким четверостишием:

В гордую нашу столицу
Входит он — Боже спаси! —

Обворожает Царицу
Необозримой Руси...

Вот, в двух словах, четырех строках, все о Распутине, Царице, всей той туче. Что в этом четверостишии? Любовь? Нет. Ненависть? Нет. Суд? Нет. Оправдание? Нет. Судьба. Шаг судьбы.

Вчитайтесь, вчитайтесь внимательно. Здесь каждое слово на вес — крови.

В гордую нашу столицу (две славных, одна гордая: не Петербург встать не может) входит он (пешая и лешая судьба России!) — Боже спаси! — (знает: не спасет!), обворожает Царицу (не обвораживает, а именно, по-деревенски: обворожает) необозримой Руси — не знаю, как других, меня это «необозримой» (со всеми звенящими в нем зорями) пронзает — ножом.

Еще одно: эта заглавная буква Царицы. Не раболепство, нет! (писать другого с большой еще не значит быть маленьким), ибо вызвана величием страны, здесь страна дарует титул, заглавное Ц — силой вещей и верст. Четыре строки — и все дано: и судьба, и чара, и кара.

Объяснять стихи? Растворять (убивать) формулу, мнить у своего простого слова силу бо́льшую, чем у певчего — сильнее которого силы нет, описывать — песню! (Как в школе: «своими словами», лермонтовского «Ангела», да чтоб именно *своими*, без ни одного лермонтовского — и что́ получалось, Господи! до чего ничего не получалось, кроме несомненности: *иными словами — нельзя*. Что поэт хотел сказать этими стихами? *Да именно то, что сказал.*)

Не объясняю, а славословлю, не докажу, а укажу: указательным на страницу под названием «Мужик», стихотворение, читателем и печатью, как тогда цензурой и по той

же причине — незамеченное. А если есть в стихах судьба — так именно в этих, чара — так именно в этих. История, на которой и «сверху» (правительство) и «сбоку» (попугчики) так настаивают сейчас в Советской литературе — так именно в этих. Ведь это и Гумилева судьба в тот день и час входила — в сапогах или валенках (красных сибирских «пимах»), пешая и неслышная по пыли или снегу.

Надпиши «Распутин», всё бы знали (наизусть), а «Мужик» — ну еще один мужик. <...> Дорогой Гумилев, есть тот свет или нет, услышите мою, от лица всей Поэзии, благодарность за двойной урок: поэтам — как писать стихи, историкам — как писать историю <...> Не «мэтр» был Гумилев, а мастер: боговдохновенный и в этих стихах уже безымянный мастер, скошенный в самое утро своего мастерства-ученичества, до которого в «Костре» и окружающим костре России так чудесно — древесно! — дорос».

(Т а м ж е. С. 141—142).

<53—55>

Впервые — «Записные книжки». С. 486—488. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

312 Скорость — Ахматова любила прогулки на автомобиле, в которых ее увлекала и невозможная в пору 1900—1910-х гг. стремительность передвижения, которую она как-то связывала с интересующими ее в последние годы жизни проблемами времени и преодоления «пространства». В той же записной книжке (с. 488), полуироническая приписка (5-ое, ночь): «Тот, кто вел машину, свалился в инфаркте. (Он уже у Бехтерева)».

...предсказала приход Peter'a Norman'a. — Ахматова в шутку и всерьез говорила о своем даре предвидения.

312 *Все меньше верю в Рим...* — Ахматовой уже было известно о присуждении премии «Таормино».

Ехала непременно мимо Валиной могилы. — В.С. Срезневской.

...боярыня Морозова... — См. Ахматова. Т. 2, кн. 2. С. 412. По преданию, очнувшись после пыточного допроса, попросила у сторожившего ее стрельца яблоко.

<56>

Впервые — «Записные книжки». С. 489. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

<57–60>

Впервые: «Записные книжки». С. 488–489. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

314 *Прочла... статью Н.В. Н<едоброво>...* — См. об этом: А х м а т о в а А. Т. 1. С. 759–762.

...была рада Жене. — Берковская Евгения Михайловна (1900–1966) — близкая знакомая Ахматовой, ею сделана значительная часть машинописных копий ахматовских произведений.

315 *Максимов* Дмитрий Евгеньевич (1904–1987) — историк литературы.

Липкин Семен Израилевич (р. 1911) — поэт, переводчик.

<61>

Впервые — «Записные книжки». С. 493. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

315 *Fr. Bertolde* — член нищенствующего католического ордена кармелитов.

315 *God gives you one face and you...* – Ш е к -
с п и р В. Гамлет. III, I, 150.

<62–63>

Впервые – «Записные книжки». С. 489. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

<64–65>

Впервые – «Записные книжки». С. 390, 424. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

316 *...прискорбный и смертельный.* – Далее в записной книжке следует четверостишие:

Татарское, дремучее
Пришло из никогда,
К любой беде липучее, –
Само оно – беда.

...из Оксфорда. – Уведомление с просьбой принять участие в торжественном заседании по присуждению Ахматовой звания доктора филологии и вручения мантии. Торжества состоялись в июне 1965 г.

Таормина – город в Италии, где Ахматовой в июне 1964 г. была вручена международная премия.

Анатоль Стерн – польский писатель.

Лихачев Дмитрий Сергеевич (1906–1999) – исследователь русской литературы и культуры, академик с 1970 г.

<66–70>

Впервые – «Записные книжки». С. 500–501. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

316 *Вечером китайское радио.* — Л.К. Чуковская вспоминает:

— А знаете, что со мной случилось недавно? — проговорила Анна Андреевна <...> Весело проговорила, даже шуточно. — Включаю я как-то мимоходом радио. Слышу вдруг свое имя. И м-сье André Jdanoff... Это французы передают, что китайцы передают, что Жданов относительно злодейки Ахматовой был совершенно прав, и напрасно ее стихи переиздаются сейчас ревизионистами в Советском Союзе. Вы только представьте себе: я одна и против меня 600 миллионов китайцев! (Ч у к о в с к а я, 3. С. 102)

Альтман Натан Исаевич (1889—1970) — художник, автор портрета Ахматовой.

Ирина. — **Альтман** Ирина Валентиновна (урожд. Тернавцева) — жена Н.И. Альтмана.

317 *Ивинская* Ольга Всеволодовна (1912—1995) — переводчица, близкий друг Б.Л. Пастернака, один из прототипов героини романа «Доктор Живаго». Ивинская была арестована в 1949 г., вернулась из лагеря в 1953 г.

...я чуть не погибла на мосту через Мойку. — Сохранились воспоминания А. Наймана: «В переделку, по-настоящему серьезную, попали мы с ней среди бела дня на Горюховой. Она хотела успеть в сберкассу, времени же оставалось в обрез: начинался “ахматовский час” — так назывался час обеденного перерыва в учреждениях, необъяснимо начинавшийся как раз в ту минуту, когда туда приезжала Ахматова. Таксист, молоденький парень, желая нам помочь, гнал отчаянно, хотя улицы были узкие и забиты транспортом. Обгоняя колонну грузовиков и троллейбусов, мы выскочили на крутой мостик через Мойку — и оказались лоб в лоб со встречной полуторкой. Наш шофер рванул руль влево, мы

вылетели на левый тротуар, к счастью, пустой, и тут же, круто взяв вправо, снова втиснулись в свой ряд. Маневр был выполнен на большой скорости, так что подробности мы осознали с некоторым опозданием, но, осознав, мгновенно как-то обмякли. Мы — это шофер и я: Ахматова поморщилась от тряски и вновь сидела прямая, невозмутимая, глядя вперед. Тотчас нашу машину взяли в кольцо другие, водители которых видели наш вольт. С искаженными от пережитого страха и возмущения лицами, они все, как один, кричали, что наш шофер пьян. Я попробовал за него вступиться, мне бросили: “Ты благодари Бога, что жив”. Решили везти нашу машину — вместе с нами — в ближайшую милицию. Только тут Ахматова пошевелилась, повернулась к ним, выглянула в окно и произнесла: “В таком случае наша поездка потеряет смысл”. Внешность была так внушительна, тон так неожиданно спокоен и убедителен, что пробкам стала рассасываться: мы успели минута в минуту» (Н а й м а н. С. 187–188).

<71>

Впервые — «Записные книжки». С. 524. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 111).

<72>

Впервые — «Записные книжки». С. 533. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 111).

318 **Иванов** Всеволод Вячеславович (1895–1963) — прозаик. Сон, который ему привиделся незадолго до смерти, был пересказан Ахматовой его сыном Вяч. Вс. Ивановым (р. 1928 г.): «Когда в августе 1963 года умер мой отец, я получил от Ахматовой телеграмму. Она была послана из Комарова 20 августа: “Прошу верить моему глубокому сочувствию. Ваша Ахматова”. В ответном письме я пересказал Анне Андреевне сон — или видение? —

моего отца перед смертью. В этом сне переплетались Греция и Китай, но главной героиней сна была Ахматова.

28 июня, когда я пришел к отцу в больницу утром, он был в ясном сознании и рассказал мне сон (сказав сначала: “Последние дни мне много чепухи рассказывают, и сны снятся дикие”): “Я видел во сне всемирный съезд писателей в Греции, на котором, представь себе, была Ахматова. Как раз в это время в Пирее нашли домик Сократа. Ее в нем поселили; там его стол, его кресло. А я поселился в верхнем этаже. Утром я спускаюсь вниз и вижу: женщина сидит за столом и плачет. Я спрашиваю ее: “Анна Андреевна, что с вами?” Она отвечает, что она видела в этом столе своего ребенка — только он был розовым, а стол черного мрамора. Так было странно ей увидеть свое дитя среди этих клубящихся плит у моря. Я говорю ей: “Ведь даже Гомера — и того не изображают на каждой вещи, а что же нам, простым людям, ждать”. И я сказал ей: “Когда-нибудь у нас, как в Китае, поэзия будет на каждом шагу, на каждой вещи”. Она ответила: “Может быть”.

При встрече Ахматова мне сказала, что видит в этом сне отзвуки двух своих стихотворении на античные темы. А Китай, добавлю от себя, — это и отблеск того чтения переводов, о котором говорилось выше. Так Ахматова нас, ее окружавших, с собой вместе погружала в зазеркалье сновидений и пророческих образов, по сравнению с которыми меркли другие восприятия».

<73—79>

Впервые — «Записные книжки». С. 581—582. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 113).

318 *Дневник путешествия (декабрь 1964)*. — Записи отражают поездку в Италию, где Ахматовой была вручена премия «Этна Таормина».

318 *Приезд Иры.* — Ахматову сопровождала в Италию Ирина Николаевна Пунина.

Виктор. — В.А. Горенко, брат Ахматовой, жил в США.

319 *Поляк Северин* (р. 1907) — польский литературовед.

Café Греко. — Литературно-художественное кафе, открывшееся в 1760 г. на улице Бекондотти в Риме.

«Я только в Риме могу писать о России...» — Возможно, восходит к письму Гоголя П.А. Плетневу от 17 марта 1842 г.: «Уже в самой природе моей заключена способность только тогда представлять себе живо мир, когда я удаляюсь от него. Вот почему о России я могу писать только в Риме. Только там она представляется мне вся, во всей своей громаде» (Гоголь Н. Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 12. С. 46).

320 *...конной статуе Марка Аврелия.* — Античная статуя на Капитолии, установленная Микеланджело.

<80>

Впервые — «Записные книжки». С. 505. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 110).

<81>

Впервые — «Записные книжки». С. 620. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

321 *Рейны.* — *Рейн* Евгений Борисович (р. 1935), поэт, *Рейн* (Наринская) Галина Михайловна, его жена.

321 Найман — Анатолий Генрихович (р. 1936) — поэт, литературный секретарь Ахматовой,

Саломея. — С.А. Андроникова-Гальперн. См. о ней: А х м а т о в а А. Т. 3. С. 704.

Берковские. — Берковский Наум Яковлевич (1901—1972) — историк литературы; Берковская Елена Александровна, его жена.

Тотя. — Изергина Антонина Николаевна (1906—1969) — искусствовед, жена И.А. Орбели.

Малевиц Олег Михайлович (р. 1928) — переводчик, историк литературы.

...ежик... — Карло Риччи — молодой поэт и переводчик, ныне профессор, основавший Ахматовскую академию при университете Мачарата, автор книги по текстологии «Поэмы без героя».

Ирмос 9-й п<есни> канона. — Взят эпиграфом к главе X «Распятие».

<82>

Впервые — «Записные книжки». С. 620. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

321 Узнавать про нотариуса. — А. Найман вспоминает о посещении Ахматовой нотариальной конторы: «В последние годы двое-трое из близких к ней людей очень осторожно, не впрямую, заводили с ней разговор о завещании. Дело заключалось в том, что, когда ее сын Л.Н. Гумилев был в лагере, Ахматова, чтобы после смерти, как она выражалась, “за барахлом не явилось домоуправление” составила завещание в пользу Пуниной. После освобождения сына она сделала запись (в одной из своих тетрадей и

на отдельном листе бумаги) об отмене прежнего завещания, что автоматически означало, что ее единственным наследником становится сын. Эта запись, однако, не была заверена нотариусом. Она спросила меня, что я об этом думаю. Я ответил, что, по-моему, она не должна оставлять в каком бы то ни было виде завещания, направленного против сына. Она тотчас взорвалась, закричала о лжедрузьях, о нищей старухе. Через несколько дней опять заговорила на эту тему: сцена повторилась. И еще раз 29 апреля 1965 года в конце дня она вдруг сказала: “Давайте вызовем такси поедem в нотариальную контору”. Тогда она жила уже на Ленина, контора находилась на Моисеенко, недалеко от Красной Конницы. Оказался очень высокий третий этаж, крутая лестница. Такие подъемы были противопоказаны ее послеинфарктному сердцу, я предложил вернуться и вызвать нотариуса домой на час, когда никого в квартире не будет. Она начала медленно подниматься. В конторе было пусто, кажется, еще один посетитель. Она грузно опустилась на стул. Я попросил нотариуса выйти из-за перегородки. У него оказалось обожженное лицо и руки, блестящая натянутая кожа. Ахматова сказала: “Я разрушаю прежнее свое завещание”. Он объяснил, что это надо сделать письменно. Она почти простонала: “У меня нет сил много писать”. Договорились, что он продиктует, я напишу, а она подпишет. Так и сделали. На лестнице она или я что-то сказали про Диккенса. А когда вышли на улицу, она с тоской произнесла: “О каком наследстве можно говорить? Взять под мышку рисунок Моды и уйти”. (Замечу в скобках, что после смерти те, кто не имели на архив Ахматовой никакого права, но в чьих руках он оказался, устроили позорную борьбу за него, состоялось позорное судебное разбирательство, в результате рукописи расползлись по трем разным хранилищам, и при этом неизвестно, сколько и ка-

ких разрозненных листков прилипло к чьим рукам.)»
(Найма н. С. 8—9).

322 «Дант и русские поэты». — Выступление на эту тему неизвестно.

<83>

Впервые — «Записные книжки». С. 629. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

322 *Пшибыльский* Ришард — польский литературовед.

Драйвер Сэм — американский литературовед.

<84>

Впервые — «Записные книжки». С. 667. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

<85>

Впервые — «Записные книжки». С. 641. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

323 *Дидя*. — Срезневский Андрей Вячеславович (р. 1929).

Леня. — Леонид Александрович Зыков, муж А.Г. Каменской (1940—1999) — художник.

Сурков в Блде. — В указанные дни в городе Блед проходил форум Пен-клуба.

<86—88>

Впервые — «Записные книжки». С. 642—643. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

323 *Рыкова* Надежда Януарьевна (р. 1901) — переводчица.

324 Берггольц Ольга Федоровна (1910—1975) — поэт трагической ноты. В первом браке жена расстрелянного поэта Бориса Корнилова; пережила смерть малолетних детей. С первых дней Великой Отечественной войны работала на радио, воспринималась как голос несдавшегося Ленинграда. В послевоенные годы страдала алкоголизмом. Ф.Г. Раневская вспоминает, что «Ахматова считала Ольгу Берггольц необыкновенно талантливой, говорила: “Баднягушка Оля, беднягушка”. Она очень ее любила» (Цеглов А. Раневская. Фрагменты жизни. М., 1998. С. 123).

Chelsea — фешенебельная часть Лондона, где жила Саломея Андроникова в доме, принадлежавшем И. Берлину. Ахматова в дни, проведенные в Лондоне, побывала у нее в гостях.

<89>

Впервые — «Записные книжки». С. 643. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

<90>

Впервые — «Записные книжки». С. 644. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

325 Безродный Игорь Семенович (р. 1930) — скрипач, лауреат международных конкурсов.

Ройзман Леонид Исаакович (р. 1915) — органист-виртуоз, пианист, педагог, музыковед.

<91>

Впервые — «Записные книжки». С. 651. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114). Издание осуществлено не было.

<92>

Впервые — «Записные книжки». С. 652. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

326 *Сегодня — Илья.* — 2 августа день пророка Ильи-громовержца (у Ахматовой ошибочно указано 1 августа).

...«*От счастья я не исцеляю*»... — Строка из стихотворения Ахматовой «Я не любви твоей прошу...» (1914).

Аманда Хейт (1941—1989) — американская исследовательница биографии Ахматовой.

<93–97>

Впервые — «Записные книжки». С. 652—654. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

326 ...*Добину про «содомских лотов».* — Добин Ефим Семенович (1901—1977), историк литературы, в это время писал статью о «Поэме без героя». Ахматова отсылает к строке первой ее части: «И увы содомские Лоты//Смертоносный пробуют сок».

327 ...«*До Цусимы*»... — В романе В.А. Комаровского сестра умершего произносит фразу: «Мне надо пораньше лечь спать, чтобы завтра хорошо выглядеть».

6-ого собрание, повторявшее 1946 г. — Дата постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград», ошельмовавшего Ахматову и Зощенко.

<98>

Впервые — «Записные книжки». С. 658—659. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

328 *Донн Джон* (1572–1631) — английский поэт.

О призраке, приходящем к своей возлюбленной... — Имеется в виду перевод И. Бродским стихотворения Донна «Посещение» (впервые опубликован в журнале «Иностранная литература». 1988. № 9).

Пёрселл Генри (ок. 1659–1695) — крупнейший композитор и органист Англии, автор первой национальной оперы «Дидона и Эней», особо любимой Ахматовой. В ней синтезированы традиции английского реалистического театра, театра масок, поэзии, английских и шотландских народных песен, танцев. В своем намерении театрализовать «Поэму без героя» Ахматова ориентировалась и на традиции Пёрселла.

<99>

Впервые — «Записные книжки». С. 660. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

328 *Хренков просит интервью... для «Литературной газеты»*. — См. «Тайны ремесла». Беседа критика Д. Хренкова с Анной Ахматовой» (Т. 5. С. 333–334).

<100>

Впервые — «Записные книжки». С. 677–678. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

328 *Наталья Иосифовна Ильина* (1914–1994) — автор романа о шанхайской эмиграции, где она жила с 1918 по 1947 г.

329 *Звонил С.* — Перед Дантовским вечером, на котором выступала Ахматова, у нее был поэт и переводчик С.В. Шервинский.

329 Елена Серг<еевна> просит писать о Булгакове... — Ахматова не откликнулась на эту просьбу вдовы М.А. Булгакова, однако ранее ею было написано стихотворение «Вот это я тебе взамен могильных роз...», датированное по автографу мартом 1940 г. и прочитанное ею в квартире В.Я. Виленкина в Москве (Курсовой переулок) ему и Елене Сергеевне, также в ответ на ее просьбу написать о Булгакове. По свидетельству Виленкина, прочитав это стихотворение, последнее из цикла «Венок мертвым», Ахматова не разрешила его записать.

<101>

Впервые — «Записные книжки». С. 679. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

329 ...моя страшная тень (профиль). — Г.Л. Козловская, жена композитора А.Ф.Козловского, с которыми Ахматова подружилась в Ташкенте, в эвакуации, вспоминает: «Когда вечерами Анна Андреевна обычно сидела на своем любимом месте, ее профиль необычно четко возникал на белой стене. Однажды Алексей Федорович обвел, сначала карандашом, а затем углем, ее великолепный профиль. Мы с ней шутили, что когда она уходит, то профиль ее живет своей странной ночной жизнью». («Воспоминания». С. 393–394).

Тогда же Ахматовой были написаны строки:

...И только в двух домах
 В том городе (название неясно)
 Остался профиль (кем-то обведенный
 На белоснежной извести стены),
 Не женский, не мужской, но полный тайны.
 И, говорят, когда лучи луны —
 Зеленой, низкой, среднеазиатской —

По этим стенам в полночь пробегают,
 В особенности в новогодний вечер,
 То слышится какой-то легкий звук,
 Причем одни его считают плачем,
 Другие разбирают в нем слова.

Но это чудо всем поднадоело,
 Приезжих мало, местные привыкли,
 И, говорят, в одном из тех домов
 Уже ковром закрыт проклятый профиль.

(«А в книгах я последнюю страницу...»

25 ноября 1943. Ташкент).

329 ...спасительное «величие замысла», спасшее Иосифа?.. — Ахматова часто цитировала одну из повторяющихся фраз И. Бродского: «Главное — это величие замысла».

Муравьев Владимир Сергеевич (1939—2001) — литературовед, переводчик.

Надя. — Н.Я. Мандельштам.

Нина. — Н.А. Ольшевская — актриса, режиссер, последние годы, перед инсультом, работала в Минском драматическом театре.

<102>

Впервые — «Записные книжки». С. 681. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

Текст обращен к Исае Берлину.

...**330** о каком-то первом томе... — Имеется в виду первый том собрания сочинений Ахматовой, вышедший в 1965 г. в США под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова.

<103>

Впервые — «Записные книжки». С. 679. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

330 *Опять требование «Пролога» из ФРГ. Что за напасть!* — Дюссельдорфский театр предполагал постановку спектакля по пьесе Ахматовой «Пролог, или «Сон во сне». См. запись, сделанную несколькими днями раньше: «Телеграмма дюссельдорфского театра о «Прологе» («Записные книжки». С. 590).

<104>

Впервые — «Записные книжки». С. 684. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

330 *...осталось так мало лет (3 <года...>)* — т.е. до смерти Сталина.

<105>

Впервые — «Записные книжки». С. 680. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

330 *Вчера — вечер Данте.* — Вечер Данте прошел в Большом театре 19 октября 1965 г.

Контини Джанфранко (1912–1990) — итальянский филолог.

<106>

Впервые — «Записные книжки». С. 679. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

331 *В больницу была доставлена в безнадежном состоянии.* — Ахматова была помещена в Боткинскую больницу.

<107>

Впервые — «Записные книжки». С. 685. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

331 *Виноградовы* — Виктор Владимирович (1895—1969), филолог, академик; Надежда Матвеевна — его жена.

Сеня — Хайкин Семен Эммануилович, физик, друг молодых Ардовых.

<108>

Впервые — «Записные книжки». С. 685. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

<109>

Впервые — «Записные книжки». С. 687. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

332 *Писали вместе письмо в Лондон.* — Приведенное ниже письмо записано рукой Ахматовой:

«Милая Саломея Николаевна.

Мы обе (Акума и я) в Москве... У Акумы был грипп — теперь ей лучше. Вышла ее книга стихов «Бег времени» (1909—1965). Вчера ее давали писателям⁺ в Лавке пи<сателей>. Скоро выйдет книга переводов. Она часто и нежно говорит о Вас и уверяет, что больше всего на свете хочет еще раз позавтракать в большой белой комнате с дверью в gosagium. Я очень о ней беспокоилась, когда она выступала на вечере Данте в Большом театре. Действительно, ей стало плохо, но это <го> никто не заметил. Она написала Вам чудное письмо, м.б., я уговорю ее отправить

⁺ Там Ваша «тень» напечатана с эпитафией... кот<орый> А<нна> А<ндреевна> помнит с давних лет (поэт так читал ей в 10-х годах).

его Вам, но, по правде сказать, я сама его не понимаю...
Еще раз благодарю Вас за все. В Лондон я влюбилась на-
всегда — какие все были хорошие с нами.

Ваша Аня Каминская
(«Записные книжки». С. 682)

<110>

Впервые — «Записные книжки». С. 687. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

332 *Медведев* Владимир Васильевич (1931—1999) — художник издательства Советский писатель. По его предложению при издании «Бега времени» тридцать экземпляров были номерными и вышли в другом, по словам Ахматовой, «роскошном» оформлении. Иллюстрации к этим экземплярам были подобраны самой Ахматовой (см.: *М е д в е д е в* В. Послесловие к переизданию «Бега времени» (М., Слово. 1995).

<111>

Впервые — «Записные книжки». С. 694—695. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

332 *Джерри наут* — (Джаганнатха, мировладыка) — в индусской мифологии одно из наименований Кришны восьмой аватары (воплощения) бога Вишну. Раз в году божество выезжает на шестнадцатиколесной колеснице, под которую бросаются и гибнут паломники.

<112—117>

Впервые — «Записные книжки». С. 691—693. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

333 *Гавань* — западная часть Васильевском острове, где в больнице № 1 Ахматова лежала с третьим инфарктом миокарда зимой 1961—1962 гг.

333 *...и во сне пришел ко мне Х.* — Сэр Исаяя Берлин, его упоминание или подразумевание, часто сопровождается числовыми обозначениями, нуждающимися в дешифровке.

334 *Корней.* — Корней Иванович Чуковский.

<118>

Впервые — «Записные книжки». С. 693. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

334 *Jour des Rois* (День Царей) — эпитафия к третьему посвящению «Поэмы без героя», обращенному к сэру Исаяе Берлину, в связи с двадцатилетием их разлуки (1946—1956), происшедшей в Сочельник — 6 января.

Иван Дм<итриевич> Рожанский (р. 1913) — физик, философ, близкий знакомый Ахматовой, сделал несколько магнитофонных записей ее голоса.

<119>

Впервые — «Записные книжки». С. 708. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 115).

335 *...написала все о Лозинском.* — см.: А х м а т о в а А. Т. 5. С. 60—71.

<120—132>

Впервые — Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 15—16. Печ. по автографу РГАЛИ (РТ 114).

336 *...должна писать о Борисе...* — Новелла о Б.Л. Пастернаке не была написана. См. фрагменты — А х м а т о в а. Т. 5. С. 152—153.

«Иль от скуки околею//Где-нибудь в карантине...» — Из стихотворения Пушкина «Дорожные жалобы» (1829).

337 ...стихи Евтушенки в «Юности». — Евтушенко Евгений Александрович (р. 1932). См.: журн. «Юность». 1966. № 1.

Поразительное письмо Ленина о Сталине. — В том же номере журнала были опубликованы заметки Б. Яковлева о последних письмах В.И. Ленина, преданные гласности после разоблачения культа личности И.В. Сталина.

340 Я вся в Кумранских делах... — В 1963—1965 гг. в пещерах побережья Мертвого моря были обнаружены новые фрагменты доканонических текстов Нового Завета на древнееврейском и арамейском языках.

Анна — первосвященник времен земной жизни Иисуса Христа, присудивший Спасителя к крестным страданиям.

Канафа — зять Анны, относился к секте Саддукейской. См.: Евангелие от Матфея 26, 3; от Иоанна 11, 49.

Моммзен Теодор (1817—1903) — немецкий ученый, историк, автор «Римской истории».

УКАЗАТЕЛИ*

В первый указатель вошли имена реальных лиц, упоминаемых в текстах Анны Ахматовой и комментариях собрания сочинений (т. 1–6), во второй — имена мифологических и библейских персонажей.

Страницы текста Анны Ахматовой обозначены прямым шрифтом, статей и комментариев — курсивом.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Аббас (Аббасов) Э. 2 (1) — 270, 440	Адамини Д.Ф. 3 — 187, 224, 263, 287, 290, 640; 5 — 251, 779
Абдулла С. 2 (1) — 288	Адамович Г.В. 1 — 864; 3 — 404, 405, 407, 490, 545; 5 — 32, 474, 475, 477, 569, 570, 607, 659, 667, 669, 720; 6 — 305, 547, 572
Абеляр П. 1 — 942	Адамович Т.А. см. Адамович Т.В.
Абрамов С. 1 — 885	Адамович Т.В. 1 — 180, 588, 590, 781; 5 — 99, 116–118, 122, 475, 607, 619, 657
Аввакум Петров, протопоп 1 — 906	Адан А. 2 (1) — 514, 515
Август Октавиан 1 — 464, 923; 4 — 223, 242; 5 — 225; 6 — 452	Аддисон Д. 6 — 45
Авдеенко А.О. 5 — 269, 774	Аджубей А.И. 5 — 310
Авербах Л. 5 — 507	Адлерберг В.Ф. 6 — 514
Аверинцев С.С. 5 — 497, 498	Адмони В.Г. 1 — 681, 682, 686, 918; 2 (1) — 388, 428, 475, 476, 504.
Авзоний М.Д. 1 — 941	
Авраменко И.К. 2 (2) — 289–296	
Аврелий Виктор 6 — 200, 201, 205, 493	
Агасов Г. 1 — 907	
Адалис 5 — 132, 195, 661, 721	

* Указатели составлены Д.Р. Памфиловой, Н.П. Лынской.

- 510, 511, 560, 585, 601, 2 (2) – 269, 386; 3 – 395, 467, 541, 552, 553, 737, 741, 4 – 456, 511, 520, 523, 539, 546; 6 – 291, 314, 316, 367, 556–557
- Адриан 3 – 573
- Азадовский К.М. 5 – 561; 6 – 409, 410, 434
- Азбелева В.В. 5 – 396
- Азин-Палациос 6 – 20
- Айбек (Ташмухаммедов М.) 2 (1) – 489
- Айгекци В. 1 – 907
- Айзенман Т.С. 2 (2) – 278, 323; 6 – 300, 304, 565, 570
- Айзман Д.Я. 1 – 546, 547
- Айхенвальд Ю.И. 5 – 87, 247, 570; 6 – 300, 564
- Акимов Н.П. 5 – 536
- Аксаков И С. 6 – 61, 439, 553
- Аксаков С Т. 6 – 439
- Аксенов И.А. 1 – 552, 811
- Алдано М А. 3 – 704
- Александр I 1 – 791, 3 – 668; 6 – 34, 41–43, 166, 283, 431, 440, 450, 480, 554
- Александр II 1 – 507, 913; 3 – 640, 6 – 35, 513
- Александр III 1 – 533; 2 (2) – 398, 5 – 215, 696
- Александр Македонский 2 (1) – 622, 2 (2) – 118, 296, 400, 401, 4 – 355, 432, 549, 551, 561, 572
- Александр Михайлович (Романов), вел. кн. 5 – 169, 694, 752
- Александр П. 5 – 429, 439
- Александра Федоровна, имп. 3 – 484, 486; 5 – 229, 657; 6 – 169, 174, 500, 508, 509, 517
- Александров Г.Ф. 1 – 669; 2 (1) – 375, 376
- Александрова В. 2 (1) – 337
- Александрович М.Р. 2 (1) – 286
- Алексеев М.П. 2 (2) – 414; 6 – 14, 409–413, 422, 447
- Алексей I, визант. имп. 3 – 706
- Алексей Михайлович (Романов) 6 – 347
- Алексей Петрович, царевич 3 – 237, 681; 5 – 186, 367, 708, 6 – 336
- Ален-Фурнье (Фурнье А.А.) 1 – 865
- Алигер М.И. 1 – 544, 550; 2 (1) – 328; 2 (2) – 478
- Алимджан Х. 2 (1) – 264, 266, 270, 283, 336, 341
- Аллилуева Н.С. 5 – 510
- Аллилуева С.И. 2 (1) – 212, 601
- Алфеевский В.С. 2 (1) – 334
- Альтман И.В. 6 – 316, 584
- Альтман Н.И. 1 – 219, 497, 791, 796; 3 – 313, 586, 697, 698, 748; 5 – 15, 179, 189, 204, 397, 433, 464; 6 – 316, 326, 584
- Алянский С.М. 1 – 886; 5 – 87, 96, 206, 208, 558, 570
- Амас 3 – 636
- Амелин Г Г 5 – 498
- Аммосов А Н 6 – 223, 519
- Амфитеатров А В 1 – 887
- Андерс В. 2 (1) – 322, 325
- Андерсен Х К 1 – 527; 2 (2) – 464; 3 – 283, 723, 724, 729
- Андреев Б Ф. 2 (1) – 344
- Андреев В.Л. 5 – 389
- Андреев Л.Н. 1 – 546, 2 (2) – 486; 5 – 389
- Андреева Г П 2 (1) – 398, 500, 506
- Андреева М Ф 1 – 523
- Андреева-Дельмас Л А 1 – 775, 791; 5 – 79, 81, 83, 197, 553, 554, 557, 563
- Андрей Критский, преп. 1 – 322, 851, 852, 5 – 187, 709
- Андроникашвили Б Б 1 – 908, 909
- Андроников И Л 6 – 505, 552
- Андроникова-Гальперн С.Н. 1 – 482, 944; 2 (2) – 269, 399, 440, 461, 496; 3 – 267, 424, 618, 704;

- 4 – 244; 5 – 28, 54, 55, 202, 461, 523, 524, 730; 6 – 321, 324, 588, 591, 597
- Аникиева В.Н. 1 – 924, 925; 2 (1) – 419
- Анин Н. 2 (1) – 337
- Аничков Е.В. 2 (2) – 509
- Анна Иоанновна, царица 1 – 504
- Анна Кашинская, св. 1 – 387, 878; 4 – 182
- Анненков Ю.П. 1 – 497; 3 – 218, 283, 596, 659, 660; 4 – 511; 5 – 188, 735
- Анненская Н.В. 5 – 126, 657
- Анненские (семья) 1 – 714
- Анненский В.И. 1 – 509, 677, 711, 871, 5 – 126, 657, 671
- Анненский И.Ф. 1 – 30, 54, 72, 509, 525, 536, 555, 571, 573, 595, 627, 629–631, 677, 678, 686, 694, 707–709, 711, 712, 714–716, 725–727, 732, 751, 776, 788, 792, 795, 800, 801, 815, 816, 871, 879; 2 (1) – 98, 183, 185, 298, 490, 499, 512, 566, 589; 2 (2) – 107, 114, 286, 299, 302, 303, 325, 371, 388, 396; 3 – 199, 282, 470, 499, 505, 522, 645, 662, 722; 4 – 33, 323, 362, 364, 376, 420, 435, 443, 445, 468, 469, 486, 494, 536, 543, 554, 558; 5 – 91, 105, 109, 110, 149, 150, 177, 181, 183, 237, 252, 356, 357, 362, 367, 397, 449, 457, 514, 577, 600, 614, 615, 629, 630, 639, 646, 647, 657, 659, 666–676, 704, 794; 6 – 318, 405
- Анреп Б.В. фон 1 – 226, 227, 232, 235, 239–241, 243, 254, 255, 257, 258, 260, 261, 265, 267, 270, 284, 288, 296, 297, 308–312, 316, 405, 593, 594, 607–609, 748, 758, 795, 802–805, 808–810, 812–814, 819–821, 823, 826–831, 833, 837, 841–844, 846, 851–853, 860, 872, 884, 889; 2 (1) – 627; 2 (2) – 352, 389, 399, 462; 3 – 262, 385, 419, 453, 522, 529, 538, 695, 758; 5 – 15, 226, 433, 730, 747; 6 – 321, 322, 410
- Анреп Г.В. фон 1 – 827
- Анреп Ю.П. фон 1 – 279, 826–828; 4 – 129; 5 – 226, 747
- Антиной 3 – 42, 93, 127, 167, 203, 250, 573–577; 5 – 8, 422
- Антокольский П.Г. 2 (1) – 366, 367
- Антоний Великий, св. 1 – 250, 817
- Антоний Марк 1 – 464, 923; 3 – 222; 4 – 223, 242; 6 – 201, 206, 493
- Антоновский Ю.М. 2 (2) – 301
- Апостолова-Герус Г.Л. см. Козловская-Герус Г.Л.
- Апродов С.С. 2 (1) – 270, 440
- Апт С.К. 2 (2) – 379
- Апулей 3 – 19, 481, 483
- Апужтын А.Н. 1 – 721; 5 – 357, 396
- Арагон Л. 5 – 512, 664
- Аракчеев А.А. 1 – 206, 791; 4 – 106
- Аранжереева-Розен А.М. 2 (1) – 357; 2 (2) – 85, 373, 374, 394, 483; 4 – 330, 441, 553, 559
- Арапова А.П. 6 – 210, 221, 262–267, 270, 500, 544
- Арбенин (Гильдебрандт) Н.Ф. 5 – 464
- Арбетнот Д. 6 – 129, 451
- Арватов Б.И. 1 – 636; 5 – 727
- Аргеэи Т. 5 – 304, 307
- Арго А.М. 6 – 460
- Аргунов Ф.С. 2 (1) – 548; 3 – 203, 568
- Ардов Б.В. 2 (2) – 340
- Ардов В.Е. 1 – 916; 2 (1) – 387, 497; 2 (2) – 311; 3 – 513, 747; 5 – 437, 683; 6 – 318
- Ардов М.В. 2 (2) – 289; 5 – 19, 437; 6 – 339

- Ардовы (семья) 1 — 902, 928, 931,
2 (1) — 326, 351, 388; 2 (2) — 298,
391, 476, 491; 3 — 609, 685,
4 — 315; 5 — 50, 157, 225, 527, 683,
692; 6 — 331, 556, 597
- Аренберг И. 2 (1) — 285
- Аренс А.Е. см. Пунина А.Е.
- Аренс В.Е. 5 — 120, 651
- Аренс (в замуж. Пунина) Э.Е. 5 — 130,
660
- Аренс Л.А. 5 — 130, 659, 660
- Аренс Л.Е. 6 — 571
- Аренс С.И. 6 — 309, 325, 571
- Аренский А.С. 5 — 428
- Арсентьева Е.А. 6 — 548, 578
- Архаров И.П. 6 — 523
- Асеев Н.Н. 1 — 642, 663–665,
5 — 51, 196, 520, 725
- Атаров Н.С. 1 — 663
- Ауслендер С.А. 5 — 638, 646, 647
- Афиногенов А.Н. 2 (1) — 286
- Ахмадулина Б. (И. А.) 2 (2) — 299
- Ахмат, хан 1 — 500, 504, 840;
2 (1) — 470; 5 — 691, 758
- Ахматов К.В. 2 (1) — 470
- Ахматов С.Д. 2 (1) — 470
- Ахматова А.Е. 5 — 280, 780
- Ахматова А.Я. 2 (1) — 470
- Ахматова Е.Н. 5 — 279, 779
- Ахматова П.Ф. 1 — 504, 840;
2 (1) — 469, 470; 5 — 164, 691, 780
- Ахматовы (род) 2(1) — 470; 5 — 691
- Ашрафи М. 2 (1) — 289–291, 448
- Ашукин Н.С. 6 — 483

Б

- Бабаев Э.Г. 1 — 681; 2 (1) — 267,
268, 274, 298, 305, 307, 308, 315,
441, 443, 444, 463, 557, 558,
3 — 747, 750
- Бабель И.Э. 5 — 39, 489
- Баблер О. 5 — 233, 750
- Бабочкин Б.А. 2 (1) — 341
- Багрицкий Э.Г. 5 — 199, 448, 728
- Багряна Е. 2 (1) — 605
- Баженова Е.М. 5 — 340
- Базилевский Н.Г. 2 (2) — 475
- Байрон Д.Н.Г. 1 — 627, 632,
2 (1) — 297, 429; 2 (2) — 371;
3 — 43, 54, 97, 115, 121, 122, 131,
154, 162, 197, 204, 243, 247, 422,
512, 521, 523, 562, 563, 599,
5 — 344, 535; 6 — 57, 63, 64, 79,
84, 88, 92–94, 117, 118, 120, 132,
137, 204, 280, 362, 391, 415, 442,
445, 447
- Бакст Л.С. 5 — 12, 428, 430
- Балинский С. 2 (1) — 323
- Балтрушайтис Ю.К. 5 — 43, 511
- Балушвили В. 5 — 772, 773
- Бальзак О. де 6 — 58, 95, 96, 466,
496, 498
- Бальмонт К.Д. 1 — 687, 693, 712,
730, 885; 3 — 401, 443, 628;
5 — 65, 133, 149, 158, 357, 358, 515,
644, 647, 673, 688, 777
- Банников Н.В. 2 (1) — 399, 556,
2 (2) — 385, 389, 404, 406, 408,
505
- Баранов В.Г. 5 — 228
- Барант А.Г. 6 — 233, 240, 287, 548
- Бараташвили Н.М. 5 — 490
- Баратынский Е.А. 1 — 631, 740;
2 (2) — 299, 303, 307, 312; 3 — 46,
103, 180, 266, 270, 271, 392, 532;
4 — 476; 5 — 150, 333, 675; 6 — 60,
65, 66, 69, 72, 98, 99, 160–162,
165, 174, 438, 440, 444, 474, 535,
541
- Барклай де Толли М.Б. 6 — 209

- Барков Д 6 — 420
 Барсуков Н П 5 — 474
 Баргтнев П. И 6 — 82, 235, 260, 499, 514, 523, 526, 540, 542, 543
 Басалаев И М. 2 (1) — 95, 489
 Басманова М. П 2 (2) — 449; 6 — 304, 571
 Баталов А В 3 — 295, 296, 444, 733, 734; 5 — 165, 271, 691, 775
 Баталова Г. А 3 — 291
 Батюшков К. Н. 1 — 632; 6 — 338
 Баумволь Р. Л. 2 (1) — 298
 Бах И. С. 1 — 638; 2 (1) — 177, 292, 293, 559, 615, 2 (2) — 98, 367, 459, 3 — 169, 273, 315, 324, 326, 329, 425, 442, 623, 748; 4 — 418; 5 — 227; 6 — 325
 Бах Р. Р. 1 — 727
 Бахмутская Э. Я 2 (1) — 523
 Бахрах А. В. 5 — 460
 Бахтерев И. В. 2 (1) — 356
 Бедный Демьян 1 — 644—646, 652; 5 — 46, 513
 Беер В. А. 1 — 547; 5 — 703, 704
 Бежар (Берже) М. 3 — 449
 Безродный И. С. 6 — 325, 591
 Безыменский А. И. 1 — 642
 Бекетова М. А. 3 — 606
 Беккер Ж. 5 — 435
 Беккет С. 3 — 458
 Белинский В. Г. 3 — 671; 6 — 99
 Белкин В. П. 1 — 709, 796; 3 — 226, 229, 760; 5 — 189, 711
 Белкина В. А. 1 — 796; 5 — 189, 711
 Белобородов А. Е. 1 — 709; 4 — 461
 Белобровцев И. Э. 1 — 933
 Белов С. В. 1 — 886
 Белозерская (Ронсеваль) М 2 (1) — 530, 531, 533, 535
 Белуха Е. Д 1 — 634; 5 — 785
 Белый А. 1 — 565, 639, 886, 3 — 255, 267, 428, 429, 526, 606, 704, 5 — 39, 79, 94, 131, 248, 490, 495, 515, 558, 559, 605, 663
 Бельский В. И 2 (1) — 287
 Бельчиков Н 6 — 505
 Беляев В 2 (1) — 289
 Беляев Ю. Д 1 — 747, 3 — 94, 128, 138, 168, 180, 203, 215, 258, 266, 274, 283, 284, 287, 533, 578—581, 656, 714
 Бенкендорф А. Х. 1 — 515, 6 — 34, 35, 36, 140, 144, 162, 163, 180, 181, 214, 216, 223—225, 227—229, 429, 466, 519—521, 530, 554
 Бенуа А. Н. 1 — 636, 3 — 254; 4 — 461, 5 — 687, 695
 Бенуа Н. Л 2 (1) — 548
 Берберова Н. Н. 1 — 791, 795, 5 — 363, 378, 449, 563
 Берггольд О. Ф 2 (1) — 260, 261, 338, 346, 347, 356, 359, 360, 365, 366, 388, 3 — 561; 4 — 531, 5 — 156, 198, 423, 765, 766, 6 — 324, 591
 Бердслей (Бердсли) О. 5 — 120, 651
 Бердяев Н. А. 3 — 243, 257, 266, 407, 432, 434—436, 525, 630, 686, 703, 5 — 89, 90, 107, 133, 248, 593
 Берестов В. Д. 1 — 681; 2 (1) — 274, 275, 298—300, 305, 495, 496; 2 (2) — 342; 3 — 519
 Берия Л. П. 3 — 239
 Берковская Е. А. 6 — 588
 Берковская Е. М. 6 — 314, 582
 Берковские (семья) 6 — 321, 323
 Берковский Н. Я 1 — 689; 3 — 221, 222, 248, 665; 6 — 121, 127, 447, 449, 588
 Берлин И. 1 — 521; 2 (1) — 316, 358, 362, 378, 500, 504, 505, 507—509, 513, 518, 555, 558—562, 566, 567, 569—572, 574, 575, 582, 620, 626, 2 (2) — 231, 271, 320, 321, 324, 353, 370, 378, 436, 481, 493, 495, 496, 512, 513; 3 — 224, 256, 409, 424, 425, 453, 467, 551, 584, 585, 601, 604, 616, 622—625, 668, 693, 704.

- 745, 755–757; 5 – 368, 389, 426, 499, 500, 506; 6 – 298, 323, 324, 333, 405, 410, 563, 591, 595, 599
- Берлин Э. 2 (2) – 495
- Бернанден де Сен-Пьер Ж.А. 6 – 441
- Бернаскони, домовлад. 5 – 222
- Бернес М.Н. 2 (1) – 344
- Бернштам Л.А. 1 – 793
- Беспалов И.М. 1 – 649
- Бестужев А.А. (Марлинский) 1 – 916; 3 – 671; 5 – 383; 6 – 125
- Бестужев В. 4 – 462
- Бестужев-Рюмин К.Н. 5 – 543
- Бетанкур А.А. 6 – 539
- Бетховен Л. ван 2 (1) – 90, 293, 486, 615; 2 (2) – 147, 164, 212, 423, 447–450, 482; 3 – 442
- Бехговер К. 1 – 608
- Бехер И.Р. 2 (1) – 270
- Бехтерев В.М. 6 – 581
- Бизе Ж. 2 (1) – 287
- Билицкий Е.Я. 5 – 558
- Бильбасов В.А. 6 – 538
- Бируков А.С. 6 – 39
- Благой Д.Д. 2 (1) – 270, 440
- Блейк У. 1 – 798, 803, 832
- Блейман М.Ю. 2 (1) – 341
- Блерно Л. 2 (1) – 309
- Бло Ж. 3 – 246, 253, 689; 5 – 234, 750
- Бло Н. 3 – 689; 5 – 113, 642
- Блок А.А. 1 – 167, 217, 356, 363, 497, 517–520, 545, 546, 556–559, 564, 573, 581, 582, 589, 590, 592, 611, 616, 621, 629, 637, 640, 641, 660, 661, 687, 692, 700, 707, 710–712, 728–730, 733, 738, 739, 741, 743, 744, 748, 749, 758, 767, 768, 770–777, 783, 786, 791, 794, 795, 800, 846, 852, 863, 865, 866, 885, 886, 890, 923, 927; 2 (1) – 93, 122, 177, 264, 302, 367, 374, 375, 431, 487, 511, 512, 559, 2 (2) – 79, 284, 290, 291, 298, 303, 307, 359, 367, 368, 406, 442, 502; 3 – 140, 180, 214, 217, 220, 237, 239, 240, 243, 250, 255, 257, 262, 264, 267, 282–284, 287, 288, 290, 390–393, 397, 415, 429–435, 437, 443, 449, 461, 471, 475–477, 489, 503, 504, 525, 526, 535–538, 543, 548, 555, 564, 584, 586, 590, 601, 606, 607, 628, 648, 655, 658, 663, 664, 667, 668, 675, 682, 683, 687, 693, 698, 703, 712–714, 716, 721, 723–725, 727, 729, 730; 4 – 74, 293, 373, 418, 512, 527, 537, 542; 5 – 14, 19, 22, 25, 31, 32, 50, 60, 72–83, 88, 95, 133, 150, 153, 177, 182, 183, 197, 204, 228, 245, 248, 259, 287, 294, 302, 331, 333, 344, 350, 351, 357, 367, 373, 375, 376, 385, 407, 415, 416, 431, 447, 452–454, 476, 506, 515, 530, 541–544, 547–564, 605, 609, 619, 623, 629, 647, 660, 667, 669, 675, 715, 730, 731, 737, 757, 765, 773; 6 – 326, 327, 361, 365, 391
- Блок Л.Д. 1 – 557, 728, 864, 2 (1) – 625; 3 – 429; 5 – 81, 110, 225, 549, 555–557, 560; 6 – 361
- Блок Я.Н. 3 – 660; 5 – 96, 206, 733
- Блюмкин Я.Г. 5 – 499
- Боабдила 6 – 20
- Боборыкин П.Д. 3 – 608
- Бобринская С.А. 6 – 215, 261, 508–510, 543
- Бобринские (семья) 6 – 508
- Бобринский А.А. 3 – 476; 6 – 265, 543
- Бобров С.П. 5 – 265, 737
- Бобышев Д.В. 2 (2) – 171, 379, 431, 458, 459, 486; 6 – 10, 304, 407, 561, 571
- Богданова-Бельская П.О. 5 – 55, 81, 122, 523, 524, 652
- Богдановский А.С. 5 – 412

- Богомолов Н.А. 1 — 687, 688, 754, 798; 3 — 472, 521, 613; 5 — 363, 364, 608, 641, 663; 6 — 572
- Бодлер Ш. 1 — 27, 525, 548, 627—630, 705; 2(1) — 303, 499, 2(2) — 336; 3 — 441, 442, 458, 538, 555, 578, 750, 751; 5 — 13, 115, 141, 422, 614, 615, 642, 643, 671, 771
- Бодуэн де Куртенэ И.А. 1 — 754
- Бождерьянов А.И. 5 — 781
- Боккаччо Дж. 6 — 9, 257, 261, 407, 538
- Болдырев А.И. 2(2) — 269, 270
- Болинброк Г.С.-Д. 6 — 132
- Большинцова-Стенич Л.Д. 2(1) — 582; 2(2) — 278, 323, 385, 421; 3 — 508; 5 — 227, 412, 423, 441—443, 604, 747, 791, 792; 6 — 300, 304, 306, 318, 331, 345, 374, 402, 498, 537, 552, 566, 570, 574
- Бомарше П.О. 6 — 139, 459
- Бондарев Ю.В. 2(2) — 416
- Бонди С.М. 2(2) — 308, 309; 5 — 764; 6 — 29, 146, 166, 374, 396, 427, 432, 443, 480, 488, 508
- Боннаца Д. 2(1) — 425, 426
- Бонч-Бруевич В.Д. 1 — 665
- Борджа (Борджиа) (род) 3 — 441, 555
- Борецкий И.А. 1 — 790
- Борин А.П. 5 — 383
- Борис Годунов 1 — 659, 937; 2(2) — 110; 4 — 232, 339
- Боровиковский В.А. 3 — 542, 675
- Боровков А.К. 5 — 200, 729
- Боровкова-Майкова М.С. 6 — 484
- Бородаевский В.В. 5 — 90, 182, 594, 660
- Бородин А.П. 2(1) — 287, 292, 293
- Бортнянский Д.С. 3 — 719
- Борх С.И. 6 — 509
- Боташев Н.С. 6 — 529
- Боташева Е.В. 6 — 529
- Боткин В.П. 6 — 17
- Боттичелли С. 3 — 48, 105, 142, 184, 543, 5 — 313
- Боура М. 3 — 256, 693
- Бочкарева М. 5 — 522
- Браганцева Е.М. 2(1) — 457; 3 — 465, 509, 510, 517, 566, 567, 570, 597, 652
- Браз О.Э. 5 — 83, 564
- Браиловский С.Н. 6 — 198, 492
- Брак Ж. 5 — 12, 427
- Брамс И. 6 — 323
- Бранкюзи К. 5 — 440
- Браун Н.Л. 1 — 653; 2(1) — 365, 366
- Браунинг Р. 3 — 250, 530, 531
- Браунинг Э. 3 — 531
- Бреверн А.И. 6 — 213, 248, 506
- Брейгель П. 6 — 319
- Брик Л.Ю. 1 — 746; 3 — 243, 267, 687, 705; 5 — 53, 155, 512, 521, 681, 682
- Брик О.М. 3 — 687; 5 — 521
- Бродский И.А. 1 — 724, 930; 2(1) — 219, 586, 596, 598, 607, 608; 2(2) — 134, 230, 278, 279, 281, 297—299, 303, 307, 308, 311, 367, 410, 411, 425, 431, 461, 486, 494; 3 — 598, 623; 4 — 367, 449, 572; 5 — 54, 400—402, 523; 6 — 10, 296, 301, 305, 323, 328, 329, 333, 334, 357, 407, 561, 568, 571, 578, 593, 595
- Бродянский Б. 2(1) — 344
- Брунетто Латини 6 — 10, 407, 408
- Бруни Л.А. 3 — 401
- Бруни Н.А. 5 — 32, 55, 446, 474, 477
- Бруни Н.К. 3 — 401
- Брусиллов А.А. 5 — 515
- Брюллов А.П. 3 — 561
- Брюллов К.П. 3 — 54, 115, 153, 196, 505, 561; 5 — 669; 6 — 248
- Брюллова Л.П. 5 — 633
- Брюсов В.Я. 1 — 493, 545, 547, 548, 555, 572, 583, 590, 628, 660, 675.

- 687, 693, 694, 696, 702, 706, 712, 719, 733, 885, 951; 2 (1) — 616; 2 (2) — 302, 503; 3 — 458, 505, 518, 522, 549—550, 608, 609, 628; 5 — 91, 94, 99, 100, 103, 104, 108, 113, 115, 121, 130—132, 138, 143, 144, 149, 184, 185, 195, 212, 255, 357, 429, 436, 515, 543, 577, 598, 605, 607, 610, 614, 642, 643, 647, 660—662, 672, 673, 704, 706, 715, 718, 721, 722, 730, 738, 761—764; 6 — 312, 322, 355, 372
- Буайе П. 5 — 32, 476
- Бубнов А.С. 1 — 899
- Будберг М.И. 6 — 296, 562—563
- Будда 1 — 551
- Будыко М.И. 1 — 504, 505, 700, 701, 769, 825, 838, 848, 883, 885; 2 (1) — 352; 2 (2) — 309, 310, 3 — 554; 6 — 337
- Будыко Ю.И. 2 (1) — 351, 352; 3 — 554
- Булгаков А.Я. 6 — 82, 222, 443, 511, 518
- Булгаков М.А. 1 — 470, 931—933, 2 (1) — 444, 502; 2 (2) — 286, 428, 430, 3 — 525, 526, 745; 4 — 330, 436, 543, 554; 5 — 49, 373, 513; 6 — 329, 330, 594
- Булгаков С.Н. 3 — 407
- Булгакова Е.С. 1 — 932; 2 (1) — 44, 275, 282, 306, 444, 466; 3 — 737, 745; 4 — 280; 5 — 45, 49; 6 — 329, 330, 594
- Булгарин Ф.В. 6 — 35, 66, 196, 241, 242, 245, 415, 416, 429, 530
- Бульвер-Литтон Э.Д. 6 — 82, 443
- Бунин И.А. 3 — 704; 5 — 195, 374, 719, 720, 6 — 496
- Бунина А.П. 1 — 515
- Буренин В.П. 1 — 556; 5 — 195, 212, 715—719
- Бурже П. 3 — 481, 482; 5 — 357
- Бурлюк Д.Д. 5 — 470, 476
- Бурлюк Н.Д. 5 — 32, 470, 476
- Бутомо-Названова О.Н. 5 — 33, 478
- Бухарин Н.И. 1 — 652, 653, 659, 884; 5 — 43, 44, 46, 508, 509
- Бухаров Н.И. 6 — 284, 286—287, 553
- Бухштаб Б.Я. 5 — 38, 488
- Бушен Д.Д. 3 — 218, 283, 658, 659; 5 — 118, 128, 649; 6 — 326
- Бэньян Д. 6 — 206, 497—498
- Бэйтс Р. (Фома) 3 — 484
- Бюлер Ф.А. 6 — 228, 521
- Бюргер Г.А. 2 (1) — 34, 435, 436
- В**
- В Дм. 3 — 701
- Вагинов К.К. 1 — 890, 5 — 517
- Вагнер Р. 2 (1) — 615; 2 (2) — 301; 3 — 498
- Вакар А.Э. 1 — 516, 541; 5 — 222
- Вакар В.В. 1 — 546
- Вакар В.М. 1 — 541
- Ваксель О.А. 5 — 29, 36, 462, 466, 467
- Валери П. 3 — 52, 113, 150, 192, 250, 253, 557, 691; 6 — 353
- Валерская Е.К. 3 — 543
- Валуев П.А. 6 — 219, 229, 248, 506
- Вальцер (Вельцер) М.Ф. 5 — 216, 245, 246, 248—250, 270, 741, 742
- Вандаль Б.Ж де 6 — 267
- Вардин Ил 1 — 641
- Варужан Д. 1 — 635, 4 — 522; 5 — 257, 764
- Варшавский С.И. 2 (1) — 376
- Василевская В.Л. 2 (1) — 318
- Василенко С.Н. 1 — 688; 2 (1) — 287, 289, 448, 3 — 472
- Васильев В.В. 3 — 449

- Васильев Г.Н. 5 — 487
 Васильев Н.В. 1 — 947
 Васильев С.Д. 5 — 487
 Васильева М. 5 — 426
 Васильчикова А.И. 6 — 231, 523
 Васнецов В.М. 1 — 710
 Вахтангов Е.Б. 3 — 564; 5 — 509
 Вахтин Б.Б. 2 (2) — 412
 Вацуро В.Э. 6 — 395
 Введенский И.И. 6 — 564
 Вебер К.М. фон 3 — 706
 Вега Карпыо Л.Ф. де 3 — 730; 5 — 63, 64, 67, 536, 537
 Вейнберг П.И. 5 — 765
 Веласкес 3 — 439
 Венецианов А.Г. 3 — 542
 Венников В.П. 5 — 533
 Вентцель Н.Н. 5 — 730
 Вербицкая А.А. 5 — 356
 Вербловская И. 1 — 617
 Вергилий П.М. 2 (2) — 81, 368, 369, 371, 372, 421; 3 — 178, 704; 4 — 378, 422; 5 — 192, 230, 6 — 10, 131, 391, 422, 451
 Верди Д. 3 — 50, 109, 550, 551; 5 — 624
 Вересаев В.В. 1 — 642; 6 — 383, 399, 505, 536, 543
 Верещагин В.В. 3 — 383—385
 Верещагин Вас. Вас. 3 — 383
 Верлен П. 1 — 525; 2 (1) — 281; 2 (2) — 307, 308; 3 — 578; 5 — 11, 13, 422, 425, 427
 Вернадский Г.В. 3 — 243, 686, 687
 Вернер 5 — 12, 237
 Верстолак (Ферстолак) ван Сулен Ж.Ж. 6 — 507, 509
 Вертинский А.Н. 1 — 711, 780; 3 — 543
 Верхарн Э. 5 — 72—74, 542, 543
 Верховский Ю.Н. 1 — 554; 2 (2) — 352; 5 — 90, 456, 594; 6 — 447
 Верхоустинский Б.А. 4 — 462; 5 — 477
 Веспасиан 2 (2) — 218, 487
 Вечеслова Т.М. 1 — 861, 866; 2 (1) — 124, 388, 513—516; 2 (2) — 269; 3 — 231, 675, 676, 4 — 293, 537, 542; 5 — 288, 289
 Вивальди А. 2 (1) — 292, 572, 615; 2 (2) — 179, 450, 452, 468, 470; 6 — 313
 Вигдорова Ф.А. 2 (2) — 297, 298
 Вигель Ф.Ф. 6 — 81, 144, 299, 441, 465, 466, 564
 Вигорелли Д. 5 — 19, 373, 438
 Видок Э.Ф. 6 — 35, 429—430
 Висльгорский М.Ю. 6 — 522
 Висльгорский Мих.Ю. 6 — 228, 229, 522, 543
 Виже-Лебрэн М.-Л.-Е. 5 — 123, 653
 Вийон Ф. 1 — 764; 5 — 30, 90, 113, 127, 592, 741; 6 — 371
 Виктория, англ. королева 2 (1) — 29, 431; 3 — 486
 Викторов В. 2 (1) — 289, 293
 Вила-Лобос Э. 2 (2) — 122, 405, 406; 6 — 560
 Виленкин В.Я. 1 — 548, 681, 682, 687, 931, 932, 950; 2 (1) — 402, 434, 495, 518, 522, 579, 610, 613, 624; 2 (2) — 448; 3 — 395, 420, 467, 471, 508, 509, 519, 572, 573, 614, 616, 635, 649, 651, 670, 710, 711; 5 — 412, 415, 420, 423—426, 442, 443, 447, 448, 470, 482, 492, 685, 693, 740, 741, 790; 6 — 300, 386, 398, 557, 594
 Виллон Ф. см. Вийон Ф.
 Вильсон Г. 6 — 430
 Виноградов В.В. 1 — 616, 636, 708; 2 (2) — 308; 5 — 87, 97, 232, 247, 570, 605; 6 — 331, 396, 482, 597
 Виноградов Н. 6 — 56
 Виноградова Н.М. 6 — 331, 597
 Винокур Г.О. 6 — 74, 441
 Винокуров Е.М. 1 — 937
 Винтер, бонна 1 — 528; 5 — 356

- Виньи А.В., де 1 — 629; 3 — 613
 Вирек П 3 — 233, 238, 678, 679
 Вирта Н.Е. 2 (1) — 287
 Витгенштейн Л.П. 6 — 516, 517
 Витгенштейн П.Х. 6 — 517
 Витт И.О. 6 — 140, 153, 456, 465, 494
 Вишневская Г.П. 2 (2) — 122, 404—406; 6 — 299, 559
 Вишневская Н.А. 2 (1) — 297, 456
 Вишневский В.В. 2 (1) — 286, 375; 5 — 200, 608, 696, 729
 Владимир I Святославович 1 — 189, 784; 2 (2) — 392; 3 — 476; 4 — 93
 Владимир II Мономах 3 — 31, 409, 410, 496; 6 — 175
 Владимир Александрович (Романов), вел. кн. 1 — 528; 5 — 356
 Воейков А.Ф. 6 — 515
 Воейков В.Н. 3 — 485
 Вознесенский А.А. 2 (2) — 299
 Волков А.А. 5 — 604
 Волков В.М. 6 — 410
 Волков П.С. 2 (1) — 545
 Волков С. 2 (1) — 586, 587; 2 (2) — 367, 495; 5 — 93, 400—402
 Волкова М. 1 — 827
 Волконская Э.А. 6 — 470, 536
 Волконская М.Н. 6 — 470
 Волконский С.Г. 6 — 442
 Волконский С.М. 3 — 535; 5 — 35, 482
 Волошкие (род) 6 — 80
 Волошин (Кириенко-Волошин) М.А. 1 — 643; 2 (1) — 616; 3 — 505, 619, 620, 721; 5 — 24, 99, 108—110, 113, 126, 452, 453, 466, 482, 543, 597, 629—633, 639, 670; 6 — 312, 579
 Волькенштейн В.М. 2 (1) — 275
 Волькенштейн М.М. 2 (1) — 275
 Волькенштейн Ф.Ф. 5 — 500, 502, 503
 Вольпе Ц.С. 5 — 39, 488
 Вольтер 2 (1) — 492; 6 — 34
 Вольф М.О. 4 — 461
 Воля 6 — 305, 571
 Воронский А.К. 1 — 641
 Воронцов А.Р. 2 (1) — 389
 Воронцов М.С. 6 — 151, 166, 388, 457, 469, 520
 Воронцов С.М. 6 — 523
 Воронцова Е.К. 6 — 151, 157, 388, 457, 469, 520
 Воронцовы (семья) 6 — 324
 Востокова Н.Б. 6 — 510
 Врангель Н.Н. 5 — 168, 638
 Врангель П.Н. 5 — 482
 Вревская Е.Н. 6 — 220, 221, 236, 237, 240, 514, 515, 528, 541
 Вревский Б.А. 6 — 514, 541
 Врубель М.А. 2 (2) — 99, 384; 3 — 266, 703; 4 — 309, 412; 5 — 14, 80, 211, 407, 736; 6 — 281, 549, 551
 Всеволожский Н.В. 6 — 199, 420, 493
 Вульф Ал.Н. 6 — 37, 430
 Вульф Анна Н. 6 — 514
 Вульф В. 1 — 827
 Выгодская П. 5 — 727
 Вырубова А.А. 3 — 265, 486; 5 — 125, 657
 Высотская О.Н. 5 — 123, 126, 652, 653
 Высотский О.Н. 1 — 588; 5 — 123, 126, 653
 Вышинский А.Я. 1 — 666
 Вышнеградская 5 — 549
 Вяземская В.Ф. 6 — 110, 123, 138, 140, 152, 178, 242, 263, 447, 459, 478, 479, 483, 484, 505, 519, 525, 542
 Вяземская-Валуева М.П. 6 — 213, 219, 242, 505, 506
 Вяземские (семья) 6 — 213, 214, 218, 234, 237, 242, 259, 261, 438

Вяземский П.А. 2 (1) — 460, 577,
2 (2) — 336; 3 — 563; 6 — 58—73,
76, 82, 87, 94, 95, 99, 102, 123, 125,
130, 138—140, 146, 152, 162, 168,
175, 180, 198, 215, 216, 220—222,
230, 233—235, 238, 240, 251, 252,

254, 256, 257, 284, 289, 432, 436—
439, 447, 448, 458, 459, 467, 474,
477—479, 482—484, 490, 495,
505, 508, 510, 511, 515, 516, 518,
524, 526, 541, 543

Г

Габбе Т.Г. 1 — 933, 934
Габрилович Е.И. 2 (1) — 330
Габричевский А. 6 — 497
Гавриил Константинович (Романов),
вел. кн. 3 — 716, 717
Гагарин И.С. 6 — 230, 523
Галахов Л. 1 — 513
Галь, А.А. 2 (1) — 298; 2 (2) — 299
Галкин В.С. 2 (1) — 347
Галкин С.Э. 2 (1) — 482, 483;
2 (2) — 362; 3 — 223, 667, 673
Гальперина Е.К. 5 — 52, 521
Гальперн А. 3 — 704
Гамсун К. 1 — 708; 2 (1) — 447;
3 — 172, 626, 628; 5 — 215, 396, 741
Ган, фотограф 5 — 169
Ганди М.К. 6 — 572
Ганзен А.В. 1 — 887
Ганская Э. 6 — 466
Гаприндашвили В. 5 — 773
Гарднер В. 1 — 608
Гарелина Л.М. 5 — 644
Гарсен-Моδιαьяни Е. 5 — 430
Гаршин Вл.Г. 1 — 483, 663, 671, 912,
945, 950; 2 (1) — 24, 257, 343, 346—
354, 418, 419, 426, 427, 447, 456,
469, 475, 481, 482, 484, 485, 488,
504, 506, 510; 3 — 52, 425, 454, 514,
518, 519, 552—554, 566, 570, 596,
618, 708, 736; 6 — 543, 569
Гаршин Вс.М. 3 — 552
Гаршина К.Г. 2 (1) — 352; 3 — 554
Гаршина Т.В. 2 (1) — 349, 351, 353;
3 — 553
Гаспаров М.А. 5 — 379

Гафур Гулям 2 (1) — 270, 336
Гейдройц В.И. 3 — 522; 5 — 251, 477,
759
Гейне Г. 2 (1) — 303, 510; 3 — 552;
5 — 535
Гейнсборо Т. 5 — 425
Геккерн Л.Б. де Б. 6 — 180, 211—216,
218—220, 222, 223, 225, 230, 232,
235—240, 243, 244, 246—248,
251—254, 256, 258—260, 266, 378,
379, 501—503, 505, 507, 509—513,
517, 519, 521, 523, 524, 526, 527,
529, 531, 532, 543, 544
Гелескул А.М. 2 (1) — 595
Гельфанд Н. 5 — 424
Генрих IV Бурбон 5 — 423
Генрих VII Тюдор 3 — 562
Генрих VIII Тюдор 6 — 302, 567
Георг III Ганновер 3 — 521
Георгиев Б. 5 — 233, 750
Георгиевский, домовлад. 5 — 134
Герасимов С.А. 2 (1) — 341
Герасимов Ю.К. 2 (1) — 482, 483
Гервес, бар. 6 — 531
Герман П. 2 (1) — 407
Герман Ю.П. 2 (1) — 384, 388
Гермониус А.К. 1 — 609, 843
Геродот 2 (2) — 439; 6 — 563
Герус Г.А. см. Козловская-Герус Г.А.
Герцен А.И. 2 (1) — 180, 561, 562;
5 — 361, 362, 494, 498, 500, 501;
6 — 168, 481
Герцык (Лубны-Герцык) А.К. 3 — 523;
5 — 113, 456, 642
Герцык (Лубны-Герцык) Е.К. 5 — 113,
456, 457, 642

- Герштейн Э.Г. 1 — 688, 697, 905, 910;
2 (1) — 370, 388, 402, 428, 498,
539, 576, 577, 617—619; 2 (2) — 309,
336, 404, 406, 408; 3 — 425, 471,
565, 566, 656, 736; 5 — 52, 157,
381—384, 416, 467, 468, 473, 487,
490, 496, 497, 499, 509—511, 519,
521, 683, 684, 687, 688, 752, 761,
783; 6 — 282—288, 311, 376—378,
395, 396, 398, 399, 408, 422, 441,
444, 445, 451, 467, 468, 471, 488,
498, 508—510, 529, 530—532, 536,
552—555
- Гесиод 5 — 473
- Гессен А.И. 1 — 633, 634, 5 — 97,
208, 231, 247, 750, 785
- Гете И.В. 1 — 47, 713, 881, 950;
2 (1) — 53, 107, 147, 495, 496, 539,
554; 2 (2) — 342; 3 — 43, 46, 98,
104, 132, 139, 172, 182, 239, 246,
249, 264, 267, 279, 285, 286, 350,
431, 523, 524, 535, 621, 630, 632,
633, 713, 714, 716, 727, 745, 759;
4 — 280; 5 — 89, 104, 152, 165, 375,
407, 588, 624, 678, 6 — 83, 128,
388, 449
- Гизетти А. 1 — 583
- Гилельс Э.Г. 2 (1) — 615
- Гиллельсон М.И. 6 — 87
- Гиль Р. 5 — 13, 429, 436
- Гильдебрандт-Арбенина О.Н. 3 — 544,
613; 5 — 29, 30, 99, 464, 465, 471,
499, 607, 609
- Гинзбург Л.Я. 1 — 667, 682, 779,
872—873, 2 (2) — 377; 3 — 228,
232, 254, 573, 619, 672; 5 — 38,
423, 488, 514, 783
- Гинзбург С.Л. 2 (1) — 293
- Гиппиус В.В. 1 — 573, 603, 604;
2 (2) — 508, 4 — 462; 5 — 25, 32,
65, 297, 454, 455, 477
- Гиппиус З.Н. 1 — 561, 562, 652, 691,
770, 801, 835, 836, 845—848, 879,
881, 882; 5 — 133, 182, 663, 696,
697, 705
- Гитлер А. 1 — 501; 2 (1) — 290;
5 — 194, 365
- Гитович А.И. 3 — 744; 6 — 296, 562
- Гитович С.С. 3 — 744
- Гитовичи (семья) 2 (2) — 412;
6 — 296
- Глазунов А. 6 — 16
- Глазунов А.К. 2 (1) — 292, 293;
3 — 555
- Глазунов Н. 6 — 417
- Гласе А. 6 — 519
- Глебов И. 6 — 418
- Глебов С. 2 (2) — 362; 3 — 292, 732
- Глебова Т.В. 3 — 543
- Глебова-Судейкина О.А. 1 — 124,
359, 622, 688, 705, 735, 741, 744,
747, 748, 756, 865, 868, 921, 950,
2 (1) — 514; 3 — 94, 128, 168, 215,
217, 231, 236, 261—262, 265, 274,
280, 283, 286, 288, 289, 424, 441,
524, 533, 536—539, 541—543, 545,
549, 550, 555, 560, 567, 571—573,
577—581, 604, 607, 620, 637—640,
656, 658, 659, 675, 677, 690, 712,
728, 731; 4 — 55, 193, 512;
5 — 55, 76, 79—81, 202, 224, 392,
506, 524, 550, 556, 560, 711, 730,
759; 6 — 326, 366, 367
- Глен Н.Н. 1 — 682, 690; 2 (1) — 401,
427, 428, 564, 597; 2 (2) — 277,
280, 285, 338, 416; 3 — 473, 691;
4 — 555—557, 562; 5 — 69, 226,
540, 747, 752; 6 — 300, 314, 326,
331, 338
- Глекин Г.В. 2 (1) — 261; 3 — 508;
5 — 769
- Глинка М.И. 2 (1) — 287, 293
- Глинка Ф.Н. 6 — 420
- Глиэр Р.М. 2 (1) — 454, 515
- Глоцер В.И. 3 — 506
- Глюк К.В. 2 (1) — 581

- Гнедич Н.И. 1 — 632; 5 — 451;
6 — 420, 473, 485, 486
- Гнедич Т.Г. 2 (1) — 357
- Гогенлоэ-Лангенбург-Кирхберг
Х.Л.Ф.Г. 6 — 223, 518
- Гоголь Н.В. 1 — 436, 906; 2 (1) — 606;
2 (2) — 511; 3 — 250, 253, 257, 402,
428, 462, 526, 535, 546, 547, 579,
584, 590, 737; 4 — 341; 5 — 271,
366, 526; 6 — 439, 587
- Гойя Ф.Х. де 3 — 173, 307, 630
- Голенищев-Кутузов В.В. 1 — 541,
543, 697, 703
- Голенищева-Кутузова О.В. 5 — 120,
651
- Голицын А.Н. 6 — 41, 286, 431, 554
- Голицын А.Н., мл. 6 — 286, 553, 554
- Голицын В.С. 6 — 96, 283, 443, 552,
553
- Голицына А. 6 — 441
- Голицына М.А. 6 — 517
- Голицына Н.П. 6 — 205
- Голицыны (род) 6 — 283
- Голлербах Э.Ф. 1 — 766; 3 — 538;
5 — 37, 170, 357, 396, 482, 483,
596, 640, 737
- Головачева А.В. 5 — 219, 744; 6 — 308,
312, 569
- Головин А.Я. 5 — 429, 629
- Голубева М.А. 2 (1) — 447; 2 (2) — 392;
6 — 567
- Голубков Д.Н. 4 — 564
- Голубенцев Н.А. 2 (2) — 277
- Гольдони К. 3 — 581
- Гольцев В.П. 5 — 785
- Гомер 1 — 466, 592, 627, 926;
2 (1) — 452; 2 (2) — 147, 310, 423;
3 — 573; 4 — 228, 252, 313, 397;
5 — 143; 6 — 9, 21, 392, 407, 490
- Гонзаго П. ди Г. 3 — 280, 717
- Гончаров Д.Н. 6 — 268, 379, 384,
533, 541, 544
- Гончаров И.Н. 6 — 541
- Гончаров Н.А. 6 — 122
- Гончарова А.Н. 5 — 239, 270, 767,
775, 779
- Гончарова (в замуж. Фризенгоф) А.Н.
6 — 210, 218, 220, 224, 248, 253,
254, 256—258, 260—270, 373, 476,
499, 534, 536—538, 541—545
- Гончарова Е.Н. 6 — 213—215, 219,
221, 222, 224, 226, 232—234, 239,
240, 246, 248, 253—256, 259, 262,
264—270, 442, 476, 502, 504, 505,
510, 513, 524—526, 534, 538—540,
542—545
- Гончарова Н.Г. 1 — 937; 3 — 715; 5 — 755
- Гончарова Н.И. 6 — 110, 124, 134,
146, 249, 261, 265
- Гончарова Н.Н. см. Пушкина Н.Н.
- Гончарова Н.С. 3 — 264, 696, 698;
5 — 142, 665
- Гончаровы (братья) 6 — 261
- Гораций К.Ф. 2 (2) — 165, 177, 390,
434, 452, 466, 486; 3 — 247; 6 — 131,
200, 303, 451, 493, 550, 569
- Горбаневская Н.Е. 2 (1) — 398;
2 (2) — 299
- Горбатов Б.Л. 2 (1) — 317
- Горбачев Г.Е. 1 — 636, 642
- Горбовский Г.Я. 2 (2) — 299
- Горенко (семья) 1 — 169, 504, 523,
533, 714, 745; 5 — 169, 338, 342,
348, 357, 545
- Горенко Андр. Андр. 1 — 502, 509,
541, 616, 706; 5 — 222, 293, 340,
347, 348, 690, 753
- Горенко Андр. Ант. 1 — 503, 504,
506—513, 551, 557, 558, 588, 591,
747; 3 — 754; 5 — 169, 180, 213,
215, 223, 226, 236, 338, 339, 347,
348, 365, 396, 694, 747, 752; 6 — 325
- Горенко Ант. А. 1 — 504, 505
- Горенко В.А. 1 — 329, 502, 505, 511,
513—515, 541, 616, 854; 2 (1) — 586;
2 (2) — 457; 5 — 293, 327, 748, 753;
6 — 318, 587

- Горенко Ин. А. 1 — 502, 509, 523, 541, 695, 715; 5 — 293, 397, 669, 753
- Горенко Ин. Э. 1 — 486, 495, 510, 514, 516, 517, 541, 555, 591, 625, 697, 698, 826, 948; 5 — 74, 95, 135, 226—228, 233, 339, 347, 348, 753, 758
- Горенко И.А. (Рика) 1 — 502, 541; 5 — 169, 216, 218, 222, 293, 753
- Горенко Ия А. 1 — 187, 502, 523, 524, 541, 783; 5 — 74, 216, 222, 293, 753
- Горенко Х.В. 5 — 227, 748
- Горнунг Л.В. 2 (1) — 445
- Горный С. 5 — 666
- Городецкая А.А. 2 (1) — 279; 5 — 76, 550, 556
- Городецкая Р.С. 2 (1) — 279
- Городецкие (семья) 5 — 80, 549
- Городецкий А.М. 5 — 475
- Городецкий С.М. 1 — 556, 565, 566, 572, 574, 576, 652, 791; 2 (1) — 266, 270, 279, 440, 451; 2 (2) — 509; 3 — 264, 265, 281, 699, 721; 4 — 461, 462; 5 — 30, 32, 44, 94—96, 98, 132, 185, 297, 446, 456, 471, 475, 476, 512, 530, 550, 562, 563, 605, 606, 646, 648, 660, 704—706; 6 — 299
- Горский А.К. 2 (2) — 303—307
- Горький М. 1 — 620, 649, 653, 688, 883; 2 (1) — 286, 287, 316, 321, 362, 374, 440, 512, 531; 3 — 471, 734; 5 — 165, 416, 507, 691; 6 — 437, 562
- Готхарт Н.А. 1 — 908; 2 (1) — 262, 497; 2 (2) — 469
- Готье Т. 1 — 525, 629, 722; 2 (1) — 452; 3 — 535, 539, 552, 593, 630; 5 — 432, 614
- Гофман М.А. 5 — 456
- Гофман Э.Т.А. 1 — 492, 681, 950; 2 (1) — 487; 3 — 33, 44, 134, 175, 222, 238, 247, 308, 410, 413, 495, 499, 526, 617, 626, 627, 716; 4 — 221, 257, 262, 554; 6 — 160, 174
- Гоцци К. 1 — 770; 3 — 524, 526, 581
- Грааль-Ареальский 5 — 477
- Гранди 5 — 189
- Гранин Д.А. 2 (2) — 310; 5 — 326
- Гребенщikov Я.П. 1 — 891
- Грессе Ж.Б.Л. 6 — 452
- Греч Н.И. 6 — 387, 429, 442
- Гречишкин С.С. 5 — 550
- Гржебин Э.И. 1 — 563, 688; 5 — 111, 301
- Грибачев Н.М. 2 (1) — 413
- Грибоедов А.С. 1 — 913, 920, 921; 2 (1) — 303; 3 — 640; 5 — 162, 187, 217, 689; 6 — 469
- Григ Н. 2 (2) — 262, 267
- Григорьев Б.Д. 1 — 534, 665, 925; 3 — 263, 697
- Григорьева А.М. 6 — 311, 579
- Гримм Д. 1 — 429, 902
- Гримм, Я., В. 6 — 46, 433—435
- Грин А.С. 5 — 490
- Грин Н.Н. 5 — 490
- Грин-Ильзен Е.А. 2 (2) — 426; 6 — 306, 573
- Гринберг И.Л. 1 — 669, 670; 2 (1) — 463
- Гринберг Ф.Н. 2 (2) — 368, 402; 3 — 253, 506, 570, 692
- Гриневицкий И.И. 3 — 640
- Гриц Т.С. 5 — 157, 684, 687
- Гришашвили И. 2 (2) — 266
- Гроссман В.С. 2 (1) — 317; 2 (2) — 353
- Грэм И.А. 1 — 754, 834, 835; 3 — 425, 441, 524, 555, 587, 724; 5 — 554, 559, 560
- Гузик А.Я. 2 (1) — 286
- Гуковская Н.В. 1 — 891
- Гуковский Г.А. 1 — 872; 5 — 38, 488; 6 — 370
- Гуль Р.Б. 5 — 106, 627
- Гулям Х. 2 (1) — 289, 535

- Гумилев Д.С. **2** (1) — 609; **5** — 99, 139, 340, 393, 583, 607, 645, 646, 788
- Гумилев Л.Н. **1** — 105, 152, 180, 213, 231, 236, 251, 312, 381, 390, 396, 424, 430, 441, 444, 450—453, 468, 476, 477, 588, 591, 592, 620, 625, 649, 650, 651, 663, 667, 740, 809, 810, 818, 834, 873, 874, 877, 898, 899, 910, 911, 914, 923, 930, 943; **2** (1) — 207, 257, 273, 304, 326, 348, 386, 388, 390, 391, 471, 526, 528, 531, 538, 539, 562, 601, 602, 618, 619; **2** (2) — 261, 272, 279, 280, 300, 428, 430; **3** — 34, 35, 202, 243, 255, 267, 487, 494, 586, 682, 683, 735, 741, 747; **4** — 335; **5** — 15, 25, 52, 118, 129, 162, 194, 217, 228, 233, 238, 247, 248, 344—346, 353, 361, 373, 381—384, 397, 455, 496, 498, 499, 510, 511, 612, 649, 650, 788; **6** — 293, 326, 330, 552, 588, 589
- Гумилев Н.С. **1** — 27, 104, 180, 208, 213, 231, 233, 248, 251, 268, 367, 441, 466, 497, 501, 503, 509, 511, 525, 526, 528, 532, 533, 535, 537, 541, 542, 548—549, 551, 552, 554, 556, 557, 561, 565, 566, 570—572, 574, 577, 581, 588, 590, 591, 593, 594, 607—610, 616—621, 626—631, 633, 640, 649, 652, 653, 675, 678, 687, 694, 698, 701, 703, 706, 707, 709, 710, 714, 722, 724, 726, 731, 735—740, 743—746, 748, 750, 751, 753, 754, 758, 760, 763, 764, 771, 781—783, 786—788, 790, 791, 795, 797, 798, 809—812, 816—818, 828, 829, 832—835, 843, 845, 853, 857, 862, 864, 866, 869, 871, 872, 874, 876, 878—880, 884, 885, 887, 890, 893, 897, 899, 903, 918, 919, 926, 935, 951; **2** (1) — 172, 356, 363, 452, 497—499, 502, 525, 554, 559, 562, 589, 609, 611, 616, 619, 628, **2** (2) — 114, 274, 287, 301, 302, 310, 311, 336, 337, 359, 360, 394, 395, 406, 408, 440, 441, 513, 521; **3** — 24, 113, 220, 240, 264, 267, 358, 361, 380, 383, 387, 397, 399, 409, 416, 420, 434, 440, 447, 454, 461, 471, 476, 477, 505, 512, 520, 523, 530, 532, 535, 539, 540, 552, 558, 564, 565, 571, 573, 575, 576, 582, 586, 588, 592—594, 628, 630, 647, 659—661, 663, 664, 670, 675, 698—700, 705—706, 724, 726, 741, 749—752, 754, 758, 759, 761; **4** — 108, 195, 361, 443, 462, 475, 510, 525, 540, 550; **5** — 14, 15, 23—25, 28, 31, 32, 36—38, 53, 60—62, 64, 65, 77, 81, 83, 85—96, 98—106, 108—139, 141—145, 149, 169, 176, 178, 180, 182—185, 188, 197, 199, 204, 212, 213, 218, 222—224, 228, 229, 237, 245, 246, 249, 277, 278, 284—290, 292—294, 296, 297, 300, 301, 310, 311, 315, 327, 340—347, 349—352, 357, 358, 363, 375, 377—380, 384—392, 394, 400, 407, 411, 416, 417, 421, 425, 431, 432, 436, 446, 447, 449, 452, 454—456, 460, 464—467, 470, 471, 473—476, 478, 482, 486, 494, 496, 499, 506, 516, 528—530, 535, 540, 552, 553, 558—561, 564—566, 569, 571—574, 576—579, 581, 583—592, 594—635, 639—660, 663—673, 675—677, 694, 700—702, 704—707, 711, 712, 724, 725, 727, 728, 731, 737, 740, 743, 745, 746, 755, 756, 758, 759, 773, 776, 777, 779, 781, 783—785, 788, 789, 791—793; **6** — 8, 9, 291, 312, 322, 325, 326, 343—346, 352, 356—360, 369, 375, 389, 391, 392, 403, 406, 407, 486, 556, 579, 581

- Гумилев С.Я. 1 — 552; 5 — 99, 606
 Гумилева А.А. 2 (1) — 609; 5 — 99, 103, 118, 126, 129, 137, 139, 145, 393, 583, 585, 586, 606, 612, 623, 645, 788
 Гумилева А.И. 1 — 517, 591, 607, 710, 782, 809, 834, 857, 874, 876, 877, 2 (1) — 273; 3 — 586; 5 — 99, 118, 139, 170, 228, 363, 449, 583, 587, 606, 617, 650, 700, 788; 6 — 326
 Гумилева А.Н. 2 (1) — 497; 5 — 116, 122, 351, 464, 465, 581, 586, 609, 644
 Гумилева Е.Н. 5 — 586, 644
 Гумилева Н.В. 6 — 559
 Гумилевы (семья) 1 — 526, 557, 573, 709, 749, 856; 2 (1) — 559, 590; 5 — 340, 473, 617, 658
 Гуно Ш. 2 (1) — 496; 2 (2) — 39, 344
 Гуревич С.М. 5 — 631
 Гурьев Д.А. 6 — 82, 443
 Гусев В.М. 2 (1) — 264, 266
 Гого В.М. 2 (1) — 281; 2 (2) — 263, 264, 266; 5 — 11, 62, 260, 427, 528, 531, 767
 Гюисманс Ж.К. 3 — 628
 Гюнтер И. фон 5 — 234, 633, 638, 750

Д

- Да Понте Л. 3 — 520, 745; 5 — 645, 6 — 92, 101, 103, 105, 114, 444
 Давид Ж.Л. 3 — 675; 5 — 777
 Давтян Л.А. 1 — 886
 Даддингтон Н. 1 — 635
 Дали С. 3 — 719
 Даль В.И. 1 — 501, 537, 716, 757, 789; 2 (1) — 433; 2 (2) — 439, 470; 3 — 611
 Дальский (Неелов) М.В. 3 — 580
 Данзас К.К. 6 — 223, 226, 236, 258, 519, 527
 Данилин Ю.И. 2 (1) — 273
 Даниэль Ю.М. 2 (2) — 297
 Д'Аннунцио Г. 3 — 448, 609, 752; 6 — 9, 407
 Данте А. 1 — 403, 431, 466, 657, 903, 926, 942; 2 (1) — 192, 199, 313, 428, 573, 574, 585, 593; 2 (2) — 141, 163, 295, 298, 310, 311, 325, 348, 372, 420, 421, 428, 430, 446, 447, 472, 497, 509; 3 — 148, 322, 426, 427, 517, 612, 752; 4 — 219, 222, 228, 252, 255, 313, 325, 355, 361, 383, 388, 397, 440, 521, 523, 524, 526, 529, 544, 567; 5 — 13, 22, 24, 39, 40, 63, 66, 67, 69, 192, 228, 230, 313, 373, 407, 434, 473, 480, 535, 597, 761; 6 — 7—10, 70, 322, 329, 330, 343—348, 351, 375, 391, 392, 395, 399, 401—408, 590, 596, 597
 Дантес Геккерн Ж.К. 6 — 181, 210—240, 242—244, 246—248, 251—254, 256—262, 264—270, 274, 287, 378, 379, 381, 386, 442, 476, 499—507, 509—513, 515—521, 523—527, 529, 532, 534, 538—546
 Данько Е.Я. 1 — 634, 665; 3 — 553, 586
 Данько Н.Я. 5 — 42, 506, 785
 Д'Аршиак 6 — 221, 226, 227, 236, 505, 516, 521, 527
 Даудель Н.И. 5 — 165, 217, 218, 222
 Дашкевич Н.П. 6 — 57, 89, 135, 440
 Дашков Д.В. 6 — 18, 421
 Де Бове Сенезский, епископ 3 — 450
 Деброс С. 5 — 423
 Дебюсси К.А. 2 (1) — 293; 3 — 261, 283, 609, 657; 5 — 430
 Дедюлин С.В. 2 (1) — 486, 504; 2 (2) — 339, 443, 502, 505

- Дезари 3 — 705
 Делла-Вос-Кардовская О.Л. 1 — 497,
 2 (1) — 620; 3 — 586; 5 — 87, 760
 Делоне (род) 5 — 528
 Делоне С.Б. 5 — 60, 528, 530
 Дельвиг А.А. 3 — 671; 5 — 700;
 6 — 65, 89, 158, 415, 420, 440, 484
 Дементьев А.Г. 2 (2) — 319
 Дементьев М.А. 6 — 544
 Демидова А.К. 6 — 242, 529
 Демулэн К 5 — 502
 Демут Е.Ф. 6 — 158
 Демут-Малиновский В.И. 1 — 173,
 768, 779, 784
 Демчинко, домовлад. 5 — 223
 Демьяновская Э.Э. 1 — 516
 Демьяновский 1 — 697
 Деникин А.В. 1 — 916
 Денисьева Е.А. 5 — 527
 Державин В.В. 2 (1) — 297; 2 (2) — 325
 Державин Г.Р. 1 — 524, 642, 871,
 2 (1) — 391; 2 (2) — 21, 325;
 3 — 484; 5 — 180, 218, 236; 6 — 30,
 125, 129, 132, 398, 489
 Державин К.Н. 6 — 421, 422
 Держинская К.Г. 2 (1) — 292
 Дерин И.Я. 5 — 178
 Дефо Д. 1 — 278; 4 — 112
 Дешарт О. 5 — 390
 Дешевов В.М. 1 — 714
 Джагатай (Чегатай) 2 (1) — 470, 521
 Джалнль М.М. 2 (2) — 262—263
 Джапаридзе К. 2 (1) — 286
 Джовитт В. 1 — 802
 Джойс Д. 1 — 911, 914; 2 (1) — 278,
 593, 596; 2 (2) — 378; 3 — 21, 365,
 458, 487, 491, 762; 5 — 15, 23, 51,
 407, 432
 Диккенс Ч. 1 — 697; 5 — 704; 6 — 589
 Дикман М.И. 1 — 735; 2 (1) — 518;
 2 (2) — 296; 4 — 566
 Дилакторская Н.Л. 1 — 677, 679, 699,
 700, 704—708, 710, 711, 713, 714,
 716, 718, 720—722, 725—733, 735,
 737, 739, 740, 742, 743, 745—747,
 756, 759, 765, 775, 777, 778, 781—
 784, 788—793, 799—802, 805—
 816, 818—827, 833—837, 841,
 843—846, 848, 850, 851, 854, 855,
 860—862, 864, 866, 868—872,
 874, 877—883, 887, 891—897, 900,
 902—905, 911—914, 918—920,
 922—927, 938, 940, 942—946, 949,
 950; 2 (1) — 405, 406, 408, 409,
 412, 413, 416, 421, 423, 425, 426,
 429—431, 433, 434, 436, 439—441,
 443, 445—454, 457—462, 466—
 469, 472, 474, 482, 483, 485, 486,
 488, 490, 492, 495, 498, 499, 506,
 507, 621
 Диоклетиан 3 — 608
 Довгелло С.П. 5 — 554
 Дмитрий, царевич 1 — 937, 938;
 2 (1) — 238, 619; 2 (2) — 340
 Дмитриев В.В. 2 (1) — 613
 Дмитрий Донской 1 — 757, 902;
 2 (1) — 179, 180, 561; 4 — 373, 418,
 544, 547
 Дмитриев И.И. 6 — 129, 130, 132,
 451, 454, 541
 Дмитриев-Мамонов А.М. 6 — 479
 Дмитриев-Мамонов М.А. 6 — 164,
 168, 169, 171, 174, 175, 178, 231, 479,
 481
 Дмитрий Павлович (Романов), вел.
 кн. 3 — 485
 Добин Е.С. 2 (2) — 498; 3 — 235,
 261, 680; 6 — 326, 592
 Добролюбов Н.А. 1 — 627; 5 — 488
 Добротворский, врач 5 — 354
 Добужинский М.В. 1 — 492, 607,
 950; 3 — 699; 4 — 221, 257, 503,
 510; 5 — 430
 Добычина Н.Е. 3 — 263, 695—698
 Доде А. 5 — 165, 185, 691, 708
 Долгополов Л.К. 3 — 528

- Долгоруков Д.И. 6 – 18, 418–420
 Долгоруков И.М. 6 – 18
 Долгоруков П.В. 6 – 82, 220, 228–231, 443, 514, 523
 Долгорукова К.Ф. 6 – 462
 Доллан (Доулэнд) Дж. 6 – 302, 567
 Долматовский Е.А. 2 (1) – 360–361
 Донн Д. 6 – 322, 328, 333, 593
 Донской М.С. 5 – 691
 Дончин Ж. 5 – 136, 139, 664
 Достоевский Ф.М. 1 – 485, 518, 875, 946, 947, 948; 2 (1) – 601; 2 (2) – 378, 507; 3 – 143, 185, 228, 250, 253, 257, 279, 402, 414, 426, 428, 430, 462, 467, 526, 587, 588, 611, 717, 733, 756, 4 – 294; 5 – 39, 172, 181, 185, 187, 188, 191, 192, 216, 218, 225, 245, 246, 248, –250, 258, 259, 270, 362, 366, 388, 398, 515, 629, 709, 742, 749, 756, 757; 6 – 118, 119, 126, 322, 348, 350, 362, 365, 366, 395, 445, 548, 549
 Драйвер С.Н. 5 – 134, 136, 139, 140, 663, 664; 6 – 322, 590
 Драйден Д. 6 – 130
 Дриго Р. 3 – 676, 725
 Дружинин А.В. 5 – 445
 Дружинин Ф.С. 2 (1) – 559; 3 – 623; 5 – 227, 748
 Дружинина Е.С. 2 (1) – 559
 Друзян Б.Я. 2 (2) – 404, 406, 408
 Дубельт Л.М. 5 – 222
 Дубов А.С. 6 – 304, 314, 571
 Дудин М.А. 2 (1) – 366, 375; 2 (2) – 310, 338; 5 – 326
 Дункан А. 1 – 526
 Дурова Н.А. 6 – 178, 483
 Дымшиц А.Л. 1 – 636; 5 – 208, 734, 783
 Дьяконова М.Д. 3 – 512
 Дюбуше Е.К. 5 – 343, 645
 Дюма А. (отец) 3 – 542
 Дюма А. (сын) 1 – 747; 3 – 551
 Дюмлер, издатель 3 – 552
 Д'Юмьер 2 (1) – 516; 3 – 629
 Дюсис П. 2 (1) – 615
 Дядичев В.Н. 1 – 504
 Дягилев С.П. 1 – 624, 779, 863; 2 (1) – 514; 3 – 231, 629, 676, 698, 706, 712, 721, 725; 5 – 12, 177, 428, 430, 695

Е

- Евгения, имп. 1 – 508
 Евдокимов И.В. 1 – 769
 Евдокия (Ефросинья), вел. кн. 1 – 144, 757; 4 – 61
 Евдокия Федоровна (Лопухина), царица 3 – 143, 185, 199, 222, 237, 259, 281, 287, 292, 427, 428, 610, 611, 721, 728, 732; 5 – 398
 Евреинов Н.Н. 3 – 629, 726, 729
 Еврипид 3 – 535, 752; 5 – 484, 647, 667; 6 – 450
 Евтушенко Е.А. 2 (2) – 299; 6 – 333, 337, 600
 Еголин А.М. 5 – 196, 724, 725
 Егоров П.Е. 2 (2) – 316
 Ежов И.С. 1 – 633
 Ежов Н.И. 1 – 651; 3 – 21, 234, 239, 491; 5 – 52, 503, 504; 6 – 273, 368
 Екатерина II Великая 1 – 275, 313, 825, 844; 2 (1) – 391; 2 (2) – 325; 3 – 476, 591, 598, 640, 678, 731; 4 – 102, 163; 6 – 215, 479
 Елена, инокия см. Евдокия Федоровна (Лопухина), царица
 Елена Павловна, вел. кн. 6 – 37, 518
 Елизавета Алексеевна, 5 – 653
 Елизавета Петровна 3 – 481, 542
 Енекава Масао 2 (1) – 570
 Енукидзе А.С. 5 – 43, 508, 509
 Епишкин М. 1 – 921; 5 – 187

- Еремеев 2 (1) — 268
 Еремин Д.И. 2 (1) — 296
 Ермилов В.В. 5 — 288
 Ермолаевы, семья 5 — 128, 658
 Ершов И.В. 3 — 283, 723; 5 — 80, 554; 6 — 547
 Ершов П.П. 6 — 39, 49, 50
- Ершовы (семья) 5 — 79
 Есенин С.А. 1 — 406, 421, 640, 659, 885, 889, 897; 2 (2) — 286, 359, 406, 512; 3 — 240, 264, 281, 394, 461, 700, 718; 4 — 553; 5 — 41, 201, 494, 507; 6 — 338
 Ефрон С.А. 1 — 579; 5 — 203, 730

Ж

- Жаботинский В.Е. 5 — 436
 Жанлис М.Ф.Д. де Сент-Обен 6 — 69, 441
 Жанна д'Арк 2 (2) — 134, 300, 411, 412; 3 — 334, 342, 455, 756, 757; 4 — 367, 449; 5 — 17
 Жданов А.А. 1 — 653, 669, 2 (1) — 264, 342, 355, 368, 376, 379, 382, 384, 530, 560, 571; 3 — 594, 624, 738, 747, 761, 763; 5 — 190, 192, 196, 199, 200, 212, 306, 326, 327, 331, 362–364, 712, 726, 729; 6 — 584
 Желанский Л. 6 — 409
 Желябов А.И. 1 — 921, 948
 Жемчугова П.И. 3 — 208, 237, 246, 270, 569, 650, 688, 689
 Живова Ю.М. 2 (2) — 415; 6 — 314, 335, 338, 571
 Жип (Мартель де) 3 — 481, 482; 5 — 357
 Жирмунская Н.А. 2 (2) — 368
 Жирмунская Т.В. 2 (1) — 528; 2 (2) — 275
 Жирмунский В.М. 1 — 596, 597, 599, 636, 679, 682, 685, 698, 703, 719, 723, 724, 726, 731, 757, 769, 793, 794, 818, 857–859, 863, 890, 896, 913, 926; 2 (1) — 398, 412, 426, 429, 433, 434, 436, 439, 441, 448, 449, 540, 457, 458, 462, 481, 482, 486, 495, 503, 517, 518, 525, 548, 552, 555, 562, 563, 571, 582, 604, 616, 617, 621, 628; 2 (2) — 275, 276, 279, 320, 321, 324, 335, 344, 376, 388, 394, 404–407, 411, 418, 421, 426, 439, 446, 458, 463, 464, 473, 478, 480, 484, 488, 491, 498, 499, 502, 505; 3 — 221, 222, 228, 232, 235, 237, 249, 253, 382, 439, 454, 461, 465, 467, 469, 478, 483, 485, 495, 496, 501, 512, 519, 575, 620, 621, 649, 664, 665, 680, 682, 694, 707, 713, 715; 4 — 455, 461, 473, 484, 502, 519, 529, 531, 546, 573; 5 — 54, 76, 87, 93, 108, 203, 204, 414, 445, 524, 529, 542, 629, 689, 694, 731, 733, 783; 6 — 296, 301, 306, 322, 365, 573
 Жихарев М. 6 — 231
 Жуков Г.К. 2 (1) — 342
 Жуковский В.А. 1 — 632, 840, 871; 2 (1) — 34, 93, 590; 2 (2) — 439, 3 — 623, 5 — 37, 66, 225, 350, 436, 451, 708; 6 — 29, 65, 67, 89, 99, 102, 125, 180, 214, 216, 222, 224, 225, 233, 234, 240, 248, 257, 264, 265, 356, 428, 432, 477, 490, 493, 510, 515, 519, 520, 525, 542
 Журавлев Д.Н. 5 — 195, 723

- Заболоцкий Н.А. 1 — 478, 940;
4 — 340, 391
- Завадовская Е.М. 6 — 60, 438
- Завадовский В.П. 6 — 438
- Завадский Ю.А. 6 — 551
- Загряжская Е.И. 6 — 205, 212, 233,
244, 266, 504, 505, 543
- Зайцев, влад. панс. 2 (1) — 590; 5 —
36, 224, 746
- Зайцев Б.К. 1 — 885; 3 — 399, 490,
489
- Закиров К. 2 (1) — 289
- Закревская А.Ф. 6 — 160–165, 169,
170, 174, 179, 197, 204–206, 208,
474
- Закревский А.А. 6 — 474
- Залшупина-Данилова Н.А. 1 — 794
- Замятин Е.И. 1 — 646–649, 652,
654, 881, 883, 884, 886; 2 (2) — 428,
430, 3 — 415, 417, 659; 5 — 78, 143,
153, 155, 195, 207, 220, 227, 373,
375, 495, 536, 681, 733, 749
- Замятина Л.Н. 1 — 391, 880, 881;
5 — 227, 749
- Замятины (семья) 1 — 251, 534
- Замятнина М.М. 1 — 554; 5 — 663
- Западов А.В. 3 — 467, 612, 618, 654;
5 — 226, 747; 6 — 300, 318, 566,
572
- Западова-Башинджян Г.Х. 5 — 226,
747; 6 — 305, 318, 572
- Западовы (семья) 6 — 569
- Засосов Д.А. 3 — 546
- Звягинцева В.К. 2 (1) — 523
- Зеленин Н.В. 2 (1) — 348, 349
- Зелинский К.Л. 2 (1) — 332, 333,
410; 5 — 209, 734
- Зельманова-Чудовская А.М. 5 — 28,
460
- Зенкевич А.Н. 3 — 663; 5 — 45, 513
- Зенкевич М.А. 1 — 565; 2 (1) — 616;
3 — 220, 222, 439, 443, 663, 730;
4 — 462; 5 — 25, 28, 32, 45, 93, 99,
101, 132, 203, 238, 297, 470, 476,
513, 611, 612, 704, 706, 707;
6 — 300, 301, 304
- Зернова Р.А. 1 — 899
- Зигфрид 3 — 726
- Зильберштейн И.С. 2 (1) — 330
- Зиновьев Г.Е. 1 — 847, 884; 6 — 337
- Зиновьева-Аннибал Л.Д. 1 — 720;
3 — 716; 5 — 90, 593, 660, 663
- Змунчила (семья) 1 — 736
- Змунчила Ия Э. 1 — 516
- Змунчила М.А. 1 — 541, 545, 571,
705; 4 — 16, 466; 5 — 223, 753
- Знаменская В.А. 2 (2) — 399; 5 — 789
- Зноско-Боровский Е.А. 5 — 109, 638
- Зобин Ю.Б. 5 — 559
- Золя Э. 3 — 38, 505; 5 — 12, 237,
429
- Зонов А.П. 5 — 506
- Зоценко М.М. 1 — 559, 663–665,
890; 2 (1) — 218, 260–262, 352,
362, 368, 377, 379–382, 384–386,
605–607; 2 (2) — 272, 286, 406,
483; 3 — 240, 623, 624, 763;
4 — 330, 441, 543, 559; 5 — 39, 73,
162, 217, 221, 240, 489, 729, 745,
765; 6 — 592
- Зубов В.П. 1 — 338, 858
- Зуйков В.В. 2 (1) — 551
- Зуммер В.М. 2 (1) — 349
- Зыков Л.А. 2 (1) — 447, 504, 507,
508, 569; 2 (2) — 411, 435, 436,
441, 462, 470; 3 — 425; 6 — 323,
568, 570, 590

И

- Ибсен Г. 1 — 747; 3 — 503; 5 — 215, 396, 741
- Иван III — 840
- Иван IV Грозный 1 — 841; 2 (1) — 470, 551, 619; 2 (2) — 340
- Иванов А.А. 5 — 211, 736
- Иванов Вс.В. 2 (1) — 339; 2 (2) — 309; 3 — 683; 6 — 318, 560, 585, 586
- Иванов Вяч.Вс. 2 (2) — 411; 3 — 239, 257, 458, 683, 735; 6 — 296, 300, 304, 560, 585, 586
- Иванов Вяч.И. 1 — 481, 554—557, 559, 565, 569, 692, 693, 695, 696, 712, 720, 725, 728, 942; 2 (1) — 349, 579; 3 — 256, 264, 267, 281, 533, 576, 578, 630, 693, 698, 699, 716, 721; 5 — 23, 24, 26, 27, 53, 83, 89—91, 94, 98, 100, 103—104, 108, 109, 113, 130—133, 145, 181, 182, 184, 203, 245, 248, 277, 292, 389, 390, 391, 443, 455—457, 459, 470, 515, 549, 554, 555, 558, 563, 592—594, 598, 600, 605, 623, 647, 660, 663, 670, 672, 706, 735, 779; 6 — 292, 312, 557
- Иванов Г.В. 1 — 136, 614, 652, 755, 858, 864, 865, 944; 2 (1) — 609, 610; 2 (2) — 274; 3 — 461, 523, 538, 572, 726; 5 — 23, 28, 32, 47, 48, 50, 55, 58, 59, 85—88, 96, 101, 104, 106, 107, 109, 117, 118, 129, 136, 139, 145, 146, 194, 197, 277—279, 294, 302, 363, 364, 378, 390, 393, 394, 449, 450, 460—462, 464, 477, 485, 523, 524, 531, 532, 535, 564, 567, 568, 610, 627, 628, 649, 659, 735, 788
- Иванов Д.В. 5 — 390
- Иванов Е.П. 5 — 77, 551, 552
- Иванов-Разумник 1 — 636, 644—646
- Иванова И.Г. 2 (1) — 398; 6 — 397
- Иванова Л.Г. 5 — 611
- Иванова М.П. 5 — 77, 550, 551
- Иванова-Шварсалон В.К. 1 — 554, 571, 720; 3 — 716; 4 — 34; 5 — 245, 593, 663
- Ивановский И.М. 2 (2) — 445; 3 — 239, 684; 5 — 69, 539; 6 — 301, 352, 566
- Иваны (цари) 1 — 474, 659, 937; 4 — 339; 6 — 132, 454
- Ивинская О.В. 5 — 556; 6 — 317, 584
- Ивнев Р. 1 — 885
- Игнатова Н.И. 2 (1) — 487, 488, 549; 4 — 541; 5 — 227, 748
- Игнатова Т.И. 2 (1) — 488, 549; 5 — 227, 748
- Извергина А.Н. 2 (2) — 482; 6 — 321, 588
- Измайлов Н.В. 6 — 180, 192, 241, 487, 494
- Ильин И. 5 — 403
- Ильина Н.И. 2 (1) — 328, 549, 2 (2) — 323; 5 — 685; 6 — 328, 593
- Ильинская А. 3 — 401, 403
- Ильюнина Л.А. 5 — 442
- Инбер В.М. 2 (1) — 338, 347, 367, 438, 480, 544, 546; 2 (2) — 296
- Инзов И.Н. 6 — 166, 492
- Иодко Р.Р. 3 — 760
- Иона, старец 1 — 99, 737
- Ионеско Э. 3 — 458
- Ирвинг В. 1 — 632, 6 — 13—29, 40—42, 44—47, 50, 52, 373, 374, 409—427
- Ирод, царь 2 (1) — 515; 2 (2) — 134, 412; 3 — 314, 629; 4 — 367, 449
- Исаакян А. 2 (2) — 263
- Исаковский М.В. 2 (1) — 317
- Исаченко А.В. 6 — 515
- Искра И. 6 — 190, 390, 472
- Искра Н. 6 — 190, 487

Й

Йитс (Йетс, Ейтс) У.Б. 1 – 609

Йованович-Эмай Й. 2 (2) – 263

К

Кавальери Л. 5 – 123, 653

Каверин П.П. 6 – 141, 463–464

Казанова Д.Д. 3 – 121, 161, 177, 243,
598; 6 – 430Казанская Т.Б. 4 – 381, 549, 567;
6 – 292, 557

Казанский Б.В. 6 – 508, 557

Казнига О.А. 1 – 803, 827

Калатозов М.К. 2 (1) – 341

Калашников М.И. 6 – 448

Калашникова О.М. 6 – 125, 448

Каледин А.М. 1 – 514

Калиостро Д.Б. 3 – 53, 134, 151, 175,
192, 270, 557Калугин О.Д. 1 – 650, 651; 2 (1) –
358, 359, 387, 601, 602Кальдерон де ла Барка 3 – 533, 560;
6 – 445

Камбриа А. 2 (2) – 488

Каменев Л.Б. 1 – 884; 5 – 490, 558;
6 – 337

Каменский В.В. 5 – 470

Камерон Ч. 3 – 108, 144, 186, 282,
591, 592; 6 – 284

Каминка Э.И. 2 (1) – 286

Каминская А.Г. 2 (1) – 156, 543;
2 (2) – 279, 462, 487; 5 – 228, 735,
756; 6 – 306, 318, 324, 330–333,
337, 568, 590, 598Каннегисер Л.И. 3 – 700; 5 – 205,
464, 732

Каннегисер С.И. 3 – 700

Кантала А. де 1 – 613

Капица П.Л. 2 (1) – 375, 377, 378,
384

Каплан Э.И. 2 (1) – 290

Каподистрия И.А. 6 – 491

Капустин Я.Ф. 2 (1) – 382

Караваева А.А. 2 (1) – 528, 541

Карамзин Ал.Н. 6 – 211, 240, 257,
261, 503, 527, 543Карамзин Ан.Н. 6 – 212, 234, 241,
244, 261, 378, 476, 503, 504, 521,
524, 525, 529, 540, 543Карамзин Н.М. 1 – 631, 871; 2 (1) –
590; 3 – 671; 5 – 37; 6 – 36, 37,
58, 67, 80, 130, 132, 241, 430, 438,
439, 473, 492, 493, 524

Карамзина Е.А. 6 – 241, 250, 378, 473

Карамзина С.Н. 6 – 212, 213, 241,
243, 253, 254, 256–258, 261, 262,
378, 476, 504, 524, 540–543Карамзины (семья) 6 – 158, 161, 170,
173, 175, 179, 210, 212–214, 217,
218, 227, 234, 240–242, 244, 257,
261, 265, 266, 355, 473, 484, 499,
504, 507, 516, 520, 521, 524, 525,
529, 532, 538, 541, 543

Каратыгин В.Г. 5 – 549

Кардовские (семья) 5 – 252

Кардовский Д.Н. 3 – 662; 5 – 760

Кардуччи Д. 2 (2) – 485

Карко Ф. 5 – 16, 434, 435

Карл XII Пфальц-Цвайбрюккен,
6 – 488

Карневали Б. 5 – 136, 664

Карпов Е.П. 1 – 887

Карсавин Л.П. 2 (1) – 482

Карсавина Т.П. 1 – 174, 779; 2 (1) –
516; 3 – 243, 263, 267, 285, 537,
541, 629, 676, 714, 725, 726;
4 – 495; 5 – 12, 56, 428; 6 – 366

Карузо Э. 3 – 38, 504

Касаткина М.А. 6 – 461

- Катаев В.П. 5 — 453, 504
 Катаевы (семья) 5 — 49
 Катенин П.А. 6 — 30, 429
 Катулл Г.В. 1 — 550, 665; 5 — 536
 Кафка Ф. 2 (2) — 94, 377–380;
 3 — 243, 449, 458, 685, 727, 737;
 5 — 15, 85, 432, 568, 569
 Кац Б.А. 2 (2) — 320, 492, 500;
 3 — 492, 498, 663; 5 — 478
 Кац М.А. 2 (1) — 287
 Качалов В.И. 5 — 227, 748; 6 — 547
 Каченовский М.Т. 6 — 415
 Кварнеги Д. 3 — 204, 216, 270, 540,
 626, 731, 732
 Квитко Л.М. 2 (1) — 412
 Кенталь А. де 4 — 503; 5 — 777
 Керенский А.Ф. 1 — 608; 3 — 419
 Керн А.П. 6 — 111, 134, 158, 167, 170,
 174, 179, 473, 488
 Кетлинская В.К. 2 (1) — 359
 Кетчан С. 1 — 907
 Ким Сан Хен 2 (2) — 266
 Ким Су Чжан 2 (2) — 266
 Кини 1 — 624
 Киплинг Д.Р. 5 — 115, 535, 644
 Кирджали Г. 6 — 199
 Киреевский И.В. 3 — 402; 6 — 417,
 432, 553
 Киреевский П.В. 3 — 402; 6 — 428,
 553
 Киржаков В. 2 (2) — 495
 Кириленко Н.Б. 6 — 555
 Кирилл Владимирович (Романов), вел.
 кн. 1 — 851; 3 — 261, 283, 714, 724
 Киров С.М. 1 — 653; 2 (1) — 513,
 515, 545, 546; 3 — 407
 Кирсанов С.И. 5 — 42, 508
 Китаева А.К. 5 — 224
 Китс Д. 2 (1) — 300; 2 (2) — 29, 335;
 3 — 52, 113, 121, 150, 162, 192, 204,
 556, 563; 4 — 370, 414
 Клевер О.Ю. 5 — 169, 694
 Клевер Ю.Ю. 5 — 169, 694
 Клейнмихель П.А. 1 — 627
 Кленовский Д.И. 5 — 596
 Кленская И. 2 (2) — 300
 Клеопатра 1 — 464, 729, 730;
 2 (2) — 295, 348; 3 — 717; 4 — 223,
 242, 521–524, 526, 529; 5 — 192,
 428; 6 — 160, 161, 166, 167, 170,
 174, 200–202, 204–207, 209, 493,
 495, 496
 Клиnger Ф.М. 6 — 13, 410–413
 Клиндер А.И. 6 — 248, 535
 Клодий 3 — 652; 5 — 379
 Клодт П.К. 1 — 784; 2 (1) — 461
 Клочков И.С. 3 — 455
 Клычков С.А. 3 — 264; 5 — 462, 463,
 477
 Клычкова В.Н. 5 — 41, 493
 Клюев Н.А. 1 — 640, 890, 927;
 3 — 148, 191, 225, 264, 266, 270,
 281, 426, 462, 497, 517, 538, 561,
 612, 670, 718; 5 — 41, 82, 95, 98,
 367, 385, 447, 477, 493, 494, 515,
 561, 562; 6 — 351
 Ключарев П.С. 6 — 452
 Книпович Е.Ф. 2 (1) — 463;
 2 (2) — 282–285, 289, 374; 4 — 563;
 5 — 734
 Кнорринг И.Н. 5 — 261, 768, 769
 Кнорринг Н.Н. 5 — 768, 769
 Княжнин В.Н. 5 — 90, 456, 594
 Князев В.Г. 1 — 719, 744, 748, 756,
 865, 884; 3 — 93, 127, 143, 187, 217,
 250, 263, 424, 471, 537–539, 543,
 550, 557, 558, 567, 570–575, 581,
 592, 594, 595, 604, 609, 610, 613,
 657, 660, 675, 719; 5 — 392
 Князев Г.М. 3 — 571
 Князева Н.Г. 2 (1) — 398, 552, 603,
 627; 2 (2) — 356
 Ковалевская С.В. 6 — 382
 Коган Д.Э. 1 — 794
 Коган Н.И. 3 — 509
 Коган П.С. 5 — 557

- Козаков М.Э. 1 — 644
 Козин В.А. 2 (1) — 286
 Козин С.А. 5 — 200, 729
 Козинцев Г.М. 5 — 270, 271, 774;
 6 — 355
 Козлов И.И. 6 — 495
 Козлов И.Т. 2 (2) — 282
 Козловская-Герус Г.Л. 2 (1) — 22,
 271, 275—277, 287, 289, 291, 294,
 423, 424, 442, 452, 453, 456, 457;
 2 (2) — 330—332, 4 — 278; 3 — 609,
 668; 6 — 594
 Козловские (семья) 2 (1) — 453;
 3 — 737
 Козловский А.Ф. 2 (1) — 42, 90, 271,
 275, 287—292, 293, 326, 429, 441,
 442, 453, 454, 486, 507, 2 (2) — 330—
 332; 3 — 609, 668; 4 — 282; 6 — 594
 Козловский Г.Л. 2 (1) — 271
 Козмин Н.К. 6 — 66
 Козьмин Б.П. 5 — 48, 58, 289, 519,
 526
 Колас Я. 2 (1) — 266, 270
 Колесова Е.В. 5 — 396
 Коллонтай А.М. 5 — 198, 232, 727
 Колосова А.М. 6 — 107, 445
 Колпакова Н.П. 2 (1) — 356, 357
 Колридж С.Т. 3 — 751, 752, 457;
 5 — 402, 535; 6 — 394
 Колчак А.В. 5 — 226, 748
 Комаровский В.А. 1 — 179, 778, 781,
 871; 2 (1) — 589; 3 — 219, 236, 538,
 582, 662, 680; 4 — 89; 5 — 251,
 477, 600, 614, 760; 6 — 327, 592
 Комиссаржевская В.Ф. 1 — 747;
 3 — 220, 238, 503, 578, 580, 629,
 682; 5 — 14, 57, 177, 525
 Комиссаржевский Ф.Ф. 5 — 506
 Комиссарова М. 2 (1) — 376, 377, 380
 Комнена А. 3 — 705, 706
 Комовский В.Д. 6 — 29, 427
 Конгрев У. 6 — 130
 Коневской И.И. 5 — 614
 Коки А.Ф. 1 — 887; 5 — 472
 Коновалов В. 2 (2) — 495
 Констан де Ребек Б.А. 1 — 632,
 5 — 239, 257, 277, 778; 6 — 56—
 80, 83—96, 133, 134, 137, 138, 145,
 374, 396, 414, 435, 436, 440, 442
 Константин Константинович (Рома-
 нов), вел. кн. 3 — 668
 Контини Д. 6 — 330, 596
 Конторович Л.А. 2 (1) — 407
 Коонен А.Г. 3 — 629
 Копелев Л.Э. 2 (2) — 379, 391; 5 — 754,
 6 — 300, 304, 565
 Корбьер Т. 5 — 378
 Корнеев Ю.Б. 3 — 523
 Корнилов В.Н. 2 (2) — 276, 299, 339,
 5 — 209, 734; 6 — 303, 326, 567,
 573, 591
 Корнилова Г.П. 2 (2) — 298, 446,
 5 — 209, 734, 6 — 301, 304, 306,
 565, 567
 Корнфорд Ф. 5 — 782
 Коробова Э.Б. 2 (2) — 465; 6 — 304,
 571
 Корсак Ю. 6 — 490
 Корсини И.Д. 2 (1) — 548; 3 — 568
 Корф М.А. 6 — 82, 221, 443, 515
 Косиков Г. 5 — 422, 433
 Костылева Т. 5 — 215
 Котляревский Н.А. 1 — 887
 Коттен М.С.Р. 6 — 69, 95, 440
 Кочетков А.С. 2 (1) — 297, 451
 Кочубей (род) 6 — 177, 190
 Кочубей В. 6 — 177, 190, 191, 390,
 472
 Крабб, дачевлад. 5 — 222
 Кравцова И.Г. 1 — 838
 Кравчинский С.М. 2 (2) — 382
 Краевский А.А. 6 — 500
 Крайнева Н.И. 2 (1) — 398;
 2 (2) — 308; 3 — 511; 5 — 412
 Кралин М.М. 1 — 505, 513, 679, 682,
 684, 687, 689, 703, 709, 724, 749,

- 754–756, 763, 778, 793, 809, 811, 829, 835, 851, 852, 858, 874, 888, 890, 891, 895, 896, 905–907, 914, 915, 918, 927, 929, 935, 946, 950, 951; 2 (1) – 398, 399, 402, 404, 405, 408, 409, 411, 412, 430, 434, 439, 446, 448, 452, 454, 456, 458, 460, 474, 490–492, 494, 495, 504, 506, 507, 524, 537, 557, 563, 574, 577, 582, 584, 587, 604, 613, 618–620, 625; 2 (2) – 280, 282, 318–321, 325, 326, 340, 344, 353–355, 357, 360, 366, 375, 384, 387, 392, 399, 400, 403, 405, 407, 408, 422, 424, 425, 462, 465, 471, 474–481, 486, 489, 490, 492–494, 497–500; 3 – 424, 425, 467, 469, 470, 472, 524, 555, 559, 582, 587, 715, 724, 734, 735, 746, 750, 755, 759; 4 – 455, 459, 473, 483, 503, 519, 530, 546, 563, 573; 5 – 412, 414, 420, 516, 518, 535, 554, 559, 560, 6 – 398, 401
- Крандиевская Н.В. 5 – 426, 427, 500, 502
- Кранихвельд В. 1 – 583
- Краснопольская Т. 3 – 613
- Красовский А.И. 6 – 39, 431
- Красовский М.В. 1 – 947; 2 (1) – 548
- Крафт А.Н. 5 – 472
- Крафт К.Н. 5 – 472
- Крафт Н.Ю. 5 – 299, 564
- Крачковский И.Ю. 6 – 19, 421
- Крейд В. 3 – 535; 5 – 417, 585
- Крейцер Р. 5 – 365, 690
- Крестовский В.В. 3 – 674
- Криденер В.Ю. 6 – 41, 69, 95, 431, 440
- Крон А.А. 6 – 304, 570
- Кросс А. 3 – 255, 692; 5 – 212, 736
- Кроуфорд Э. 2 (1) – 506
- Кроче Е. 5 – 558
- Кругликова Е.С. 1 – 942
- Кружков Г.М. 3 – 556
- Крузенштерн И.Ф. 6 – 468
- Крупин Д.В. 1 – 669
- Крупская Н.К. 1 – 640; 2 (1) – 613
- Крученых А.Е. 1 – 743; 5 – 470, 684
- Крылов А.Н. 1 – 507
- Крылов И.А. 2 (1) – 187; 3 – 527; 6 – 428
- Крюденер см. Криденер
- Крюднер А.М. 6 – 266; 543
- Крюков А.С. 1 – 786, 889, 891, 944; 2 (1) – 574
- Кублицкая-Пиоттух А.А. 1 – 589–590, 3 – 606; 5 – 77, 81, 550
- Куванова Л.К. 5 – 558
- Кугель А. 3 – 580
- Кудинов М.П. 3 – 225, 669, 687
- Кузина Е.А. 1 – 522
- Кузмин М.А. 1 – 460, 552, 554, 566, 567, 569, 571, 573, 574, 592, 621, 639, 688, 709, 712, 713, 720, 747, 748, 755, 791, 806, 845, 865, 885, 906, 921; 2 (1) – 101, 385, 474, 616; 2 (2) – 101, 385; 3 – 231, 241, 255, 281, 471, 521–523, 525, 527, 531, 536, 537, 544, 557, 560, 562, 571, 572, 576–578, 580, 613, 614, 626, 646, 648, 660, 675, 699, 700, 719, 720, 726, 743; 4 – 368, 450, 462; 5 – 93, 99, 108, 109, 113, 126, 134, 204, 212, 294, 302, 323, 390, 391, 465, 469, 471, 515, 549, 563, 569, 629, 646, 660, 663, 686, 731, 737
- Кузнецов Н.Г. 5 – 315
- Кузнецова О.Н. 3 – 548
- Кузьмин-Караваев Д.В. 5 – 32, 118, 128, 474, 476, 623, 649, 650
- Кузьмин-Караваев М.В. 1 – 812; 5 – 60, 122, 530
- Кузьмина-Караваева Е.Ю. 1 – 557, 592, 706, 735, 941; 3 – 264, 521, 628, 699, 700; 4 – 462; 5 – 32, 60,

- 79, 80, 123, 178, 182, 474, 477, 528,
549, 555, 623, 705
- Кузьмина-Караваева К.Ф. 5 — 583,
584
- Кузьмина-Караваева М.А. 1 — 783;
5 — 89, 102, 178, 455—456, 583—
586, 621, 658, 701, 746
- Кузьмины-Караваевы (семья) 1 — 857;
5 — 584
- Куйбышев В.В. 2 (1) — 547
- Кульнос С.К. 1 — 933
- Кунин В.В. 6 — 387, 397
- Куперен Ф. 3 — 726
- Куприн А.И. 6 — 287, 385, 554
- Курдюмов В.В. 5 — 464
- Курнос Д. 1 — 608
- Курносенков К. 2 (1) — 266, 295, 296
- Курт А.В. 1 — 687; 2 (1) — 402;
3 — 471; 5 — 415; 6 — 398
- Кусевидский М.В. 2 (1) — 286
- Кутузов М.И. 2 (1) — 477; 6 — 189,
190, 438, 492, 495
- Кушнер А.С. 2 (1) — 623; 2 (2) — 299,
377
- Кшесинская М.Ф. 3 — 717
- Кэрролл Л. 2 (2) — 165, 452, 453
- Кью Ц.А. 2 (1) — 450

Л

- Лабэ Л. 2 (2) — 195, 476
- Лавренев Б.А. 5 — 204, 731
- Лавров А.В. 1 — 781; 2 (2) — 373—
375, 508; 3 — 650, 653, 658; 5 — 412,
507
- Ладзыженская О.А. 2 (2) — 214, 484,
498; 6 — 304, 307, 308, 333, 571,
576
- Лазарев В. 5 — 723
- Лакшин В.Я. 2 (1) — 330
- Ламанова Н.П. 5 — 75, 77, 547
- Ламбаль М.Т.Л. де 3 — 162, 178,
242, 247, 281, 619, 635, 718
- Лампе В.И. 1 — 782, 857; 5 — 583,
584, 701
- Ланг Г.Ф. 1 — 769
- Лангеншварц М. 6 — 491
- Лангрэнэ Т.Ж. де 6 — 159, 160, 162,
164, 165, 287, 474
- Ландольфи Т. 5 — 234, 750
- Лансере Е.Е. 2 (1) — 204, 593; 3 — 419,
420, 634, 698; 4 — 461, 462; 5 — 694
- Ланские (семья) 6 — 221
- Ланской П.П. 6 — 260, 268, 269,
373, 386, 500, 515, 540
- Лапинский П.Л. 5 — 430
- Ларионов М.Ф. 3 — 698; 5 — 665
- Лариса Александровна, врач 2 (2) —
499; 6 — 334, 339
- Ларошфуко Ф. 3 — 515, 516; 6 — 441
- Латманизов М.В. 2 (1) — 355; 5 — 271,
281, 776, 777, 779, 781
- Лафитт С. 5 — 181, 182, 184, 197,
705
- Лафонтен Ж. 1 — 46, 712, 713;
2 (1) — 302
- Лафорг Ж. 1 — 568; 5 — 13, 429
- Лацис А.А. 2 (2) — 309
- Ле Корбюзье Ш.Э. 1 — 709
- Лебедев В. 1 — 925
- Лебедев-Кумач В.И. 1 — 665
- Лебедев-Полянский П.И. 1 — 640
- Левберг М.Е. 5 — 116, 122, 644
- Левенштерн В.И. 6 — 235, 522
- Левик В.В. 2 (1) — 297, 302, 303,
336, 436; 3 — 319, 564, 599; 5 — 643;
6 — 495
- Левин Ф.М. 5 — 209, 734
- Левитан И.И. 1 — 533, 534
- Левкович Я.Л. 6 — 379, 396, 397,
399, 499, 501, 509
- Левоневский Д.А. 2 (1) — 375

- Леже Ф. 1 — 709
 Леконт де Лиль Ш. 1 — 629; 5 — 91, 138, 143, 144, 597, 599, 614
 Лелевич Г. 1 — 636, 639, 642, 647, 5 — 87, 192, 195, 199, 208, 231, 571
 Ленау Н. 2 (1) — 303
 Ленин В.И. 1 — 562, 640, 689, 733; 2 (1) — 295, 307, 403, 513; 2 (2) — 122, 279, 386, 401, 404, 405, 511; 3 — 473, 679; 4 — 456; 5 — 175, 208, 225, 258, 259, 273, 275, 307, 418, 455, 764; 6 — 337, 600
 Леонардо да Винчи 1 — 533, 535; 2 (1) — 588; 5 — 18, 436
 Леонидзе Г. 5 — 490
 Леонидов В. 2 (1) — 534
 Леонов А.М. 1 — 642; 2 (1) — 287; 5 — 39, 489
 Леонов Н.Д. 2 (1) — 443
 Леонтьев К.Н. 3 — 402
 Леопарди Д. 2 (2) — 433; 6 — 318, 328
 Лермонтов М.Ю. 1 — 411, 607, 627, 718, 818, 828, 871, 873, 894, 901; 2 (1) — 420, 546; 2 (2) — 98, 99, 303, 307, 383, 384, 392, 466, 489, 502; 3 — 139, 182, 208, 226, 257, 262, 272, 279, 287, 288, 431, 480, 559, 587, 606, 703, 727, 758; 4 — 217, 309, 412; 5 — 101, 226, 236, 246, 247, 250, 303, 333, 344, 407, 412, 488, 549, 695, 730, 736, 742, 761; 6 — 61, 214, 246, 279—284, 286, 287, 294, 309, 310, 344, 348, 379, 391, 395, 399, 459, 495, 531, 535, 546—555, 577, 578
 Лернер Н.О. 5 — 474; 6 — 56, 65, 87, 437, 482—484
 Лернер П.Н. 5 — 451
 Лернер Я.М. 2 (2) — 278
 Лесажа А.Р. 3 — 525; 6 — 107, 446
 Лессинг Г.Э. 6 — 128, 450
 Лесков Н.С. 5 — 515; 6 — 498
 Лесман М.С. 1 — 688, 704, 796, 880, 885, 895; 2 (1) — 402, 469, 526, 527, 537, 540, 549, 552, 560, 561, 564, 569, 570, 572, 574, 578, 579, 583, 590, 602, 603, 610, 620, 625, 627; 2 (2) — 317, 320, 354—357, 359—361, 377, 500, 501, 512; 4 — 518; 5 — 576; 6 — 532
 Лесочевский 2 (2) — 285
 Леткова-Султанова Е.П. 1 — 886, 887; 4 — 516;
 Лжедмитрий I 1 — 474, 659, 937, 938; 2 (2) — 34, 340; 4 — 231, 339
 Ли Кван Ук 2 (2) — 266
 Ли-хун-Чанг 5 — 218
 Ли Шань-инь 2 (2) — 266
 Либединский Ю.Н. 1 — 642
 Либерман А. 5 — 682
 Либкнехт К. 5 — 327
 Лившиц Б.К. 1 — 709; 5 — 37, 47, 50, 460, 470, 485, 561
 Лившиц Е.К. 5 — 37, 485
 Лившиц Я.Б. 1 — 633, 634
 Лидия Абрамовна, врач 6 — 328
 Ликург 2 (2) — 30, 336, 337; 3 — 44, 100, 135, 175, 203, 528, 529, 647; 6 — 358
 Линдеберг М.А. 1 — 61, 62, 139, 719, 744, 756; 3 — 288, 308, 574, 575, 589, 655, 657, 658, 678
 Липкин С.И. 5 — 48, 500, 520; 6 — 315, 582
 Липко В.А. 2 (1) — 422, 425
 Липочка 5 — 28, 461, 462
 Липранди И.П. 6 — 190, 487
 Липскеров К.А. 2 (1) — 275
 Липшиц Ж. 5 — 424
 Лисенков Е.Г. 1 — 748
 Лист Ф. 2 (1) — 615
 Лисянский Ю.Ф. 6 — 468
 Литвин Е.Ю. 5 — 550
 Лихарев Б.М. 2 (1) — 357, 358, 375, 377

- Лихачев Д.С. 3 — 547; 6 — 316, 583
 Лишневская В.А. 5 — 628
 Ло Гатто Э. 5 — 88, 107, 234, 421, 571, 572
 Лобанов-Ростовский А.Я. 6 — 230, 522, 523
 Лобанова-Ростовская К.И. 6 — 522
 Лобыщын В.В. 1 — 504
 Лодий Э.П. 5 — 227, 749
 Лозинская Т.Б. 5 — 61, 531
 Лозинский Л.Я. 5 — 62
 Лозинский М.Л. 1 — 109, 263, 479, 556, 581, 590, 592, 597—599, 610, 612, 630, 665, 667, 676, 734, 741, 744, 747, 752, 756, 757, 784, 799, 821, 864, 891, 940, 941, 2 (1) — 303, 326, 346, 356, 516, 573; 2 (2) — 372, 421, 447, 509; 3 — 107, 143, 185, 263, 426, 477, 508, 538, 560, 583, 590, 591, 684, 752; 4 — 55, 86, 209, 235, 503, 511; 5 — 21, 25, 26, 32, 40, 55, 60—70, 93, 99, 129, 142, 189, 212, 265, 297, 366, 367, 411, 444, 445, 447, 450—452, 477, 526—531, 535—541, 553, 676, 761, 794; 6 — 8, 335, 343, 345, 352, 404, 406, 566, 599
 Локкарт Р. 6 — 562
 Ломакин Н.А. 2 (1) — 280, 281
 Ломоносов М.В. 5 — 23, 69, 540, 541
 Лонги П. 3 — 522
 Лопатин Г.А. 5 — 205, 732
 Лопатин П. 2 (1) — 343
 Лопе де Вега см. Вега Карпью Л.Ф де
 Лорр П. 5 — 684
 Лотман Ю.М. 5 — 363; 6 — 168, 397, 479, 481
 Лотреамон 5 — 432, 433
 Луговские (семья) 2 (1) — 275
 Луговской В.А. 2 (1) — 266, 270, 297, 305—315, 440, 444; 5 — 406
 Лужанин М. 2 (2) — 266, 267
 Лукницкая В.К. 1 — 526, 551, 699, 777, 785, 831, 832; 5 — 630, 778, 785
 Лукницкий П.Н. 1 — 503, 510, 513, 530, 553, 606, 625, 627, 628, 633, 634, 639, 676, 677—679, 688, 691, 699, 709, 722—724, 726, 731, 735—737, 750, 752, 754, 755, 763—765, 769, 782—785, 787, 791, 795, 803, 804, 806, 809, 810, 812—815, 817, 820, 822, 824—826, 829—834, 838, 839, 843, 846—852, 854, 857, 860—862, 864, 866—869, 880—882, 887, 889, 890—895, 903, 910, 941, 2 (1) — 344, 611; 2 (2) — 301, 302; 3 — 385—387, 391, 472, 479, 512, 5 — 37, 38, 231, 388, 416, 432, 471, 473, 481, 482, 486, 528, 530, 547, 548, 552, 560, 572, 596, 597, 609, 630, 641, 670, 672, 746, 748, 779, 784, 785; 6 — 300, 350, 370—372, 547
 Луков Л.Д. 2 (1) — 344, 379
 Лукомский Г.К. 3 — 203
 Луконин М.К. 6 — 300, 565, 566
 Луначарский А.В. 1 — 562, 638; 5 — 107
 Лупанова И.П. 6 — 409
 Лурье А.(В.)С. 1 — 290—292, 368, 394, 622, 624, 744, 754, 755, 791, 834, 835, 862, 863, 866—869, 872, 879—882, 884, 921, 950; 2 (1) — 559, 627, 2 (2) — 368, 389, 440, 442, 461, 462, 474; 3 — 283, 306, 425, 441, 465, 498, 507, 523, 541—543, 545, 554, 555, 580, 595, 596, 623, 658, 681, 683, 712, 723, 724, 745, 4 — 486; 5 — 49, 83, 465, 554, 559, 560, 564, 759; 6 — 325, 366, 367
 Лутфи 2 (1) — 450, 451; 4 — 284
 Луценко А.М. 1 — 873, 897; 2 (1) — 398, 428, 618; 2 (2) — 503, 510, 512, 3 — 736
 Луци М. 5 — 319

Лысогорский С. 2 (1) — 285
 Львов В.В. 6 — 272
 Львов П.И. 1 — 888
 Львова Н.Г. 5 — 255—257, 661, 662, 761—763
 Львовы (семья) 1 — 736, 809; 5 — 466
 Любимова А.В. 2 (1) — 338, 351, 366, 388; 6 — 302, 306, 567
 Людовик XIV Бурбон 3 — 584
 Людовик XV Бурбон 3 — 450

Людовик XVI Бурбон 3 — 481
 Люсциниус В. см. Соловьев В.Н.
 Лямкина Е.И. 1 — 704, 857, 858; 2 (2) — 387, 457, 497; 3 — 653, 666, 667, 670, 677, 679, 683, 684, 702, 715; 5 — 412, 417, 666, 707, 744, 755
 Лянда Н. 1 — 717, 723
 Ляндау К.Ю. 5 — 464

М

Магомет 1 — 551; 6 — 19
 Мадарас Э. 2 (1) — 270
 Мазепа И.С. 1 — 366, 868; 4 — 195; 6 — 190, 487
 Мазо-Караганова С.Г. 2 (2) — 319
 Мазон А. 6 — 410—413
 Мазох (Захер-Мазох Л.) 1 — 861
 Майер Б. 1 — 526
 Майков А.Н. 5 — 65, 538, 539; 6 — 354, 495
 Майков Л. 6 — 37
 Макаров И.В. 3 — 640
 Макарова Т.Ф. 2 (1) — 341
 Македонов А.В. 5 — 298, 783
 Маковский С.К. 1 — 734; 3 — 236, 505, 533, 680, 681; 5 — 50, 61, 64, 109, 110, 117, 118, 123—125, 127, 134, 139, 141, 145, 146, 184, 194, 212, 213, 363, 378, 392, 393, 395, 531, 564, 612, 613, 630, 638, 645, 649, 650, 653, 655, 658, 670, 701, 717, 718, 738, 784, 788
 Макогоненко Г.П. 2 (1) — 259, 260, 360, 364, 365, 388—390, 433; 4 — 531; 5 — 288; 6 — 412
 Макридин Н.В. 5 — 477
 Максимов А. 2 (1) — 355, 509
 Максимов Д.Е. 2 (1) — 374, 375; 5 — 203, 542, 674, 730; 6 — 315, 316, 582
 Малайка 2 (1) — 419

Малатеста Д. 2 (2) — 447
 Малатеста П. 2 (2) — 447
 Малахов С.А. 5 — 87, 571
 Малаховская М.В. 5 — 154, 375, 682
 Малевич О.М. 6 — 321, 588
 Маля М.М. 3 — 246, 689; 5 — 112, 113, 594, 595; 6 — 560
 Малларме С. 3 — 578, 657; 5 — 13, 22, 429, 430, 448, 449, 615
 Мамстад Д.Э. 3 — 521, 613
 Мамай, хан 1 — 902
 Мандельштам А.Э. 5 — 45, 513
 Мандельштам Н.Я. 1 — 596, 895, 921; 2 (1) — 274, 281, 298—300, 326, 368—370, 402, 463, 498, 557, 579, 580, 582, 590, 617; 2 (2) — 298, 504, 512; 3 — 243, 380, 472, 516, 519, 573, 574, 643, 644, 687, 735—737, 741; 5 — 22, 27, 28, 35—38, 41, 43—45, 49—52, 54, 224, 225, 228, 248, 249, 381—384, 417, 422, 447, 448, 461, 462, 466—469, 476, 482, 483, 485, 488—490, 492, 494, 496, 498, 509, 512, 513, 516, 518—520, 523, 746, 783; 6 — 310, 316, 318, 329, 334, 347, 578, 595
 Мандельштам О.Э. 1 — 429, 437, 482, 539, 556, 560, 568, 574, 592, 595, 596, 651, 652, 654, 658, 660, 661, 665, 668, 675, 688, 721, 724, 779, 798, 799, 902, 906, 907, 913,

- 921, 929, 944, 950, 2 (1) — 196, 274, 275, 282, 298–302, 316, 326, 416, 443, 498–500, 502, 519, 577–582, 589, 590, 609, 615; 2 (2) — 80, 119, 262, 289, 310, 317, 364, 368, 384, 394, 402, 404, 406, 501; 3 — 185, 240, 250, 255, 266, 280, 288, 305, 394, 408, 462, 493, 505, 512, 513, 521, 523, 532, 538, 546–548, 572–574, 583, 601, 615, 640, 644, 683, 687, 702, 717, 718, 729, 735, 738, 741, 744, 752; 4 — 215, 238, 300, 325, 339, 437, 440, 459, 462, 524, 543, 547, 550, 551, 558; 5 — 21–60, 62, 87, 95, 97, 101, 149, 156, 171, 189, 199, 201, 212, 218, 224, 225, 228, 230, 231, 238, 245, 248, 249, 287, 288, 292, 296–298, 367, 368, 374, 381–385, 391, 400, 401, 407, 411, 417, 422, 439, 441, 443, 445, 447–452, 455–473, 478–487, 489–508, 510, 512–519, 521–523, 525, 526, 535, 565, 569, 609, 672, 675, 695, 704, 709, 737, 746, 755, 757, 783; 6 — 8, 9, 312, 335, 345, 346, 392, 403, 404, 486, 552, 579
- Мандельштам Э.В. 5 — 52, 521
- Мандер К. ван 5 — 684
- Мандэини Д. 2 (2) — 488
- Мандрыкина Л.А. 1 — 703, 708; 2 (1) — 352, 604, 619; 2 (2) — 354, 358; 5 — 361, 412, 417, 442, 455, 688–692, 695, 696, 698–700, 702, 738–740; 6 — 399
- Мансфельд Ю. 4 — 461
- Манташев А.И. 3 — 545
- Манухин И.И. 1 — 562, 847
- Манухина-Шенгели Н.Л. 3 — 694
- Марин В. 2 (1) — 360
- Маринетти Ф.Т. 1 — 553; 5 — 55, 524
- Мария Антуанетта 3 — 420, 481, 619; 6 — 144
- Мария Медичи 5 — 423
- Мария Павловна (Веймарская), вел. кн. 6 — 524
- Мария Павловна (Романова), вел. кн. 3 — 716
- Мария Федоровна 1 — 543; 5 — 173, 653, 696
- Мария Стюарт 1 — 423, 898; 2 (2) — 146, 423; 3 — 190, 338, 641; 4 — 210, 339, 391; 6 — 327
- Марк Аврелий 2 (2) — 488; 6 — 324
- Марк Антоний см. Антоний Марк
- Маркарян М.Е. 2 (2) — 263, 266
- Маркевич Б.М. 6 — 204, 208, 498
- Маркиш П.Д. 2 (1) — 339; 2 (2) — 263, 266, 268; 5 — 45, 513
- Маркиш С.П. 5 — 513
- Марков А.Ф. 2 (1) — 443
- Марков В.Ф. 5 — 665
- Марло К. 3 — 310, 746
- Мартов Ю.О. 5 — 430
- Мартино, домовлад. 5 — 223
- Мартынов Н.С. 6 — 287, 548
- Марфа-Посадница 1 — 206, 790, 2 (1) — 550, 551; 4 — 106
- Марциал М.-В. 2 (1) — 443
- Марчанова М. 5 — 206, 234, 733
- Марченко А. 5 — 376, 552, 553
- Маршак С.Я. 1 — 798; 2 (1) — 265, 317, 412; 2 (2) — 309; 5 — 227, 748
- Маслин Н.Н. 5 — 232, 750
- Матезиус Б. 5 — 203, 206, 212, 233, 730, 733
- Маттиоли Э. 3 — 584
- Матье, m-me 5 — 396
- Махаев В.Н. 5 — 383
- Махов А. 5 — 403
- Мачавариани А.Д. 3 — 665
- Маяковская А.А. 5 — 681
- Маяковская Л.В. 5 — 681
- Маяковская О.В. 5 — 681
- Маяковский В.В. 1 — 421, 465, 615, 616, 636, 639, 664, 675, 743, 745, 746, 897, 923, 924; 2 (1) — 143,

- 328, 335, 357, 362, 541, 542;
 2 (2) — 275, 277, 278, 290, 312,
 406; 3 — 217, 224, 239, 240, 264,
 267, 392–394, 440, 461, 505, 528.
 531, 535, 637, 667, 687, 705; 4 — 521,
 523, 526, 529; 5 — 27, 56, 133, 154,
 155, 187, 195, 200, 333, 375, 465,
 470, 520, 522, 523, 675, 680–682,
 708, 709, 723, 771; 6 — 337, 355,
 356, 365, 391
- Мдивани Г.Д. 2 (1) — 287
- Медведев В.В. 2 (1) — 545; 6 — 332,
 333, 598
- Медведев П.Н. 1 — 786
- Медведева-Томашевская И.Н. 2 (1) —
 257, 348, 422, 584
- Медичи (род) 5 — 441
- Медичи Д. 5 — 440
- Меерович А.Б. 2 (1) — 270
- Межелайтис Э. 5 — 307
- Межиров А.П. 2 (2) — 299
- Мейерхольд В.Э. 1 — 770, 791, 838;
 2 (1) — 581, 611, 612; 2 (2) — 406;
 3 — 138, 172, 180, 203, 229, 239,
 240, 242, 247, 250, 262–264, 267,
 268, 284, 287, 288, 423, 448, 503,
 533, 534, 536, 559, 597, 626, 627,
 662, 683, 697, 698, 701, 707, 727;
 5 — 177, 399, 407, 464, 571, 549
- Мейерхольды (семья) 1 — 654, 655;
 5 — 372
- Мейлах М.Б. 1 — 682, 797, 857, 897,
 947, 948; 2 (1) — 400, 466, 501,
 516, 556, 587, 607; 2 (2) — 321,
 443, 503, 504, 506; 3 — 467, 477;
 5 — 552; 6 — 180, 561
- Мейндорф Е.Ф. 6 — 215
- Мейтленд Э. 1 — 827
- Менделеев Д.И. 2 (1) — 309
- Менделеевы (семья) 2 (1) — 487
- Мендельсон-Бартольди Ф. 6 — 327
- Меишиков А.Д. 1 — 494, 951;
 4 — 231, 258
- Мердер М.К. 6 — 219, 513
- Мережковский Д.С. 1 — 561, 562,
 692; 2 (1) — 464; 3 — 432, 611;
 5 — 203
- Мериме П. 1 — 629; 3 — 116, 197,
 204, 564; 5 — 78, 197, 551, 553;
 6 — 411
- Меркурьева В.А. 2 (1) — 298
- Мерович А.Б. 2 (1) — 440
- Мерфи А. 3 — 515
- Месняев Г. 5 — 617
- Мессалина, римская имп. 3 — 121, 134,
 161, 175, 203, 527
- Мессинг В. 2 (1) — 286
- Местертон Э.Р. 2 (2) — 412, 444;
 6 — 561
- Метерлинк М. 1 — 747; 3 — 52, 113,
 150, 192, 503, 555, 556, 578;
 6 — 353
- Метман Л. 6 — 259, 267, 502
- Метнер Н. 5 — 478
- Меттерних К. 6 — 211, 501
- Мещерская Е.Н. 6 — 158, 171, 213,
 254, 473, 507, 525, 538
- Мещерские (семья) 6 — 253, 256
- Мещерский П.И. 6 — 473
- Микеланджело Б. 1 — 535, 536;
 5 — 440, 441; 6 — 9, 407, 587
- Миклашевская И.С. 5 — 55, 524
- Миклашевский К.К. 5 — 460, 464
- Миклухо-Маклай Н.Н. 3 — 738
- Микушевич В.Б. 3 — 538
- Мильтон Д. 6 — 198, 492
- Миндлин Э.Л. 5 — 50, 520
- Минкус Л.Ф. 2 (1) — 287, 514
- Минский Н.М. 3 — 630
- Мирбах В. 1 — 848
- Мистраль Г. 1 — 501; 5 — 179, 365,
 703
- Митрохин Д. 1 — 634
- Митурич П.В. 3 — 239, 263–264,
 401, 683, 697, 698
- Михаил Павлович, вел. кн. 6 — 251,
 252, 513, 516, 528
- Михаил Ярославич, вел. кн. 1 — 878

- Михайлов А.Д. 5 — 451
 Михайлов В.П. 3 — 237, 246, 508, 682
 Михайлов М.С. 5 — 113, 642
 Михайлов Н.Н. 1 — 603; 4 — 484; 5 — 206, 733
 Михайлов С.М. 2 (2) — 475, 476
 Михайлов Т.М. 1 — 948
 Михайловский Б.В. 1 — 661
 Михалков С.В. 2 (1) — 367; 2 (2) — 479
 Михельсон И.И. 6 — 527
 Михоэлс С.М. 2 (1) — 286, 290, 291
 Миццишвили Н. 5 — 482
 Мицкевич А. 6 — 132, 133, 156, 170, 198, 200, 201, 395, 457, 489—492, 494, 495, 515
 Мнишек М. 1 — 928—930
 Могиланский А.П. 2 (1) — 357
 Модзалевский Б.Л. 6 — 14, 44, 61, 74, 411, 414, 416, 512
 Модильяни А. 1 — 58, 70, 709, 717, 718, 722—724, 746; 2 (2) — 380, 397, 434; 3 — 210, 267, 380, 574, 602, 651, 727, 758; 4 — 555; 5 — 7—20, 53, 211, 218, 227, 245, 248, 249, 269, 270, 281, 290, 305, 306, 316, 319, 330, 367—369, 372—375, 401, 411, 419—420, 423—426, 429, 430, 432, 433, 435, 436, 438—441, 752, 757; 6 — 9, 308, 335, 407, 576
 Модильяни Д. 5 — 430
 Мозжухин И.И. 5 — 460
 Мок-Бикер Э. 1 — 688, 705, 865; 3 — 472, 541, 543, 550, 571, 578, 637—639
 Молина Т. де 6 — 449
 Молок Ю. 1 — 717; 5 — 460
 Молотов В.М. 2 (1) — 342
 Мольер 3 — 534; 6 — 92, 101, 103, 105, 106, 110, 114, 445, 462
 Моммзен Т. 6 — 340, 600
 Мона, бонна 5 — 347
 Моне К. 1 — 535
 Моника, бонна 5 — 169
 Монморанси (род) 6 — 81
 Монтгомери Аламейнский 3 — 565
 Мопассан Ги де 1 — 876; 2 (1) — 51, 450
 Моравская М.-М.-Ф. Л. 4 — 462; 5 — 25, 32, 453, 477
 Моргулис А. 2 (1) — 274
 Моргулис М.А. 2 (1) — 274
 Мордерер В.Я. 1 — 689; 3 — 473; 5 — 417, 498
 Мориц Ю.П. 2 (2) — 299
 Морозов Н.А. 5 — 74, 545
 Морозова Ф.П., боярыня 1 — 436, 906; 2 (2) — 134, 412, 511; 4 — 341, 367, 449; 5 — 232; 6 — 313, 582
 Моррель О. 1 — 609, 827
 Мотовилов Е.Н. 5 — 280, 780
 Мотовилова А.Е. 5 — 164, 691, 780
 Мотовиловы (семья) 1 — 250, 516
 Моцарт В.А. 1 — 335, 857; 2 (1) — 292, 293, 429, 615; 3 — 286, 308, 346, 520, 713, 745; 2 (2) — 406, 459; 5 — 116, 645; 6 — 102, 103, 105, 106, 109
 Мочульский К.В. 1 — 614, 615; 5 — 54, 130, 131, 144, 445, 523; 6 — 305
 Музалевский В. 2 (1) — 448
 Мулей-Абен-Гассан 6 — 20
 Муравьев А.Н. 6 — 249, 536
 Муравьев В.С. 1 — 936; 2 (2) — 311, 450; 3 — 254, 692; 6 — 329, 595
 Муравьев-Апостол С.И. 6 — 58, 437, 438
 Муратов П.П. 1 — 885; 3 — 524, 526, 598
 Мусин И.А. 2 (1) — 292, 295
 Мусина-Пушкина Э.К. 6 — 222, 233, 240, 511, 518, 526
 Мусоргский М.П. 2 (1) — 287, 310; 2 (2) — 470; 3 — 492, 604; 5 — 549
 Мухины 1 — 678
 Мэтьюрин Ч.Р. 6 — 63, 138, 439, 442
 Мюссе А. де 5 — 182; 6 — 107, 108, 139, 444, 460—462

Н

- Набоков В.В. 3 — 512, 708; 5 — 720, 721; 6 — 363, 364, 397
- Навои А. 2 (1) — 286, 341, 454
- Навуходоносор 2 (2) — 424
- Нагорный С. 1 — 670
- Надеждин Н.И. 6 — 15, 416
- Надсон С.Я. 1 — 629; 5 — 356
- Найман А.Г. 1 — 500, 522, 528, 530, 682, 688, 690, 704, 905, 908, 909; 2 (1) — 400, 402, 500, 559, 616, 629; 2 (2) — 216, 278, 298, 379, 411, 430—434, 439, 446, 450, 452, 459, 461, 465, 466, 470, 478, 484—486, 489, 499; 3 — 249, 256, 457, 467, 472, 473, 670, 693, 754; 5 — 418, 527, 528, 542, 770, 791—794; 6 — 10, 301, 304, 307—310, 312, 321—323, 325, 329, 335, 337, 338, 399, 407, 561, 563, 567, 568, 571, 575, 577, 578, 584, 585, 588—590
- Найманы (семья) 6 — 321
- Наполеон I 6 — 29, 46, 190
- Наполеон III 1 — 508; 2 (1) — 539
- Наппельбаум И.М. 2 (1) — 489, 520
- Наппельбаум М.С. 5 — 157, 552
- Нарбут В.И. 1 — 473, 690, 934, 935; 2 (1) — 519, 577, 616; 2 (2) — 317, 384, 509; 4 — 225, 360, 388, 462, 524, 547, 561; 5 — 25, 111, 238, 297, 453, 459, 476, 704, 706
- Нарбут С.Г. 5 — 32, 45, 513
- Наровчатов С.С. 6 — 552
- Наруми Кандзо 2 (1) — 570; 5 — 474
- Нарышкин Д.Л. 6 — 231, 523
- Нарышкина М.А. 6 — 523
- Нарышкина Н.К. 5 — 528
- Нарышкины (род) 5 — 60, 528
- Насырова Х. 2 (1) — 288, 289, 454
- Нащокин П.В. 6 — 36, 82, 248, 430, 514, 535
- Неведомская В.А. 1 — 856; 5 — 100, 101, 103, 108, 117, 118, 126, 128, 137, 138, 145, 146, 363, 393, 586, 610, 611, 620, 623, 645, 701, 702
- Неведомский В.К. 5 — 118, 702
- Неведомские (семья) 1 — 732, 856; 5 — 178
- Неволин Б. 5 — 168, 693
- Негри А. 5 — 662
- Недоброво Л.А. 1 — 819; 5 — 789
- Недоброво Н.В. 1 — 148, 175, 189, 194, 229, 245, 246, 274, 415, 433, 577, 581, 583—587, 591, 592, 616, 744, 748—750, 759, 760, 765, 780, 784, 785, 787, 793, 800, 802—804, 807, 811, 812, 815, 819, 825, 829, 840, 841, 843, 861, 866, 869, 871, 877, 883, 884, 895, 902, 904; 2 (1) — 363, 588, 589; 2 (2) — 352, 488; 3 — 255, 381, 382, 391, 454, 476, 523, 528, 529, 538, 592—594, 684, 692; 4 — 392, 486; 5 — 23, 36, 54, 77, 83, 133, 212, 226—228, 247, 280, 376, 546, 552, 563, 737, 780, 789; 6 — 294, 314, 318, 319, 337, 359—561, 582
- Нейман Ю.М. 6 — 304, 571
- Некрасов Н.А. 1 — 485, 524, 626, 627, 635, 947, 948; 2 (1) — 264, 415; 3 — 392, 393; 4 — 294; 5 — 150, 180, 218, 236, 333, 488, 647, 761; 6 — 365, 399
- Некрасова К.А. 2 (1) — 301, 472
- Нектарий, старец 3 — 400, 401
- Нельсон Г. 6 — 189
- Немирович-Данченко В.И. 1 — 887; 3 — 535; 5 — 196, 558, 725
- Немитц А.В. 5 — 126, 658
- Нерваль Ж. де 1 — 922; 2 (2) — 157, 429, 430, 440
- Нерис С. 2 (2) — 267
- Нерлер П. 1 — 688; 3 — 472
- Нерон 6 — 206
- Неру Д. 3 — 456; 6 — 306, 572

- Нессельроде К.В. 6 — 215, 236, 252, 442, 507, 508, 512
 Нессельроде М.Д. 6 — 82, 178, 193, 215, 261, 274, 442, 443, 508, 511
 Нестеров М.В. 5 — 695
 Нефедьева А. 6 — 528
 Нефертити 3 — 267, 705; 5 — 424
 Нечаев В.П. 1 — 886
 Нечаев Г. 3 — 386
 Нечкина М.В. 2 (1) — 304, 454
 Нидерхаузен Р. де 5 — 427
 Нижинский В.Ф. 1 — 747; 2 (2) — 406; 3 — 231, 239, 240, 243, 262, 268, 657, 676, 677, 706, 725, 726; 5 — 12, 428
 Никитаев А.Т. 1 — 688; 3 — 472
 Никитенко А.В. 6 — 39, 60, 431, 439
 Никитин Н.Н. 2 (1) — 375
 Никифорова А.В. 3 — 543
 Николаев А.А. 1 — 689
 Николаев Л.В. 2 (1) — 293
 Николай I 2 (1) — 271; 5 — 177, 484, 694, 710; 6 — 33–38, 40–43, 169, 174, 190, 191, 214, 215, 221–223, 225, 226, 228, 236, 237, 240, 241, 245, 275, 286, 380, 383, 389, 390, 432, 510, 515, 517, 518, 520, 523, 528, 553, 554
 Николай II 1 — 331, 537, 855; 2 (2) — 30; 3 — 290, 391, 479, 482, 637; 5 — 696
 Николай Мирликийский, св. 1 — 552, 811; 2 (2) — 122
 Николай Николаевич (Романов), вел. кн 3 — 485
 Никольский А.С. 2 (1) — 545
 Никольский Б. 5 — 697
 Николокин А.Н. 6 — 416, 417, 420
 Нилендер В.О. 5 — 480
 Нилин П.Ф. 2 (1) — 379
 Ницше Ф. 1 — 627, 628, 2 (2) — 301, 302, 304; 3 — 644; 5 — 653
 Нобель А.Б. 2 (2) — 168, 412, 413, 457; 3 — 669; 5 — 703
 Новалис 5 — 402, 403
 Новикова А.И. 6 — 420
 Нолле-Коган Н.А. 5 — 81, 557, 558
 Нольде Ю.Е. 5 — 396
 Норвид Ц.К. 2 (1) — 323
 Норман П. 2 (2) — 482; 6 — 308, 312, 576, 581
 Носик Б. 1 — 723, 746
 Нусинов И.М. 6 — 447

О

- Обломиевский Д.Д. 6 — 435, 436
 Ободовская И.М. 6 — 544
 Оболенская О.А. 1 — 185, 782, 783; 4 — 99; 5 — 128, 178, 584, 658, 701
 Оболенские (семья) 2 (2) — 496; 6 — 324
 Овидий П.Н. 1 — 616; 4 — 506, 511; 6 — 130–132, 452, 453
 Огастос Д. 1 — 802
 Огнев В.Ф. 2 (1) — 492
 Огнецвет Э. 4 — 537
 Огородникова И.Ф. 6 — 306, 316, 333, 572
 Одоевский В.Ф. 3 — 526, 538; 6 — 228, 229, 272, 491, 520, 522
 Одоевцева И.В. 1 — 553; 2 (1) — 609, 610; 2 (2) — 274, 311; 5 — 86, 101, 103, 106–108, 117, 126, 197, 363, 378, 380, 447, 564, 570, 585, 612, 620, 630, 788; 6 — 406
 Одынец А.Э. 6 — 490
 Озанфан А. 1 — 709
 Озаровский Ю.Э. 3 — 540–542; 6 — 370
 Озеров Л.А. 1 — 682, 690; 2 (1) — 564, 597; 2 (2) — 268, 269, 276, 311; 3 — 232, 473, 677; 5 — 190, 291, 292, 712; 6 — 297, 304, 563, 573
 Оксенов И. 1 — 615; 5 — 640

- Оксман Ю.Г. 1 — 515; 2 (1) — 556; 2 (2) — 308; 3 — 733, 4 — 557; 5 — 574, 6 — 34, 429
- Окуневская Т.К. 2 (1) — 286
- Оленин А.Н. 6 — 162, 163, 166, 167, 170, 172, 174, 184, 205, 476, 477, 480
- Оленина А.А. 6 — 161–163, 165–168, 170–174, 181, 184, 205, 468, 475–477, 479–481
- Оленина Е.М. 6 — 162, 163, 165–167, 170, 184, 476
- Олеша Ю.К. 5 — 404–406, 513
- Ольшанская Е. 1 — 552, 811
- Ольшевская-Ардова Н.А. 1 — 923, 930; 2 (1) — 108, 388, 485, 497, 521, 625; 2 (2) — 298, 318, 327, 461, 488; 3 — 733; 4 — 298; 5 — 45, 154, 248, 249, 309, 437, 681, 683, 784; 6 — 300, 307, 309, 318, 328, 329, 331, 374, 545, 575, 577, 595
- Оношкевич-Яцына А.И. 5 — 535
- Оппенгейм А. 3 — 753
- Орбели И.А. 2 (1) — 258; 6 — 588
- Орбели Р.А. 5 — 227, 748
- Орвиц-Занетти де 5 — 115, 642
- Орлов А.Г. 3 — 598
- Орлов В.Н. 1 — 679, 687, 772, 863, 886, 370; 2 (1) — 374, 413, 427, 433, 461, 471, 506, 575, 586, 595; 2 (2) — 503; 3 — 451, 508, 519, 599–602, 610, 614, 616, 621, 671; 4 — 468, 478, 494, 506, 514, 522, 532; 5 — 208, 289, 299, 542, 548, 734, 780, 783; 6 — 490
- Орлов М.Ф. 6 — 151, 152, 168, 174, 181, 469
- Орлова Л.П. 2 (1) — 286
- Орлова О.К. 1 — 533
- Осетров Е.И. 3 — 452; 5 — 674
- Осинский Н. 1 — 637, 639, 641, 861; 3 — 415; 5 — 198, 232, 722, 726, 727
- Осипов В.П. 5 — 354, 355
- Осипова В.Н. 5 — 354
- Осипова П.А. 6 — 110, 231, 430, 446, 514, 523, 533
- Осмеркин А.А. 3 — 272, 565, 708; 5 — 200, 521, 729
- Островская С.К. 2 (1) — 303, 304, 357, 358, 504; 2 (2) — 353
- Островский А.Н. 1 — 68, 721; 2 (2) — 434, 439; 5 — 526, 3 — 503; 6 — 549
- Остроумова-Лебедева А.П. 2 (2) — 489; 3 — 696; 5 — 695
- Отт, проф. 5 — 345, 650
- Оцуп М.А. 5 — 658
- Оцуп Н.А. 1 — 614, 728, 864; 2 (1) — 610; 3 — 549, 723; 5 — 85, 86, 91, 102, 107, 108, 126, 145, 302, 357, 358, 363, 392, 447, 483, 564, 569, 610, 619, 630, 658, 788
- Очкин А.Н. 6 — 272
- Ошеров С. 6 — 452

П

- Павел I 1 — 600, 913, 939; 3 — 216, 237, 246, 262, 270, 290, 484, 505, 540, 568, 681, 688, 689, 730; 5 — 187; 6 — 34
- Павленко П.А. 2 (1) — 526
- Павленко П.Н. 5 — 200, 503–506, 729
- Павлова А.П.(М.) 2 (2) — 406; 3 — 138, 239, 240, 243, 262, 263, 267, 589, 590; 5 — 12, 177, 428
- Павлова К.К. 2 (2) — 291, 317; 5 — 257
- Павлович Н.А. 3 — 401, 403; 5 — 81, 559, 560
- Павловский А.И. 2 (1) — 306, 407; 5 — 314
- Пагирев Г.В. 2 (2) — 410; 4 — 564

- Пак Же Гван **2** (1) — 619
- Палиевский П.В. **6** — 383—385, 397
- Палладин А. **2** (1) — 414, 437, 461, 528, 540; **2** (2) — 267
- Панаева А.Я. **6** — 535
- Панов Б.Б. **6** — 296
- Панова В.Ф. **2** (2) — 412; **6** — 296
- Папаригопуло С. **3** — 544
- Парин В.В. **3** — 304, 742 — 744
- Парланд А.А. **3** — 640
- Парни Э. **1** — 77, 631, 727; **2** (2) — 294; **4** — 9, 463; **6** — 360
- Парнок С.Я. **2** (1) — 297; **5** — 74, 545
- Паскаль Б. **1** — 941
- Пастернак Б.Л. **1** — 426, 517—519, 521, 559, 635, 642, 649, 651, 652, 654—656, 660, 664, 667, 669, 675, 700, 701, 751, 900, 901, 929, 947; **2** (1) — 41, 129, 131, 298, 299, 335, 336, 356, 358, 359, 367, 368, 388, 441, 456, 464, 465, 491, 495, 496, 500, 519—524, 528—530, 544, 559, 578; **2** (2) — 74, 119, 272, 275, 283, 286, 298, 317, 342, 358, 362—365, 384, 402, 435; **3** — 222, 225, 229, 235, 238, 243, 249, 253, 255, 394, 490, 505, 544, 553, 556, 583, 588, 601, 622, 669, 672, 680, 682, 687, 693; **4** — 207, 213, 325, 327, 328, 439, 440, 519—524, 543, 547, 550, 551, 553, 554, 558; **5** — 22, 39, 43, 44, 46, 73, 87, 97, 131, 149, 152, 153, 156, 157, 171, 191, 198, 201, 210, 218, 219, 229, 231, 235, 245, 248, 258, 265, 282, 366, 367, 371, 372, 383, 400, 401, 447, 448, 489, 490—492, 508—512, 517, 571, 572, 672, 673, 675—680, 684, 687, 765, 770—772, 775, 780; **6** — 293, 295, 305, 309, 325, 336, 352, 559, 577, 584, 599
- Пастернак Е.Б. **2** (1) — 465, 524, 525, 529, 654; **2** (2) — 272; **5** — 448, 489, 678
- Пастернак Е.В. **1** — 654; **2** (1) — 277, 524, 529; **5** — 448, 489
- Пастернак Э.Н. **5** — 43, 44, 157, 490, 509, 556, 687, 771
- Пасхалиди, домовлад. **5** — 223
- Патти А. **5** — 123, 653
- Паустовский П.Г. **2** (1) — 317; **2** (2) — 333, 416, 417
- Пахомов А.Ф. **1** — 925
- Пейн Р. **5** — 44, 512
- Пеньковский Л. **2** (1) — 336
- Перовская С.Л. **1** — 518, 519, 948; **2** (2) — 382
- Перовский А.А. **6** — 220, 515
- Перро Ш. **1** — 118, 384, 745, 878; **4** — 178; **5** — 400
- Пёрселл Г. **6** — 328, 333, 587
- Персис Т.М. **5** — 79, 554
- Перуджино П. **3** — 608
- Перцов В.О. **1** — 497, 636, 669; **2** (2) — 296; **5** — 87, 195, 199, 207, 231, 571, 722, 733
- Перцов П. **6** — 380
- Петр I Великий, **1** — 153, 161, 162, 181, 287, 348, 474, 600, 619, 659, 668, 768, 902, 935—937; **2** (1) — 160, 342, 470; **2** (2) — 30, 79, 97, 115, 316; **3** — 103, 138, 143, 180, 222, 237, 245, 270, 283—285, 292, 326, 391, 421, 448, 451, 479, 492, 506, 548, 568, 589, 590, 605, 610, 611, 617, 640, 645, 664, 688, 700, 714, 732; **4** — 69, 70, 86, 172, 215, 238, 258, 362; **5** — 258, 399, 528; **6** — 35, 36, 190, 308, 531
- Петр III **6** — 36
- Петрарка Ф. **2** (1) — 199, 585; **2** (2) — 171; **4** — 388; **5** — 39; **6** — 9, 407
- Петрашевский М.В. **5** — 709
- Петров В. **2** (2) — 470
- Петров-Водкин К.С. **3** — 704
- Петровская Н. **5** — 762

- Петровых М.С. 2 (1) — 491, 492; 2 (2) — 299; 4 — 519; 5 — 29, 152, 219, 226, 466, 468, 497, 499, 678, 744, 747; 6 — 293, 300, 304, 308, 318, 335, 559, 570
- Петроний 6 — 206, 207, 209
- Петрунина Н.Н. 6 — 509
- Пешков М.А. 5 — 507
- Пешкова Н.А. 2 (1) — 302, 321; 5 — 507
- Пешковы (семья) 2 (1) — 302, 454
- Пикассо (Руйс) П. 1 — 632; 3 — 719; 5 — 12, 427, 433
- Пильняк Б.А. 1 — 440, 642, 646—649, 651, 654, 908, 909, 930; 2 (1) — 526, 617; 2 (2) — 286, 406; 3 — 240; 4 — 329, 437, 558; 5 — 43, 195, 207, 220, 372, 511, 536, 733; 6 — 392
- Пильняк Б.Б. 1 — 909
- Пименов Н.С. 1 — 768
- Пименов С.С. 1 — 768; 2 (1) — 461, 462
- Пиндар 2 (2) — 401
- Писсарро К. 1 — 535
- Письменный А.Г. 1 — 663
- Плавская Е. 3 — 638
- Планш Г. 6 — 57, 437
- Платон 2 (1) — 298, 563
- Платонов А.П. 5 — 401
- Платонова-Лозинская И.В. 1 — 597, 2 (2) — 509; 5 — 445, 446, 529, 540
- Плесси дю, виконт 5 — 682
- Плетнев П.А. 6 — 36, 60, 64—66, 110, 111, 156, 430, 432, 515, 587
- Плоткин Л.А. 2 (1) — 374; 5 — 231, 750
- Плутарх 3 — 222, 666; 6 — 209
- По Э.А. 3 — 443, 457, 515, 516, 518, 526, 535, 596, 662, 742, 743
- Погодин А.Л. 6 — 198, 492
- Погодин М.П. 6 — 67, 440
- Погодин Н.Ф. 2 (1) — 270, 286
- Подгорный В.А. 3 — 526
- Поддубный И.М. 5 — 75, 547
- Поджоли (Поджиоли) Р. 3 — 252, 692
- Пожарские (род) 6 — 80
- Познер В.С. 5 — 628
- Полевой К.А. 6 — 198, 489, 490
- Полевой Н.А. 6 — 14, 38, 61, 63, 65, 73, 94, 418, 490
- Поленга Ф. да 2 (2) — 447
- Полетика А.М. 6 — 499
- Полетика И.Г. 5 — 214, 739; 6 — 210, 248, 258—260, 267, 274, 499, 538—540
- Поливанов К.М. 1 — 687, 690; 2 (1) — 323, 402; 3 — 471—473; 5 — 415, 418; 6 — 398
- Поликарпов Д.А. 1 — 669
- Поликрат 6 — 298, 563, 564
- Поляк С. 6 — 319, 587
- Половинкин Л.А. 2 (1) — 302, 303
- Полонская В.В. 5 — 154, 155, 248, 249, 375, 680, 681
- Полторацкая Е.П. 6 — 195, 488
- Полторацкие (семья) 6 — 189
- Поляков А.С. 6 — 506, 508, 509, 521
- Поляков А.Ф. 2 (1) — 317
- Полякова М.Д. 5 — 777
- Поп А. 6 — 129, 130, 451
- Попков П.С. 1 — 665; 2 (1) — 264, 375, 382, 383
- Попов Л.А. 2 (2) — 267
- Попова Н.И. 3 — 547
- Поскребышев А.Н. 1 — 651
- Потемкин Г.А. 1 — 939; 2 (2) — 382; 6 — 462
- Потемкин П.П. 1 — 552; 3 — 726
- Потоцкий Я. 3 — 743
- Пофи, тетя 5 — 178, 701
- Прево Д'Эжиль 5 — 357
- Превьер Ж. 3 — 245, 669, 687

- Прийма Ф.Я. 6 – 480
 Прокофьев А.А. 2 (1) – 365, 366, 375, 377–379, 384, 2 (2) – 296, 309, 310; 5 – 43, 193, 325, 326, 714
 Прокофьев С.С. 3 – 218, 221, 243, 658 746; 5 – 512; 6 – 323, 335, 338
 Пронин Б.И. 1 – 560; 3 – 526
 Пронин Б.К. 3 – 598; 5 – 31, 55, 107, 472, 619, 628
 Проница В.А. 5 – 107
 Проперций С. 6 – 451
 Профер Э. 2 (1) – 420
 Пруст М. 5 – 15, 431
 Прут И. 5 – 504
 Птолемей Клавдий 6 – 425
 Пугачев Е.И. 2 (2) – 34, 340; 6 – 37–39, 192, 197, 428, 430, 553
 Пугачева К.В. 2 (1) – 286, 303
 Пуленк Ф. 2 (2) – 482
 Пумпянская Т.Л. 5 – 228, 735, 749
 Пумпянский Л.В. 5 – 228, 749
 Пунин А.Н. 5 – 660
 Пунин Л.Н. 2 (2) – 411, 435, 436
 Пунин Н.Н. 1 – 422, 424, 535, 536, 624, 635, 637, 638, 650, 651, 660, 666, 882, 888, 890, 895–899, 904, 913, 949; 2 (1) – 170, 217, 258, 335, 419, 420, 434, 435, 447, 483–485, 504, 507, 509, 513, 525, 538, 539, 543, 548, 551, 552, 560, 569, 570, 589, 602, 605, 617, 627; 2 (2) – 279, 286, 392, 395, 396, 411, 435, 436, 441, 462, 464, 470; 3 – 425, 492, 564, 569, 709, 741; 4 – 329, 361, 442, 443, 559; 5 – 42, 122, 228, 246, 357, 363, 367, 377, 383, 483, 498, 510, 511, 652, 659, 660, 666, 677, 735, 744, 777, 785; 6 – 325, 368, 392, 405, 568, 569
 Пунина А.Е. 2 (1) – 419, 434, 447; 5 – 309, 659, 660
 Пунина И.Н. 1 – 882, 888, 898; 2 (1) – 372, 386, 419; 2 (2) – 411; 3 – 609, 747; 5 – 228, 249, 309, 367, 756, 784, 787, 789, 790, 6 – 306, 307, 309, 317, 318, 329, 333, 335, 336, 375, 573, 587, 588
 Пунины (семья) 2 (1) – 388, 419, 435, 747
 Пуришкевич В.М. 3 – 485
 Путята Н.В. 6 – 158, 474
 Пушкарская Н.И. 2 (1) – 301, 304; 2 (2) – 362
 Пушкин А.А. 6 – 34
 Пушкин А.С. 1 – 77, 212, 411, 459, 464, 485, 522, 536, 570, 587, 588, 618, 627, 631, 632, 634, 657, 676, 688, 713, 714, 727, 749, 750, 793, 825, 840, 871, 876, 906, 910, 918, 922, 923, 933, 946, 947, 951; 2 (1) – 40, 53, 81, 99, 122, 143, 156, 180, 195, 222, 224, 264, 270, 271, 287, 288, 298, 314, 315, 321, 418, 428, 429, 439, 440, 477–480, 492, 498, 511, 536, 543, 546, 557, 561, 576, 577, 588–591, 611–613, 617, 619, 624; 2 (2) – 21, 30, 87, 129, 261, 263, 264, 267, 287, 303, 309, 325, 336, 337, 351, 373–375, 385, 408, 423, 430, 434, 502; 3 – 19, 40, 43, 52, 96, 98, 111, 129, 132, 140, 148, 155, 165, 171, 172, 182, 190, 199, 204, 208, 217, 218, 220, 227, 228, 231, 237, 239, 249, 253, 257, 262, 264, 266, 272, 279, 286, 306, 307, 321, 382, 392, 393, 397, 421, 422, 426, 428, 430, 432, 451, 452, 460, 462, 467, 475, 483, 484, 486, 488, 491, 508, 512, 516, 526, 528, 542, 547, 554, 558, 559, 561–563, 570, 574, 589, 599, 607, 611, 617, 622, 626, 630, 632–634, 639, 643, 646, 649, 650, 654, 657, 658, 664, 671, 672, 674, 675, 684, 701, 708, 722, 726; 4 – 217, 223, 224, 237, 242,

- 280, 292–294, 368, 377, 421, 450, 504, 506, 510, 521, 522, 524, 526–528, 535, 539, 542, 543, 548, 567, 572, 5 – 14, 24, 37, 45, 50, 57, 97, 101, 114, 131, 150, 167, 168, 171, 177, 179, 195, 200, 211, 213, 218, 222, 227, 236, 239, 248–250, 252, 257, 258, 260, 270, 276, 277, 303, 304, 324–326, 331, 333, 344, 350–352, 362, 363, 366, 369, 371, 383, 407, 412, 416, 431, 451, 452, 466, 472, 483, 484, 486–488, 498, 517, 525, 532, 533, 540, 541, 569, 571, 598, 600, 636, 670, 672, 674, 700, 714, 725, 729, 739, 742, 744, 754, 757, 761, 764, 767, 771, 775, 778, 779, 787; 6 – 13, 14, 18, 20–269, 271–276, 280, 286, 287, 323, 392, 395–399, 408–416, 419, 420, 422, 425–449, 452–464, 466–488, 490–516, 518–546, 552, 553, 599
Пушкин Л.С. 6 – 228, 452, 470, 482
- Пушкин С.Л. 6 – 251, 262, 541
Пушкина Н.Н. 5 – 270, 556; 6 – 34–36, 38–40, 116, 123, 133, 157, 182, 199, 211–222, 224, 226–228, 231, 233, 235, 237–240, 243, 247–252, 254, 256–260, 262, 264–270, 361, 373, 378–386, 469, 499, 500, 502–504, 506, 509, 511–516, 518
Пушкина Н.О. 6 – 248, 533
Пушкина О.С. 6 – 256
Пушкины (дети) 6 – 218, 236, 237, 244, 267, 269, 522
Пушкины (род) 6 – 35
Пшеницкий А.П. 1 – 192, 786
Пшецлавский О.А. 6 – 457
Пшибыльский Р. 6 – 322, 590
Пызин В.И. 3 – 546
Пяст В. 1 – 562–564, 583, 720, 721, 768; 2 (1) – 616; 3 – 444, 452, 459, 475, 534, 549; 5 – 25, 50, 132, 444, 452, 453, 476

Р

- Рабинович Е. 3 – 575
Рабле Ф. 1 – 629
Равель М. 2 (1) – 615; 2 (2) – 406
Радек К.Б. 1 – 652
Радецкий И.М. 5 – 605
Радинский С.А. 2 (1) – 280
Радилов П.А. 2 (2) – 352; 5 – 32, 475
Радищев А.Н. 1 – 908; 2 (1) – 389–391; 6 – 30, 46
Радлов Н.Э. 1 – 691; 5 – 54, 523
Радлов С.Э. 5 – 54, 523; 6 – 305
Радлова А.Д. 5 – 29, 392, 469, 471; 6 – 294, 559
Радлова Л.Н. 1 – 637, 691, 695, 697, 709; 2 (1) – 329; 5 – 503
Раев Н.П. 1 – 583; 5 – 237, 614
Раевская Е.Н. 6 – 152, 181, 470, 505
- Раевский А.Н. 6 – 133, 136, 138, 139, 148–155, 162, 163, 166, 180, 181, 225, 386–391, 456, 457, 463, 519, 520
Раевский В.Ф. 6 – 132, 148, 149, 453
Раевский Н.А. 6 – 269, 544
Раевский Н.Н. 6 – 390, 457, 470, 505
Разумовская М.Г. 6 – 213, 237, 505
Разумовские (род) 6 – 81
Разумовский К.Г. 6 – 81
Райкин А.И. 2 (1) – 286
Райнис Я. 2 (2) – 263
Райт Д.А. 2 (2) – 232, 496
Райт-Ковалева Р.Я. 2 (2) – 379
Ракитин Ю.Л. 3 – 675
Раков Л.Л. 3 – 304, 742 – 744
Рамбах Н.И. 2 (1) – 298, 301

- Раменский А.А. 6 — 189, 486
 Раневская Ф.Г. 2 (1) — 273, 275, 285, 292—295, 316, 326—331, 341, 388, 465, 466; 2 (2) — 360; 3 — 496, 498, 508, 516, 569, 612, 676, 737; 6 — 308, 312, 385, 386, 576, 591
 Раннит А. 2 (1) — 610; 3 — 474; 5 — 210, 394, 735
 Раннит Э.Р. 3 — 586
 Расин Ж. 3 — 752; 6 — 322
 Раскин А.Б. 2 (1) — 286
 Раскина А.А. 2 (2) — 298
 Раскольников Ф.Ф. 5 — 608
 Распутин Г.Е. 1 — 537; 2 (1) — 310, 2 (2) — 367; 3 — 20, 265, 267, 279, 290, 484—486, 704, 705; 5 — 179, 186, 229, 251; 6 — 579—581
 Растрелли Б.К. 5 — 221, 744; 6 — 280
 Растрелли В.В. (Б.Ф.) 1 — 836, 3 — 263, 696; 6 — 280
 Рафалович С.Л. 1 — 604—606; 5 — 55, 523
 Рафаэль Санти 2 (2) — 488; 6 — 320, 475
 Рахманинов С.В. 2 (1) — 292
 Рахмилевич Л. 1 — 665
 Рашель 5 — 473
 Регор, м-м 5 — 348
 Рейн Е.Б. 2 (1) — 489; 2 (2) — 379, 397, 431; 3 — 762, 763; 6 — 10, 407, 587
 Рейн Г.М. 6 — 587
 Рейны (семья) 6 — 321
 Рейнхардт М. 3 — 629
 Рейсер С.А. 2 (1) — 613
 Рейснер Л.М. 1 — 608, 623; 5 — 99, 112, 117, 118, 122, 530, 608, 609, 641
 Рекамье Ж. 2 (1) — 147, 539; 3 — 581; 5 — 123, 653
 Рембрандт Х. ван Р. 2 (1) — 301, 465, 466; 2 (2) — 64, 357, 358; 4 — 283, 344, 403
 Ремизов А.М. 1 — 885, 886, 891; 3 — 243, 255, 685; 5 — 42, 79, 245, 506, 554, 660; 6 — 337
 Ренуар Ж. 1 — 535
 Ренье А.Ф.Ж. де 5 — 11, 427, 615
 Рео Л. 5 — 32, 476
 Репин И.Е. 3 — 708
 Рерих Н.К. 3 — 265, 701
 Рест Б. 2 (1) — 376
 Рецептер В.Э. 6 — 349, 351, 545
 Ржевуский А.С. 6 — 456
 Ржешевский А.Г. 2 (1) — 287
 Ривера Д. 5 — 433
 Рид М. 5 — 182
 Ридер Р. 3 — 467
 Рильке Р.М. 2 (1) — 524; 5 — 777
 Римский-Корсаков Н.А. 1 — 721, 927, 2 (1) — 287, 292; 2 (2) — 439; 3 — 410, 495, 496, 648, 698; 5 — 51, 520
 Ринальди А. 3 — 668
 Рипеллино А.М. 5 — 194, 714
 Ритивкина Т. 1 — 522; 5 — 216, 250
 Рихтер Г.В. 3 — 593; 5 — 754
 Рихтер Ж.П. 3 — 517
 Рихтер С.Т. 2 (1) — 615, 625; 6 — 335
 Ричардсон С. 6 — 72
 Риччо К. 5 — 234; 6 — 321, 588
 Роб-Грийе А. 3 — 458, 459
 Роджерс С. 6 — 57, 437
 Родзевич С.И. 6 — 61
 Родов С. 1 — 641; 5 — 727
 Рожанская Н.В. 5 — 726
 Рожанские (семья) 5 — 198
 Рожанский И.Д. 5 — 726; 6 — 334, 599
 Рождественский В.А. 1 — 871; 2 (1) — 366; 3 — 538; 5 — 24, 37, 81, 91, 145, 170, 392, 396, 447, 483, 558, 596, 639
 Розанов В.В. 3 — 267, 439, 630, 704, 705; 5 — 362; 6 — 380—383, 385, 548, 549

- Розен В.В. 2 (2) — 374
 Розен Е.Ф. 6 — 176, 194
 Розенгейм М.П. 1 — 523
 Розенталь Л.В. 3 — 696, 697
 Ройе-Коллар (Руайе-Коллар) П.П. 6 — 58
 Ройзман Л.И. 6 — 325, 591
 Романенко С.Г. 5 — 216, 250, 741, 742, 758
 Романов Б.Г. 2 (1) — 516; 3 — 629, 726
 Романов И.Ф. 6 — 380
 Ромм М.И. 2 (1) — 330
 Роммель Э. 2 (1) — 285
 Ронсар П. де 1 — 629; 2 (1) — 302
 Роскина Н.А. 1 — 506; 2 (1) — 367, 368, 388, 3 — 396
 Россет А.О. 6 — 265, 542
 Россет К.О. 6 — 521
 Россети Д.Г. 5 — 597
 Росси К.И. 1 — 768
 Ростан Э. 1 — 747
 Ростовцев М.И. 3 — 243, 686; 5 — 177, 519, 700
 Ростовцева М.И. 5 — 519
 Ротган Ф. 6 — 418
 Рубенс П.П. 1 — 635; 5 — 62, 195, 274, 528, 531, 723, 777; 6 — 319
 Рубинштейн Д.Л. 5 — 779
 Рубинштейн И.Л. 2 (1) — 516; 3 — 629; 5 — 12, 427
 Рублев А. 1 — 630
 Рудаков Б. 5 — 515, 516
 Рудаков И.Б. 5 — 516
 Рудаков С.Б. 1 — 658, 660, 661; 2 (1) — 498, 5 — 47, 94, 384, 487, 515—519
 Рудакова Л.С. 1 — 661; 5 — 94, 95, 516, 517
 Руденко М. 3 — 400
 Румянцева В.Ф. 3 — 566, 589
 Рунт И.М. 5 — 762
 Русланов Л.П. 5 — 43, 509
 Русланова Л.А. 2 (1) — 286
 Руссо Ж.Ж. 5 — 146, 177, 666, 700; 6 — 71, 87
 Руставели Ш. 1 — 457, 918; 2 (1) — 371; 4 — 207, 520, 523, 533
 Руффо (Кафьеро) Т. 3 — 38, 504
 Руше Ж.А. 6 — 343
 Рыбаков И.И. 5 — 649
 Рыбакова Л.Я. 2 (1) — 477; 3 — 508, 519, 520, 552; 5 — 423, 649
 Рыбакова О.И. 2 (1) — 352, 353, 477; 3 — 553; 5 — 649, 776
 Рыбаковы (семья) 2 (1) — 352, 353, 360, 478, 510, 511; 5 — 224
 Рыбасов А.П. 5 — 208, 232, 734
 Рыков А.В. 1 — 838
 Рыков В.И. 1 — 856, 864
 Рыкова М.В. 5 — 746
 Рыкова Н.В. 1 — 351, 623, 838, 856, 861, 864; 4 — 184; 6 — 323, 590
 Рыковы (семья) 1 — 856, 864; 5 — 226, 746
 Рылеев К.Ф. 1 — 916; 5 — 508; 6 — 177, 189, 471
 Рыльский М.Ф. 2 (2) — 296
 Рюдель Д. 2 (2) — 483—485
 Рюрик 6 — 81, 455
 Рюриковичи (род) 6 — 80, 175
 Рябушинский Н.П. 3 — 698; 5 — 285

С

- Саакянц А.А. 5 – 380
 Сабашникова М.В. 5 – 109, 639
 Савина М.Г. 3 – 580; 5 – 57, 526
 Савченко С.А. 1 – 704; 2 (2) – 508
 Сад Д.А.Ф., маркиз де 1 – 861
 Садовойской Б.А. 1 – 155, 765; 3 – 538; 5 – 737
 Садофьев И. 2 (1) – 376, 377, 380
 Садыков Т. 2 (1) – 288, 289, 454
 Сажин В.Н. 2 (2) – 308
 Сазонов Н.И. 6 – 433
 Сазонова-Слонимская Ю.Л. 1 – 793; 5 – 564; 6 – 294, 560
 Сакер Я.Л. 3 – 700
 Саксон Грамматик 2 (2) – 423
 Салтыковы (семья) 2 (1) – 613
 Салтыков-Щедрин М.Е. 1 – 485, 518, 689, 947, 948; 2 (1) – 403; 3 – 473; 4 – 294, 457; 5 – 418
 Сальери А. 5 – 519
 Самарин Ю.Ф. 6 – 553
 Самойлов Д.С. 1 – 690; 2 (1) – 401; 2 (2) – 299, 407
 Самосуд С.А. 2 (1) – 611
 Самсонов А.В. 3 – 551
 Санд Ж. 2 (2) – 353; 3 – 221
 Сантис Д.Д. 3 – 311–312, 746
 Саракини В.В. 1 – 495, 496; 5 – 162, 221
 Саргиджан А. 5 – 384, 498, 500 – 502
 Сарте О. де 5 – 423
 Сартр Ж.П. 3 – 441
 Сарывелли О. 2 (2) – 266
 Сафо (Сапфо) 2 (2) – 47, 352, 353; 3 – 380; 5 – 48, 189, 404, 520, 652; 6 – 317
 Сахновский В.Г. 5 – 506
 Сац И.А. 3 – 524
 Саянов В.М. 2 (1) – 357, 375, 377, 381; 5 – 208, 734
 Сверчков Н.Л. 5 – 111, 640, 784
 Сверчкова А.С. 1 – 379, 874; 5 – 345, 353, 396, 650; 6 – 307
 Свистунов П.Н. 1 – 906
 Свифт Д. 6 – 130, 328
 Святополк-Мирский Д.П. 5 – 760
 Себастьян, св. 3 – 142, 608
 Северянин И. 1 – 565, 592, 712, 721, 746, 865; 2 (1) – 272; 3 – 537, 639; 5 – 177, 700, 762
 Сегер П. 5 – 197, 726
 Сезанн П. 1 – 535; 5 – 777
 Сейфулина Л.Н. 1 – 651
 Селиванов К. 6 – 41
 Селивановский А.П. 5 – 192, 713
 Селивестров И.В. 5 – 690
 Сельвинский И.(К.)Л. 2 (1) – 287, 317, 367; 5 – 51, 520
 Семашко Н.А. 5 – 355
 Семевский В.И. 6 – 60, 442, 528
 Семенко И.М. 2 (1) – 623; 2 (2) – 377; 6 – 137, 156, 306, 459, 573
 Семенов, домовлад. 5 – 222
 Семенов, писарь 5 – 354, 355
 Семенов Г. 2 (1) – 359
 Семенов Г.М. 2 (1) – 517
 Семенов С.А. 1 – 644
 Сементовская А.К. 3 – 548
 Семирамида 3 – 267, 705
 Сен-Санс К. 2 (1) – 615; 3 – 355, 590
 Сенека Л.А. 3 – 752
 Сенковский О.И. 5 – 177, 700
 Сент-Бёв Ш.О. 6 – 57, 437
 Серафим Саровский, св. 1 – 387, 878; 2 (1) – 584; 3 – 402; 4 – 182
 Серафима, матушка 3 – 401
 Сервантес С.М. де 3 – 178, 259, 632, 633, 730
 Сергеев А.Я. 2 (1) – 398; 6 – 304, 311, 570
 Сергеев М.А. 1 – 644
 Сергиевский И.В. 5 – 196, 231, 724

- Сергий Радонежский, св. 1 — 531
 Серебрякова Э.Е. 3 — 704
 Серов В.А. 1 — 533; 2 (1) — 582;
 3 — 589, 726
 Сетницкий Н.А. 2 (2) — 303
 Сигал-Жирмунская Н.А. 2 (2) — 275
 Силлов В.А. 1 — 654
 Сильман Т.И. 2 (1) — 388, 504, 511;
 3 — 553; 6 — 557
 Симонов К.М. 1 — 663, 664; 2 (1) — 286,
 296, 317, 495; 5 — 198
 Синявский А.Д. 2 (2) — 297, 390;
 3 — 440, 594; 6 — 307, 314, 575
 Сиповский В.В. 6 — 13, 412, 433
 Сисмонди Ж.Ш.Л.С. де 6 — 57, 94,
 437
 Ситуэлл Э. 5 — 782
 Скалдин А.Д. 3 — 522, 523; 5 — 79,
 90, 182, 506, 554, 660
 Скворцова Н.В. 5 — 557
 Скороденко В. 2 (2) — 504, 505
 Скороходова О. 2 (2) — 32, 339
 Скотт В. 6 — 20, 62, 118, 189, 421,
 486
 Скриб Э. 3 — 581
 Скрябин А.Н. 2 (1) — 293; 3 — 630;
 5 — 177, 483, 484
 Скукалек Р. 5 — 234, 750
 Слейтер Л.Л. 6 — 309, 577
 Слетов П.В. 2 (1) — 332
 Слободской М. 2 (1) — 286
 Словацкий Ю. 2 (1) — 323
 Слоним И.Л. 6 — 304, 570
 Слонимский А.Л. 6 — 31
 Слонимский М.Л. 1 — 644, 665;
 2 (1) — 323, 376; 5 — 536, 732, 733
 Слуцкий Б.А. 1 — 937
 Случевский К.К. 2 (1) — 298
 Смирдин А.Ф. 5 — 280; 6 — 34, 49,
 249, 429
 Смирнов А.А. 2 (2) — 502; 3 — 399;
 5 — 54, 523, 647
 Смирнов В. 2 (2) — 358
 Смирнов Вал.Е. 1 — 945; 2 (1) — 49,
 419, 421, 422, 449; 4 — 267, 538;
 5 — 744
 Смирнов Вал.Е. 1 — 945; 2 (1) — 419,
 422, 439; 5 — 221
 Смирнов Е. 2 (1) — 419, 422, 449
 Смирнов Н.М. 6 — 221, 223, 516, 519
 Смирнова О.Н. 6 — 543
 Смирнова А.О. см. Смирнова-
 Россет А.О.
 Смирнова-Россет А.О. 6 — 61, 249,
 439, 521
 Смирнова В. 2 (1) — 414, 417, 460,
 479, 540; 2 (2) — 267
 Смирнова Т. 1 — 666, 945; 2 (1) — 419,
 422, 449
 Смоктуновский И.М. 3 — 296, 444,
 733
 Смоленский В.А. 2 (1) — 533, 534
 Снеговская Т.Ц. 5 — 442
 Собаньская К. 6 — 59, 121, 133—136,
 138—140, 143—145, 150—152, 156,
 157, 161, 165, 167, 170, 174, 180, 181,
 200, 201, 204, 205, 208, 438, 456,
 457, 465, 466, 494, 498
 Собаньский И. 6 — 456
 Соболев Л.С. 1 — 506
 Соболевский С.А. 6 — 161, 174, 469,
 475
 Современница (Сент-Ильм) 6 — 430
 Соколов Б.В. 1 — 931
 Соколов В. 6 — 418
 Соколов В.Н. 1 — 745
 Соколов М. 2 (2) — 282
 Соколов П.П. 1 — 274, 768, 825
 Соколов Ю.М. 6 — 409
 Соколовский, домовлад. 5 — 223
 Сократ 2 (2) — 138, 417, 418
 Солженицын А.И. 2 (2) — 281, 416;
 3 — 395; 5 — 301; 6 — 308
 Сслагуб В.А. 6 — 216, 220, 224,
 225, 231, 287, 512, 514, 520, 521,
 543, 554
 Соловьев В.Н. 3 — 559, 731; 5 — 460

- Соловьев В.С. 2 (2) — 301, 303;
3 — 407, 432, 5 — 647
- Соловьев С.М. 3 — 732
- Сологуб Ф.К. 1 — 68, 94, 561, 573,
592, 640, 643, 716, 722, 730, 735,
791, 801, 865, 879, 886, 887, 890;
2 (2) — 309, 3 — 255, 537, 550, 628,
630, 699, 719; 5 — 53, 142, 201, 203,
429, 454, 457, 460, 478, 563, 569,
664, 665, 737; 6 — 294, 350
- Сологубы (семья) 5 — 26
- Соломина М.Г. 6 — 266
- Солон 2 (1) — 563; 3 — 44, 100, 135,
175, 203, 528, 529, 647
- Солонович Е.М. 2 (1) — 398
- Сомов К.А. 3 — 254, 264, 606, 698,
704; 5 — 687, 695
- Сомов О.М. 6 — 415, 416
- Сомова С.А. 2 (1) — 266, 267, 270,
277, 278, 301, 306, 336, 416, 534
- Сорин С.А. 3 — 487, 489, 490, 726;
5 — 310
- Сорокин Г.Э. 2 (1) — 552
- Сорокина Н. 2 (1) — 552
- Сорос Дж. 2 (1) — 398
- Сосинский В.Б. 3 — 595; 5 — 512
- Софокл 2 (1) — 244, 563, 617, 622—
624; 2 (2) — 75, 296, 347, 365, 400,
401; 3 — 152, 194, 250, 254, 406,
615, 616; 4 — 328, 354, 440, 432,
545, 549, 553, 572; 6 — 193, 487
- Софронов А.В. 2 (1) — 414
- Софронов В.Я. 2 (1) — 374
- Соффичи А. 1 — 709
- Спасский С. 2 (1) — 360
- Спиноза Б. 5 — 430
- Срезневская В.С. 1 — 52, 145, 336,
508, 509, 517, 525, 527, 555, 607,
610, 708, 725, 733, 758, 812, 834,
838, 852, 857, 919; 2 (2) — 213,
271, 483; 3 — 423; 4 — 83; 5 — 31,
33, 53, 64, 134, 228, 235, 337—358,
363, 395, 396, 412, 473, 477, 529,
566, 588, 650, 651, 658, 740, 741,
751, 788—796; 6 — 291, 306, 312,
313, 323, 573, 582
- Срезневские (семья) 5 — 224
- Срезневский В.В. 1 — 607, 679, 758,
763, 834, 852; 5 — 33, 280, 341,
354, 477; 6 — 323, 590
- Сретенская А. 2 (1) — 388
- Ставский В.П. 5 — 503, 504
- Сталин И.В. 1 — 438, 649, 651, 653,
654, 659, 662, 663, 669, 670, 898,
899, 907, 916, 925, 937; 2 (1) — 136,
137, 164, 212, 262, 272, 290, 291,
317, 322, 359, 368, 376—379, 385,
391, 394, 438, 526, 528, 529, 531,
532, 547, 571, 601, 617, 2 (2) — 138,
262, 415—417; 3 — 255, 309, 362,
363, 367, 368, 570, 596, 704, 743,
745, 761; 4 — 411, 560; 5 — 42, 44,
190—192, 196, 200, 209, 213, 245,
326, 327, 382, 383, 444, 496—498,
505, 509—512, 536, 572, 680, 681,
696, 723—725, 741; 6 — 337, 578,
596, 600
- Сталь А.Л.Ж. де 5 — 123, 653; 6 — 59,
63, 69, 70, 442
- Станиславский К.С. 5 — 558; 6 — 547
- Станюкович В.К. 2 (1) — 548; 3 — 689
- Старостин А.С. 3 — 235, 680
- Старцев А.И. 3 — 515
- Стасов В.П. 1 — 836; 2 (1) — 461;
3 — 263, 668, 696, 730
- Стеллецкий Д.С. 1 — 802
- Стендаль 6 — 57, 70
- Стенич В. 2 (1) — 611
- Степанов В.В. 2 (1) — 545
- Степанов Н.Л. 5 — 195, 723
- Степанов С. 6 — 327
- Степун Ф.А. 3 — 434—436; 5 — 205,
732
- Стерн А. 6 — 316, 319, 583
- Стесихор 6 — 450
- Стивенс У. 5 — 380

- Стогов Э.И. 1 — 515
 Стоговы (семья) 1 — 504, 523, 533, 736
 Столыпин П.А. 2 (1) — 309; 5 — 20, 228, 373
 Стравинская В.А. 2 (2) — 425
 Стравинский И.Ф. 2 (1) — 292, 514, 516; 2 (2) — 149, 406, 424, 425; 3 — 181, 203, 206, 218, 240, 241, 243, 247, 250, 262, 264, 267, 281, 284, 428, 658, 676, 698, 706, 717, 721, 725; 5 — 12, 29, 177, 320, 428, 429, 469; 6 — 299, 564
 Страду В. 5 — 368
 Страннолюбская Е.И. 1 — 511—513
 Страннолюбский А.Н. 1 — 511
 Страховский Л.И. 2 (1) — 609, 610, 2 (2) — 353; 5 — 47, 48, 50, 58, 59, 86, 88, 96, 117, 118, 145, 183, 194, 197, 281, 287, 294, 296, 302, 393, 394, 519, 569, 645, 649, 735
 Страшун И.Д. 2 (1) — 347
 Стрельников, генерал 5 — 216, 250
 Стрейчи Л. 1 — 802
 Строговы-Змунчила (семья) 1 — 537
 Строганов Г.А. 6 — 232, 253, 259, 266, 274, 499
 Струве В.В. 3 — 647
 Струве Г.Б. 3 — 528, 529; 5 — 585
 Струве Г.П. 1 — 614, 682, 685, 686, 804, 858; 2 (1) — 400, 487, 609; 2 (2) — 274, 390, 473, 504, 505; 3 — 462, 467, 470, 507, 611, 715; 5 — 94, 102, 107, 108, 126, 127, 137, 142, 144, 230, 231—235, 285, 379, 385, 414, 416, 417, 462, 463, 542, 564, 565, 600, 604, 630, 657, 749, 755; 6 — 312, 367, 595
 Струве М.А. 3 — 541; 5 — 464
 Струве Н.А. 1 — 682, 686; 2 (1) — 518, 522, 555, 556, 575, 587, 608; 2 (2) — 377, 389, 418, 504; 3 — 467, 470, 490; 5 — 414, 6 — 348, 568
 Стюарт Д. 5 — 665
 Субботин С.И. 5 — 494
 Суворин А.С. 1 — 747; 3 — 577, 579, 5 — 203, 730
 Суворов А.А. 6 — 517
 Суворов А.В. 6 — 517, 527
 Суворова К.Н. 1 — 688; 2 (1) — 402; 3 — 471; 5 — 416, 594, 623, 626, 6 — 398, 555
 Суворова Л.В. 6 — 222, 516, 517
 Судейкин С.Ю. 1 — 91, 182, 510, 709, 710, 733, 734, 747, 782, 794, 2 (1) — 516; 3 — 180, 521, 533, 534, 541, 578, 596, 629, 677, 719, 726, 730; 5 — 29, 55, 64, 469; 6 — 366, 564
 Судейкины (семья) 1 — 734; 3 — 637
 Судьина Т.Г. 1 — 496
 Сузе Кардосо А. де 5 — 424
 Суинберн А. Ч. 3 — 752
 Сумский С. 1 — 614
 Сумцов Н.Ф. 6 — 28, 433, 434
 Суперфин Г.Г. 1 — 706
 Суриков В.И. 1 — 436, 906, 918, 937; 3 — 492, 708; 4 — 341, 525
 Сурков А.А. 2 (1) — 317, 336, 360, 367, 432, 470, 471, 495, 526, 546, 547; 2 (2) — 265, 270, 284, 289; 3 — 665; 4 — 565; 5 — 194, 209, 288, 306, 308, 309, 323, 325, 438, 714, 780; 6 — 295, 323, 333, 401, 482, 590
 Сухово-Кобылин А.В. 3 — 737
 Сухомлинова А.П. 2 (1) — 275, 279; 3 — 737; 6 — 308, 569
 Сухотин П. 6 — 447
 Сучков С. 5 — 769

Т

- Т.К. см. Краснопольская Т.
- Табидзе Н.А. 2 (1) — 529; 5 — 678, 771, 772
- Табидзе Т.Т. 5 — 265, 770
- Табидзе Т.Ю. 2 (1) — 524; 5 — 264, 265, 482, 490, 770–773
- Тавилдаров Ф.Н. 5 — 280
- Таганцев В.Н. 1 — 421, 897, 903; 3 — 447, 492; 5 — 311, 630; 6 — 389
- Тагер Е. 5 — 500
- Тагор Р. 2 (2) — 263, 264, 266, 433; 3 — 456, 457, 754; 5 — 260, 314, 322, 767; 6 — 306, 318, 572
- Таиров А.Я. 1 — 709; 3 — 629; 5 — 667
- Талейран Ш.М. 6 — 211, 501
- Тальников Д.Л. 1 — 583; 5 — 212, 737
- Тамара, царица 4 — 217
- Тамерлан (Тимур) 1 — 901; 2 (1) — 129, 520–525; 2 (2) — 317, 362, 365; 4 — 327, 439, 558, 572
- Танеев С.И. 2 (1) — 293
- Тарановская Е.Я. 2 (1) — 297
- Тарасенков А.К. 2 (1) — 372, 373
- Тараховская Е.Я. 5 — 545
- Тарковский Т.А. 6 — 304, 570
- Тарковский Арс.А. 2 (2) — 276, 299, 300, 311, 312; 5 — 48, 261–266, 520, 521, 769, 770; 6 — 300, 304, 306, 334, 338, 345, 402, 566, 570, 573
- Тарковский Андр.А. 5 — 769
- Татарина Е.Ф. 6 — 41, 431
- Татлин В.Е. 3 — 401
- Тацит 6 — 208, 471
- Твардовский А.Т. 2 (2) — 296, 317, 319, 491; 5 — 316; 6 — 308, 570
- Твен М. 2 (1) — 452
- Теккерей У.М. 3 — 512
- Тельман Э. 2 (1) — 344
- Темниковы (род) 2 (2) — 397
- Тенорио Х. 6 — 449
- Терапиано Ю. 5 — 486
- Теренциан Мавр 5 — 731
- Терехов А.Г. 5 — 715, 775, 785
- Терье А. 2 (1) — 370; 4 — 467, 468
- Терьян В. 5 — 765
- Тибо, т-г 6 — 227, 521
- Тибулл А. 6 — 451
- Тилло В. 6 — 418
- Тименчик Р.Д. 1 — 553, 612, 682, 687, 689–691, 695–697, 706, 712, 720, 765, 780, 782, 880, 888, 900, 940; 2 (1) — 398, 459, 460, 468, 469, 530, 556, 561, 564, 570, 572, 583, 602, 603, 625, 627; 2 (2) — 317, 320, 355, 359, 373–375, 377, 492, 500, 502, 508; 3 — 397, 417, 467, 471–473, 492, 498, 560, 571, 574, 575, 613, 614, 646, 650, 653, 655, 657, 658, 660, 662, 663, 670, 673, 677, 684, 688, 692, 693, 711; 4 — 412; 5 — 369, 370, 372, 406, 412, 415, 417, 418, 442, 469, 478, 524, 526, 538, 542, 590, 604, 627, 690, 692, 698, 711, 714, 725, 758; 6 — 439
- Тимофеев Б.Н. 5 — 284
- Тимофиевич А.Э. 1 — 516
- Тиняков А.И. 1 — 150, 763; 5 — 737
- Титов В.П. 6 — 158, 160, 161, 166, 167, 171, 175, 184, 202, 207, 355, 473, 474, 484, 497
- Титов Л. 3 — 571
- Тихвинская Л.И. 3 — 471, 527
- Тихонов А.Н. 2 (1) — 321, 322, 332, 333, 410; 3 — 591, 674, 737; 5 — 16, 200, 209, 227, 433, 729
- Тихонов Н.С. 2 (1) — 317, 338, 344, 367, 375; 2 (2) — 283, 506, 507; 5 — 199, 727
- Тихон, патриарх 1 — 848
- Тихонов А.Н. 1 — 883
- Тихонов Н.С. 1 — 885, 890; 2 (1) — 264
- Тициан 3 — 608

- Токарев А.А. 6 – 420
Толмачев М.В. 3 – 467, 734, 741, 759; 5 – 465, 609
Толстая Л.И. 2 (1) – 436
Толстая Н.И. 2 (2) – 271
Толстая-Есенина С.А. 1 – 889, 5 – 42, 507
Толстой А.Н. 1 – 455, 552, 620, 642, 649, 652, 890, 916, 920, 2 (1) – 264, 272, 273, 279, 294, 295, 302, 316–319, 321–324, 336, 339, 347, 436; 2 (2) – 348, 509; 3 – 281, 692, 704, 721; 5 – 23, 42, 82, 124, 133, 137, 196, 198, 367, 384, 498–503, 507, 629, 646, 647, 656, 711
Толстой И. 5 – 539
Толстой Л.Н. 1 – 486, 500, 522, 948; 2 (1) – 286, 317; 2 (2) – 87, 375; 3 – 38, 402, 505, 601; 5 – 14, 19, 39, 49, 164, 170, 177, 179, 181, 183, 218, 225, 236, 250, 344, 351, 373, 488, 500, 515, 560, 561, 690, 694, 704, 705; 6 – 126, 250, 322
Толстой П.А. 6 – 336
Толстой Ф.И. 6 – 149, 152, 181, 468, 469, 471, 481
Толстой Я.Н. 6 – 420
Толстые (семья) 2 (1) – 302, 303, 316, 321, 325, 454; 5 – 23
Толь К.Ф. 6 – 236, 527
Тома А. 2 (2) – 266, 268
Томашевская Э.Б. 1 – 812, 815, 877, 921; 2 (1) – 257, 349, 354, 521, 583, 584; 2 (2) – 411; 3 – 487, 559; 5 – 420, 421; 6 – 311
Томашевская И.Н. 6 – 573
Томашевские (семья) 2 (1) – 346–348, 388
Томашевский Б.В. 1 – 920, 921; 2 (1) – 257, 258, 348, 583, 583, 584; 5 – 187, 421; 6 – 58, 69, 74, 171, 185, 203, 325, 365, 370, 397, 438, 480, 484, 497, 573
Томашевский Н.Б. 6 – 306, 325, 573
Тон К.А. 1 – 784
Топоров В.Н. 1 – 858; 2 (1) – 487, 587; 3 – 417, 467, 560, 570
Тохтамыш 2 (1) – 521
Траверс И.И. 3 – 690
Трезини Д. 2 (2) – 316; 3 – 548, 605
Трилони Э.Дж. 3 – 563
Триоле Э.Ю. 5 – 512, 664, 682
Триполитанская, графиня 2 (2) – 484
Троцкий Л.Д. 1 – 562, 637, 638, 639; 5 – 519
Трубешкой А.В. 6 – 210, 216, 247, 258–261, 499, 511, 538
Трубешкой П.П. 2 (2) – 398
Трубешкой С.П. 6 – 420
Трухачев А.Б. 6 – 579
Тувим Ю. 2 (2) – 266
Тулуз-Лотрек А. де 5 – 440
Туманова З.А. 2 (1) – 298, 305, 306
Туманян О.Т. 1 – 907
Тумповская М.М. 5 – 122, 652
Тур Н.И. 5 – 222, 693
Тураев Б.А. 5 – 111, 641
Тургенев А.И. 6 – 38, 58, 62, 63, 64, 67, 130, 213, 214, 234, 240, 244, 420, 430, 439, 442, 506, 507, 515, 516, 525, 527, 543
Тургенев И.С. 3 – 38, 505, 601; 5 – 181, 351, 515, 526; 6 – 548
Тургенев Н.И. 6 – 58, 420, 515
Тургенев С.И. 6 – 18, 420
Турсунов М. 2 (1) – 289
Тынянов Ю.Н. 1 – 667, 676; 3 – 310, 746; 5 – 38, 209, 488; 6 – 30, 31, 428
Тыркова А.В. 1 – 557–559; 5 – 74, 80, 81, 543–545
Тышлер А.Г. 2 (1) – 286, 290, 304, 334, 457; 2 (2) – 263; 3 – 217, 657; 5 – 8, 422, 423, 766
Тэффи Н.А. 2 (1) – 530
Тюдоры (династия) 6 – 567

- Тольпанов С.С. 5 — 338, 339, 340
 Тюрин А.Н. 5 — 629
 Тютчев Ф.И. 1 — 538, 584, 618, 689, 699, 700, 765, 805—807, 840, 871, 880, 926, 941; 2 (1) — 108, 329, 497; 2 (2) — 303, 312, 325; 3 — 480, 662; 4 — 171, 207, 235, 298, 511, 513, 515, 516, 532, 540; 5 — 181, 344, 351, 480, 527, 647, 662, 675, 694, 739; 6 — 213, 356, 428, 506

У

- Уайльд О. 1 — 709; 2 (1) — 464, 516; 3 — 172, 242, 247, 350, 535, 626—629, 758, 759
 Убри П.Я. 6 — 419
 Уваров С.С. 6 — 242
 Уилсон Д. 6 — 120, 447
 Уильямс А.М. 5 — 194, 714, 781
 Ульянов Н.П. 6 — 383
 Умари А. 2 (1) — 264, 265
 Уолис Г. 3 — 613
 Уоррен Р.П. 5 — 406
 Урицкий М.С. 5 — 31, 472, 732
 Усенко П. 2 (2) — 267
 Усневич Е.Ф. 5 — 43, 510
 Усов Д.С. 5 — 526
 Успенский Г.И. 2 (2) — 403
 Успенский Л.В. 5 — 173, 696
 Усто-Мумин А.В. 2 (1) — 290
 Уткин И.П. 2 (1) — 266, 270, 302, 336, 338, 440
 Уткины (семья) 2 (1) — 302
 Утрилло М. 5 — 435
 Ушаков Н.Н. 2 (1) — 270, 336
 Ушакова Е.Н. 6 — 195, 488
 Уэллс Г.Д. 5 — 426; 6 — 562

Ф

- Фадеев А.А. 1 — 663, 666, 669, 921; 2 (1) — 262, 375, 379, 432; 5 — 196, 200, 724, 729
 Файнберг Д.Л. 5 — 412, 423, 443, 473, 604, 791, 792; 6 — 255, 397, 498, 536
 Фальконе Э.М. 1 — 768
 Фармаковский М.В. 5 — 781
 Федин К.А. 1 — 644, 649, 890; 2 (2) — 284; 5 — 54, 498, 522
 Федоров А.В. 1 — 686; 3 — 470
 Федоров А.М. 1 — 6, 695
 Федоров Н.Ф. 2 (2) — 301, 303
 Федотов Г. 3 — 522
 Федотов П.А. 5 — 211, 736
 Фейгин Г.Г. 1 — 301, 838, 839
 Фелипе Л. 2 (1) — 207, 595, 596
 Фельтен Ю.М. 2 (2) — 316
 Феодора, визант. имп. 3 — 267, 705, 706
 Феофан, архимандрит 3 — 485
 Фет А.А. 1 — 535; 2 (1) — 298, 423; 2 (2) — 371; 4 — 534, 541; 5 — 488, 647, 675; 6 — 495
 Фигнер В.Н. 5 — 249
 Фигурнова О. 2 (1) — 387
 Фидлер Ф. 1 — 718
 Фикельмон Д.Ф. 2 (1) — 613; 6 — 132, 196, 202, 207, 210, 212, 220, 222, 233, 495, 501, 513, 518
 Фикельмон К.Л. 6 — 495
 Филин М.Д. 3 — 723
 Филип Ж. 5 — 435
 Филипп II Габсбург 2 (1) — 346
 Филиппов Б.А. 1 — 685, 686; 2 (1) — 337, 400, 487; 2 (2) — 274, 353; 3 — 236, 246, 249, 252, 276, 451, 462, 467, 470, 507, 593, 681; 5 — 107, 113, 379, 385, 414, 416, 417, 462, 463, 494, 542, 565, 600, 604, 657, 749, 755; 6 — 595

- Филиппов М.И. 3 — 742
 Филолай 2 (1) — 563
 Философов Д.В. 1 — 561
 Философова 3 — 543
 Финкельштейн-Рудакова Л.С. 2 (1) — 498
 Фирлей С. 2 (2) — 495
 Флейшман Л.С. 1 — 804, 814
 Флетчер Ф.М. 1 — 802
 Флобер Г. 1 — 943, 944; 2 (1) — 516; 4 — 244; 3 — 350, 759; 5 — 216, 351
 Фогельсон В.С. 6 — 300, 566
 Фокин М.М. 1 — 779; 2 (1) — 514; 3 — 537, 590, 662, 663, 676; 5 — 12, 428, 429
 Фолкнер У. 5 — 379, 380
 Фомичев С.А. 6 — 412
 Фонвизин Д.И. 6 — 125
 Фор П. 5 — 55, 524
 Форстер Г. 5 — 375, 402, 403
 Франк В. 3 — 418, 462
 Франк С.Л. 3 — 407
 Франко И.Я. 2 (2) — 263
 Франс А. 5 — 11, 427
 Фрейд Э. 2 (2) — 301; 3 — 318, 750
 Фрейдин Ю.Л. 1 — 688; 3 — 472
 Фрейндлих В.К. 3 — 265, 702
 Фридрих Н.В. 6 — 447
 Фридолии В.П. 1 — 690
 Фридрих II 6 — 144
 Фризенгоф Г.В.Ф. 6 — 263, 268, 269, 534, 542
 Фрина 1 — 30, 706
 Фрост Р. 2 (2) — 414
 Фрунае М.В. 2 (1) — 269
 Фуке Ж. 1 — 638
 Фурньер Л.Э 3 — 563

X

- Хазин А.А. 2 (1) — 376, 377
 Хазин Е.Я. 5 — 38, 43, 45, 298, 488, 783
 Хагеруп И. 2 (2) — 263
 Хайкин С.Э. 6 — 331, 597
 Хаксли О. 1 — 827
 Халтурин С.Н. 1 — 518, 913
 Хамза Х.Н. 2 (1) — 286
 Хаммурапи 3 — 44, 100, 135, 175, 203, 528, 529, 647
 Хант Д.Г.Л. 3 — 563
 Ханум Т. 2 (1) — 296, 303
 Ханцын И.Д. 2 (1) — 274, 292
 Харджиев Н.И. 1 — 473, 897, 928, 930, 934; 2 (1) — 557; 2 (2) — 298, 512; 3 — 467, 508, 509, 612, 617, 650, 671, 685, 710, 747; 4 — 388; 5 — 27, 157, 419, 423, 439, 458, 481, 485, 507, 683, 684, 687, 783; 6 — 231, 293, 306
 Харкинс У. 2 (1) — 609, 610; 5 — 86, 197, 569, 725
 Хаустов Л.И. 2 (1) — 359
 Хачатурян А.И. 2 (1) — 293; 3 — 221, 665
 Хейт А. 1 — 498, 502, 543, 544, 548, 549, 552, 553, 555, 574, 603, 619, 644, 645, 690, 857; 2 (2) — 278; 3 — 388, 467, 473; 5 — 136, 139, 142, 394, 395, 412, 418, 477, 596, 606, 662, 664, 688, 689, 692, 695, 696, 702, 707, 708, 730, 732; 6 — 326, 592
 Хемингуэй Э.М. 2 (2) — 264; 3 — 117, 596; 5 — 260, 437
 Хентова С. 2 (1) — 296
 Херасков М.М. 3 — 719
 Хестингс Б. 5 — 10, 425, 426
 Хетагуров К.Л. 2 (2) — 263
 Хилковы (семья) 5 — 178
 Хименес М. 6 — 17
 Хитрово Е.М. 6 — 58, 60, 163, 170, 174, 198, 438, 492, 495
 Хлапонина С.Я. 2 (1) — 353

- Хлебников В.В. 1 — 460, 660, 865, 920, 948; 2 (1) — 298; 2 (2) — 406, 3 — 49, 223, 239, 240, 243, 255, 264, 265, 267, 281, 393, 537, 544, 545, 683, 698, 699, 701, 703, 722; 4 — 227, 320, 429; 5 — 32, 149, 448, 470, 476, 676, 684
- Хлодовский Р.И. 6 — 347, 397, 404, 405
- Хлопина И.Д. 2 (1) — 349
- Хлопуша А.Т. 6 — 197
- Хмелевская Е.М. 6 — 501
- Хмельницкая Т.Ю. 2 (1) — 357
- Ходасевич В.Ф. 1 — 522, 574, 576, 653, 787, 885, 898; 2 (1) — 575; 3 — 243, 255, 394, 461, 686, 712, 5 — 201, 212, 517, 731, 737, 761, 764; 6 — 177, 294, 354—355
- Холодович А.А. 5 — 766
- Хон Сон Бон 2 (2) — 266
- Хренков Д.Т. 5 — 330, 786; 6 — 328, 593
- Хренников Т.Н. 2 (1) — 287
- Христофорова 3 — 543
- Хрущев Н.С. 1 — 662, 937; 2 (2) — 262, 267, 272, 281; 3 — 669; 6 — 577, 578

Ц

- Цветаева А.И. 6 — 579
- Цветаева М.И. 1 — 218, 469, 568, 613, 614, 637, 638, 653—655, 675, 795, 816, 928—930; 2 (1) — 26, 251, 278, 281, 303, 408, 428, 578, 627, 628; 2 (2) — 119, 357, 364, 401, 402, 406; 3 — 239—241, 243, 252, 254, 264, 266, 394, 427, 437, 461, 523, 528, 538, 685, 686, 692, 700, 703, 704, 752; 4 — 279, 325—327, 438, 440, 441, 348, 543, 550, 551, 554, 558; 5 — 22, 75, 88, 109, 110, 132, 149, 156—158, 195, 201, 230, 245, 279, 283, 302, 303, 372, 448, 453, 460, 461, 496, 517, 547, 571, 628, 638, 639, 661, 662, 672, 682—688, 723, 732, 737; 6 — 312, 325, 361, 392, 579
- Цветеремич (Зветеремич) П.А. 5 — 234, 750
- Цветковская Е.К. 5 — 158, 688
- Цезарь Г.Ю. 6 — 201
- Церетели А.Р. 5 — 490
- Церетели Г.Ф. 6 — 494
- Цивьян Т.В. 2 (2) — 504; 3 — 417, 467, 513, 560, 756
- Циммерман М.М. 1 — 791, 839, 850, 895
- Цицерон М.Т. 3 — 483, 528, 652; 5 — 379
- Цуй Юань (Цюй Юань) 2 (2) — 263, 266, 267
- Цурукаев А. 2 (2) — 266, 267
- Цыбульская Я. 1 — 835
- Цыгальский А.В. 5 — 482
- Цявловская (Зенгер) Т.Г. 2 (1) — 440, 441; 2 (2) — 308, 309; 6 — 133, 137, 147, 163, 167, 171, 194, 389, 456, 468, 481, 508, 515
- Цявловские (семья) 2 (1) — 275
- Цявловский М.А. 2 (1) — 270, 440, 441; 6 — 515

Ч

- Ч. см Чапский Ю.
 Чаадаев П.Я. 1 — 871; 5 — 30, 460, 470; 6 — 164, 168, 169, 214, 230, 231, 564
 Чага Л. 5 — 459
 Чагин П.И. 5 — 208, 734
 Чайковский П.И. 2 (1) — 287, 293, 611—613, 615; 2 (2) — 447; 3 — 288
 Чаковский А.Б. 2 (1) — 417, 422, 432
 Чапаев В.И. 5 — 487
 Чаплин Ч.С. 1 — 500; 2 (2) — 94, 378—380; 3 — 727; 5 — 14, 164, 179, 250, 365, 431, 569
 Чапский Ю. (Й.) Г. 2 (1) — 272, 273, 321—323, 325, 326; 2 (2) — 332, 333, 462; 3 — 253, 276, 453, 692, 750
 Чапыгин А.П. 5 — 549
 Чаренц Е.А. 1 — 635; 5 — 257, 765
 Чаттертон Т. 3 — 613
 Чаурели М. 2 (1) — 526
 Чацкина С.И. 3 — 264, 700, 5 — 204, 205, 731
 Чеботаревская А.Н. 3 — 620; 5 — 133, 457, 460, 478, 563, 663
 Чевакинский С.И. 2 (1) — 548; 3 — 568
 Чегатай см. Джагатай
 Чегодаевы (род) 2 (1) — 470
 Челлини Б. 5 — 61
 Чердынцев В.В. 3 — 672
 Черейский Л.А. 6 — 397, 470
 Чернов А. 6 — 486
 Чернявский В.С. 5 — 32, 464, 475, 477
 Черных В.А. 1 — 504, 546, 548, 595, 596, 679, 682, 686—688, 690, 717, 728, 733, 734, 743, 752, 754, 755, 769, 773, 777, 780, 784, 794, 809, 856, 888, 896, 945; 2 (1) — 398, 401, 402, 469, 470, 519, 523, 597; 2 (2) — 320, 326, 338, 339, 353, 354, 360, 365, 366, 376, 391, 410, 415, 423, 473; 3 — 467, 470, 471, 473, 511; 4 — 456, 459, 473, 483, 502, 519, 529, 546, 573; 5 — 412, 415, 416, 418, 542, 564, 594, 604, 607, 623, 626, 711, 726, 727, 741, 746; 6 — 398, 399, 555, 556
 Черняк Я.З. 2 (1) — 278, 297; 3 — 254, 692
 Черткова Л. 1 — 794
 Черубина де Габриак 2 (1) — 490; 3 — 505; 5 — 109, 123, 626, 629, 630—639, 670
 Черчилль Р.У. 3 — 603, 604
 Черчилль У.Л.С. 2 (1) — 378; 3 — 456, 596, 603, 604; 5 — 193, 712
 Честертон Г.К. 1 — 609; 5 — 426
 Чехов А.П. 1 — 520, 521, 522, 534, 685, 747, 295; 2 (1) — 399; 3 — 503, 5 — 81, 106, 206, 278, 285, 374, 567
 Чехов М.А. 3 — 243, 401, 686
 Чиаурели М.И. 5 — 696
 Чигуа 5 — 482
 Чиковани С. 5 — 490
 Чингизиды (род) 2 (1) — 470
 Чингисхан 1 — 504; 2 (1) — 124, 304, 469, 470, 515; 3 — 676; 4 — 293; 5 — 150, 758
 Чичагов, адмирал 5 — 220, 744
 Чичаговы, семья 5 — 744
 Чудовские (семья) 5 — 55
 Чудовский В.А. 1 — 573—575, 587, 592; 5 — 30, 100, 291, 469, 471
 Чужак Н. 1 — 642; 5 — 727
 Чуковская Е.Ц. 1 — 873; 2 (1) — 279
 Чуковская Л.К. 1 — 497, 498, 511, 517, 520, 523, 524, 531, 534, 535, 544, 561, 651, 663, 666, 667, 676, 677, 681, 682, 738, 739, 756, 757.

- 775, 781, 796, 822, 875, 876, 878, 882, 888, 889, 892, 897, 901, 904, 905, 907–909, 912, 914, 915, 918–926, 933, 934, 937–943, 945–947, 949; 2 (1) – 256, 258, 263, 265, 270, 274, 275, 278–280, 282, 294, 302, 325, 328, 329, 331–333, 335, 338, 341, 345, 348, 349, 395, 396, 403, 406, 408–410, 412, 413, 416, 419, 420, 422, 423, 425–430, 432–436, 440, 441, 451, 455, 456, 459, 462–464, 468, 470, 471, 478, 479, 481, 487, 491, 492, 501, 502, 507, 518, 520–525, 549, 550, 555–557, 562–564, 575–577, 579, 584, 585, 589, 591, 596, 605–609, 621–624, 626, 627; 2 (2) – 263, 269–272, 276–279, 282, 284–289, 297, 298, 300, 301, 312, 318, 319, 324, 325, 332, 333, 339, 348, 353, 357, 358, 364–366, 372, 373, 377, 379, 380, 381, 389, 391, 398, 404, 407, 414–416, 436, 437, 440, 443, 452, 453, 471, 479, 483, 491, 492, 495, 503–506, 510, 511; 3 – 235, 424, 467, 473, 487–489, 494, 505, 506, 508, 509, 514, 515, 539, 563, 592, 595, 596, 607, 615–618, 639, 654, 655, 660, 691, 708, 712, 747; 4 – 361, 457, 463, 471, 481, 483, 499, 509, 516, 528, 548, 556, 557, 565, 566; 5 – 229, 418, 512, 531, 536, 539, 568, 677, 678, 740, 749, 754, 787; 6 – 299, 300, 302, 303, 310, 316, 317, 361, 362, 399, 559, 564, 565, 568, 573, 574, 578, 584
- Чуковский К.И. 1 – 498, 590, 615, 616, 620–622, 624–627, 635, 639, 645, 690, 863, 873, 883, 884; 2 (1) – 264, 279, 303, 316, 336; 2 (2) – 319, 348, 452, 510; 3 – 235, 246, 249, 252, 393, 394, 419, 461, 466, 473, 628, 680; 4 – 554; 5 – 78, 87, 97, 113, 195, 207, 227, 247, 314, 464, 489, 558, 570, 715, 723; 6 – 300, 334, 565, 599
- Чуковский Н.К. 2 (1) – 274; 5 – 39, 489, 500
- Чулков Г.И. 1 – 556, 576, 810; 3 – 389, 390, 758, 760; 5 – 43, 87, 133, 247, 508, 593, 605, 660, 711
- Чулкова Н.Г. 1 – 234, 809; 4 – 118; 5 – 43, 199, 421, 508
- Чупятов 2 (1) – 611
- Чурилин Т.В. 5 – 449
- Чусти 2 (1) – 265, 288, 489
- Чухонцев О.Г. 3 – 556
- Чюрленис М.К. 5 – 735

Ш

- Шагал И.М. 2 (2) – 397
- Шагал М.Э. 2 (2) – 114, 395–397; 3 – 719; 4 – 362, 443; 5 – 14, 430, 431, 433
- Шагинян М.С. 1 – 614, 647; 5 – 140, 195, 200, 207, 664, 729
- Шаляпин Ф.И. 2 (1) – 309; 2 (2) – 406; 3 – 38, 139, 240, 243, 263, 265, 267, 283, 448, 504, 580, 604, 686, 698, 723; 5 – 177, 629
- Шамурин Е.И. 1 – 633; 6 – 547
- Шапорин Ю.А. 3 – 407, 408, 575
- Шапорина Л.В. 6 – 308, 576
- Шапух, царь 5 – 489
- Шарлемань Л. 2 (2) – 316
- Шарь Е.Я. 1 – 906
- Шатобриан Ф.Р. де 6 – 57, 63, 69, 436, 437, 492
- Шаховской А.А. 6 – 152, 181, 199, 470, 493
- Шварсалон В.И. 1 – 720; 5 – 90, 593

- Шварсалон К.С. 1 — 66, 720
 Шварц В. 1 — 429, 902
 Шварц Е.А. 2 (1) — 388
 Шварц Л. 2 (1) — 448
 Шведе Е.Е. 5 — 535
 Шведе Н.Е. 5 — 535
 Шевченко Т.Г. 1 — 544; 5 — 226
 Шейхзаде М. 2 (1) — 270, 440
 Шекспир У. 1 — 16, 17, 249, 484, 546, 671, 692, 700–702, 724, 750, 751, 898, 919, 923, 938, 946; 2 (1) — 187, 271, 286, 371, 468, 469, 531, 568; 2 (2) — 81, 128, 146, 157, 174, 177, 370, 392, 407, 423, 428, 433–436, 463, 465, 489; 3 — 98, 132, 152, 172, 194, 207, 218, 239, 279, 314, 406, 519, 523, 524, 542, 557, 583, 599, 615, 616, 632, 633, 649, 731, 734, 746; 4 — 223, 242, 245, 290, 378, 422, 469–472, 548, 552; 5 — 64, 67, 156, 240, 248, 249, 270, 271, 351, 537, 685, 747, 757, 758, 775; 6 — 7, 104, 105, 164, 168, 201, 282, 315, 322, 328, 346, 348, 354, 362, 392, 419, 495, 550, 583
 Шелдон Э. 3 — 581
 Шелли П.Б. 3 — 54, 115, 121, 162, 154, 197, 204, 560, 562, 563, 599; 5 — 258, 765; 6 — 391
 Шенгели Г.А. 2 (2) — 308; 5 — 199, 248, 728, 757
 Шенье А.М. 1 — 631; 5 — 48, 520; 6 — 203, 207, 323, 343, 344, 369–373, 477
 Шервинская А.С. 5 — 227, 748; 6 — 304, 570
 Шервинская Е.В. 2 (1) — 45, 445; 4 — 288
 Шервинские (семья) 1 — 930; 2 (1) — 445; 3 — 623; 4 — 545; 5 — 227
 Шервинский С.В. 2 (1) — 445, 446, 559, 561; 2 (2) — 45, 271, 353; 3 — 583; 4 — 288; 5 — 480, 749; 6 — 329, 345, 402, 593
 Шереметев Б. 3 — 657
 Шереметев Б.П. 1 — 432; 3 — 199, 203, 224, 263, 270, 272, 517, 568, 569, 602, 626, 634, 668, 688, 689; 4 — 212; 5 — 247, 710, 756, 766
 Шереметев Н. 3 — 657
 Шереметев Н.П. 3 — 569, 650
 Шереметев П.Б. 3 — 568
 Шереметев С.Д. 2 (1) — 548; 3 — 568
 Шереметевы (род) 2 (1) — 548, 3 — 203, 423, 567–569, 5 — 188, 224
 Шершеневич В.Г. 5 — 762
 Шестов Л. 5 — 663
 Шеталинский В. 5 — 503
 Шефнер В.С. 2 (2) — 299, 310; 5 — 326
 Шилейко А.В. 3 — 647
 Шилейко В.К. 1 — 849
 Шилейко В.К. 1 — 317, 326, 327, 365, 591, 592, 621–625, 631, 752–754, 830, 848, 849, 854, 856, 860, 867, 868, 875, 878, 884, 885, 926, 941; 2 (1) — 356, 484, 548; 2 (2) — 316, 441, 488; 3 — 215, 216, 246, 435, 530, 555, 569, 580, 647, 657, 689, 737; 4 — 180; 5 — 24, 27, 28, 60–62, 65, 101, 139, 224, 451, 458, 481, 530–533, 535, 708, 725, 756, 759, 778; 6 — 391
 Шилейко С.А. 1 — 849
 Шилейко Т.И. 3 — 647
 Шиллер И.Ф. 1 — 747, 926; 2 (2) — 439; 3 — 752; 5 — 451–452
 Шиллинг В.А. 3 — 281, 719; 5 — 29, 55, 320, 469; 6 — 299, 564
 Шилов Л.А. 2 (1) — 428
 Шимановская М. 6 — 136, 458
 Широков 2 (1) — 382
 Шишков В.Я. 1 — 890
 Шкловская В.В. 6 — 306, 573

- Шкловский В.Б. 1 — 642, 721;
2 (1) — 280; 3 — 228, 248, 252, 671;
5 — 155, 404—406, 524, 649;
6 — 573
- Шкловский И.С. 3 — 661; 5 — 400
- Шкотт, дачевлад. 5 — 222
- Шлегель Ф. 5 — 402, 403
- Шмерельсон Г. 1 — 890
- Шмидт, дачевлад. 5 — 99, 120, 123,
388, 596, 602
- Шмидт О.Ю. 2 (1) — 545
- Шмитт Ф. 2 (1) — 516; 3 — 629
- Шницлер А. 3 — 536, 543, 626
- Шолом-Алейхем 2 (1) — 286
- Шоломова М.Б. 5 — 608
- Шолохов М.А. 1 — 910; 3 — 397;
5 — 196
- Шопен Ф. 2 (1) — 217, 292, 559, 572,
604; 3 — 42, 93, 127, 167, 284, 288,
289, 355, 412, 521, 723, 728, 729, 5
— 786
- Шор, г-жа 3 — 693
- Шостакович Д.Д. 1 — 658; 2 (1) —
200, 259, 293—296, 375, 585—587;
2 (2) — 266, 375, 376, 495, 496;
3 — 120, 122, 151, 158, 235, 261, 263,
273, 276, 442, 596; 4 — 316, 425;
5 — 766; 6 — 294, 299, 308, 313,
323
- Шоу Дж.Б. 5 — 426
- Шпет Г.Г. 1 — 547, 548; 2 (1) — 488;
3 — 512; 5 — 43, 180, 511, 703, 704
- Штаммлер Х. 5 — 88, 572
- Штауберг А.Е. 1 — 768
- Штейман И. 3 — 548
- Штейн А.П. 2 (1) — 376
- Штейн С.В., фон 1 — 508, 509, 541,
542, 545, 546, 695, 697, 702, 715;
5 — 357, 396, 657, 753
- Штемпель Н.Е. 5 — 30, 50, 469
- Шток И.В. 2 (1) — 275, 279, 345,
346; 3 — 54, 228, 235, 249, 252, 513,
514, 520, 649, 671, 680
- Шток О.Р. 2 (1) — 275, 279, 280;
3 — 513, 514
- Штраус Р. 3 — 629
- Шуберт Ф. 2 (1) — 293; 2 (2) — 172,
458; 5 — 33, 478
- Шувалов А.И. 5 — 540, 541
- Шувалов П.А. 6 — 462
- Шувалова Ф.И. 6 — 139, 462, 463
- Шуйские (род) 2 (2) — 397
- Шульц Г.Ф. 5 — 132
- Шульц, фрау 5 — 396
- Шуман Р. 2 (1) — 293, 615, 625;
3 — 219, 221, 222, 537, 662, 663,
676, 725; 5 — 786
- Шумовский 5 — 383
- Шустов Н. 3 — 628
- Шухардина Е.И. 1 — 938; 2 (2) —
396, 397; 5 — 167—171, 180, 216—
217, 222, 338, 362, 365, 397, 693,
694, 738

Щ

- Щеглов А.В. 2 (1) — 329—331;
6 — 386, 591
- Щеглов И. 6 — 381
- Щеголев П.Е. 1 — 631, 780, 878;
5 — 76, 154, 549, 682; 6 — 178, 212,
217, 228, 235, 236, 240, 257—261,
264, 274, 383, 399, 499—502, 504,
506, 507, 509, 514, 516, 517, 520,
521, 523—525, 527—529, 531, 538—
540, 542—545
- Щеголева В.А. 1 — 387, 878;
4 — 182; 5 — 76, 81, 82, 154, 224,
549, 550, 556
- Щеголевы, семья 5 — 227
- Щепкина-Куперник Т.Л. 3 — 599
- Щербаков Р.Л. 1 — 687; 3 — 471

Э

- Эберс Г.М. 3 – 575
 Эвентов И.О. 2 (1) – 374
 Эдисон Т.А. 5 – 12, 237
 Эдуард I Плантагенет 3 – 562
 Эйдельман Н. 6 – 531
 Эйзенштейн С.М. 2 (1) – 379, 526
 Эйнауди Д. 5 – 96, 133, 150, 197, 234, 663, 759
 Эйфель А.Г. 1 – 500; 5 – 14, 18, 164, 179, 218, 250, 365, 430
 Эйхенбаум Б.М. 1 – 596, 599, 614 – 616, 636; 2 (1) – 362–364, 384, 385; 5 – 38, 87, 97, 247, 488, 524, 605, 738; 6 – 322, 330, 370, 397
 Эккерман И.П. 5 – 375
 Эксекий 3 – 636
 Эксузович И.В. 1 – 947; 2 (1) – 548
 Экстер А.А. 1 – 38, 708, 709, 717, 718; 5 – 15, 75, 433, 447, 617
 Элиасберг К.И. 3 – 597
 Элиот Т.С. 1 – 500; 2 (1) – 576; 2 (2) – 378; 3 – 641, 688; 5 – 162; 6 – 322, 327, 333, 335
 Эллис 3 – 751
 Эль Греко Д. 3 – 195, 642; 5 – 211, 736
 Эльзон М.Д. 5 – 627
 Эльснер В.Ю. 1 – 552, 811
 Эмерсон Р.У. 2 (1) – 563
 Энгельгард Н.А. 5 – 644
 Энгельгардт Б.М. 2 (1) – 348
 Энгельгардты (семья) 2 (1) – 349
 Энри И. 5 – 592
 Эрдманн-Паидзич Э. фон 3 – 510–511
 Эредиа Х.М. 5 – 138, 143, 144, 614
 Эренбург И.Г. 1 – 568, 649; 2 (1) – 317, 342, 359, 367; 2 (2) – 281, 282; 3 – 704; 5 – 16, 47–48, 58, 430, 433–435, 447, 712, 713, 783
 Эрисман Ф.Ф. 2 (1) – 346
 Эсхил 3 – 720
 Эткинц Е. 2 (2) – 311; 5 – 527
 Эфрон А.С. 1 – 928, 930; 2 (2) – 269; 3 – 441, 442
 Эфрон Г.С. 1 – 928; 2 (1) – 281, 303; 3 – 691
 Эфрон С.Я. 1 – 928, 930; 3 – 686, 700
 Эфроны, семья 5 – 453
 Эфрос А.М. 1 – 641, 883, 884, 885; 2 (1) – 275, 349, 359; 3 – 619; 5 – 531, 723, 777
 Эшлиман Ф. 5 – 212, 737

Ю

- Ювенал Д.Ю. 3 – 527
 Юзефович М.В. 6 – 176, 482
 Юлиан Отступник 1 – 481, 942, 943
 Юн Сон До 2 (2) – 264, 266; 5 – 260
 Юнгер В.А. 5 – 32, 475, 477
 Юркун Ю.И. 1 – 755; 3 – 544, 613; 5 – 29, 465, 471
 Юрьева И.Д. 2 (1) – 286; 3 – 262
 Юстиниан I 3 – 706
 Юсупов Ф.Ф. 3 – 485

Я

- Яворский Б.Л. 2 (1) – 292
 Ягдфельд Г.Б. 2 (1) – 376
 Ягода Г.Г. 1 – 455, 651, 916; 5 – 42, 507
 Языков А.М. 6 – 428
 Языков Н.М. 6 – 29, 39, 427, 452, 553
 Языков П.М. 6 – 428
 Якобсон, антрепренер 5 – 227
 Якобсон А.А. 5 – 69, 540; 6 – 304, 570
 Якобсон Р.О. 5 – 154, 155, 681, 760
 Яковлев А.Б. 3 – 704
 Яковлев Б. 6 – 600
 Яковлев М.Л. 6 – 181
 Яковлев Н.В. 6 – 46, 447
 Яковлева А.Р. 1 – 522; 6 – 192
 Яковлева Т.А. 5 – 155, 682
 Яковлева-Шапорина Л.В. 2 (1) – 385, 392; 3 – 407
 Якубов К. 2 (1) – 289
 Якубович Д.П. 6 – 63, 206, 440
 Якубовский Б.В. 1 – 698
 Якушкин В.Е. 6 – 44
 Якушкин П.И. 6 – 432
 Ямпольский И.Г. 1 – 698
 Ян В.Г. 2 (1) – 264, 275, 303, 304, 515
 Яновский В.С. 5 – 628
 Яншин М.М. 5 – 681
 Ярмуш М.Ю. 2 (2) – 303, 476; 6 – 304, 570
 Яровая В. 5 – 122, 652
 Ярослав Мудрый 1 – 190, 785; 3 – 701; 5 – 75, 376, 546; 6 – 455
 Ярцев Г.А. 1 – 663; 2 (1) – 334
 Ясинский И.И. 5 – 530
 Яхонтов В.Н. 2 (1) – 286
 Яшвили П.Д. 5 – 264, 265, 490, 770–774
 Яшен К. 2 (1) – 288
 Яшин М.И. 6 – 509

В

- Вегин 3 – 265
 Berlin I. см. Берлин И.
 Blot см. Бло Н.
 Bowra см. Боура М.
 Bowra С.М. 2 (1) – 337
 Browning R. см. Браунинг Р.

С

- Cornford F. 2 (1) – 337
 Cournot J. 2 (1) – 337

D

- Di Sarra 2 (1) – 610; 5 – 86, 143, 181, 184, 194, 196, 569, 705

Е

Einaudi см. Эйнауди Д.

Eng-Liedmeier J. van der 1 — 896;
3 — 653

G

Gay S. 6 — 72

Guillen J. 5 — 319

Н

Harkins W. 5 — 725

К

Kamkin V., изд. 5 — 416

Keats J. см. Китс Д.

L

Laffitte см. Лаффит С.

Lamballe de см. Ламбаль М.Т.Л. де

Р

Payne R. 5 — 198, 512, 726

Q

Quasimodo S. 5 — 319

R

Ripellino A.M. 2 (1) — 610; 5 — 86,
569

Rousselot J. 6 — 323

S

S. 4 — 277

Saba U. 5 — 319

Salaman E.P. 2 (1) — 337

Sbarbaro C. 5 — 319

Shelly G. 2 (1) — 337

Sinisgalli L. 5 — 319

Strakyovsky L. 2 (1) — 609

Supervielle J. 5 — 319

Т

Theuriet A. 4 – 468

Thomas D. 5 – 319

Tzaro T. 5 – 319

V

Valeri D. 5 – 319

Valery P. см. Валери П.

Verheul K. 1 – 896; 2 (1) – 501;

3 – 653

Viereck P. см. Вирек П.

УКАЗАТЕЛЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ
И БИБЛЕЙСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

А

- Аарон 1 – 753
 Ависага 5 – 756
 Авраам 2 (1) – 607; 3 – 528, 633
 Аграфена (Купальница-Аграфена), св.
 1 – 135, 500, 752, 754, 834; 4 –
 65, 477, 480, 482
 Адам 1 – 886; 2 (2) – 400; 3 – 761;
 5 – 90, 91, 96, 102, 113, 121, 377,
 616, 707
 Алконост 1 – 886
 Аллах 1 – 439; 4 – 341
 Аммон 3 – 633
 Амур 1 – 951; 2 (2) – 439; 3 – 47,
 105, 141, 184, 540, 541
 Ананке 3 – 220, 664
 Андрогин 5 – 660
 Анна 6 – 340, 600
 Антигона 2 (1) – 617; 2 (2) – 75,
 365; 3 – 281, 720; 5 – 404
 Антихрист 2 (2) – 301
 Аполлон 1 – 246, 710, 794, 815, 816,
 3 – 759; 4 – 104; 6 – 536
 Ариадна 3 – 334, 756
 Ариман 3 – 630
 Артемида 3 – 477
 Афродита 1 – 30; 3 – 477, 632, 634;
 6 – 464

Б

- Богородица (Богоматерь, Божья Ма-
 терь, Дева Мария, Пресвятая Дева)
 1 – 180, 198, 356, 363, 387, 443,
 759, 785, 808, 866; 2 (1) – 584; 2
 (2) – 292, 382; 3 – 28, 398, 399,
 402, 478, 498, 667, 683; 4 – 107,
 182, 192, 256, 336; 5 – 80, 229, 534,
 554, 631, 736
 Борей 3 – 208, 650

Вахх **6** — 464

Варрава **1** — 897; **2** (2) — 138, 415,
417

В

Венера **1** — 553, 628; **2** (2) — 301,
3 — 47, 105, 141, 184, 247, 286, 540,
550, 632; **6** — 366

Вишну **6** — 598

Г

Гавриил, архангел **3** — 46, 104, 139,
182, 431, 535

Гамаюн **1** — 40, 710, 711, 734

Гекуба **3** — 198, 250, 421; **6** — 351

Георгий Победоносец, св (Егорий)
1 — 251, 468, 818; **3** — 548, **4** — 199,
5 — 145

Геракл **3** — 205; **6** — 391

Гессер см. Гэсер

Гильгамеш **1** — 926; **3** — 205, 750;
6 — 391

Голиаф **2** (2) — 349

Гэсер (Гессер) **2** (1) — 74, 471; **3** — 205;
6 — 391

Д

Давид, царь **1** — 135, 261, 535–536,
600, 755, 789, 797, 800, 820,
2 (1) — 463, 502; **2** (2) — 42, 159,
346–350, 442; **3** — 410, 531;
4 — 65, 104, 365, 380, 446, 447,
5 — 756

Далила **1** — 885

Дафнис **1** — 528, 740, 758; **3** — 512,
5 — 758

Деметра **2** (1) — 555

Демон **2** (1) — 519, 524; **2** (2) — 383,
474; **3** — 217, 229, 267, 270, 281,
284, 535, 547, 627, 713, 725,
4 — 309, 312, 544, 549, 550, 551,
554, 557; **5** — 548, 549

Дерринаут (Джерринаут) **6** — 332,
598

Диана **1** — 942; **3** — 172, 628

Дидона **2** (1) — 569, 622; **2** (2) — 134,
300, 348, 368–371, 401, 412, 423;
3 — 334, 756; **4** — 367, 378, 449,
552, 554, 561; **5** — 192, 230, 323,
404; **6** — 333

Дионис **2** (1) — 23, 244, 425, 622,
624; **3** — 630, 759; **4** — 267, 354,
432

Дриада **3** — 721

Дьявол (Сатана) **1** — 42, 392, 817,
824, 836, 881, 882; **2** (2) — 488;
3 — 219, 250, 525; **4** — 516

Е

Ева **1** — 886; **2** (2) — 400; **3** — 358,
761; **5** — 55, 90, 91, 96, 102, 121, 377,
595

Европа **2** (1) — 186, 582; **4** — 216,
326, 438

Екатерина, св. **1** — 218, 796; **4** — 167,
203; **5** — 466

Елена Прекрасная (Троянская) **3** —
178, 632–634; **5** — 389, **6** — 128,
449, 450

З

Зевс 1 — 880; 2 (1) — 582; 3 — 593,
634, 720; 6 — 450

И

Иаир 1 — 732

Иаков, апостол 1 — 375, 799, 872,
873; 4 — 180, 181; 5 — 136, 652

Иван Купала 1 — 500, 501; 5 — 164,
179, 221, 250, 690

Иегова 3 — 586

Иеремиа, пророк 2 (2) — 149, 424,
425

Иессея 2 (2) — 348

Иисус Навин 3 — 496

Иисус Христос 1 — 114, 443, 732,
759, 797, 811, 812, 817, 897,
2 (1) — 114, 127, 130, 502, 521, 572,
575, 584; 2 (2) — 417, 424; 3 — 28,
94, 128, 168, 290, 387, 398, 399,
478, 479, 491, 549, 570, 581, 597,
623, 640, 756; 4 — 50, 115, 142, 299,
304, 308, 310, 410, 412, 413, 510,
569; 5 — 48, 177, 352, 534, 535, 561,
700; 6 — 340, 600

Илья, пророк 1 — 345, 860; 2 (1) — 584;
6 — 39, 49, 326, 592

Илья Муромец 3 — 705

Иоанафан 2 (2) — 349

Иоанн Богослов, апостол 1 — 798,
799, 803; 2 (1) — 462, 502, 572,
573, 575; 3 — 478, 496, 570, 597,
750

Иоанн Креститель (Предтеча; пророк
Иоканаан) 2 (1) — 124, 192, 516,
550; 2 (2) — 412; 3 — 172, 203, 242,
247, 353, 626, 627, 630, 632, 676,
758; 4 — 293

Иов 2 (1) — 618

Иоиль 3 — 586

Иокаста 3 — 720

Иосиф 2 (2) — 445

Иофам 2 (1) — 460

Ипполит 3 — 353, 752

Иродиада 2 (1) — 516; 3 — 629

Исаак 2 (1) — 607

Иуда Искарот 1 — 800; 2 (1) — 521,
523; 5 — 87, 106, 571

К

Канафа 6 — 340, 600

Каин 5 — 622

Каллиопа 3 — 144, 186, 282, 593

Кассандра 3 — 250, 421; 5 — 404,
478, 479

Кифаред см. Аполлон

Клио 3 — 144, 186, 282, 451, 593

Кришна 6 — 598

Крон 3 — 634

Купидон 2 (2) — 439

Л

Лаван 1 — 375, 376, 873; 4 — 181

Ланиш 2 (2) — 350

Лай 3 — 720

Лаокоон 1 — 427, 901; 4 — 214

Леда 1 — 692; 3 — 634

Лель 2 (2) — 158, 438, 439; 4 — 309,
413, 6 — 475

- Лилит **2 (2) — 42; 4 — 365, 447; 5 — 90, 115, 121, 377, 388**
 Лия **1 — 375, 376, 872; 4 — 181**
 Лот **1 — 402, 640, 655, 872, 883, 887, 888, 900; 2 (2) — 345, 348; 3 — 178, 203, 250, 632, 633, 512, 517; 4 — 521, 522, 525; 5 — 140, 145, 207, 224; 6 — 326, 592**
 Лука **1 — 732, 811; 5 — 522, 561, 709**
 Люцифер **1 — 529; 3 — 706**

М

- Мардук **3 — 454, 455**
 Мария Магдалина **1 — 177, 250, 443, 780, 817, 910, 911; 2 (1) — 584; 3 — 28, 398, 405; 4 — 256, 336**
 Марк, апостол **1 — 732, 737, 738, 811, 812, 817**
 Матфей, апостол **1 — 811, 812, 898; 2 (2) — 367, 3 — 479, 581, 623; 5 — 522, 561, 709**
 Мелхола **1 — 872, 887; 2 (2) — 42, 345, 347–350; 4 — 365, 446, 447, 512, 517, 549–551, 553, 561; 5 — 192**
 Мельпомена **3 — 144, 186, 282, 450, 593**
 Менелай **3 — 634; 6 — 450**
 Мерова **2 (2) — 349**
 Минос **3 — 756**
 Минотавр **3 — 756**
 Михаил, архангел (Михаил Архистратиг) **1 — 208, 752; 4 — 108; 5 — 529**
 Мнемозина **2 (2) — 299; 3 — 593**
 Моав **3 — 633**
 Моисей **1 — 753, 789, 872, 887, 889**
 Мойра **3 — 664**
 Молох **3 — 586**
 Морфей **5 — 450**
 Муза **1 — 79, 183, 205, 218, 219, 238, 241, 247, 273, 361, 364, 369, 403, 410, 429, 500, 569, 570, 580, 581, 596, 600, 656, 657, 668, 728, 729, 739, 892, 943; 2 (1) — 207, 594, 627; 2 (2) — 74, 83, 84, 286, 300, 306, 316, 317, 365, 373, 374, 402, 3 — 32, 334, 340, 411, 453, 477, 495, 561, 593, 722, 759; 4 — 25, 80, 88, 90, 98, 105, 168, 189, 194, 203, 204, 219, 261, 317, 328, 355, 383, 400, 452, 461, 463, 465, 466, 468, 473, 487, 492, 497, 499, 500, 521, 522, 524, 526, 528, 545, 561, 567; 5 — 46, 140, 145, 169, 224, 597, 739; 6 — 7, 157, 303, 346, 347, 403, 451**

Н

- Наяда **1 — 528; 5 — 602**
 Нептун **2 (2) — 214**

О

- Олоферн **1 — 874, 885; 3 — 353**
 Орфей **2 (1) — 581, 582; 3 — 353, 759; 5 — 530**

П

- Павел, апостол **1 — 800, 833, 3 — 391, 549**
 Пан **1 — 692; 2 (2) — 386; 3 — 524; 5 — 794**
 Пантелеймон, целитель **2 (1) — 584**
 Парка **6 — 451**
 Пегас **1 — 660; 3 — 390, 394; 5 — 202**

- Петр, апостол **1** — 287, 799, 812;
3 — 479, 499, 597; **5** — 87, 104, 106,
 571
 Пифон **6** — 536
 Плутон **2** (1) — 555
 Полиб **3** — 720
 Полигимния **3** — 144, 186, 282, 593
 Понтий Пилат **1** — 423, 658, 897,
 898; **2** (2) — 417; **3** — 570; **4** — 210,
 338, 391, **6** — 340
 Прозерпина **2** (1) — 172, 555
 Прометей **5** — 505
 Протей **6** — 450
 Психея **1** — 692, 865, **3** — 94, 128,
 168, 258, 262, 265, 286, 288, 289,
 308, 537, 580, 714, 729; **4** — 221

Р

- Рахиль **1** — 375, 376, 867, 868, 872,
 873, 887; **2** (2) — 345, 348;
4 — 180, 181, 512, 517, 521, 522, 525
 Русалка **1** — 56, 73, 132, 299, 300,
 526–527, 714; **5** — 89, 91, 93, 98,
 113, 114, 119, 137, 141, 342, 574, 596

С

- Савл, см Павел, апостол
 Саломея **2** (1) — 516; **2** (2) — 134,
 412; **3** — 172, 629, 632, 633;
4 — 367, 449; **5** — 12
 Самсон **1** — 885
 Саул **2** (2) — 42, 347, 348–350;
4 — 365, 446
 Святогор-богатырь **2** (2) — 404
 Серафим **1** — 184, 205, 248, 323, 334,
 737
 Симон **5** — 561
 Сирена **1** — 270
 Сирий **1** — 92, 734
 Соломон, царь **1** — 222, 797, 800;
2 (1) — 560; **4** — 92; **5** — 514, 756;
6 — 28, 426
 София, св. **1** — 271, 824; **4** — 202;
5 — 75, 546

Т

- Талия **3** — 144, 186, 282, 593
 Тезей **3** — 752, 756
 Терпсихора **3** — 144, 186, 282, 593
 Тямат **3** — 455

У

- Ундина **1** — 526
 Уран **3** — 634
 Урания **3** — 144, 186, 282, 593

Ф

- Фавн **3** — 216, 280, 721
 Фалтий **2** (2) — 350
 Фата-Моргана **3** — 223, 666
 Феб **5** — 450
 Федра **3** — 321, 752; **5** — 62, 473,
 535
 Феникс **2** (1) — 194; **3** — 455;
4 — 317, 452
 Филомела **6** — 483
 Флора **3** — 543

Х

Харон 5 – 175, 698

Хлоя 1 – 528, 740, 758; 3 – 512;
5 – 758

Ц

Церера 2 (1) – 555

Э

Эбани 1 – 466, 925, 926; 4 – 228,
252, 313, 397; 6 – 392

351, 720; 4 – 328, 440, 558, 572;
5 – 480, 676

Эвридика 2 (1) – 196, 577, 581; 4 –
216, 326, 438

Эней 2 (1) – 568; 622: 2 (2) – 81,
128, 369–371, 392, 401, 407, 412;

Эвтерпа 1 – 815; 3 – 144, 186, 282,
593

3 – 756; 4 – 378, 379, 422

Эвфорин 6 – 450

Энкиду см. Эбани

Эдип 1 – 901; 2 (1) – 519, 520; 2 (2)
– 75, 362, 364, 365, 369; 3 – 281,

Эол 3 – 548

Эрато 3 – 144, 186, 282, 593

Эрос 2 (1) – 349

Ю

Юдифь 1 – 819, 873, 874, 885;
2 (2) – 510

Я

Ярило 3 – 721

СОДЕРЖАНИЕ

«Я ВСЮ ЖИЗНЬ ЧИТАЮ ДАНТЕ...»	5	401
Данте	7	401
ПУШКИНСКИЕ ШТУДИИ	11	408
Последняя сказка Пушкина	13	408
Комментарий «Сказка о золотом петушке» и «Царь увидел пред собой...»	44	432
«Адольф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина	56	435
«Каменный гость» Пушкина	97	443
<Фрагменты>	118	446
Болдинская осень (8-я глава «Онегина»)	129	451
О XV строфе второй главы «Евгения Онегина», о мании преследования (хандре), посвящении в шпионы (о «мнимой дружбе») и первом слое стихотворения «Вновь я посетил» («Милые южные дамы»)	147	468
Пушкин в 1828 году <Уединенный домик на Васильевском>	158	471
Пушкин и Невское взморье	184	482
Две новые повести Пушкина	196	488
Страницы из книги «Гибель Пушкина»	210	498
<Две версии>	239	529

<Пушкин в семейной переписке Карамзиных>	241	529
<«Моя родословная»>	245	530
Наталья Николаевна	247	532
Александрина	253	536
Выступление на радиомитинге в г. Пушкине		
11 июня 1944 года	271	545
<Пушкин и дети>	272	545
Слово о Пушкине	274	545
ЛЕРМОНТОВ	277	546
Все было подвластно ему	279	546
Заметка на полях	282	551
<Из набросков к статье «Заметка на полях»>	286	553
ИЗ ДНЕВНИКОВ (1958–1966)	289	555
Светлана Коваленко. «Скоро я выйду на берег счастливый» (Литературные и биографические контексты Анны Ахматовой)	341	—
Комментарии	393	—
Указатели	601	—
Указатель имен	601	—
Указатель мифологических и библейских персонажей	659	—

Список опечаток, замеченных в т. 1—5

Том 1

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
428	3 снизу	мо мной	со мной
632	18 сверху	Вашингтоне Ирвине	Вашингтоне Ирвинге
696	17 снизу	Вяч. Ивановна	Вяч. Иванова
697	3 снизу	С. 623—624,	С. 623—624, публикация Э. Г. Герштейн

Том 2 (1)

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
341	10 снизу	Колотовов М.	Калатовов М.
364	13 снизу	1948	1946

Том 2 (2)

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
270	2 снизу	Болдырев А.Н.	Болдырев А.И.
270	10 снизу	А.Н. Болдыреву	А.И. Болдыреву

Том 3

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
182	14 снизу	с Командиром	с Командором
523	1 сверху	Г. Герцык	А. Герцык
685	8 снизу	245	243
686	1 сверху	245	243
686	4 сверху	245	243
748	10 снизу	334	315

Том 4

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
159	1 снизу 9	в мой	в твой
164	снизу	розу	розе
223	2 сверху	figer	fige
236	1 сверху	мне	мною
297	7 сверху	и не с кем	не с кем
302	6 снизу	Мы тобою	Мы с тобою
510	9 снизу	24	35
591	19 сверху	466	446
648	12 сверху	59	69

Том 5

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
12	5 снизу	Ргарае	Раарай
17	3 снизу	(сноска)	(перенести на стр. 8)
19	3 сверху	Fleugis	Fleuges
29	12 сверху	смущения	смущенья
48	3 сверху	Козмина	Козьмина
58	5 сверху	эта	это
58	13 сверху	эти	этим
79	4 снизу	его телефону	его по телефону
91	13 сверху	Эзбекские	Эзбекие
93	8 сверху	велела	вела
98	13 снизу	stile	style
105	6 сверху	stile	style
140	4 снизу	не самих	не самых
170	13 снизу	эти-то	этим то
193	1 сверху	хулимы	хулимые
193	12 снизу	было	была
193	7 снизу	помогавшим	помогавших
257	3 снизу	Варужан	Варужана
383	4 снизу	«Мы	мы
391	1 снизу	(сноска)	(перенести на стр 392)
396	2 сверху	было	была
400	6 сверху	мадригалий	маргиналий
400	9 сверху	Б. Шкловского	И Шкловского
423	6 сверху	Лучше	Лучшие
431	11 сверху	кантоминация	контаминация

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
431	11 сверху	кантоминация	контаминация
436	4 снизу	В Жаботинский и др	В Жаботинский, И Эренбург и др
441	2 снизу	le	de
442	8 снизу	кангоминации	конгаминции
445	2 сверху	1824—1964	1824—1864
460	1 снизу	А. Бахраку	А. Бахраху
461	9 сверху	1974—1975	1994—1995
464	3 снизу	— В. Чернявским	с В Черняжским
470	7 сверху	Г.А. Струве	Г П. Струве
486	7 сверху	«Дни и труды»	«Труды и дни»
512	4 сверху	1881—1953	1891—1953
519	7 снизу	Козмин	Козьмин
523	8 снизу	сергей	Сергей
523	2 снизу	«Ахматова, Паллада, Саломея»	55 «Ахматова, Паллада, Саломея»
525	1 сверху	камерные	каменные
526	12 снизу	Козмина	Козьмина
527	11 снизу	Finish	Finis
542	12 сверху	кангоминирован	контаминирован
549	4 сверху	улыбкою	улыбкой
552	8 сверху	книжные	книжки
554	8 снизу	Грем	Грэм
562	2 сверху	любви ль	любви
573	8 снизу	прорыву	порывам
590	8 снизу	sauche tag	sauchetag
607	1 сверху	1934	1884
613	16 сверху	отношения	отношений
615	15 сверху	знаменитая	знаменитой
618	12 снизу	открыл	отрыл
647	11 сверху	которого	которых
654	10 снизу	Движение	движение
654	5 снизу	Перед	Преодо
662	8 снизу	совершившийся	совершающийся
663	9 снизу	Богомолов А.	Богомолов Н А
667	8 сверху	«Крестом и розой»	«Розой и крестом»
699	5 снизу	приведших	приведшие
722	2 снизу	и тем	с тем
728	4 снизу	—	— поэт,
732	8 сверху	1884—1965	1845—1918
735	7 сверху	Чурленис	Чюрленис
736	3 сверху	обобщения о духовном возрождении человека	обобщения духовного возрождения человека

Страница	Строка	Напечагано	Следует читать
738	5 сверху	Эйхенбаум В.	Эйхенбаум Б.
739	4 сверху	Кантоминации	Контаминации
750	12 сверху	262	234
754	9–10	Эвтерпа	Эвтерпа
756	сверху	1, 15	1, 3–4
760	3 сверху	О.Л. Делла-Вос-	О.Л.Делла-Вос-
	10–11	Кардовской О.Л.	Кардовской
	сверху		

-
- Ахматова А.**
- А 95** Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Данте. Пушкинские штудии. Лермонтов. Из дневников/Сост., подгот. текста, коммент., статья С.А. Коваленко. — М.: Эллис Лак 2000, 2002. — 672 с.

ISBN 5-88889-015-4 (т. 6)

В шестой том вошла проза Ахматовой о Данте, А.С. Пушкине («Пушкинские штудии»), М.Ю. Лермонтове, а также фрагменты ее дневниковых записей.

УДК 882А1-14
ББК 84Ря44

~ ~ ~

Ахматова Анна Андреевна

Собрание сочинений в шести томах

Том шестой

Редактор *Т.А. Горькова*

Художественный редактор *В.Н. Сергутин*

Корректор *Е.И. Коротаева*

Компьютерная верстка — *А.Б. Метелкин*

Подписано в печать 20.12.2001
Формат 84×108^{1/32} Бумага офсетная. Гарнитура «Академическая»
Печ л 21 Усл печ л 35,28 Тираж 10 000 экз
Заказ № 3000

ЛР № 01716 от 05.05.2000.

Издательство «Эллис Лак 2000»
123242, Москва, Красная Пресня, д. 6/2, к. 16
Тел. 254-74-72. Факс: 254-26-11

ISBN 5-88889-015-4

9 785888 890158

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГУПП «Детская книга» МПТР РФ
127018, Москва, Сущевский вал, 49

